Алексей КСЕНДЗЮК

ТАЙНА КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

анализ магического знания дона Хуана: теория и практика

Алексей Петрович Ксендзюк

ТАЙНА
Карлоса Кастанеды
Анализ магического знания дона Хуана: теория и практика

Данная работа посвящена систематическому описанию и анализу магического знания дона Хуана, изложенного в девяти книгах известного американского оккультиста Карлоса Кастанеды. Читатель познакомится с философскими и психологическими предпосылками этого оригинального учения, а также с практической методикой, позволяющей достичь удивительных результатов.

Книга рассчитана на всех, интересующихся проблемами духовного развития и современным состоянием мировой оккультной мысли.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Систематический анализ учения индейского мага дона Хуана Матуса и его последователей, о котором повествует в своих книгах известный американский антрополог Карлос Кастанеда, на русском языке осуществлен впервые. Читатель имеет возможность ознакомиться с магическим знанием необыкновенных масштабов и исключительной оригинальности. Автор исследования упорядочил информацию, изложенную Карлосом Кастанедой в девяти книгах, изданных к настоящему моменту, применяя ту последовательность, к которой склонялся сам дон Хуан в процессе обучения. Основополагающие моменты рассматриваются здесь в широком контексте современной философской, оккультной и психологической мысли. Читатель сможет понять, в чем заключается принципиальное отличие учения дона Хуана от всех остальных мистических практик и доктрин, почему мы можем говорить о данном знании как о решающем прорыве в неведомое, - прорыве, еще не встречавшемся в иных подходах к постижению магической действительности.

Разнообразные и необычные практические приемы, используемые индейскими магами данной традиции, рассмотрены в полной мере как с точки зрения психологических особенностей, так и с позиции энергетических способностей человеческого существа. Вы сможете убедиться, что самые удивительные и неправдоподобные феномены магии не являются невозможными. Даже такие явления, как телепортация, материализация или изменение облика (в том числе превращение в иные живые формы) оказываются достижимыми и рассматриваются как особое искусство управления своим энергетическим потенциалом. И именно дон Хуан в трудах Кастанеды впервые открывает нам невиданный источник могущественной энергии, скрытый внутри нас самих.

Книга обильно снабжена цитатами из произведений как самого Кастанеды, так и виднейших философов, мистиков, оккультистов современности, что позволит читателю ясно проследить, в каких аспектах учение дона Хуана согласуется с достижениями мировой культуры, а также где и каким образом оно ведет дальше, к немыслимым высотам человеческого духа.

Прочитав эту книгу, вы узнаете, в чем заключаются особенности восточных типов медитации, почему они могут быть опасны и ведут к совершенно иным результатам в сравнении с системой дона Хуана, почему опыт, приобретенный последователями Кастанеды, так сильно отличается от переживаний адептов индо-буддистского

мистицизма, в чем причина некоторых заблуждений нынешних экстрасенсов и многое другое.

Данная работа является результатом многолетних исследований автора и опирается не только на теоретический базис, но и на практическое освоение исходных положений дон-хуановской методики.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
Часть 1. Описание мира
Глава 1. Тональ и нагуаль
1. Res integra
2. Описание мира: истинная пара
3. Ветер нагуаля
4. Озабоченность и свобода
Глава 2. Сотворение тоналя
1. Сны разума
2. В плену языка
3. "Делание"
Глава 3. "Безумные речи" дона Хуана
1. Кое-что о пользе надувательств
2. Сила безвестности
3. Мир рушится
Глава 4. Прорыв к нагуалю
1. Безмолвие
2. Растения силы
3. "Неделание" и остановка мира
Часть II. Воины нагуаля
Глава 5. Великое воинство толтеков
1. Антропологические древности (истоки).
2. Светящаяся сущность воина
3. "Щиты" внимания
4. Точка сборки
5. Двуликий Янус
Глава 6. Безупречность
1. Путь воина
2. Фундамент безупречности: три победы воина
а) Страх смерти
б) Чувство собственной важности
в) Жалость к себе.
3. Беспристрастие
4. Переход в безличное
Глава 7. Сновидение и сталкинг
1. Внимание сновидения
2. "Смертельная игра"
3. Контролируемая глупость
4. Сталкинг сталкеров
Часть III. Реальность нагуаля

Глава 8. Вселенная Орла
1. Видение Орла
2. Эманации Орла
3. Намерение.
Глава 9. Миры сновидения
1. Тело сновидения
2. Врата сновидения
3. "Союзники"
Глава 10. Непостижимое. Свобода
Заключение

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Работая над этим исследованием, автор прибегал к мыслям и идеям многих философов, исследователей и ученых, предоставивших своими трудами богатый материал для анализа, раздумий и сопоставлений. Хочу с благодарностью помянуть хотя бы некоторых из них:

Блумер Г.
Бэндлер Р.
Вейль С.
Витгенштейн Л.
Гегель
Гриндер Дж.
Кришнамурти Дж.
Лилли Дж.
Малявин В.
Мамардашвили М.
Маритен Ж.
Мердок А.
Меррел-Вольф Ф.
Павитра Парсонс Т.
Сведенборг Э.
Судзуки Д. Т.
Сэпир Э.
Тайлор Э.
Трунгпа Чогьям
Уорф Б.
Фабри К.
Франкл В.
Хайдеггер М.
Хаксли О.
Хэвитт Дж.
Чжуан-цзы
Шелер М.
Шри Ауробиндо

В своей работе я также опирался на известную статью о Карлосе Кастанеде в журнале "Тайм", на его интервью С. Кину в "Сайколоджи Тудэй" и другие опубликованные воспоминания о встречах с этом замечательным человеком.

Каждая цитата из произведений Карлоса Кастанеды в предлагаемой работе снабжена указанием на источник. Информация об источнике приводится в скобках следующим образом: римской цифрой обозначается книга, арабскими цифрами через запятую - номера страниц. Страницы указаны в соответствии с русским переводом произведений Кастанеды, опубликованным издательством "София" (Киев).

Порядок обозначений:

"Уроки дона Хуана" - I
"Отдельная реальность" - II
"Путешествие в Икстлан" - III
"Сказки о силе" - IV
"Второе кольцо силы" - V
"Дар Орла" - VI
"Огонь изнутри" - VII
"Сила безмолвия" - VIII
"Искусство сновидения" - IX

Текст цитат приводится в редакции вышеуказанного издательства "София".

ВВЕДЕНИЕ

> Как знать, что именуемое нами небесным не является человеческим? А именуемое человеческим не является небесным? Следовательно, должен быть настоящий человек, и тогда будет настоящие знание.
>
> Чжуан-цзы.

Мы будем говорить о тайне. Хотя с некоторых пор тайны такого рода все больше напоминают романтические саги экзальтированных менестрелей Галактики либо сексуальные фантазии одиноких и не в меру впечатлительных дам, либо литературный психоз в духе Стивена Кинга, - словом, тайна в нашу эпоху стала чем-то вроде яркого, но безвкусного шоу, где грубо сработанные из папье-маше куклы говорят возвышенно, многословно и умно, да только привести никуда не могут. Потому что они говорят о _снах_.

Галлюцинирующий мозг "контактера" генерирует самодельные тайны, чуткие ко всему новому экстрасенсы толкуют их психоэнергетически, колдуны чародействуют, а правоверные буддисты дремлют в своей беспредметной нирване... Мы поистине мифотворцы. Христос или Кришна, Космический Разум или Космическая же Любовь (а проще сказать, Космический Человек, ибо все это "слишком человеческое") для нас гораздо важнее подлинной непостижимой Реальности, о которую запросто разбивают лбы рафинированные сказочники-оккультисты.

И мы будем говорить о тайне именно _этой_ реальности - ее бледный, но неотступный свет лежит на могильной плите всех человеческих мифов; образ, конечно, неуютный, и нет поблизости сияющих гуру, одним взглядом своим дарующих блаженство... Просто истина - со своей свободой и красотой, со своей тоской и жестокостью. И со своей неизбывной

полнотой смысла. "Не любите сна, чтобы не обеднеть." Но все мы (или почти все) сладко спали столетия и столетия, не желая думать о предостережении библейского мудреца.

А хоронить миф - дело опасное и неблагодарное. Все эти истерики, все эти эмиссары гималайских махатм, что, подобно инквизиторам, одержимы происками дьявола (Братства Тьмы, например), все эти новоявленные экзорцисты - взвиваются хором, чтобы поносить "своемудрых", и даже не в тщеславии дело и не во власти над умами. _Человеческое_ восстает против _над-человеческого_, и подлинная причина бунта - страх.

Ну вот, подумает читатель, и проясняется понемногу, к чему клонит автор: сейчас мы услышим историю нового Мессии, который явно (по мнению писателя) заткнул за пояс всех предыдущих. _Нет_. Не будет никакого мессии, и аватаров не будет, и никакой высший Дух не водил моим пером, когда создавалась эта книга.

И все же речь пойдет о тайне - возможно, самой великой из тех, что когда-либо открывалась человеку. О тайне сокровенной и сумеречной стороны его существа, сумеречной именно из-за потаенности своей (затененности, позабытости, но не вредоносности, как поневоле желает думать тот, кто привык сражаться с "враждебными силами"). Именно трезвость ума, непредвзятость чувства, отрешенность от страхов и суеверий подводят нас к тому, чтобы _просто понять_, и тем самым, быть может, вернуть мистицизму его настоящее сердце.

Нет в нас ни инфернальной тьмы - родительницы пагубных и вредоносных сил, того воинства ада, что обращает человеческую природу ко злу; нет в нас и светозарных небес, чьей милостью возрождаемся мы к жизни высокой и вечной. Есть только бодрствующий дух, который и творит, и находит пути к подлинному развитию малопостижимого средоточия Силы - центру восприятия, сущностному "я". О том и говорит в латинском двустишии средневековый магик Корнелий Агриппа, оставшийся верным поиску объективной Истины:

_Nos habital non tartara, sed nec sidera coeli,
Spiritus in nobis qui viget, illa facit_.
(Не адские силы в нас пребывают и не светила небес,
А бодрствующий дух, который творит.)

1

Мы подавлены тяжестью мира. Его однозначная и утомительная структура порабощает нас, принуждая исполнять запрограммированное действо, имеющее всегда один сценарий: _выживание_. Это мироздание давно посерело и выцвело от многократного использования - мы отдаем ему свои жизни, бесконечно повторяя одну и ту же запись, одну и ту же программу, испытывая одни и те же чувства, надежды, ожидания. Мы тщательно прикидываемся, что верим в разнообразие ходов и непредсказуемость перспектив, но в сокровенной глубине знаем, что движемся одной-единственной тропинкой, сойти с которой у нас никогда не хватает духа.

И тогда, чтобы не умереть от скуки, мы сочиняем сказки - но далеко не всегда невинные. Мы их сочиняем, мы в них верим, мы живем ими - восторгаемся, грезим, страдаем, воюем ради них и убиваем, именно _убиваем_ друг друга. Как проницательно заметил бдительный автор прославленной "Агни-Йоги" (он-то, конечно, вещал о своем, но попал в самую точку): "Опасность одурения возрастает."

Потому мы и не хотим явления Мессии ("не мир я вам принес, но меч") и не хотим сладкозвучных колыбельных песен добросердечных старичков - доморощенных психотерапевтов, у которых санскритская Ананда так чудно рифмуется с Благодатью

Божией. Мы хотим живой, осязаемой Тайны - пусть бестрепетно отрешенной, нечеловеческой, но грандиозной. Нам необходимо _отрезвление истиной_.

И такое отрезвление (словно порыв свободного ветра, за которым - подлинное, а не мнимое бессмертие, здешнее и одновременно невообразимо далекое чудо, так не схожее со спиритуалистическими фокусами наших духовидцев!) не явилось, разумеется, с гималайских вершин, где блуждает высокий дурман Востока.

Открытие великой тайны и начало великого отрезвления восходит к лету 1960 года, когда некий Карлос Кастанеда, никому не известный и малопримечательный молодой человек, обладавший латиноамериканской внешностью и настырностью прирожденного янки, "в ту пору студент антропологии при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, предпринял несколько поездок на Юго-Запад с целью сбора информации о лекарственных растениях, используемых местными индейцами." (I, 5)

В те годы призрак психоделической революции уже нетерпеливо топтался на пороге скучного, вылизанного до тошноты жилища европейской культуры; в те годы примитивные племена со своими знахарями и колдунами были готовы взять реванш и хоть на миг сорвать с себя личину неполноценности, навязанную им самовлюбленными пришельцами; новые пророки, учителя и шарлатаны упражнялись в ЛСД-терапии - назревал бум. Древнее целительство - все эти кипящие в горшках корни и травы, завывания, шаманические пляски вокруг полночных кострищ - становилось медной штучкой. И вряд ли Карлос был единственным антропологом, кому припала охота поподробнее разузнать о _пейоте_ - кактусе семейства Lofofora, содержащем мескалин, один из сильнейших галлюциногенов, известных в наше время. Тем более, что исследования культа, связанного с этим растением, уже попадались ему на глаза. (В одном интервью К. Кастанеда сам ссылается на книгу _W. La Barre "The peyote cult"_.) Однако лишь он смог найти нечто действительно потрясающее, рядом с чем всякие "промывки мозгов" в стиле Тимоти Лири или "светящиеся существа" любителей сенсорной депривации (Дж. Лилли и др.) кажутся просто детской забавой безмерно скучающего человека.

Конечно, ему помог случай - по крайней мере, так думать легко и удобно. Хотя, кто знает? Ведь "небо не говорит", как любил повторять один очень древний даос.

Просто Карлос Кастанеда познакомился с доном Хуаном - индейцем племени яки, очень загадочным стариком, буквально заворожившим нашего антрополога. "После я стал навещать его, и примерно через год он сообщил, что решил передать мне то магическое знание, которое получил от своего учителя." (Из Интервью в _Psychology Today_.)

Все эти события теперь широко известны. Девять (!) книг, написанных Кастанедой, с завидным постоянством повествуют падкому на сенсации читателю о "магическом знании" дона Хуана. Понять такое знание непросто, ну, а принять со всей серьезностью - почти равносильно самоуничтожению.

"Объяснение магов, которое совсем не похоже на объяснение, является смертельным, - сказал он. - Оно кажется безвредным и очаровательным, но как только воин откроется ему, оно наносит удар, который никто не может отразить." (IV, 235)

И вовсе не ради красивых слов мы упомянули похороны мифа. Такого основательного удара по человеческому сознанию еще не наносил никто. И подчеркнуть это нам кажется особенно важным: всплеск интереса к "измененным состояниям сознания", ЛСД-путешествиям, восточным психотехникам породил в 60-е и 70-е годы целый поток научной, околонаучной и совсем не научной литературы. Это изобилие не столько восхищало, сколько настораживало: европейская культура ассимилировала новые веяния и конструировала новую мифологию. Кастанеда остался "одинокой птицей" в небесах своего безжалостного знания, и только миллионы красочно изданных книжек с его именем на

обложках по-прежнему раскупаются студентами с пылким воображением и прочими любителями "остросюжетной мистики".

Старый дон Хуан Матус нанес удар, но его попросту _не пожелали_ заметить.

"Понимание идет от разума. Но то, что делает возможным понимание, - это порыв бытия, а не разум," - говорили древние китайцы. Уже тогда они понимали, что разум и бытие разделяет пропасть. Дерзнувшие броситься туда находят либо смерть, либо вечную дорогу, где без устали ходит свирепый космический ветер.

2

Непонятным путем идет одинокий Карлос под шумные аплодисменты назойливых почитателей. Ведь он не философ и не мудрец, не создает церквей и не собирается спасать мир. Более того, он и сам толком не знает, какого океана коснулся и есть ли у него предел - только к берегу уже не пристать, хотя с рулем и ветрилами вроде бы все ладно. _Просто там нет надежды_. К чему возвращаться на пепелище? А чтобы собирать в таком положении апостолов, надо быть безответственным и легкомысленным честолюбцем.

И в полном согласии со своим учителем Хуаном Матусом Кастанеда стремится быть "неуязвимым". Чтобы дышать "космическим ветром" и не разлететься вдребезги, нужно стать по-настоящему "безымянным". ("Стереть личную историю", - говорил дан Хуан.) Вот почему мы можем узнать о Карлосе Кастанеде не слишком много.

И все же нет ничего удивительного в том, что "индейский оккультизм" дона Хуана (уникальный и очаровывающий, что бы там ни говорили разношерстные скептики, снобы, завистливые конкуренты) мог оказаться темой диссертации, защита которой принесла автору степень магистра, а книги его, как уже было сказано, стали модными бестселлерами не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире.

Первым бестселлером стала книга "Уроки дона Хуана" (1968). Вместе с другими - "Отдельная реальность" (1971), "Путешествие в Икстлан" (1972) и проч. - она превратила своего автора в кумира современной Америки. Эти книги главным образом повествуют о том, как рационалистически настроенный европеец воспринимает мудрость индейского мага. Действие в книгах Кастанеды развивается на протяжении десяти лет, в течение которых дон Хуан учит Карлоса, получившего академическое образование, своему сверхъестественному мастерству и таинственному знанию, которое должно помочь ему проникнуть в мир так называемой "отдельной реальности" мага. Учение о просветлении - теперь обычная тема и излюбленное чтиво наших "духовных искателей". Но все дело в том, что Кастанеда утверждает, будто его цикл о доне Хуане не вымысел, а документальная повесть безо всяких прикрас и преувеличений.

Журнал "Тайм" некогда так рассказывал эту историю: "...Добродушный пожилой колдун и его хорошо образованный в европейском духе ученик вначале нашли своих читателей среди молодых сторонников контркультуры, которых в первую очередь заинтриговало у Кастанеды описание применения растений, вызывающих галлюцинации: ядовитых кореньев, грибов и кактусов. - Было продано 300 000 экземпляров книги "Уроки дона Хуана". Иногда покупали до 16 000 экземпляров за неделю. Между тем, вскоре выяснилось, что книги Кастанеды не пропагандируют употребление наркотиков, и теперь этим учением увлеклись люди среднего возраста из благополучных слоев общества. "Путешествие в Икстлан" - небывалый бестселлер, который, по словам менеджера Кастанеды, Нэда Брауна, сделал автора миллионером."

Для десятков тысяч читателей, старых и молодых, первая встреча Кастанеды с доном Хуаном в 1960 году на автобусной остановке в пыльной Аризоне, недалеко от мексиканской границы, - более известное литературное событие, чем встреча Данте с

Беатриче. Но рассказывает ли правду Кастанеда в своих книгах? Если нет, то является ли дон Хуан вымышленным персонажем? (На самом деле это не так уж важно, но о проблеме подлинности кастанедовских книг мы еще поговорим.)

Лишь одно мы знаем наверняка. Нет сомнений в том, что Карлос Кастанеда (или человек, известный под этим именем) существует. Он живет и здравствует в Лос-Анджелесе. Его окружают конкретные "доказательства" его реальности: например, миниавтобус "Фольксваген", звание доктора на дверях его квартиры в Вествуде, собственный дом на побережье. Слава его тоже вполне реальна. Теперь ему трудно преподавать и читать лекции, особенно после инцидента, случившегося в студенческом городке Калифорнийского университета Ирвин, когда профессор Джон Валлас приобрел экземпляр "Путешествия в Икстлан", сравнил книгу с лекциями Кастанеды о шаманизме, после чего опубликовал результаты своего анализа в журнале "Пентхауз". Это так взбесило Кастанеду, что он напрочь отказался впредь читать какие бы то ни было лекции. Сейчас он живет в Лос-Анджелесе, совершенно уединившись и никого не допуская к себе. Время от времени он "восстанавливает" силы, уезжая на отдаленное плато к северу от Малибу. Плато окружено скалами, с него открывается вид на Тихий океан - "место силы", как его назвал бы дон Хуан. И постоянно Кастанеда отбивается от многочисленных предложений о съемках фильма. "Могу себе представить Энтони Квина в роли дона Хуана!" - заявил он брезгливо.

Всякому, кто пытался проникнуть в частную жизнь Кастанеды, многое казалось странным. Однако его почитателей это нисколько не смущает. "Взгляните на дело таким образом, - сказал один из них. - Если Карлос рассказал правдивую историю) о себе и о доне Хуане, то он действительно выдающийся антрополог. Если же все это - только плод его фантазии, то нам придется считать его великим писателем. Как ни поверни, а Карлос все равно остается в выигрыше."

И действительно: этот человек, очень таинственный и скрытный, рассказывает свою повесть довольно ясным языком. Кастанеда привлекает к себе образом рассказчика, который в других антропологических исследованиях никогда не встречался. Место действия в его книгах может находиться среди мексиканской пустыни, где блистают горные кряжи, покрытые лавой и экзотическими кактусами, или в хижине дона Хуана, описание которой убедительно и натурально. Это целый мир, выстроенный во всех подробностях.

Кастанеде удается изобразить в своих книгах дыхание сумрачных ветров и трепетание листьев в ночи, особенности искусства охотника в распознавании звуков и запахов, примитивность и нищету жизни индейцев, горький вкус кактуса, пыльные дороги Мексики и полет ворона в высоких небесах. Это далекий, колдовской мир, полный древнего духа, в котором происходят таинственные события.

Образ колдуна или пророка, "учителя жизни" глубоко неприятен Кастанеде своей нарочитой громогласностью, и хотя Карлос "невероятно болтлив", он никогда не объявит миру, что познал истину в последней инстанции. Мы ждали Мессию, а пришел человек - и разочарованные читатели дали волю своему воображению. Когда "Уроки..." стали бестселлером, все решили, что автор - этакий неприятный тип, потенциальный самоубийца, мозг которого - лабиринт, постоянно наполненный таинственными алкалоидами. И он бродит по пустыне с вороном на плече. Миф и есть миф.

Слово "кастанеда" означает "каштановая роща", да и сам Кастанеда немного напоминает каштан: крепкий, но мягкий в общении латиноамериканец ростом 165 сантиметров, весом около 70 килограммов. Он так и пышет здоровьем. Коротко стрижет свои темные волосы, у него черные, блестящие глаза. Одевается Кастанеда в

консервативной манере, стараясь ничем не выделяться, независимо от того, что на нем - темный деловой костюм или спортивная майка.

Карлос говорит, что не курит и не пьет спиртное, не употребляет марихуану и даже кофе не любит. Кроме того, он больше не употребляет галлюциногенный кактус. Его единственный эксперимент с наркотиками был проведен по настоянию дона Хуана. По его словам, это было первым и последним знакомством с ними. Следует подчеркнуть, что такие рекомендации, в которых Кастанеда характеризует себя как порядочного господина, не могут удовлетворить многих любопытных, желающих знать все подробности его личной жизни. Каково же на самом деле его происхождение? "Исторически" биография Карлоса Кастанеды, ученого-антрополога и ученика мага, начинается в 1960 году, когда он знакомится с доном Хуаном. Его книги и карьера в Калифорнийском университете ни для кого не тайна. Но все, что происходило в его жизни до этого, скрыто туманом.

После нескольких часов, проведенных с Кастанедой во время его воскресного отдыха, корреспондент "Тайм" Сандра Бартон сообщила, что это привлекательный человек, отзывчивый и мягкий, весьма убедительный в своих суждениях. Однако он прямо заявил, что в разговоре о своей жизни до встречи с доном Хуаном изменит имена, географические названия и даты, но эмоциональную сторону своего прошлого передаст правдиво. "Я не лгу и не сочиняю, - сказал он корреспонденту. - Сочинять - это значит уклоняться и не говорить ничего толком либо подтверждать то, чего от тебя ждут." В течение разговора Карлос предложил несколько версий своей жизни, которые все время менялись, так что Сандра Бартон вынуждена была заявить ему, что он дает о себе сведения, которые нельзя ни проверить, ни доказать их достоверность - сведения заведомо ложные и с эмоциональной и с любой другой точки зрения.

Кастанеда утверждает, что его имя не подлинное. По его словам, он родился в "хорошо известной" семье, которую он так и не назвал, в Сан Паоло (Бразилия) в канун Рождества 1935 года. Его отцу, позже ставшему профессором филологии, в то время было семнадцать лет, а матери - пятнадцать. По причине их незрелого возраста маленького Карлоса отправили к дедушке с бабушкой на животноводческую ферму, которая находилась в глухой бразильской провинции.

Затем Кастанеда рассказал о шестилетнем Карлосе в то время, когда родители наконец взяли свое единственное дитя и принялись всячески угождать ему, так как испытывали сильное чувство вины. "Это был дьявольски трудный год, - бесстрастно сообщил Кастанеда. - Ведь я фактически жил с двумя детыми." Через год его мать умерла от пневмонии, во всяком случае, по мнению врачей. Но Кастанеда считает, что причина смерти - безволие и недостаток движения, одна из распространенных культурных болезней Запада. О матери Кастанеда вспоминает и другое: "Она всегда была в мрачном и подавленном настроении, но необыкновенно красива. Я отчаянно хотел ей помочь, предложить какую-нибудь иную жизнь, но разве она послушала бы меня, шестилетнего ребенка?"

Карлос остался с одним отцом, о котором он почти ничего не рассказывает, а в своих книгах вспоминает со смешанным чувством - любви, жалости и даже презрения. Слабоволие отца он противопоставляет "безупречности" своего "духовного отца", дона Хуана. Кастанеда рассказывал о желании своего отца стать писателем так, что вся эта история о нерешительности и слабоволии родителя почти напоминает фарс. И добавил: "В этом я похож на своего отца. До встречи с доном Хуаном я целые годы просидел, затачивая карандаши и мучаясь головной болью, стоило мне захотеть что-то написать. Дон Хуан объяснил мне, как это глупо. Если хочешь что-то сделать, делай это безупречно. Весь смысл в этом."

Карлоса отправили учиться в хорошую школу в Буэнос-Айрес. Она называлась "Николас Авеланеда". Говорит, что оставался в ней до 15 лет, учил испанский (уже владея португальским и итальянским), который ему позднее пригодился для бесед с доном Хуаном. Однако в те годы Карлос стал настолько невыносим, что его дядя, старейший член семьи, решил отправить племянника в Лос-Анджелес на попечительство одной семьи. Таким образом в 1951 году он попал в США, где через два года поступил в Голливудский колледж, затем пытался учиться живописи в Миланской Академии изящных искусств, но усомнился в том, что станет большим художником. Будучи в подавленном состоянии, вернулся в Лос-Анджелес, где поступил на факультет социальной психологии Калифорнийского университета. Позже перешел на факультет антропологии. Об этом он рассказывает так: "Тогда я по-настоящему понял, что жизнь не удалась. И сказал себе: если уж делать что-то, так совершенно новое." В 1959 году решил переменить имя и стал называться Кастанедой.

Такова его "легенда". Но разве можно скрыть свою подлинную биографию, когда за дело берутся неуемные журналисты? В свое время (1973 г.) "Тайм" провел настоящее расследование. И выяснилось следующее.

С 1955 по 1959 гг. Карлос Кастанеда (под этим именем!) обучался по курсу психологии в Лос-Анджелесском университете. Документы иммиграционной службы свидетельствуют, что Карлос Цезарь Арана Кастанеда действительно переселился в США, в Сан-Франциско. Это произошло в 1951 г. Тот Кастанеда имел рост 165 см, вес 58 кг, приехал из Латинской Америки, а именно - из Перу, где родился в древнем городе инков Кахамарке на Рождество 1925 года. Отец его был ювелиром и часовщиком, а мать - Сузанна Кастанеда Навоа - умерла, когда Карлосу было не 6 лет, а уже 24. Он провел три года в местной школе города Кахамарке, а потом семья перебралась в Лиму, где Кастанеда закончил Национальный Колледж и изучал живопись и скульптуру в Школе изящных искусств. Дальнейшая его жизнь после переезда в Америку и годы обучения в Калифорнийском университете хорошо известны. Но знакомство с доном Хуаном сильно изменило всю ситуацию. Теперь Кастанеда почти "недосягаем".

Дон Хуан учил Карлоса избегать обычного ритма в повседневной жизни. Даже пребывая в Лос-Анджелесе он, очевидно, ест и спит, когда придется, то и дело уезжая в пустыню. Однако известно, что одновременно он работает над своими рукописями по 18 часов в день. Очень умело избегает посетителей и любой публики. Никто не может быть уверен, что Кастанеда находится в определенном месте в данное время. "Карлос вам позвонит," - обещает обычно Майкл Корд, его издатель из агентства "Саймон и Шастер". Если же телефон все-таки звонит, то вы с удивлением узнаете, что абонент находится в штате Юта.

Он теперь бросил преподавать, и даже немногие его лучшие друзья ничего не знают о том, где он сейчас пребывает. Поведение Кастанеды загадочно и не поддается объяснению.

"Сила хранит вас. - сказал он как-то. - но вы не знаете, как. Сейчас я на грани и должен все переменить. Когда-то мне пришлось написать книгу, чтобы получить ученую степень, а в результате я пришел к самому сердцу магии, к немыслимым ее вершинам. Когда-нибудь я напишу свою последнюю книгу о доне Хуане - это случится. Теперь же я намерен действительно стать магом. И только смерть сможет остановить меня."

3

Магия - опасное слово. К несчастью, мы разучились чуять "дух" слова и прозревать многозначность символа, ибо в нашем прагматическом, обескровленном языке (как и в

самом нашем мире, для которого язык лишь блеклое зеркало, где красуется этот оскопленный, утомительный разум) царствует терминология и классификация. Лишь свободный дон Хуан может позволить себе неустанно играть словами, всякий раз напоминая сбитому с толку Карлосу: "Это лишь способ говорить."

Критики Кастанеды, и даже не столько те, что тяготеют к примитивному материализму, а именно адепты "высокой духовности", обожатели Космического Разума и просветленных "учителей", презирают магию с особенной силой, из-за чего и страшатся Кастанеды, а от дона Хуана бегут, словно черт от ладана. Знание не-божественное (а вернее сказать, не-человеческое), знание пагубное, зловещее и разрушительное - вот что для них _магия_.

Ученый люд, конечно, не так пуглив, но столь же высокомерен. Доктор Леманн с простительной наивностью (ибо писал свой труд еще в 1900 г.) разъясняет так: "Суеверие - это теория, а магия-деятельность, являющаяся результатом такой теории... Если верят в существование демонов, т.е. низших духов, помощь которых в том, чего иным способом нельзя достигнуть, можно купить или вынудить, то вполне естественно, что в таком случае станут пробовать, нельзя ли добиться этой помощи. Всякий поступок, являющийся результатом такого мнения, есть магия." (Иллюстрированная история суеверий и волшебства. М., 1900. С. 13.)

О целях магии Леманн говорит вполне определенно, и несмотря на давность этого высказывания, прислушаться к нему стоит. Ибо и сейчас традиционное понимание магии не претерпело особых изменений: " ...мы видели, что человечество всегда верило в возможность магических операций, посредством которых добивались двух целей: во-первых, стремились к познанию фактов, лежащих вне пределов обыкновенного опыта и необъяснимых общепринятыми способами; во-вторых, пытались получить _власть_ над внешним миром, недостижимую обыкновенными средствами. Ввиду этого, с одной стороны, мы видим упорное стремление поднять завесу будущего при помощи целого ряда методов..., с другой - видим страстное стремление получить власть над материальным миром для достижения различных практических целей: лечения болезней, удлинения жизни, приобретения знатности, богатства и половых наслаждений... - вообще для всего, что близко человеческому сердцу." (Там же, с. 246. _Курсив_ везде наш. - Прим. автора)

Как видите, магия бездуховна хота бы уже потому, что направляет основное свое усилие на блага "мира сего" - отвратительно, особенно если вспомнить, кого нарекли "князем этого мира"!

Дальше - хуже. Неожиданное сходство магии с наукой (и далеко не в лучшем смысле) находит видный английский моралист Клайв С. Льюис:

"И магия, и прикладная наука отличаются от мудрости предшествующих столетий одним и тем же. Старинный мудрец прежде всего думал о том, как сообразовать свою душу с реальностью, и плодами его раздумий были знание, самообуздание, добродетель. Магия и прикладная наука думают о том, как подчинить реальность своим хотениям; плод их - техника, применяя которую можно сделать многое, что считалось кощунственным, - скажем, нарушать покой мертвых." (Клайв С. Льюис. Человек отменяется.)

Именно такое отношение к магам было господствующим в средневековой Европе. Недаром тот же Клайв Льюис напоминает, что в пьесе Марло даже доктор Фауст - искатель чистого знания - от бесов "требовал не истины, а денег и девиц". Своеобразным итогом предложенной линии рассуждений может послужить характерное высказывание И. Ярви и Дж. Агасси: "Мы утверждаем, что магия является ложной научной теорией, не более и не менее. Это делает ее наукой. Поппер часто говорит, что мы можем быть уверены в эмпиричности и научности теории лишь после ее фальсификации. Но раз лучшая наука открыта, ложная наука может быть в лучшем случае относительно сильно

рациональной. Превосходство очень сильно рациональной науки здесь и сказывается: при указанном понимании магии и науки мы предпочтем науку лишь потому, что она лучше проверяема, объясняет больше и более точно и т.п." (Agassi J., Jarvie I. C. Magic and rationality again // The British journal of sociology. 1973. Vol. 24. No. 2).

Стало быть, Карлос Кастанеда все эти годы был ведом Хуаном Матусом к освоению сверхъестественной техники, дающей власть над людьми, золотом и женскими сердцами? Он преподавал наивному антропологу науку запугивания и оболванивания, готовил приворотные зелья и обучал втыкать иголки в изображения вредных профессоров, чтобы те не подсиживали талантливого Карлоса в своем Калифорнийском университете?

Глупо и смешно. Слова делают нас слепыми и глухими, а подлинный смысл драмы человека, ступившего на край бездны неведомого, ускользает неприметно и невосполнимо.

Как же назвать ту странную дисциплину, которой отдавали жизнь невероятные индейские "колдуны", принявшие и признавшие будущего лектора-антрополога? Ведь даже строго энциклопедическое определение магии толкует все о том же: "колдовство, чародейство, волшебство, обряды, призванные сверхъестественным путем воздействовать на мир (явления природы, людей, духов)." Сюда относится хозяйственная магия (обряды вызывания дождя, обеспечения удачи на охоте), лечебная магия, вредоносная (насылание "порчи" и т.п.), магия любовная и еще многое в подобном духе.

Любопытно обратить внимание в связи с этим на некое странное "суеверие". Если просвещенные магистры и доктора относятся к магии, в основном, с высокомерным пренебрежением, то обычный носитель массового сознания ее, по меньшей мере, побаивается. Известный этнограф Э. Б. Тайлор в своей монографии "Первобытная культура" приводит целый ряд примеров такого рода страха у народов "цивилизованных" перед примитивными племенами, "владеющими волшебными силами". Кажется, сама примитивность этих племен, аморфность и иррациональность восприятия мира ("описания мира", как выражается дон Хуан) отворяют для них путь к силам, напрочь позабытым "окультуренными" собратьями.

"В любой стране изолированное или отдаленное племя, уцелевший остаток более древней народности могут приобрести репутацию колдунов," - пишет Тайлор. - Для малайцев - это дикое племя джакун, для древних арийцев - всякие грубые туземцы покоряемых ими стран. Даже в Северной Европе относительно малокультурные народы, такие, как финны и лопари, долгое время оставались "предметом суеверного страха для своих скандинавских соседей и притеснителей." (Э. Б. Тайлор. Первобытная культура.)

Мы еще вернемся к этому любопытному факту и попробуем разобраться, не стоит ли за этим страхом нечто большее, чем "презренное суеверие" - атавизм "низшего уровня цивилизации", и почему люди древности колдовали, видимо, удачнее, чем наши с вами современники.

Но прежде всего нам следовало бы рассмотреть, как понимали сущность магии наши предки, как понимают ее современники, и следует ли хоть в каком-то смысле называть дисциплину дона Хуана магией? Например, один из исследователей оккультизма Рам М. Тамм в своем "Комментарии к работам Карлоса Кастанеды" без тени сомнения называет последователей дона Хуана "магами", так как существенной чертой магии (в отличие от более высоких, т.е. "духовных" учений) полагает поиск паранормальных сил и способностей. Рассуждает он так:

"Однако, дон Хуан, дон Хенаро и их ученики, используя эксперименты с гравитацией для достижения различных сиддхи (магические сверхсилы), не достигают конечной реализации. Охота за силой блокирует их духовное развитие и поглощает большую часть их акаше-пранической энергии. Это общая участь всех сиддхи-искателей. Сам факт использования центра пупа указывает на жажду мощи. Этот центр, иногда называемый

"чакрой силы ци", используется каратистами, тибетскими и китайскими магами и индийскими факирами для генерирования - проектирования - манипулирования этой силой (ЦИ или КИ). Кроме того, колдуны используют этот центр для высасывания энергии из живых существ (магическая эксплуатация и кража энергии)." (Рам
М. Тамм. Тайны магов, с. 60.)

Колдуны яки, по его мнению, "не ищут освобождения от кармы". Полностью загипнотизированный индо-буддистским мифом о колесе реинкарнаций, о страдании и карме, автор просто не желает замечать многократно повторяемую и подтверждаемую идею дона Хуана о том, что "воин ищет только свободу". Охота за силой - действительно одна из важнейших концепций в книгах Кастанеды, но, во-первых, эта сила не может быть получена через "кражу" или "эксплуатацию", а во-вторых, по самой природе своей не может иметь ничего общего с эгоистическими устремлениями личности. Рам М. Тамм справедливо утверждает, что "погоня за мощью - вообще характерная черта нашего времени, а древняя мудрость теперь используется большинством лишь как средство приобретения различных сиддхи и подчинения себе или порабощения других существ. Можно сказать, что со своего статуса эффективной помощи в духовных достижениях магия деградировала до статуса простого инструмента вызывания различных психозов (политико-социального религиоза-сайентоза, анимистического магиоза и др.) и магической кражи." (Там же, с. 62.)

Да только данный пассаж не имеет ни малейшего отношения к магии Карлоса Кастанеды. Читатель, взявший на себя труд ознакомиться с основными идеями, целями и методами описываемого пути, легко сможет убедиться в этом. Скорее уж здесь будет уместно упоминание о "духовной жажде", о "поиске истины". Так пришел к магии Фауст у Гете:

"... _И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился
И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил больше мудреца,
А понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь,
Постиг все сущее в основе
И не вдавался в суесловье_."

Гете. Фауст. (Пер. Б. Пастернака)

Путь дона Хуана ведет еще дальше: не просто "все сущее в основе" открывается на этой дороге, но вся человеческая личность, целостное существо "превосходит себя", становясь объективным воплощением истинного Бытия - потоком свободной самосознающей энергии, которой нет предела. Магия, упоминаемая такими критиками, как Рам М. Тамм, для "воинов" дона Хуана неприемлема.

"И ты не считаешь себя магом, дон Хуан, правда?

- Не считаю, - ответил он. - Я - воин, который видит. И вообще, все мы
- "лос нуэвос видентес" - новые видящие. Магами были древние видящие. Обычный человек, - продолжал дон Хуан, - воспринимает магию как нечто скорее отрицательное; тем не менее, она его привлекает. Именно поэтому, когда ты находился в состоянии нормального осознания, я сделал так, чтобы ты считал нас магами. Так рекомендуется

поступать, чтобы пробудить интерес. Но для нас сделаться на самом деле магами - тупик." (VII, 263-264)

Как видите, трюк, использованный доном Хуаном для привлечения неофита, сбил с толку не только Карлоса, но и многих его читателей. Но и поспешность суждений критиков наглядно демонстрирует, как человек привык обманывать себя словами и строить отношение к явлениям, исходя из простых сотрясений воздуха.

Новые видящие, объясняет дон Хуан, пришли к выводу, что "магические практики лишены собственной ценности" (VII, 364) и отказались "от всей этой чепухи - ритуалов, заклинаний и прочего".

"Цель всех магических приемов - воздействие на других людей", - говорит дон Хуан в другом месте (II, 341), - "А видение на других никак не влияет."

Короче не скажешь. Видение (seeing), основная практическая задача в учении дона Хуана, постижение Реальности как она есть через непосредственное восприятие, срывает с человека все эгоистическое, все эти потуги "управлять", "принуждать", 'воздействовать", "манипулировать". Потому магия как подход противоположный - это тупик для тех, кто ищет свободу.

"...видение, по сути своей, противоположно магии, потому что показывает неважность всего этого.

- Неважность чего, дон Хуан?

- Неважность всего.

На этом разговор закончился." (II, 341-342)

Назвать - значит, ограничить. Слово "магия" в устах дона Хуана - только некий знак, удобный и краткий иероглиф, "способ говорить" о знании, для которого все равно нет аналогий.

"В разное время по моей просьбе дон Хуан пытался дать название своему знанию. Он полагал, что наиболее подходящим названием был бы "нагвализм", но этот термин слишком непонятен. Назвать его просто "знание" - означало бы не отразить его сути, а назвать колдовством было бы унизительно. "Овладение намерением" - слишком абстрактно, а "поиск полной свободы" - слишком длинно и метафорично. В конце концов, не сумев найти более подходящего названия, он согласился называть его "магией", хотя признавал, что и этот термин не точен." (VIII, 8)

Мы можем прийти лишь к познанию непостижимой и величественной тайны себя и мира. Конечно, эта тайна заключает в себе огромное могущество, она дает подлинную и невообразимую силу. Только так мы и можем говорить о магии, с которой знакомит нас Кастанеда.

"Все, через что я тебя провел, - продолжал дон Хуан, - все, что я показывал тебе, все это было лишь средством убедить тебя, что в мире есть нечто большее, чем мы можем видеть. Незачем кому-то учить нас магии, потому что в действительности нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Нам нужен лишь учитель, который смог бы убедить нас, какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев. Какой странный парадокс! Каждый воин на пути знания в то или иное время думает, что изучает магию, но все, что он делает при этом - это позволяет убедить себя в наличии силы, скрытой в самом его существе, и в том, что он может овладеть ею." (VIII, 9-10)

4

Певцы "духовности" недовольны книгами Кастанеды, поскольку, кажется, подсознательно стремятся к педагогическому пафосу. Маловато у дона Хуана торжественных речей, а насчет созидания высших ценностей, победы света и добра,

преодоления невежества и установления царства Истины на Земле подозрительный "маг" либо помалкивает, либо грубовато насмехается со специфически индейским юмором. Даже необычайно отвлеченный свет Абсолюта ни единым лучиком не сияет на пустынных просторах кастанедовских пейзажей; носитель "искры Божией", бессмертного и эволюционирующего Духа может быть в самый решительный момент запросто поименован "кучей дерьма", а Бог, сотворенный человеком по своему образу и подобию, оказывается ограниченным и бесполезным. "Беспредельная пустота и ничего святого", как формулируют свое представление о Реальности последователи дзэн.

Вообще же, почти все (за редким исключением) оккультные доктрины, зовущие человека к развитию, совершенству и самореализации, грешат антропоморфизмом мышления. Это тем более удивительно, когда в их основе лежит солидный философский базис и утонченная метафизика, что имеет место, скажем, в индо-буддистском корпусе идей. Рассуждая о природе подлинной Реальности, объективный и последовательный мыслитель неминуемо вынужден постулировать неприложимость к этой Реальности никаких человеческих мерок, критериев, оценок. В противном случае он должен откровенно признать, что не является беспристрастным исследователем, а следует собственной вере, субъективным предпочтениям в интерпретации бытия, т.е. желает видеть мир и роль человека в нем именно таковыми. Конечно, мы сталкиваемся с подобной откровенностью достаточно редко. Неприкрытое мифотворчество с утешительной, терапевтической целью хотя и может быть в ряде случаев оправдано, но малопривлекательно для искателей "смысла жизни", а значит - неэффективно. Антропоморфизм, "очеловечивание" Реальности, обычно возникает в серьезных оккультных дисциплинах постепенно, поначалу с оговорками и оправданиями, через незаметные с первого взгляда логические натяжки, апелляции к "внутреннему чувству", "инстинкту", и незаметно окрашивает теоретические размышления, чтобы затем дать жизнь некоей "фундаментальной", но совершенно человеческой идее, а в конечном итоге - родить еще одну разновидность религии, т.е. мифа, пусть даже самого распрекрасного.

Так обстоит дело с идеями. Если же речь заходит о конкретном опыте, индивидуальном переживании необычных психических состояний, то здесь, конечно же, антропоморфный тип интерпретации царит безраздельно. Даже профессиональный философ, декларирующий непостижимость всемирного бытия и полную безличность вселенской энергии, вдруг вспоминает о "Божественном Свете", о Милости и Благодати, о великом покое Высшего Разума и т.д. и т.п. Космическое Добро и Зло, Свет и Тьма оказываются неизбежными атрибутами еще совсем недавно неопределимого мироздания, а известный тезис о единстве человека и вселенной плавно перерастает в тезис об их взаимоподобии. Так мы навязываем Реальности наши собственные идеалы, цели, понятные нам характеристики. Вряд ли стоит рассматривать бесчисленное множество примеров подобных метаморфоз, тем более, что часто они аргументированы неуклюже и малоубедительно, не говоря уже о том, что многие авторы "духовных учений" даже не отдают отчет в собственных манипуляциях, с обескураживающим простодушием мешая в кучу противоположные взгляды и идеи. Интересным примером здесь, как нам кажется, может послужить учение действительно великого индийского философа Шри Ауробиндо (Ауробиндо Гхош, 1872-1950). В своем грандиозном труде "Жизнь Божественная" он говорит о природе Реальности следующее:

"Но это единство по природе своей неопределимо. Пытаясь его представить с помощью ума, мы вынуждены пройти через бесконечный ряд концепций и опыта. И в конечном итоге нам все же приходится отвергнуть свои самые широкие концепции, свой самый всеобъемлющий опыт, чтобы подтвердить: Реальность выходит за рамки всех определений." (Sri Aurobindo. The Life Divine. Pondicherry, с. 33.)

С этим положением трудно не согласиться - трезвый и объективный подход философа нас подкупает. Но лишь двумя страницами ниже мы читаем следующее:

"Иными словами, если Брахман вошел в форму и проявил свое бытие в материальной субстанции, это возможно лишь для радости самопроявления Его в образах относительного и феноменального сознания. Брахман существует в этом мире, чтобы представить себя в ценностях Жизни. Жизнь существует в Брахмане, чтобы раскрыть Брахмана в себе. Таким образом, _значение человека в этом мире_ заключается в том, что человек отдает ему то развитие сознания, в котором такое преобразование с помощью совершенного самораскрытия становится возможным. _Человеческое в человеке заключается в осуществлении Бога в жизни. Он начинает свой путь с животной витальности и ее деятельности, но божественное бытие - его цель_." (Там же, с. 36) (_Курсив_ мой - А. К.)

Такая мысль понятна и не может не вызвать сочувствия. У нас нет ни малейшего желания опровергать высокую идею индийского гения, но если взглянуть на вещи абсолютно честно, то мы не сможем объяснить, как из первого положения вытекает второе. Шри Ауробиндо тщательно и подробно аргументирует свои взгляды, но корень противоречия неустраним. На основании чего возможно заключить, что неопределимая Реальность, к которой не подходят даже "самые широкие концепции", развивается в абсолютном согласии со вполне человеческой идеей о "духовной эволюции"? Нам следовало бы постоянно помнить: человек и мир (Бытие, Реальность) едины, человек - неотъемлемая часть его, и в этом мироздании действительно заключено нечто человеческое, иначе бы мы никогда не возникли. Но это не может быть достаточным основанием для распространения человеческих идеалов на космос.

Для читателя, привыкшего рассуждать о духовной эволюции, дон Хуан возмутителен, потому что среди идей индейского "мага" не найдешь ничего подобного. И это естественно. Мы часто забываем, что "эволюция" - это не просто движение, _но движение от худшего к лучшему, от низкого к высокому, от менее совершенного к более совершенному_. А введение подобных критериев в картину мира недопустимо, ибо это и есть антропоморфизм. То, что нам приятно думать об эволюции, как раз доказывает исключительно "домашнее" изготовление этой концепции. Ею оказываются заражены даже те исследователи "духовности", которые претендуют на научную объективность своих экспериментов - например, Ф. Меррел-Вольф или Дж. Лилли. Антропоморфизм мышления, этот рудимент, доставшийся нам еще от древнейшего мистицизма, кажется поистине бессмертным.

Из всех широко известных духовных доктрин мы могли бы, пожалуй, назвать лишь две, последовательной беспристрастно воплощающих на практике идею чистой Реальности без какого-либо очеловечивания ее. Это даосизм и дзэн-буддизм. В первом учении реальность выступает как неведомый "путь вещей", во втором - как "пустота", что выше всякого понимания. "Таким образом, Шарипутра, всем вещам присуще свойство пустоты, - говорится в излюбленной сутре дзэн-буддистов. - Они не имеют ни начала ни конца. Они не порочны, ни непорочны, ни совершенны, ни несовершенны. А потому, о Шарипутра, здесь, в этой пустоте нет ни формы, ни восприятия, ни имени, ни понятий, ни знания. Здесь нет ни органов чувств, ни тела, ни ума. Нет формы, нет звука, запаха, вкуса, осязания, нет предметов. Нет знания, нет неведения, которое нужно устранить. Здесь нет разложения и смерти... Здесь нет представления о нирване, нет ее достижения или недостижения..." (Праджня-парамита-хридая сутра). Разумеется, идея пустоты характерна для всех школ северного буддизма, но только в секте чань (дзэн) она безоговорочно определяет характер психологической практики и оценку переживаний в измененных состояниях сознания. Любопытным совпадением (совпадением ли?) можно считать тот

факт, что как даосизм, так и дзэн являются плодами развития монголоидной расы, к которой относятся и племена американских индейцев, много веков тому назад открывших причудливое "знание" дона Хуана.

Итак, вещи мира "ни порочны, ни непорочны, ни совершенны, ни несовершенны". Понятно, что при таком взгляде на бытие никакое представление о духовной эволюции возникнуть не может. Более того, само слово "духовность" употребимо здесь только в самом отдаленном своем значении. Недаром мы помещаем его в кавычки - ведь это понятие обусловлено особенностями европейского ума, переносящего собственные предрассудки на благодатную почву индо-буддистского мистицизма. Тем не менее, упреки в отсутствии "духовности" критики Кастанеды выражают достаточно часто. Скажем, уже цитированный выше Рам М. Тамм в качестве одного из недостатков учения дона Хуана называет "страсть к жизни", именуя его изначальным "кармическим комплексом". Отсюда - невозможность высоких духовных достижений, ибо карма не преодолена, не "изжита" и т.д. На этом примере мы ясно видим насколько узкой однозначно понимается духовность большинством современных оккультистов. Единственно достойная для них цель - устранение из трагического круговорота иллюзий и переход в некую высшую апатию, отмеченную невыразимым блаженством и (если уж говорить честно) абсолютной бездеятельностью. Только такой процесс в их представлении может считаться "духовным развитием". Легко заметить, сколько понятий, свойственных только определенному типу культуры, вовлечено в это туманное, но благородное слово. Лишь благодаря нашему удивительному самомнению "духовность" оказывается критерием истины при исследовании головокружительной бездны бытия. Настолько ли мы проницательны, чтобы доверять самодельной мечте и под нее кроить мироздание?

Например, центральной мифологемой большинства оккультных учений является "возвращение к источнику". Такой "путь назад" тоже сплошь и рядом принимают за свидетельство духовности предлагаемой доктрины. О чем, собственно, идет речь? Бесконечность развития, столь высоко ценимая человеком, здесь превращается скорее в фикцию, ибо декларируемая идеальная цель - не только отречение от эго, а полное возвращение в изначальную безличность: То, Брахман, Шуньята, Абсолют и т.п. Конечно, можно найти немало метафизических спекуляций, оправдывающих необходимость "индивидуализированного" эпизода в истории эволюции Духа, чтобы затем ему (Духу) вернуться в конце концов к первичной имперсональности. Однако и здесь трудны понять, почему мы должны удовлетвориться словесными играм) на этот счет и почему высшим достижением человека надо полагать, возвращение к отправной точке. Верно заметил Рам Дасс в своей книге "Зерно на мельницу": "Жутковато становится, когда начинаешь растворяться в Пустоте." Но вывод автора парадоксален: "Прекрасно, когда возвращаешься к Богу." Странным образом сюда подключается сострадание ко всему живому, и вот уже готова очень красивая, но столь же безосновательная мысль: "Единственная причина, по которой совершенно свободная сущность предпочла бы остаться внутри иллюзии - это для того, чтобы облегчить страдания всех существ." (Baba Ram Dass. Grist for the Mill. N. Y., 1976) Так всему основой становится бхакти, Космическая Любовь, а по выражению самого автора - "оргазм души". И дело совсем не в том, заключена ли истина в подобных, уже давно ставших тривиальными идеях - кто знает, может реальность именно такова. Гораздо важнее просто понять, что у нас нет оснований исходить из подобных умозаключений. Верны они или нет, в них - только отражение человеческих чаяний и грез. Именно об этом неоднократно напоминает дон Хуан в книгах Карлоса Кастанеды.

Обычно мы ищем у духовных учителей спасительной, утешающей вести. Спрос, как известно, рождает предложение, так что в подобных проповедях давно уже нет недостатка.

Если же речь заходит о подлинном поиске, мало кому захочется оставить уютные фантазии и скитаться наощупь в абсолютной безбрежности. "Я убедился на собственном опыте, что очень немногие хотят даже слушать, а тем более - действовать в соответствии с тем, что они услышали", - говорит дон Хуан (IV, 234). А потому идеи мессианства должны быть напрочь отброшены сразу.

"Позволь мне начать с того, что учитель никогда не ищет учеников, и что никто не может распространять учение, - сказал он." (IV, 237)

Однако заявлять подобные вещи, значит, противоречить очевидным фактам. Никто не может распространять учение, но оно все же сохраняется, и традиция живет.

"Избрать тебя было решением силы, - объясняет дон Хуан. - Никто не может изменить планов силы. Теперь, когда ты избран, ты уже ничего не сможешь сделать, чтобы остановить исполнение этого плана." (IV, 60)

Конечно, это только "способ говорить" о невыразимом. Дон Хуан не принимает идею Бога, а потому не может сослаться на "промысел Божий" или на стремление Духа к самореализации. Он знает, что правильнее всего говорить просто о силе, которая, конечно же, безлична, но по совокупности своих эффектов может вызвать представление о действующем разуме. Потому и возникают условные выражение типа "планы силы" или "сила решает". Впоследствии читатель легко убедится, что подобные метафоры в речи дона Хуана существуют лишь для краткости объяснений, а сами объяснения служат чаще всего только намеком на лежащее по ту сторону слов.

Книги Карлоса Кастанеды пытаются противопоставлять подлинно "духовным" учениям еще по одному любопытному признаку - по отношению личности к "высшей силе", т.е. Божественному и Его предначертаниям. Как-то мне даже довелось услышать, что последователи дона Хуана являются врагами Божества, так как не желают принимать участие в исполнении Его воли. Как вы понимаете, речь шла о вполне конкретных идеях, которые без малейших сомнений объявлялись грандиозным замыслом Самого. Мы достаточно сказали об опасности человеческих истолкований Непостижимого, так что нетрудно будет понять, почему дон Хуан, называя аспекты Реальности, прибегает к предельно отвлеченным словам: _сила_, _намерение_, _абстрактное_. Тем не менее, противостояние космосу и бунтарский волюнтаризм личности, которые порой приписывают учению дона Хуана, на деле совершенно ему несвойственны. Достаточно вспомнить, к чему сводится овладение намерением (книга "Сила безмолвия", с. 213):

"С точки зрения своей связи с _намерением_ воин проходит через четыре ступени. Первая - это когда его связующее звено с намерением является ненадежным и ржавым. Вторая - это когда он преуспевает в его очищении. Третья - когда он учится манипулировать им. И наконец четвертая - когда он учится следовать предначертаниям _абстрактного_."

Шри Ауробиндо говорит о том, что мы должны стать "орудиями Божества". Это одно и то же, за исключением довольно существенного момента: употребляя понятие "Божество", мы склонны приписывать ему свои представления о том, какими путями оно движется, _абстрактному_ же - ни в коей мере. Сам выбор слова в системе дона Хуана подчеркивает крайнюю степень удаленности от человека этой безличной силы.

В другом месте дон Хуан называет _абстрактное_ _духом_ и объясняет роль Нагваля, руководителя группы "магов", следующим образом:

"Я уже говорил тебе, что Нагваль является проводником _духа_, - продолжал он, - поскольку он на протяжении всей жизни безупречно устанавливает свое связующее звено с намерением, и, поскольку он обладает большей энергией, чем обычный человек, он может позволить _духу_ проявляться через него." (VIII, 119)

Проводник духа - это звучит вполне благопристойно даже с точки зрения самых непреклонных блюстителей подлинней "духовности ". Но в системе дона Хуана нас спасает от неминуемых заблуждений полное неведение насчет того, что есть дух и каким способом он осуществляет себя. Как ни парадоксально, сделать что-либо правильно мы можем лишь в том случае, если позабудем о _правильном_ и _неправильном_, ибо в наших представлениях об этом слишком мало истины.

Оттого наши стремления к всеобщему добру так часто приводят к несчастьям и страданиям человечества. Как только мы убедили себя, что знаем путь к счастью, замысел Всевышнего в нашем исполнении оборачивается катастрофой. Это хорошо понимали еще древние даосы. Как пишет В. Малявин, исследователь творчества Чжуан-цзы: "исток насилия - в самом стремлении гипостазировать ценности, помыслить сущности, опредметить себя и мир. Зло, утверждали даосы, появляется в тот момент, когда начинают призывать делать добро ради добра... [Чжуан-цзы] гневно клеймит этих любителей красивых фраз о "гуманности", "справедливости", "культурных достижениях" и т.п., которые не замечают или не желают замечать, что общество, в котором они проповедуют, превращено с их помощью в толпу колодников, ожидающих лишь своей очереди положить голову на плаху."

Интересно, отдают ли себе отчет многие "учителя духовности", насколько их призывы способны привести к подобным последствиям? Дон Хуан, в отличие от сумасбродных пропагандистов массового духовного просветления, никого не зовет строить Царство Истины, от которого странно попахивает то ли фашизмом, то ли коммунизмом. Даже небольшие вмешательства в естественный ход вещей он отвергает, хотя и не читал мудрого Чжуан-цзы.

"Я поинтересовался, можно ли сделать что-нибудь, чтобы люди стали более гармонично относиться к светимости осознания.

- Нет, - ответил дон Хуан. - По крайней мере, _видящие_ не могут сделать ничего. Цель _видящих_ - свобода. Они стремятся стать ни к чему не привязанными созерцателями, неспособными выносить суждения. Иначе им пришлось бы взять на себя ответственность за открытие нового, более гармоничного цикла бытия. А этого не может сделать никто. Новый цикл, если ему суждено начаться, должен прийти сам по себе." (VII, 315)

Мы не возьмемся определить, можно ли считать такой подход к социальным проблемам человечества "духовным", но одно ясно наверняка: в учении дона Хуана нет призывов делать "добро ради добра", а значит, оно не посеет зла.

5

Конечно, книги Кастанеды зачастую воспринимаются, как увлекательные романы. Этому способствует и избранная автором форма дневника-автобиографии, и обилие невероятных, почти фантастических событий. Чего стоят одни лишь поразительные фокусы дона Хенаро, путешествия в "теле сновидения" загадочные явления мистических "союзников" или знаменитый прыжок в пропасть, в результате которого Кастанеда не только не разбивается, но посещает какие-то странные миры, чтобы в конце концов вернуться в нашу общую реальность на расстоянии сотен миль от места рокового прыжка! А телепортации, которые Карлос осуществляет с помощью дона Хуана? Или раздвоения Хенаро, одновременно мирно почивающего в своей далекой хижине на другом конце Мексики и демонстрирующего гипнотические трюки перепуганному антропологу? Нет слов, в такие события трудно поверить трезвомыслящему и "цивилизованному" читателю. "Думаю, эти книги представляют собой в основном плод фантазии," - утверждал в свое время Йезус Очоа, заведующий этнографическим отделом мексиканского Национального

музея антропологии. А доктор Фрэнсис Снэпс из Северо-Западного университета США заявил: "Кастанеда - это новая игрушка. Я получил от его книг огромное удовольствие, такое же, как когда-то от "Путешествий Гулливера". Однако бывшие коллеги Кастанеды из Калифорнийского университета, которые присвоили своему выпускнику степень доктора наук за "Путешествие в Икстлан", негодуют, когда слышат подобные высказывания. Один из профессоров этого заведения назвал Кастанеду "гением, которому удалось поколебать привычные ценности и предрассудки". Среди тех, кто не сомневается в достоверности книг Кастанеды, - Майкл Мэрфи, основатель известного института по изучению проблем развития человека, крупные ученые и исследователи, такие, как Аллан Уоттс и многие другие.

И как это всегда бывает, если речь заходит о мире на границе интеллектуальной познаваемости, а то и вовсе за ее пределами, здесь возможны две принципиально полярные точки зрения: _реализм_ и _идеализм_. Вопреки устоявшемуся мнению именно философский идеализм оказывается в нашем случае непримиримо консервативным, а _реализм_ (не ортодоксальный материализм!) способен принять в качестве материала исследования феномены, явно не укладывающиеся в традиционное описание мира. Следуя гносеологической установке реализма (т.е. предмет познания реален и независим от сознания и познавательных актов), мы открываемся бесконечному числу углов зрения на реальность, неизбежно полагая ее неисчерпаемой и непредсказуемой для познающего разума. Опыт мыслительной машины человека здесь не критерий и не опора, а лишь некое освоенное изнутри пространство, в определенной части своей субъективное, в другой же - объективное, но никто не дал нам бесспорной меры для начертания границ между ними. Философский идеализм в строгом понимании гегельянца не терпит объявившейся пропасти между субъектом и источником переживания бытия - для него мир имеет смысл только как чрезмерная объективация Логоса, а сам переживающий
- как единичная субъективация Логоса. Такой предельно однородный мир прост в обращении, но держится все-таки на умозрительной посылке, вряд ли для исследователя удовлетворительной. Абсолютная экспансия Логоса на деле оказывается интеллектуальной ловушкой. Попав в нее, мы обречены видеть реальность однозначно, предсказуемо и даже механистично, ибо все, созданное человеческим разумом, в конечном итоге - механизм: отдельные цепи его могут быть недостроены, отдельные узлы неотчетливо разработаны, но сам принцип в любой миг готов лечь раз и навсегда установленным штампом на всякую, доселе невиданную деталь.

Для подобной конструкции мысли события, итоженные и книгах Кастанеды, зачастую невозможны, как неприемлемы исходные положения, декларируемые доном Хуаном. Но если мы не ищем подтверждения уже привычных философских максим, к пробуем на свой страх и риск исследовать материал изнутри, полагаясь лишь на чистое переживание безразличного ко всяким концепциям опыта, то вопрос об "исторической" подлинности кастанедовского путешествия перестанет быть вопросом документальности, фиксированности фактического материала. За пестрой канвой событий, которыми переполнены все девять книг этого автора, мы разглядим единый, непротиворечивый комплекс идей, и каждый эпизод, даже самый неправдоподобный, окажется иллюстрацией этого комплекса, его прямым либо косвенным подтверждением, логическим продолжением и развитием. Даже там, где Кастанеда отвлекается на время от изложения теории и практики дона Хуана, все в изображаемом мире с неизменной убедительностью говорит "да" размышлениям индейского учителя из племени яки. И нам уже не важно, летал ли дон Хуан "подобна воздушному змею", мы просто _понимаем_, что для подобных вещей нет преград, нет препятствий, ибо преграды сняты - и не магической "суггестией" одаренного гипнотизера, который всякого может заставить гулять в "кущах небесных", а

самой установкой к бытию, предельно последовательной и даже философски - безупречной. Именно здесь, а не в головокружительных "фокусах", заключен подлинный вызов человеческому существу, урок и предмет для исследования.

Мы не знаем наверняка, что происходило на самом деле с Карлосом Кастанедой во время его многочисленных поездок в Сонору. Однако всей своей книгой мы намерены показать читателю, что описанные им события _действительно могли иметь место_, а это, пожалуй, важнее биографических изысканий репортеров. Нас интересует сущность предложенного пути и новый взгляд на природу человека и мири. Мог ли автором подобных идей оказаться сам Кастанеда? В таком случае, позвольте мне считать его гением. На вопрос Сэма Кина (интервью _Psychology Today_) Карлос ответил:

"Идея, что дон Хуан - плод моего воображения, совершенно нелепа. Для изобретения такой фигуры мой воспитанный в западно-европейской традиции интеллект попросту непригоден. Я ничего не сочинил. Я всего лишь рассказчик. Я даже не был готов к тем радикальным изменениям в своей жизни, которых с необходимостью потребовало дальнейшее развитие нашего знакомства."

Действительно, книги Кастанеды демонстрируют процесс значительного изменения в сознании самого автора, что довольно трудно имитировать при написании художественных сочинений. Мы легко можем проследить, как идеи и понятия, воспринятые Кастанедой из общения с доном Хуаном, в сознании автора претерпевают радикальную трансформацию. То, что в первых книгах кажется главным, все более отходит на задний план, а вскользь упомянутое и вроде бы незначительное вдруг оказывается в центре внимания, определяя весь ход "ученичества".

Конечно, скептиков хватает. "Цивилизованное" здравомыслие, которое на деле часто оказывается обычной узостью ума и душевной ленью, любит позубоскалить над всем тем, что ему не по вкусу. В США опубликовано уже несколько пародий на Кастанеду. Новые критики сравнивают дона Хуана с мифическим Оссианом - вымышленным галльским поэтом III в. н.э., чьи труды в действительности сочинил в XVIII веке Макферсон, ловко мистифицировав всю "культурную" публику. Немало и завистников. В самом деле, кому из антропологов прежде удавалось достичь такой ошеломляющей популярности - миллионные тиражи и такие же гонорары, бесплодные попытки Голливуда договориться с автором о съемках фильма и т.д. и т.п.? Даже великий Феллини в свое время безуспешно гонялся за Карлосом по всей Америке, но и он получил отказ. Само собой, кое-кто из коллег уже не мог равнодушно глядеть на этого "выскочку".

Но предметом нашего исследования вовсе не является личность Карлоса Кастанеды - доктора антропологии и бывшего профессора Калифорнийского университета. Мы намерены по возможности подробно рассмотреть хуановский космос, оценить и проанализировать основополагающие идеи, наиболее важные элементы праксиса, попытаться выявить внутреннее родство мировоззрения _нагвалей_ с некоторыми подходами мирового оккультизма к проблеме постижения истины. Мы хотели бы также сделать для всех очевидной уникальность учения дона Хуана и его чрезвычайную важность для изучения великой тайны человека и бытия, тем более, что его роль по-прежнему остается предметом спора в ученом обществе.

Кроме того, насущная необходимость проведения данного исследования связана и с определенным практическим моментом. Информация, предоставленная читателю Карлосом Кастанедой, расположена в том виде и порядке, каковые отражают, в первую очередь, становление самого автора. И не всегда легко разобраться, какое место занимает тот или иной элемент в системе - ведь зачастую этого не понимает сам Кастанеда. Из книги в книгу он поправляет себя, расставляет более верные акценты, но читателю трудно уследить за всеми перипетиями такого созревания. Помимо этого, многие дидактические

приемы дона Хуана, особенно в первых книгах, остаются нерасшифрованными, и это еще более усложняет восприятие целого. Мы взяли на себя смелость систематизировать разрозненный материал и предложить комплексный метод его интерпретации. Немалую помощь в этом специфическом анализе автору данной работы оказал личный опыт "внутреннего" изучения измененных состоянии сознания, придавший его оценкам определенную степень уверенности. Хочется верить, что этот сложный материал станет немного яснее для тех, кто, как и мы, тщится разгадать самую великую Тайну - тайну внутри нас и вне нас. "Дон Хуан повернул мой взор вовне и научил меня видеть великолепие мира," - сказал Кастанеда.

Оказаться без посредников, лицом к лицу с этой могущественной тайной бытия, ощутить, наконец, нашу способность и наше право говорить на равных со всей грандиозностью мироздания - быть может, именно это исцелит человека от его вечной хандры и безвольных скитаний по мифам? По крайней мере, дон Хуан думает так. "Это единственный способ уравновесить ужас перед тем, что ты человек, и восхищение тем, что ты человек."

I

ОПИСАНИЕ МИРА

_Тени разума, бессмысленные и назойливые, ополчились на меня; их несметное множество составляло некое подобие мира и, чтобы избежать смятения, каждому призраку дал я имя, каждому приписал сложные законы существования. Теперь они реальны, а я - нет.
Только в редкие минуты чистого сознания вспоминаю я, что это просто тени, и тогда гоню их прочь_.

Даниэль. О созерцании.

ГЛАВА 1. ТОНАЛЬ И НАГУАЛЬ

Рассуждая отвлеченно, мы все, конечно, знаем, что мир не исчерпывается тем, что в нем уже известно и знакомо, что познано нами, а, напротив, бесконечно шире и содержательнее всего нам уже известного. Но на практике нашего познавательного отношения к миру и - более того - нашей общей установки к бытию мы все склонны жить а "привычном", т.е. уже известном, - жить так, как если бы мир им и кончался.

С. Л. Франк. Непостижимое.

1. Res integra*

Обращаясь к знанию дона Хуана - знанию, принципиально незнакомому в традиционном культурном контексте и шокирующему в своем последовательно применяемом виде - мы с самого начала вынуждены признать ложность исходных посылок в отношении к бытию у так называемой "современной личности".

* Вещь целостная (лат.)

На протяжении сотен и сотен страниц мы наблюдаем, как дон Хуан методично и беспощадно разрушает не только привычное мировоззрение, но и само мироощущение,

миро-переживание Кастанеды. Нам, разумеется, не повторить процесса, но если мы хотим иметь хотя бы частичное представление о характере и целях столь странной (может быть, даже опасной и вредной?) работы и решились узнать, отчего "перепаханный" таким способом субъект делается магом, надо, пожалуй, вначале поразмыслить над сверхценной идеей, составляющей фундамент нашего, человеческого космоса.

Эта идея настолько прочно занимает центральное место в сознании, что вовсе не бросается в глаза, оставаясь аксиоматичным фоном всякой деятельности и всякого отношения. Это не конструкт, не комплекс, не программа личности - но во всем она универсальный элемент, так как удерживает, крепит, вяжет воедино разнообразные продукты нашего Я.

Мы говорим об идее _целостности_ себя и мира. Подразумевая таковую целостность, мы как бы сохраняем открытость вовне (что соответствует нашему представлению об адекватности), т.е. готовы признать, что как в мире, так и в нас самих несомненно присутствуют элементы, связи и даже целые области, нами еще не познанные, не усвоенные, сущие "в себе". Прагматическое отношение к ним индивидуально: когнитивный энтузиазм в данном случае мало отличается от консервативной неприязни скептика, ибо каждый раз _целостность_ торжествует - либо принимая в себя новое множество, либо отвергая раздражающее усложнение. Прежде и помимо всего нас интересует _целокупность_, _единство_ и _однородность_, будь то в применении к картине вселенной или к переживанию собственной личности.

По сути, мы всегда исходим из двух взаимно представленных друг другу образов (само слово "образ" уже содержит представление о некоей обрамленности, внутри которой для нас всегда заключено _целое_):

- Реальности, что для нас есть всеобщий и универсальный Объект, Целокупное "То",

- и Я - во всем спектре, во всей распространенности объема внутри нас, начиная с трудно вычленяемого корня (_Ichheit_ Якоба Беме или _Атман_ ведических риши) и заканчивая ряженым в гримасы обличьем, где вечно гуляют заботы и смятения, внутренний разлад и скука.

И первое, и второе - _res integra_, и именно так предстают они перед нами в первичном и уже неустранимом переживании, сколь ни предавайся абстрактному анализу впоследствии, сколь ни рисуй схемы и механизмы.

Конечно, чувство целостности должно было иметь начало еще во младенчестве, когда нерасчленимость восприятия в значительной мере определяла характер опыта. И если уж говорить о реализации идеи _целокупности_, то именно в первые годы жизни большинство из нас смогло значительно приблизиться к ней - хотя еще сама идея не рождалась, а царила безраздельная свобода чувствования.

Из воспоминания об этой свободе сохранилась только беспрекословная уверенность в _целом_ мире и _целом_ себе. По мере роста мы хранили и храним ее на дне своего существа, питая иллюзию в целях самосохранения - ведь на самом деле ситуация давно изменилась, как ни трудно себе в этом признаться.

За всю историю существования своего вида человек так основательно разбил первоначальную целокупность опыта, что, кажется, не осталось ни одной области, куда бы не проник скальпель торжествующего анализа. Сама природа _внимания_ - основополагающего инструмента разума - всегда несла с собой расщепление, разъятие целостности, вычленение компонентов, усиление либо вытеснение их.

Наш внутренний мир на этом пути подвергся разделению не в меньшей, а, быть может, и в большей степени, чем мир внешний. Социализация человека и стремительное усложнение среды сделали нас скопищем поведенческих механизмов, которые, переплетаясь с биологически обусловленными структурами психики, стали

функционировать в сложном, противоречивом и далеко не всегда осознаваемом поле. Рассматривая личность как совокупность программ (этот подход в современной психологии достаточно популярен), мы особенно четко можем видеть неоднородность психики, ее постоянную внутреннюю конфликтность, что и есть на самом деле разрушение целостности. Даже простейшее разграничение внутреннего мира на _бессознательное_, _подсознательное_ (_сверхсознательное_) и _сознание_ красноречиво указывает на тот же симптом. Постоянное присутствие в нас областей, эффективно функционирующих, но не поддающихся ни восприятию ни, тем более, контролю, факт, уже ставший привычным. Мы смирились с внутренней темнотой так же, как прежде смирились с темнотой внешней. Но и область так называемого _ясного сознания_ - вечное поле битвы разнообразных импульсов, желаний, мотивов, взглядов и т.д.

Древнейшим разрывом единства в переживании Я явилась дихотомия _тела_ и _духа_ - своеобразный корень практического мировоззрения "цивилизованного" человека. Само становление цивилизации и культуры оказалось неразрывно связанным с осознанием этой первейшей двойственности: из анимизма росли древние религии, определяя затем мифологию, философию, мистику - словом, весь строй жизни, установку личности по отношению к собственной судьбе. Тело все более превращалось в инструмент, обособлялось и тем самым омертвлялось задолго до естественного разложения в прах. Именно здесь, ни уровне _тела_, пролегла четкая граница между Я и миром. Составляя часть описания _внешнего_, наше тело разделило судьбу тотальной дезинтеграции Реальности, Объекта.

Мы разбили восприятие на фрагменты, опредметили их, после чего каждую отдельность наделили "человеческим" значением и погрузились в сотворение классификаций и схем. Из переживания мир все больше становился описанием, и этот процесс своим непосредственным продуктом имел _язык_ - неоспоримое свидетельство нарастающей дискретности опыта. Вычленение и изоляция повторяющихся перцептивных рядов привели к возникновению идеи закономерности, а затем - закона. Так в раздробленный мир вносился порядок, основу для которого мы всегда находим в обусловленности собственного восприятия.

К настоящему времени специализация познавательной деятельности человека привела к оформлению целого ряда довольно изолированных описаний внешнего мира: бытового, научного, философского, религиозного, оккультного и т.д. Каждое описание детерминировано собственными условностями, многократно наложенными друг на друга, и бесконечно далеко от Реальности, давшей когда-то почву для его рождения. При этом непротиворечивость каждой картины подкрепляет ее иллюзорную адекватность.

И над этим разнородным шумящим морем немым светилом маячит обобщающее переживание целокупности, с которого все начиналось.

Конечно, психологически жизнеспособным человек может быть, только исходя из _единого_ описания мира и _единого_ описания себя. Ибо не устоит царство, разделившееся само в себе. Каким же образом достигается подобное "единство"? Опять же, благодаря специфике нашего внимания.

Именно внимание актуализирует центральный корпус идей о себе и о мире, сложившийся в результате внешнего научения и внутренней предрасположенности индивидуума, неустанно подкрепляет его подтверждающими переживаниями, одновременно игнорируя (сводя к нулю) переживания, этому корпусу противоречащие либо излишние для него. Таким образом творится мнимый _res integra_, без которого не может существовать Я.

_Внимание совершает грандиозную работу, неустанно отсеивая, вычленяя, усиливая, собирая и демонтируя внешние воздействия. Можно сказать, почти вся энергия личности

подчинена этому кропотливому и неизбежному труду_. Дон Хуан, обучая Кастанеду, все время обращается к описанию мира как психическому продукту его внимания - трансформирует, разрушает и пересотворяет "мир" Карлоса.

В магическом знании для того сложного предмета, который мы вкратце здесь попытались охарактеризовать, есть специальное имя - тональ.

2. Описание мира: истинная пара.

Итак, фундаментальной задачей учения дона Хуана является восстановление подлинной целостности восприятия себя и мира. По-видимому, это единственный путь к постижению Реальности, а значит, и к освоению ее. Как мы увидим позже, любые попытки такого постижения, основанные на иных посылках, оказываются окольными дорожками, ведущими лишь к частичному и искаженному отображению целокупного бытия, отчего и практический их эффект зачастую бывает противоречивым и сомнительным. Ведь традиционный оккультизм чаще всего предлагает не Реальность саму по себе, а просто вариант описания мира, который может быть сколь угодно привлекательным, оставаясь таким же замкнутым и ограниченным, как всякое иное описание - бытовое, научное и т.д. Мы постоянно сталкиваемся с новыми вариациями на ту же тему, когда знакомимся с сочинениями современных духовидцев или рассуждениями философствующих экстрасенсов. Случаи сознательного шарлатанства нами вовсе не рассматриваются, так как не свидетельствуют ни о чем, кроме изобретательности обманщиков. Но и искреннее желание объяснить мир на основании расширенного восприятия или необычного опыта заранее обречено на блуждание в мифе, пока у наблюдателя нет четкого осознания обусловленности собственных перцептуальных механизмов.

"Первым действием учителя является внушить ему [ученику] идею, что знакомый нам мир является только видимостью, описанием мира. Каждое усилие учителя направлено на то, чтобы доказывать это своему ученику. Но принять эту идею является самой трудной вещью на свете. Мы полностью захвачены своим частным взглядом на мир, и это заставляет нас чувствовать и действовать так, как если бы мы знали о мире все. Учитель с самого первого своего действия направлен на то, чтобы остановить этот взгляд." (IV, 239)

Очень важно понять, что эти слова касаются не только тех, кто постоянно пребывает в ординарном состоянии сознания. Люди, которым доступны необычные "переживания", не должны думать, будто этим их взгляд уже "остановлен", а описание мира преодолено. Только последовательная, целеустремленная работа над изменением познавательной установки, включающая в себя глубинную трансформацию психики, позволяет вернуть восприятию непосредственность, снимающую все ограничения описаний.

Реальность скрыта от нас за плотной стеной описания мира. Именно в этом причина отсутствия целостности, причина нашей рабской зависимости от узости собственных идей:

"Маги говорят, что мы находимся внутри пузыря. Это тот пузырь, в который мы были помещены с момента своего рождения. Сначала пузырь открыт, но затем он начинает закрываться, пока не запирает нас внутри себя. Этот пузырь является нашим восприятием. Мы живем внутри него всю свою жизнь. А то, что мы видим на его круглых стенках, является нашим собственным отражением. Он наклонил голову и взглянул на меня искоса, потом усмехнулся.

- Ты с ума сошел,- сказал он.- Здесь тебе полагается задавать вопрос. Я засмеялся. Так или иначе, его предупреждения об объяснении магов,

плюс представление внушающих благоговейный ужас масштабов его осознания начали, наконец, оказывать на меня свое воздействие.

- Что за вопрос мне полагалось задать?

- Если то, что мы видим на стенках, является нашим отражением, значит то, что отражается, должно быть реальной вещью,- сказал он, улыбаясь.

- Это хороший довод,- сказал я шутливым тоном.

Мой разум мог легко принять этот аргумент.

- Это отражение является нашей картиной мира,- сказал он.- Эта картина
- описание, которое давалось нам с момента нашего рождения, пока все наше внимание не оказывалось захваченным ею, и описание не стало взглядом на мир.

Задачей учителя является перестроить этот взгляд, подготовить светящееся существо к тому времени, когда бенефактор откроет пузырь снаружи. Он сделал еще одну рассчитанную паузу и еще одно замечание относительно отсутствия у меня внимания, судя по моей неспособности вставить подходящее замечание или вопрос.

- Каким должен быть мой вопрос?

- "Почему пузырь должен быть открыт?" - ответил он.

Он громко рассмеялся и похлопал меня по спине, когда я сказал:

- Это хороший вопрос.

- Конечно! - воскликнул он.- Он должен быть хорошим для тебя, потому что он - один из твоих собственных.

Пузырь открывается для того, чтобы позволить светящемуся существу увидеть свою целостность,- продолжал он.- Естественно, что назвать это "пузырем" - только способ говорить. Но в данном случае это очень точный способ." (IV, 255-257)

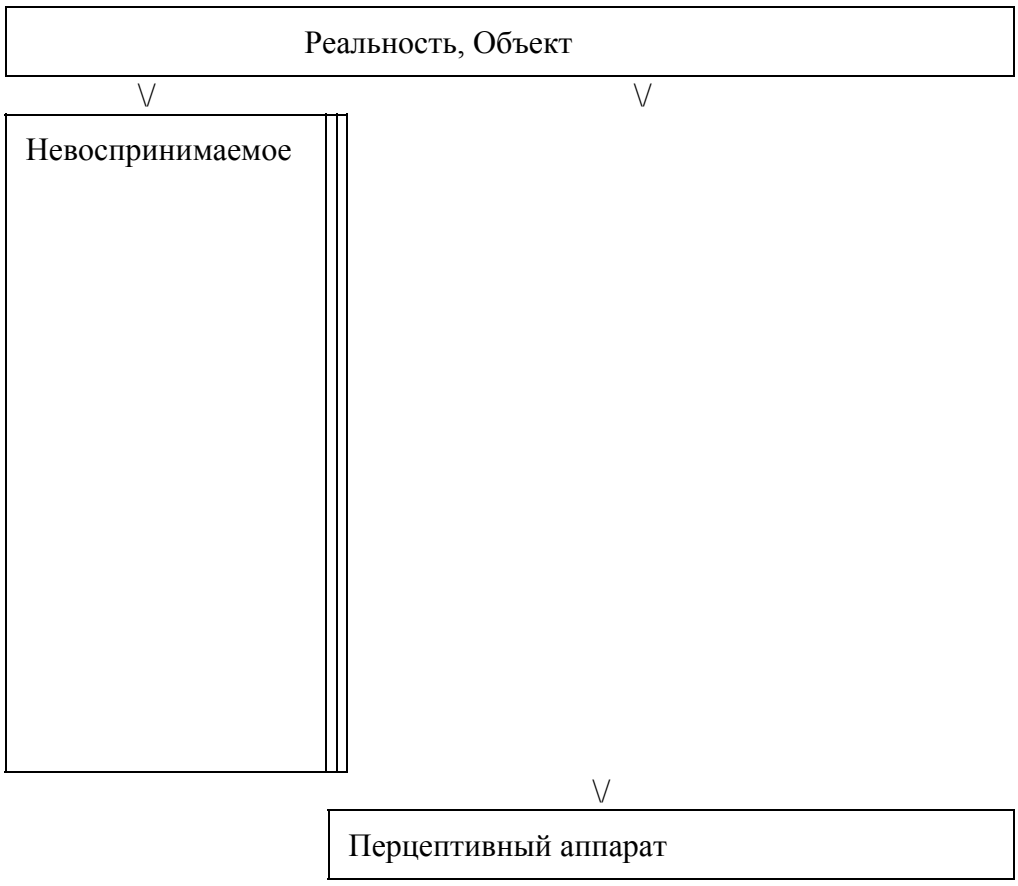
Когда все наше внимание оказалось "захваченным" внушенным описанием мира, клетка захлопнулась. В этот момент мы окончательно становимся людьми и теряем свободу. Для нас привычно рассматривать генезис человеческой личности как процесс обогащения, расширения и упорядочивания опыта, и мы вряд ли задумывались над тем, что с определенной точки зрения такой рост может выглядеть умалением, а развитие - деградацией. Растет и усложняется в нас именно описание мира: деталей становится больше, количество связей возрастает, элементы приобретают твердую однозначность. Нетрудно понять, что само восприятие в результате делается уже и беднее. Ибо непосредственным эффектом развития и его эволюционной целью оказывается устойчивость картины мира, что обеспечивается игнорированием того поля ощущений (переживаний, восприятий), которое в данную картину не входит. _Всякий вводимый в описание элемент есть плод усечения определенной области переживания до единичного сигнала с заранее обусловленным содержанием_, то есть, сведение поля в точку. Так формулируется далеко ведущий парадокс человеческого развития: каждый новый шаг в разработке описания мира обедняет переживание и ограничивает опыт. Подобную динамику можно проследить как в эволюции отдельной личности, так и в развитии цивилизации вообще.

У этой проблемы есть и другой аспект - энергетический. В системе дона Хуана этот аспект играет необыкновенно важную роль, так как любые достижения на пути магии возможны лишь при наличии специфической энергии. Вот как о роли описания говорит дон Хуан, используя уже иную терминологию:

"Я считаю, что восприятие человека на протяжении веков изменяется. Определенному времени соответствует определенная форма, определенный узел из бесчисленного количества энергетических полей. И овладение модальностью времени - этими несколькими избранными полями - отнимает всю имеющуюся у нас энергию, не оставляя нам возможности использовать какие-нибудь другие энергетические поля." (VIII, 9)

Понять, почему дело обстоит таким образом, можно, если мы вспомним о масштабах работы, совершаемой в процессе восприятия. Даже элементарный акт перцепции является плодом усилий сложного и неосознаваемого механизма. Для того, чтобы стать

полноценным компонентом нашего описания мира, внешний сигнал подвергается многочисленным и разнообразным процедурам - трансформациям столь значительным, что поневоле приходишь в изумление: насколько ничтожна связь нашего внутреннего мира с Реальностью! Какою мерою можно оценить глубину той пропасти, что разверзлась между нами и вездесущим Объектом? А ведь мы сами - его неотъемлемая часть, взгляд, направленный изнутри Реальности на все ту же Реальность, но взгляд бесконечно искусственный, последовательно искаженный, доведенный до абсурдной слепоты.



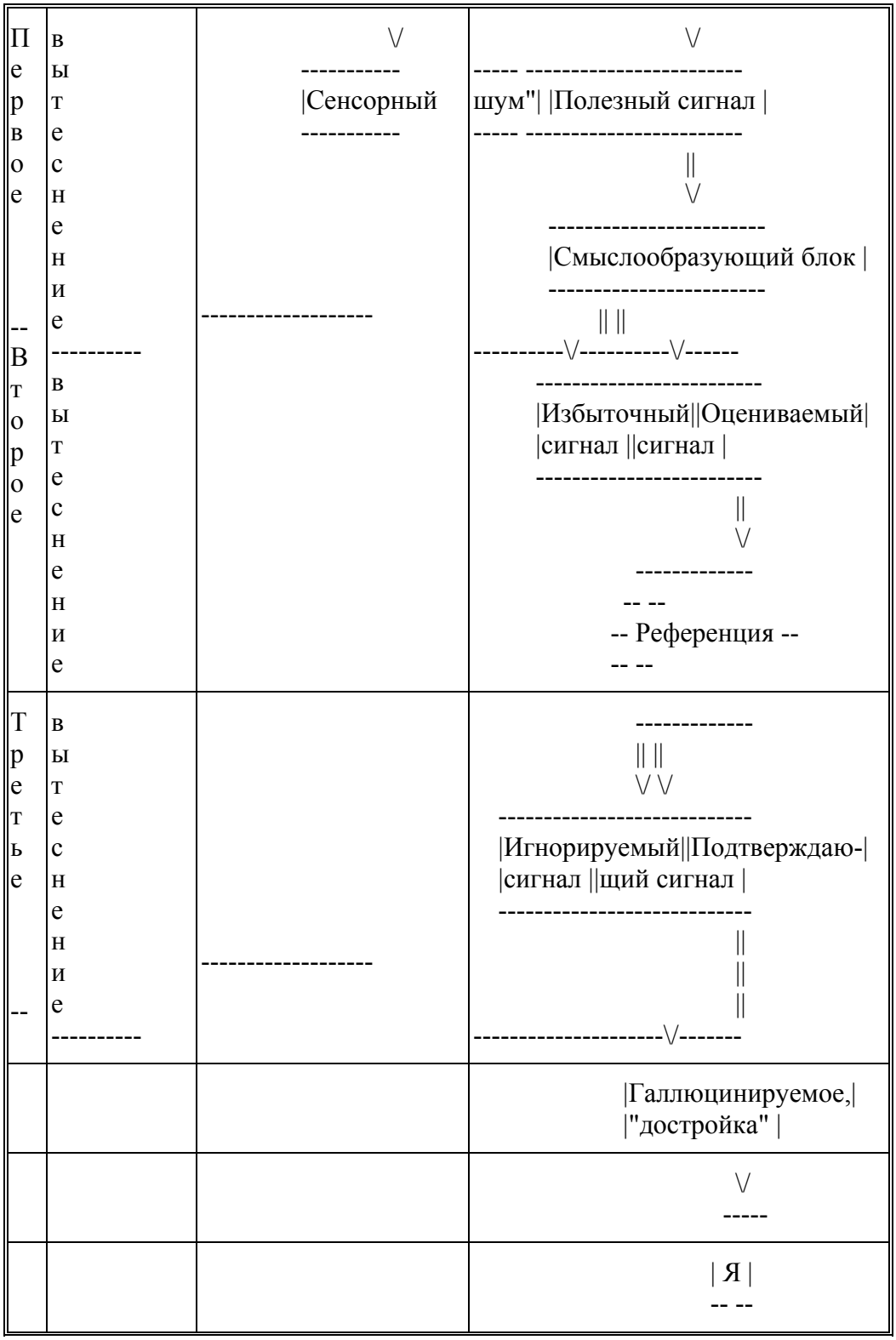


Рис. 1. Модель перцептивного аппарата человека.

На рис. 1 мы попытались изобразить максимально упрощенную модель человеческого восприятия. Современная психология знает немало подобных схем, но подлинный масштаб искажений сенсорной информации, проходящей через данный механизм, остается предметом дискуссий и является, собственно говоря, проблемой не столько

психологической, сколько философской - одним из тех "проклятых вопросов", к разрешению которых по сей день нельзя даже подступиться. Дон Хуан, презирающий всякую метафизику и опирающийся исключительно на непостижимый опыт "магической" практики, считает, что искажения почти полностью скрывают от нас облик мира. На наш взгляд, с этим трудно поспорить. Обратите внимание на то, какой тернистый путь преодолевает сенсорный сигнал для полного (или же частичного) усвоения психикой.

С самого начала мы вынуждены признать, что перцептуальный аппарат человека ограничен. А это значит, что некоторая (быть может, бесконечно значительная) часть Реальности остается вовсе недоступной восприятию. Невоспринимаемое буквально пронизывает мир, существуя в самой непосредственной близости от человека, но никак с ним не пересекаясь. Всеми способами наука стремится проникнуть в невоспринимаемое - приборами, экспериментом, интеллектуальным моделированием, однако кто знает, насколько она преуспела в этом?

Легко можно проследить, какая часть сенсорной информации, доступной нашему аппарату и полученной им, отсеивается сразу же, утопая в аморфном пространстве бессознательного. Это так называемый сенсорный "шум" - лишенные всякого смысла сигналы, лежащие в стороне от луча внимания, осмысление которых специально не производится. В серии тройного вытеснения "шум" отсеивается в первую очередь. Здесь следует помнить, что только внимание определяет, что в данной ситуации "шум", что - полезный сигнал. То же самое происходит на остальных уровнях вытеснения. Например, для здорового человека скорость и характер сокращений его сердечной мышцы почти всегда является сенсорным "шумом", восприятие которого полностью бессознательно. Но в случае серьезной озабоченности болезнью сердца такая информация быстро может стать полезным сигналом, а в "шум" превратится что-нибудь другое.

Дальше полезный сигнал поступает в смыслообразующий блок, где формируются комплексы или пучки сигналов одновременно с их "узнаванием". Полезный сигнал осмысляется, т.е. наделяется значением согласно заготовленному списку. Мы не будем сейчас рассматривать, откуда берется такой список - об этом речь впереди. В данный момент важно лишь иметь в виду, что процесс наделения смыслом является, возможно, самым сложным и энергоемким моментом в механизме восприятия. О том, каким именно образом это происходит, ученые рассуждают давно, разрабатывая многообразные версии и модели. Сам Кастанеда явно отдает предпочтение теории "глосс"
Т. Парсонса. "Описание подхода к пониманию магии содержится в идее Толкотта Парсонса о глоссах,- говорит он в беседе с Сэмом Кином на страницах "Psychology Today".- Глосса - это тотальная система восприятия и соответствующих средств артикулирования. Например, эта комната является глоссой. Мы соединили всинкретическом целом ряд изолированных восприятий - пол, потолок, стены, окно, освещение и т.д. - и этим создали нерасчленимую целостность. Но нас следует определенным образом обучить, чтобы так собирать мир." Если следовать данной терминологии, то глоссировка производится именно в смыслообразующем блоке.

По окончании этой работы определенный объем информации оказывается просто излишним. На данном этапе и происходит второе вытеснение, на сей раз в подсознательное. Следующий процесс - референция, то есть оценка осмысленного сигнала - для своего успешного протекания нуждается не во всем комплексе (пучке) собранного восприятия, а лишь в отдельных параметрах, по которым должна производиться оценка. И в этом случае сложность механизма обусловлена подвижностью внимания, что, в свою очередь, непосредственно связано с изменениями мотивации. В каждый отдельный момент мы сознательно воспринимаем лишь то, что оцениваем. Но и здесь работа не заканчивается. Произведенная референция порождает третье вытеснение - устранение

сигналов, в той или иной степени противоречащих избранной оценке. К несчастью, человек мало способен работать с неоднозначным материалом, полным внутренних конфликтов и парадоксов. Третье вытеснение особенно легко заметить в межличностных отношениях, т.к. именно в общении с себе подобными человек глубже всего погружен в оценочность. Психотерапевты хорошо знают это явление: если клиент уверен, что кто-то к нему относится отрицательно, то любое поведение данного лица, противоречащее такому убеждению, он, скорее всего, не заметит. Впрочем, референтный аспект перцепции универсален, и его результаты можно прослеживать постоянно.

Итак, на выходе из референтного блока мы получаем информацию настолько ущербную и однобокую, что всякий образ, построенный на ее основе, должен страдать явной и всесторонней недостаточностью. Почему же такая недостаточность ускользает от нашего внимания и, более того, кажется совершенно неочевидной в большинстве случаев? Механизм, с таким успехом скрывающий убожество нашего восприятия, Гриндер и Бэндлер удачно назвали "галлюцинированием". Мы же можем именовать его, например, достройкой. Ибо все утерянные, отсутствующие после вытеснений компоненты заменяются при помощи продуктивной части перцептуального аппарата сконструированными, достроенными, чтобы неизменно сохранять иллюзию целостности, о которой мы уже достаточно сказали выше. "Галлюцинирование" делается явным, когда человек, исходя из собственных предубеждений, начинает приписывать людям или объектам характеристики и действия, не существующие в реальности. В таких случаях говорят: он видит то, что хочет видеть. Окружающим часто трудно понять, откуда у подобных людей столько упрямства и убежденности - нам никак не верится, что они именно галлюцинируют, т.е. воспринимают несуществующее как реальность. Мы поневоле хотим думать, что это сознательное искажение, обман и тому подобное. К несчастью, здесь оказывается пораженным сам процесс восприятия, протекающий вне области ясного сознания, так что переубеждение этих упрямцев наталкивается на почти непреодолимые трудности. Известный эксперимент Постмена и Брунера очень убедительно демонстрирует универсальность процесса достройки ("галлюцинирования") во всех актах перцепции. Брунер и Постмен обращались к испытуемым с просьбой идентифицировать игральные карты, которые можно было видеть в течение очень короткого и тщательно измеренного отрезка времени. В основном это были обычные карты, но попадались и "аномальные". Например, красная шестерка пик или черная четверка червей. Даже при самом коротком предъявлении большинство испытуемых правильно идентифицировали почти все нормальные карты. Что же касается аномальных, то они чаще всего без колебаний идентифицировались как нормальные. Черную четверку червей принимали либо за черную четверку пик, либо за красную четверку червей. При этом испытуемые вовсе не высказывали своих предположений, они называли то, что действительно видели. Это подтвердилось следующим образом. По мере увеличения длительности предъявления аномальных карт, испытуемые начинали колебаться, выдавая тем самым некоторое осознание аномалии. При предъявлении им, например, красной шестерки пик они сообщали следующее: "Это шестерка пик, но что-то в ней не так... У черного изображения края красные."(!) Поистине, мы находимся в "пузыре восприятия" и видим на его стенках то, что сами сконструировали внутри себя. При этом наш аппарат использует три пары способов воздействия на полученный сигнал:

вычленение (изоляция) - вытеснение
усиление - ослабление
комплексация (сборка) - игнорирование

Таким образом, мы склонны согласиться с доном Хуаном: грандиозный механизм восприятия неминуемо должен потреблять львиную долю психической энергии индивида. Обратной стороной этого процесса, еще более энергоемкой, оказывается _эмоциональное реагирование_ как результат _вовлеченности_ субъекта в переживаемое им "галлюцинаторное" описание мира, но это уже эффект, последствие работы _тоналя_, о чем мы подробнее скажем ниже.

Итак, для того, чтобы всерьез взяться за восстановление подлинной целостности своего существа (т.е. необусловленного восприятия в чистом виде) мы имеем две достаточно веские причины: _когнитивную_ (так как в нынешнем состоянии у нас нет доступа к Реальности и мы манипулируем только самодельным "описанием мира") и _энергетическую_ (так как удержание описания требует почти всей перцептивной энергии личности). Иными словами, мы _не знаем и не имеем сил постичь_ Реальность, а значит, и подлинную сущность нас самих. Оттого мы ограничены и немощны в этом мире.

Значительная часть данного исследования будет посвящена именно методике достижения этой подлинной целостности. Мы выделили три основных приема, которые дон Хуан использовал в работе с учениками. Читатель, внимательно ознакомившийся с книгами К. Кастанеды, непременно заметит, что все действия учителя-мага в процессе долгих лет обучения производились по трем направлениям: а) уничтожение псевдоцелостности (разрушение описания мира), б) трансформация _тоналя_ (очищение "острова _тональ_"), и в) мыслительное и практическое осознание бытия подлинной Реальности (_нагуаля_ - второй части "истинной пары"). Любопытно, что интеллектуальное понимание "пары" дон Хуан открывает Кастанеде только на заключительном этапе его ученичества. Умствования на этот счет, не подкрепленные живой конкретикой опыта, в представлении данной традиции не многого стоят. Это как раз объясняет, почему первые книги Кастанеды, явившиеся отчетом потрясенного неофита, совершенно не осознающего, что же именно с ним проделывают, иногда оставляют впечатление аморфности, импровизации, странных фантазий и психоделического бреда. Эти книги в каком-то смысле оказываются прямой противоположностью интеллектуальным конструкциям философствующих мистиков Востока, где всякое переживание либо предваряется метафизическим положением, либо комментируется им. Мы постараемся показать, что практически все загадочные поступки дона Хуана и его "безумные речи" выполняют существенную дидактическую роль, тщательно продуманную и психологически убедительную.

Начнем же мы все-таки с теоретического осознания Реальности, ибо понимаем: подобное исследование может быть воспринято читателем в первую очередь через интеллект, а не каким-либо другим способом.

В своей четвертой книге ("Сказки о силе", 1974) Кастанеда подробно пересказывает, как дон Хуан ввел в его сознание идею _тоналя_ и _нагуаля_ ("описания" и Реальности). Этот примечательный разговор состоялся в маленьком мексиканской ресторанчике, где даже столовые приборы и окружающая обстановка были использованы учителем для большей наглядности объяснений. "Я собираюсь рассказать тебе о _тонале_ и _нагуале_," - начал он. Этот эпизод достоин того, чтобы процитировать его подробно.

"Теперь я использую твои собственные слова, - сказал он.- _Тональ_ - это социальное лицо.

Он засмеялся и подмигнул мне.

- _Тональ_ является по праву защитником, хранителем. Хранителем, который чаще всего превращается в охранника.

Я схватился за блокнот. Он засмеялся и передразнил мои нервные движения.

- _Тональ_ - это организатор мира,- продолжал он.- Может быть, лучше всего его огромную работу было бы определить так: на его плечах покоится задача создания мирового порядка из хаоса. Не будет преувеличением сказать, что все, что мы знаем и делаем как люди, - работа _тоналя_. Так говорят маги.

В данный момент, например, все, что участвует в твоей попытке найти смысл в нашем разговоре, является _тоналем_. Без него были бы только бессмысленные звуки и гримасы, и из моих слов ты не понял бы ничего.

Скажу далее, _тональ_ - это хранитель, который охраняет нечто бесценное - само наше существование. Поэтому врожденными качествами тоналя являются консерватизм и ревнивость относительно своих действий. А поскольку его деяния являются самой что ни на есть важнейшей частью нашей жизни, то не удивительно, что он постепенно в каждом из нас превращается из хранителя в охранника.

Он остановился и спросил, понял ли я. Я машинально кивнул головой, и он недоверчиво улыбнулся.

- Хранитель мыслит широко и все понимает, - объяснил он.- Но охранник бдительный, косный, чаще всего деспот. Следовательно, _тональ_ во всех нас превратился в мелочного и деспотичного охранника, тогда как он должен быть широко мыслящим хранителем. <...>

- _Тональ_ - это все, что мы есть,- продолжал он. - Назови его! Все, для чего у нас есть слово - это _тональ_. А поскольку _тональ_ и есть его собственные деяния, то в его сферу попадает все.

Я напомнил ему, что он сказал, будто бы "тональ" является "социальным лицом". Этим термином в разговорах с ним пользовался я сам, чтобы определить человека как конечный результат процесса социализации. Я указал, что если "тональ" был продуктом этого явления, то он не может быть "всем", потому что мир вокруг нас не является результатом социальных процессов.

Дон Хуан возразил, что мой аргумент не имеет никаких оснований, ведь он уже говорил мне, что никакого мира в широком смысле не существует, а есть только описание мира, которое мы научились визуализировать и принимать как само собой разумеющееся.

- _Тональ_ - это все, что мы знаем, сказал он.- Я думаю, что это само по себе уже достаточная причина, чтобы считать _тональ_ могущественной вещью.<...>

- _Тональ_ - это все, что мы знаем,- медленно повторил он.- И это включает не только нас как личности, но и все в нашем мире. Можно сказать, что _тональ_ - это все, что мы способны видеть глазами.

Мы начинаем взращивать его с момента рождения. Как только мы делаем первый вдох, с ним мы вдыхаем и силу для _тоналя_. Поэтому правильным будет сказать, что _тональ_ человеческого существа сокровенно связан с его рождением.

Ты должен запомнить это. Понимание всего этого очень важно. _Тональ_ начинается с рождения и заканчивается смертью. <...>

- Я все еще не могу понять, дон Хуан, что ты подразумеваешь под утверждением, что _тональ_ - это все? - спросил я после секундной паузы.

- _Тональ_ - это то, что творит мир.

- _Тональ_ является создателем мира?

Дон Хуан почесал виски.

- _Тональ_ создает мир только образно говоря. Он не может ничего создать или изменить, и, тем не менее, он творит мир, потому что его функция - судить, оценивать и свидетельствовать. Я говорю, что тональ творит мир, потому что он свидетельствует и оценивает его согласно своим правилам, правилам _тоналя_. Очень странным образом _тональ_ является творцом, который не творит ни единой вещи. Другими словами,

тональ создает законы, по которым он воспринимает мир, значит, в каком-то смысле он творит мир.

Дон Хуан мурлыкал популярную мелодию, отбивая ритм пальцами по краю стула. Его глаза сияли. Казалось, они искрятся. Он усмехнулся и покачал головой.

- Ты не слушаешь меня,- сказал он и улыбнулся.

- Я слушаю, нет проблем,- сказал я не очень убежденно.

- _Тональ_ - это остров, - объяснил он.- Лучшим способом описать его будет сравнение вот с этим. Он очертил рукой край стола.

- Мы можем сказать, что _тональ_, как поверхность этого стола, остров, и на этом острове мы имеем все. Этот остров - фактически весь наш мир.

У каждого из нас есть личные тонали и есть коллективный _тональ_ для нас всех в любое данное время, и его мы можем назвать _тоналем_ времени.

Он показал на ряд столов в ресторане.

- Взгляни, все столы одинаковы, на каждом из них есть одни и те же предметы. Но каждый из них имеет и свои собственные индивидуальные отличия. За одним столом больше людей, чем за другим. На них разная пища, разная посуда, различная атмосфера. Но мы должны согласиться, что все столы в ресторане очень похожи. То же происходит и с _тоналем_. Можно сказать, что _тональ_ времени - это то, что делает нас похожими, как похожи все столы в ресторане. В то же время каждый стол существует сам по себе, как и личный _тональ_ каждого из нас. Однако следует помнить очень важную вещь: все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, находится на острове _тоналя_. Понимаешь, о чем я?

- Если тональ - это все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, то что же такое _нагуаль_?

- _Нагуаль_ - это та часть нас, с которой мы вообще не имеем никакого дела.

- Прости, я не понял.

- _Нагуаль_ - это та часть нас, для которой нет никакого описания - ни слов, ни названий, ни чувств, ни знаний.

- Но это противоречие, дон Хуан. Мне кажется, если это нельзя почувствовать, описать или назвать, то оно просто не существует.

- Это противоречие существует только в твоем разуме. Я предупреждал тебя ранее, что ты выбьешься из сил, стараясь понять это.

- Не хочешь ли ты сказать, что нагуаль - это ум?

- Нет, ум - это предмет на столе, ум - это часть тоналя. Скажем так, ум - это чилийский соус. Он взял бутылку соуса и поставил ее передо мной.

- Может быть, нагуаль - это душа?

- Нет, душа тоже на столе. Скажем, душа - это пепельница.

- Может, это мысли людей?

- Нет, мысли тоже на столе. Мысли - столовое серебро. Он взял вилку и положил ее рядом с бутылкой соуса и пепельницей.

- Может, это состояние блаженства, небеса?

- И не это тоже. Это, чем бы оно ни было, часть тоналя. Это, скажем, бумажная салфетка.

Я продолжал перечислять всевозможные способы описания того, о чем он говорит: чистый интеллект, психика, энергия, жизненная сила, бессмертие, принцип жизни. Для всего, что я назвал, он находил на столе что-нибудь для сравнения и ставил это напротив меня, пока все предметы на столе не были собраны в одну кучу.

Дон Хуан, казалось, наслаждался бесконечно. Он посмеивался, потирая руки каждый раз, когда я высказывал очередное предположение.

- Может быть, нагуаль - это Высшая Сущность, Всемогущий, Господь Бог? - спросил я.

- Нет, Бог тоже на столе. Скажем так, Бог - это скатерть. Он сделал шутливый жест, как бы скомкав скатерть и положив ее передо мной к другим предметам.

- Но значит, по-твоему, Бога не существует?

- Нет, я не сказал этого. Я сказал только, что нагуаль - не Бог, потому что Бог принадлежит нашему личному тоналю и тоналю времени. Итак, тональ - это все то, из чего, как мы думаем, состоит мир, включая и Бога, конечно. Бог не более важен, чем все остальное, будучи тоналем нашего времени.

- В моем понимании, дон Хуан, Бог - это все. Разве мы не говорим об одной и той же вещи?

- Нет, Бог - это все-таки то, о чем мы можем думать, поэтому, правильно говоря, он только один из предметов на этом острове. Нельзя увидеть Бога по собственному желанию, о нем можно только говорить. _Нагуаль_ же всегда к услугам воина и его можно наблюдать, но о нем невозможно сказать словами.

- Если нагуаль не является ни одной из тех вещей, которые я перечислил, то, может быть, ты сможешь сказать мне о его местоположении. Где он?

Дон Хуан сделал широкий жест и показал на пространство вокруг стола. Он провел рукой, как если бы ее тыльной стороной очистит воображаемую поверхность за краями стола.

- _Нагуаль_ - там,- сказал он.- Там, вокруг острова. Нагуаль там, где обитает сила" (IV, 123-129)

Глубоко скрытая двойственность человеческого существа всегда стремилась выразиться на уровне сознания. Мы можем предположить, что постоянные (начиная с древнейших мифов и заканчивая современными психологическими теориями) упоминания о дихотомичности человека, вполне могут указывать на подсознательную осведомленность о подлинном положении вещей. Любопытно, что двойственность внутреннего мира часто привлекалась для объяснения именно оккультных, магических явлений. Тому примером является ныне позабытая книга врача Бруно Шиндлера "Магические стороны духовной жизни", изданная еще в 1857 году. Теперь, конечно, его рассуждения выглядят наивными, но упомянуть о них все же следует.

Шиндлер исходит из того положения, что наша душевная жизнь, "как и все силы природы", имеет два полюса. Психологи, полагает он, обращали внимание только на один нормальный, бодрствующий, "дневной полюс" душевной жизни, между тем как другой - "ночной полюс" - не менее важен, так как в нем мы должны искать источник всех мистических событий, магических влияний и т.д. Чем сильнее проявляется действие "ночного полюса", тем более он оттесняет на задний план "дневной полюс" и тем отчетливее проявляется магическое состояние. Можно проследить целый ряд таких состояний в постоянно усиливающейся прогрессии. Подобно тому как "дневной полюс" получает все возможные впечатления путем внешних чувств, "ночной полюс" также воспринимает впечатления от всей природы через посредство чувств внутренних.

Эти явления обнаруживаются уже на низших ступенях "ночного самосознания" - в снах. (В учении дона Хуана практика _сновидения_ - один из важнейших способов проникновения в нагуаль! - А. К.) "Во сне, когда раскрывается внутреннее сознание, когда, с одной стороны, индивидуум оградил себя от всех жизненных явлений внешней природы и когда бесчисленные лучи космических и теллургических сия отражаются в индивидууме, когда, с другой стороны, преобладает низшая, вещественная, пластическая жизнь, тогда и в сновидениях проявляются оба направления душевной деятельности: с одной стороны, возникает мутная игра фантазии, возбуждаемая низшими ощущениями плоти, запятнанная

телесными страстями, обремененная впечатлениями греховной дневной жизни, с другой стороны, восстает голос природы, подобно оракулу изъясняющий прошедшее, прозревающий настоящее, возвещающий будущее, и достигает порога сознания в форме предчувствия, вдохновения и пророчества". Более высокую степень магического состояния мы наблюдаем в "предчувствии", возникающем в тех случаях, когда "ночной полюс" начинает проявлять себя в "дневном сознании". Если представления принимают определенный образ, то мы имеем временное "ясновидение". Если "ночное сознание" делается преобладающим, то мы имеем "пророчество", которое проявляется только при полном экстазе, выраженном с внешней стороны судорожными движениями. Это последнее обстоятельство ясно указывает, что власть воли над телом утрачена и "дневной полюс" оттеснен окончательно. Так как во всех этих состояниях человек сам не знает, откуда у него взялись эти представления, то и приписывает их либо откровению, либо бесовскому наваждению.

Все искусственные средства, употребляемые для вызывания экстатического состояния: натирания, курения, заклинания, воздержания, гипнотизирующие средства и т.д., действительны, по мнению Шиндлера, лишь потому, что способствуют усилению ночного полюса за счет дневного. Впечатления, дремлющие в ночном сознании, выступают на первый план и получают яркость действительных явлений. Субъект видит лишь то, что ему желательно видеть: поэтому все вызывания духов приводят только к галлюцинациям. Истинную ценность имеет только ясновидение прошедшего и будущего, овладевающее индивидуумом при экстатическом состоянии, потому что эти явления порождаются воздействием "всего сущего" на "ночной полюс" сознания, хотя точный путь такого воздействия нам неизвестен. По мнению Шиндлера, вся практическая магия основана на действии на расстоянии некоторой силы, исходящей из "ночного полюса" человека и могущей вызывать движения неодушевленных вещей и разнообразные изменения в других людях.

Таким образом, своеобразность Шиндлеровской теории состоит в том, что все магические явления он приписывает "ночному полюсу" человеческого сознания, весьма отличающемуся от нормального дневного полюса психической жизни. Ночной полюс получает из внешней природы воздействия совершенно иного характера, чем известные нам впечатления, получаемые через органы чувств, и деятельность его настолько различна от деятельности дневного полюса, что мы не можем определить его законы. (См. "Иллюстрированная история суеверий и волшебства". Сост. д-р Леманн. М., 1900. С. 250-251)

Когда мы говорим о подсознательной осведомленности нашего существа, нельзя не вспомнить слова самого дона Хуана.

"При определенных обстоятельствах _тональ_ начинает осознавать, что кроме него есть еще нечто. Это что-то вроде голоса, который приходит из глубин, голоса _нагуаля_. Видишь ли, целостность является нашим естественным состоянием, и тональ не может полностью отбросить этот факт. Поэтому бывают моменты, особенно в жизни воинов, когда целостность становится явной. Именно в эти моменты мы получаем возможность осознать, чем являемся в действительности.

Меня заинтересовали толчки, о которых ты говорил, потому что именно так _нагуаль_ и выходит на поверхность. В эти моменты тональ начинает осознавать целостность самого себя. Такое осознание - это всегда потрясение, потому что оно разрывает пелену нашей умиротворенности. Я называю его целостностью существа, которое умрет. Суть в том, что в момент смерти другой член истинной пары - нагуаль - становится полностью действенным. Все осознание, воспоминания, восприятие, накопившееся в наших икрах и

бедрах, в нашей спине, плечах и шее, начинают расширяться и распадаться. Как бусинки бесконечного разорванного ожерелья, они раскатываются без связующей нити жизни.

Он посмотрел на меня. Его глаза были мирными. Я чувствовал себя глупо и неловко.

- Целостность самого себя очень тягучее дело,- сказал он.- Нам нужна лишь малая часть ее для выполнения сложнейших жизненных задач. Но когда мы умираем, мы умираем целостными. Маг задается вопросом: если мы умираем с целостностью самих себя, то почему бы тогда не жить с ней?" (IV, 135)

Человек - поистине жертва собственного "описания мира". Даже смерть, решающий факт его бытия и величайший страх живого, является элементом внушенной структуры. Наше стремление к псевдоцелостности, сокровенное томление по близкому, но недосягаемому _res integra_, замыкает восприятие на себе по всем направлениям, превращая мир в бесконечно повторяющееся, монотонное нечто, лишенное подлинной новизны и чувства Реальности. Мы даже не можем говорить о восприятии в точном значении этого слова, ибо почти всегда имеем дело с _воспоминанием_ о предыдущих восприятиях, пребывая в какой-то фантастической каше из идей, рассуждений, оценок, внутренней болтовни. "Подумай вот о чем,- продолжал он. - Мир не отдается нам прямо. Между нами и ним находится описание мира. Поэтому, правильно говоря, мы всегда на один шаг позади, и наше восприятие мира всегда только воспоминание о его восприятии. Мы вечно вспоминаем тот момент, который только что прошел. Мы вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем." (IV, 51)

Здесь следует понять весьма важное положение, легко ускользающее от нашего внимания и очень часто становившееся камнем преткновения для Кастанеды во времена его ученичества. Описание мира включает в себя не только оценки и суждения, так сказать, мнения по поводу восприятий. Описание в первую очередь _структурирует само восприятие и определяет все атрибуты воспринимаемого_, включая и то, что именуется объективными (физическими) характеристиками мироздания, то есть пространство и время, массу, энергию и проч. "Плотность, материальность - это воспоминания. Поэтому, как и все, что мы ощущаем в мире, они являются только накапливаемой нами памятью. Памятью об описании. Ты помнишь о моей материальности точно таким же способом, как и о коммуникации посредством слов." (IV, 52)

И вновь подступает к нам тревожный, неумолимый образ пустоты. Ибо что за непостижимый сумрак открывается взору, когда устранены все иллюзорные кирпичики, все предустановленные описания, когда не за что зацепиться, потому что все эти крючки, "субъективации", модели, стереотипы рассеяны, обращены в пыль нечеловеческой наготой Объекта? (_Повседневный мир существует только потому, что мы знаем, как удерживать его образы_. Следовательно, если выключить осознание, необходимое для поддерживания этих образов, то мир рухнет. - V, 555) Пустота как конечный итог философского изыска, как Великий Предел (достижение которого невозможно уподобить даже смерти, ибо смерть - все же опознаваемый знак, а не отсутствие всякого знака), всегда питала экзистенциальный нигилизм, начиная со времен Будды. За пределами "человеческого" пространства люди склонны провозглашать Ничто. Этот своеобразный бунт антропоцентриста - оборотная сторона "позитивной" мифологии тех, кто ищет спасения в наукообразной мечте или религиозном откровении. Недюжинная проницательность и трезвомыслие требуются человеку, чтобы осознать: истина пребывает не здесь и не там. Древние даосы понимали это лучше других. "Во сне, в зеркале, в воде существует мир,- сказано в трактате "Гуань Инь-цзы".- Все, что есть и чего нет там, присутствует здесь, а не там. Вот почему мудрец не отвергает мир, а устраняет знание о нем."

3. Ветер нагуаля

Я тот, кто есть.
Исход, 3:14

Но что нам сулит этот непостижимый иероглиф - мир без "знания о нем"? Как может быть нечто, столь неопределимое, абсолютно безразличное и бессмысленное для человеческого взгляда, хотя и вездесущее, так категорично решать нашу судьбу, быть неизмеримо важным и вовлекать в свою тайну до того властно, что порою вся жизнь личности оказывается подчиненной его безудержному и туманному свету? Почему самые удивительные трансформации, раскрытие таинственного могущества психики от века связывались с откровением Реальности, как бы ее ни называли? И какой смысл таится в интригующей метафоре дона Хуана - "нагуаль там, где обитает сила"? Что мы для этого колосса, не знающего пределов,- прах, вечно сметаемый им с ладони, или возлюбленное дитя, "жемчужина", зреющая в утробе Бесконечного? "Если мы отвлечемся от своих эгоистических предубеждений, неглубоких и непостоянных интересов,- писал Шри Ауробиндо,- если мы взглянем на мир беспристрастным и любознательным взглядом, ищущим одну только Истину, то заметим в первую очередь ничем не ограниченную энергию бесконечного существования, бесконечное движение, бесконечную активность, извергающую себя из беспредельного Пространства в вечность Времени, бытие, бесконечно большее, чем наше эго, либо всякое иное эго или их совокупность,- бытие, для равновесия которого грандиозные плоды эонов лишь мимолетный прах, а бесчисленные мириады - только ничтожная мелочь в его не поддающихся счету пределах. Инстинктивно мы действуем, ощущаем, строим свои взгляды на жизнь так, словно этот колоссальный мир движется вокруг нас, словно мы находимся в центре его и он работает ради нас, ради нашей пользы или нам во вред, словно его главная забота, как и для нас, - соответствовать нашим эгоистическим стремлениям, эмоциям, идеям и идеалам. Когда же мы обращаем на него взгляд, то начинаем понимать, что он существует сам по себе, а не для нас, что у него собственные гигантские цели, свой сложный и бесконечный замысел, своя огромная жажда - блаженство, которое он стремится реализовать, свои грандиозные, непостижимые идеалы, с высоты которых он глядит на нашу мелочность, улыбаясь иронично и снисходительно." (The Life Divine, Ch. IX.) Конечно, такой взгляд по-прежнему "слишком человеческий", и сама постановка проблемы не имеет смысла, поскольку отношения между нами и Реальностью наверняка пребывают вне придуманных категорий или суждений. И все же здесь есть нечто, в любом случае важное,- "ничем не ограниченная энергия бесконечного существования". По сути, мы можем постулировать, не опасаясь впасть в космологический миф, только два факта, касающиеся подлинной Реальности: а) бесконечность и всемогущество ее энергии, б) нашу вовлеченность в эту энергию и связанность с нею. Отрицание этих двух фактов заведет нас в экзистенциальный тупик, где прозябают немногочисленные солипсисты нашего века, а "расцвечивание" предложенной (пусть довольно скудной) картинки "интуитивными" догадками по поводу горнего замысла, грядущего величия человека и т.п. в метафизические грезы религиозной философии. Рассматривая такую серьезную вещь, как Реальность, не следует выходит за пределы позитивного прагматизма - слишком дорогой может оказаться цена легкомыслия и заблуждений.

Памятуя о таком предостережении, попытаемся все же осознать то немногое, что _реально_ стоит за данными фактами бытия. Во-первых, мировая энергия действительно не знает пределов. Мы не можем больше рассматривать вселенную как структуру с неоднородным распределением энергии в пространстве или во времени. Допустимо говорить о _преобладании_ одного вида энергии в рассматриваемой области континуума и лишь по отношению к _определенному_ способу восприятия. Тот факт, что мир

существует и движется, указывает на безусловную избыточность мировой энергии для любой точки экзистенциального поля. Сама неустранимость пространства и времени в любом, даже чудовищно измененном (для нас) виде демонстрирует энергию бытия всегда, везде и во всем. Следовательно, проблема заключается только в том, _доступно_ или нет восприятие энергии для данного состояния человеческого существа. Как-то дон Хуан сказал Кастанеде, что в мире нагуаля постоянно дует ветер, и подчеркнут: "Это не метафора. Так оно и есть." Энергия бытия вездесуща, но наша природа позволяет определенным образом вуалировать ее проявления. Иными словами - трансформировать ее воздействие в соответствии с законами описания, т.е. посредством тоналя и в согласии с его "конфигурацией".

Во-вторых, нам следует понять, что реально означает наша вовлеченность в эту энергию и _связанность_ с нею. То описание мира, которое мы с вами привыкли разделять, внушает представление о некоей противоположности Я и мира, субъекта и объекта, где возможно, например, _пассивное созерцание_ или _активная деятельность_. Только абстрагируясь от подобных "статических" идей и рассматривая человека как энергетический комплекс, существующий в энергетическом поле, мы можем увидеть, что любой акт восприятия (независимо оттого, описывается он нами как "активный" или "пассивный") есть процесс выделения либо поглощения, а в конечном итоге - _обмена_ энергией. И именно способ восприятия, осознания такового процесса определяет тип утилизации энергии либо исключает возможность самой утилизации. Нетрудно заметить, что описание мира, утверждаемое тоналем, накладывает несметное число ограничений в области утилизации энергии, культивируя лишь те из них, что устраивают его консервативную сущность, "оберегают" нас от рискованных шагов, одновременно лишая любых возможностей изменения. Таким образом, мы владеем некоторым числом способов утилизации энергии, необходимым и достаточным для поддержания конкретной модели мировосприятия. Так обеспечивается эффективная деятельность в узкой области освоенного. "В момент рождения и некоторое время спустя мы являемся целиком нагуалем,- объясняет дон Хуан. - Затем мы чувствуем, что для нормальной деятельности нам необходима противоположная часть того, что мы имеем. Тональ отсутствует, и это дает нам с самого начала ощущение неполноты. Затем тональ начинает развиваться и становится совершенно необходимым для нашего существования. Настолько необходимым, что затеняет сияние нагуаля, захлестывает его. С момента, когда мы целиком становимся тоналем, в нас все возрастает наше старое ощущение неполноты, которое сопровождало нас с момента рождения. Оно постоянно напоминает нам, что есть еще и другая часть, которая дала бы нам целостность.

С того момента, как мы становимся целиком тоналем, мы начинаем составлять пары. Мы ощущаем две наши стороны, но всегда представляем их предметами тоналя. Мы говорим, что две наши части - душа и тело, или мысль и материя, или добро и зло, Бог и дьявол. Мы никогда не осознаем, что просто объединяем в пары вещи на одном и том же острове, как кофе и чай, хлеб и лепешки или чилийский соус и горчицу. Скажу я тебе, мы - странные животные. Нас унесло в сторону, но в своем безумии мы уверили себя, что все понимаем правильно." (IV, 129)

Большинство из нас за всю жизнь так и не докапываются до фундаментальной причины собственной ограниченности. Почему прекрасные и волнующие идеи духовного самосовершенствования, медитационные техники, направленные на пробуждение "бессмертной души", экстатические переживания Божества и искреннее противоборство с "дьяволом" разбиваются о безразличие "темной материи", о нерушимые законы праха? Ведь на самом деле мы видим в результате только некоторое расширение возможностей саморегуляции, которое, кстати говоря, вполне достижимо и без привлечения таких

идеальных фантомов, как "добро и зло, Бог и дьявол". Мы действительно "странные животные", потому что уверили себя, что способны воздействовать на Реальность, никак не соприкасаясь с нею, а только придумывая красивые слова и воодушевленно суггестируясь ими. Читатель, конечно, вправе спросить: а не окажется ли "нагуаль" таким же красивым словом, ничего не меняющим в гуще безраздельно царствующего описания? Тонкую грань между осознанием истинного соотношения и сотворением еще одного мифа на "острове _тональ_" переступить крайне легко - ведь всякое слово требует _содержания_, структуры, а этим располагает исключительно "описание мира" как замкнутая и неизбежно возвращающаяся к себе целостность. Отвечая на вопрос Кастанеды, что можно найти за "островом", дон Хуан сказал:

"Нет возможности ответить на это. Если я скажу "ничего", то только сделаю нагуаль частью тоналя. Могу сказать только, что за границами острова находится нагуаль.

- Но когда ты называешь его нагуалем, разве ты не помещаешь его на остров?

- Нет, я назвал его только затем, чтобы дать тебе возможность осознать его существование.

- Хорошо! Но разве мое осознание не превращает нагуаль в новый предмет моего тоналя?

- Боюсь, что ты не понимаешь. Я назвал нагуаль и тональ как истинную пару. Это все, что я сделал.

Он напомнил мне, как однажды, пытаясь объяснить ему свою настойчивую потребность во всем улавливать смысл, я говорил, что дети, может быть, не способны воспринимать разницу между "отцом" и "матерью", пока не научатся достаточно разбираться в терминологии. И что они, возможно, верят, что отец - это тот, кто носит брюки, а мать - юбки, или учитывают какие-нибудь другие различия в прическе, сложении или предметах одежды.

- Мы явно делаем то же самое с нашими двумя частями,- сказал он.- Мы чувствуем, что есть еще одна часть нас, но когда стараемся определить эту другую сторону, тональ захватывает рычаги управления, а как директор он крайне мелочен и ревнив. Он ослепляет своими хитростями и заставляет нас забыть малейшие намеки на другую часть истинной пары - нагуаль." (IV, 130-131)

Как видим, реальный смысл соотношения тональ-нагуаль сохраняется парадоксальным способом, т.е. лишением понятия "нагуаль" содержания вообще. С таким же успехом мы можем назвать Реальность абсолютным иксом (х) и только так не погрешим против истины. Возможно, здесь заключено одно из фундаментальных отличий системы дона Хуана от иных мистических доктрин. Вспомните, как именуют бытие духовные искатели бесчисленных школ и направлений; даже самые утонченные традиции оперируют _содержанием_ несмотря на то, что идея невыразимости опыта - общее положение для всякого мистика, давно ставшее трюизмом. Все эти слова - Брахман, мировое Я, Божественное, Универсальное Сознание, Абсолют, Сат-Чит-Ананда, Христос, Любовь и проч. - оценивают, судят, опредмечивают, ограничивают, направляют. Каждое из этих слов имеет семантические границы, иногда жесткие и явные, иногда - аморфные, смутные, намекающие. В любом случае они служат своего рода дорожными указателями, с одной стороны предваряющими опыт, с другой - обусловливающими его. Дорожный указатель, конечно, полезная штука, если вы хотите попасть в какое-нибудь определенное место, но именно он и мешает нам "пойти купа угодно". (В своем интервью _Psychology Today_ Кастанеда рассказывает, что обсуждая "Логико-философский трактат" Витгенштейна, дон Хуан заявил: "Этот твой приятель Витгенштейн затянул у себя на шее слишком тугую петлю, потому и не может пойти куда угодно.") Даже на пределе абстракции мистик не способен вырваться из описания мира. Скажем, Пустота или Путь

Вещей - символы, впечатляющие своим размахом, но все равно путающие нас в качестве наиболее хитрых уловок тоналя. Описание мира работает совсем не грубыми методами, его замкнутость на себе далеко не очевидна. Требуется совершенно особое усилие сознания, чтобы увидеть этот молниеносный и автоматический процесс. Если такое усилие не было приложено, самые проницательные из нас продолжают обманывать себя до конца. Общим аргументом обычно служит утверждаемая несоразмерность слова и полноты переживания. Дескать, слово - не более, чем условный знак, единственный способ намекнуть на нечто грандиозное и несказанное. При этом бхакта продолжает скитаться в сверкающем море Любви, раджа-йогин сливается с беспристрастным космическим субъектом (Пурушей), а буддист ускользает в беспредметную Нирвану. Такая закономерность переживаний особенно примечательна, если не забывать о том, что речь идет о встрече с единственной и абсолютной Реальностью. Для дона Хуана это хороший повод повеселиться, а заодно и выразить восхищение бесконечным хитроумием человеческого _тоналя_. Судя по всему, представление об "истинной паре" не смогло пробиться в обусловленное сознание мистика. По крайней мере, мы таких примеров не знаем. Что-то ужасающее, неприемлемое заключено в безобидном иксе хихикающего мага, искренне забавляющегося недоумением Кастанеды. Что-то сокрушительное. "Нагуаль там, где обитает сила." Заметьте: нагуаль даже не сила, они только рядом! Сила - всего лишь один из бесчисленных эффектов нагуаля, завораживающий блеск Непостижимого.

Реальность и Сила настолько глубоко связаны в мироощущении человека, что одного из древнейших богов Земли, наделенного абсолютной властью, единого и всемогущего Творца, духовидцы ветхозаветной Иудеи назвали "Тот, кто есть", "Сущий" (Иегова). Не правда ли, знаменательно? Первейшим атрибутом безраздельно правящего Божества оказывается даже не творчество и вовсе не право карать или миловать собственное творение, не Любовь и не Справедливость, а категоричное утверждение Его Реальности, абсолютного Существования, как будто одно это качество уже гарантирует превосходство над всеми кумирами Земли. Конечно, можно лишь гадать, глубинная интуиция послужила причиной такого почитания Сущего или рассуждения совсем иного рода. Но пронзительный, никогда не затихающий ветер нагуаля действительно является бездонным источником абсолютной, всепобеждающей Силы. Быть может, даже знаменитая формула Эйнштейна E=mc^2 не исчерпывает всей полноты могущества Реальности. Энергия миллиардов солнц готова в любой миг сокрушить, разметать в прах коснувшегося ее субъекта, стоит хоть на йоту погрешить против непререкаемых законов беспощадной "физики" нагуаля. Дон Хуан Матус утверждает, что его особое искусство позволяет индивидуальности сохраниться в обнаженной Непостижимости и даже укротить это свирепое движение с тем, чтобы выйти на иной уровень бытия - функционального, активного, творческого. Статическая греза восточного мистицизма (самадхи, Нирвана и т.п.) настолько отличается от этого могучего потока, что естественно задать вопрос: а не является ли блаженство медитаторов, их бесстрастное Сат-Чит-Ананда последним убежищем тоналя, самой хитрой и самой искусной его уловкой перед лицом вплотную поднявшейся Реальности? ("Величайшее искусство тоналя - это подавление любых проявлений нагуаля таким образом, что даже если его присутствие будет самой очевидной вещью в мире, оно останется незамеченным." - IV, 134) Нагуаль опасен, к нему нельзя приближаться беззащитным. Видимо, есть только два способа спасения существа от его всепоглощающего хаоса: 1) сохранение описания мира в таком виде, где Реальность демонстрирует себя лишь частично, теми сторонами, что менее опасны для бытия личности, 2) осознанное применение "щитов" тоналя, возможное в результате раскрытия "истинной пары" и понимания взаимодействия ее составляющих. Второй способ, несомненно, гораздо сложнее, рискованней, но и бесконечно эффективнее. Этим путем

следует традиция дона Хуана. Первый способ дарит чувство защищенности, благополучия, но оставляет Реальность на некоторой дистанции, ослабляя ее ужас и ее мощь. Инстинктивно человек всегда стремился как раз к такому способу - мудрому, безопасному и, в результате, слабосильному. Возникновение дерзкой практики дона Хуана почти смахивает на чудо. Его приемы хитры, но часто подобны прогулкам на краю пропасти.

"Твой тональ должен быть убежден разумом, твой нагуаль - действиями, пока они не сравняются друг с другом, как я тебе говорил. Тональ правит, и, тем не менее, он очень уязвим. Нагуаль, с другой стороны, никогда или почти никогда не действует, но когда он действует, он ужасает тональ.

Этим утром твой тональ испугался и стал сжиматься сам собой, и тогда твой нагуаль начал брать верх. <...>

Тональ должен быть защищен любой ценой. Корона должна быть с него снята, однако он должен оставаться как защищенный поверхностный наблюдатель.

Любая угроза тоналю обычно заканчивается его смертью. А если умирает тональ, то умирает и весь человек. Тональ легко уничтожить из-за его врожденной слабости, и потому одним из искусств равновесия воина является вывести на поверхность нагуаль, чтобы уравновесить тональ. Я говорю, что это искусство; и маги знают, что только путем усиления тоналя может появиться нагуаль. Понятно, что я имею в виду? Это усиление называется личной силой." (IV, 163)

Сила тоналя, или _личная сила_, - вот бесценное приобретение на пути индейских "магов", вот шанс принять нагуаль без мифов, во всей полноте, и не рассыпаться в прах под натиском его ветра. Здесь включена сложная дисциплина, требующая иногда "целой жизни борьбы", но начинается она в _осознании_ тоналем самого себя, своего механизма, своих программ, хитростей и обманов. Без такого осознания невозможно начинать работу, без него мы навсегда останемся немощными и не сможем развернуть во всю ширь "крылья" своего восприятия, они будут лишь обманчиво трепетать, мельком показывая утешительные виды - сверкание несуществующих богов или бескрайнюю гладь морей Нирваны. Кто знает, может оно и лучше? Полностью развернутые крылья уносят нас слишком далеко - к Истине, где нет ничего человеческого.

"Прошлой ночью пузырь твоего восприятия раскрылся и его крылья развернулись. Больше мне нечего сказать об этом. Невозможно объяснить, что с тобой произошло. Я не пытаюсь, и тебе не советую. Достаточно сказать, что крылья твоего восприятия были созданы для осознания твоей целостности. Прошлой ночью ты вновь и вновь двигался между нагуалем и тоналем. Тебя швыряли дважды для того, чтобы не осталось возможности ошибок. Второй раз ты испытал полный удар путешествия в неизвестное. И тогда твое восприятие развернуло свои крылья. Что-то внутри тебя поняло свою истинную природу. Ты - пучок.

Это объяснение магов. Нагуаль невыразим. Все возможные ощущения, и существа, и личности плавают в нем, как баржи - мирно, неизменно, всегда. Это идея жизни связывает их вместе. Ты сам обнаружил это прошлой ночью. То же с Паблито. И то же было с Хенаро, когда он впервые путешествовал в неизвестное, и со мной. Когда клей жизни связывает все эти чувства воедино, возникает существо, теряющее ощущение своей истинной природы, ослепленное суетой и сиянием места, где оно оказалось - тоналем. Тональ - это то, где существует всякий объединенный организм. Существо впрыскивается в тональ, как только сила жизни связывает все необходимые ощущения. Я однажды говорил тебе, что тональ начинается с рождения и кончается смертью. Я говорил это потому, что знаю: как только сила жизни оставляет тело, все эти единые осознания распадаются и возвращаются назад туда, откуда они пришли - в нагуаль. То, что делает воин, путешествуя в неизвестном, очень похоже на умирание, только вот его пучок единых

ощущений не распадается, а лишь немного расширяется, не теряя своей целостности. В смерти, однако, они тонут глубоко и двигаются независимо, как если бы они никогда не были единым целым.

Я хотел сказать ему, насколько точно он описал мой опыт, но он не дал мне говорить.

- Нет способа говорить о неизвестном, - сказал он.- Можно быть только свидетелем его. Объяснение магов гласит, что у каждого из нас есть центр, из которого можно быть свидетелем нагуаля, - это воля. Поэтому воин может отправляться в нагуаль и позволять своему пучку складываться и перестраиваться всевозможными способами. Я уже говорил тебе, что способ выражения нагуаля - это личное дело. Я имел в виду, что от самого воина зависит направление изменения этого пучка. Исходной позицией являются человеческая форма или человеческое существо. Быть может, она нам просто всего милее. Однако есть бесчисленное количество других форм, которые может принять пучок. Я говорил тебе, что маг может принять любую форму, какую хочет. Это правда. Воин, владеющий целостностью самого себя, может перераспределить частицы своего пучка любым вообразимым способом. Сила жизни - вот что делает такие объединения возможными. Когда сила жизни иссякнет - не будет никакого способа вновь собрать пучок. Я назвал этот пучок пузырем восприятия. Я также говорил, что он упакован, закрыт накрепко, и никогда не открывается до момента нашей смерти. И все же его возможно открыть. Маги явно раскрыли этот секрет, и хотя не все они достигли целостности самих себя, но знали о возможности этого. Они знали, что пузырь открывается только тогда, когда погружаешься в нагуаль." (IV, 276-277)

Нагуаль невыразим. Его эффекты мы организуем в пространстве и во времени, но и эти категории условны, даже на них нельзя опереться, и с этим соглашались все последовательные мыслители, рассуждавшие о Реальности. "Стоит нам взглянуть на само бытие, как Пространство и Время исчезают. Если и существует некая протяженность, то не пространственная, а психологическая; если и есть какая-либо длительность, то не временная, а психологическая длительность, - и тогда легко увидеть, что такая протяженность и длительность суть лишь символы, предоставляющие уму нечто, не переводимое на язык интеллекта, вечность, явленную нам как одно и то же, всегда содержащее в себе вечно новое мгновение, и бесконечность, явленную нам как повсюду одинаковое, везде содержащее в себе всепроникающую точку, не имеющую размеров. И этот конфликт терминов, сталь непримиримый, но, тем не менее, точно выражающий нечто, нами воспринимаемое, демонстрирует, что разум и речь вышли за свои естественные границы и стремятся выразить Реальность, в каковой их собственные условности и неизбежные противопоставления растворяются в невыразимом тождестве." (Шри Ауробиндо. Жизнь Божественная.) Грандиозный Икс, вездесущая тайна, перед которой немеет язык и останавливается разум. Мы обречены пользоваться интеллектом, всегда и во всем признавая его бессилие. От Реальности невозможно укрыться, и если мы полагаем, что изощренный тональ спасет нас, изменит нашу окончательную судьбу (как бессознательно надеются многие мистики), то лишь тешимся пустой иллюзией. Власть нагуаля безраздельна, и даже сквозь описание он постоянно демонстрирует нам свое непостижимое действо.

"Твой драгоценный разум является только центром сборки, зеркалом, которое отражает нечто, находящееся вне его. Прошлой ночью ты был свидетелем не только неописуемого нагуаля, но и неописуемого тоналя.

В последнем кусочке объяснения магов говорится, что разум только отражает внешний порядок, ничего не зная об этом порядке, и он не может объяснить его точно так же, как не может объяснить нагуаль. Разум может только свидетельствовать эффекты тоналя, но никогда не сможет понять его или разобраться в нем. Уже то, что мы думаем и

говорим, указывает на какой-то порядок, которому мы следуем, даже не зная, ни как мы это делаем, ни того, чем является этот порядок...

Тональ каждого из нас является просто отражением неописуемого неизвестного, наполненного порядком, а нагуаль каждого из нас является только отражением неописуемой пустоты, которая содержит все." (IV, 280-281)

4. Озабоченность и свобода

Если бы мы попробовали взглянуть на человеческое отношение к абсолютной Реальности каким-нибудь особенно посторонним взглядом (т.е. извне собственной психологии), то непременно задались вопросом: отчего все возможные позитивные эпитеты так настойчиво приписывались ей на протяжении долгой истории духовных исканий человечества? В самом деле, почему касание Истины обязательно "благодать" или, скажем, "блаженство"? Даже избегая явных антропоморфизмов вроде "всеблагого Отца Небесного", "Бог есть Любовь" и проч., духовный искатель в той или иной форме открывал для себя Реальность как Сат-Чит-Ананда (Бытие - Сознание - Блаженство). И дон Хуан, категорически отрицая "очеловечивание" мироздания, тем не менее, говорит о поиске "абсолютной свободы" - от чего? Какую бы духовную традицию мы ни взялись изучать, какое бы религиозное движение ни стало предметом нашего рассмотрения, повсюду маячит образ некоего счастья, восторга и даже экстаза. Порою эта высшая эмоция оказывается непременным и достаточным критерием необходимого сближения с Реальностью, интимного контакта или слияния с нею. Тихое "умиление" христиан, "радения" сектантов, буйное веселье суфиев, восторги космического Эроса в разных модификациях бхакти (вплоть до современного кришнаизма) - все это высшие проявления раскрывшегося Божества; они заслоняют и знание, и силу, и покой. Недаром тот, кто однажды окунулся в море этой запредельной радости, часто сохраняет на всю жизнь преданную благодарность традиции, подарившей ему такую возможность, безусловную привязанность и ревностное отношение к любым посягательствам на ее святыни. В других школах и религиях блаженства Истины могут замалчиваться стыдливым аскетизмом, вуалироваться строгой метафизикой, но всегда остаются неудалимым компонентом высших достижений и переживаний. Например, дзэн-буддизм, где экстатический характер просветления вовсе не является центральным моментом учения, все же указывает на него, хотя метафизически в этом ничуть не нуждается. (Д. Т. Судзуки говорит о сатори: "Вся ваша умственная деятельность теперь носит другую окраску, более удовлетворяющую, более мирную, и, как никогда раньше, полную радости." И далее: "Отверженный бродяга, с которым дурно обращались не только другие, но и он сам, обнаруживает, что он стал обладателем всего богатства и власти, которых только может достичь смертный в этом мире. Если не это, то что еще может вызвать у него чувство самовосхваления?" Об экзальтированности в дзэн-буддизме говорится осторожно, но мы можем представить, что за высокие восторги витают вокруг особенной мудрости просветленного.) Касаясь Истины, мудрец всегда чувствует неизъяснимое блаженство. Реальность, Абсолют, Бытие предъявляют себя в первую очередь как яркий психический факт, как _внутреннее_ откровение, "субъективная революция". Переживание своим размахом заслоняет переживаемое, и если мы изначально не декларировали, что движемся вовне (к Богу, Космическому Разуму и т.п.), то локализуем предмет своего восхищения именно _внутри_, в неисследимых глубинах собственного Я. Да и сам метод интроспекции, подразумевающий искомый результат в психической трансформации, мог возникнуть только после особой оценки внутреннего переживания как путеводной нити в поиске Абсолюта. Мы знаем изрядное количество традиций, где Реальность находится внутри и

именуется "высшим Я", "духом" и т.д. Неудивительно, что Кастанеда, столкнувшись в который раз с непостижимыми испытаниями, спрашивает дона Хуана: "Нагуаль и тональ внутри нас?"

"Очень трудный вопрос,- сказал он.- Сам ты сказал бы, что они внутри нас. Я бы сказал, что это не так, но мы оба были бы неправы. Тональ твоего времени призывает тебя утверждать, что все, имеющее отношение к твоим мыслям и чувствам, находится внутри тебя. Тональ магов говорит противоположное - все снаружи. Кто прав? Никто. Внутри ли, снаружи - это совершенно не имеет значения." (IV, 134)

На самом деле, не имеет значения. В какой бы точке ни открылась для нас Реальность (во "внутреннем" пространстве или во "внешнем"), она равным образом заполоняет все, включая нас и весь мир в неразличимую целокупность, во всем взаимно открытую, в ту однозначность, которая хорошо понятна философствующему уму, но слишком удалена от непосредственного чувствования. Д. Т. Судзуки на этот счет предлагает любопытное рассуждение, показывающее, насколько прагматичным может быть подход к данной проблеме в учении, обладающем развитой философской базой. "Самое главное, - пишет он,- ухватиться за высшее "я", что, как сказали бы последователи Дзэна, есть постижение своей собственной природы, или кокоро. Последователи христианства и иудаизма озабочены проблемой Бога объективно существующего, или Бога вне нас, а большинство восточных народов, наоборот, стремится заглянуть внутрь, в самих себя, чтобы найти там высшее "я", в котором пребывает реальность. Я бы сказал, что в некотором смысле Бог - это высшее "я". Фактически они представляют собою одно: высшее "я" - это Бог, а Бог - это высшее "я": нетрадиционное понятие о Боге носит ярко выраженный дуалистический оттенок, и всякий раз, когда мы пользуемся этим термином, он напоминая нам о его мифическом происхождении. Дзэн надежно застрахован от такого рода осложнений. Я предпочитаю высшее "я" вместо Бога - "я", которое мирно дремлет в сокровенных тайниках нашего индивидуального "я", и в то же время не знает абсолютно никаких ограничений. Мы должны общаться с ним не только на высочайшей вершине горы Синай, "где бытие есть бытие", но везде: на рынке, в поле, в рыбацкой лодке, на поле битвы, в лицее, в Колизее. Некоторые из этих мест Богу, может быть, будет противно посетить, но высшее "я" явится туда без колебаний. Высшее "я" не знает преград, а также нигде не встречает никакого сопротивления, куда бы оно ни направилось." (Д. Т. Судзуки. Основы дзэн-буддизма.) И это безусловно так. Мы уже упоминали об удивительном влиянии слов на процесс восприятия и еще будем об этом говорить особо. Но у высшего "я" есть определенный дефект, который оказывается важным при ближайшем рассмотрении. Ведь данный термин акцентирует именно _внутреннее_ бытие, которое, будучи всегда при нас (по наблюдению Судзуки), тем самым вуалирует внешнее, или, по меньшей мере, отдаляет его, делает менее значительным, менее явным. Подход дона Хуана здесь выглядит абсолютным, поскольку ничем не ограничивает психологические установки сознания и одновременно придает переживанию Реальности некоторую адекватность. Конечно, такая адекватность достигается странным, как бы призрачным образом: опять-таки за счет _снятия_ содержания, за счет подчеркнутого семантического провала (вездесущий, нейтральный _Икс_) и, более того, безразличия к содержанию вообще ("это совершенно не имеет значения"). Тональ и нагуаль всегда внутри и снаружи, всегда вне психологии или физики (объемля то и другое, превосходя то и другое в масштабах, сводящих к нулю всякое содержание). Следуя за доном Хуаном, мы находим _нагуаль_ как равно представленную всюду данность с бесконечным числом характеристик и сознаем, что любое переживание его неполно, а внутреннее состояние не что иное, как определенный тип резонанса с _внешним_, производимый изнутри глубинными потенциями субъекта.

В свете вышесказанного прежний вопрос встает с еще большей остротой: почему перцептивное явление, пусть даже столь экзистенциально значимое, как соприкосновение с Реальностью, может оцениваться нами в смысле "блаженства", "благодати" и свободы? Так, Симона Вейль - известный апологет духовности в западном мире - с характерным энтузиазмом говорит о Реальности следующее: "За этим миром скрывается Реальность, вне пространства и времени, вне умственной Вселенной человека, вне какой бы то ни было доступной человеческому познанию сферы. Голос этой реальности звучит в самом сердце человека в форме _страстного стремления к абсолютному добру_, стремления, которое живет вечно и не может быть удовлетворено ни одним объектом этого мира." (_Курсив_ мой - А. К.) Значит, наше обычное бытие неудовлетворительно, дискомфортно, страдает от отсутствия этого "абсолютного добра", которое, быть может, и не добро вовсе в космическом смысле, однако нечто безусловно притягательное - "обновленное дыхание", сброшенный груз никчемных тягот жизни и, одновременно, обретение утраченной полноты. За Реальностью нам определенно грезится раскрепощенная легкость - это "добро" для нас, и абсолютно оно лишь в том смысле, что более полное удовлетворение мы не в силах представить. Мы полагаем здесь осуществление идеала, абсолют человека, в обычной своей заносчивости приписывая субъективному переживанию онтологическое значение. Очевидно, мы все еще подсознательно верим, будто Вселенная существует не сама по себе, а во благо человеку, и если нам хорошо, то мироздание торжествует.

Оставим в стороне приятные мечтания, ибо этим скорее пристало заниматься теологии, и попробуем понять причины непреходящего терзания души, а равно собственной очарованности подлинным бытием. Для этого нам придется вновь взглянуть на модель перцептуального механизма человека (см. рисунок 1) и немного поразмышлять над психологией восприятия.

Итак, все, чем мы располагаем при повседневном переживании мира, есть так или иначе "галлюцинируемое". Оно занимает наши чувства и практически никогда не подвергается сомнению. Такой удивительной самоуверенности мы достигаем благодаря слаженной работе двух фундаментальных блоков перцепции
- референции и смыслообразованию. Мы почти никогда не задумываемся, что это значит для нас на самом деле. А ведь последствия такого положения всецело определяют не только познавательную беспомощность человека и ограниченность его экзистенциальных возможностей, что, в конце концов, волнует больше философов, ученых, т.е. людей, занятых бесплотной абстракцией мысли. _Смыслы_ и _оценки_ превращаются в фактическое содержание нашей жизни. Вовсе не сенсорная информация, осмысливаемая и оцениваемая, движет нами - заставляет страдать или радоваться, скучать или увлекаться, бездельничать или работать, хотя многие автоматически воображают именно такой процесс. Внимательное наблюдение показывает, что смыслы и оценки - отнюдь не склад всегда готовых к употреблению изделий и не мертвый набор знаков, механически подставляемый под сенсорные сигналы согласно какому-нибудь жесткому алгоритму. В первые годы жизни мы научаемся как самим смыслам (оценкам), так и сложной организации этих элементов - тому, что в психологии иногда именуется _сценарием_. Иначе говоря, _не сигнал определяет налагаемый на него смысл, а смысл манипулирует сигналом, приспосабливает его к себе, окрашивает и оживляет_. Строго говоря, человек очень мало зависит от реального содержания окружающего его объективного бытия. Программа переживаний осуществляется своим чередом, и Реальность может повлиять на нее единственным способом - остановить переживание вообще. Только смерть оказывается достойным соперником и одолевает тиранию сценария. Пока же мы живы, весь мир вокруг только и делает, что подтверждает наши подсознательные установки вроде "все люди - негодяи", "я слаб", "мой муж - неудачник", "у меня плохое здоровье",

"меня никто не уважает" и т.д. и т.п. _Сценарий_ - это самый тяжкий для человеческой души плод описания мира. Даже в том случае, когда он способствует победам, а не поражениям, это, в конечном счете, бремя и рабство. Если выяснить характерные его признаки и механизм происхождения, наша дисгармония делается явной.

Корень проблемы заключается уже в том банальном факте, что человек - животное общественное. Только в социуме мы становимся людьми, т.е. обретаем всю совокупность качеств, отличающих нас от иных живых существ. Каждый, таким образом, несет в себе неизбежный груз социальности - описание, являющееся продуктом определенной общественной практики, навыки функционирования, выработанные человеческим общежитием в процессе общения внутри вида и с внешним миром. Инстинкт самосохранения биологической единицы, свойственный всему живому, в социальном преломлении обернулся краеугольным камнем, на котором выросло грандиозное сооружение эго. Известно, что метапсихология оккультизма называет эго причиной всех заблуждений и страданий человека. "Уничтожение, себя во всех смыслах" (С. Вейль), "капитуляция перед Божеством" (Шри Ауробиндо), "мистическая смерть" магов - все это различные названия для одного процесса: остановки эгоистического механизма, девальвации всех его движущих сил, мотивов. Когда Будда провозгласил, что "жизнь есть страдание" и у этого страдания есть причина, он имел в виду тот же комплекс эго. Всякий человек, наделенный достаточной чувствительностью, время от времени сознает утомительность своего бытия, тяжесть желания, страха, уязвленного самолюбия, жалости и неудовлетворенных стремлений. Этот непрерывный фон психической жизни и есть основной продукт эго, чьи ядовитые миазмы истощают и подтачивают личность до конца ее дней. Дело в том, что природа эго опирается на неразрешимое противоречие "Я - мир", вследствие чего полностью соткана из цепи конфликтов, "дурная" бесконечность которой гипнотизирует и внушает иллюзорные надежды: то и дело мерещится, что мы вот-вот вырвемся из заколдованного круга, совершим нечто окончательное и обретем долгожданную гармонию. Но внутри описания гармония невозможна. Таким образом обеспечивается безостановочное движение, неустанный поиск, лихорадочное производство, т.е. само существование цивилизации. Изначально отделив себя от мира, мы раз и навсегда установили экзистенциальное противостояние, безнадежную оппозицию, вовлекли себя в борьбу, где не может быть победителей. Мы сотворили мир частных ценностей, но бессознательно утверждаем их универсальность; мы приняли внушенные социумом сценарии достижения этих ценностей и превратили все воспринимаемое в условный фарс, искренне веря, что это и есть Реальность. _Иллюзорные_ обретения и потери вызывают _реальные_ страдания. Такой процесс превращения иллюзии (слов, идей, представлений) в безусловную реальность можно назвать обратной стороной магии, так как здесь заключено некое мрачное чудо.

"... Твое знание слишком устрашающе. В нем нет для меня утешения. Нет гавани, нет приюта.

- Ты опять все путаешь. Утешение, гавань, страх - все это настроения, которым ты научился, даже не спрашивая об их ценности. Как видно, черные маги уже завладели всей твоей преданностью.

- Кто такие черные маги?

- Окружающие нас люди являются черными магами. А поскольку ты с ними, то ты тоже черный маг. Задумайся на секунду, можешь ли ты уклониться от тропы, которую они для тебя проложили? Нет. Твои мысли и поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. А вот я принес тебе свободу. Свобода стоит дорого, но цена не невозможна. Поэтому бойся своих тюремщиков, своих учителей. " (IV, 26)

Если мы вспомним, какое значение дон Хуан придает сохранению и накоплению энергии (_силы_) для постижения _нагуаля_ и представим себе, каких огромных и бессмысленных усилий требует поддержание сложной структуры описания, отождествление с нею и эмоциональная вовлеченность, станет понятно, почему в данных условиях человек обречен вечно метаться в сотворенной им темнице. (Рассуждая научно, мы, разумеется, ничего не можем сказать об энергоемкости всего аппарата - нет у нас ни инструментов для подобного измерения, ни четкого представления о типе задействованной здесь энергии. Но косвенные доказательства производят впечатление. В этом может убедиться каждый, если даст себе труд хоть на небольшой отрезок времени приостановить работу эго - какой разительный эффект, какая удивительная легкость возникает словно из ниоткуда! Недаром духовный искатель стремится сделать такое состояние полноценным и непрерывным, иногда положив на это десятилетия упорного труда!)

Состояние активного функционирования эго дон Хуан выразительно поименовал "озабоченностью". Это слово довольно ясно дает нам понять всю нелегкость, подавленность, приниженность ординарного бытия человека. "Он (дон Хуан) утверждал, что на протяжении всей активной жизни у нас никогда не появляется шанс пойти дальше простой озабоченности, потому что с незапамятных времен нас усыпляет колыбельная песня повседневных маленьких дел и забот. И лишь когда наша жизнь почти уже на исходе, наша наследственная озабоченность судьбой начинает принимать иной характер. Она пытается дать нам возможность видеть сквозь туман повседневных дел. К сожалению, такое пробуждение всегда приходит одновременно с потерей энергии, вызванной старением, когда у нас уже не остается сил, чтобы превратить свою озабоченность в практическое и позитивное открытие. В итоге остается лишь неопределенная щемящая боль: то ли стремление к чему-то неописуемому, то ли просто гнев, вызванный утратой." (VIII, 58)

Д. Т. Судзуки говорит почти то же самое: "Наш разум обычно переполнен всякого рода умственной чепухой и эмоциональным хламом. Они, конечно, приносят пользу в нашей повседневной жизни. Этого нельзя отрицать. Но в основном, именно благодаря этим накоплениям мы становимся несчастными и стонем, угнетаемые чувством рабства. Всякий раз, когда мы хотим сделать движение, они сковывают нас, душат нас и свинцовым облаком заволакивают наш духовный горизонт. Мы испытываем такое чувство, будто постоянно живем в заключении. Мы тоскуем по естественности и свободе, однако, кажется, не достигаем их. Учителя Дзэна знают это, потому что они также прошли через те же самые испытания. Они хотят, чтобы мы избавились от этих тяжелых оков, которые мы в действительности не должны носить, если хотим жить просветленной жизнью в истине. Таким образом, они произносят несколько слов и демонстрируют поступками то, что при правильном понимании избавит нас от гнета и тирании этих умственных накоплений. Но понимание к нам не приходит так легко.

Умственную инерцию трудно преодолеть, так как находясь долгое время под гнетом, мы привыкли к нему, фактически она глубоко укоренилась в нашем существовании, и часто бывает необходимо изменить всю структуру личности. Процесс перестройки требует немало слез и крови." (Основы дзэн-буддизма, сс. 328-329) Так называемая "умственная чепуха и эмоциональный хлам" на самом деле является главным и почти единственным содержанием нашей жизни. Важнее этой "чепухи" мы ничего не знаем, этот "хлам" мы любовно перебираем и ни за что не расстанемся с ним. Исключительные условия (о которых мы еще будем говорить) необходимы для восхождения на просветленные вершины истины, нужен некий экстремальный порог истощения, когда дальнейшее выживание уже не обеспечивается привычной схемой эгоистических стимулов. Пока этого

не случилось, забота правит нами, беспощадно убивая любую непосредственность, свежесть, покой, прочащая все впечатления в однообразный и блеклый туман.

Состояние, противоположное озабоченности по всем параметрам, положение, в котором никакие интересы, стремления, страхи, цели и мотивы эго не являются более актуальными, доном Хуаном называется _свободой_. (Даосы образно описывали это так: "Тело сделалось подобным сохлому дереву, а сердце - остывшему пеплу.") Радикальная психическая метаморфоза, настигающая мудреца в растождествлении со всем _человеческим_, описывается двояко (согласно тому, какую сторону переживание желает акцентировать интерпретатор): как _абсолютная смерть_ либо как _абсолютная жизнь_. По сути же, речь идет об абсолютной _инаковости_ раскрывшегося способа бытия, так что любые характеристики, известные языку, здесь страдают неполнотой, способные лишь намекнуть на принципиальную неизвестность опыта. Рождение нового всегда есть смерть старого даже в контексте частном и обыденном. Когда же в подобном превращении участвует вся личность (а значит, и все описание мира, отраженное на стенках "пузыря" восприятия), смерть и рождение словно охватывают весь космос: Апокалипсис, а за ним - "новое небо и новая земля". Два психофизиологических явления, происходящих одновременно, делают обретение свободы неким душевным взрывом, экзальтацией и всеохватывающим восторгом: 1) исчезновение тяжелого экзистенциального конфликта, порожденного бесчисленными ограничениями эго, что приводит к ощущению непривязанности и спонтанности, 2) высвобождение прежде закрепощенной в механизме эго энергии, внезапно объявившийся избыток всех жизненных сил. Обычным следствием подобной избыточности становится изменение способа восприятия, значительное расширение полей опыта, что и делает _свободу_ феноменом не только психологическим, но и мистическим по существу.

"Чистое существование" (бытие без эго) настолько впечатляет масштабами переживания, что само переживание объявлялось древними мудрецами первоосновой Реальности. Например, для ведических риши Ананда (Космическое Блаженство) - изначальная причина как всякой эволюции, так и проявленного бытия вообще. Об этом достаточно выразительно сказал Шри Ауробиндо. Отвечая на вопрос "Почему Брахман, совершенный, абсолютный, безграничный, ни в чем не нуждающийся, ничего не желающий, все же направляет энергию сознания на творение в себе этих оформленных миров?", он пишет: "Ведь мы не принимаем объяснение, согласно которому он по самой природе своей Силы вынужден творить, повинуясь потенциальной способности к движению и порождению форм. Верно, что у него есть такая возможность, но он не связан и не ограничен ею, не обязан ей следовать - он свободен. Если же, оставаясь свободным в выборе двигаться либо пребывать в вечном покое, извлекать из себя формы либо удерживать потенциальные формы в себе, он позволяет реализовывать собственную способность к действию и формотворчеству, то это возможно лишь из-за одной причины - испытываемого им _восторга_ (блаженства)." (The Life Divine. Ch. XI. Delight of Existence: The Problem. _Курсив_ мой - А. К.) Так блаженство бытия, открываемое победителем эго, становится двигателем мироздания.

Однако в системе дона Хуана блаженство свободы перерастает в нечто гораздо более стабильное. Ведь подлинная свобода по самому определению выше любой экзальтации, так как не привязана к ней. Чтобы _жить_ в Реальности (а не просто заглядывать туда на часок восторженным туристом), надо видеть ее чистым, спокойным и непредвзятым взором. Свободное перемещение по всему спектру бытия в состоянии сознательной активности возможно лишь при высоком бесстрастии воспринимающего ума. Это очень близко к образу "чистого зеркала", о котором часто рассуждал Чжуан-цзы. "Сознание, уподобившееся чистому зеркалу, освобождается от житейской и умственной рутины.

Каждое явление переживается им с первозданной свежестью восприятия, каждый миг это зеркальное сознание заново переживает момент рождения мира и испытывает свою неопределенность, каждое мгновение оно решает вопрос жизни и смерти. Пустота зеркала, делающая все равнодоступным и недостижимым, выступает в даосизме прообразом пустоты как сферы "Небесного света" - бесформенного, служащего средой опознания форм и неотделимого от них.

Смотреть на все вещи в лучах "Небесного света", постигая их равную реальность и нереальность,- вот высшее прозрение Чжуан-цзы, столь резко отличающее даосскую традицию от западного идеализма. Мудрость Чжуан-цзы - это действительно только способность "заново увидеть вещи", т.е. созерцать все образы по их пределу, что делает восприятие каждого из них неповторимо насыщенным, но совершенно не отягчающим сознание." (В. В. Малявин. Чжуан-цзы, с. 201.) Такая перцептуальная позиция для дона Хуана есть своеобразный порог, с которого только и могут открыться непостижимые пространства _нагуаля_. Но он не останавливается на нем, а идет дальше, в иные бездны, в безграничную свободу не только восприятия, но и самого бытия.

Теперь, когда мы в общем составили представление об исключительной ценности субъективного переживания Реальности для внутреннего мира индивидуума, следует сказать несколько слов об отношении к природе Бытия, так как именно отношение в немалой степени обусловливает и характер опыта, и саму возможность постижения. Полемизируя с антропоморфизмом оккультного мышления, мы позволили себе временно занять противоположную позицию по данному вопросу. Мы словно бы объявили Реальность "мертвой", почти математической абстракцией, невольно вызвав ощущение "пассивного вещества"

- Бытия как объекта психоэнергетических манипуляций, что особенно близко вульгарному материализму. Однако вспомните, сколько раз было повторено, что Реальность существует _вне всякого описания_, не принадлежит ему и выходит за любые его рамки! Чтобы не оказаться в интеллектуальной ловушке, постоянно прибегая к условностям и упрощениям, мы должны неизменно соблюдать почтительную осторожность. С одной стороны, мы не имеем права объективировать переживания, всегда памятуя, что это наше внутреннее дело, а с другой - не должны забывать, что всякое переживание включено в Реальность и есть ее прямое продолжение, ибо нет на самом деле ни внешнего, ни внутреннего. Иными словами, Реальность _жива_, поскольку живы мы, и одновременно _нежива_, поскольку объемлет в равной мере все состояния. Помыслив Реальность Богом, мы актуализируем в ней все соответствия Божественному (в описании) и делаем их в какой-то степени частью себя; рассматривая же ее как "мертвое вещество", мы сами "умираем", так как более не видим здесь жизни. Истина всегда заключена в золотой середине, которую так трудно соблюсти, которую много веков назад искал еще Будда. Конечно, эти предосторожности необходимы только на пути к подлинной свободе, чтобы не сбиться на прозаическую узость естествоиспытателя или вдохновенный миф идеалиста. Когда же подлинная свобода раскрывает перед нами Реальность, все в ее лучах становится на свое место.

Таким образом, "поиски абсолютной свободы" (что является предметом магической дисциплины дона Хуана) бесконечно важны для человека в трех аспектах. Во-первых, свобода - единственное условие, при котором возможно адекватное восприятие и постижение Реальности, _нагуаля_. Во-вторых, психологически свобода есть окончательная реализация внутренней гармонии субъекта, наивысшее счастье личности, преодолевшей ограничения эго. В-третьих, свобода - факт не только перцептивный или эмоциональный, но и (что самое важное) _реальный_, так сказать, "физический". Ибо свобода в абсолютном своем проявлении восстанавливает единство внешней и внутренней Реальности, что приведет к совершенно иному способу функционирования целостного

существа. Свобода, по дону Хуану, способна превратить человека в бессмертное и могущественное существо, которому доступны беспредельные миры нагуаля. Потому как подлинная магия рождается из свободы, питается ею и воплощается в ней. Ведь, в конечном счете, _нагуаль_ и есть свобода, вечно ждущая нас за порогом самой хитроумной темницы на свете - человеческого "описания мира". Хватило бы только умения и сил, чтобы осуществить побег.

ГЛАВА 2. СОТВОРЕНИЕ ТОНАЛЯ

Когда мы спим, мы не знаем, что видим сон. Во сне мы даже гадаем по сну и, лишь пробудившись, узнаем, что то был сон. Но есть еще великое пробуждение, после которого узнаешь, что все это - великий сон. А дураки думают, что они бодрствуют и доподлинно знают, кто они: "Я царь! Я пастух!" Как тупы они в своей уверенности! Ты и Конфуций - только сон. И то, что я называю себя сном, - тоже сон...

Чжуан-цзы

1. Сны разума

Общее чувство, что с реальностью у нас не все в порядке. отдаленно преследует перегруженную баржу человеческой культуры от самых истоков ее многотрудного пути по океану беспощадного Хроноса. Мы словно бы вечно стараемся утаить от сознания некую внутреннюю недостаточность, тревожную призрачность целей и туманную неубедительность продукта. Вся кропотливая деятельность людского общежития, непрерывная жажда устроения порядков, возведения громоздких колоссов, вся крикливая и напыщенная суета как будто призвана сохранить в тайне врожденный порок самого нашего бытия. В минуты остолбенения, когда масса искусственных переживаний, рожденных помрачением от энтузиазма, валится через край, мы вдруг видим себя возбужденными лунатиками - героями торопливого сна. Такой кризис тотальной вовлеченности сознания в лабиринты самоосуществления разума настигает человека тем чаще, чем активнее он переживает. Философы и поэты, интеллектуалы и художники особенно страдают от этого, и тогда сомнамбулизм жизни накладывает свой отпечаток на их творчество.

Почему именно сон, сновидение так часто становится символом бурного потока жизни - и не только в литературе или искусстве, но в философии, в самом фундаменте миросозерцания, будучи если не предельной, то крайне причудливой гранью саморефлексии? Разве не знаменательно, что во сне мы неосознанно находим многостороннее подобие той неумолкающей буре страстей, что увлекает человека к блаженству и гибели? Сноподобие бытия повсюду настигает нас - и в круговороте отчаянных стремлений, и в напряжении последовательного, надолго спланированного труда, и в созерцательном покое притихшего отшельника. Да и первоначальное понимание сна было глубже, проникновенней нынешнего. Древний человек яснее переживал сходство зыбкой ткани сновидения и внятного вещества яви. И здесь и там он видел всепроникновенность, неустранимость, навязанность извне (как часто мы ощущаем себя во сне пленниками ситуаций, движущихся согласно эфемерным, но неизбежным законам вопреки всякой воле, всякому намерению!). Мы способны лишь прервать сон, каким образом и поступаем, столкнувшись с нелепым ужасом или тягостным давлением. Но ведь и в яви, когда страдание бодрствующего преступает последнюю черту, он повторяет ту же,

единственную процедуру - сходя с ума, впадая в летаргию, умирая от горя или даже убивая себя. Внимательный взгляд открывает, что сновидение содержит в себе почти зеркальное повторение основных качеств дневной, "трезвой" жизни. Соотношение реального и мнимого так же условно, самодовлеюще и непостижимо, так же зависит от игры сил, сознанию невнятных - то ли внешних, то ли внутренних. У сна своя рациональность и свое безумие, свои закономерности и случайности - совсем как наяву. Мифологическое чувство первобытного человека признавало во сне реальность (австралийские аборигены, например, даже полагали в сновидении начало мира), а мудрец и мыслитель находил в реальности сон. Уже более двух с половиной тысяч лет назад Чжуан-цзы столкнул мир сна с миром яви и не нашел опоры - два зеркальных отблеска, и только. Помните его притчу о мотыльке? Ее любят повторять и по сей день. Как-то Чжуан-цзы увидел сон, в котором он был порхающим мотыльком, а когда проснулся, то так и не смог решить: то ли он Чжуан-цзы, которому снилось, что он мотылек, то ли мотылек, которому снится, что он Чжуан-цзы. Теперь мы больше склонны рассматривать подобные парадоксы как шутку, хотя критерии, по которым мы узнаем бодрствующее сознание (последовательность и ясность восприятия, устойчивость картины мира, повторяемость, предсказуемость, узнавание), только на первый взгляд безупречны, а по сути - условны и легко опровергаемы. Общий корень, сердцевина любого переживания, абсолютный детерминатор человеческого восприятия неизбежно присутствует наяву и во сне одинаково безусловным императивом, представленным полно, ярко, многообразно. Этот корень, питающий живою водой грезы дня и грезы ночи, всегда как бы внеположен собственному творению, его не отыщешь в грубых ассоциациях и простейших физиологических импульсах. Очевидное и никуда не ведущее рассуждение типа "Вам приснился бой и пушечная канонада, потому что той ночью была гроза" удовлетворяло в свое время лишь поверхностный ум самого вульгарного материалиста. Даже по столь ничтожному поводу одному приснится война, а другому - праздник с фейерверком. А дальнейшие события в сновидении могут завести так далеко, что только плечами пожмешь - какой уж тут гром! И толкователю-фрейдисту с его колодцами и шляпами, палками и лестницами придется отчаянно врать, притягивать за уши покойных родственников, инфантильную сексуальность, конфликты, комплексы, табу, чтобы все это хитроумие беспомощно оцепенело перед лицом яркого переживания калейдоскопической вереницы все новых и новых картин. Ибо корень сна есть некая _идеальность_, кладезь всех запечатленных восприятий и выученных приемов воспринимать, опыта в самом широком смысле этого слова. Чем богаче опыт, тем разнообразнее конкретика сна. Животные тоже видят сны, но только у человека _идеальность_ распространилась в таком неслыханном масштабе и, самое главное, стала предметом для самой себя, получив бесконечную перспективу самоотражения. Мы обрели способность заниматься снами наяву, когда блуждаем в извилистых коридорах отражений. Более того, основную часть времени мы проводим там, а утомившись, горько восклицаем: "Ах, эта жизнь - только сон!" Животные, должно быть, не чувствуют лунатизма собственного бытия, а человек смог совершить это важное открытие. Нам следует быть благодарными своей утомительной идеальности и тому аппарату, что безостановочно порождает ее - мы привыкли называть его _разумом_.

Не нужно забывать, что ранее и даже теперь, когда рациональность стала проявлять свой воинственный нрав и экспансию в переделке бытия, разум часто воспринимается человеком как бремя, как завеса и туман иллюзии, как препятствие на пути к Богу. Даже в девственные времена Экклезиаста мудрость приумножала скорбь, рассудок находился в непримиримой оппозиции к сердцу (а значит, и Богу), а потому вводил во искушение, во зло. Уродливая тень, источник сомнений, неверия, гордыни - так оценивался разум. "Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам", - говорил Христос, радуясь

замыслу Отца. Человек тогда острее чувствовал, как разум по мере своего развития все более удаляет от нас реальность, все более выхолащивает ее, как вместе с разумом растут опасения и заботы, неудовлетворенность, скука, искусственная и нездоровая страсть. Неудивительно, что у народов с рано сформировавшейся интеллектуальной культурой, сон в разных своих ипостасях (как забытье, иллюзия, Майя) постоянно вторгается в мировоззрение. Даосы говорят о Великом Сне и Великом Пробуждении, индуисты и буддисты разворачивают сноподобную вселенную Майи, на каждом шагу намекая: виновник всех несчастий - разум. Дон Хуан, наверное, объяснил бы нам, что беспорядочное усложнение тоналя отнимало у человечества все больше энергии. Разум с нарастающей скоростью отнимал силу у восприятия, одновременно закрывая двери перед миром Реальности и употребляя свои конструкторские таланты на сотворение мира Иллюзии.

"Мы - воспринимающие существа... Однако воспринимаемый нами мир является иллюзией. Он создан описанием, которое нам внушали с рождения.

Мы, светящиеся существа, рождаемся с двумя кольцами силы, но для создания мира используем только одно из них. Это кольцо, которое замыкается на нас в первые годы жизни, есть _разум_ и его компаньон, _разговор_. Именно они и состряпали этот мир, столковавшись между собой, а теперь поддерживают его. Так что твой мир, охраняемый разумом, создан описанием и его неизменными законами, которые _разум_ научился принимать и отстаивать." (IV, 101)

Любопытно, что когда этот процесс завершился и разум обрел полную, всеобъемлющую власть, человек почувствовал зависимость от него, наркотическое пристрастие к его обманчивой ясности. Даже временная остановка разумной комплектации действительности на складе идей и понятий превратилась в пугающую аварию, угроза хаоса - в навязчивый кошмар, почти равнозначный сумасшествию: "сон разума порождает чудовищ". Таким образом, разум на протяжении веков был проклят и был воспет, построил иллюзию, но, благодаря своей активности, оказался способен многое из этой иллюзии превратить в реальность. И все же самый важный вопрос - вопрос о степени перцептуальной адекватности рационального описания мира самому бытию - остался неразрешенным. Более того, он до сих пор может рассматриваться как лежащий вне компетенции разума вообще. В пылу философской полемики чаще всего звучали крайние идеи на этот счет. Индийские майявадины и субъективный идеализм Европы предпочитали говорить о том, что разум никак не отражает подлинной Реальности, что мы замкнуты в сложной вселенской галлюцинации, не имеющей для себя никаких оснований, кроме своевольных фантазий эгоистического ума. Материалисты, увлеченные наглядной простотой и эффективностью эксперимента, пылко отстаивали если не тождественность рационального восприятия и бытия, то их безусловную, принципиальную близость, усматривая в человеческой перцепции адекватное отражение Реальности и потенциально исчерпывающее соответствие ей. Иными словами, на пути разума они не видели преград для поступательного постижения всего сущего. Разные школы, каждая на свой лад, бесконечно повторяли доводы либо тех, либо других. Пристало ли нам и дальше держаться за идеи гносеологических экстремистов? Почему, в самом деле, так легко провозглашать крайние взгляды и разве не кроется в подобной легкости научная западня? Ведь мы знаем на горьком опыте, что абсолютизация любой идеи есть всегда результат упрощения, а простота происходит не из бытия, а из нашей собственной ограниченности.

Дон Хуан, который опирается в своих размышлениях не на логические ухищрения и не на риторику схоластов, а на живой опыт расширенного восприятия, как бы поддерживает в равной мере обе точки зрения, на самом деле предлагая особенный, "магический" взгляд. Разум действительно позволяет восприятию собрать причудливую

иллюзию, но он не способен творить из пустоты. Он наделен волшебным даром превращать любую данность во все что угодно: муху - в слона, гору - в мышь, и это внушает мысль о его всемогуществе. Но подлинное творчество не во власти разума. Если целью учения объявляется интимный контакт с самой Реальностью, любой вид солипсизма или материалистического снобизма - только страусиная политика, впопыхах найденное убежище. Для индейских магов ясно, что все мы в некоторой мере открыты Реальности - тональ убегает от нее лишь по форме, но не по сути (вспомните: тональ, как и нагуаль, _непостижим_, т.е. отчасти вне самого себя!). _Нечто_ из мира Реальности мы воспринимаем и сознаем. Это _нечто_ лежит вне нас и оказывает на нас постоянное, неустранимое воздействие. Собирать восприятия в картину мира способен, конечно, не только человек. Мы видим огромное множество живых форм, не наделенных разумом. Мы способны сравнить их поведение со своим собственным, чтобы найти порой удивительное сходство в реагировании на разнообразные сигналы среды. Как бы то ни было, нам приходится согласиться: - наличие общих компонентов в перцептивной картине мира у разных живых существ несомненно. Реальность действительно вторгается в нас определенными общими аспектами своего бытия, ну, а насколько талантливо и оригинально мы можем исказить ее, зависит как раз от развитости ума.

Очевидно, то общее между восприятием человека и животного, что подталкивает нас признать свой способ восприятия действительно адекватным, на самом деле происходит из общности нашей биологии, а значит, биологических потребностей. Можно сказать, что формирование определенного восприятия - это не игра случая и не каприз неведомых сил, а вопрос выживания конкретной энергетической формы в конкретной среде. "Неважно, положительным или отрицательным было значение восприятия Вселенной как мира конкретных твердых объектов, но нашим предкам этот режим восприятия был жизненно необходим... В течение множества веков мы воспринимали мир именно таким, и теперь в результате вынуждены верить, что именно таковым он и является, - миром, состоящим из обособленных конкретных предметов. (А что обеспечивает такую веру, что генерирует ее, если не разум? - А. К.)

<...> - Наш способ восприятия - это способ, _свойственный хищнику_, - однажды сказал мне дон Хуан. - Очень эффективный метод оценки и классификации добычи и степени опасности. Но это - не единственный доступный нам способ воспринимать." (IX, 19-20) (_Курсив_ мой - А. К.)

Как видим, генезис разума имел свое начало вовсе не на пустом месте. Сама биологическая форма человека заложила основу для разработки вполне определенного режима восприятия. Давление энергетического поля вызвало особый тип резонанса в биологическом субъекте восприятия не спонтанно, а в результате его длительной адаптации и благодаря его инстинкту самосохранения. Но разум сделал данную картину мира универсальной, утвердил ее единственность, ее исключительную ценность, жестко зафиксировал в качестве фундамента, на котором и принялся возводить эфемерное здание интеллектуальных грез, каждый этаж все более отрывая от почвы непосредственного восприятия.

Краеугольным камнем этой вавилонской башни, населенной суетливыми и заносчивыми призраками, явился образ "Я" - первый плод разумной социальности человека. "... Когда тональ обнаруживает, насколько приятно говорить о себе, он создает термины "я", "меня" и им подобные, чтобы говорить о себе не только с самим собой, но и с другими тоналями." (IV,
135) С некоторых пор мы стали считать _самосознание_ (сознание Я) определяющей характеристикой разумного существа. Мы знаем, как далеко завел нас этот вроде бы безобидный факт. Все отношение к внешнему миру и к себе подобным претерпело

кардинальные изменения. Природа стала полем исследования и удовлетворения потребностей, стадо превратилось в социум, сила - в культ, а слабость - в комплекс неполноценности. Социальность (а вместе с нею и обременительный груз социальных потребностей, тяжкий соблазн, принуждающий следовать выдуманным идеалам и "преуспевать") - это естественный продукт взаимодействия самосознаний, структурно отражающий аппарат некоего сверхэго, в своей ненасытности заполонившего планету. В предыдущей главе мы говорили о _сценариях_ и их роли в перцептивной ограниченности человека. Можно сказать, что сценарий - это основной структурный элемент нашего социального Я, воплощенная функция, существование которой обеспечивается предпосылками, изобретенными разумом в процессе коммуникации с другими разумами. Самоосуществление разума было бы вполне достойной целью человеческого рода, раз уж мы признаем, что именно разумность отличает нас от всего живого и наделяет неоспоримыми преимуществами. Так и полагали энтузиасты рациональности, заложившие фундамент теперешнего европейского изобилия. Но здесь есть серьезная загвоздка, которая, конечно, не приводит к девальвации самого разума, однако делает явным экзистенциальный тупик, куда нас завела господствующая тенденция развития. Проблема заключена в самой природе мышления.

По сути дела, разум сотворил для нас почти непреодолимое препятствие на пути к полному восприятию мира. Если ограничения, наложенные на воспринимающую природу биологией есть обязательный механизм выживания (в общем, достаточно гибкий, податливый на изменение согласно разнообразным модификациям среды обитания), то стена разума - это жесткая формация, не допускающая никаких посягательств на собственный фундамент. (Одна японская притча выразительно иллюстрирует такую непримиримость разума. Как-то учитель Дзэн принимал у себя университетского профессора, пришедшего узнать что-нибудь об учении. Учитель пригласил его выпить чаю. Он налил гостю чашку доверху и продолжал лить дальше. Профессор следил за тем, как переполняется чашка и, наконец, не выдержал: "Она и так полна! Больше уже не войдет!" И тогда учитель сказал: "Как и эта чашка, вы полны собственных мнений и мыслей. Как же я могу показать вам Дзэн, если вы не опустошили ее?")

Разум развивается благодаря бесконечному самоотражению, его законы всегда исходят из себя самих, не считаясь с текучей реальностью внешнего бытия. Будучи универсальным самообучающимся компьютером, он всегда готов к изменению программ, но каждое такое изменение обусловлено метапрограммой, которая, в свою очередь, исходит из продукта подчиненных программ. Нет предела внутреннему самоусложнению, но и заколдованный круг не разорвать. На каждом этапе усложнения разума стена между нами и Реальностью делается еще толще, ибо мышление возможно только благодаря целой серии искажений. В основе этих процессов - способность _абстрагировать_. Задумывались ли вы когда-нибудь, что это означает? Для мира, существующего вне разума, это просто нагромождение бессмыслиц. Всякий раз, когда вы принимаетесь мыслить (а это происходит почти ежесекундно), вы _отвлекаетесь_ от реального содержания опыта, выбираете ряд условных признаков объекта (или серии объектов) и начинаете громоздить их на другие условные признаки, получая в результате вдвойне условное заключение. Но это лишь начало. Дальше вы мгновенно забываете об условности полученного продукта (ведь для разума не существует разницы между идеальным и реальным) и вводите его в цепочку других условных признаков, чтобы продолжить привычные манипуляции. В конце концов удаление от реальности достигает астрономических степеней - там и творится окончательный вариант описания мира.

Чуть ли не со времен античности мы открыли в своем мышлении два часто употребляемых процесса - _анализ_ и _синтез_. Вряд ли какое рассуждение (не только

научное, но и повседневно-бытовое) обходится без них. Анализ, как известно, производит разложение объекта (уже изначально условного) на элементы по придуманной разумом схеме, а синтез сводит эти эфемерные частички воедино опять же условным, "умственным" способом. Даже на примере только трех указанных способов мышления (абстракции, анализа и синтеза) легко заметить, в каком искаженном пространстве пребывает наш ум.

Мы, конечно, не знаем для себя иного функционирования в мире. Однажды заведенный механизм не имеет пути к отступлению. Он безусловно прагматичен и позволяет преобразовывать среду для наших (уже во многом искусственных) потребностей. Все бы хорошо, но трагический факт заключается в том, что разум и восприятие связаны друг с другом в единый, идеально слаженный организм. И в результате мы не только мыслим воспринимаемое, но и воспринимаем мысленное, причем последний процесс давно уже стал доминирующим. О том, каким именно образом работа разума обусловливает восприятие, размышляли в новое время сотни психологов и философов. В самом общем виде, но очень выразительно, систематизировали эту информацию "отцы" нейролингвистического программирования Гриндер и Бэндлер. Они свели эффекты интеллектуальных операций к трем явлениям: _генерализации_, _опущению_ и _искажению_. _Генерализация_, говорят они, "это процесс, в котором элементы или части модели, отрываются от исходного опыта, породившего эти модели, и начинают репрезентировать в целом категорию, по отношению к которой данный опыт является лишь частным случаем". _Опущение_ позволяет нам избирательно обращать внимание на одни параметры опыта, исключая рассмотрение других. А _искажение_ смещает восприятие чувственных данных таким образом, чтобы они соответствовали заранее принятым интеллектуальным предпосылкам. Все это приводит к значительным психологическим последствиям, делая нас всех в какой-то мере шизофрениками. Способность выйти из-под власти разума парадоксальным образом возвращает нас к трезвости и дает возможность _действительно_ постигать. На первых порах дон Хуан часто упрекал Кастанеду в зависимости от этого условного и ограниченного инструмента. "Ты любишь смирение нищего, - тихо сказал он. - Ты склоняешь голову перед разумом." (IV, 25).

Но не следует понимать разум как аппарат, поддерживающий лишь рационалистский или материалистический образ мира. За долгие века своего существования интеллект доказал, что обладает огромными способностями и недюжинной фантазией. Все религиозные доктрины, оккультные философии, самые утонченные мифы являются его особенно претенциозными конструкциями. Все духовные "учителя" в той или иной степени заигрывают с разумом, превращаясь в архитекторов собственного, обожествленного Космоса. Тем же страдают экстрасенсы и духовидцы, пытающиеся истолковать, разложить по полочкам проблески подлинных откровений, изрядно перепутанные со сновидением, галлюцинацией или мечтой. С этой точки зрения они лишь внешне выигрывают в сравнении с первобытными колдунами, ибо точно так же создают иллюзию, только пользуясь при этом более сложными, интеллектуально отягощенными образами. Практически же они чаше всего проигрывают: аморфное описание мира "нецивилизованного" провидца позволяет ему больше замечать в мире Реальности и лучше работать с замеченным, а наивные сказки, которыми он потчует своих соплеменников, бывают не столь уж серьезной помехой. Так что страх культурных народов перед дикими соседями, о котором упоминает Тайлор, возможно, не лишен оснований.

Роль разума в сотворении человеческого тоналя трудно преувеличить. Благодаря ему мы обрели противоречивый, но, безусловно, ценный опыт. В первую очередь разум лишил нас связи с Реальностью и научил страдать. _Абстрактное_ (то есть, мир - в - себе, по

терминологии дона Хуана) потеряло для нас свою ценность, так как разум не смог нацепить на него те ограниченные знаки, что кажутся уму смыслам. "Нагваль Элиас обычно говорил мне, что все человечество отошло от _абстрактного_, хотя когда-то мы, должно быть, были очень близки к нему. Оно безусловно было той силой, которая поддерживала нас. Потом произошло нечто, что отвратило нас от абстрактного. Теперь мы не можем вернуться к нему назад. Обычно он говорил мне, что ученику требуются годы, чтобы получить возможность вернуться к абстрактному, то есть понять, что знание и язык могут существовать независимо друг от друга.

Дон Хуан повторил, что сутью нашего затруднения в том, чтобы вернуться назад к абстрактному, является наш отказ принять возможность знания без слов или даже мыслей." (VIII, 47)

Подлинное знание только тогда подлинно, когда не искажено никаким вмешательством интеллектуального формализма, и неудивительно, что с момента возникновения разума оно ушло куда-то на периферию сознания, а после того, как интеллект утвердил себя в качестве самого ценного инструмента освоения действительности, превратилось для нас во вредный хаос, для вящего спокойствия человека признанный несуществующим. С этого момента все противоречия разума стали самой Реальностью, а страдание - абсолютным и неизбежным. "Дон Хуан выразил свое убеждение в том, что христианские идеи об изгнании из райского сада представляются ему аллегорией утраты нашего безмолвного знания, нашего знания намерения. Следовательно, магия - это возвращение к началу, возвращение в рай." (VIII, 105) Шри Ауробиндо, рассматривая причины страдания, тоже приходит к подобному выводу. "Если все поистине есть Саччидананда, то смерть, страдание, зло, ограниченность могут быть лишь творениями - положительными в практических своих последствиях и негативными по сути - искажающего сознания, отошедшего от целостного и объединяющего знания самого себя и впавшего в некое заблуждение отделенности и обособленного существования. Это и есть человеческое падение, символически изображенное в поэтической притче еврейской книги Бытия. Таким падением явился его отход от полного и чистого признания Бога и самого себя, или, скорее, Бога в самом себе, в сторону разделяющего сознания, несущего целый ряд двойственностей: жизнь и смерть, добро и зло, радость и боль, полноту и недостаточность - плод раздельного бытия. Это и есть тот плод, что съели Адам и Ева, Пуруша, и Пракрити, душа, искушаемая Природой." (Sri Aurobindo. The Life Divine. Ch. VII) В какое же мрачнее состояние впал человек, в какое царство озабоченности и ограничений, что безмятежность полуживотного духа, бесцельное и чистое переживание вкупе с удовлетворением минимальных, чисто биологических потребностей нам теперь, задним числом, представляется Раем, пределом блаженства и исканий? Конечно же, мы идеализировали то прежнее состояние - в чем-то оно было бесконечно богаче нынешнего, но и бесконечно беднее. Скорее всего, в нем отсутствовало даже наивное изумление ребенка, так как изумление сопровождает процесс научения или познания, а в отсутствие разума возможен только один тип наслаждения - радость от буйства энергии и яркости физиологических чувств.

Но энергию мы действительно потеряли. Точнее, использовали на иную радость (как нам теперь кажется, сомнительную) - радость мышления и вербализации. "Мышление и попытка точно выразить свои мысли требуют невообразимого количества энергии, - сказал дон Хуан..." (VIII, 89) Страшно подумать, сколько бы, например, смог совершить автор, направь он свою энергию не на написание этих строк, а на что-нибудь более существенное? Но историю не обратить вспять. Да и не стоит, наверное. Ведь благодаря разуму мы обрели не только автомобили, телевидение и атомную бомбу. Разум обеспечил развитие действительно бесценной способности, имеющейся в этом мире только у

человека - способности к сосредоточению и произвольному управлению вниманием. Забегая вперед, надо сказать, что именно эта способность сделала нас потенциально всемогущими - подлинными магами с беспредельной перспективой самореализации. Произвольное внимание дало ключ к управлению всем энергетическим потенциалом нашего существа, к контролируемому выбору любого режима восприятия - стоит лишь приложить целенаправленное усилие, и разум из преграды превратится в мощное орудие движения.

"Нагваль Элиас заверил дона Хуана, что только те человеческие существа которые являются образцами разума, могут легко сдвигать свою точку сборки и быть образцами безмолвного знания. Он сказал, что только те, кто пребывает точно в одном из этих положений, могут ясно видеть другое положение, и что именно таким и был путь, приведший к эпохе разума. Положение разума было ясно видно из положения безмолвного знания.

Старый Нагваль сказал дону Хуану, что односторонний мост от безмолвного знания к разуму называется "озабоченностью". Это озабоченность, которую истинные люди безмолвного знания ощущали относительно источника всего, что они знали. А второй односторонний мост, от разума к безмолвному знанию, называется "чистым пониманием". Это понимание, которое говорит человеку разума, что разум - лишь один-единственный островок в бесконечном архипелаге." (VIII, 225)

2. В плену языка

Наши рассуждения не должны казаться чисто теоретическими. Следует твердо понимать, что только через верное и всестороннее осознание механизма тоналя можно преодолеть его хитроумные уловки и ограничения, выйти к чистому, свободному восприятию, новому и действительно адекватному режиму резонирования с энергетическими полями Вселенной - то есть, реализовать во всей полноте природу человеческого существа. Магическую природу, как говорят некоторые оккультисты. В общих чертах мы проследили, как разум пересотворил воспринимающую и деятельностную сущность человека, сообщив его энергетике неповторимую уникальность, а внутреннему миру - отягощенность противоречиями и стремление к свободе. Самоосуществление разума как продукта психосоциального всегда происходило главным образом через язык: разум творил язык, развивался в языке, оформлял в нем свои достижения, вновь отталкивался от него и никогда не мог расстаться с языком даже на мгновение. Можно сказать, что язык есть способ существования разума, особенно если мы понимаем язык широко - как структуру знаков, как организацию условных элементов, наделенных условным значением, и служащую для коммуникации разумов между собой. Начиная с какого-то момента своего развития, интеллект перестал удовлетворяться естественным языком и породил рад искусственных: язык математики, химии, физики, позже - язык генетики и кибернетики и т.д. Множество искусственных (или вторичных) языков достигло невообразимых степеней абстракции, их логика и формализм могут произвести впечатление чего-то совершенно нечеловеческого, но это только впечатление. По сути, все языки, сотворенные разумом, следуют одним и тем же фундаментальным принципам, которые хорошо известны лингвистам и подчиняются определенным структурным и семантическим закономерностям. Так что, языки делятся на естественные и искусственные, исходя только из того, было ли их возникновение стихийным продуктом социальной практики некоторой человеческой общности (этноса) либо сознательно спланированным, специальным продуктом цеха, касты, профессии. В обоих случаях бросаются в глаза следующие особенности лингвистической системы: а) будучи

структурой условных знаков, язык невольно претендует на приравненность к реальности, хотя по сути невероятно далек от нее, б) язык неизбежно обусловливает восприятие, и делает это тем более масштабно, чем распространенней область его функционирования.

Воспринимаемый мир обеспечивается разумом и поддерживается его основным способом самоосуществления - языком. Дон Хуан сказал однажды: "Всегда, когда прекращается диалог, мир разрушается, и на поверхность выходят незнакомые грани нас самих, как если бы до этого они содержались под усиленной охраной наших слов. Ты такой, какой ты есть, потому что ты говоришь это себе." (IV, 35) Давайте попробуем разобраться, в какой мере языковые реалии соответствуют Реальности мироздания, и действительно ли восприятие вне языка может быть по-настоящему произвольным, а значит - свободным от любых условностей.

Эксперименты над высшими животными показали, что их внеразумное (внеязыковое) восприятие представляет собой структуру простейших форм значений, собранных из предметных признаков жизненно важных ситуаций, но эти простейшие формы значений заданы и ограничены жесткими биологическими рамками, и выход за эти рамки невозможен. (См.: Фабри К. Э. Основы зоопсихологии.) Мы все время должны учитывать неоднозначность перцептивной ситуации. С одной стороны, животное воспринимает мир более непосредственно, ситуативно, аморфно, - оно не привязано к конкретному способу восприятия, как человек, и, возможно, имеет потому более широкий опыт чувственного переживания внешней реальности. С другой стороны, животное может воспользоваться этим опытом только для удовлетворения своих биологических потребностей, которые, в свою очередь, жестко привязывают к себе определенный режим восприятия. Известные опыты зоопсихологов над приматами (в частности, работы Э. Г. Вацуро) наглядно демонстрируют, как внеязыковое сознание шимпанзе жестко ограничивает его поведение. В данном случае обезьян обучали заливать водой пламя горелки и доставать находящееся под ней лакомство. Бачок с водой находился на одном плоту, свободно плавающем в пруду, а ящичек с лакомством - на другом. Плоты были соединены мостиком, и обезьяна, набрав воды из бачка в кружку, могла свободно перебежать с одного плота на другой, залить пламя водой и достать вознаграждение. Когда же мостик, соединяющий плоты, убрали, обезьяна стада метаться по одному плоту, стремясь попасть за водой в привычное ей место, хотя вокруг нее полно воды в пруду. При этом обезьяна "знала", что кругом вода, более того, она пила воду из пруда так же, как и воду из бачка. Но дело в том, что у обезьяны нет значения "воды" как набора ее объективных качеств. Одну "воду" пьют, другой "водой" заливают пламя, т.е. "свойства объекта выступают только в контексте наличной биологической потребности и вне ее не актуализируются". (Вацуро Э. Г. Исследование высшей нервной деятельности антропоида (шимпанзе). М., 1948.) Чтобы отделить объект от наличной (ситуативной) потребности субъекта, надо выразить его в чем-то отличном от его эмоционально-чувственного переживания. Такой формой отчуждения, выражения отраженного содержания (отражение отражения) в устойчивой форме является фиксация его в знаке, в словесном значении, о чем писал еще Гегель. Таким образом язык фиксирует переживаемую действительность. Обратной стороной того же процесса оказывается неминуемое отдаление восприятия от Реальности, господство языкового детерминизма в перцептуальном аппарате человека. Мы более не воспринимаем то, что реально предлагается органам чувств, - с той поры, когда языковое сознание стало доминирующим, мы "воспринимаем" слова, их жестко закрепленные значения и такие же жесткие взаимоотношения значений, независимо от того, в какой мере языковые связи согласуются с конкретной, ситуативной действительностью.

В гипнотических опытах, основанных на языковом воздействии, этот эффект заметен особенно ярко. Например, психологи В. Ф. Петренко и В. В. Кучеренко сообщают о

любопытных последствиях постгипнотической инструкции на восприятие испытуемых. В третьей стадии гипноза (с последующей амнезией) испытуемым внушалось, что по выходе из гипноза они не будут видеть некоторые предметы. Испытуемые действительно не видели "запрещенные" предметы, более того - они не видели и все то, что оказывалось семантически с ними связано. Например, если испытуемым внушалось, что они не будут видеть сигареты, то они не замечали также пепельницу с окурками, спички и т.п. Если же семантически связанный предмет назывался, то испытуемый не мог вспомнить его функцию. Так, один из участников эксперимента, указав на лежащую на столе зажигалку, назвал ее "цилиндриком", другой - "тюбиком для валидола" и т.п. Гипнотическое запрещение "видения объекта" ведет, очевидно, к блокированию связи "образ
- слово", и воспринимаемый объект не осознается испытуемым, "не видится" им. Такая удивительная взаимосвязь заводит нас довольно далеко. Можно, например, утверждать, что отсутствие в языке некоторого значения приводит к существенному ограничению в восприятии реальности, либо делает такое восприятие вообще невозможным - оно уходит в подсознательное, как и огромный объем сенсорного "шума", о котором мы говорили в предыдущей главе. Ярким примером таких ограничений опыта, налагаемых языком, может послужить, в частности, восприятие цвета у североамериканских индейцев в языке майду. Для описания всего цветового спектра у них имеется всего три слова: лак (красный), тит (сине-зеленый) и тулак (желто-оранжево-коричневый). В то время, как человеческие существа способны различать в видимом цветовом спектре 750000 различных оттенков, носители языка майду распределяют свой цветовой опыт по трем категориям, которыми они располагают в своей лингвистической системе. Скажем, для говорящих на языке майду желтая книга и коричневая книга не отличаются друг от друга - обе книги будут цвета тулак. Исследователи психосемантики часто указывают, что подобные ограничения легко преодолимы, о чем свидетельствует наша способность разговаривать на разных языках, т.е. для организации собственного опыта и репрезентации мира мы способны применять несколько "социально-генетических фильтров" (по терминологии Гриндера и Бэндлера). Однако не следует забывать, что мир языковых "реальностей" замкнут своей внутренней логикой, и не стоит в этом отношении проявлять особенный оптимизм. В конечном итоге, вы можете лишь переходить из одного языкового мира в другой (конечно, если вы полиглот), но реальность вне языка останется чем-то в высшей степени неопределенным, призрачным, для сознания несуществующим, ибо неназванным. (В этой связи особый интерес представляет мнение известного исследователя культуры и языка нагуа - именно на этом языке говорили древние маги традиции дона Хуана - Франциско Хавиер Клавихеро. "... утверждаю, - говорит он, - что нелегко найти язык более пригодный для рассуждений на метафизические темы, чем мексиканский (нагуа - А. К.), ибо трудно назвать другой язык, в котором бы содержалось такое большое число абстрактных названий, как в этом." Цит. по: М. Леон-Портилья. Философия нагуа, с. 49.) Собственно говоря, мы не знаем никакого восприятия с момента появления языка; мы знаем другой психологический процесс - осознание при восприятии. Это и есть удвоенное отражение, вторичное отражение мира с помощью знаковых средств.

В связи с этим невольно вспоминается впечатляющее описание американского психолога Р. Грегори, где он пытается вообразить Реальность вне человека. Отражение без удвоения настолько удалилось от человека, что может показаться чем-то даже ужасающим. До появления человека, пишет он, на Земле извергались вулканы, лилась магма, летели камни, но грохота не было. Более того, не было не только звука как формы психической презентации, не было "вулканов" и "камней" как форм категоризации человеческого восприятия, особенности которого проявляются в том, что в качестве фигуры из фона выделяются твердые объекты (камни), жидкие (магма), а не движение,

например, газов. Понятия "вулкан", "камни" суть некоторые формы обобщения, под которые подводятся и через призму которых воспринимаются конкретные единичные объекты.

Проблема удаленности языковой реальности от сенсорного восприятия обрела особую остроту только в нашем столетии. Американские лингвисты Э. Сэпир и Б. Уорф, основываясь на богатом материале исследования языков индейцев хоппи, нутка, навахо, пришли к созданию так называемой "теории лингвистической относительности". Так, Б. Уорф пишет: "Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит - в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что _сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем_." (_Курсив_ мой - А. К.) Кажется, что такое заявление смог бы сделать и дон Хуан (будь он лингвистом) - настолько совпадают гносеологические позиции этих необыкновенно далеких друг от друга людей.

Здесь важно подчеркнуть, что мы вовсе не собираемся объявлять язык демиургом образа мира в том абсолютном смысле, какой ему могут приписывать субъективисты различных направлений. Как верно подметил московский психолингвист В. Петренко, "для обыденного, житейского сознания, структуры которого закреплены в языке, адекватность или неадекватность окружающей действительности - вопрос не лингвистических штудий, а жизненно важный момент, определяющий выживание той или иной этнической общности, и сам факт существования того или иного национального языка является свидетельством успешного решения этой жизненно важной задачи." Но мы объявляем язык _структурным ограничителем_ и _фиксатором_ описания мира, работающим на основе двух видов потребностей: биологических (развившихся в результате особенностей энергообмена между живой формой и средой) и социоинтеллектуальных (результат построения мыслительных категорий согласно закономерностям самого мышления). Язык успешно решает задачу биологического выживания вида и функционирования социума, в отношении же иных, "революционных" путей развития человека всегда был и остается препятствием, фундаментальной преградой. Сам Кастанеда любит, объясняя природу этого препятствия, ссылаться на теорию Толкотта Парсонса, где вводится понятие _глосса_ - элемент, являющийся результатом взаимодействия языка и восприятия. "Глосса - это тотальная система восприятия и соответствующих средств артикулирования, - говорит он. -... Однако для составления мира таким способом мы должны быть определенным образом научены. Ребенок познает мир, исходя из ограниченного количества заранее сформированных мнений, до тех пор, пока его не обучат видеть вещи таким способом, который соответствует общепринятому описанию. Мир - это по сути соглашение. Именно это содержится в идее глоссировки - обучения ориентации в мире и соответствующих действий согласно заранее заданному описанию, определяющему вид социального соучастия." (Интервью в Psychology Today). Более того, можно добавить, что описание устанавливает способ мышления, тем самым определяя специфику умозаключения, а значит, и особенности научной картины мира у конкретного народа, в конкретной культуре. Такое явление, как логико-грамматический параллелизм (т.е. соответствие способа мышления грамматическому строю данного языка), кажется, могло в свое время сыграть решающую роль в становлении мировоззрения различных цивилизаций Земли.

Требует особого исследования, например, дистанция, возникшая между сознанием индоария и представителями китайско-японской культурной общности. Именно здесь с особой силой заметно влияние далеких друг от друга структур языка на мироощущение человека и его когнитивные установки. (Древняя культура американских индейцев, заметно отличающаяся от европейской и давшая начало традиции дона Хуана, тоже является, видимо, монголоидной, будучи отдаленным родичем своих азиатских собратьев - китайцев, японцев и др.)

Единственный вывод, который мы можем сделать на основании исследований, посвященных проблемам восприятия и языка, звучит так: _освобождение перцептивной функции человека от ограничений разума приходит только в результате полного и всестороннего преодоления языка, стабильного и контролируемого растождествления с ним_. Постижение Реальности всегда происходит вне языка, а называние, если оно включается, практически аннулирует полученный опыт. Каждое оккультное учение, желающее вывести своих последователей из-под власти разума, уделяет внимание проблеме растождествления с языком. Более того, все исследователи оккультизма в процессе работы вынуждены сталкиваться с данным вопросом. Рассуждение Олдоса Хаксли, которое мы собираемся привести, в этом отношении типично, оно убедительно демонстрирует, что "языковой барьер" для мистика неизбежен. Для Хаксли эти идеи явились результатом его опытов с мескалином и другими психоделиками. Вот что он пишет:

"Размышляя над свои опытом, я обнаружил, что совпадаю во взглядах с выдающимся кембриджским философом, доктором Броудом, который писал: "нам следовало бы отнестись серьезней, чем раньше, к теории, которую Бергсон выдвинул для объяснения памяти и чувственных восприятий. Восприятие, как функция мозга и нервной системы, - явление в значительной степени _злиминативное_ (вытесняющее), а не продуцирующее. Каждый человек в любой момент способен вспомнить все, что когда-либо происходило с ним, и воспринять все, что происходит повсюду во вселенной. Функция мозга и нервной системы - защитить нас от подавления этой массой в основном бесполезного и бессмысленного знания, скрывая большую часть того, что мы могли бы воспринять или вспомнить, и оставляя только весьма небольшой, специфически отобранный материал, который может пригодиться практически." В соответствии с этой теорией каждый из нас потенциально является Космическим Разумом. Но так как мы продолжаем оставаться животными, все наши заботы сводятся к выживанию. Чтобы обеспечить биологическое выживание, Космический Разум должен был сузиться при помощи перекрывающих клапанов мозга и нервной системы. В конечном итоге выходит ничтожная струйка, представляющая тот тип сознания, который помогает нам выжить на поверхности этой ничем не выдающейся планеты. Чтобы сформулировать и выразить содержание этого суженного сознания, человек изобрел и тщательно разработал ту систему символов вместе с внутренне присущей ей философией, колкую мы называем языком. Каждый индивид одновременно извлекает пользу из языковой традиции, в которой он рожден, и оказывается ее жертвой. Польза языковой традиции в том, что она дает доступ к накопленным запасам опыта других людей, а ее жатвой человек становится, так как язык убеждает его в том, что суженное сознание - это единственное сознание, и так извращает его чувство реальности, что он слишком склонен считать свои концепции чем-то данным извне, а свой мир - явлением действительности. То, что в языке религии называется "этим миром", есть вселенная суженного сознания, выраженного через язык, и как бы окаменевшая под его воздействием. Различные "иные миры", с которыми человек случайно сталкивается, являются множеством элементов всеобщего сознания, принадлежащих Космическому Разуму. Большинство людей почти всегда знает только то,

что проходит через перекрывающий клапан и признается абсолютно реальным с точки зрения местного языка." (A. Huxley. The doors of perception)

Не осознав, каким серьезным препятствием является язык дня чистого восприятия, мистически настроенный искатель находит лишь то, что подсказывает ему собственный ограниченный разум. Слишком много оккультистов заблудилось в лабиринте видений именно по этой причине. Почти все мифы современного мистицизма рождены в результате небрежного обращения с языком, отчего оказываются сотканными из сплошной цепи заблуждений, ценою которых подчас становится сама жизнь. "Вся беда в том, - писал Д. Т. Судзуки, - что язык - это самый ненадежный инструмент, который когда-либо изобретал человеческий разум. Мы не можем жить, не прибегая к помощи этого средства общения, ведь мы существа общественные; но если мы только примем язык за реальность или сам опыт, мы совершим самую ужасную ошибку, и начнем принимать за луну палец, который всего лишь указывает на нее. Язык
- это обоюдоострый меч. Если пользоваться им неосторожно, то он поразит не только врага, но и самого нападающего. Мудрый избегает этого. Он всегда очень осторожен в обращении с языком." Что поделать! Недостает мудрости современному оккультизму, который слишком часто норовит произвести впечатление, поразить чем-нибудь "потусторонним" - астральными "контактами", чудесными силами, сверхъестественными личностями (вроде "космических учителей"), которые только и делают, что распространяют "спасительное знание" или зловещие новости о близком возмездии за грехи. Раз поддавшись соблазну назвать, определить опыт, ввести его таким способом в рамки языка, и поверив в произнесенное слово, духовный искатель превращается в носителя мифа, бессознательного шарлатана, созывающего вокруг себя толпу учеников. К несчастью, обывателю именно такая "духовность" кажется наиболее убедительной, ибо в общем-то она не выходит за границы человеческих представлений и судит вполне доступную, увлекательную сказку - что-то вроде новомодного впечатляющего) триллера. Настоящая же тайна бытия современному человеку не так бросается в глаза, оставаясь слишком сложной, трудноуловимой материей. Да и в самом деле, возможно ли какое-то постижение вне языка, вне разума? Не очередная ли это выдумка "мудрствующих лукаво" философов?

По крайней мере, древнейшие исследователи психики утверждают, что такое постижение возможно. Как пишет Э. Гримстоун в своем введении к "Практике дзэн" Сэкида Кацуки: "Чтобы видеть мир таким, каков он есть, нам нужно оставить эту всепроникающую деятельность ума, оставить ее, опустошить ум, ослабить то, что мы воображаем своей словесной властью над миром. Зрелый ученик Дзэна посредством длительной практики освободился от таких мыслей, концепций, ложных понятий, фальсификаций и грез, которые обычно плетет наш ум. Он переживает настоящий момент во всей его полноте таким, каков он есть, он способен видеть то, что действительно находится перед ним. Его восприятие мира является чистым и незапятнанным."

Мы, конечно, не можем забыть язык, как не можем забыть разум, если не собираемся вместо подлинной Реальности найти подлинное безумие. Очевидно, мы должны прийти в некое особое положение произвольного разъединения с языком, чтобы подобно дону Хуану всегда повторять: "Это лишь способ говорить." Нам следует забыть язык, не забывая его. Древние даосы неоднократно упоминали о таком странном процессе. Они создали образ Великого Слова, сущностью которого является тишина. Всем своим творчеством они напоминали человеку, что слово не имеет "изначального" смысла, оно только чревато смыслом. Как замечает В. Малявин: "Истинное слово - это слово, переживаемое как процесс и в предельной конкретности своей откликающееся всей бездной мироздания; слово, высвобождающее силу бытия в вещах."

Забвение слова, забвение языка - это совсем не тривиальная "забывчивость". Такое забвение, как указывали даосы, несет определенную функцию: оно является перерастанием мыслью ее концептуальной оболочки, превращает обособленную и потому бессмысленную вещь в _весть бытия_. Такое постижение - переворот в сознании и восприятии языка. Оно освобождает язык от навязанной ему функции обозначать сущности, а сознание - от его предметности. Оно научает видеть во всех формах жизни беспредметный порыв, чистый зов, являющийся сугубо конкретной реальностью. "Небо и земля обладают великой красотой, а не говорят. Четыре времени года имеют ясный закон, а не судят. Вещи несут в себе совершенную истину, а не ведут речей..." - такова древняя даосская мудрость. Значит, возможно пользоваться языком так, чтобы он не заслонял от нас этот "беспредметный порыв", этот "ветер нагуаля". Более того, нам совершенно необходимо пройти через словесную и умственную мишуру, через всеохватывающую пелену абстракций, чтобы, оттолкнувшись от нее, найти в первозданной чистоте безмолвный фундамент - саму энергию бытия. Выражаясь поэтически, в Слове мы находим Молчание. Ведь слова, как учили даосы, существуют для того, чтобы их забывать. Они нужны потому, что они не нужны или, точнее, становятся ненужными. Выпестованное языком внимание освобождается, чтобы превратить нас в новую, невиданную форму, в существо, полностью слитое с Реальностью, но способное при этом жить в ней и восхищаться ею. До сих пор этого достигали немногие, и мы все еще можем разделить горечь великого Чжуан-цзы, сказавшего так: "Ловушкой пользуются для ловли зайца. Поймав зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для того, чтобы внушить смысл. Постигнув смысл, забывают про слова. Где же найти мне забывшего слова человека, чтобы перекинуться с ним словом?"

3. "Делание"

Есть известная доля иронии в том, что человек иногда пускается в далекие и небезопасные странствия, чтобы найти настоящее "чудо", в том, что он преклоняется перед чудотворцами и готов признать за ними чуть ли не божественное происхождение. Ведь стоит лишь вдуматься в сущность проделываемых нами самими фокусов, и несомненные чудеса раскроются в обычном и повседневном. Куда бы ни направился этот утомленный, наскучивший нам ум, где бы ни задерживался его неистощимый аппарат, переполненный тривиальностями, чудо происходит вполне автоматически - помимо сознания, помимо любого специального намерения, то есть так, как однажды заведенная игрушка совершает последовательность сколь угодно усложненных действий, ничуть не задумываясь над ними, а просто следуя своему механизму, пока не развернется пружина, пока энергия действия не исчерпает себя. Однако "чудесность" работы нашего разума заключается не только в его сверхсложном автоматизме - все характеристики _чуда_ (т.е. непостижимого действия, выходящего за рамки естественных законов и природного сосуществования вещей) мы находим уже в результате, в разнообразных и повсюду сопровождающих человека плодах, которыми он привык пользоваться, не замечая их. "Тональ - это то, что творит мир", - сказал дон Хуан. Разум и язык - два главных инструмента тоналя - постоянно совершают свою незаметную, но удивительную работу. Ежесекундно мы свидетельствуем великое чудо творения, авторами которого сами являемся.И это совсем не метафора, а точное определение основной работы, которую проделывает психика.

Пожалуй, для этого чуда может подойти такой термин, как _экстериоризация_, т.е. выведение некоего объекта (сущности, явления) изнутри вовне, из внутреннего (субъективного или психического) пространства в реально существующую снаружи среду.

Фундамент экстериоризации мы в общих чертах уже рассмотрели - это то самое "галлюцинируемое", которое возникает в результате прилежных усилий тоналя вызвать соответствия между воспринимаемым сигналом и категориями, изготовленными разумом. Одно лишь "галлюцинируемое" уже оказывает на восприятие решающее, принципиальное воздействие, так как искажает действительность до неузнаваемости. (Точнее сказать, как раз до _узнаваемости_, ведь именно на узнавании строится перцептивный аппарат человека. Неузнаваемое не может быть осознано, а значит, и не может быть воспринято.)

В необычных условиях, когда тональ испытывает затруднения в интерпретации, мы получаем возможность явственно убедиться в его творческой силе. Кому из вас не случалось в потемках принять куст за человека, веревку - за змею, или качающуюся ветку - за сидящую на дереве птицу? Чаще всего такие ошибки быстро исправляются последующим проверочным опытом. То есть, мы можем подойти поближе, разглядеть, пощупать и т.д. Но иногда возникают ситуации, в которых проверка невозможна (объект слишком удален, очень быстро исчезает из поля зрения, или вы сами цепенеете от шока). Тогда процесс интерпретации может зайти очень далеко. Стоит человеку по каким-то причинам увериться, что перед ним не куст, а, скажем, присевший на корточки незнакомец, как тональ разворачивает целую картину, порою достаточно детализированную, стремящуюся к всесторонней полноте перцептивного образа. Можно, например, заметить детали одежды несуществующего призрака (шляпу, поблескивающие пуговицы, причудливые башмаки), особенности его позы или строения тела. Если процесс не остановится, можно даже "услышать" его дыхание или иные, производимые фантомом звуки. С апофеозом таких игр тоналя сталкиваются некоторые впечатлительные субъекты, если они склонны верить в привидений или нечистую силу. Потому что при желании с "галлюцинируемым" можно даже поговорить - задать вопрос, получить ответ. Подобных историй предостаточно. Вспомните, как Кастанеда, испытывая панический ужас, наблюдал агонию диковинного зверя, умиравшего в сумерках среди пустынных холмов. И только особенное усилие воспрявшей рациональности позволило ему заметить, что перед ним всего лишь высохшая ветка, а не животное "с клювом птицы и телом антилопы". Понятно, что дон Хуан был недоволен строптивостью и упрямством этого "цивилизованного" ума, ведь он стремился научить Карлоса время от времени выбрасывать ум на свалку.

Похожая история приключилась с койотом, говорившим на двух языках. После того, как Карлос вызвал у себя особое состояние, именуемое в системе дона Хуана "остановкой мира", он встретился в пустыне с койотом и "беседовал" с ним. Учитель попытался объяснить Кастанеде, что произошло на самом деле. "Что-то было между тобой и койотом, но это не разговор. Я сам бывал в такой переделке. Я тебе рассказывал, как однажды разговаривал с оленем. Но ни ты, ни я никогда не узнаем, что происходило в этих случаях на самом деле. <...> Олень и я что-то делали, но в это время мне нужно было заставить мир соответствовать моим идеям совершенно так же, как это сделал ты. Как и ты, я всю жизнь разговаривал. Поэтому мои привычки взяли верх и распространились на оленя. Когда олень подошел ко мне и сделал то, что он сделал, я был вынужден понимать это как разговор. <... >

Его объяснение вызвало у меня состояние огромного умственного возбуждения. Но некоторое время я не только забыл о крадущейся бабочке, но даже перестал записывать. Я попытался перефразировать его заявление, и мы ушли в длинные рассуждения относительно рефлексивной природы нашего мира. Мир, по словам дона Хуана, должен соответствовать его описанию. Это описание отражает самого себя.

Еще одним аспектом его объяснения была идея, что мы научились соотносить себя с нашим описанием мира в соответствии с тем, что он называл "привычками". Я привел

более обширный термин "преднамеренность" (_intentionality_) - как свойство человеческого осознания, посредством которого соотносятся с объектом или его истолковывают." (IV, 27-28)

Только подумайте, сколько похожих представлений разыгрывается медиумами, астральными "контактерами", богоизбранными провидцами - вполне неосознанно, с чистой, искренней верой в абсолютную ценность этих галлюцинаций! Ведь тональ, согласно со своей основной привычкой, склонен создавать иллюзии в необычных перцептивных ситуациях, а все оккультные психотехники, по сути, ведут именно к таким ситуациям - то есть, к изменению привычного режима работы сознания.

Однако энергетически действия тоналя не ограничиваются субъективными галлюцинациями и искажением восприятия. Упорно концентрируясь на внутренних образах и составленных умом связях, мы создаем то, что буддисты называют "мыслеформами", - психоэнергетические формации, способные в какой-то степени существовать отдельно от нас во внешней среде. Они в немалой степени способствуют укреплению субъективных искажений, делают эти искажения достоянием какой-то человеческой общности, в конечном итоге образуя энергетическую ткань психополя Земли. Коллективная иллюзия, или, выражаясь языком психиатрии, "массовый психоз" - явление куда более распространенное, чем мы обычно полагаем. В наиболее острой форме групповые перцептивные искажения свойственны религиозным или мистическим общинам, но и повседневная наша жизнь подспудно переполнена ими. Мы постоянно делаем свой мир, вовлекая в него энергетические структуры, рожденные нашим вниманием из субъективных идей, предрассудков, убеждений. Мистика начинается в быту: ненависть или любовь превращаются в самостоятельные формации силы и влияют на судьбу всего живого вокруг нас. Это и есть экстериоризация тоналя, магия, данная человеку от рождения. Различные сенситивы, способные воспринимать мир мыслеформ, бывают очарованы им - и неудивительно! Целый океан иллюзий, со своим "раем" и "адом", богами и демонами, неупокоенными душами коварно убиенных (эти живут обычно, благодаря памяти обиженных родственников или учеников), захватывает их пылкое воображение, заменяя холодную и далекую Реальность "астральным" продолжением человека. Здесь интересно блуждать, так как все это - родное: тайны, интриги, приключения и льстящая человеку близость к "потустороннему". Изо всей этой мешанины можно иногда извлекать полезную информацию, даже оказывая реальную помощь ближнему, но нельзя забывать: мир мыслеформ - всего лишь тончайший налет, человеческая "накипь" на безграничной поверхности океана бытия; "накипь", безотносительно к нам не обладающая никакой ценностью. Полагая ее Реальностью, вы отрезаете себе путь к истине и подлинной трансформации существа.

Дон Хуан, наверное, назвал бы мир мыслеформ результатом общечеловеческого "делания". Этим словом его традиция окрестила превращение _описания_ как мыслимого факта в факт воспринимаемый. Когда мы воспринимаем некую совокупность сигналов и осознаем ее, скажем, как "стул", - мы занимаемся _деланием_. Основано оно на привычке, и в этом смысле ведет себя точно таким же образом.

"Дон Хуан говорил, что любая привычка является "деланием", и что для функционирования деланию необходимы все его составные части. Если некоторые части отсутствуют, делание расстраивается. Под "деланием" он подразумевал любую связную и осмысленную последовательность действий. Другими словами, привычка нуждается во всех своих составных частях, чтобы быть живой деятельностью. " (V, 510)

Запомним это важное замечание в дальнейшем можно будет проследить, каким образом и какие именно составные части "делания" устранял дон Хуан у своих учеников, чтобы добиться освобождения восприятия. Сейчас же важно отметить, что "делание",

являясь самой прочной, самой неотъемлемой и въевшейся в нас _привычкой_, гарантирует, в первую очередь, устойчивость картины мира.

Действительность существует в движении. Текучесть и изменчивость - вот главные характеристики Реальности, дающей нам материал для восприятия. Ничто не остается неизменным, даже на миг. Буддисты, наверное, раньше других возвели изменчивость бытия в онтологическую категорию. Следствия, которые они вывели из этого открытия, привели к целой космологической теории. _Кшаника-вада_, или учение о мгновенности, говорит о том, что мир рождается и погибает каждую _кшану_ (мгновение, или квант времени). Мы наблюдаем движение таким же образом, как смотрим кино. Кинокадр заключает в себя все мироздание и длится ровно одну кшану, после чего безвозвратно гаснет, уходит в небытие, чтобы уступить место следующему миру (или следующему кадру). То же касается и воспринимающего Я: оно рождается и гибнет, на его место приходит другое Я, в чем-то отличное от прежнего, за ним еще одно, и так далее и тому подобное. Мы можем оставить в стороне метафизические конструкции буддистских мыслителей, но всепроникающая сила, каждую секунду несущая изменения во всякую точку пространства, неустранима. В конечном итоге все, воспринимаемое человеком, должно вызывать постоянное смятение, так как в _реальности_ ни один объект не остается тем же самым, а значит, не может _узнаваться_. Однако мы прекрасно избегаем этого затруднения, даже не задумываясь о его существовании. Разумеется, и здесь огромную работу совершает "делание". Из исследований в области психологии восприятия известно, что для узнавания образа перцептивный аппарат не нуждается в исчерпывающей сенсорной информации о предлагаемом объекте. Человек успешно "достраивает" образ, исходя из некоторого числа характерных признаков; более того, исчерпывающий сигнал, видимо, вообще противоречит обычному стереотипу нашего восприятия (Вспомните, какое количество условных форм, условных сигналов окружает нас и постоянно требует энергии для перцептивной интерпретации! Человеческая деятельность со всех сферах продуцирует условности для вызывания искусственных переживаний. Например, область визуальных восприятий так интенсивно загружается условным материалом, что его производство превратилось в отрасль индустрии развлечений. Фотография, а за ней - кино, и, наконец, телевидение - вот ступени распространяющейся искусственности визуального сигнала. Все более изощренное "делание" развивает в себе человек, научившийся находить смысл в мелькании света на куске белого полотна или в скольжении электронного луча по слою люминофора.) Во всяком случае, когда мы искусственно достигаем максимальной детализации восприятия объекта, узнавание, как это ни странно, заметно затрудняется. Возможно, это качество как раз и связано с постоянной текучестью внешнего мира - восприятие изначально учитывает высокую степень неопределенности и не готово к _реальной_ стабильности воспринимаемого, хотя тональ непрерывно демонстрирует человеку иллюзорную версию этой стабильности.

"Сегодня я должен... помочь тебе лучше осознать тот факт, что все мы - светящиеся существа, что мы не объекты, а чистое осознание, не имеющее ни плотности, ни границ. Представление о плотном теле лишь облегчает наше путешествие на земле, это описание, созданное нами для удобства, но не более. Однако наш разум забывает об этом, и мы сами себя заключаем в заколдованный круг, из которого редко вырываемся в течение жизни." (IV, 100-101)

Потоки энергии, не знающие покоя, несомые ветром времени в головокружительную бездну пространства, претерпевающие невиданные метаморфозы в бесконечном разнообразии, пересекая друг друга, сливаясь и разделяясь между собой, - они каменеют в сознании человека и делаются вещью, объектом, инертной массой материи. Мы словно бы гонимся за солнечным бликом, за свободно ускользающей лучистостью, цепляемся взором

за невидимый ветер и заставляем весь подвижный, бушующий космос осесть, уплотниться, обрести зримые и устойчивые контуры, замереть в однообразном рельефе. Работа проделана, _делание_ осуществлено. И вот перед нами мир, которым можно манипулировать на свой лад, - мир, в котором мало что происходит, где почти все события предсказуемы, а явления жизни катятся по рельсам согласно расписанию, как поезда. Мы жалуемся на скуку, на однообразие, совершенно не понимая, что сами сотворили плоский и угрюмый пейзаж с его безнадежной недвижностью, сами отказались от неуловимых стихий, от опасной неустойчивости вечного урагана бытия, в угоду рациональности и запланированному потреблению. В этом волшебстве есть что-то печальное, но ведь чудеса не всегда служат для развлечения. Мы - угрюмые маги, и, возможно, как раз поэтому тяготимся жизнью, скучаем и тоскуем. Животные не слишком страдают от скуки, а если бывают печальны, то уж во всяком случае не от однообразия бытия. Их мир более текуч, их внимание в значительно меньшей степени способно отсекать постоянные и всепроникающие изменения. Да что там животные! Мы сами почти не скучали в первые годы своей жизни, и не только потому, что все нам было в новинку, все казалось любопытным и занимательным. Хуже работало наше "делание", меньше устойчивых категорий накладывали мы на мир, а значит, больше оставалось подвижного, переменчивого, нового. Повзрослев, люди изгнали удивительное из своей жизни, так как возжелали включить в _делание_ весь мир без остатка.

Можно сказать, что эта затея практически удалась, хотя "делание", как и любой психический процесс, не может быть совершенным и абсолютным. Человек мастерски овладел особой эквилибристикой духа, чтобы нести довольно хрупкое равновесие психики, не теряя его. Тем не менее, экстремальные условия могут вызывать нарушения в протекании "делания" и даже на время совсем отключать его. Энергетическое истощение, вызванное болезнью, переутомлением, бессонницей, различными психическими агентами или ядами, достигнув некоего порога, останавливают "делание", и тогда безликий образ _нагуаля_ топит восприятие в своем безмолвии. Потом, когда процесс возобновляется, мы уже почти ничего не помним - сознание тоналя вытесняет любые переживания, не получившие своевременной интерпретации. Только туманное чувство, относимое нами скорее к телу, чем к душе, неопределенным призраком бродит в самых потаенных уголках психики и тревожит своим присутствием невнятные сновидения. "Величайшее искусство тоналя - это подавление любых проявлений нагуаля таким образом, что даже если его присутствие будет самой очевидной вещью в мире, оно останется незамеченным." (IV, 134) Остановки "делания" случаются не только в "помраченных" состояниях сознания, но и в результате перестройки энергетических процессов, изменения перцептивных или поведенческих стереотипов. Особенно часто они сопровождают сознательные эксперименты по самоизменению, которыми занимаются мистики или маги. Кастанеда, например, рассказывал об этом дону Хуану. "Я объяснил, что подобное со мной бывало и раньше - какие-то странные провалы, перерывы в потоке сознания. Обычно они начинались с ощущения толчка в теле, после чего я чувствовал себя как бы парящим.

...Дон Хуан попросил поподробнее рассказать об этих "провалах", но мне было крайне трудно подобрать слова. Я начал было описывать их в терминах "забывчивость", "рассеянность", "невнимательность", но он напомнил мне, что в действительности я человек очень обязательный и осторожный, с отличной памятью.

Сначала я связывал эти странные провалы с остановкой внутреннего диалога, но затем вспомнил, что они случались со мной и тогда, кота я вовсю разговаривал сам с собой. Казалось, они исходили из области, независимой от всего того, что я знаю." (IV, 132) Дон Хуан был очень доволен такими, казалось бы, бесполезными и ничего не значащими

происшествиями. Он, безусловно, видел здесь прорывы нагуаля, и потому удовлетворенно заметил: "Наконец-то ты начинаешь устанавливать реальные связи." (IV, 133)

Но мы не должны забывать, что "делание" - это фиксация _любого_ режима восприятия. А потому все оккультисты, стремящиеся к стабильному воспроизведению своих необычных переживаний, вынуждены заниматься "деланием". Правда, их "делание", как правило, связано с целым рядом странных условностей, для профана лишенных всякого смысла, но ведь и наше "делание" вполне могло бы вызвать изумление у существ с другим устройством перцептивного механизма. Как нам кажется, многие элементы мистического ритуала или приемы оккультной психотехники (вроде работы с чакрами, энергетическими каналами, точками и проч.) представляют собой механизмы, активизирующие определенный тип "делания", культивируемый в данной традиции. В результате полюбившийся способ интерпретации делается устойчивым, внушая адепту иллюзию подлинности избранной им мистической сверх-реальности.

Совсем неплохо, если мы имеем возможность выбирать между двумя или более системами интерпретаций сенсорных сигналов - это обогащает переживание, делает его полнее, разнообразнее, увлекательнее. Опасное заблуждение рождается тогда, когда мы декларируем универсальность какого-либо "делания" или устанавливаем иерархию режимов восприятия. Для _нагуаля_ любое делание - всего лишь фрагмент, частность. Не имеет значения, какой именно участок безграничного спектра вы выбираете в данный момент. Только _свобода выбора_ может вести к полноте опыта, только она имеет ценность для подлинной Реальности. Каждое достижение на этом пути мы вправе рассматривать лишь как увеличение гибкости, но не в качестве перехода с низшей ступеньки на более высокую - будто бы Абсолют пребывает на вершине некоей пирамиды, а мы последовательно шагаем с одного уровня на другой! Гибкость приближает нас к чистому восприятию, но только через беспристрастную интеграцию опыта, через особое возвышение над любым продуктом тоналя во всяком режиме его функционирования.

При отсутствии выбора жесткая заданность интерпретации порождает уродливые и ограниченные результаты. Любой воспринимаемый сигнал сводится к банальности, какие бы удивительные явления ни стояли за ним. После того, как Хенаро продемонстрировал Карлосу свои полеты и перемещения среди ветвей эвкалиптов, а также заставил его принять участие в своих фантастических "прыжках", Кастанеда обратился к дону Хуану, пытаясь выяснить, как все это выглядело со стороны:

"Что ты видел?

- Сегодня я видел лишь движения нагуаля, скользящего между деревьев и кружащего вокруг нас. Любой, кто _видит_, может свидетельствовать это.

- А как насчет того, кто не _видит_?

- Он не заметит ничего. Может быть, только, что деревья сотрясаются бешеным ветром, или даже какой-то странный свет, возможно, светлячок неизвестного вида. Если настаивать, то человек, который не _видит_, скажет, что хотя и видел что-то, но не может вспомнить что. Это совершенно естественно. Человек всегда будет цепляться за смысл. В конце концов, его глаза и не могут заметить ничего необычного. Будучи глазами тоналя, они должны быть ограничены миром тоналя, а в этом мире нет ничего поразительно нового. Ничего такого, что глаза не могли бы воспринять, а тональ не мог бы объяснить." (IV, 195)

Если применить к этой ситуации модель человеческого восприятия, которую мы рассматривали в главе 1, то можно сказать, что сигнал, который невозможно интерпретировать в соответствии с работающей схемой, при прохождении через смыслообразующий блок либо совсем не допускается к осознанию (т.е. вытесняется), либо превращается в "псевдоинформацию" - это значит, что происходит чудовищная

фальсификация смысла, сопровождаемая искажением основных параметров воспринимаемого. Тональ изо всех сил стремится сохранить свою целостность, заставляя нас осознавать белое как черное, близкое как далекое, большое как маленькое, и наоборот. В самых критических ситуациях тональ способен "взбунтоваться" и остановить "делание" полностью. В опытах по гипнотическому запрещению видеть отдельные предметы (о которых мы говорили выше) испытуемые нередко впадали в ступор, если восприятие "запрещенного" объекта оказывалось по каким-то причинам неизбежным. Их сознание полностью отключалось, и они могли выйти из обморочного транса только по приказу гипнотизера.

Выйти из-под гипноза тональ и научиться управлять "деланием" - одна из первейших задач в учении дона Хуана. Дальше мы будем много говорить о методах и приемах, об уловках и хитростях, применяемых магами, чтобы осуществить это неслыханное и невероятное дело, но вначале попробуйте просто представить себе, что такое достижение возможно. Дон Хуан особо подчеркивал необходимость убежденности в том, что наш взгляд можно освободить. Он говорил об этом так: "Наши глаза - это глаза тональ или, точнее, - наши глаза выдрессированы тоналем. Поэтому тональ считает их своими. Одним из источников твоего замешательства и неудобства является то, что твой тональ не отступается от твоих глаз. В день, когда он это сделает, твой нагуаль выиграет великую битву. Твоей помехой, или, лучше сказать, помехой каждого является стремление построить мир согласно правилам тональ. Поэтому каждый раз, когда мы сталкиваемся с нагуалем, мы сходим с дороги, чтобы сделать наши таза застывшими и бескомпромиссными. Я должен взывать к той части твоего тональ, которая понимает эту дилемму, а ты должен сделать усилие, чтобы освободить глаза. Тут нужно убедить тональ, что есть другие миры, которые могут проходить перед теми же самыми окнами. Нагуаль показал тебе это сегодня утром. Поэтому отпусти свой глаза на свободу. Пусть они будут настоящими окнами. Глаза могут быть окнами, чтобы заглядывать в хаос или заглядывать в эту бесконечность." (IV, 176)

Стоит попробовать, не так ли?

ГЛАВА 3. "БЕЗУМНЫЕ РЕЧИ" ДОНА ХУАНА

_Что лучше: пена или дом?
Давай-ка вместе поразмыслим!
Тогда, дай Бог, все наши мысли
Исчезнут в небе голубом._

Борис Гребенщиков.

1. Кое-что о пользе надувательств

Чванливая самонадеянность, с которой мы навешиваем ярлыки направо и налево, судим обо всем на свете, будто проницательнее нашего разума ничего нет, смешит просто до слез и вызывает желание как-нибудь встряхнуть самовлюбленного невежду - скажем, дать пинка, сбить с толку, обескуражить, довести до обалдения. Потому что через интеллектуальное убеждение к большинству из нас не пробиться. Мы только и знаем, что недоверчиво хмыкать, пожимать плечами и произносить глубокомысленные речи о том, что надо жить реальной жизнью, а не блуждать в мире малоправдоподобных фантазий. Обычно мы очень легко определяем, что возможно, что невозможно, где правда и где вымысел. Никому и в голову не приходит, что на самом-то деле мы мало смыслим в

подобных вещах, что все наши критерии - самообман, фикция и надувательство, а втолковать "нормальному" человеку, что он ничего не знает об окружающей его действительности, - дало безнадежное. Даже в тех случаях, когда наш ум достаточно гибок и готов принять неожиданные интеллектуальные версии, мы всегда остаемся в плену условного наклонения, и не потому, что недоверчивы или упрямы (хотя и такое бывает нередко), а просто в силу великого груза инерции, накопленного за годы беспрекословного утверждения общепринятой модели мира. Попробуйте превратить в условность вещи, которые казались очевидными с самого детства и устойчиво подтверждались всем предыдущим опытом? Однодело - играть с теориями, концепциями, умозаключениями - тут мы чувствуем себя в безопасности и можем дать волю фантазии; когда же посягают на саму сущность воспринимаемого, все в нас становится на дыбы, и огромная энергия подсознательного блокирует любую попытку к изменению. Тональ - бдительный и упрямый сторож, его так просто не проведешь.

В этой главе мы будем говорить об искусстве надувательств, которое в традиции дона Хуана применяется к тоналю ученика, чтобы заставить эту строптивую часть человеческого существа уступить свою абсолютную власть и занять более подобающее ей положение гибкого и послушного помощника.

Вообще же, для полного и гармоничного эффекта работа с тоналем проводится как снаружи, так и изнутри. Более того, "внутренние" методы (т.е. то, что ученик проделывает со своим тоналем сам) являются центральными и решающими, а "внешние" (хитрые проделки учителя) закладывают фундамент для грядущей трансформации, расшатывая иллюзорную незыблемость здания тоналя. Внутренняя работа настолько объемна, сложна и многоаспектна, что составляет целое направление в системе дона Хуана, и нам придется посвятить ей специальный раздел в этом исследовании. Здесь же мы обсудим в основном те манипуляции, которые производит учитель с психикой неофита. В некоторых случаях это намеки на что-то действительно важное, украшенные, правда, изрядной толикой таинственности и своеобразного романтизма (как еще произвести впечатление на скучающего умника?), а иногда - чистое надувательство, игра в жутковатую сказку, которая бывает порой эффективнее, чем целый курс внятных и убедительных лекций. Вы сомневаетесь? Вспомните, что говорил об этом дон Хуан:

"... он объяснил, что мир нашей саморефлексии или нашего разума очень хрупок и держится лишь на нескольких ключевых идеях, которые образуют его основополагающий порядок. Когда такие идеи рушатся, этот основополагающий порядок перестает существовать." (VIII, 159)

Проблема заключается в том, что разговоры не производят на наш тональ никакого впечатления, в счет идут только действия. Дон Хуан ставит перед собой задачу произвести _разъидентификацию_ знаков и знаковых структур, из которых состоит описание мира у его ученика, и это осуществимо только в наличии ситуативного контекста, имитирующего независимое движение действительности. Учитель просто _вынужден_ обманывать ученика для того, чтобы обойти его сопротивляющееся сознание, чтобы незаметным образом подвести его к признанию _условности_ всего им воспринимаемого безо всяких исключений. Эмоционально-чувственное переживание проявившейся условности вызывает серьезные нарушения в работе перцептивных стереотипов. Иными словами, происходит _дезавтоматизация_ фундаментальных психических процессов, гарантирующих "здравый рассудок" личности и замкнутость воспринимаемого ею мира. Как вы уже догадались, это дело крайне опасное. Расшатывание тоналя - это искусство ходить по краю пропасти, заглядывать в нее, не пугаясь головокружения, и все же не свернуть себе шею. Парадоксально, но для того, чтобы не попасть в число пациентов психиатрических клиник, нам необходимо особого рода легкомыслие, которое

обеспечивает подвижность фиксации внимания и поверхностность эмоциональной реакции. Не так уж часто человек обладает набором этих качеств совокупно с проницательностью и способностью к внимательному наблюдению. Именно учитель, управляя ситуацией и вниманием ученика, должен обеспечить тонкий баланс между интенсивностью воздействия и способностью к самоконтролю в экстремальных условиях. Нельзя не сказать, что дон Хуан справлялся с этим мастерски. Он последовательно разрушил все ключевые стереотипы восприятия у Кастанеды, то есть, говоря откровенно, провел его через серию настоящих кошмаров и, тем не менее, не сделал из него неврастеника и психопата. Достаточно вспомнить хотя бы эпизод, где дон Хуан превращается в слабоумного старика, чтобы преподать Карлосу важный урок "безжалостности" и одновременно развалить одну из важнейших идей, на которой держится ординарное описание мира, - идею _непрерывности_.

"В нашем сознании, - говорит дон Хуан, - мир держится на том, что мы уверены в своей неизменности. Мы еще можем согласиться с тем, что наше поведение можно как-то изменить, что могут изменяться наши реакции и мнения, но идея изменения внешности или идея возможности быть кем-то другим не является частью основополагающего порядка нашей саморефлексии. Как только маг прерывает этот порядок, мир разума останавливается.

<...>Дон Хуан напомнил мне, что когда-то он познакомил меня с понятием остановки мира. Он сказал, что остановка мира является такой же необходимостью для мага, как для меня - чтение и письмо. Она заключается в том, что в ткань повседневного поведения привносится какой-то диссонирующий элемент с целью всколыхнуть обычно монотонное течение повседневной жизни - событий, разложенных нашим разумом по полочкам нашего сознания.

Диссонирующий элемент называется "неделанием", или противоположностью "деланию". (Вспомните о наших рассуждениях по поводу "делания" в предыдущей главе. Принципиальный шаг от "делания" к "неделанию" мы осуществляем здесь впервые, и вы еще много раз станете свидетелями удивительных метаморфоз, порождаемых этим шагом на пути к овладению магией. - А. К.) "Делание" - это все, что является частью целого, в котором мы отдаем себе отчет. "Неделание", в свою очередь, есть элемент, не принадлежащий к этому строго очерченному целому." (VIII, 159-160)

Здесь мы должны познакомиться с одним очень часто встречающимся у дона Хуана термином - _инвентаризационным списком_ человеческого тоналя. Эта условная номинация заключает в себе грандиозное хранилище специальным образом отобранной и рассортированной информации. То есть, всякий комплекс сенсорных сигналов внутри нашего мозга немедленно соотносится с автоматически приписанным ему продуктом - охватывающим все аспекты, варианты и ситуации, связанные с принятым к осознанию комплексом; содержащим все известные индивидуальному и общечеловеческому опыту способы манипулирования с ним; его потенциальную валентность в мире описания - т.е. возможность сочетаемости с другими сенсорными комплексами, исходя из законов (опять-таки) описания, или невозможность сочетания его с теми пунктами инвентаризационного списка, что имеют иную семантическую сферу, иную формально-логическую основу для манипуляций. _Инвентаризационный список_ - это центральные структуры, несущие костяки психических "программ" личности. _Ключевые стереотипы_, позволяющие интегрировать различные программы человека, в свою очередь, относятся к простейшим элементам так называемой _метапрограммы_, от изменения которой зависит весь строй переживания, стимулов и реакций индивида, от которой, в конечном счете, зависит весь спектр социальной адаптированности личности, разделяемость другими ее "реальности", т.е., попросту говоря, ее психическое здоровье. _Инвентаризационный список_ в данном

случае должен был попасть под управление "трансформированной" метапрограммы, - метапрограммы с усиленным аппаратом допустимых неопределенностей, позволяющей гибко соединять пункты списка любым парадоксальным способом, чтобы тем самым "создать" ряды _условных_ парадигм, в любой момент готовых переиначить установленную сетку связей. Мутация такого элемента метапрограммы, как _непрерывность_, освободила от прежних схем значительную часть списка.

"Маги знают о том, что если инвентаризационный список среднего человека разрушается, такой человек или расширяет его, или же рушится его собственный мир саморефлексии. Обычный человек стремится включить в свой список новые темы, если они не противоречат основополагающему порядку этой описи. Однако если темы противоречат друг другу, разум человека рушится. Инвентаризационная опись - это разум. И маги принимают это во внимание, когда пытаются разбить зеркало саморефлексии.

Он объяснил, что в тот день он тщательно отобрал средства для разрушения моей непрерывности. Он постепенно преобразился в по-настоящему немощного старика, а затем, с целью усиления моей непрерывности, взял меня с собой в ресторан, где все знали его таким стариком." (VIII, 160)

Мистификация, применяемая доном Хуаном, поражает по сути саму рациональность человека. К различным приемам воздействия на ординарный интеллект с целью приостановить его однообразный, замкнутый на себе труд, прибегали многие мистические школы. Чего стоят одни лишь дзэнские _коаны_, каждый из которых демонстрирует нескрываемое презрение к умственным потугам человека. То же показывают нам даосские парадоксы, исполненные туманных намеков на тщетности мышления, опирающегося на человеческие категории. Дзэновский _коан_, как прием интеллектуальный, ведет к снятию во всех видах формально-логических связей, чтобы остановить разум. Например:

"Однажды монах спросил Шао-шаня: "Существует ли высказывание, которое не было бы ни истинным, ни ложным?" Шао-шань ответил: "В белом облаке не увидишь ни следа уродства."

Или замечательный пример _коана_, направленного на разрушение умственных интерпретаций по поводу воспринимаемого:

"Три монаха: Сю-фэнь, Чжинь-шань и Йень-тоу - встретились в саду храма. Сю-фэнь увидел ведро с водой и указал на него. Чжинь-шань сказал: "Вода чиста и отражает образ Луны." "Нет, нет, сказал Сю-фэнь, - это не вода, это не Луна." Йень-тоу перевернул ведро."

И все же дзэнские парадоксализмы в целом призывают нас вовлечься в некую формальную игру, где смыслы разрушают друг друга в собственном пространстве мышления. Мы как бы и не выходим наружу - в реальную действительность, убеждаясь только в наличии безусловной свободы движения символов среди расшатанных рамок интеллектуального механизма. Конечно, и это служит достаточно серьезным намеком на причудливую природу текучей Реальности, но мы все равно только _догадываемся_. Конкретные метаморфозы в восприятии и переживании восприятия неактуальны, если внимание погружено в абстрактную игру, вызывающую _внутренне_ обусловленное оцепенение.

Впрочем, мы тут сталкиваемся, скорее всего, с особой чертой психологической культуры Востока, где интровертированность сознания всегда представлялась совершенно необходимым условием любых постижений и трансформаций духовного мира субъекта. Как подходит к рациональности дон Хуан, мы увидим из следующего отрывка. Его подход напрямую связан с ситуацией, охватывает приемы "грубого" физического воздействия, провоцирует эмоциональные всплески, - словом, использует всю целостность существа для нужного ему эффекта. Видно, интеллектуальных парадоксов недостаточно, чтобы всесторонне переменить механизм перцептивного переживания внешней Реальности.

"Я неоднократно повторял, что слишком большая рациональность является помехой, - сказал он. - Человеческие существа обладают очень глубоким чувством магии. Мы сами являемся частью тайны. Рациональность есть лишь наружный тонкий слой. Если мы удалим этот слой, то под ним обнаружим мага. Однако некоторые из нас с большим трудом могут проникнуть под поверхностный слой - другие же делают это с большой легкостью. Ты и я очень похожи в этом отношении - оба мы должны были трудиться до кровавого пота, прежде чем избавиться от саморефлексии.

Я объяснил ему, что для меня держаться за свою рациональность вопрос жизни и смерти. Важность этого для меня только возросла, когда я стал постигать мир магии.

Дон Хуан заметил, что тогда, в Гуаймасе, моя рациональность стала для него исключительным испытанием. С самого начала дон Хуан должен был пустить в ход все известные ему средства, чтобы подорвать ее. С этой целью он начал сильно давить ладонями на мои плечи и почти пригнул меня к земле тяжестью своего тела. Этот грубый физический маневр послужил первым толчком для моего тела. В сочетании со страхом, вызванным отсутствием непрерывности, такой прием пробил стену моей рациональности.

- Но только нарушить рациональность было недостаточно, - продолжал дон Хуан. - Мне было известно, что для того, чтобы твоя точка сборки достигла _места без жалости_, я должен был полностью прервать твою непрерывность. Все это произошло, когда я по-настоящему стал стариком и заставил тебя бегать по городу, а под конец разозлился и ударил тебя.

Ты был шокирован, однако находился на пути к мгновенному возвращению в нормальное состояние, и тогда я нанес последний удар по твоему зеркалу саморефлексии. Я завопил, что ты убийца. Я не ожидал, что ты убежишь, забыв о твоей склонности к вспышкам ярости." (VIII, 162-163)

Как видите, этот эксперимент (как и множество ему подобных, нередко применявшихся в работе с Карлосом Кастанедой) больше всего напоминает тщательно разыгранный спектакль с привлечением богатого контекста (действующих лиц, реквизита и декораций). Он нерасторжим с внешней реальностью, и все естественное развитие интриги охватывает воспринимаемый мир испытуемого со всех сторон: даже невинные прохожие и стражи порядка оказываются вовлеченными в дьявольские планы хитроумного мага. Теоретические уроки преподаются намного позже, а порой - не преподаются совсем, словно интеллектуальные штудии должны привлекаться лишь на заключительных этапах работы, когда сумасбродность учителя, его каверзные выходки и нелепая буффонада уже приняты учеником как само собой разумеющееся, а приобретенная гибкость обнаружила свои преимущества и уже не желает отказываться от них.

Кажется, такой подход может сулить широкие перспективы, особенно в применении к психике современного, "цивилизованного" человека, страдающего далеко зашедшей интровертированностью сознания, что, безусловно, есть результат победившей евро-американской технократии, требующей особого напряжения в работе с мыслимыми (ментальными) конструкциями при весьма ослабленном осознании сенсорного опыта, поступающего извне. Ориентальная интровентированность, имеющая куда более древнюю историю и совсем иные источники, вторгается в западное общество без труда. Если мы припомним классификацию духовных путей, предложенную американским ученым Д. Холлом, то родственность настроений в "мистицированной" Европе и в индо-буддистском альянсе оккультных доктрин довольно ярко демонстрирует себя. Д. Холл различает три глобальные разновидности духовного подвижничества: _экстаз_ как слияние индивидуальной души с высшей божественной реальностью, что характерно для христианской и мусульманской традиции, энтаз - интроспективное самосозерцание в индийской йоге, и присущий даосизму идеал "контаза", определяемый Д. Холлом как

"стояние наравне с природой", "созерцание всего под образом вечности." (См. D Hall. Process and Anarchy: A Taoist Vision of Creativity. - Philosophy East and West. Vol. 28, 1978, no. 3.) Христианский экстаз для современной Европы на сегодняшний момент превратился скорее в экзотическое зрелище, которое редко встретишь и вряд ли безболезненно включишь в привычный режим деятельности современного западного человека. Наш взгляд постоянно направляется вовнутрь под давлением интеллектуализированного сообщества, с одной стороны, и нарастающей эмоциональной отчужденности, с другой. В этом, кроме всего, можно усмотреть причину легкого распространения в западном мире индо-буддистских идей, пропитанных интроспективными исследованиями мистического толка. Что же касается системы дона Хуана, то она, вопреки сложившимся в современной культуре тенденциям, "разворачивает" наш взгляд наружу, вовне, к самой конкретной действительности, настаивая на том, что именно во внимательном обращении с нею лежит открытый путь свободы и гармоничного преображения. И если уж применять классификацию Д. Холла к достижениям индейских магов дона Хуана, то там можно найти место лишь контазу - "стоянию наравне с природой". "Созерцание всего под образом вечности" есть единственно возможный тип взгляда для тех, кто непрестанно свидетельствует мироздание, выскакивая за ограничения как внутреннего, так и внешнего опыта общения с ним.

Итак, с нашей точки зрения дон Хуан для разрушения описания мира использует приемы более действенные, чем многолетние медитации дзэнских монахов на тему "Как достать птицу из бутыли с узким горлышком, чтобы в результате и бутылка и птица остались невредимыми?" Он разъидентифицирует знаки мира, вовлекая адепта в абсурдную для того систему интерпретаций самым насильственным образом и заставляет погрузиться в реальность шаманическую, сказочную и неправдоподобную.

Буквально с самых первых встреч с Кастанедой дон Хуан начал показывать себя довольно странным типом, с необъяснимыми причудами и эксцентричным поведением. Скажем, для подтверждения своих слов он то и дело обращается к разным неодушевленным предметам, как, например, в таком разговоре:

"Ты думаешь, так легко бросить пить или, скажем, курить? - спросил я.

- Ну конечно! - убежденно воскликнул он... В это мгновение кипяток в кофеварке весело забулькал.

- Слышишь?- воскликнул дон Хуан, блеснув глазами. - Кипяток со мной согласен.

И, помолчав недолго, добавил: "Человек может получать подтверждение от всего, что его окружает."

Тут кофеварка издала булькающий звук, напоминающий нечто не совсем приличное.

Дон Хуан взглянул на кофеварку и мягко произнес: "Спасибо." (III, 456)

Прямо скажем: с доном Хуаном не соскучишься. Наивничает он или создает условия для подступающего "безумия" магии - ученик уже на крючке, и если не заинтригован, то, по крайней мере, выбит из безмятежной колеи повседневности. "Едва он это произнес, как сильный порыв ветра пронесся по пустынному чаппаралю. Кусты громко зашелестели.

- Слышишь? - спросил дон Хуан. - Листья и ветер со мной соглашаются." (III, 454)

И здесь же: "(Самолет) пронесся над нами на бреющем полете, сотрясая всю округу ревом двигателей. "О! Слышишь, как мир соглашается?" - сказал дон Хуан, приставив к уху левую ладонь." (III, 455)

Интровентированный ум человека не только позабыл, что всякий избранный знак условен и может капризно примерять себя на любое явление действительности, на любой аспект, чтобы повернуться к нам своими самыми абсурдными гранями. Он даже забыл о том, что Реальность живет безотносительно к нему и может выражать себя вольно, никак не приноравливаясь к привычному для человека истолкованию. Разум позабыл о

Реальности вне себя, а она движется и дышит, потрясает безответностью своей красоты, очарованием запахов, пронзающей ясностью ветров, даже тогда, когда некому любоваться ее неистощимым божественным разливом. Каждая непримечательная частичка таит в себе изначальный импульс самоценного, углубленного бытия, в ней сквозит вездесущая тайна существования. Этот отблеск самостоятельной Тайны, пред-стоящий распахнутому от изумления взору, делает, быть может, самый важный намек - намек на счастье и свободу, раскрывающиеся в непосредственном со-общении с Миром, - общении глубоком, полноценном, всестороннем, но уважительном и чутком. "Пока ты чувствуешь, что наиболее важное и значительное явление в мире - это твоя персона, ты никогда не сможешь по-настоящему ощутить окружающий мир", - вновь и вновь повторяет дон Хуан. (III, 472) Он заставляет Карлоса разговаривать с растениями, особенно в том случае, если нужно их сорвать. Следует извиниться и заверить их, что твое тело тоже станет когда-нибудь для них пищей. Конечно, дон Хуан применял это упражнение в первую очередь для того, чтобы избавить Кастанеду от "чувства собственной важности", но хитрость имела и другую сторону: Карлос понемногу научался относиться к растению совершенно непривычным способом, что вызывало изменения в его инвентаризационном списке и исподволь подтачивало его "описание мира".

В других случаях дон Хуан применяет страх перед неизвестным таким образом, что и это служит постепенному "усмирению" тоналя. Например, после обеда на охоте, когда они с Карлосом съели только двух перепелов из пяти пойманных (оставшихся дон Хуан выпустил), Кастанеда посетовал, что не смог приготовить из всех птиц очень вкусное жаркое. На что дон Хуан возразил: "Если бы ты все это проделал, то, возможно, нам не удалось бы уйти отсюда целыми и невредимыми." И пояснил: "Кусты, перепела, все вокруг восстало бы против нас." Кастанеда, как положено, усомнился в таком чрезвычайно странном заявлении, на что получил возмущенную отповедь учителя: "Почему мир должен быть таким, каким ты его считаешь? Кто дал тебе право так думать?" (III, 511)

Дон Хуан переиначивает знаки, переосмысливает явления окружающего мира с тем, чтобы окончательно запутать ученика, сбить его с толку, вызвать неуверенность не только в интеллектуальных его способностях, но и принятой им системе интерпретаций, даже в самом умении верно воспринимать происходящее. Нам трудно сказать наверняка, где заканчивается конкретный урок, упражнение в магии, и где начинается импровизация, свободная игра фантазии, в которой необъяснимые происшествия, пугающие звуки и леденящие кровь предостережения - только мастерски сочиненный миф "на злобу дня", комедия, разыгрываемая для того, чтобы рухнул очередной бастион разума. Но и в этом случае дон Хуан всегда следит, чтобы ученик не принимал его странные спектакли за шутку, ибо тогда они теряют свой дидактический смысл. Например, когда над Карлосом с шумом пролетела ворона, он испугался и от испуга захохотал. Дон Хуан довольно резко заставил его успокоиться, на что Кастанеда разозлился. "То, что ты видел, не было согласием мира. Летящая, да еще и каркающая ворона никогда не выражает согласие мира. Это был знак!

- Знак чего?

- Очень важный знак. Он касается тебя, - ответил он загадочно. В это мгновение прямо к нашим ногам упала сухая ветка, сорванная ветром с куста.

- А вот это - согласие! - дон Хуан взглянул на меня сияющими глазами и рассмеялся грудным смехом.

У меня возникло ощущение, что он просто дразнит меня, на ходу выдумывая правила своей странной игры так, чтобы ему можно было смеяться, а мне - нет. Раздражение мое вспыхнуло с новой силой, и я все это ему выложил." (III, 468)

И еще более пугающий эпизод, где разрушение системы знаков было осуществлено с особым успехом. В нем на первый взгляд нет ничего сверхъестественного, но он, тем не менее, вызывает у Карлоса полное смятение духа. Быть может, впервые в жизни он теряет способность однозначно воспринимать самые обычные явления природы и впадает в изумленный ужас, который, наверное, испытывал первобытный человек в эпоху слабого тоналя. Мы напомним вам основные моменты этой виртуозно сделанной сценки о "ветре".

"Вдруг он оживился и левой рукой указал на темное пятно среди кустарника внизу.

- Вот оно, - сказал он, словно ждал появления чего-то, и это что-то вдруг появилось.

- Что это? - спросил я.

- Вот оно, - повторил он. - Смотри! Смотри!

Но я не видел ничего, кроме кустов.

- А теперь оно здесь, - настойчиво сказал он. - Оно здесь. В это мгновение меня ударил порыв ветра, в глазах появилась резь. Я смотрел на то место, куда показывал дон Хуан. Там не было абсолютно ничего необычного.

- Я ничего не вижу, - сказал я.

- Ты только что это почувствовал. Только что. Оно попало тебе в глаза и мешает смотреть.

- Что "оно"? О чем ты говоришь?

- Я специально привел тебя на вершину холма, ответил он. Здесь мы заметны, и нечто пришло к нам.

- Что "нечто"? Ветер?

- Не просто ветер, - сурово произнес он. - Тебе может казаться, что это ветер, потому что ветер - это все, что тебе известно." (III, 512)

После такого интригующего предуведомления дон Хуан нарвал веток, уложил Карлоса на землю и прикрыл его ими, а сам лег рядом.

"В какой-то момент ветер, как и предсказывал дон Хуан, действительно утих, что весьма меня изумило. Переход был настолько плавным, что я вряд ли бы заметил перемену, если бы специально за этим не следил. Какое-то время после того, как мы спрятались, ветер еще шуршал листьями над моим лицом, а потом все вокруг нас постепенно стихло.

Я прошептал дону Хуану, что ветер стих, и он шепотом ответил, что нужно лежать неподвижно и не шуметь, поскольку то, что я называю ветром - не ветер вовсе, а нечто, обладающее собственной волей и самым натуральным образом способное нас узнать. <...>

Дон Хуан неотрывно смотрел на юг.

- Опять идет! - громко воскликнул он.

Я непроизвольно подпрыгнул от неожиданности, едва не потеряв равновесие, а он громко приказал мне смотреть.

- Но что я должен увидеть? - в отчаянии спросил я.

Он ответил, что оно - чем бы там оно ни было - ветром или чем-то другим - похоже на облако, на вихрь вдалеке над кустами, который подбирается к вершине холма, на которой мы стоим.

Я увидел волну, пробежавшую по кустарнику на некотором расстоянии от нас.

- Вот оно, - сказал дон Хуан. - Смотри, как оно нас ищет. Сразу вслед за его словами мне в лицо в очередной раз ударил устойчивый поток ветра. Но реакция моя теперь была иной - я пришел в ужас." (III, 513-514)

Нам никогда не узнать, преследовало ли что-то Кастанеду под видом ветра или это фокуснический трюк шамана, который, импровизируя, пытается заставить ученика воспринять хоть что-то, находящееся за пределами "острова" тональ. Так или иначе, спектакль был разыгран блестяще. Любой психолог-практик отметит, что было учтено

максимальное число факторов, влияющих на перестройку восприятия: незнакомая местность, сумерки, игра света и тени, холмы, среди которых скрывается неведомо что, впечатляющий облик мага, призывающего потустороннее, его настораживающие намеки, не говорящие ничего по существу, странный ритуал с ветками и т.п. Все это, в конечном счете, разрушило основные ориентиры рационального внимания Кастанеды. Его "делание" оказалось в крайне затруднительной ситуации, и для разрешения ее пришлось максимально расширить чувствительность по всему полю восприятия (так как ориентиры утрачены), обострить внимание до возможных пределов. В таких условиях есть шанс перевести сознание в иной режим восприятия. До этого не дошло, но ветер как пункт инвентаризационного списка тоналя прекратил свое знаковое существование, он обратился в нечто - в кусочек Реальности вне нас. Долго еще "преследовал" ветер бедного Карлоса, навсегда, возможно, изменив его отношение к метеорологии.

Такими надувательствами (или не надувательствами?) первые книги Кастанеды просто переполнены. Дон Хуан отказывается их разъяснять, а через некоторое время вовсе перестает вспоминать о них. В других же случаях он предлагает Кастанеде целую кучу подробностей, заставляет запоминать сложные колдовские ритуалы, рассказывает причудливые "магические" истории

- и это тоже исчезает неизвестно куда, словно выполнив уже свою загадочную роль; сходит со сцены, чтобы больше никогда не вернуться. Первые читатели этих опусов бывали заворожены именно такими невнятными тайнами, сумрачной экзотикой чудовищных теней, колдовских зелий, фантасмагорией психоделического бреда - впрочем, как и сам автор, полагавший эти эпизоды наиболее значительным соприкосновением с миром магии.

Вероятнее же всего, дон Хуан просто знакомил Карлоса с фрагментами иных описаний мира, чтобы заставить ученика усомниться в его собственном. Для этой цели он обычно использовал забавные идеи шаманов, мрачные образы древних магов, или опирался на собственную выдумку, интуицию, сообразительность.

Вспомните хотя бы, как дон Хуан "наделяет жизнью" предметы, чтобы вызвать к ним особое отношение ученика. Описывая мир, человек обычно поступает иначе, т.е. "живое" наделяет всеми качествами бездушного вещества. По сути, маг демонстрирует знакомый тоналю процесс, но наизнанку. Предлагая Карлосу воспользоваться трубкой для курения психотропной смеси, дон Хуан говорит так:

"Первый шаг - полюбить трубку. На это нужно время." (I, 59) И в другом месте: "Трубку я получил от моего бенефактора, и за долгие годы общения с трубкой я с ней сросся. Она вросла в мои руки. Вручить ее, например, тебе, будет серьезной задачей для меня и большим достижением для тебя - если, конечно, у нас что-то получится. Трубка будет в напряжении от того, что ее держит кто-то другой, и если один из нас сделает ошибку, то она с роковой неизбежностью сама расколется, или, скажем, случайно выскользнет из рук и разобьется, даже если упадет на кучу соломы. Если это когда-нибудь случится, то, значит, конец нам обоим, о себе не говорю." (I, 57)

Так мог бы рассуждать дремучий шаман, первобытный охотник, вся жизнь которого построена на суевериях, или человек с явными отклонениями психики. Все эти магические фигурки из дерева с воткнутыми шипами, светящиеся и болтающие олени, мудрые ящерицы, посещающие далекие миры о зашитым ртом (чтобы не проболтались!) - кто будет принимать всерьез подобную ерунду! К тому же, каждый эпизод не имеет полноценного завершения, не вписывается ни в какие метафизические конструкции, оставляя впечатление злонамеренной шизофренизации как автора, так и читателя. Не забудьте также о магических кристаллах, о зернышках, наделяемых убийственной силой, и, наконец, о великолепном Мескалито, который, словно Люцифер на троне, восседает

среди одержимых вассалов, творящих свои сумасшедшие ритуалы. Христианская церковь усмотрела бы здесь чудовищный грех и безусловную бесовщину. И суеверный Карлос наверняка сбежал бы из этого дома умалишенных, но, помимо любопытства, его удерживала одна странность: нигде он не сталкивался с корыстью (посюсторонней или потусторонней) - главным атрибутом зла в представлении религиозного человека. Ни золота, ни девиц не предлагали ему "демоны", никто не посягал на его "бессмертную душу" и т.д. и т.п. Да, его подвергали жестоким испытаниям, бессовестно надували - но пошло ли все это во вред? Сбегая в ужасе, он всякий раз возвращался, потому что тело его накапливало силу, делалось свободней, и телу это нравилось. Застоявшиеся образы описания мира рушились, и от этого становилось легче дышать.

Хотя людям впечатлительным (не говоря уже о педагогах) подход дона Хуана к изменению описания мира у ребенка может показаться даже изуверским. В начале третьей книги ("Путешествие в Икстлан") дон Хуан излагает свои идеи насчет перевоспитания хулиганистого и капризного мальчишки. Во-первых, ребенка должен отшлепать на виду у всех неизвестно откуда взявшийся "жуткий ублюдок", нанятый для этой цели в каких-нибудь трущобах. Здесь мальчик увидит его впервые. Все должно произойти для него внезапно и необъяснимо, как раз в тот момент, когда он начнет себя дурно вести. Ну, а после того, как ребенок станет более управляемым, его следует отвести... в морг. "... Скажешь своему другу одно, последнее: пусть найдет способ показать сыну мертвого ребенка. Где-нибудь в больнице или в морге. И пускай мальчик потрогает труп. Левой рукой, в любом месте, кроме живота. После этого он станет другим человеком и никогда уже не сможет воспринимать мир так же, как раньше." (III, 446) Мы бы не стали рекомендовать этот способ воспитателям, но смысл его сводится к тому же: разрушение всех ключевых стереотипов восприятия при помощи целостного набора средств - разума, разговора и конкретно-чувственного переживания. А чтобы преодолеть довольно высокую адаптивность тоналя, надо всегда заставать его врасплох - чем угодно, хотя бы дикими воплями, как поступал непредсказуемый баловник дон Хенаро.

Кстати, существует совершенно иной способ застать тональ врасплох. Маги издавна пользовались им, заставляя учеников принимать мощные галлюциногены (как, например, мескалин, содержащийся в кактусе Lophophora). О механизме действия "растений силы" мы еще поговорим отдельно. Сейчас нам хотелось бы обратить ваше внимание на один факт, который не так уж бросается в глаза. Вспомните, как настойчиво дон Хуан добивался от Кастанеды подробных и связных отчетов о любых перипетиях его психоделических видений. Он незаметно заставлял ученика изо всех сил концентрироваться на ярких и путаных образах, исподволь вызывая в нем особое отношение к феноменам "того мира". Чем больше Кастанеда думал о них, тем реальнее становилось пережитое. Устранение пропасти между ординарным восприятием и галлюцинацией есть разрушение еще одного ключевого стереотипа. "Самое продуктивное состояние, - как-то сказал дон Хуан, - это когда мы уже ни в чем не уверены." Так приоткрывается завеса _тоналя_, за которой таится Непостижимое.

В свое время Кастанеда, по-видимому, и сам не понял глубины тех преобразований, которым на протяжении лет его подвергал дон Хуан. Это ясно из его ответа на вопрос корреспондента _Psychology Today_ Сэма Кина:

"С. К.: ... Являлось ли это обучением новой системе значений и соответствующего описания или же это было лишь методикой освобождения от прежней системы - для того, скажем, чтобы увидеть мир глазами изумленного ребенка?

К. К.: Здесь у меня с доном Хуаном разногласия. Я утверждаю, что он меня _реглоссировал_ (т.е. изменил систему глосс), а он убежден, что, напротив, -

деглоссировал (т.е. освободил от системы глосс вообще. - Примечания везде мои. А. К.)."

Здесь можно привести целый ряд аргументов в пользу мнения дона Хуана. Мы ограничимся лишь некоторыми. Цель хуановских уроков заключалась в раскрепощении прежде жестко фиксированного режима восприятия и системы интерпретаций воспринимаемого. Успех занятий не мог сводиться к столь же жесткому переходу в любую иную, даже самую экзотическую систему оценки перцептивных сигналов хотя бы потому, что на практике маг вынужден постоянно манипулировать восприятием, меняя методы интерпретации по собственному усмотрению, каждый раз учитывая степень ее адекватности и эффективности. Иначе как объяснить, что дон Хуан настоятельно призывает к _свободе_? Привязанность к той или иной системе глосс не имеет ничего общего со свободой.

Во-вторых, при переводе в другую систему глосс ее предлагают систематически и стремятся вызвать полную и всестороннюю картину "виртуальной" реальности. Дон Хуан чаще всего поступает как раз наоборот: все у него фрагментарно, ничто не доведено до конца, образы то и дело исчезают, либо изменяются до неузнаваемости, чтобы затем уступить место другим, мало связанным с предыдущими.

Кроме того, ценность всякой системы глосс заключается в ее _разделяемости_ с определенной общностью людей, которые подтверждают вашу общую синхронность и единство коллективного опыта. Что же мы видим у дона Хуана? Сколько раз за годы обучения он повторял Кастанеде: "То, что ты видишь в _нагуале_, - твое личное дело"! Каждый видит свое, и никто не имеет права утверждать, что созерцает истину как она есть. Хуже того, надеяться на повторение даже этого "субъективного" опыта - пустое дело. Нельзя знать, каким окажется твое восприятие в следующий раз, как бы ты ни старался соблюсти все условия.

И наконец: подлинная _глоссировка_ непременно включает в себя идею противопоставления между _истинным_ и _ложным_. Вам обязательно нужно верить, что в избранной системе вы воспринимаете _правильно_, а в других - _искаженно_, смутно, нечетко, неадекватно. А дон Хуан только и знает, что с одинаковой радостью потешается как над ограниченностью банального мира обывателя, так и над впечатляющими фата-морганами обалдевших учеников и разных доморощенных мистиков. Даже собственная традиция, по его мнению, в избытке может предложить массу "сверхценной" чепухи, из которой можно настряпать сколько хочешь увлекательных систем, да только сами по себе они совсем не нужны "магу". Вот если вы вступаете в религиозную секту или решаетесь воплотить в полном объеме концепции какой-нибудь из йогических школ, тогда реглоссировки не избежать. Что же касается дона Хуана, то он ищет _только свободу_.

2. Сила безвестности

Свобода - свободой, а "от себя не убежишь" - гласит народная мудрость. По Канту, как мы знаем, человек становится личностью благодаря самосознанию, которое отличает его от животных. Объединяясь с себе подобными, личность становится социальной - тогда мир перестает быть простой совокупностью "внешних" вещей, становится человеческим миром, а индивид обретает "социальное лицо". Следуя традиции дона Хуана, мы назовем "социальное лицо" _образом себя_ и согласимся, что таковой образ является одним из важнейших центральных элементов _описания мира_. Иными словами, тональ творит не только внешний мир, но и свою собственную личину.

Помните, как дон Хуан со своим учеником часами просиживал у городской церкви, демонстрируя на примере прохожих самые неказистые физиономии, которые способен

взрастить на себе тональ, если его не дисциплинируют определенным образом? Но _образ себя_ - это тот главный рычаг, который приводит в движение всю громадину эгоистического механизма; потенциально в _образе себя_ заложены все перспективы развития человеческого индивида и все бездны его возможного падения. Мы говорим, что нас делают обстоятельства. Неправда, нас делают суждения, умозаключения, оценки по поводу обстоятельств, а иногда и в отсутствие таковых. _Образ себя_ - результат длительной фиксации внимания, долгих разговоров тоналя с самим собой, убеждений, логических натяжек, интуитивных заклинаний, которые в некий загадочный и неосознаваемый миг становятся верой: "Я - такой."

Однажды родившийся образ создает два типа ограничений, и оба они "ужесточают" нас, делают монотонными, негибкими, навсегда застывшими существами. _Внутренние_ ограничения касаются, прежде всего, стереотипов общественного поведения, мотивов и оценок любых действий, производимых нами самими. (И не только прилюдно! Социум существует уже не только среди аудитории, в коллективном труде и т.п. - социум "живет" в нашей голове, даже когда мы уединились, читаем книжки или принимаем душ.) _Внешние_ ограничения непосредственно происходят из внутренних и касаются "оценок": нас сковывает мнение "других", их отношение к нам, ожидания, их представления о "хорошем" и "дурном", "предсказуемости" и "непредсказуемости".

Неосознанно любой индивид всегда стремится к т.н. "социальной конгруэнтности", т.е. пропорциональной соразмерности _образа себя_ со всеми видами социального воздействия на него (лучше сказать, социального _принуждения_). Такая конгруэнтность присуща любой социальной ячейке, с которой себя отождествил тональ в процессе напряженного самоубеждения. В неразрывном единстве с образом себя существует весь личностный механизм, а особенно - те его компоненты, что нам в данном случае интересны, т.е. _мыслительный_ и _перцептивный_.

Психологическая история человечества изобилует такого рода примерами. Дон Хуан, рассматривая историю человеческого общежития, прибегает к такому емкому понятию, как _тональ времен_.

Например, субъект средневековой истории качественно отличается от античной личности. Он должен быть корпоративен, связан узами служения и верности со своим сюзереном, он - часть универсалистской общины христианской церкви. Феодальное общество стремилось ликвидировать индивидуальные проявления, так как видела в индивидуальности, прежде всего, деструктивное начало. Что же касается социальной структуры Нового времени, то здесь поведение индивидов не нуждается в иных регуляторах, кроме колебаний хозяйственной конъюнктуры. Их существенной чертой является тенденция к "торговому", "деловому" поведению в самом широком смысле. Личность оказывает услуги другому, лишь ожидая взаимности. Для такого типа характерна экстравертивность, перцептивная точность (т.е. жестко фиксированная адекватность на усложнившееся _описание мира_), стремление к получению информации и корыстному ее использованию. При этом речь идет не только о материальных возможностях, но и о престиже, знаниях, влиянии и т.п. Из-за того, что социальная позиция в новом обществе является одновременно доступным и сверхценным достижением, характерной чертой общественно активных личностей становится _конформизм_ - постоянное приспособление к общепринятым положениям и ценностям, стремление избежать подчеркивания индивидуальных черт.

Образ Я - структура изменчивая и зависит от актуальных в данный момент ситуаций, оценок других людей. Образ актуального социального окружения также весьма нестабилен и подвержен конъюнктурным изменениям. Представления о целесообразности собственного поведения, смысла своего существования не являются, как правило,

продуктом индивидуального опыта, спонтанной избирательности, чаще они детерминированы соображениями карьеры, гарантиями жизненных успехов в определенных условиях.

Нас интересует, прежде всего, в какой степени _социальный_ аспект тоналя несет ответственность за ограничения перцептуальных способностей человека. Если мы согласились, что наша сущность (личностное "Я") потенциально свободна, то нам требуется понять, каким именно образом социальность препятствует осуществлению этой свободы. Назовем суть нашего общественного бытия _интеракцией_, т.е. взаимовоздействием. Человеческая интеракция, снабженная мыслительным и перцептуальным механизмом, - не такое уж простое явление. Достаточно сказать, что люди не просто реагируют друг на друга, но, в первую очередь, _интерпретируют_ и определяют взаимные действия. Их реакции не вызываются непосредственно действиями другого, а основываются на значении, которое они придают подобным действиям. Таким образом, интеракция людей опосредуется использованием _символов_, их интерпретацией или приданием значения действиям другого. Это опосредование эквивалентно включению процесса интерпретации между стимулом (сенсорным сигналом) и реакцией. Как видите, именно работа тоналя всесторонне окрашивает попытки человеческих существ со-общиться, возвести любую (пусть даже самую незначительную) структуру, институт коллективного действия. При этом стимулом действия оказывается _значение объекта_ в приложении к сконструированной (тем же тоналем) потребности.

Значение объекта придается ему индивидом. Индивид не окружен уже существующими объектами, которые воздействуют на него и вызывают его действия. Он сам конструирует свои объекты, исходя из интерпретаций деятельности и потребности. Человек противостоит миру и другим людям посредством _значений_, формирование которых - развивающийся коммуникативный процесс, в ходе которого индивид замечает предмет, оценивает его, придает ему значение и решает действовать на основе данного значения. Учитывая предъявляемые ему социальные требования и сталкиваясь с неприятными ему интерпретациями (недружелюбная среда, отсутствие поддержки, враждебность, конкуренция и т.п.), индивид противопоставляет себя подобным явлениям, принимая или отвергая их, или преобразуя в соответствии с тем, как он их определяет или интерпретирует. Следовательно, "_поведение человека не является результатом давления окружающей среды, стимулов, мотивов, социальных установок или идей_, - как писал американский социолог Г. Блумер. - _Оно возникает в результате того, как он интерпретирует эти вещи и обращается с ними в действии, которое он конструирует_." (_Курсив_ мой - А. К.)

Если же мы назовем "эти" вещи своими именами, то чаще всего выяснится, что речь идет о людях, о себе подобных, о референтной среде, которая, оставаясь для нашего "личностного Я" стимулирующим, но бесконечно "внешним" веществом, имеет наглость порицать или восхвалять, судить или оправдывать, как будто мы принадлежим им по праву. Сколько зла, зависти, дурных советов и бессмысленных предостережений сыплется нам на голову со всех сторон! Более того, наш _образ себя_ волей-неволей формируется, питаясь этими миазмами, уподобляется банальному шаблону, то и дело цепляемому на нас участливыми "доброжелателями".

Невольно вспоминаются слова апостола Павла, уместные здесь, хоть и сказанные по другому поводу: "Не боишься ли ты, что твоя мысль или ты сам будешь опасен для соседа?"

Неудивительно, что отказ от социального Я, "Я для других", во имя полноценного, спонтанного и свободного переживания "Я для себя", для многих мистиков и религиозных адептов кажется спасительной идеей. "Уход от мира", "уход в _безвестность_" всегда

манили мудрецов и пророков, не желавших потерять сосредоточенность, необходимую для постижения Реальности, Бога. Чаще всего эти идеи принимались учениками буквально: йог уходил в пещеру, монах - в монастырь, подвижник - в пустыню. Такое простое действие не меняет ничего в природе. _Социальный_ человек остается таким же даже в абсолютной изоляции. Действительно упорного труда требует _внутреннее_ изменение, для которого вовсе не нужна келья или шалаш.

Например, Чжуан-цзы, мысли которого мы часто и с любовью приводим, называл всю совокупность социокультурных структур "постоялыми дворами" на пути к истине. Мудрые люди могут остановиться в них на ночлег, но не задерживаются там. Наутро они снова пускаются в странствие по неведомым дорогам беспредельных пространств. "... правда мира, - говорит он, - в том, чтобы быть возвышенным без горделивых дум, воспитывать себя, не думая о гуманности и справедливости, править, не имея заслуг и славы, пребывать в праздности, не скрываясь на реках и морях, жить долго без аскетических упражнений, обо всем забыть и всем обладать, быть безыскусным и не ведать пределов... "

Заметьте: в этом высказывании нет ни малейшего намека на демонстративную, "принципиальную" асоциальность ("править, не имея заслуг и славы") - речь идет о растождествлении с социальным механизмом, с его угнетающей фиксацией, т.е. о специальной "внутренней" работе, результатом которой становится свободное участие в общественных действиях, не привязанное к опутавшим их стереотипам, условностям, эмоциональным стимулам, мотивам и целям. Предлагаемое иное качество социального участия, разумеется, не может быть массовым - по крайней мере, в нынешнем состоянии общества, и, тем не менее, это единственный способ превратиться из объекта экономических манипуляций в человека Реальности, в человека Бытия.

Дон Хуан, для которого разрушение _образа себя_ является важнейшим шагом на пути к преодолению описания мира, предлагает Карлосу оригинальный метод "неделания себя":

"Я уже знаю, что ты считаешь себя порочным, - произнес дон Хуан. - И это - твое "делание". Теперь я предлагаю тебе подействовать на это "делание" другим "деланием". С этого момента в течение восьми дней тебе следует себя обманывать. Вместо того, чтобы говорить себе, что ты отвратителен, порочен и бестолков, ты будешь убеждать себя в том, что ты - полная этому противоположность. Зная, что это - ложь, и что ты абсолютно безнадежен.

- Но какой смысл в этом самообмане, дон Хуан?

- Он может зацепить тебя и привести к другому "деланию". А потом ты осознаешь, что и то, и другое - ложь, иллюзия, что они нереальны, и вовлекаться в какое бы то ни было из них, превращая его в основу своего бытия, - нелепо, что это пустая трата времени, и что единственной реальностью является существо, которое живет в тебе и удел которого - смерть. Достижение этого существа, отождествление себя с ним и его самосознанием есть _неделание_ самого себя." (III, 655)

И здесь дон Хуан очень четко определяет сущность своего принципа, о котором мы уже говорили выше: в отношении к образу себя он стремится произвести не _реглоссировку_ (скажем, превратить "порочного" Карлоса в благодетельного и мудрого), а именно _деглоссировку_, т.е. показать, что _всякий_ образ себя есть ложь, иллюзия, и верить в него - нелепо. Потому-то данная работа может называться исключительно "неделанием", так как противоположна любому "деланию" по существу.

С другой стороны, мы должны бы спросить себя: а в чем же неизменно демонстрирует образ себя свою консервативную и упрямую сущность? Какова, в главных чертах, его сущностная манифестация? Первое, что бросается в глаза, - это однообразная

последовательность стереотипов в любом действии. Мало того, что мы подкрепляем стабильный (т.е. ограниченный) образ себя внутренними разговорами, языком вообще, мы еще и постоянно реализуем этот набор штампов действиями. Каждый из нас - тщательно сработанный, набитый огромным числом деталей штамп. И поэтому мы предсказуемы. Дон Хуан учил Кастанеду "убегать от самого себя" во всех ситуациях, где это только возможно. Для этого он даже учил его охоте.

"Охотник не уподобляется тем, на кого он охотится. Они (добыча) скованы жесткими распорядками, путают след по строго определенной программе, и все причуды их легко предсказуемы. Охотник же свободен, текуч и непредсказуем." (III, 527)

"Чтобы стать охотником, ты должен разрушить все свои распорядки, стереть все программы. Ты уже здорово преуспел в изучении охоты. Ты - способный ученик и схватываешь все на лету. Так что тебе уже должно быть ясно: ты подобен тем, на кого охотишься, ты - легко предсказуем." (III,
527) А потом со смехом предложил Карлосу для начала отказаться от ежедневного ленча в одно и то же время.

Стереотипы поведения, как мы уже сказали, - продукт человеческой социализации. В предыдущих главах нам довелось достаточно порассуждать о пользе и вреде социальности для человека - не будем на этом останавливаться. Обстоятельства нашей жизни почти всегда есть тоже продукт общества. Нас интересует теперь, как и в силу каких мотивов личность в таких обстоятельствах реализует себя? Личность уже во многом "безвестная" для социума, остановившая ключевой стереотип общественного поведения.

Дело в том, что, отключившись от общественных обстоятельств, человек прежде всего утрачивает в них опору и ориентир. Как причина и мотив поведения обстоятельства отпадают, обесцениваются, что создает для человека совершенно новую ситуацию. Он ничем не мотивирован, а что-то делает. Что, почему, в силу чего? Поскольку человек не является больше выразителем, представителем или защитником чего бы то ни было, ничто за ним не стоит и ни с чем он не сообразуется, то ответ может быть только один - он действует ни для чего, ни почему, беспричинно и бесцельно, он действует от себя. Это - открытие, открытие личности-мотива, личности как мотива поведения.

Человек способен "отключаться" от обстоятельств - созерцать, задумываться, решаться, чтобы затем вновь вернуться к ним. Но здесь речь идет о чем-то гораздо менее условном - ни созерцательности, ни задумчивости, ни выбора, ни возврата. Не временное отрешение, а абсолютный отрыв. Обнаруживающаяся личность - это непосредственная и одновременно окончательная причина деятельности, человек, за которым и перед которым ничто не стоит. Можно сказать, что это своего рода измена обстоятельствам (моралисты скажут - измена самому обществу!), то есть противостояние обстоятельствам, постоянство независимости от них. Это не дух сопротивления, а абсолютное безразличие - все многообразие обстоятельств сокращается для личности в одно определение - безличное. (Между прочим, особым защитником прав личности, вынужденно пребывающей в социуме, выступал Шарль Бодлер: "При перечислении многих "прав человека", которое мудрость XIX века так часто и с таким удовольствием предпринимает, были забыты два достаточно важных права, а именно: право противоречить самому себе и право на уход." Ш. Бодлер. Эдгар По, его жизнь и произведения. -
Курсив мой. А. К.)

А дон Хуан как раз и призывает к уходу - изящному, таинственному, магическому по существу; уходу из мира повседневности, где никогда не может случиться ничего принципиально нового, в мир Непостижимого, в мир Вечности, где есть только одна, истинная Реальность - нагуаль. Хитрую уловку, придуманную магами для этой цели, он называет "стиранием личной истории".

"Нельзя ли уточнить, что имеется в виду, когда ты говоришь "избавиться от личной истории"? - спросил я.

- Неужели тебе не ясно? - драматически сказал он. - Твоя личная история постоянно нуждается в том, чтобы ее сохраняли и обновляли. Поэтому ты рассказываешь своим друзьям и родственникам обо всем, что делаешь. А если бы у тебя не было личной истории, надобность в объяснениях тут же отпала бы. Твои действия не могли бы никого рассердить или разочаровать, а самое главное - ты не был бы связан ничьими мыслями." (III, 460-461)

Последовательная разъидентификация всех компонентов образа себя - вот исключительная цель этой практики. Это не театральная таинственность, не многозначительные недомолвки с целью привлечь внимание. В конце концов, не так уж важно, какие события вашей личной истории становятся достоянием других; факт известности еще не делает их частью личной истории. Она "стирается" тогда, когда мы более ни в какой степени не связаны всем предыдущим - поступками, эмоциями, памятью, привычками и т.д. "Стирание личной истории" - дисциплина, в основном, психологическая. Каждый внутренний шаг личности должен быть свободен от груза прошлого, вы должны двигаться свободно, не подчиняясь никаким стереотипам "социального Я". И тогда никто не сможет составить о вас устойчивого мнения - ваша внутренняя спонтанность развеет любую "мыслеформу", сотканную на вас друзьями иди недоброжелателями. Вы пройдете сквозь их энергетические "препоны", как дым. "Чтобы путешествовать в другие миры, - сказал Кастанеда, - и затем возвращаться, следует оставаться незаметным. Чем больше о вас известно, тем менее вы свободны. Вы попросту будете лишены свободы передвижения... "Стирание личной истории" - один из первых и самых главных уроков дона Хуана. Последовательное окутывание себя туманом не позволит никому принимать вас за нечто само собой разумеющееся и предоставит вам простор для личного изменения..."

В нашем многословном мире, где ценят точную информацию и опредмечивают все живое, свободный человек - это человек, в первую очередь, безвестный, неведомый. Неведомый как другим, так и самому себе.

3. Мир рушится

_Здравствуй, моя смерть.
Я рад, что мы говорим на одном языке.
Мне часто был нужен кто-то,
Кому все равно, кто я сейчас,
Кто знает меня и откроет мне двери домой_.

Б. Г.

Тень грандиозного розыгрыша постоянно как бы витает над всевозможными "экспериментами" индейских магов, когда они берутся знакомить Карлоса Кастанеду с таинственностью, которая, по их мнению, составляет суть нашего повседневного мира. Мир - это непостижимая тайна, но заметить ее за серым однообразием рационально сложенного фасада могут лишь отчаянные бунтари - им все нипочем, они презирают условности архитектуры, законы устойчивости и целесообразности, ясность и прагматизм структур. В некотором метафорическом смысле это равнодушные к цивилизации параноики, готовые с кувалдой в руках безо всякого сожаления крушить как вычурные анфилады предков, так и модерновую геометрию бездумно одинаковых интерьеров. Если

уж и дальше следовать такой драматической аллегории, то тайна бытия являет им свой невиданный свет именно в _разломах_ - там, где вдруг обваливается несущая плоскость, где разодранное покрытие демонстрирует в лохмотьях бессмысленный узор, где вещи наяву открывают присущую им нефункциональность, чистую бытийственность, прах. Такое освобождение от смысла можно высмотреть, наблюдая руины. В самом деле - что за ними, кроме памяти, а память, как известно, сродни воображению? Стоит отказаться от памяти, забыть, и останется лишь совокупность теней, бликов, положений и форм, о которых можно сказать только одно: они _есть_.

Подобным образом раскрепощенное мескалином сознание Хаксли воспринимало чудесно непостижимую структуру форм, пока "протрезвевший" тональ не испортил все представление радостью банального узнавания: "Стул!" А прежде перед Хаксли во всей своей первозданной красоте возвышались именно _руины_ - "обломки" описания мира, сквозь которые проливался несказанный свет чистой Реальности. Возможно, как раз на "обломках" художник и находит материал для подлинного искусства - ведь по сей день никто не знает, в чем содержится источник красоты, и почему творец почти инстинктивно ищет ее в "естественности", в "не-сделанности", в овеществленной спонтанности и релаксации перцептуальных шаблонов.

Розыгрыш, надувательство, фокусничество, иллюзионизм - вот те слова, которые поневоле приходят на ум, когда мы сталкиваемся с полотнами Ван-Гога или, что то же самое, с шаманским камланием, парапсихологическим воздействием, полтергейстом и НЛО. Все они рушат наш мир, вызывая некий перцептуальный столбняк, - пелена, за которой мерещится то ли подлинное, то ли мнимое откровение.

Для того, чтобы описание мира отступилось от себя, рухнуло за область содержания и смысла, существует один несложный в общем-то прием - введение в систему деструктивного знака. Возможно, это нечто, напоминающее компьютерный "вирус" - особо организованный информационный фрагмент, который "сбивает" и расстраивает деятельность программ одну за другой.

Эффективность деструктивного знака тем значительнее, чем масштабнее он разрывает ключевые стереотипы воспринимающего сознания. Такой деструктор должен быть четко направлен на _опору_ описания мира, на его "центральное звено", на краеугольный камень всего здания тоналя. Ведь нам требуются качественные руины, не так ли? Доверимся в этом отношении дону Хуану - он опытный "подрывник", и посмотрим, каким образом он выполняет свою задачу, беззастенчиво гоняя по пустыне своего "подопытного кролика" - Карлоса Кастанеду.

Но для начала попробуем разобраться, на каких "камнях", на каком фундаменте стоит перцептуальный аппарат сознания, строго охраняющий целесообразное, прагматическое здание тоналя. _Ключевой_ набор идей, или стереотипов восприятия, мы, разумеется, не исчерпаем. Попытаемся охарактеризовать лишь основные. Во-первых, это _непрерывность_ - идентифицируемый объект или его свойства не могут прекратить свою длительность, если это противоречит законам общего описания мира. Во-вторых, это _ожидаемость_ (предсказуемость) - объект включается в сетку закономерностей, и восприятие его должно поддерживать принятую закономерность. Объект должен быть предсказуем в каждой отдельно взятой ситуации, т.к. каждая ситуация в описании мира обладает вполне определенным набором прогнозируемых вариантов развития. Иными словами, брошенный камень должен пролететь некоторое расстояние и упасть на землю. Если он вместо этого испарится в пространстве или улетит к звездам, тональ, по крайней мере, содрогнется. Фокус, надувательство, иллюзия - вот спасительные для него слова в подобных случаях. Третьей фундаментальной опорой "описания мира" можно назвать _стабильность_ (повторяемость) образа. Кот не может превратиться в оленя, человек не

может отрастить крылья, и если вы оставили на стоянке свой автомобиль, то вряд ли, вернувшись, обнаружите на его месте баллистическую ракету. Представьте, какая чушь полезла бы со всех сторон, если сегодня вода закипает при 100 градусах по Цельсию, а завтра - при 14 или 220? Если ваши любимые цветы сегодня - розовые, а завтра - серые в крапинку и т.д. и т.п.

В-четвертых, тональ изо всех сил цепляется за идею _целостности_. Он способен функционировать, если окружает себя _полными_ (полноценными) образами, за которыми стоит синхронность или скоординированность сигналов, поступающих по разным сенсорным каналам (через зрение, слух, осязание, обоняние и даже вкус). С другой стороны, такая скоординированность неминуемо связана с идеей пространственно-временного континуума, чьи законы неоспоримы, в противном же случае "возмущенный" тональ объявляет забастовку и отказывается участвовать в перцепции вообще, либо (преодолев инстинкт самосохранения) разрушается, патологически сужается, избрав тот или иной тип регрессии. С последними случаями нередко имеют дело психиатры. Подумайте, как бы вы отнеслись к ясно видимому объекту, который имеет запах и вкус, но его никак невозможно пощупать? Или, наоборот, нечто невидимое, но жужжащее и вечно сующееся вам под ноги? Читайте психиатрические справочники - там вы найдете много "лестных" определений в свой адрес.

Каким образом дон Хуан обошелся с _непрерывностью_ Кастанеды, мы уже вспоминали в предыдущем разделе. Превратившись на его глазах в дряхлого и слабоумного идиота, он подорвал веру тоналя в столь жизненно важную идею его бытия, что Карлос достиг "места без жалости": тональ забастовал всерьез и отказался "жалеть себя", т.е. попросту отказался на время от целесообразности своего существования. _Ожидаемость_ (предсказуемость) событий подвергается со стороны дона Хуана и его эксцентричного "ассистента" дона Хенаро постоянным, многократным и достаточно грубым нападкам. Во-первых, предпринимая очередную атаку на крепкий тональ Кастанеды, дон Хуан всегда подчеркивает: "У меня нет никакого плана". Причем, для нас не имеет никакого значения, действительно ли маг "импровизирует", прислушивается к недоступному для нас "зову намерения" или вполне осознанно конструирует западню, согласно собственной культурной традиции. Главное - это неожиданность, остановка предсказуемости, нелепая "брешь" в описании мира. Он сбивает с толку и пользуется растерянностью тоналя, чтобы проиллюстрировать некие таинственные "обломки", чья ценность, быть может, и состоит только в том, что они чужеродны, они - _извне_, мистическая галька на берегу океана Реальности. Добиваясь этого, он любит пользоваться перцептивными контрастами: свет - тьма, звук - тишина и т.д. Сколько раз он в минуты самого глубокого затишья издавал пронзительные звуки, от которых кровь застывала в жилах, а потом снова требовал глубокой, почтительной тишины! И тогда случалось, что приходили "непостижимые вещи". Благодаря этим проказникам мир делается "непредсказуемым", как в знаменитых фантасмагориях Льюиса Кэррола. Например, существо из параллельного мира - "союзник" - настойчиво предлагается Кастанеде в качестве забавного посетителя, которого можно ожидать в любой момент.

"Теперь союзник непременно придет к тебе, независимо от твоего отношения к нему. Ты можешь сидеть без дела или думать о женщинах и вдруг
- хлоп! - кто-то похлопает тебя по плечу. Обернешься - а сзади стоит союзник," - шутит (?) дон Хенаро. (II, 425)

"Ладно, - сказал я. - Что делает в таком случае воин?

Дон Хенаро подмигнул и почмокал губами, как бы подбирая подходящее слово. Он неотрывно смотрел на меня, потирая подбородок.

- Воин делает в штаны, - произнес он с величественной невозмутимостью, доступной только индейцу." (II, 425)

Абсурд, нелепость, возведенные в принцип эмоционально-чувственного отношения к разваливающемуся на глазах миру только и могут спасти тональ от окончательного хаоса. Мы как бы оставляем в стороне самую важную черту тоналя, с помощью которой он лелеет свою консервативность, свою хрупкую мощь и безусловную веру в собственную непогрешимость, - мы оставляем в стороне его чванливую серьезность, парадоксальным образом при помощи смеха оберегаем его от разрушения. Так или иначе, столкновение с _союзником_ - серьезное испытание для человеческого тоналя. Потрясти разум, заставить его уйти в сторону, и все же сохранить его - особое искусство работы с союзником, явление которого - всегда разрушение _ожидаемости_ (предсказуемости) ординарного описания. Это явление оказывает магу неоценимую помощь, давая возможность извлечь уникальный урок из восприятия элемента нагуаля среди яркого солнечного дня тоналя.

"Растения подводят ученика непосредственно к нагуалю, а союзник является одним из его аспектов. Мы действуем исключительно в центре _разума_ вне зависимости от того, кем мы являемся, и откуда мы пришли. Разум способен естественно так или иначе брать в расчет все, что происходит в рамках его идеи мира. Союзник - это нечто такое, что находится вне его обозрения, вне царства _разума_. Это может наблюдаться только в центре _воли_ в те моменты, когда наш обычный взгляд остановлен. Поэтому правильно было бы сказать, что это - _нагуаль_. <...>Маги научились после многих поколений использования растений силы отдавать себе отчет о своем взгляде на мир во всем, что происходит с ними. Я сказал бы, что маги, используя свою _волю_, добились расширения своих взглядов на мир." (IV, 247-248) (_Курсив_ мой - А. К.)

Кто-нибудь хмыкнет и назовет все это "управляемой шизофренией". Какие еще "союзники", где они обитают и почему обычное осознание не имеет о них никаких свидетельств? В связи с этим, мне приходит на память известная среди этнографов история об одном малазийском племени в несколько сот человек, которое из-за горного обвала оказалось на века полностью изолированным от внешней цивилизации. Эти ребята питались подножным кормом, охотились на мелкую дичь, строили хижины из подручного материала - словом, пребывая на первобытном уровне развития, имели все необходимое для биологического выживания. Разумеется, у них сложилась собственная картина мира - несложная мифология, зачатки культуры, обрядность, религия и племенная социальная структура. Совсем недавно антропологи смогли проникнуть в этот "затерянный мир" - завал был расчищен и коммуникация возобновилась. И тут выяснился любопытный факт. Дело в том, что на протяжении последних десятилетий дважды в день (!) над заброшенной долиной на небольшой высоте пролетал пассажирский воздушный лайнер - там пролегал один из авиационных "коридоров", испещривших небо Азии после проникновения сюда мировых авиакомпаний. Так вот: ни один из туземцев за всю свою жизнь ни разу не только не видел бороздящую небеса "железную птицу", но даже не слышал поистине громоподобного рева его сверхмощных двигателей. Самолет "отсутствовал" в перцептивной картине мира малазийских "отшельников", из-за чего не мог восприниматься их сознанием _вообще_.

Пожалуй, самому жуткому переживанию подвергся Кастанеда, когда его изобретательные учителя решили слегка "поработать" с третьей фундаментальной опорой описания мира ординарного тоналя - со _стабильностью_ (повторяемостью) образа. Если вначале дон Хуан ограничивался таинственными разговорами, путая растерянного антрополога заявлениями вроде "эта ворона - вовсе не ворона", "этот ветер ночью не является ветром", или, скажем, "бабочка, которая издает щелкающие звуки, - само знание", то в дальнейшем подобные "игры" приобретают куда более драматическую и

впечатляющую окраску. Целые области мира разъидентифицируются, так и не обретя нового имени: "Ночью эти холмы перестают быть холмами." (III, 618) Затем Хенаро произвел с Карлосом ужасающий опыт по кардинальному разрушению идеи _стабильности_ образа. В книге четвертой ("Сказки о силе") он при помощи мистического звука приводит Кастанеду к гребню скалы, где сидит, посмеиваясь и болтая ногами. Но стоило Карлосу отвернуться на долю секунды, как Хенаро исчез, хотя "физически" никак не мог этого сделать. Вновь погрузившись в определенное состояние восприятия, он опять увидел его на гребне скалы. Потом оба учителя производили мощные и ужасающие манипуляции с восприятием Кастанеды. Эти "эксперименты" вызвали разрушение тоналя в таких масштабах, что оно обратилось в подлинную агонию:

"Мое тело непроизвольно задрожало от напряжения. Я почувствовал себя так, будто меня захватило и втянуло в смертельную битву что-то, не дающее мне дышать. У меня не было даже страха. Скорее, какая-то неконтролируемая ярость овладела мной и достигла такой степени, что я рычал и визжал, как животное. <...>

Я почувствовал себя утомленным и безучастным. Было ощущение безразличия, и я не хотел ни думать, ни говорить с самим собой. Я чувствовал не испуг, а необъяснимую печаль. Мне хотелось плакать. <Дон Хуан> потребовал, чтобы я разговаривал с собой, потому что на этот раз внутренний диалог был отчаянно нужен. Я слышал, как он приказывает мне: "Разговаривай! Разговаривай!"

Губы сводила судорога. Мой рот двигался без единого звука." (IV, 93-94)

Разрушаемый тональ Кастанеды агонизировал. Это было подлинное умирание тоналя, утратившего основополагающие свои опоры. Подобно разочаровавшемуся во всем подростку, он не хотел жить и умирал _вместе_ с языком. Юмор, с которым дон Хуан хлопочет вокруг "онемевшего" Карлоса, не снижает серьезности положения. В таких случаях может помочь только действительно искусный "реаниматор".

Менее опасным, но столь же решительным нападением на идею _стабильности_ оказалась известная и многими любимая сцена с "исчезновением автомобиля". Мы не будем ее пересказывать, петому что она по сути повторяет тот же опыт с тоналем. Представление о том, что автомобиль можно запросто "убрать из этого мира", а потом так же безболезненно "вернуть" его обратно, вполне приемлемо для фантастического романа, но в сфере обыденного восприятия может положить конец безусловному торжеству привычного описания мира раз и навсегда.

Деструктивные элементы вводятся в описание мира настойчиво и целенаправленно. Можно предложить читателю самому обнаружить их повсеместное присутствие в тех уроках, которые дон Хуан преподавал Кастанеде на первых этапах обучения. Обычно его "безумные речи" и такие же "безумные действия" либо вводят читателя в недоумение, либо очаровывают мнимой мистичностью, так или иначе оставаясь необъясненными, непонятными, непостижимыми. "Нелепыми", как говорят скептики.

Даже целостность пространственно-временного континуума (быть может, последняя зацепка тоналя за свой узаконенный космос) безапелляционно прерывается вторжением нагуаля. То и дело Карлос попадает в "магическое" время - то удаляясь в переживания, что длятся в его жизни часами, а по хронометру - несколько минут, то "выпадая из потока" времени на _мосту силы_, где пытается справиться с новой для себя ролью лидера магического "отряда", забывая и вспоминая "куски" неизвестно когда прожитых ситуаций. Он долго не может прийти в себя после телепортации, произведенной с помощью дона Хуана в Мехико (тут уж и пространство и время теряют свою непрерывность). Словом, мир рушится, а на его обломках вырастает нечто безымянное, но очаровывающее и влекущее к себе.

Однако самой квинтэссенцией деструктивного начала - бездной, куда в любой миг готовы скатиться все рациональные сооружения и мыслимые законы, весь порядок замкнутых структур - в системе дона Хуана выступает _смерть_, все сводящая на нет, неотступная, беспристрастная, неминуемая.

"На каждом повороте этого пути человек сталкивается с угрозой полного уничтожения, поэтому неизбежно начинает осознавать свою смерть. Без осознания смерти он останется только обычным человеком, совершающим заученные действия. Он не будет обладать мощью и способностью к концентрации, чтобы отведенное ему на этой земле время превратилось в магическую силу." (II, 323)

Метафора, избранная доном Хуаном, вызывает у тоналя неотразимое впечатление. Ведь это не мысль, не идея бренности всего сущего или тому подобная банальность, а ощутимое, почти зримое присутствие Деструктора, способного в единый миг прервать все непрерывности, уничтожить любую предсказуемость, развалить придуманную стабильность и все обратить в прах.

"Когда ты в нетерпении или раздражен - оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной чепухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак, или если краем глаза ты уловишь ее движение, или просто почувствуешь, что твой попутчик - всегда рядом и все время внимательно за тобой наблюдает.

Он снова наклонился ко мне и прошептал в самое ухо, что, резко оглянувшись налево по его знаку, я опять увижу на камне свою смерть. Он едва заметно мигнул, но оглянуться я не отважился. Я сказал, что верю, и что в этом плане ему больше нет нужды на меня давить, потому что я и так в ужасе." (III, 483-484)

Смерть в понимании индейских магов отнимает у нас всякую надежду на _длительность_, на _продолжительность_, что является основной и абсолютно необходимой уверенностью тоналя.

"У тебя нет времени, приятель, - сказал он. - В этом - беда всех человеческих существ. Времени нет ни у кого из нас, и твой "поддающийся оценке промежуток времени" ничего не значит в этом жутком таинственном мире." (III, 537)

Дон Хуан вовлекает Смерть как абсолютного Деструктора в качестве силы, способной укротить самонадеянный тональ, ибо все живое боится смерти. Таким образом "маги" прижимают тональ к стенке.

"Я уже говорил тебе, это - очень странный мир. Силы, которые руководят людьми, _непредсказуемы_ и ужасны, но в то же время их великолепие стоит того, чтобы стать их свидетелем. "(II, 539)

Вообще, если говорить об эмоциональном отношении мира тоналя к _магии_, то оно глубоко противоречиво (не подобным ли образом мы относимся и к самой смерти?). Взирая на магию, тональ испытывает, как минимум, два противоположных и обостренных до крайности чувства: _ужас_ и _очарование_. Агония тоналя - это рождение магии, агония человеческой целостности - окончательный прорыв в аморфную ткань _нагуаля_. Возвращение из ярко освещенного пространства мира в неопределимую Реальность - это и магия и смерть одновременно. Когда мир рушится, нам страшно. Но над руинами восстает "новое небо", никогда не виданное нами - изумительное и чарующее.

Как-то на ночной трассе машину Кастанеды догоняли странные "огни" - то ли фары неизвестного преследователя, то ли "неизвестное" само по себе. Дон Хуан, естественно, усомнился в том, что едет автомобиль.

"Ну что еще это может быть? - нервно спросил я.

Его намеки вывели меня из себя.

Он повернулся и посмотрел прямо на меня, потом медленно покивал, как бы взвешивая то, что собирался сказать.

- Это огни на голове смерти, - сказал он мягко. - Она надевает их наподобие шляпы, прежде чем пуститься в галоп. То, что ты видишь позади, - это огни на голове смерти, которые она зажгла, бросившись в погоню за нами. Смерть неуклонно преследует нас, и с каждой секундой она все ближе и ближе...

У меня по спине пробежал озноб. Какое-то время я не смотрел назад, а когда снова взглянул в зеркало, огней нигде не было видно.

Я сказал дону Хуану, что машина, должно быть, остановилась или свернула в сторону. Он не глянул назад, а лишь потянулся и зевнул.

- Нет. Смерть никогда не останавливается. Просто иногда она гасит огни. Но это ничего не меняет..." (II, 221-222)

И все же маг испытывает исключительную благодарность и особенное уважение к собственной смерти. На протяжении всей жизни она учит его умирать, не умирая. Срывать пелену тоналя так решительно, целиком и полностью, дано только смерти. Для "воина" она - учитель и благодетель. На неопределенное время откладывая сроки уничтожения, смерть дает возможность магу сделать свой тональ послушным, "выдрессировать" его и научиться многим чудесам подлинного Бытия, постичь высокие и несказанные тайны нагуаля, сохранив при этом _осознание_ и _волю_, что в совокупности и есть _жизнь_.

Итак, мир разрушается и мир восстанавливается. Маг умирает и обретает бессмертие. Подытоживая способы разрушения мира, которые мы рассмотрели в данной главе, нельзя не вспомнить о том, как коротко разъяснил парадокс магии дон Хуан в доверительной беседе с Кастанедой:

"Я тоже не хотел обладать силой. И не видел причин для того, чтобы ее накапливать, и никогда не выполнял инструкций, которые мне давались, или, по крайней мере, никогда не думал, что их выполняю. И однако, несмотря на свою глупость, я накопил достаточное количество силы, и в один прекрасный день моя личная сила заставила мир рухнуть.

- Но почему кто-то должен хотеть остановить мир?

- Так ведь никто и не хочет, в том-то и дело. Это просто происходит. А когда ты узнаешь, что это такое - остановка мира, ты осознаешь, что на то есть свои веские причины. Видишь ли, одним из аспектов искусства воина является _умение сначала по некоторой особой причине разрушить мир, а затем - снова восстановить его, для того, чтобы продолжать жить_." (III,
587)

Можно сказать, в этом и заключается венец всех усилий по разрушению "описания мира": мы достигаем крайней точки доверия, обнажаем все и всяческие условности, и возвращаемся для продолжения своей работы в привычное сновидение уже не рабами его каторжных проектов, но свободными созерцателями, следующими по собственной дороге к Истине.

ГЛАВА 4. ПРОРЫВ К НАГУАЛЮ

_Ухожу - не спрашивай больше куда...
Белые облака... Бездонная пропасть времен_.

Ван Вэй

1. Безмолвие

Доселе мы рассуждали лишь о методах разрушения, опровержения описания мира, о приемах, позволяющих дезавтоматизировать работу тоналя, и оказались теперь у решающего порога - перед прыжком в _нагуаль_.

Вот уж в самом деле невиданное предприятие! Возможно ли ограниченному человеческому существу объять каким бы то ни было (пусть даже сколь угодно необычным, превращенным, магическим!) способом саму Реальность - абсолютный Объект, если мы отказались от изготовленного мудрой природой аппарата сокращения, упрощения, приспособления внешнего сигнала к доступной нашему ничтожеству интерпретации? По сути, этот вопрос есть лишь перифраза вековечной проблемы, предмет сомнений и дерзаний мировой философии от начала времен.

Агностическая традиция в лице новейшего позитивизма прочно удерживает свое положение в нынешних научных воззрениях; более того, своею трезвостью, взвешенным подходом и практицизмом она может вызвать лишь понимание и симпатию. И еще больше: можно утверждать, что для науки такая гносеологическая установка является единственно приемлемой, в то время, как когнитивный максимализм (будь то материалистический или идеалистический) - штука пагубная, поскольку провозглашает _реальность_ условного знака, заменяет мир символами, иероглифами, мечтой. Иной ситуации быть не может и не должно, ведь наука является полновесным и самым значимым плодом _тоналя_, описания мира; это его апофеоз, вершина продуктивного космоса человеческой мысли, неотъемлемая часть описания, вне его не существующая и невозможная. А значит, научный агностицизм прав: ибо _в рамках тоналя нагуаль действительно непознаваем_.

Однако научный взгляд, вполне уверенный в себе (что понятно), склонен игнорировать то, что в его аппарат не входит и внутри его модели не верифицируется. И связано это прежде всего с фундаментальным представлением о природе _познания_. Именно здесь всегда лежал камень преткновения, порождающий вражду между наукой и мистицизмом любого сорта, ибо мистики туманно вещают о каком-то невыразимом знании, а для науки _невыразимое_ есть просто непознанное, т.е. существующее за пределами знания, вне научной Вселенной и (может быть) вне мира вообще. Для науки познание - это процесс превращения воспринимаемого сигнала в специфическую структуру смысловых единиц (что и подразумевает само слово _информация_), из которой можно извлечь разнообразные закономерности, соединяемые в модель согласно предложенному категориальному инструментарию. Очевидный тупик возникает, стоит нам вспомнить об ограниченности человеческой памяти, внимания, восприятия перед лицом ничем не ограниченного бытия. Мы не способны воспринять и сохранить объем информации, превышающий некоторый поставленный предел, тем более не способны оперировать этим объемом. Таковы неутешительные законы _тоналя_.

(Любопытно наблюдать, какими причудливыми и необоснованными приемами пользуются мистики, столкнувшись с этой гносеологической западней. Зная, что тупик непреодолим, они и не пытаются найти решение. Логика, как и любая форма рационалистского мышления, в других случаях используемая ими вполне беззастенчиво, здесь отметается даже с некоторым презрением. В ход идут слова возвышенные и неопределенные. Цепь рассуждений, доселе ясная, обрывается, и все мыслительное настроение изменяет тональность - вторгаются мощные аккорды религиозного чувства, которые, хотя и несут неоспоримую эстетическую ценность, но все же мало относятся к прямому исследованию когнитивной природы человека. По-видимому, никто из мистиков не избегает подобных "провалов" в мышлении. Даже такой маститый буддолог, как Д. Т. Судзуки, не побоявшийся откровенно поставить вопрос, искусно уходит от ответа, оставив читателя с рассуждениями о неизведанных глубинах психики и надеждой на так

называемое Неосознанное. Вот пример его рассуждений из популярной монографии "Основы дзэн-буддизма": "Теперь возникают следующие практические вопросы: каким образом человеческий разум может постичь нуль, бесконечность, протяженность, не имеющую конца, непрерывные отрезки времени и пространства...; каким образом может маленькое "я", отрезанное от целого и ограниченное, когда-либо постичь и даже осознать высшее "я", неограниченное, целостное и бесконечное? <...> Я целиком и полностью согласен с утверждением Симоны Вейль: "Единственный путь к истине, то есть, к истине высшего "я", заключается в уничтожении себя в любом смысле. "Мы не можем не испытать чувства унижения, пока не опустимся в глубины Неосознанного, где пребывает высшее "я", а современный человек пока еще до этого не дошел <.. > Я имею в виду открытие высшего "я". (Д. Т. Судзуки. Основы дзэн-буддизма, сс. 364-365.) Вы заметили, как главный и действительно насущный вопрос как бы "снимается", утекает меж пальцев и тонет в общих рассуждениях? Мы нисколько не намерены спорить с давним оккультным утверждением, будто постижение Реальности происходит через "уничтожение себя в любом смысле", т.е. через остановку эго. Но нас интересует именно: _почему_? В чем заключена таинственная связь между механизмом эго и восприятием бесконечных объемов Реальности, Объекта, Бытия? Если вопрос ставится таким образом, то в ответ мы не услышим ничего, кроме более или менее поэтических метафор и аллегорий. Возможно, только концепция _нагуаля_ проливает некоторый свет на вечные проблемы познания.)

Обратившись к нагуалю, мы обнаруживаем некоторые сюрпризы. Прежде всего, восприятие, извлеченное из жерновов тоналя, оказывается совершенно безразличным к _информации_. Всякое воздействие совершается непосредственно и сводится, по сути, к целостному, ничем не искаженному "энергообмену" между Реальностью и субъектом. Если рассуждать в рамках _описания_, никакого познания, собственно говоря, не происходит. Обнажается природа того явления, что лежит в основе "тонального" познания - своего рода "резонанс", или слияние с любым избранным участком бесконечного спектра Реальности.

Практически это куда более эффективный процесс, чем интеллектуальное постижение внутри тоналя, поскольку позволяет напрямую оперировать интересующим нас полем безо всякого механизма, пользуясь лишь теми резонансными явлениями, что лежат в основе восприятия самого по себе. Формально же он не является _познанием_, если мы говорим о познании _тоналя_, так как невербализуем и, более того, не может быть описан принципиально: в тот же миг, как мы приступим к его описанию, процесс прекратится, и мы вернемся в исходную точку.

Это и есть "темное знание" мистиков, куда науке нет доступа. Сам мозг как предмет описания перестает в нагуале существовать; он не только не является больше хранилищем информации, поскольку нагуаль не знает никакой "информации", категорически протестуя против _формы_ ("ин-форма-ция" - облечение в форму), - он исчезает как замкнутый на себе объект, как обиталище _психического_, что для мира тоналя всегда есть оппозиция внешнему, некая коробка, набитая мыслеформами, образами, идеями, т.е. той рефлексивной кашей, что называется "идеальным миром" человека. Противопоставления "субъект - объект", "внутреннее - внешнее" в нагуале не актуальны.

Как мы функционируем посредством описания? Сталкиваясь с внешним сигналом, мы закономерно обращаемся _внутрь_, силясь отыскать _идеальные_ элементы, при помощи которых возможна интерпретация и адекватное ей действие. Такое положение неизменно чревато экзистенциальным конфликтом. Внешнее - всегда враг внутреннего, потенциальный противник, вызов, проверка на прочность и эффективность. В нагуале, где торжествует Реальность, миф об _отделенности_ исчезает, как тень. Человек превращается в разомкнутую структуру, _вещь_ и _знание о_ ней абсолютно уравниваются друг с

другом. Ничего не зная формально, мы в каждый момент располагаем абсолютным, исчерпывающим знанием о той области Реальности, с которой имеем дело. Наука здесь невозможна и не нужна, так как уже не информация оперирует информацией, но вещь - вещью, что и есть необусловленное действие, для которого нет пределов.

Таким образом, мы еще раз можем оценить смысл выражения дона Хуана "нагуаль там, где обитает сила". Способность к произвольной концентрации внимания (то поистине величайшее достижение Природы в человеческом существе, которое и породило сознание, личность, цивилизацию) в мире нагуаля обнажает заключенную в ней невообразимую мощь. Не это ли высшая самореализация Человека, открывающая совершенно иную перспективу для его бытия, иную гармонию, иной смысл? Выше мы говорили, что способ утилизации энергии бытия - прямое следствие способа восприятия объекта, так что тернистый путь человеческого развития в конце концов сводится к разработке такого описания мира, какое гарантировало бы нам максимальное разнообразие и оптимальность в методах данной утилизации. Мы видели, как подобный путь заставляет нас кружить вокруг да около, какого напряжения сил он требует для достижения частных и малоэффективных результатов, этих нелегких "побед над природой", о которых мы любим возвещать так помпезно. Мы догадываемся, насколько условны и искажены представления, составляющие фундамент нашей науки; мы сокрушаемся об этом, но не способны изменить общий ход своего развития, так как бесконечно увлечены инерцией культуры, преемственностью знаний и подходов. "Магия" дона Хуана подарила неожиданный шанс и невозможную ранее надежду.

Однако, прежде, чем распроститься со своим уютным "здравомыслием", со своими приятными фантазиями на предмет невиданных миров, прежде чем оставить побоку мастерство рационального мышления и языка, чтобы соблазниться сокрушительными чудесами магии, надо до конца осознать: Реальность - не Сад Небесный и не благоухающий океан Ананды; скорее, это торжество такого нечеловеческого порядка, что мы назвали бы его, в первую очередь, иррациональным хаосом. Только мысль - непревзойденный страж и хранитель тоналя - удерживает нас на краю отверзшейся бездны. Прекрасно сказал об этом М. Мамардашвили: "Только у существ и только в таком мире, где хрупко и как бы неминуемо обречено все высокое и благородное, есть и возможна мысль, полому что такие существа можно назвать историческими существами. Они являются таковыми, поскольку помещены на некоторой точке, которая находится на какой-то бешено закрученной кривой, окруженной хаосом иррациональным и гибелью. _И это - мысли_. И мысль есть вопрос о том, на каких условиях и как такая точка может удерживаться на этой кривой, и почему вообще такая кривая существует?" (М. Мамардашвили. Что значит мыслить и что значит мыслить не мысля?) (_Курсив_ мой - А. К.)

Вопрос трагический и неразрешимый. Интеллектуальная программа, обратившая свое внимание на исток, на корень самой себя, обречена. Это конец ее функции, ибо все ее дальнейшее существование - только забвение, забытье поистине кошмарного знака, расшифровка которого сулит самоуничтожение. Но жизнь бесконечно больше разума, бесконечно важнее его
- в ней свой особенный смысл, особенная радость и полнота.

Чтобы увидеть бытие таким, разум должен быть остановлен, язык прекращен и оставлен социальной коммуникации, в чем, собственно, и заключена его единственная функция, производство информации должно быть осознанно отделено от познания и названо составлением интеллектуального инструментария, имеющего существенное прагматическое значение для консервации эволюционно открывающихся путей потребления. Грандиозное "делание" науки и культуры воспето по заслугам, и мы - детища

находчивой и трудолюбивой цивилизации - ни в коем случае не выбросим это сокровище на свалку истории. Мы все сохраним и пойдем дальше.

А дальше - опасная и малознакомая область. Шри Ауробиндо называл ее "безмолвием ума", Джидду Кришнамурти - "тотальным вниманием", буддисты - "пустотой", а дон Хуан - "остановкой внутреннего диалога". Ни одна мистическая доктрина, ни одно магическое учение не обходится без этого фундаментального приема. Какими бы метафизическими конструкциями, какой бы мифологической декорацией ни пользовался "духовный учитель", контроль над умственной деятельностью оказывается первым шагом на пути к Неведомому. Мы знаем два метода, которые в тех или иных формах предлагаются оккультисту для постижения подлинной (или магической) Реальности:

1. Метод, ведущий к полной (насколько это вообще возможно) остановке мыслительных процессов, наравне с процессами идентификации и вербализации.

2. Метод, ведущий к растождествлению с мыслительным потоков через эмоционально-чувственное отчуждение от него, т.е. культивация особой области психического пространства, где движения мысли как бы "угасают", и тем самым дают возможность определенному участку воспринимающего Я следить за ним из положения "беспристрастного созерцателя".

Не следует полагать, будто два метода действуют "в унисон" и приводят к похожим эффектам. Это распространенное заблуждение, опасность которого мы и намерены здесь раскрыть.

Древнейшим способом работы с умственной активностью (который потом нашли слишком тяжелым, "слишком" насильственным и аскетичным) был метод, зафиксированный в древних "Йога-сутрах" Патанджали. Мы позволим себе высказать предположение, что данный прием был с должным почтением к традиции перенят у гораздо более древних искателей уже тогда, когда смысл их поисков был основательно подзабыт и подменен новыми философскими конструкциями, получившими популярность у индийских мыслителей в IV - II веках до н.э. Древний афоризм, открывающий "Йога-сутры", звучит так:

йогас - читта - вритти - ниродха.

Наиболее вразумительный перевод может звучать так: йога - это приостановка [временное прекращение] (ниродха) движений [колебаний, активности] (вритти) субстанции ума (читта).

С этим методом связывали строгую дисциплину, требующую особой волевой интенции. Говорили о пути _тапасья_, где адепт не ждет откровения Абсолюта по Его собственной милости, а дерзает собственными силами приблизиться к Нему. Для религиозного учения, где Воля Всевышнего определяет все, подобный путь еретичен, ибо чреват гордыней или даже богоборчеством. Партнерские отношения с Реальностью для набожного человека если не святотатство, то уж, по меньшей мере, самонадеянность твари земной. Индуизм, быстро охвативший своим влиянием значительную часть полуострова, будучи религией во многом аморфной и терпимой, не решился преследовать "самодеятельных" богоискателей. Но путь _тапасья_, то ли из-за тернистости своей, то ли по тихому наущению мудрых пандитов, стал понемногу терять популярность, все более уступая разнообразным способам "капитуляции" перед Всемогущим Божеством - через служение, через Любовь, через Веру. Одинокие _тапасья_ все еще бродят по пыльным дорогам Индостана, но при взгляде на них у вас невольно складывается впечатление, что это жалкие руины - обломки невежественных мифов на тему маниакального самоистязания.

Однако строгие умы и чистые сердца во всех традициях хранили и хранят методы непосредственной самодисциплины, которая пусть небольшими, но _собственными_

силами направляет искателя вперед - ибо не знаем мы, чего хочет Бог, и - более того - не знаем даже, Бог ли Он. Майстер Экхарт, известный христианский мистик, чьи концепции так и остались неприемлемыми для ортодоксальной церкви, одинокий и непонятый, писал на исходе средневековья: "Лучшее и предельное достижение в этой жизни - оставаться неподвижным и позволить Богу (мы бы сказали, _Реальности_, - А. К.) действовать и говорить в тебе. Когда силы отвлечены от их телесных форм и функций, тогда это слово сказано. Так, Он говорит: "_Среди тишины было сказано мне тайное Слово_." Чем более полно твое искусство втянуть свои способности и _забыть те предметы и их образы, которые ты воспринимаешь_, тем более, так сказать, ты _забываешь творение_, тем ближе твое искусство к этому, тем более восприимчиво твое искусство к этому." (_Курсив_ везде мой - А. К.)

Для подобного "забвения", т.е. для остановки всех перцептивных стереотипов и отключения интеллектуального механизма, адепты Дзэн разработали целую "технологию". Их религия, не знающая всемогущего Бога, дарующего благодать, оказалась благодатной почвой для интересующих нас экспериментов. Практики предусмотрели специальную серию упражнений для остановки ума - т.н. _нэн-действия_. По-японски _нэн_ можно приблизительно перевести как "мысленный импульс", зарождающийся в подсознательном. "Нэн - это своеобразное внутреннее давление, и если оно не будет узнано и осознано, оно останется в подсознании нерастворенным. В таком случае некоторые нэн претерпят особого рода брожения..." (С. Кацуки. Практика дзэн.) Три основных _нэн-действия_ составляют фундамент этой своеобразной медитации. (Вообще же, _нэн_ в его типичных разновидностях весьма схож с элементами _внутреннего диалога_, о котором говорит дон Хуан. Подробнее см. цит. издание.) Дисциплина дзадзэн заключается в том, чтобы лишить нэн содержания, и таким образом "перехитрить" ум, увлекая его в пустоту. Таков, скажем, дзадзэн под названием "му". "Сознательно повторяя "му" с каждым очередным выдохом, изучающий создаст устойчивую последовательность действий первого нэн без размышлений о них в форме второго нэн и без самосознания в форме третьего нэн." (Там же - А. К.) Конечной целью данного дзадзэна, который мы не станем рассматривать целиком, хотя "технология" его увлекательна и эффективна, является достижение "_нэна долготой в вечность_", что равносильно полной остановке мыслительных процессов при бодрствующем сознании. Недаром дзэн-буддисты сравнивают это состояние с самадхи и называют "чистым существованием". Кстати говоря, практикующие дзэн нередко отмечают, что успешно проводимый дзадзэн приводит к странным и необъяснимым явлениям - спонтанные изменения режима восприятия, выход восприятия за пределы физического тела и многое другое. Буддистская традиция, полагающая все мироздание скопищем иллюзорных мыслеформ, пренебрегает подобными феноменами и советует ученикам избавиться от них, так как усматривает здесь активность скрытых областей ума, которые должны быть также "остановлены" для достижения подлинной Нирваны (т.е. перцептивного нуля, Ничто, космической Шуньяты). Кто знает, действительно ли такой подход плодотворен? И не сыграл ли авторитет Будды со своими последователями злую шутку? По крайней мере, адепты дзэн не любят рисковать своим психическим здоровьем - с чем мы их и поздравляем.

Но дон Хуан - поистине наследник куда более "безумной" и рискованной традиции. Он берет на себя смелость странствовать в измененных состояниях сознания и даже отличать Реальность от галлюцинации. "Остановка внутреннего диалога" для него только ключ к невиданным мирам, от которых отмахнулись упрямые поклонники Пустоты.

Свое обучение _остановке ума_ дон Хуан начинает так:

"Ты слишком много думаешь и разговариваешь. Ты должен прекратить разговор с самим собой. <...> Каждый из нас делает это. Мы ведем внутренний разговор. Подумай об этом. Что ты делаешь, когда остаешься один?

- Я разговариваю сам с собой. <...>

- Я скажу тебе, о чем мы разговариваем сами с собой. Мы разговариваем о нашем мире. Фактически, мы создаем наш мир нашим внутренним разговором. <...> Когда мы перестаем разговаривать с собой, мир такой, каким он должен быть. Мы обновляем его, мы наделяем его жизнью, мы поддерживаем его своим внутренним разговором. Но не только это. _Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что говорим себе_. Так мы повторяем тот же самый выбор еще и еще, до тех пор, пока не умрем. Потому что мы продолжаем все тот же внутренний разговор.

Воин осознает это и стремится остановить этот разговор. Это последнее, что ты должен знать, если хочешь жить, как воин. " (II, 393-394) (_Курсив_ мой - А. К.)

Здесь нам следует сделать два важных замечания. Во-первых, разговор "делает мир". Только исходя из концепции _тоналя_ и _нагуаля_, мы можем объяснить, почему подлинное "безмолвие ума" обычно приводит к изменению режима восприятия. До сих пор мы сталкивались с ничего не разъясняющими аллегориями на этот счет. Скажем, Ф. Меррел-Вольф, следуя здесь общепринятым разглагольствованиям, сообщает, что безмолвие ума необходимо, чтобы остановить мысленный "шум", который заглушает "голос Безмолвия". Этакая по-восточному пышная метафора!

Во-вторых, _мы выбираем свои пути в соответствии с тем, что говорим себе_. Это весьма серьезное препятствие. Не только перцептивные шаблоны, скрывающие от нас нагуаль, но и все поведенческие стереотипы, все сценарии действий и поступков держатся на этой скучит болтовне занятого собою ума. _Внутренний диалог_ консервирует _образ себя_ точно так же, как фиксирует восприятие мира.

"Мы полностью захвачены своим частным взглядом на мир, и это заставляет нас чувствовать и действовать так, как если бы мы знали о мире все. Учитель с самого первого своего действия направлен на то, чтобы остановить этот взгляд. Маги называют это _остановкой внутреннего диалога_, и они убеждены, что это - единственная важнейшая техника, которой ученик должен овладеть." (IV, 239)

С кем же мы ведем этот непрестанный внутренний диалог? Ведь для того, чтобы участвовать в диалоге, нам необходимы две стороны, два объекта, производящих между собой некоторый обмен, чтобы в конечном счете прийти к согласию и единству. (Внутренний диалог, не достигший согласия, - это серьезный симптом душевного недуга, как утверждает психиатрия.) Опять же, заметьте удивительно точный выбор слова! Не "монолог", не "мыслительный поток", не "внутренняя артикуляция" - именно _диалог_, коммуникация двух неосознанно противопоставленных в психическом пространстве объектов: чистого сенсорного сигнала (внешнего или внутреннего) и перцептуального механизма с его смыслопорождением и референцией. Этот диалог вовсе не обязан "привязываться" к языку, к артикуляции мысленней или голосовой. Даже в том случае, когда вы думаете о том, как разумно распределить финансовый бюджет (еще и шевеля при этом губами), если взгляд ваш случайно упадет на ножницы, лежащие на столе, кто-то в глубинах мозга беззвучно подтвердит вам: "Ножницы." Если же этот "кто-то" уймется (от переутомления или потребленных ядов), вместо "ножниц" вы воспримете _нечто_ - блестящее, острое, округлое, бессмысленное в своем назначении, возможно, даже забавное. Мир перестанет быть миром, и здесь возможно все, что угодно.

(Касаясь проблемы _диалогичности_ человеческого сознания, любопытно обратиться к точке зрения М. М. Бахтина, рассмотренной в статье Л. А. Радзиховского - "Вопросы психологии", 1985, вып. 6. В частности, он пишет: "Обращенность к человеку объединяет

диалог и монолог "на равных". Я обращаюсь к другому не потому, что умею обращаться к себе, наоборот, обращаюсь к себе, так как умею обращаться к другому. Первичен (онто- и филогенетически) диалог. Поэтому и структура диалога формирует структуру монолога. Монолог - подвид диалога, а не наоборот. <...> Структура реального мира людей полицентрична, структура сознания - моноцентрична, или, как это обычно говорят, в системе своего сознания человек - творец, субъект, остальные люди (их образы) - объекты. <...>

Так, при примитивной форме эгоцентризма человек в своем внутреннем диалоге легко приводит к согласию с собою своего оппонента, как угодно манипулируя его образом...

Противоположный полюс - предельная децентрованность своего сознания, когда во внутреннем диалоге "образ я" - "образ другого", как и в диалоге реальном, нет "окончательных побед"...

... для Бахтина диалогизм служит выражением бытийных характеристик сознания, объединяющих его с внешним - также диалогичным - общественным бытием, и есть залог того, что сознание "открыто" во внешнее общественное бытие и способно воспринимать его бытийные характеристики; есть, другими словами, конкретно-психологическое воплощение и мера социальности сознания. <...>

Но что все-таки значит "противоположность", "отношения диалога", что считать "одним отрезком" в сознании - внутреннем диалоге?..

Остается предположить, что в сознании есть два уровня: внешний и внутренний. Внутренний слой формируется в раннем онтогенезе (до речи?), на базе существующих к моменту рождения психологических структур и благодаря интериоризации внешнего диалога ребенка со взрослым, в режиме которого (открытого диалога) первоначально и существует психика ребенка. Элементы этого слоя не бесплотны, имеют бытийные (бытийно-диалогические) характеристики, его функции - непосредственное восприятие не содержания, а исходных "бытийных характеристик" самого бытия (общественного бытия) и себя в нем; нечто вроде априорных бытийно-диалогических форм сознания. Этот слой сознания не поддается формально-логическому анализу: он непрерывен и не поддается расчленению на части (недизъюнктивен) . Затем на основе неизвестного нам механизма внутренний слой порождает структуру внешнего: деперсонализированного, монологизированного, элементы которого бесплотны; мир открывается внешнему слою не в бытийственных характеристиках, а в содержании, значении; этот слой доступен формально-логическому описанию, он расчленим на части.

Сознание в такой модели выступает как процесс взаимодействия внешнего и внутреннего слоя. Теперь ясно, почему Бахтин считал диалог универсальной формой существования сознания. Диалогичность сознания обычно понимают как диалогичность его _содержаний_ (т.е. содержаний внешнего слоя), диалоги во внутренней речи. Но эти диалоги а) нечасты, б) монологизированы. Итак, для этого подхода диалоги в сознании Уже внутренней речи. С позиции же Бахтина

а) диалогично _бытие_ внутреннего слоя и б) диалогична _структура_ (а не содержание!) внешнего слоя (этаструктура есть "аббревиатура" диалогического бытия внутреннего слоя)".)

"Как ты знаешь, - сказал дон Хуан, - главная помеха в магии - внутренний диалог: это ключ ко всему. Когда воин научится останавливать его, все становится возможным. Самые невероятные проекты становятся выполнимыми. Ключом ко всякому колдовству и магическому опыту, который ты пережил недавно, был тот факт, что ты смог остановить внутренний разговор с самим собой." (IV, 95-96)

Безусловно, этот способ работы с раскрепощением восприятия принадлежит к древнейшим практикам магии и оккультизма. Это прямой, быть может, несколько грубый,

иногда опасный, зато невероятно эффективный путь к подлинному прорыву в Реальность. Но в современном мире, где "все пути сглажены", где убежище и психический комфорт ценится больше, чем "безумные дерзания" попасть неизвестно куда, где нет ни Бога, ни дьявола, ни Учителей, на прочих "астральных" утешителей (вроде ангела-хранителя или Вергилия в роли экскурсовода), большей популярностью стал пользоваться другой способ работы с интеллектом. Мы назвали его "растождествлением с мыслительным потоком". К его чести надо сказать, что этот способ тоже имеет достаточно давнюю историю, но утвердился по-настоящему вместе с развитием религиозного института и религиозной философии. Словом, началось все с того метафизического факта, будто внутри человеческого существа есть некая область (формация), не подверженная ни страданиям, ни смерти. Санкхьяики нарекли ее _Пурушей_, поздние ведантисты - индивидуальным _Атманом_, но дело не в словах. Из такого положения, конечно, мог последовать единственный вывод: необходимо растождествить Пурушу (Атмана) с телом и остальной частью психики, чтобы дать ему, наконец, свободу, блаженство и бессмертие. Вместо полной остановки ума стали рекомендовать относительно более простую технику, часто называемую "свидетель". Об этом коротко, но исчерпывающе написал Дж. Хэвитт в своей книге "Йога и медитация": "В этой технике йоги вы наблюдаете любую ежедневную деятельность как независимый свидетель или зритель. Это относится не только к вашим физическим действиям, но и к состояниям ума. Беспристрастно, без разбора и комментариев, спокойно осознавайте вашу ежедневную деятельность, какая бы она ни была: дома, на работе, в социальной жизни, управляя автомобилем, опустошая мочевой пузырь, поедая сандвич - здесь не нужно выбирать деятельность; что бы ни делалось _сейчас_ - это объект созерцательного осознавания. Мы многое узнаем о себе через самонаблюдение, и осознание ведет к полезным переменам в личности в сторону большей невозмутимости, восприимчивости и бдительности. Мы познаем также важность _здесь_ и _сейчас_, и больше живем в настоящем.

Буддисты называют это "внимательностью". Буддийский монах может прогуливаться и быть внимательным к каждому шагу. Прогулка становится медитацией. Мы уже видели, что дыхание может быть медитацией. Тибетские учителя йоги инструктируют своих учеников выполнять медитативные упражнения во время их занятий: будь то уборка улиц, починка обуви, работа в магазине или конторе, - что бы то ни было: каждое движение может выполняться с созерцательным осознаванием. Выполнение медитации в повседневной активности - общее положение для многих буддистских школ. Спрошенный "Что такое дзэн?" учитель Дзэн отвечает: "Когда вы голодны - едите, когда устаете - спите." И дзэн-монахи обретают неожиданное просветление (сатори), наблюдая, как учитель ест рис или выполняет какое-то другое ежедневное действие.

Кришнамурти много уделил самонаблюдению в своих книгах и лекциях, называя умственное отношение отсутствием выбора или пассивным осознаванием. Другое название для этого - чистое внимание. В системе "гармоничного развития" Гурджиева это известно, как "самовспоминание". (Hewitt J. Yoga and meditation. New Delhi, 1982.)

Подобный прием предпочитал и Шри Ауробиндо, хотя признавал абсолютную остановку мыслительной активности высшим достижением йоги. Но он не рекомендовал ученикам добиваться "полного безмолвия", так как считал его результатом вмешательства высшей Силы, которая придет в свой срок и в согласии со своим законом. Так, Шри Ауробиндо пишет одному ученику:

"Первый шаг - это спокойный ум, безмолвие ума - шаг следующий... А под умом спокойным я подразумеваю находящееся внутри ментальное сознание, созерцающее появление и передвижение мыслей, но не чувствующее себя мыслящим или отождествляющим себя с мыслями, называя их своими. Мысли, умственные процессы

могут проходить через него, словно путники, что появляются и исчезают, пересекая эти безмолвные края - спокойный ум созерцает их, а может и вовсе не обращать на них внимание, но, в любом случае, не приходит в возбуждение и не теряет спокойствия." (Sri Aurobindo. Bases of Yoga.)

Да и многие современные исследователи оккультизма и метапсихологии йоги вторят этим рассуждениям Шри Ауробиндо. Ф. Меррел-Вольф ("Пути в иные измерения") также твердит, что "полная остановка мыслительного процесса необязательна". Да, необязательна, если вас удовлетворяют случайные проблески, "видения", грезы наяву - в общем, туманный и брошенный мельком взгляд на Реальность, где никому не разобрать, что есть внешнее и искаженное восприятие, и что есть подсознательная мечта, внушенный с детства образ или сон.

Спокойный ум как беспристрастный созерцатель равно приемлет все. И в первую очередь то, что автоматически продолжают генерировать те его части, которые он не удосужился остановить. Мы хотим особо подчеркнуть сходство этой ситуации со сном или гипнозом. И там, и здесь разум во многом теряет способность к _референции_. И там, и здесь культивируется особое равнодушие к возникающим у перцептора образам. Кроме того, следует добавить, что оказавшиеся "на воле" психические структуры принимают на себя избыток энергии, высвободившийся благодаря отключению оценочных и реагирующих блоков. Разумеется, творческие потенции "освободившихся" частей (и до того огромные) еще более возрастают.

Медитаторы, практикующие технику "свидетель", все как один сталкиваются с ростом хаотической ментальной активности - обрывки фраз, нелепые представления, бессмысленные или навязчивые формы, фрагменты автоматической памяти бурлящим потоком несутся сквозь апатичный канал "созерцателя". Говорят, что это естественные помехи, возникающие лишь на первом этапе. Попробуем проследить, что же происходит дальше.

Практики заявляют, что затем количество образов резко сокращается, они становятся "плотнее", "компактнее", "насыщеннее" - словно вбирают в себя всю свободную энергию из блоков референции и реагирования. Паузы между рождающимися образами удлиняются, и весь ментальный поток как бы затормаживается. Эти редкие и "медленные" образы получают постепенно новое качество: они становятся _ярче_, все меньше связаны с повседневностью и обретают что-то вроде "символической окраски" с экзистенциальным уклоном. Ориентальные сторонники данной психотехники утверждают, что практикующий переходит на более высокий уровень сознания, где отголоски "космической информации" звучат все явственней. В действительности же, как мы думаем, _луч внимания_ (напоминаем, что речь по-прежнему идет о работе _тоналя_, пусть даже в измененном режиме), утративший ориентиры в привычной ему области перцепции (беспристрастие, безоценочность, отсутствие реакции "сбивают настройку" тонального механизма), уходит _вглубь_ психики: во-первых, к многочисленным напластованиям _подсознательного_, а затем и к _бессознательному_, где обитают первобытные "конденсаты" всех человеческих программ. Это вовсе не идеи и не конструкты, содержащие знание о началах бытия, - это яркие, полноценные образы, необычно емкие и связанные с центральными проблемами существования человека. Отсюда - удлинение пауз (луч внимания должен вначале отыскать образы), несвязанность с повседневным, плотность и насыщенность образов смыслом.

Утрата ориентиров оказывает нам дурную услугу. Мы перестаем различать _внешние_ и _внутренние_ сигналы, естественно предполагая, что такая "значительная" информация не должна тесниться в закоулках нашего же мозга, а напрямую "спускается" из неких

"высших сфер", где, разумеется, на престоле восседает Истина и учит нас постижению Абсолюта.

Красиво и убедительно звучат рассказы о подобных переживаниях. "Бог внутри" - вот окончательный девиз всех сторонников мистической интроспекции.

В обычном сновидении мы имеем дело со схожими феноменами. То есть, оценочная и реагирующая части перцептивного аппарата как бы "приглушены", контроль над вниманием в значительной мере ослаблен, - и вот начинается игра саморазвивающихся образов. Здесь и мнимая экстериоризация воспринимаемого, и та же любопытная закономерность: чем ярче и плотнее предъявленный сновидцу обрез, тем более он "символичен", тем больше пищи для размышлений над природой бытия, над собственной судьбой он дает.

Искусные гипнотизеры воспроизводят аналогичную ситуацию собственным манером: они изолируют некую часть психики пациента, в той или иной степени "обездвиживают" ее и устанавливают _раппорт_ - то есть целенаправленную коммуникацию, посредством которой можно давать команды бессмысленно плавающему "лучу внимания". Через _раппорт_ они могут "извлекать" из психики гипнотика любые картины подсознательного (бессознательного), либо конструируя их специально, взяв в ассистенты творческую силу тоналя ("галлюцинируемое"), либо пробуждать давно ушедшие воспоминания, вмешиваясь в них по своей воле, корректируя и т.п. Что касается воли гипнотика (т.е. способности произвольно двигать "луч внимания" или творить поведенческие сценарии - "выбирать пути", как говорит дон Хуан), то во время сеанса она добровольно отдается во власть гипнотизеру, что и вызывает особую эффективность гипнотерапии.

Исходя из всего вышесказанного, мы берем на себя смелость утверждать: путь _свидетеля_ имеет много общих черт со сном и гипнотической техникой, а потому может именоваться _своеобразной практикой самогипноза_, направленной в действительности на пробуждение подсознательных и бессознательных структур психики. Ценность этой практики в деле _самопознания_ неоспорима, ее терапевтический и психологический эффект впечатляет, но Реальность сама по себе, Бытие, Объект - все они по-прежнему остаются "за воротами" самопогруженного сознания. Как нам думается, именно здесь кроется причина столь поразительного несоответствия между созерцательным опытом медитирующих ориенталистов и перцептивным вторжением в океан Реальности у сторонников дона Хуана.

Даже основной подход, применяемый интроспективно настроенными искателями, полярно противоположен направленному _вовне_ взгляду индейского "мага". Первые чаще всего пользуются техникой "сенсорной и информационной депривации", т.е. сужают поле сознания в точку, где возможен один выход - внутрь. Дон Хуан же, напротив, "перегружает" тональ информацией, чтобы убедить его в собственной ограниченности и заставить "отступить". Иными словами, "маг" лишает тональ последней соблазнительной лазейки укрыться в необозримом океане бессознательной деятельности. Вспомните, какие _способы остановки внутреннего диалога_ он предлагает Кастанеде:

"Для того, чтобы остановить способ видения мира, который поддерживаешь с колыбели, недостаточно просто желать или просто принять решение. Необходима практическая задача. Эта практическая задача называется правильным способом ходьбы. <...> До самого последнего момента тебе не приходило в голову, что это было самым эффективным средством для остановки твоего внутреннего диалога.

- Как правильный способ ходьбы может остановить внутренний диалог?

- Ходьба в этой специфической манере насыщает _тональ_, - сказал он. - Она переполняет его. Видишь ли, внимание тоналя должно удерживаться на его творениях. В действительности, именно это внимание в первую очередь и создает порядок в мире.

Поэтому тональ должен быть наблюдателем этого мира, чтобы поддерживать его. И превыше всего он должен поддерживать наше восприятие мира как внутренний диалог.

Он сказал, что правильный способ ходьбы является обманным ходом. Воин сначала, поджимая пальцы, привлекает свое внимание к рукам, а затем, глядя без фиксации глаз на любую точку прямо перед собой на линии, которая начинается у концов его ступней и заканчивается над горизонтом, он буквально затопляет свой тональ информацией. Тональ без своих отношений с глазу на глаз с элементами описания не способен разговаривать сам с собой, и таким образом он становится тихим.

Дон Хуан объяснил, что положение пальцев никакого значения не имеет, и что нужно просто привлечь внимание к рукам, сжимая пальцы непривычным образом. И что важным здесь является то, что несфокусированные глаза замечают огромное количество штрихов мира, не получая о них ясного представления. Он добавил, что глаза в этом состоянии способны замечать такие детали, которые были бы слишком мимолетными для нормального зрения." (IV, 239-240)

Особенное внимание следует обратить на то, что "переполнение информацией" связано с _глазами_. 90% поступающего сенсорного сигнала проходит у человека через визуальный канал. Но и это еще не все. Любое действие тоналя по обработке сигнала (смыслообразование, референция) также автоматически связано с движением глаз - об этом хорошо знают специалисты по нейролингвистическому программированию. Глазами мы "думаем", "вспоминаем", "воображаем", "оцениваем", "ищем выход", "принимаем волевое решение". Дезавтоматизация движения глазных орбит "расстраивает" тональ во всех основных пунктах его хорошо скоординированной деятельности. Вот почему дон Хуан не слишком настаивает на "созерцании точки" или на беспорядочном блуждании взора по белой стене, как это практиковалось в буддистских монастырях. "Маг" требует совмещения двух практических приемов: восприятия большой и неосмысливаемой перцептивной массы и сокращения до возможного минимума автоматических движений глаз. Эти два условия, соблюдаемые одновременно, при должной настойчивости помогают остановить _внутренний диалог_.

"В начале нашего знакомства дон Хуан предлагал мне... подолгу ходить с расфокусированными глазами, пользуясь только боковым зрением. Он утверждал, что если удерживать расфокусированные глаза на точке чуть выше горизонта, то получаешь почти полный 180-градусный обзор. Он настаивал, что это упражнение является единственным способом остановки внутреннего диалога. <...> Тогда же я понял, что остановка внутреннего диалога - это не просто удерживание слов, произносимых самому себе. Весь процесс моего мышления остановился, и я ощутил себя как бы парящим." (IV, 19)

Аудиальный сигнал, как обычно замечают, по сравнению с _визуальным_ менее "информативен", т.е. гораздо меньше склонен складываться в сложные и однозначно узнаваемые перцептивные образы и не так активно участвует в тональном "описании мира". (Мы, конечно, рассматриваем только первую сигнальную систему.) Восприятие звука, не подкрепленное визуальным компонентом, всегда неполно, всегда оставляет "пробел" в значении или ситуации, позволяя применить к нему сразу несколько интерпретационных схем. И этому факту в системе дона Хуана уделяется должное внимание:

"Как я могу перестать говорить сам с собой?

- Прежде всего, ты должен использовать уши, чтобы снять часть нагрузки с глаз. Мы с самого рождения использовали свои глаза для того, чтобы судить о мире. Мы говорим с другими и с собой ставным образом о том, что видим. Воин сознает это и прислушивается к звукам мира." (II, 394)

Пожалуй, самая труднопостигаемая штука в деле остановки внутреннего диалога - это использование _воли_. Об этой загадочной и одновременно очень простой вещи, которую дон Хуан называет то _волей_, то _намерением_, то _командой Орла_, нам придется говорить особо. Сейчас же мы укажем только на одно: _любое действие существа_ ("мага" или профана) _есть прямая манифестация воли_, т.е. непосредственного передвижения энергетических полей, связанных в единой структуре с энергетикой мироздания. Все указанные выше приемы - только "уловки", особенные "делания", открытые древними исследователями и служащие для пробуждения _воли_ - для научения перестраивать свое энергетическое поле определенным способом. Если эта задача выполнена, вспомогательные техники можно оставить - они более не нужны.

В конце обучения дон Хуан прямо разъяснил суть дела: "Внутренний диалог останавливается за счет того же, за счет чего начинается: за счет действия _воли_. Ведь начать внутренний разговор с самими собой мы вынуждены под давлением тех, кто нас учит. Когда они учат нас, они задействуют свою _волю_. И мы задействуем свою в процессе обучения. Просто ни они, ни мы не отдаем себе в этом отчета. Обучаясь говорить с самими собой, мы обучаемся управлять _волей_. Это наша _воля_ - разговаривать с самими собой. И, чтобы прекратить внутренние разговоры, нам следует воспользоваться тем же самым способом: приложить к этому _волю_, выработать соответствующее _намерение_." (VII, 374)

И здесь мы подходим к сущности и цели всего этого нелегкого предприятия.

Дело в том, что _внимание_, которым маг выбирает комплексы восприятий из хаотического океана нагуаля, благодаря которому получает способность оперировать ими, - по сути своей схоже с вниманием ординарным. Оно тоже в какой-то мере _вычленяет_, _организует_, _изолирует_ и _вытесняет_ (иначе маг в таком режиме восприятия оказался бы обычным идиотом), но по отношению к "описанию мира" такое внимание удалено, пользуется этим "описанием" принципиально иным способом - оно просто не может работать как обычно, т.к. захватывает в область резонанса неизмеримо большую часть энергетического спектра Реальности, чем внимание ординарное. По тем же причинам оно оказывается гораздо мощнее в своих движениях - в фиксации, фокусировке, перемещении.

Ординарное внимание тоналя дон Хуан называет _первым_, а энергетически расширенное внимание мага - _вторым_. И остановка внутреннего диалога - главный ключ ко _второму вниманию_. Собственно говоря, здесь и начинается _настоящая_ магия. "Дон Хуан говорил, что как только мы остановим внутренний диалог, мы остановим и мир. Это было _операционное описание непостижимого процесса фокусировки нашего второго внимания_. Он говорил, что некоторая часть нас вселю пребывает под замком, так как мы боимся себя." (V, 584) (_Курсив_ мой - А. К.)

Этот "страх себя" сродни ностальгии. Ибо однажды увидевший мир глазами "второго внимания" в особом смысле перестает быть человеком - все дорогое ему, все "человеческое" вдруг перестает _быть_.

Какой неожиданный поворот от человека (маленького, эгоистичного, ограниченного и смертного) к великолепной Реальности - как к "славе Господней"! И все-таки мы уже были там - в этом космическом чреве, в истоке всех вещей. Были и подсознательно тоскуем о возвращении. Ностальгия "здесь" и ностальгия "там". Обоюдоострый меч, всю безжалостность которого иногда чувствуют философы. Как бы между прочим написал об этом М. Мамардашвили:

"Вспомним чувство невыразимости, связанное с упоминаемым словосочетанием "неизвестная родина". Если сблизить чувство "неизвестной родины" с ощущением непонятной обреченности всего высокого и доблестного, то мы ощутим у себя какую-то ностальгическую отстраненность от того, где мы живем, с кем мы связаны, от нашей

страны, от нашей родины, от нашей географии, от наших нравов и обычаев. За этой ностальгической отстраненностью стоит ощущение и отблеск неизвестный, непонятный, но отблеск чего-то другого."

Эта же неотступная ностальгия зовет нас в путь, не обещая избавления от тоски, - она зовет, потому что нельзя же вечно оставаться слепыми.

Реальность стоит у порога и требует своего. "Ни из какой совокупности опыта, - пишет философ, - нельзя вывести различие между реальностью и представлением о ней. Всякая реальность нам дана представлениями о ней. И сама мысль о том, что есть реальность, и представление о ней и что одно отлично от другого, ниоткуда нами не может быть получена. Но она откуда-то приходит, и платоновское "вспомнить" - один из путей, по которому она к нам приходит..." (М. Мамардашвили. "Что значит мыслить и что значит мыслить не мысля...")

Быть может, всем нам предстоит _вспомнить_, откуда мы родом, и вся наша ностальгия - только грусть о былом, о давнем, о безвозвратно утраченном детстве.

2. Растения силы

К полному разочарованию сторонников психоделического "просветления", Карлос Кастанеда уделяет внимание галлюциногенам лишь в первых двух книгах
- "Уроки дона Хуана" и "Отдельная реальность". Поэтому можно сказать, что с точки зрения обывателя эти сочинения Кастанеды наиболее "мистичны".

Всем, разумеется, известно, что наркотические или психотропные вещества издавна употреблялись магами, оккультистами и медиумами. Прежде всего, надо разобраться, какой тип "одурманивания" психики продуктивен для магии, а какой - просто доставляет экзотические переживания и своеобразное удовольствие.

Можно принять за аксиому тот факт, что _любое отравление_ мозга, сопровождаемое нарушением процесса его биоэнергетического метаболизма, с неизбежностью вызывает изменение режима восприятия. Выше мы указывали, что даже обычное голодание, переутомление, бессонница, монотонные и бессмысленные действия способны нарушать работу перцептуального механизма. В этом нет ничего нового: и древние шаманы постились, отказывались спать, плясали до полного изнеможения, и нынешние сектанты таскают вериги, кружатся на одном месте, истязают плоть. Одни и те же внешние приемы последовательно применяются из века в век.

Но употребление ядов - особая статья. Шаманы Севера, скажем, предпочитают настой из свежих мухоморов - микоатропин, содержащийся в грибах, вызывает иногда сильные галлюцинации. Ведьмы всех времен и народов "обожали" дурман, белену - по тем же причинам. Азиатские мистики (из тех, кто не просто "ловит кайф") традиционно употребляют анашу, иногда - опиум.

Конечно, не все из перечисленных растений содержат наркотические вещества. Строго говоря, к наркотикам медицина должна относить только вещества, вызывающие у потребителя пристрастие, а вслед за ним - _биохимическую зависимость_. Мухоморы, дурман, белена, пресловутая цикута это все, скорее, объекты вожделения для токсикоманов, которым по той же причине подходит и клей, и бензин, и ацетон.

Мистики же всегда использовали свои зелья для особых, эзотерических действий - вызывания духов, осуществления магических влияний, прорицаний и т.п. Скучающая молодежь не любит антропологических исследований, иначе узнала бы много интересного о "кайфе предков" Вот, скажем, Э. Б. Тайлор в книге "Первобытная культура" сообщает, что в Америке индейцы для магических целей часто пользовались самым обычным

табаком. Антиникотиновая кампания в те времена не произвела бы на них должного впечатления.

Однако, все по порядку:

"Колумб наблюдал существовавшую на Вест-Индском архипелаге религиозную церемонию, заключавшуюся в том, что на голову идола ставилось блюдо с порошком когобы, который вдыхался через посредство двух стеблей тростника, вставлявшихся в ноздри. Далее, Пане описывает, как тамошний жрец, призванный к больному, вступает в общение с духами, нанюхавшись когобы до того, "что, опьянев, не знает, что делает, и говорит страшную нелепицу, считающуюся разговором с "цеми", которые, по утверждению жреца, и являются виновниками болезни." На Амазонке племя омагва до новейшего времени употребляло наркотические растения, которыми вызывают опьянение, длящееся целые сутки и сопровождающееся необыкновенными видениями. Из одного такого растения они получают порошок "курупа", который нюхают, как табак, посредством тростинки в форме буквы Y. Сходство названий и обычаев ясно указывает на связь между омагва и антильскими островитянами. Калифорнийские индейцы дают детям наркотическое питье, чтобы получить на основании их видений сведения о неприятеле. Мундуруку в Северной Бразилии, желая обнаружить убийцу, дают такое питье духовидцам, чтобы преступник явился им во сне.

Индейцы дариен кормили детей семенами Datum Sanguinea, чтобы вызвать у них пророческий бред, в котором они видели скрытые сокровища. В Перу жрецы, разговаривавшие с "гуака", или фетишами, имели обыкновение приводить себя в экстатическое состояние наркотическим напитком "тонка" из того же растения, вследствие чего последнее называлось "гуакакача", фетишем-травой. Мексиканские жрецы, по-видимому, также употребляли мазь или напиток из семян "ололиуки", вызывавших бред и видения. Табак употребляли с той же целью в обеих Америках. Вообще следует заметить, что первобытные народы курят табак ради полного опьянения, и с этой целью глотают дым. Колдуны бразильских племен приводили себя в экстаз во время конвульсионных оргий курением табака и видели при этом духов. Поэтому неудивительно, что табак стал называться у них "священной травой". На этом же основании североамериканские индейцы считали табачную наркотизацию сверхъестественным экстазом, а грезы в этом состоянии - наитием. Такие воззрения делают понятной следующую замечательную церемонию делаваров. Во время празднества в честь бога огня и двенадцати прислуживающих ему "маниту" внутри жертвенного дома сооружался шалаш сделанный из двенадцати палок, связанных у верхушки и покрытых одеялами. Высотой он был приблизительно в рост человека. По окончания праздника шалаш этот нагревался докрасна раскаленными камнями, и в него помещалось двенадцать человек. Один из стариков бросал на камни табак, и, когда страдальцы доходили до крайних пределов удушья от табачного дыма и жара, их вытаскивали обыкновенно в бессознательном состоянии."

А теперь из Америки вернемся в Евразию:

"Не останавливаясь на древнеарийском обоготворении наркотического налитка, послужившего оригиналом божественной сомы индусов и божественной хаомы персов, а также на пьяных оргиях поклонников Диониса в древней Греции, мы обнаруживаем в древнем мире точное подражание низшей культуре в употреблении вызывающих экстаз лекарственных средств. Таковы настои, описываемые Плинием как напитки, вызывающие бред и видения, лекарства, упоминаемые Гезихием, при помощи которых вызывалась Геката, средневековые мази ведьм, дававшие пациенту способность видеть призраков или переносившие его на шабаш и помогавшие ему оборачиваться зверем. Употребление подобных средств сохранилось до сих пор у персидских дервишей. Эти мистики - не только потребители опиума, подобно множеству своих соотечественников, но они курят

еще гашиш, и это средство доводит их до состояния экзальтации, сопровождающегося очень живыми и яркими галлюцинациями. Человеку в подобном состоянии, говорит д-р Полак, маленький камешек на дороге кажется огромной глыбой, через которую едва можно перебраться, водосточная канава - такой широкой рекой, что он требует лодку для перевоза. Человеческий голос звучит в его ушах, как гром, он воображает, что у него есть крылья, которые поднимают его от земли. На эти экстатические эффекты, в которых чудеса становятся обычным делом, в Персии смотрят как на высшие религиозные проявления, и лица, подверженные им, равно как и их поведение, считаются святыми и находят последователей." (Э. Б. Тайлор. Первобытная культура, сс. 487-488.)

Как видите, в наркотических экстазах, доставляющих наслаждение, много бреда и нелепостей. С другой стороны, причудливые церемонии духовидцев, использующих психотропные вещества, вызывают удовольствие весьма сомнительное. Это теперь, в кругах гедонистической молодежи Запада, появилось модное выражение _nice trip_ - т.е. "приятное путешествие, совершенное под воздействием ЛСД". А если не "приятное", то кому и зачем оно нужно?

Правда, есть особая категория химических агентов, которые, вторгаясь в нашу психику, совершают совершенно необычную работу. Об их природе и о механизме их действия написано много. Ученые классификаторы объединили эту совокупность веществ в т.н. "группу больших психоделиков". Обычно сюда относят диэтиламид лизергиновой кислоты (ЛСД-25), мескалин (содержащийся в кактусе Lophophora Williamsi) и псилоцибин - яд, выделяемый из некоторых видов грибов.

Прежде всего, "большие психоделики" не особенно радуют нас наркотической эйфорией. Они мало способны вызывать пристрастие и зависимость, но зато превосходят все остальные алкалоиды в области изменения способов человеческого восприятия. Даже то незначительное удовольствие, которое они могут вызвать, связано не с биохимической стимуляцией "центра наслаждения" (как это свойственно опиатам или продуктам конопли), а скорее с расслаблением перцептуального аппарата, что, в свою очередь, может привести к временному "снятию" экзистенциального конфликта. (Кстати, далеко не всегда. Дж. Лилли, исследовавший ЛСД-25, рассказывает по этому поводу поучительную историю. Приняв препарат под тяжелым впечатлением от семейной ссоры, он не только не расслабился, как это произошло бы с любителем морфия, но и впал в состояние "глубочайшей депрессии", чуть не повлекшей за собой бессознательный суицид. - Подробнее см.: Лилли Дж. Центр циклона. Гл. 1-2.) Пример Лилли как раз иллюстрирует уже общепризнанное положение, что "большие психоделики" не служат для удовольствий - они только что-то "делают" с нашим _вниманием_: это и производит неизгладимое впечатление, наполняя тривиальный до этого опыт яркими и (что особенно важно!) экзистенциально значимыми для личности галлюцинациями.

Мы полагаем, что и здесь имеет место процесс, в чем-то схожий с восточными психотехниками типа "свидетель". Ввиду того, что наркотическое опьянение "большими психоделиками" выражено совсем незначительно, _способность к концентрации внимания_ и свободному манипулированию им _мало страдает_ от получаемой интоксикации. Контроль над осознанием перцепции позволяет проделывать некоторые последовательности интеллектуальных действий, почти не совершая ошибок. Кроме того, есть еще важное отличие - внимание может быть свободно направлено _вовне_, а не только вглубь себя, как это бывает у ортодоксальных медитаторов.

Впрочем, главный грех измененного состояния сознания, вызванного как психоделиками, так и интроспективным созерцанием, неустраним: _внимание_ опять-таки теряет ориентиры и не способно отличать _эндогенные_ образы (воспоминания, фантазии, ожидания) от _экзогенных_ (сенсорных сигналов, продуцируемых внешней Реальностью).

Однако в случае с психоделическим "бредом" у внимания есть выбор; более того, благодаря некоторому сохранению контроля, у него есть шанс все же отличить мечту от Реальности пусть не всегда, не целиком и не достаточно ясно, но и об этом забывать не стоит.

Олдос Хаксли, проанализировав свои переживания после опыта с мескалином (алкалоид кактуса Lophophora Williamsi - великого "учителя Мескалито", как выражался дон Хуан), записал следующие наблюдения, которые, как мы увидим позже, окажутся нам полезными:

"1) Способность к воспоминанию и "последовательному мышлению" уменьшается или совсем исчезает. (Прослушав записи моих разговоров, происходивших под воздействием мескалина, я не обнаружил, что был тогда глупее, чем в своем обычном состоянии.)

2) Зрительные впечатления в значительной степени усиливаются, глазу открывается та чистота восприятия, которая имела место в детстве, когда чувство не было еще автоматически подчинено идее. Интерес к пространственным отношениям снижается, а интерес ко времени падает почти до нуля.

3) Несмотря на то, что интеллекту вреда не наносится, а восприятие становится намного совершеннее, воля претерпевает глубокие изменения в худшую сторону. Принявшие мескалин не видят смысла в каких-либо действиях и находят причины, в обычном состоянии побуждающие их к действиям и страданиям, глубоко неинтересными. Они не могут волноваться из-за этих причин, так как находятся более занимательные вещи, о которых стоит подумать.

4) Эти более занимательные вещи могут переживаться как существующие "вовне" (это было со мной) или "внутри", или в обоих мирах - внешнем и внутреннем, одновременно либо последовательно. То, что эти вещи действительно более занимательны, всем принимавшим мескалин кажется очевидным, если у них здоровая печень и спокойный ум."

Легко заметить, как "ключевые стереотипы" тоналя, его _основные идеи_ дезактуализируются. Тональ "слабеет" прямо на стазах: снижается способность к "внутреннему диалогу" (1); идеи _непрерывности_, _ожидаемости_ и _стабильности_ теряют свою жесткость и легко "соглашаются" с альтернативными идеями (что мы увидим из описания некоторых опытов Хаксли, приводимых ниже); мотивация действия, порождаемая фиксированным "образом себя" сводится к нулю (3); а пространственно-временная координация, отвечающая за синхронность и полноту описания мира, теряет смысл (2). Кроме того, мы сталкиваемся здесь с тем же явлением - "переполнением информацией" тоналя, - как и в техниках по остановке внутреннего диалога, предлагаемых доном Хуаном. Обо всех вышеперечисленных эффектах можно прочитать и у других ученых, исследующих "измененные состояния сознания". (См. например: Altered States of Consciousness. Ed. by Charles T. Tart. New York. 1972.)

Олдос Хаксли свидетельствует об обогащении своего восприятия так: "Исследователь обратил мое внимание на мебель. Маленький столик для пишущей машинки стоял в центре комнаты. За ним, если смотреть от меня, находился плетеный стул, а еще дальше - конторка. Эти три предмета образовали замысловатую структуру из горизонталей, вертикалей и диагоналей

- структуру тем более интересную, что ее невозможно было понять с точки зрения пространственных отношений. Я не смотрел на свою мебель как прагматик, которому нужно сидеть на стульях или писать за столом, но и не как кинооператор или фиксирующий научный прибор. Я смотрел, как чистый эстет, которого интересует только форма и расположение форм внутри поля зрения или на холсте картины. <.. .> Вот, например, ножки этого стула - как чудесна их округлость, а их полированная гладкость просто сверхъестественна! Я провел несколько минут (или несколько веков?), и при этом

не только созерцал эти бамбуковые ножки, но и реально был ими, или, точнее, находился в них." (Huxley A. The doors of perception.) Гипнотическую, завораживающую глубину обнаружили самые тривиальные вещи: книги, стоящие на полках, собственные брюки, закат солнца над равнинами Калифорнии...

Опыт Карлоса Кастанеды, безусловно, гораздо драматичнее, и, несомненно, дон Хуан приложил к этому руку. Он стремился предъявить ученику более широкий участок спектра Реальности, распахнуть перед ним такие бездны, чтобы его тональ никогда уже не вернулся к своей самоуверенности и самодовольству. В абсолютном одиночестве Мескалито продемонстрировал на кактусовом поле весь груз обусловленности и бессмысленности человеческого тоналя) сквозь обломки которого льется бесценный свет Реальности:

"От каждого пейотного кактуса на поле исходил голубоватый мерцающий свет. Один кактус светился особенно ярко. Я сел перед ним и начал петь ему свои песни. Тут из растения вышел Мескалито - та же фигура в виде человека, которую я видел раньше. Он взглянул на меня. С большим чувством (совершенно необычным для человека моего темперамента) я пел ему свои песни. К ним примешивалась уже знакомая мне музыка - звуки флейт или ветра. Как и два года назад, он беззвучно спросил: "Чего ты хочешь?" Я заговорил очень громко. Я сказал - я знаю, что в моей жизни и в моих поступках чего-то не хватает, но не могу обнаружить, чего же именно. Я смиренно просил его сказать мне, что у меня неладно, и еще сказать свое имя, чтобы я мог позвать его, когда буду в нем нуждаться. Он взглянул на меня. Его рот вы тянулся, как тромбон, до самого моего уха. И он сказал мне свое имя.

Внезапно я увидел отца. Он стоял посреди пейотного поля, но поле исчезло, и вся сцена переместилась в старый дом, где прошло мое детство. Я стоял с отцом у смоковницы. Я обнял его и стал торопливо говорить ему все, чего никогда не мог ему сказать. Каждая мысль была законченной и исчерпывающей. Было так, словно у нас в самом деле нет времени и нужно сказать все сразу. Я говорил что-то совершенно потрясающее, говорил о чувствах, которые к нему испытывал, - что-то такое, о чем при обычных обстоятельствах никогда не посмел заикнуться.

Отец не отвечал. Он просто слушал, а потом исчез. И я снова был один, я плакал от печали и раскаяния.

Я пошел через пейотное поле, выкликая имя, которому меня научил Мескалито. Что-то появилось из странного, похожего на звездный, света на кактусе. Это был длинный светящийся предмет - что-то вроде палки из света, величиной с человека. На мгновение он осветил все поле ярким светом, желтоватым или янтарным; затем озарил все небо, отчего получилось необычайное, чудесное зрелище. Я подумал, что если буду смотреть, то ослепну. Я зажмурился и спрятал лицо в ладонях.

Я безошибочно знал, что Мескалито велит мне съесть еще один бутон. Но как же это сделать, подумал я, у меня ведь нет ножа, чтобы его срезать. "Съешь прямо с земли", - сказал он мне тем же необычным образом. Я лег на живот и стал жевать верхушку растения. Оно согрело и ободрило меня. Все мое тело, каждая его клетка согрелась и выпрямилась. Все ожило. Все состояло из сложных и тонких деталей, и в то же время все было таким простым. Я был повсюду: я мог видеть все, что вверху, и все, что внизу, и все вокруг одновременно.

Это непередаваемое чувство я испытывал как раз столько времени, чтобы успеть его осознать. Затем его вытеснил гнетущий страх, который пусть не мгновенно, но все же достаточно быстро и неумолимо овладел мною. Сначала в мой чудесный мир безмолвия ворвались острые звуки, но я не обратил на это внимание. Затем звуки стали громче и назойливей, как будто надвигались на меня. И постепенно исчезло недавнее чувство, когда

я плавал в мире целостном, безразличном и прекрасном. Звуки выросли в гигантские шаги. Что-то громадное дышало и двигалось вокруг меня. Я понял, что оно за мной охотится. Я побежал и спрятался под валуном, пытаясь оттуда определить, что же меня преследует. На мгновение я выглянул из своего убежищу, и тут преследователь, кто бы он ни был, на меня бросился. Он был похож на морскую водоросль. Водоросль бросилась на меня. Я думал, что буду раздавлен ее весом, но оказался в какой-то выбоине или впадине. Я видел, что водоросль покрыла не всю поверхность земли вокруг камня. Под валуном остался клочок свободного пространства. Я старался вжаться под камень. Я видел капающие с водоросли огромные капли слизи. Я "знал", что это секреторная жидкость - пищеварительная кислота, чтобы меня растворить. Капля упала мне на руку; я пытался стереть кислоту землей и смачивал ожог слюной, продолжая закапываться. В какое-то мгновение я почти растаял.

Меня вытаскивали на свет. Я решил, что уже растворен водорослью. Я смутно заметил свет, который становился все ярче. Свет шел из-под земли, пока наконец не прорвался в то, в чем я узнал встающее из-за гор солнце." (I, 132-134)

Каждое "психоделическое" переживание Кастанеды заново "оживляется" доном Хуаном - он стремится закрепить в сознании ученика свободу восприятия. Неважно, что из пережитого им действительно имеет смысл, а что отражает груз накопившихся проблем и предвзятостей. Смысл рассказов и воспоминаний в другом - _мир можно воспринимать иначе, мир не связан нашим перцептивным шаблоном, он свободен и беспределен до всем_.

Тот же урок заключался и в созерцании Реальности "глазами вороны" (I, 152-153), и в жутковатой аудиенции у мифического "стража другого мира", и тогда, когда Карлос неоднократно погружался в "зеленый туман" у оросительной канавы. Если вы ищете здесь скрытую информацию, обучение "тайному знанию", то вряд ли найдете: все это - способы "расшатать" тональ, "усмирить" его и в случав надобности заставить его покорно отойти в сторону.

И нельзя не отметить - такие уроки пошли Кастанеде на пользу.

"Помогли ли мне растения силы? - спросил я.

- Конечно, - сказал он. - Они раскрыли тебя, остановив твой взгляд на мир. В этом растения силы оказывают такое же воздействие на _тональ_, как и правильный способ ходьбы. И то, и другое переполняет его информацией, и сила внутреннего диалога приходит к концу. Растения силы превосходно подходят для этой цели, но их применение оплачивается слишком дорого. Они наносят слишком большой вред телу. Это их недостаток, особенно дурмана." (IV, 247) (В работе с Кастанедой дон Хуан употреблял разновидность _Datura innoxia_ - индейский дурман. Из наиболее активных алкалоидов выделен _скополамин_.)

В мире растений силы легко заплутать, и дон Хуан часто предупреждает об этом. Древние мага нередко оказывались жертвами определенных пристрастии, вызываемых понравившимся растением. Их специфическая энергия давала им возможность многократно повторять один и тот же перцептивный опыт, служащий предметом мифа и поклонения (о биохимической зависимости мы здесь не говорим). В первых книгах Кастанеда не раз упоминает о том, что дон Хуан называл растения силы _союзниками_, что поневоле вызывало в сознании ученика антропоморфный образ. _Союзник_, будучи энергетической формой из пространства, недоступного обычному восприятию, никак не связан с растением или психотропным веществом. Однако они, бывает, сопровождают друг друга. "Растения силы подводят ученика непосредственно к _нагуалю_, а союзник является одним из его аспектов..." (IV, 247) В разделе "Реальность нагуаля" мы будем особо рассматривать _союзников_ как источник специальной энергии, сообщающей магу

способность действовать в силовом поле Реальности. Растения силы - не единственный путь приближения к ним, но соблазнительный из-за своей доступности, легкости, так как требует сравнительно невысокого уровня самодисциплины. И все же путь растений вряд ли стоит рекомендовать: беспризорный тональ, получив доступ к новым полям перцепции, ничтоже сумняшеся превращает их в настоящий сумасшедший дом. Разнообразные "видения" Кастанеды тому яркий пример. То, что его тональ уцелел, - заслуга изумительного мастера. "После целой жизни борьбы я знаю, что действительно важным является не просто научиться новому описанию, но прибыть к целостности самого себя. Следует прибыть к _нагуалю_, не покалечив тоналя и, превыше всего, не покалечив своего тела. Ты принимал эти растения, следуя точным этапам, через которые прошел я сам. Единственным отличием было то, что я остановился, когда решил, что ты накопил достаточно взглядов на нагуаль. Именно по этой причине я никогда не хотел обсуждать с тобой твои встречи с растениями силы и не позволял тебе иметь навязчивую идею относительно них. Не было смысла строить схемы того, о чем нельзя говорить. Это были настоящие экскурсии в _нагуаль_, в неизвестное." (IV, 248-249)

Взаимодействие "неусмиренного" тоналя с перцептивным освобождением может давать результаты дисгармонические и неожиданные. Помните оговорку Хаксли - "если у них здоровая печень и спокойный ум"? Насчет "здоровой печени" мы еще можем побеспокоиться, но вот "спокойный ум" без специальной тренировки дается крайне немногим. Весь эгоистический "мусор", пропитанный соками биологически эволюционирующего хищника ("наш взгляд - взгляд хищника"), все наши амбиции, страсти, агрессия и страх выползают на поверхность существа, а его "одурманенный" тональ уже не знает, где _внешнее_ и где _внутреннее_. И _второе внимание_, размахивающее дубиной первобытного охотника, может "резонировать" с энергиями разрушительными и пагубными. Ла Горда, одна из учениц дона Хуана, разъяснила Карлосу опасность его положения таким образом: "Мы собирали его [второе внимание - А. К.] посредством _сновидения_, а ты сделал это при помощи своих растений силы. Нагваль сказал, что эти растения собрали угрожающую сторону твоего второго внимания в одну глыбу, и что это и есть та фигура, которая выходит из твоей головы. Он сказал, что это случается с магами, которым дают растения силы. Если они не умирают, то растения силы закручивают их второе внимание в эту устрашающую фигуру". (V, 563)

Словом, дело не в здоровой печени, не в грозящей токсикомании, которая повсюду мерещится наркологам, не в биохимической зависимости и снижении трудоспособности (на что сетуют социологи и блюстители "нравственного здоровья" нации). Мрачная власть полуживотного эго распрямляет крылья и распускает когти, чтобы крушить, подавлять, устрашать и подчинять все вокруг себя - все, что не есть оно. Обычный человек, получивший доступ ко второму вниманию, и есть полноценный "черный маг", враг рода людского. И если уж вспоминать Сатану, то именно здесь его укрывище, - логово ненасытного Зверя.

Когда Карлос "остановил мир" (т.е. вышел из-под власти _тоналя_), не прибегая ни к загадочному кактусу, ни к дурману, ни к "курительной смеси" дона Хуана, он понял важную вещь: растения силы не так уж важны в магии, и, возможно, больше никогда ему не потребуются. "С полной очевидностью я осознал: мое первоначальное предположение относительно принципиального значения психотропных растений - ошибка. Они вовсе не являются важным аспектом магического описания мира, они лишь помогают свести воедино разрозненные части этого описания. Просто в силу особенностей характера я был не в состоянии воспринимать эти части без помощи растений. Упорно цепляясь за привычную версию реальности, я был глух и слеп к тому, что дон Хуан пытался внедрить

в мое сознание. И только эта моя нечувствительность заставляла его использовать в моем обучении психотропные средства." (III,
447) Еще более откровенно рассказывает Кастанеда о своем "прозрении" в интервью Сэму Кину: "Дон Хуан использовал психотропные средства только в начале моего обучения, поскольку я был, по его словам, слишком самонадеян и "заторможен". Я держался за свое описание мира, как утопающий за соломинку. Психотропные средства создали брешь в моей защите - системе глосс. Моя догматическая уверенность была разрушена."

Апологеты ЛСД-революции утверждали в свое время, что только психоделики способны кардинальным образом преодолеть пропасть, лежащую между "я" (эго) и действительностью, что только с их помощью человек обретет, наконец, изумительную яркость и чистоту восприятия, постигнет великолепие Вселенной и позабудет горечь "отделенного" существования - свою неудовлетворенность, беды, страдания и заботы. Национальные правительства не приняли эту идею - политики и экономисты хорошо знают, что личности, лишенные эго, перестают быть социумом, и тогда "история прекращает течение свое". Не стоит, однако, уповать на успехи химии. (Тем более, что Хаксли сообщает нам о давно известном факте: мескалин и адреналин имеют сходную химическую структуру. А "затем было сделано открытие, что _адренохром_, являющийся продуктом распада адреналина, может вызывать многие симптомы из тех, что наблюдаются при отравлении мескалином. Но адренохром, вероятно, возникает спонтанно в человеческом теле. Другими словами, каждый из нас может вырабатывать химический продукт, ничтожная доза которого вызывает глубокие изменения в сознании...
- _The Doors of Perception_.)

Сэм Кин тоже пытается понять, есть ли различие между психоделическим опытом и переживаниями Кастанеды в смысле "слияния со Вселенной" и "повышенной яркости восприятия":

"С. К.: По-видимому, психотропные средства на какое-то время устраняют границу между "я" и миром, и дают возможность мистического слияния с природой. Во многих культурах, сохранивших интуицию общности человека и природы, также предусматривалось церемониальное использование психотропных средств. Был ли Ваш магический опыт без их использования аналогичным тому, когда Вы принимали пейот, "дымок" и "траву дьявола"?

К. К.: Не только аналогичным, но гораздо более интенсивным. Каждый раз, когда я принимал психотропные растения, я помнил об этом, и у меня была, таким образом, постоянная возможность подвергнуть сомнению достоверность испытываемого опыта. Но когда, например, со мной разговаривал койот, у меня не было никакой такого рода защиты. Я не мог истолковать это каким-либо рациональным образом. Я в самом деле остановил мир, и на короткое время вышел за пределы привычной западно-европейской системы описания." (Из интервью в _Psychology Today_.)

3. "Неделание" и остановка мира

> _Созерцая всю безмолвную вселенную и человека, оставленного во тьме на произвол судьбы..., не ведающего, на что надеяться, что предпринять, что будет после смерти... я испытываю ужас, как человек, которому пришлось заночевать на страшном необитаемом острове, который, проснувшись, не знает, как ему выбраться с острова, и не имеет такой возможности_.

Паскаль.

Конечно, лишь немногие из нас подсознательно предчувствуют свое безнадежное положение. Мы рождаемся одинокими и живем одинокими. Страх перед одиночеством толкает нас к религии, - ведь чаще всего это обещание загробной жизни в общении с Богом и другими сознательными существами. Мы прячемся в суету, в "экстрарефлексию", в тот увлекательный блеск тоналя, где "забываемся", любовно перебирая свой "инвентаризационный список". Единственное разрешение подспудного и напряженного самообмана чудится нам на самых крутых вершинах метафизического взлета. Как пишут У. Садлер и Т. Джонсон в своей книге "Что такое одиночество?": "...когда на карту не ставится бессмертие личности, а подразумевается плотиновский "полет единственного к Единственному", тогда предполагается слияние "Я" и Абсолюта и сама возможность одиночества в принципе сводится на нет. Фактически все это только кажется непохожим на ницшеанский дионисийский порыв к мистическому единству или на фрейдистское толкование парменидовского Единого, проявляющегося как "океаническое чувство".

Итак, мы пребываем в состоянии некоего очень продуктивного мифа - "мифа об одиночестве". Не думаю, что вас удивит такой подход - в конце концов, беседуя об _описании мира_, мы только и делаем, что говорим о мифах: мифах культуры, мифах творчества, мифах социального бытия и бытия как такового. Дабы хоть как-то удовлетворить свою экзистенциальную тоску, человек построил высоко метафизический миф, к которому удобно прибегать мистикам и "учителям жизни". "Парменидовское Единое", "океаническое чувство", "слияние с Абсолютом" - как красиво и тонко сработано мифическое полотно! Противоречия "отдельного" существования эго снимаются легко и удобно, если призвать на помощь сокровища нашей неистощимой лексики. "Задача мифа, - пишет Леви-Стросс, - создать логическую модель для преодоления противоречий". И добавляет: "Потребность в снятии противоречий сильнее всех тех орудий, которыми пытаются снять саму эту потребность."

В этой главе мы будем говорить о _действительном_, а не метафизическом факте. Умственные спекуляции философов часто грешат схематизмом и абсолютизацией логических схем. Жизнь всегда неожиданна и преподносит диковинные сюрпризы. Например, Сэм Кин, рассуждая о парадоксальных перцепциях, "просветленного", не думает о Едином, а вспоминает более конкретные вещи: "Это похоже на идею Нормана Брауна, - говорит он, - что дети, шизофреники и те, кому свойственно божественное безумие дионисийского сознания, осознают вещи и других людей как продолжение своих тел. Дон Хуан имеет в виду нечто подобное, когда говорит, что человек знания имеет волокна света, соединяющее его солнечное сплетение со всем миром."

Остановка мира прекращает миф об одиночестве, но и разрушает миф о преодолении одиночества через "слияние с Абсолютом". Что бы ни говорили мистики и оккультисты, "слияние с Реальностью" - это _смерть_, это прекращение бытия воспринимающего центра и погружение в безличность, в энергетический порядок Вселенной, который некому больше свидетельствовать. Если ваше религиозное чувство находит такое положение прекрасным, нам нечего к нему добавить.

Цель дона Хуана - остановить мир не для того, чтобы сбежать в пустоту, а чтобы научиться _видеть_ его.

"Дон Хуан утверждал, что на пути к _видению_ сначала нужно "остановить мир". Термин "остановка мира", пожалуй, действительно наиболее удачен для обозначения определенных состояний сознания, в которых осознаваемая повседневная реальность кардинальным образом изменяется благодаря остановке обычно непрерывного потока чувственных интерпретаций некоторой совокупностью обстоятельств и фактов, никоим

образом в этот поток не вписывающихся. В моем случае роль такой совокупности сыграло магическое описание мира. По мнению дона Хуана, необходимым условием "остановки мира" является убежденность. Иначе говоря, необходимо прочно усвоить новое описание. Это нужно для того, чтобы затем, противопоставив его старому, разрушить догматическую уверенность, свойственную подавляющему большинству человечества, - уверенность в том, что однозначность и обоснованность нашего восприятия, то есть картины мира, которую мы считаем реальностью, не подлежит сомнению." (III, 448)

Суфии, как и другие утешители из мистических школ, обещают осуществление удивительных мифов. Ибн-Туфейль, например, утверждает, что постоянное созерцание Необходимо Сущего (т.е. Реальности) - что, в свою очередь достигается через "остановку мира", - сулит последователям "верное счастье". "Тот, кто знал это существо, - вдохновенно вещает Ибн-Туфейль, - Необходимо Сущее, прежде, чем расстаться с телом, весь отдавался ему и неотступно размышлял о его славе, блеске и красоте и не отвращался от него, пока не настигла его смерть среди этого стремления к нему и актуального созерцания, - тот, расставшись с телом, остается в беспредельном наслаждении и вечном счастии, восторге и радости, ибо он достиг непосредственного созерцания этого существа, необходимо сущего!.."

Какое уж тут одиночество, какая уж тут ностальгия! Не правда ли, обещания Ибн-Туфейля намного привлекательнее сухих и практических дон-хуановских лекций? Но все же нам придется иметь дело с Реальностью, а не мечтами о ней.

Для подготовки этого особого достижения дон Хуан вводит в курс тренировки особые упражнения, которые он называет "неделанием" Особая сила, способная "остановить мир", накапливается во всем энергетическом теле человека.

"Я говорил тебе: секрет сильного тела не в том, что ты делаешь, а в том, чего не делаешь, - проговорил он. - И теперь пришло время не делать то, что ты привык делать всегда. Так что, до нашего ухода сиди здесь и _не-делай_." (III, 634)

"Неделание" можно рассматривать как частную, но очень эффективную практику по расстройству отдельных перцептивных навыков, совокупность которых предъявляет целостную картину мира, складывая элементы восприятия в искусную и неприметную мозаику. Процедура "неделания" технически не вызывает особых сложностей, но требует специальной дисциплины внимания.

"_Не-делать_ то, что ты хорошо умеешь делать, - ключ к силе. Ты знаешь, как делать то, что умеешь делать. И это нужно _не-делать_.

В случае созерцания дерева я знал, что смотреть нужно на листья, и, естественно, немедленно фокусировал на них взгляд. При этом тени и промежутки между листьями никогда меня не интересовали. Последнее, что сказал дон Хуан, была инструкция начать созерцать тени от листьев на одной ветке и постепенно перейти к такого рода созерцанию всего дерева, не давая глазам возвратиться в привычный для них режим созерцания листьев. Первый сознательный шаг в накоплении личной силы - позволить телу "не-делать".

Наверное, причиной тому явилась моя усталость или нервное перевозбуждение, но я настолько погрузился в созерцание теней, что к тому моменту, когда дон Хуан поднялся на ноги, я мог формировать тени в зрительно воспринимаемые массивы настолько же свободно, насколько обычно в массивы формируется листва. Эффект был поразительный. Я сказал дону Хуану, что хочу посидеть так еще. Он засмеялся и похлопал по моей шляпе:

- Я же говорил. Тело любит такие штучки." (III, 635)

Если вдуматься, "неделание" при регулярном и всестороннею использовании может произвести целую революцию в мире психического переживания бытия. Силовые центры и поля, лежащие в основе телесных образов "сделанной" Реальности, оказывают

сопротивление импульсу нашего жизненного порыва, сохраняя тем самым необходимое условие для самой возможности восприятия. Однако "чувственные образы" более не формируются, так как механизм их порождения блокирован "неделанием". Представьте себе это странное переживание реальности, данное вам не после (и не в результате) сознательных восприятий образов, а помимо образа вообще. Это вовсе не значит "дереализовать" или "идеировать" мир, напротив, сам _момент реальности_, целостное, нерасчлененное, властное впечатление реальности становится единственным Объектом переживания. Чистая энергия жизненного порыва сталкивается с чистой энергией существования без всяких посредников. Экзистенциальное сопротивление "гасится", так как не имеет "описанных" в картине конфликтующих сторон. Если "делание" актуализирует драму, чувство и борьбу, то "неделание" останавливает ход мыслей и перцептивный процесс перед Реальностью - "высшим бытием". Бытие, которое существует лишь "через себя самое" и от которого зависит все остальное. И еще раз повторим: "неделание" не аннулирует воспринимающего субъекта и не ставит своей целью "слить" его с переживаемым полем неразличимой Реальности, заполонившей все (Абсолют). Оно лишь делает их контакт "интимнее", "непосредственнее", очищая от ненужного груза умственных страданий.

"Он наклонился и поднял маленький камушек. Взяв его между большим и указательным пальцами левой руки, он поднес камушек к самым моим глазам.

- Смотри: вот камушек. Он является камушком вследствие _делания_, которое делает его камушком. <...>

- Я тебе говорю, что ты превращаешь это в камушек, зная _делание_, которое для этого необходимо. И теперь, чтобы _остановить мир_, ты должен прекратить это _делание_. <...>

- В случае с этим маленьким камнем, - продолжал он, - первое, что _делание_ с ним осуществляет, - это жесткая привязка к вот такому размеру. Поэтому воин, который стремится _остановить мир_, первым делом уничтожает этот аспект фиксации - он увеличивает маленький камень или что-либо другое в размере. Посредством _неделания_.

Дон Хуан встал и положил камушек на крупный валун, а потом предложил подойти и хорошенько его изучить. Он велел внимательно разглядывать отверстия, впадины и трещины на камушке, стараясь рассмотреть все до мельчайших деталей. Он сказал, что если мне удастся выделить все детали, отверстия, углубления и трещинки исчезнут, и я пойму, что такое "неделание".

- Этот проклятый камушек сведет тебя сегодня с ума, - пообещал дон Хуан. <...>

- _Деланием_ разделяются этот камушек и этот валун, - продолжил он. - Чтобы научиться _неделанию_, тебе, скажем так, нужно слить их воедино.

Он указал на небольшое пятнышко тени, которую камушек отбрасывал на валун:

- Это тень? Это - не тень. Это - клей, их соединяющий.

Потом он повернулся и пошел прочь, сказав, что вернется попозже, чтобы взглянуть, как я тут себя чувствую." (III, 644-645)

"Делание" создает перспективу. "Делание" структурирует пространство и делает воспринимаемым расположение вещей по отношению друг к другу. По сути, впечатления Хаксли, записанные им в дневнике после принятия мескалина, во многом передают перцептивный эффект _неделания_:

"Обычно зрение озабочено такими вопросами, как _где_? _На каком расстоянии_? _Как то расположено по отношению к этому_? При восприятии мира под воздействием мескалина возникают вопросы иного рода. Место и расстояние больше не представляют интереса. Разум воспринимает интенсивность существования, глубину значения, отношения внутри структуры. Я смотрел на книги, но меня вовсе не занимало их

расположение в пространстве. Мой разум был поражен самим фактом того, что все эти книги светятся живым светом, и тем, что некоторые из них окружены более сильным сиянием, чем другие."

Итак, _неделание_ "стирает" привычные штрихи и привычные конструкции в картине воспринимаемого мира. Можно сказать, что _неделание_ - своего рода игра, где объекты восприятия произвольно меняют качества, удаленность, значение, предлагая перципиенту выбрать любое распределение ролей - но с обязательным условием: поверить в произвольную комбинацию так же твердо, как он верит в могущественный порядок своего тоналя. От такого "легкомыслия" тональ чувствует себя сбитым с толку, действует недостаточно быстро и невпопад - а именно этого мы и добивались.

Кроме этой техники, дон Хуан учил Карлоса еще многому: разрушению распорядка жизни, бегу силы и т.п. Все эти приемы в совокупности были направлены на то, чтобы Кастанеда "остановил" свой мир.

"... дон Хуан шаг за шагом описал, как он отвлек мое внимание от _сновидения_, заставив поверить в важность очень трудной деятельности, называемой им неделанием, и представляющей собой перцептивную игру фокусирования внимания на тех чертах мира, которые обычно остаются незамеченными, например, тени предметов. Дон Хуан сказал, что его стратегией было оставить неделание в стороне, окружив его самой строгой секретностью.

- Неделание, как и все остальное, - очень важная техника. Но она не была основным моментом, - сказал он. - Ты попался на секретности. Ты - балаболка, и вдруг тебе доверили секрет.

Он засмеялся и сказал, что может вообразить те трудности, через которые я прошел, чтобы держать рот закрытым.

Он объяснил, что разрушение рутины, бег силы и неделание были путем к обучению новым способам восприятия мира, и что они давали воину намек на невероятные возможности действия." (IV, 253-254)

"Невероятные возможности", упоминаемые доном Хуаном, - это, конечно, прежде всего _видение_ (seeing). Немало таинственного, трепетного бдения, немало ухищрений и кропотливого труда легло на алтарь _прозрения_. "Прозреть", "пронзать", "провидеть" - сорвать туманный покров с возомнившего о себе Пространства; из кромешной ретуши рефлексий и полурефлексий прозаического ума взлететь на волну кристально чистого света, где все как есть и никакого обмана! Но не свихнуться, не потерять связь, не удалиться с брезгливой миной в надменные молельни безмолвных провидцев, а свершить дерзкий проект и объявить результат прямо в лицо - не связывая окраску аурических лучей с печеночными коликами или смещением четвертого позвонка, ничего не пряча в кулак и не зажимая нитку промеж пальцев, как это делают балаганные чародеи на потеху публике! Вот достойная цель, вот подлинное _видение_ - видение чистой энергии бытия, полей, структур и потоков; видение безусловное и всепроникающее.

Но что же _человеческого_ останется у такого провидца? Когда Кастанеда прочитал дону Хуану "Тибетскую книгу мертвых", он спросил мага:

"Как ты думаешь, тибетцы, писавшие эту книгу, были _видящими_?

- Вряд ли. Если человек _видит_, то для него все равнозначно. Если бы тибетцы могли _видеть_, они понимали бы, что ничто не остается прежним. Когда мы _видим_, нет ничего известного, ничего, что осталось бы в том виде, к какому мы привыкли, когда не _видели_.

- Но _видение_, наверное, не одинаково для всех?

- Не одинаково. Но это все равно не означает, что жизнь имеет какое-то особое значение. Для видящего ничто не остается прежним, ему приходится _пересматривать все ценности без исключения_" (II, 367) (_Курсив_ мой - А. К.)

Впрочем, Клайв Льюис уже теперь высказывает серьезные сомнения насчет наших ценностей, хотя _видение_, поверьте, здесь совершенно ни при чем.

"Теперь ценности стали чем-то вроде явлений природы. Старшие внушают младшим ценностные суждения не потому, что верят в них сами, а потому, что "это полезно обществу". Сами они от этих суждений свободны. Их дело - контролировать выполнение правил и не следовать им. <...>

Быть может, на какое-то время как пережиток они сохранят для себя подобие закона. Скажем, они могут считать, что служат человечеству, или помогают ему, или приносят пользу. Но это пройдет. Рано или поздно они припомнят, что понятия помощи, служения, долга - чистая условность. Освободившись от предрассудков, они решат, оставить ли чувство долга формируемым людям. Произвол у них полный - ни "долг", ни "добро" уже ничего дли них не значат. Они умеют сформировать какие угодно качества. Остается малость - эти качества выбрать. Повторяю: свобода полная, никакого мерила, никакой точки отсчета у них нет." (К. Льюис. Человек отменяется?)

Что мы можем противопоставить этому угрюмому кошмару антиутопии? То, о чем пишет Льюис, - это апофеоз эгоизма, апофеоз "описания мира", т.е. прямая оппозиция _видению_, несовместимому с экспансией эгоистического сознания и опредмеченного мира - области личных манипуляций безнравственного человека-хищника. И только философы по-прежнему желают невыразимого. Быть может, для таких, как они, и открывается _видение_ дона Хуана:

"Он мог бы достичь желаемого, когда однажды не через дискурсивные средства разума, а при помощи интимного и простого опыта, в котором, кажется, все сказано и соучастие дано не иначе, как только в единстве с отстраненностью, ощутит, что существа при всей их красоте в большей мере отличаются от бесконечного Бытия, нежели похожи на него, и узнает, как велика заброшенность тех, кто, для того, что рассмотреть сотворение, должны были подняться на ледник пустоты и увидеть всюду лишь пустоту. Тогда он узнает, что среди людей нет ничего более униженного, чем любимая им истина. Он почувствует, что возможность ее постигнуть всегда упускается... Он поймет, что ценности интеллигибельности бытия - это величие существования и этот вкус существующего, который он так хотел постигнуть! - противостоят ему лишь в бесконечном безразличии и никогда не испытывали желания стать его достоянием. Это он, следуя закону человеческого интеллекта и нацеливая его на извлечение смысла, желает постигнуть их, проникая на мгновение через покров. И следовательно, изначально он был разочарован, ибо мы неминуемо подвергаемся разочарованию, когда желаем постигнуть то, что не хочет открыться нам. Если холмы были обманчивыми, это не означает, что они ему лгали. Однажды они раскроются ему, все станет доступным человеческому интеллекту, но _только тогда, когда Существование, имеющее основание только в самом себе, раскроется в видении_." (Ж. Маритен. Краткий очерк о существовании и существующем. - _Курсив_ мой - А. К.)

II
ВОИНЫ НАГУАЛЯ

"_На этой ступени странствие воина основывается на пребывании в

состоянии воина, а не в борьбе за то, чтобы сделать следующий шаг. Воин переживает чувство освобождения от напряжения,... свободы от агрессивности. Так странствие воина становится подобным распускающемуся цветку - это естественный процесс расширения_."

Чогьям Трунгпа

ГЛАВА 5. ВЕЛИКОЕ ВОИНСТВО ТОЛТЕКОВ

Путь должен иметь сердце...

Дон Хуан

1. Антропологические древности (истоки)

Последние десятилетия мы уделяем особое внимание культуре ориентальной. Это своего рода комплекс вины, развившийся у народов-покорителей. Все началось с изумления Гумбольдта, нашедшего в Индии один из древнейших языков человечества, с восхищения Шопенгауэра, которому философские воззрения буддистов как-то сразу пришлись по вкусу. Немало мифов принесли с собой британские колонизаторы - тут и о сверхъестественных способностях факиров, о чудесах йоги, о мудрых махатмах, хранящих изначальное знание древнейшей цивилизации. Заволновались будущие теософы, загрезили о тайнах Востока путешественники, забредили писатели и художники - в Европе конца XIX века все бурлило и готовилось встречать откровение.

Комплекс вины, правда, зародился по-настоящему вместе с явлением на благодатной земле Америки Вивекананды Свами - с его великой миссией от самого Рамакришны нести "свет Востока" на гибнущий и заблудший Запад. За ним воспоследовали другие вестники, и вскоре Старый и Новый Свет преклонились перед мудрейшими - словно ожил и вышел из глубины веков культ предков, словно притча о блудном сыне получила, наконец, масштабное культурологическое воплощение. Индо-буддистское могущественное знание (а за ним - знание Китая, Тибета, Японии), подняв на свое знамя великих и древних, взяло философский (больше - мировоззренческий, метафизический, экзистенциальный) реванш над европейским прагматизмом, а если говорить с точки зрения творца - над мастером, делающим вещи _вне_ себя, над техником, над инженером и архитектором европейского жилища.

И по сей день высшую мудрость бытия все еще ожидают с гималайских хребтов, из тибетских монастырей, из уединенных ашрамов восточных созерцателей. И в этом, быть может, причина той осторожности, с которой многие мистические искатели принимают книги Кастанеды.

Дело в том, что американским индейцам изначально не повезло в смысле антропологической популярности. Ко времени прихода испанцев древнейшие центры их цивилизации по большей части уже представляли собой руины, тайна их письменности была утрачена, а последовательное истребление уцелевших представителей мощного, но обессилевшего этноса свело к нулю даже то немногое, что мы могли бы узнать о них.

Дон Хуан называет себя "толтеком" - но что говорит нам это позабытое слово? "Неуместная" интеллигентность полунищего индейца просто наталкивает на мысль о фальсификации, о вымышленности образа. Откуда он взялся вдруг среди скудных мексиканских пустынь, где, кроме нищих бродяг и "странных" (мы теперь избегаем слова "примитивный", чтобы не обижать аборигенов) скульптур, не встретишь ничего,

достойного названия "цивилизация"? Доисторическое сельское хозяйство в деревнях, повальная безграмотность, пьянство, дикие суеверия, безобразные ритуалы, пародирующие (на взгляд европейца, довольно бездарно) строгие католические церемонии, однообразные и глуповатые песни про девушек и цветы, разрозненные полусказки-полупредания, которым не верят даже те старики, что по привычке их рассказывают молодым односельчанам. Агония культуры, утрата самобытности, жалкое эпигонство с мечтою хоть в чем-то походить на "старших братьев" из США.

И вот, среди всего этого хлама, мы вдруг завели речь о высоком, древнем, могущественном знании, способном, быть может, переменить человека так, как не переменили его ни Библия, ни Эйнштейн, ни трансцендентальная медитация. "Вы нашли бриллиант в навозной куче?" - посмеиваются высоколобые созидатели НТР, а восточные гуру недоуменно пожимают плечами.

Возможно. Как бы то ни было, народ дона Хуана - по сей день неразгаданная тайна, и судить об интеллигентности их культуры было бы, по меньшей мере, самонадеянно.

Антропологи знают о мексиканских народах немного, но даже в этих крупицах есть кое-что, заслуживающее размышления.

Во-первых, народы, считающие себя потомками "толтеков" (ацтеки, тацкоканцы, чолултеки, тлакскалтеки и др.), еще в начале XVI века были объединены узами хорошо развитого языка - _нагуатл_. "Толтеки" в представлении этих народов превратились в сообщество совершенных людей - мастеров всех искусств и наук. Сами слова "мастерство", "наивысшее достижение" в языке _нагуатл_ стало звучать как _толтекайотл_ ("толтектность"). Куда ушли толтеки и какова их историческая судьба - тайна, которая современной науке неведома. Но уцелевшие народы связывают с толтеками все собственные достижения - как в архитектуре, математике, астрономии, так и в религии, метафизике и философии. Эту этническую общность, считающую себя наследником толтеков, связанную единым и древним языком, сходством культурных традиций, а ныне рассеянную по обширным землям Северной Мексики, антропологи называют народами _нагуа_.

Никто из ученых не сомневается, что у народов нагуа существовала изумительная архитектура, искусство скульптуры, точная наука о времени, сложная религия и организованная торговля. Во многих отношениях их цивилизация ничем не уступала древнеегипетской, индийской или вавилонской. К сожалению, древних источников почти не сохранилось. Уже после конкисты первые монахи-исследователи обращались к _тламатиниме_ (ученым, хранителям традиционных знания _нагуа_) с вопросом: "Когда вы обратились к богам и стали считать их богами?" Ответ всегда звучал так: "Это было очень давно". То, что _тламатиниме_ имели в виду времена толтеков, доказывает их утверждение, будто _истинные_ боги - в _Туле_, _Гуапалкалко_, _Хучатлапане_, _Теотигуакане_ (древние города толтеков).

Антропологические тексты и исследования (в частности, "Анналы Куаутитлана" и сообщения информаторов Саагуна) всегда указывают, что самым глубоким и абстрактным рассуждениям относительно божества приписывается толтекское происхождение. Недаром древнейшие сказания народов нагуа обычно начинаются словами: "И толтеки знали..." Во всех текстах, где описывается образ и основные черты певцов, художников, ювелиров и т.д., о них всегда говорится, что они _толтеки_, что их творения - результат _толтекайотла_.

Нагуасские ученые _тламатиниме_ рассказывали о своих предках:

"_Толтеки были искусным народом,
все их произведения были хорошими, правильными,

все было хорошо сделано, все восхитительно.

Их дома были прекрасны,
дома с мозаичными инкрустациями из бирюзы,
изящно оштукатуренные, были чудесны.
Словом, толтекский дом -
это хорошо сделанное, во всех отношениях прекрасное
произведение...

Художники, скульпторы, резчики по камню,
мастера по изделиям из перьев, гончары, прядильщики,
ткачи, искусные во всем,
они совершали открытия и стали способными
отделывать зеленые камни, бирюзу.
Они знали бирюзу, ее рудники,
они нашли рудники и горы, где имелось серебро,
золото, медь, олово и лунный металл...

Эти толтеки действительно были учеными, могли
разговаривать с собственным сердцем... Они заставляли
звучать барабаны и бубны, были певцами, слагали песни,
распространяли их
и держали в своей памяти,
своим сердцем обожествляли
чудесные песни, которые они слагали_... "

("Textos de los informantes de Sahagun" (ed. facs. de Paso y Troncoso, vol. VIII, fol. 172 v. a 176 r.)

"Эти толтеки действительно были учеными... " Те искаженные фрагменты воззрений на мир, чудом сохранившиеся метафоры и обрывки философских диалогов, что дошли до нас через обедневшие сердца их покоренных и униженных потомков, демонстрируют подлинную глубину мысли и напряженную работу чувства. Они "могли разговаривать с собственным сердцем..." Ощущение _нереальности_ мира, постигаемое только через интеллектуальное восхождение к абстракции, к восприятию сквозь пелену категорий, концепций и схем (см. подраздел "Сны разума"), настигло толтеков много веков тому назад:

_Мы приходим только грезить, приходим только спать:
неправда, неправда,
что на землю мы приходим жить_...

("Ms. Cantares Mexicanos", fol. 17, r.)

Укоренившееся убеждение, заставляющее утверждать, что жизнь - это сон, содержится не только в песнях, собранных Саагуном, но и в моральных поучениях Гуэгуэтлатолли или в беседах старцев, хранящих древнее знание. Отрицание всякой основы и постоянства у всего, что существует в "этом мире", вызывает один из самых глубоких и насущных вопросов: есть ли какая-либо надежда на то, что человек, обладая более истинным бытием, сможет избавиться от фикции снов, от мира того, что уходит

навсегда? "Здесь лишь как сон,- повторяют певцы нагуа,- мы просыпаемся ото сна..." Поэтому направление поиска - выйти за пределы этого мира грез и постичь истинную науку о "том, что стоит над нами, что на той стороне".

Поэтический дифразизм как нельзя лучше выражает сущность этого Непознанного и Непостижимого - "ночь и ветер", невидимое и неосязаемое, как говорили _тламатиниме_.

Но как можно выразить нечто истинное относительно того, что находится по ту сторону всякого опыта? Ибо, несомненно, существует опасность, что все наши слова "будут земными" и не будет никакой возможности отнести их к "стоящему над нами, к потусторонности", потому что жизнь наша - всего лишь сон. В таком случае человеку останется в качестве утешения лишь "напиваться грибным вином", чтобы забыть, что "за один день мы уйдем и за одну ночь спустимся в область тайны... " ("Ms. Cantares Mexicanos", fol. 25, v.)

И еще _тламатиниме_ говорили, что выйти из сна мира можно, лишь создав в себе "настоящее лицо и настоящее сердце". Что это за особый путь, что за таинственная метафора? Когда же читаешь, что мир - это "зеркало, благодаря которому возникают вещи", как не вспомнить о "пузыре восприятия" и о том, что наш мир отражается на его стенках?

В целом мировоззренческий и философский подход ученых нагуа (т.е. наследников толтеков) к проблеме _истинности_ Вселенной и человека сильно отличается от обычного пути культуры через мифологию к религии и метафизике. Вместо того, чтобы создавать бесчисленное множество гипотез (как происходит обычно), они сначала поставили себе вопрос, противостоящий верованиям их религии: возможно ли "сказать истину на земле"? Ибо, придав своей мысли ясную внефизическую направленность, они поняли, что если на земле все гибнет, все является сном, то "здесь не то место, где находится истина". Поэтому представлялось необходимым идти дальше того, "что осязается, что видимо", за тем, "что нас превосходит, область мертвых и богов".

Цивилизация ацтеков, потерявшая загадочные толтекские пути к этим запредельным областям, но сохранившая смутные воспоминания о древних людях, ставших богоподобными в особых битвах и почитавших себя воинами, породила так называемую "военно-мистическую доктрину". Ацтеки считали себя "народом Солнца" - своего главного бога, часто изображаемого ими в виде Орла. (Вот они, обрывки толтекских сказаний, древних "видящих" - по дону Хуану!) Но вот странная деталь, которую мы постичь не можем: со времен толтеков мыслители испытывали серьезные опасения по поводу сохранности Вселенной в ее пространственно-временной форме, стремились противостоять ее разрушению и полагали себя в этом смысле сотрудниками богов. Таким образом возник лейтмотив ацтекской мысли: человек становится воином, чтобы спасти и сохранить свое Солнце, чтобы не позволить мирозданию рухнуть и прекратиться.

Эту доктрину мистического воина, объединив основные сказания, излагает знаменитый исследователь мексиканской культуры Касо Альфонсо:

"Молодой воин каждое утро рождается в утробе старой богини Земли и умирает каждый вечер, чтобы освещать своим угасающим светом мир мертвых. Но, рождаясь, бог должен вступить в борьбу со своими братьями - звездами и со своей сестрой - Луной, и, вооруженный огненной змеей - солнечным лучом, он каждый день обращает их в бегство, его победа означает для людей новый день жизни. После его победы души воинов, погибших в борьбе или на жертвенном камне, триумфально ведут его до середины неба, а когда начинается вечер, его подхватывают души женщин, погибших при родах, которые приравниваются к мужчине, потому что они погибли, забирая в плен человека, новорожденного... Это божественное сражение происходит каждый день; но для победы Солнца необходимо, чтобы оно было крепким и сильным, так как оно должно бороться

против многочисленных звезд... Поэтому человек должен питать Солнце, которое, будучи божеством, презирает грубую пищу людей и может питаться лишь самой жизнью, волшебной субстанцией, содержащейся в крови человека - Чалчиуатл (драгоценной жидкостью), этим ужасным нектаром, которым питаются боги.

Ацтеки, народ Гуитцилопочтли, этот народ, избранный Солнцем, ему поручено найти для него пищу, поэтому война для ацтеков - это форма культа и необходимая деятельность... " (Caso Alfonso, "La Religion de los Aztecas", pp. 10-11.) Воин, питающий своею "драгоценной жидкостью" (энергией осознания?) Солнце-Орла, чтобы существовала Вселенная... Если позабыли, прочтите еще раз книгу Кастанеды "Дар Орла" - вы найдете много сходного. Только система дона Хуана предлагает как раз спасение из круговорота жертв - свободу, которую Орел добровольно отдает воину, пришедшему к вершине своих достижений.

И никаких перерождении! Орел не знает такого бессмысленного круговращения "корма". Все философы нагуа в один голос твердят: есть только один опыт земной жизни, так как "я снова не могу посеять свою плоть ни в своей матери, ни в отце". Так что идея наказания в следующей жизни или в потустороннем мире не имела для нагуа никакого значения.

И последнее, что хотелось бы сказать о культуре наследников толтеков. В их образном языке для описания человека есть два ключевых слова - "лицо" и "сердце". "Лицо" в языке нагуатл обозначает сокровенное "я" каждого человека, его сущность, его основной характер или, выражаясь более современно, его эго. А "сердце" - это главный источник энергии, желания, действия. Но главная характеристика "сердца" - это движение, а в конечном счете, стремление к цели. Даже этимологически слова эти непосредственно связаны: и-олло-тл (сердце) - и-олли (движение). Кроме того, знак пятого Солнца, под которым (по календарю ацтеков) живет наш мир - тоже "движение". Стоит призадуматься, какой древний и глубокий смысл, связующий времена, взгляды и мифы, заключен в простой фразе дона Хуана: "Путь должен иметь сердце... "

2. Светящаяся сущность воина

Итак, человек, вступивший на путь дона Хуана, традиционно именуется "воином". Конечно, это не тот воин, что сражается с врагами во спасение своего Солнца-Орла; скорее, дон-хуановский "воин" в своих бескровных сражениях добивается от Орла особой милости - свободы: он не хочет быть "пищей", он стремится, сохранив всю целостность своей энергетической природы, странствовать в этом чудесном мире и вечно постигать его грандиозное великолепие.

Можно предположить, что "военно-мистическая доктрина" ацтеков явилась своего рода реакцией на "дезертирство" древних магов; возможно, им даже поставили в вину какие-то значительные катаклизмы в истории индейской цивилизации. Как бы то ни было, "воин" дона Хуана питает Орла совсем иными энергиями, чем их кровожадные наследники - ацтеки.

Практика данной традиции последовательно ведет ко все большему погружению адепта в нагуаль - Реальность вне всякой интерпретации, что позволяет произвольно выбирать для функционирования любые участки энергетического спектра бытия. Природа человека при этом подвергается решительной трансформации во всей целостности его существа.

Значит, нам вновь приходится поднять вопрос о целостности, ибо вне целостности никакие достижения (по дону Хуану) в счет не идут. Вновь нам придется вспомнить, как человеческий тональ за века и тысячелетия своего становления видоизменил восприятие

не только внешнего мира, но и самого человека - субъекта, личности, организма. То есть, нам придется говорить о ведущей идее сознания, которая то скрытно, то явно дает о себе знать во всех философиях, оккультных, религиозных, мистических доктринах, - о дихотомии тела и духа, Материи и Сознания, физического и психического.

Происхождение этой дихотомии очевидно, хотя и опирается более на догадки, чем на точно установленные наукой закономерности. Ясно, например, что некоторые ключевые идеи тоналя о физическом теле входят в противоречие с его же идеями о психике, или духовной жизни индивида. Даже непрерывность в психической сфере манифестирует себя иначе, допуская чередование принципиально отличных друг от друга состояний (сна и бодрствования, например). По всем основным параметрам (ожидаемость, повторяемость, пространственно-временная локализация) психические процессы ведут себя совершенно не так, как физические. Такие явления, как память, воображение, ассоциативность мышления и др., создают в интерпретации тоналя как бы принципиально иной космос, и естественно было ожидать, что он превратится в отдельную, оригинально структурированную область, если не оторванную, то, по крайней мере, удаленную от грубого движения материальности.

В начале миф, а затем религия превратили эту дуалистическую интерпретацию в закон, постулат, в кредо, "Этот мир" и "тот мир", мир тела и мир души - это практический фундамент большинства религий. В том же русле послушно следуют некоторые философы, значительная часть мистиков и духовных учителей. Дуализм тела и духа из умозрительной посылки давным-давно перешел в бытовое сознание всякого человека; и напротив, монистические идеи мировой философии, хотя и признаются верными, все же не осознаются нами как чувственная данность. Мы не спорим о них, но смотрим на предлагаемое положение как бы издалека, теоретически, словно это такое же туманное дело, как кривизна пространственно-временного континуума, в котором сами же и живем.

В оккультизме дихотомия тела и духа представляет серьезную проблему. Вплоть до революционного шага Шри Ауробиндо, декларировавшего телесную трансформацию существа под влиянием высших (психических) энергий, пропасть между телом и духом никто переступить не смел. Даже новое время не изменило этого древнего подхода к человеческой природе.

Меррел-Вольф уже в нашем веке пишет: "Кажется несомненным (!), что пока человек занимает тела, построенные из плотного материала этого плана, он может сознавать Трансцендентный мир лишь в сумеречном свете." (Ф. Меррел-Вольф. Пути в иные измерения. Киев: "София", 1993. С. 325.) И повсюду он подтверждает: тело (как инструмент) ограничено, отождествляясь с телом, мы впадаем в иллюзию, и только чистое "Я" свободно, безгранично, бессмертно. Иными словами, оставим прах праху, и пусть "ангелы унесут нашу бессмертную и бесплотную часть" к высотам духовного совершенства. Шри Ауробиндо очень ясно показал, к чему ведет подобная позиция, и представил ее как совершенно несостоятельную:

"Если мы утверждаем только чистый Дух и механическую, неразумную субстанцию, или энергию, называя одно Богом или Душой, а другое - Природой, то в конце концов неизбежно придем либо к отрицанию Бога, либо к бегству от Природы. Ибо тогда выбор для Жизни и Мысли делается необходимым: Мысль приходит к отрицанию одного в качестве иллюзии воображения, либо к отрицанию другого в качестве иллюзии чувств; Жизнь же приходит к сосредоточению на нематериальном, бежит от самой себя в отвращении, в забытьи экстаза, либо начинает отрицать собственное бессмертие, направившись прочь от Бога к животному состоянию. Пуруша и Пракрити - пассивная просветленная Душа и механическая, активная Энергия (у санкхьяиков) - не имеют ничего общего, как и противоположные аспекты инерции там же; их антиномии могут быть

разрешены только путем прекращения инертной, ведомой извне Активности в неизменном Покое, где безрезультатно рассеивается бесплодное шествие ее образов. Безмолвное, пассивное Я и его Майя, имеющая множество имен и форм, у Шанкары (основатель монистической философской школы в Индии - А. К.) - сущности, в равной степени коренным образом отличные друг от друга и непримиримые; их жесткий антагонизм может завершиться только растворением многообразной иллюзии в единственной Истине вечной Тишины" ("The Life Divine", Ch. II. Two negations.)

Вообще же можно сказать, что само представление о материи как о воплощенной инерции, о малоподвижном начале, механически детерминированном, трудно поддающемся трансформации и наделенном строго очерченным набором фундаментальных качеств, как раз и было составлено человеческим тоналем в смысле формально-логической оппозиции зыбкому царству психической жизни. Подстегиваемое биологическими потребностями хищника, внимание выбрало и зафиксировало те перцептивные данные о внешнем, что позволило тоналю создать образ биологического объекта - предмета охоты, вожделения, или сигнал об опасности. Включившись в подобную систему отношений, мы, разумеется, не имели ни малейшего основания исключать себя из биологии воспринимаемой среды.

Наше собственное тело так же инертно, так же не склонно к принципиальным трансформациям, в конечном счете, так же механистично, как и преследуемые нами формы окружающей жизни. Для духовного искателя, открывшего бесценное сокровище внетелесного бытия, собственный организм - в худшем случае тюрьма, в лучшем - строптивый инструмент, своим сопротивлением превращающий духовный праксис в каторгу. Религиозные институты возвели такое положение в догму, и Шри Ауробиндо, будучи яростным противником подобных взглядов, не мог не сказать об этом:

"Нам, безусловно, кажется, что тело изначально представляет собой величайшее затруднение для души, постоянный камень преткновения. Потому страстный искатель духовной реализации предает свое тело анафеме, и его неприятие этого мира оказывается предметом особого отвращения в первую очередь. Тело - это темная ноша, которую не вынести; неизбежная материальная плотскость становится для него каким-то наваждением, избавиться от которого можно только обратившись к аскетической жизни. В стремлении к такому освобождению он заходит настолько далеко, что отрицает существование собственного тела и реальность материальной вселенной. Большая часть религий наложила на Материю проклятие и превратила отречение от бренной физической плоти, усмирение ее, в критерий духовности и религиозной истины " (Ibid., Ch. XXIV. Matter.)

И тем не менее, испокон веков известно, что тело и психика вовлечены в тесные и многосторонние отношения. Поневоле кажется, что они нерасторжимы
- настолько согласованы и взаимозависимы их движения. Материалисты особо акцентировали этот факт, пытаясь саму идею души превратить в фикцию, свести к специфическому способу функционирования центральной нервной системы. Многие оккультные практики, начиная с йогов и гимнософистов, путем специальных воздействий на телесные функции вызывали желаемые ими состояния сознания, измененные режимы восприятия и т.п. В подобных же ситуациях часто наблюдали обратную связь: самоиндукция измененного состояния сознания порою решительным образом изменяла работу человеческого организма, начиная с вмешательств в гормональную его активность и заканчивая "стигматическими" эксцессами у фанатиков - вроде "язв Христовых" и др. подобных явлений. Самое простое и яркое доказательство безусловной связи физиологических процессов с высшими психическими проявлениями тысячелетия назад обнаружили индийские йоги: контролируя ритм, глубину и скорость своего дыхания, они

управляли тончайшими аспектами своих медитаций или другими процессами психических преобразований.

Ортодоксальная религиозность без особых симпатий относится к монистическому взгляду на природу, принятую философами. И дело здесь вовсе не в самой идее единства, признание которой неизбежно, если мы считаем, что Бог творил мир из Самого Себя. В рамках институированной религиозности монизм заводит слишком далеко, он как бы "снимает" пропасть, разделяющую Творца и творение, что само по себе уже исключает ту форму поклонения и богобоязненности, которую религия ради своего существования обязана провозглашать и культивировать. Ибо, если мы последовательно придерживаемся монистического взгляда на Реальность, "общение" с Божеством (которое религией допустимо, хотя и требует соблюдения почтительной дистанции) неминуемо перерастает в "слияние" с Ним. (И недаром исламский мистик Аль-Халладж был казнен в X веке за то, что в экстазе сказал "я есмь истинный", т.е. Бог.) Мы вновь прибегнем к мысли великого индийского философа Шри Ауробиндо, который ясно формулирует ту же проблему и находит для нее разрешение в индо-буддистской традиции:

"При обычном расположении жизненной активности индивидуум считает себя отдельным существом, включенным во вселенную, а также считает себя и вселенную зависимыми от того, что по отношению к ним запредельно. Именно эту Запредельность мы сейчас именуем Богом, который таким образом становится в нашем представлении не столько супракосмическим, сколько экстракосмическим. Умаление и принижение того и другого - личности и вселенной - оказывается естественным следствием такого разделения: растворение космоса и индивидуума при достижении Запредельного должно логически стать их наивысшим итогом.

Целостный взгляд на единство Брахмана устраняет такие последствия. Так же, как нам нет необходимости отказываться от телесной жизни, чтобы достичь жизни умственной и духовной, мы вполне можем прийти к точке зрения, где сохранение индивидуальной активности более не является несовместимым с нашим восприятием космического сознания или с нашим достижением трансцендентного и супракосмического. Поскольку Мировое Запредельное охватывает вселенную, едино с нею и не исключает ее, равно, как и вселенная охватывает личность, едина с нею и не исключает ее. Личность - это центр всего универсального сознания; вселенная же есть форма и выражение, содержанием которых является непрерывная имманентность Бесформенного и Невыразимого. " (Ibid., pp. 36-37)

Итак, "Мировое Запредельное охватывает вселенную, единое нею и не исключает ее, равно, как и вселенная охватывает личность, едина с нею и не исключает ее." Эта мысль, казалось бы, очевидная и лежащая на поверхности всякого подлинного мистицизма, в индийских условиях начала XX века не пользовалась особенной популярностью. В ней чувствовался дух позабытой свободы, где вся "жизненная целостность" человека полноправно соучаствовала в Реальности через интуицию единой космической силы жизни. Такую традицию (теперь уже, скорее, архаичную для Востока) долгое время хранили китайские даосы.

Даосский мудрец равно "заботится о теле, оберегает дух"; у него "крепкое тело, ясный ум, чуткий слух и зоркое зрение". Речь идет о гармонии, проявляющейся в саморегуляции организма и динамическом взаимодействии его жизненных циклов и функций; гармонии принципиально неформализуемой, допускающей всевозможные порядки и, более того, находящей завершение в творческом беспорядке. В мудреце у Чжуан-Цзы (как пишет В. Малявин) нет ничего от бездушной механической упорядоченности. Напротив, у него "силы инь и ян спутаны, а сердце невозмутимо-покойно". Сложность проблемы взаимоотношения духовного и телесного состоит в том, что мы не можем ни отождествить себя с телом или духом, ни противопоставить себя тому или другому в отдельности. Мы

не можем логически определить соотношение того и другого в той же мере, в какой мы не можем сделать и предметом рефлексии самих себя как конкретную целостность. Развитие нашего самосознания неизбежно сопровождается выталкиванием тела в орбиту физического мира, но эта тенденция ведет к фактической самоликвидации нашего "я". Очерчивающая границы самосознания сфера интроспекции служит неизбывным источником пессимизма. Преодолению такого пессимизма и служит философская декларация Шри Ауробиндо - эта действительно достойная уважения попытка в рамках индо-буддистского монизма синтезировать тело и дух, предназначив им общее "божественное" будущее:

"Но мы должны достичь наивысшего, продолжая участвовать в космической протяженности. Брахман всегда сохраняет Свои два проявления - свободу внутри и творение вовне, свободу выражения и свободу от этого выражения. И мы, будучи Тем, можем достичь такого же божественного овладения собой. Гармония этих двух начал - условие для всякой жизни, стремящейся стать подлинно божественной. Свобода, достигаемая с помощью исключения выходящего за рамки факта, ведет через отрицание к неприятию того, что считается Богом. Активность, достигаемая через поглощенность действием, энергией, ведет к утверждению примитивного и к отрицанию Высшего. Но если Бог сочетает и синтезирует, отчего человек должен настаивать на разделении? Быть таким же совершенным, как Он,- вот условие Его целостного достижения. " (Ibid., p. 40.)

Мировой оккультизм накопил достаточно опыта и в разработке иных, менее "революционных" путей в работе с телом и духом. Тем более, что переживания "астральных" путешествий вне тела должны были найти свои "строгие" метафизические объяснения. Например, американский оккультист Эдвард Пич (Офиель) в своей книге "Астральная проекция" для начинающих поясняет просто: "Итак, будем считать, что Вы - исследователь оккультизма, который изучал эти вопросы некоторое время и который должен был узнать, что человек - это нечто большее, чем просто физическое тело и "нечто" другое, называемое душой. Вы должны были узнать, или, по крайней мере, слышали, что человек состоит из ряда "вещей", называемых "телами". Физическое тело, эфирное тело, астральное тело (высшее астральное тело и низшее астральное тело), ментальное тело и каузальное тело. И, возможно, из других "вещей" тоже. " (Цит. изд., сс. 26-27.)

Как видите, пытаясь разумно объяснить разнообразие переживаний в иных режимах восприятия оккультисты с самого начала "разрывают" человеческую природу на несколько областей, расположенных, как всегда, иерархически, и, как всегда, по отношению к Абсолюту (Богу, Демиургу и т.п.)

"Вы, как человек, обладаете несколькими телами, посредством которых и в которых Вы функционируете всю свою физическую жизнь. Каждое из этих тел имеет соответствующий ему "план" (?), через который оно получает то, что составляет Вашу жизнь на этом физическом плане. Поэтому Вы не являетесь незнакомцем для этих тел и для этих планов! Утверждается, что во время сна Вы всегда покидали физическое тело, делали много разных вещей и отправлялись во много разных мест. " (Там же, сс. 17-18.)

Таким образом, перед нами предстает строгая картина оккультного мироздания, где все уже готово для странствий человеческого сознания - построены планы, тела и т.п. Научиться осталось немногому. "Вы будете учиться проецировать свое сознание в имеющееся у вас тело, которое соответствует телу того плана, на который вы хотите отправиться. " (Там же, с. 18.) Ниже следует подробное описание каждого из существующих (выше физического) планов, что создаст обусловленность, рамки, шаблоны для восприятия не хуже, чем это делает тональ в ординарном состоянии сознания. И здесь

работа тоналя (как всегда) совершенно, всесторонне и плотно закрывает сознание от Реальности.

"Первый из этих планов, ближайший к плану физическому, это эфирный план. Следующий план, который находится немного дальше от физического, хотя и близок к нему, это низший астральный план. Следующий план, по мере удаления от физического, высший астральный. Существуют, конечно, еще более высокие планы, чем эти, но на этих высших планах все формы начинают "утоньшаться", так что там просто не во что проецироваться. Эти высшие планы и соответствующие им Ваши высшие тела в действительности являются ничем иным, как абстрактными принципами (_Курсив_ мой - А. К.), Вы являетесь ими. Тем не менее, с ними можно контактировать, но это другое, более высокое исследование, о котором можно прочитать в последней главе." (Там же, с. 18.)

Тут мы уже подбираемся к "ангелам", "высшим властям", "стихиям", которые в магическом содружестве и сотворили всю эту громадину для воспитания и просветления человека.

Наш антропоцентризм не желает сдавать позиций даже у самого океана Непостижимого. Как автор предлагаемого исследования, я не могу проигнорировать господствующие воззрения современных оккультистов на "астральные проекции", но лично меня они нисколько не убеждают - свою философскую позицию я уже высказал в первых главах этой книги. Если читателю любопытны классификации Офиеля и ему подобных, что вполне естественно, и если он последует им, то лучше изначально отдавать себе отчет: все его переживания и восприятия будут нести на себе весомый "отпечаток" тоналя и не будут иметь никакого отношения к свободной практике дона Хуана.

В системе дона Хуана конкретная "жизненная целостность" природы человека проявляется незамедлительно, стоит ему столкнуться со второй частью себя, со второй частые "истинной пары" - нагуалем. Ибо здесь, как в Реальности подлинной, неразложимой и неопредмеченной, тело, подобно всякому объекту, неоспоримому только для "описания", для инвентаризационного списка тоналя, превращается в энергетическую форму - совокупность полей, пересекаемых иными полями, нигде и ничем не отделенную от всепроникающих потоков единой ткани бытия.

Когда тональ сталкивается с собственным телом в нагуале, оно для интерпретации так же непостижимо, как любая органическая и неорганическая форма, как любая структура, движущаяся в общем движении и сохраняющая свою относительную непрерывность, нисколько не сообразуясь при этом с законами самого тоналя. "Ты - пучок," - говорит дон Хуан. "Текучее существо", "движущийся центр восприятия" - вот и все, что можно сказать. Не душа, оторвавшаяся от неповоротливого материального агрегата, чтобы воспарить бог знает куда, не "тонкое тело", не "астральный двойник" и не Пуруша, растождествившийся с Природой! Вся твоя "жизненная целостность", до последней клеточки, до последнего волоска играет в жуткую игру с нагуалем. Всякое движение энергетики внутри нас - это шаг, совершаемый целостной структурой; иногда он незаметен тональному зрению, иногда охватывает только те области, что лежат за порогом обычного восприятия, но его эффекты всегда распространяют свои последствия на целое существо.

"Тело - это первое внимание,- объясняет Ла Горда, ученица дона Хуана,
- внимание тоналя. Когда оно становится вторым вниманием, оно просто входит в другой мир...

<...> Ла Горда сказала, что в своем путешествии между тоналем и нагуалем я подтвердил возможность того, что все наше существо становится целиком вторым вниманием в большом масштабе. В значительно меньших масштабах это происходило,

когда я сегодня довел их до затерянности в мире второго внимания, а также когда она транспортировала нас на полмили, чтобы удрать от союзников." (V, 603)

Получив доступ к энергетическим составляющим нашего "тела" ("светящегося существа", как называл его дон Хуан), мы просто снимаем саму проблему разделенности материи и сознания. Внимание (т.е. способность резонировать с избранным потоком энергии) движет не "душой", не "сознанием" - оно движет той неразрывной целокупностью, которой являемся мы. Возможно, как раз о такой "трансформации" страстно мечтал Шри Ауробиндо, но не нашел практического способа ее достижения в ориенталистской модели мира.

Вот разъяснение дона Хуана, последовавшее за "сверхъестественными" прыжками в пропасть Карлоса Кастанеды:

"Где находилось мое тело, когда все это происходило со мной? - выпалил я, и он схватятся за живот от смеха.

- И это последний трюк мага,- сказал оу. -...До этого момента твой разум готов был принять идею, что мир не соответствует обычное описанию, и что в мире есть намного больше, чем способен увидеть глаз. Разум почти хочет и готов признать, что твое восприятие действительно скакало вверх и вниз по тому утесу. И какая-то часть тебя или даже весь ты прыгал на дно ущелья и осматривал глазами тоналя то, что там находится... В тот миг ты не только видел, но и знал все о дубле, о другом.

<...> Секрет дубля в пузыре восприятия, который той ночью у тебя был одновременно и на вершине скалы и на дне ущелья, - сказал он. - Пучок чувств можно воспринимать здесь и там одновременно.

<...> Прошлой ночью ты испытал невыразимое - _нагуаль_. Твой разум не может бороться с физическим знанием о тебе как безымянном пучке ощущений. В этой точке твой разум даже может признать, что есть другой центр - _воля_, которым можно судить, или оценивать, или использовать необычные эффекты нагуаля. Наконец-то твоему разуму стало ясно, что _нагуаль_ можно отражать через _волю_, хотя объяснить его нельзя никогда.

Но затем приходит твой вопрос: "Где я находился, когда все это происходило? Где было мое тело?" Убеждение, что есть реальный "ты" - следствие того, что ты перекатил все, что у тебя было, поближе к разуму. В данный момент твой разум признает, что _нагуаль_ невыразим не потому, что его в этом убедили доказательства, но потому, что для него безопаснее признать это. Твой разум на безопасной почве, все элементы тоналя на его стороне." (IV, 278-280)

Таковы законы нагуаля: если у вас нет тела, то нечего и беспокоиться о том, как вы можете одновременно воспринимать из двух перцептивных центров одновременно. Вы ведь уже не пользуетесь глазами, не так ли? Глаза остались в мире тоналя, да и то лишь в качестве воспоминания. Ведь если ты в нагуале - ты целиком нагуаль.

Как же мы выглядим на самом деле? Если руки, ноги, туловище и голова - только предметы инвентаризационного списка тоналя? то какими мы предстаем перед безличным взором Реальности, не знающей ничего человеческого?

"Люди выглядят иначе, когда их _видишь_. Дымок поможет тебе увидеть их как волокна света.

- Волокна света?

- Да, похожие на белую паутину. Очень тонкие. Они тянутся от головы к пупку, и человек похож на яйцо из текучих волокон: руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.

- И так выглядит каждый?

- Каждый. Кроме того, любой человек постоянно находится в контакте со всем остальным миром. Правда, связь эта осуществляется не через руки, а с помощью пучка длинных волокон, исходящих из середины живота. Этими волокнами человек соединен со всем в мире, благодаря им он сохраняет равновесие, они придают ему устойчивость. Так что и ты сам это когда-нибудь _увидишь_, человек - это светящееся яйцо, будь он нищий или король... " (II, 195)

Кастанеда в своем интервью _Psychology Today_ говорит об этом весьма определенно: "В магии все тело в целом используется как восприниматель. Как европейцы, мы видим мир где-то вовне... Наши глаза питают наш разум, так что мы не имеем прямого знания вещей. Согласно магии, эта нагрузка на глаза не нужна - мы познаем всем телом целиком..."

Таким образом, физическая целостность человека приобретает в нагуале свою подлинную, хотя довольно удивительную для нас форму. Маги изобрели для этой структуры целый ряд названий, каждое из которых, разумеется, мало отражает сложную переплетенность силовых полей, признаваемую в тонале собственным телом: "кокон", "светящееся существо", "энергетическое тело" и т.п.

С точки зрения современной физики _материя_ - явление довольно странное, и чем более наука погружается в уточнение, детализацию, структурность субстанции, тем причудливей вырисовываются онтологические лабиринты, тем призрачней соразмерность представлений, а идеальная обертка, в которую упаковываются мыслимые конструкты, светится таким преувеличенно абстрактным светом, что вся эта микромеханика бытия просто непредставима, неуловима никакими аналогиями _тоналя_ - неосязаема, туманна, и практически иррациональна.

Позвольте напомнить вам то, что известно всякому интеллигентному читателю: тела во вселенной (в том числе и наше собственное тело) _состоят из "дыр"_. Никакой компактности материальный субстрат не знает. Бесчисленное решетообразное нечто, сплошное зияние "пустот", в котором редкими пылинками снуют вихреподобные частички - вот и все, что на деле содержит устойчивая, плотная, осязаемая "объективность". При сравнении расстояний между ядром атома и электронным облаком, его окружающим, выплывают астрономические пропорции; между ними - огромные "залежи" чистого пространства, где и следа не сыщешь никакой материи. А далеко ли отстоят друг от друга атомные системы? Уверяю вас, это сравнимо с дистанциями между звездными скоплениями в галактических просторах. И все это - внутри компактного объекта, даже самого тривиального, куска базальта или древесно-стружечной плитки, в стакане воды или в медной статуэтке на вашем столе.

Каким же образом эти "дырявые" до безобразия формы упрямо сталкиваются друг с другом, не желая свободно протекать сквозь, подобно двум пересекающимся световым лучам? Физики объяснят вам подробно. Мы же, оставаясь в общем-то дилетантами в области уравнений и исчислений, укажем только на главное: все эти ничтожные пылинки связаны между собой _полем_. Точнее, полями - ядерных взаимодействий, атомных взаимодействий, молекулярных и т.п. Эта пористая, дырявая громадина словно бы невидимым клеем держится вместе совокупностью малопостигаемых и трудновообразимых полей. Не думаю, что будет слишком большим преувеличением, если мы скажем, что человек (да и всякое материальное тело, "вещь" мира) есть многосложная полевая структура, и именно от поведения этих самых полей зависит вся совокупность его физических, осязаемых характеристик.

Если же мы по простоте душевной попробуем понять, что же есть такое поле в реальном мире, то, скорее всего, обнаружим, что оно представляет собой _пространство_, наделенное специальными (в каждом случае) характеристиками. Все мироздание - это

огромное поле, а поле всегда есть потенциальная форма, ибо те же призрачные частички материальности порождаемы полем и растворяемы им. Как пишет доктор физико-математических наук В. Барашенков: "Пары частиц плюс- и минус-вещества могут рождаться вообще из ничего - из чистого вакуума... Они могут рождаться в любой точке пространства и, саморазгоняясь, разлетаться по всем направлениям, а законы сохранения этого просто "не заметят"... Из собственного опыта мы знаем, что если на тело действует сила, значит, где-то есть ее материальный источник - другое тело или "облако" плавающего в пространстве энергетического поля. Самопроизвольных, "возникающих из ничего" сил не бывает. И вот оказывается, что это верно далеко не всегда. Бывают случаи, когда силы возникают прямо из пустоты - само пустое пространство воздействует на погруженные в него тела. Этот неожиданный вывод вытекал из расчетов, которые Казимир выполнил, изучая энергию квантовых флуктуаций в промежутке между параллельными пластинами." Впрочем, оставим физику физикам. Тем более, что ее выводы нисколько не опровергают учение дона Хуана о "светящемся теле" воина. Совокупность полей, законы взаимодействия которых нам не ясны, силы, возникающие в полях, природа которых выясняется

- вот наше естественнонаучное обоснование. Шаткий фундамент, на котором держится мир объектов и мы с вами - такие призрачные, неопределенные, "текучие" (по словам дона Хуана). Это близко к Реальности - здесь уже слышен неумолкающий гул _нагуаля_, с которым мы не знаем, как обращаться, потому что не имеем инструментов, кроме собственного _внимания и восприятия_.

По дону Хуану, светящееся тело воина может, например, двоиться - а почему бы нет? "Могу сказать тебе только, что дубль, хоть к нему и приходят через _сновидение_, реален настолько, насколько это возможно." (IV, 61) _Дубль_ может совершать поступки и действует при этом от себя, так как "энергетический кокон" сохраняет свою целостность даже в таких необычных условиях.

"Насколько я знаю, дубль - это осознание нашего состояния как светящихся существ. Хенаро как дубль может делать все, что угодно, и тем не менее он предпочитает быть ненавязчивым и мягким." (IV, 62)

Цитированный выше Эдвард Пич (Офиель) по-своему (в традиции европейского оккультизма) трактует такое явление, как дубль:

"Существует вид магии, позволяющий человеку добиться контроля над своим эфирным телом и с его помощью делать много странных и могущественных вещей на физическом плане. В определенные часы суток можно так "уплотнить" эфирное тело, что окружающие будут видеть и ощущать его. В древнем Египте этот вид магии был развит до большой степени. У них был широко распространенный символ для эфирного двойника или Ка, как они его называли." (Цит. изд., с. 20.)

Метаморфозы энергетического тела мага удивительны и беспредельны, они зависят только от степени его мастерства в овладении _вниманием_ и _восприятием_. При этом он привлекает значительную энергию, об источнике которой мы еще будем говорить достаточно подробно. Дубль может развить каждый, кто идет по "пути воина", т.е. следует рекомендуемой дисциплине, которую последовательно описывает дон Хуан.

"Дубль - это сам маг, развившийся через свои _сновидения_, объяснил дон Хуан. - Дубль для мага - это действие силы, но лишь _сказка о силе_ - для тебя. В случае с Хенаро его дубль неотличим от оригинала. Он воин, и его безупречность выше всяких похвал. Поэтому сам ты никогда не замечал разницы. Но за те годы, что ты его знаешь, ты встречался с оригиналом Хенаро только дважды. Все остальное время ты был с его дублем." (IV, 48)

Еще одной метаморфозой своего энергетического тела занимались дон Хуан и его последователи. Свобода манипуляции силовыми потоками, составляющими "светящийся кокон" воина, поневоле соблазняет придавать ему произвольные и экзотические формы. Такие игры в "превращения" совсем не предназначены развлекать или будоражить воображение. Можно отметить, что определенная форма "кокона" _практически_ более приспособлена для совершения тех или иных действий в мире нагуаля. Через особую практику _сновидения_ (см. ниже) маг открывал для себя возможность видоизменять структуру собственных энергетических полей именно так, как этого требовала поставленная задача (изучение скрытых аспектов Реальности), чтобы двигать свою "странную" науку дальше. Здесь нет ни малейшего намека на религиозный пиетет, на поиски некоей "точки Омега". поскольку только практическое исследование, а не "умственная" идея может привести к _реальному_ постижению закономерностей бытия. Например, однажды дон Хуан, вспоминая долгую историю своей традиции, собрал учеников и сказал, "что собирается рассказать... о том, каким образом древние видящие пришли к формированию _тела сновидения_, и что они с ним делали.

- Древние видящие стремились получить совершенно точную копию тела, продолжил он. - И это им почти удалось. Единственным, что им так и не удалось воспроизвести, были глаза. Вместо глаз у _тела сновидения_ было просто свечение осознания. Когда раньше Хенаро показывал тебе свое тело осознания, ты об этом не догадывался.

Новых видящих воссоздание точной копии тела интересует мало. фактически, копирование тела их не интересует вообще. Однако название "тело сновидения" они сохранили. Так они называют чувство, сгусток энергии, который сдвигом точки сборки может быть направлен в любое место этого мира или любое место какого угодно из семи миров, доступных человеку.

Затем дон Хуан в общих чертах описал методику достижения "тела сновидения". Все начинается с исходного действия, которое, будучи повторяемым с непреклонностью, порождает несгибаемое намерение. _Несгибаемое намерение_ приводит к внутреннему безмолвию, а то, в свою очередь, генерирует внутреннюю силу, необходимую для сдвига точки сборки в нужные позиции во время сна.

Эту последовательность дон Хуан назвал фундаментом. Когда работа над фундаментом завершена, наступает очередь контроля. Его развивают посредством систематического сохранения _позиции сновидения_. Для этого используется практика упорного удержания картины сна. Благодаря настойчивой практике появляется способность свободно сохранять новые позиции сновидения, пользуясь для этого новыми снами." (VII, 413) Тех же, кто опасается за свое психическое здоровье, хочу лишь предупредить: необходимая для подобных опытов энергия достигается интенсивнейшей практикой самоконтроля, исключающего всякое "безумие": "Без уравновешенности точка сборки перемещается хаотично, что соответствует хаосу, царящему в наших обычных снах. Таким образом, в конечном счете _тело сновидения_ достигается безупречностью нашей обычной жизни." (VII,
414)

3. "Щиты" внимания

Мы приблизились к исключительно важному моменту в учении дона Хуана. Впрочем, проблема, встающая здесь перед нами, имеет гораздо более широкий характер и непосредственным образом касается природы человеческого существа вообще, его судьбы м роли в космических масштабах, его оригинальной и неповторимой сущности, делающей человека уникальным явлением во вселенной. Мы будем говорить о природе и функции

внимания - тончайшего, но основополагающего процесса во всей психической организации личности.

Достаточно сказать, что _внимание_ - это ключ к восприятию Реальности. Для человека оно является сложнейшим продуктом - результирующей функцией всего психологического комплекса индивида. До сих пор мы очень подробно говорили о различных типах отношения к Реальности и способах интерпретации ее, потому что именно здесь, в работе со _вниманием_, познавательные, эмоционально-оценочные и иные установки могут сыграть решающую роль. Мы даже позволим себе заявить, что _все своеобразие, весь ошеломляющий эффект учения дона Хуана, а значит, и исключительное его значение в истории человеческой самореализации, в конце концов, может быть сведен именно к предложенным им познавательным (перцептивным) установкам_.

Ибо _установка_ "настраивает" _внимание_, а _внимание_ есть основной инструмент, при помощи которого воин постигает Реальность и защищается от ее разрушительного воздействия. И тем более удивительно (а впрочем, может быть, как раз неудивительно), что _внимание_ как психический феномен был и остается одним из самых "темных мест" в психологии. Что современная психология может сказать о _внимании_? "Характеристика психической деятельности, выражающаяся в сосредоточенности и в направленности сознания на определенный объект. Под направленностью сознания понимается избирательный характер психической деятельности, осуществление выбора данного объекта из некоторого поля возможных объектов." А так как нас интересует, безусловно, внимание _произвольное_, то в круге проблем неминуемо оказывается проблема _воли_. "Если выбор производится сознательно, преднамеренно, то внимание является произвольным, или активным. _Произвольное внимание является актом воли_ (_Курсив_ мой - А.
К.), оно присуще только человеку." (Цит. по: Философский энциклопедический словарь. М., 1983.) Что же касается _воли_, то здесь дела обстоят еще хуже. "Воля, способность к выбору, цель деятельности и внутренние усилия, необходимые для ее осуществления. _Воля - специфический акт, не сводимый к сознанию и деятельности как таковой_." (Там же. _Курсив_ мой - А. К.) Час от часу не легче! В простеньких пособиях по основам психологии от определения _внимания_ вообще отмахиваются: "Избирательный, направленный характер психической деятельности называется вниманием." (Основы общей и медицинской психологии. К., 1984.) Иными словами, внимание - это внимание, и точка. Что же касается генезиса произвольного внимания, то мы с признательностью узнаем, что "изучается фило- и онтогенез произвольных (происходящих из воли) действий и высших психических функций (произвольного восприятия, запоминания и т.д.). В процессе развития психики ребенка первоначально непроизвольные процессы восприятия, памяти и т.д. приобретают произвольный характер, становясь саморегулируемыми." (ФЭС, статья _Воля_.) Вас не взволновали эти сухие академические фразы? А зря. Ведь речь идет о подлинной _тайне_ человеческого рода, обо всем, что именно составляет _сущность_ человека - хотите онтологическую, хотите социальную, хотите - магическую, или экзистенциальную. При изучении поведения _внимания_ выясняюсь немногое, но это немногое для нас имеет исключительную важность. Из отечественных ученых здесь больше всех сделал
Д. Н. Узнадзе, предложив известную ныне "теорию установки". "Предполагается, что в психической структуре готовности к действию (т.е. _установки_ - А. К.) можно выделить иерархическую систему предрасположенностей (диспозиций) на разных уровнях регуляции поведения в виде: неосознаваемых простейших установок относительно простейших ситуаций и объектов; более сложных социальных установок, регулирующих социальные поступки; ценностных ориентаций личности, являющихся продуктом

взаимодействия высших социальных потребностей и условий и опосредующих целостные программы социального поведения в различных сферах деятельности." (См.: Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.,
1966.).

Как видите, внимание (определяющее, между прочим, перцептивную картину мира в сознании личности) "работает" (т.е. движется, переключается, концентрируется под давлением огромного механизма тоналя, ибо все описанное выше относится к фундаментальным характеристикам мира _тоналя_.

Наука практически ничего не знает о том, как это выглядит с_энергетической_ точки зрения. Правда, давно известно, что при активном вовлечении внимания в процесс мышления (разрешения мыслительной задачи, например) резко возрастает электросопротивление кожного покрова. То есть, процесс энергообмена организма со средой "угасает", существо в большей, чем обычно степени "изолируется" от внешнего, так как, судя по всему, в этот момент особо нуждается в сохранении энергостазиса. Особенно ярко это проявляется в экспериментальных ситуациях, где испытуемые тестируются на адаптивность к измененным условиям "описания мира" - когда вводится некий элемент "странности", "чужеродности" или парадоксальности. Дон Хуан сказал бы, что _тональ_ тратит энергию на создание защитной оболочки, чтобы "описание мира" не рухнуло - ведь позади него устрашающий и гибельный вихрь _нагуаля_.

Мы еще будем говорить о том, почему дон Хуан так часто называет _внимание_ "щитом" воина. Сейчас же нам важно отметить одну особенность воздействия _тоналя_ на работу внимания - _тональное внимание_ тем эффективнее, чем более узкую площадь перцептивного поля ему предлагают. Вспомните еще раз тот особый способ ходьбы, который дон Хуан предложил Кастанеде для остановки внутреннего диалога. Главный фокус этого приема в том, что _внимание_ получает инструкцию расширить свое поле до границ 180-градусного обзора. Заметьте: это не связано с движением глаз - вам не нужно перебегать с максимальной скоростью от одного объекта к другому при созерцании представленного ландшафта. Кое-кто наивно полагает (и я встречал таких), что речь идет о предельном разведении глазных осей и вообще как-то связано с мышечным аппаратом глазного яблока. Увы, дело обстоит несколько сложнее. _Расфокусировка внимания_ (а не зрения!) - вот предмет дон-хуановских упражнений. Здесь _внимание_ используется воином не как "щит" перед лицом Реальности, а уж, скорее, как "меч", разрубающий оковы _тоналя_. В специальной статье В. Я. Романова "Перцептивное внимание и иллюзии восприятия" (Сб. "Психическая саморегуляция - 3", М., 1983) автор очень кратко информирует нас о результатах экспериментальных исследований в этой области. В частности, он замечает: "Наконец, стойкий иллюзорный эффект достигается при инструкции настроить внимание на всю площадь объекта." Что же означает в данном случае возникновение перцептивных иллюзий? Энтузиаст уже готов воскликнуть: да что вы, никакие это не иллюзии! Знаки и образы Непостижимого рвутся к нам сквозь пелену повседневности! Экстрасенсорные сигналы с глубоким, но недоступным пока для нас содержанием!.. Боюсь, что это все же _иллюзии_, обычные искажения восприятия, и конкретика их (даже когда впечатляет) вполне "внутренняя", собственного изготовления. Иными словами, кривое зеркало тоналя передразнивает само себя. Важно совсем другое: тональ - этот великолепный _делатель_ - наконец-то начинает совершать ошибки! Его "описание мира" уже не безупречно, оно колеблется, оно имеет "слабое место", а значит, его можно заставить капитулировать.

Энергетика мозга в этом любопытном состоянии, видимо, представляет собою парадоксальную "кризисную" картину. Общее возбуждение значительного числа нейронов в едином комплексе перцептуального аппарата тут оказывается совершенно

бессмысленным, так как не ведет к локализации сигнала, его вычленению, обработке и т.д. Подобное возбуждение естественным образом ведет к такому же бессмысленному торможению - причем, в первую очередь тормозятся как раз те нейронные структуры, что отвечают за "поиск" сигнала. На какое-то время "луч внимания" освобождается от перцептивных стереотипов тоналя, и вот тут - если повезет! - в его сфере может оказаться сенсорный сигнал, тоналю принципиально недоступный. Используя его как "крючок", "зацепку", можно переключить внимание в неизвестный до сих пор режим функционирования - то, что дон Хуан называет _вторым вниманием_, вниманием _нагуаля_. В начале это всегда случай, шанс, удача. Одному повезет через неделю, другому - через десять лет. Никто не знает, как это бывает. Внимание и Реальность - две великие тайны - встречаются друг с другом непредсказуемым и неожиданным образом. Нам придется поверить на слово дону Хуану, который описывает процесс человеческого _внимания_, "увиденный" без докучливых интерпретаций _тоналя_.

"Как _видящие_ описывают внимание?

- Они говорят, что внимание - это упорядоченное и усиленное процессом жизни осознание,- ответил он. <...> Внимание - величайшее и, по сути, единственное достижение человека. Исходное осознание животного уровня трансформируется до состояния, охватывающего всю гамму человеческих проявлений. А _видящие_ совершенствуют его еще больше - до тех пор, пока оно не охватит объем человеческих возможностей.

<...> Примером человеческого проявления может служить наш выбор, сообразно которому мы считаем человеческое тело материальным объектом, подобным множеству прочих материальных объектов. А пример одной из человеческих возможностей - достижение _видящих_, благодаря которому они воспринимают человека как яйцеобразное светящееся существо. Тело как материальный объект относится к сфере известного. Воспринимая тело как светящееся яйцо, мы имеем дело со сферой неизвестного. Человеческие возможности, таким образом, поистине неисчерпаемы.

- Видящие считают, что существует три типа внимания, продолжал дон Хуан. - Ты понимаешь, конечно, что речь идет только о человеческих существах, а не о живых существах вообще. Но это не просто типы внимания. Это, скорее, три уровня достижения, три уровня развития. Их называют первым, вторым и третьим вниманием. И каждое из них являет собою совершенно независимую самодостаточную область.

Первое внимание человека - это животное осознание, которое в процессе накопления жизненного опыта развилось в замысловатое, многоплановое и исключительно хрупкое образование, функция которого - иметь дело со всем, что существует в нашем обычном мире повседневной жизни. Иначе говоря, все, о чем можно думать, относится к сфере функционирования первого внимания.

<...>... изучать то, каким видящий _видит_ первое внимание, довольно важно. Это дает первому вниманию ученика уникальную возможность - понять принципы и механизмы своего собственного функционирования.

- Так вот, видящий _видит_ первое внимание как светимость осознания, развитую до состояния сверхинтенсивного излучения, - продолжал дон Хуан. - Но эта часть светимости зафиксирована, тек сказать, на поверхности кокона. Это светимость, покрывающая зону известного.

А теперь поговорим о втором внимании, которое является более сложным и специфическим состоянием светимости осознания. Второе внимание относится к сфере неизвестного. Оно начинает работать, когда задействуются эманации внутри человеческого кокона, которые обычно не используются.

<...>Еще дон Хуан сказал, что второе внимание также называют левосторонним осознанием, и что это - огромнейшая область. Фактически эта область кажется беспредельной, настолько она огромна. " (VII, 317-320)

По сути дела, наше _первое внимание_ есть непосредственная и всеохватывающая проекция человеческой личности, эго, где безраздельно царит разум как веками отшлифованный механизм, готовый интерпретировать и упорядочивать все, поступающее извне. Именно здесь производятся все эти "установки", "сценарии", "целеобразование" и подчиняющие перцепцию мотивы, эмоции, и многообразные продукты _мышления_. В самом широком понимании _разум_ - это не только аппарат для интеллектуальных операций, умозаключений, постижения закономерностей и т.д.; _разум_ - это опора _внимания_, фундамент, на котором созидается монументальный комплекс "описания мира". _Внимание_ и _разум_ так долго находились в одной упряжке, что почти слились воедино, и теперь оказались во власти друг друга. Хотя разум безраздельно правит вниманием, любая трансформация внимания неминуемо ведет к изменению (иногда принципиальному) всего аппарата разума. Ла Горда, вспоминая объяснения дона Хуана на этот счет, помогла Кастанеде еще раз понять призрачность словоупотреблений в области магии:

"Он (дон Хуан) говорил, что мой _разум_ является демоном, который держит меня в оковах, и что я должен победить его, если хочу достичь осознания его учения. Проблема, следовательно, заключалась в том, как победить разум. Мне никогда не приходило в голову потребовать от него определения понятия "разум". Я всегда считал, что он подразумевает способность строить умозаключения или мыслить упорядоченным и рациональным образом. Из того, что сказала мне Ла Горда, я понял, что для него "разум" означал "внимание".

Дон Хуан говорил, что ядром нашего существа является акт восприятия, а его тайной - акт осознания. Для него восприятие и осознание было обособленной нерасчленимой функциональной единицей, которая имела две области. Первая - это "внимание _тоналя_"... Дон Хуан называл еще эту сферу внимания "первым кольцом силы"...

Второй областью было "внимание _нагуаля_" - способность магов помещать свое осознание в необычный мир. Он называл эту область внимания "вторым кольцом силы" или совершенно необыкновенной способностью, которая есть у всех нас, но которую используют только маги, чтобы придавать порядок восприятию необычного мира." (V, 553-554)

Первое внимание "нормального" человека, с точки зрения дона Хуана, устроено так, чтобы в процессе своей работы поглощать всю психическую энергию личности, предназначенную для восприятия. Оно очень требовательно, по-своему экономно и, подталкиваемое тоналем, пускает в ход все средства ради тотальной вовлеченности индивида в создаваемое "описание мира". Если помните, дон Хуан называл тональ "стражем" или "охранником". Биологической форме инстинкт самосохранения предписывает в первую очередь хранить свой гомеостазис. С одной стороны, надежной гарантией подобного гомеостазиса было _вовлечение всего энергетического потенциала существа_ в поддержание оптимального (с точки зрения выживания) режима восприятия и функционирования. С другой стороны, всякий избыток энергии, если таковой имеется, должен существовать в организме как неприкасаемый запас, доступ к которому возможен лишь в ситуации подлинно критической, угрожающей опять-таки выживанию биологической формы в окружающей среде. Многочисленные барьеры, поставленные природой на пути к "неприкасаемому запасу", делают невозможными "бессмысленные" энергетические всплески и любую биологически нерациональную утилизацию хранимой энергии. А внимание

- это в первую очередь _энергия_.

"Человеческие существа рождены с ограниченным количеством энергии, которая, начиная с момента рождения, непрерывно развертывается таким образом, что может быть использована модальностью времени наиболее выгодным образом.

- Что ты имеешь в виду, говоря о модальности времени? - спросил я.

- Модальность времени - это определенный узел энергетических полей, находящихся в зоне восприятия,- ответил он. -... и овладение модальностью времени - этими несколькими избранными полями - _отнимает всю имеющуюся у нас энергию_, не оставляя нам возможности использовать какие-нибудь другие энергетические поля.

<...>Именно это я имею в виду, когда говорю, что среднему человеку недостает энергии для занятий магией,- продолжал он. Если он использует лишь имеющуюся у него энергию, он не сможет постичь миры, которые воспринимают маги. Чтобы воспринимать их, магам необходимо использовать обычно не употребляемый пучок энергии. Естественно, что обычный человек для восприятия мира магов и понимания их восприятий должен использовать тот же пучок, которым пользовались они. Однако для него это невозможно, так как вся его энергия уже задействована.

<...>Подумай об этом так: все это время ты учился не магии, но скорее _умению сохранять энергию_. И эта энергия дает тебе возможность овладеть некоторыми из энергетических полей, недоступных для тебя сейчас. Вот что такое магия: _умение использовать энергетические поля, которые не участвуют в восприятии известного нам повседневного мира_. Магия - это состояние осознания. Магия - это способность воспринимать нечто, недоступное обычному восприятию." (VIII, 8-9) (_Курсив_ везде мой - А. К.)

Итак, перед нами встает проблема, с первого взгляда кажущаяся неразрешимой и просто нереальной: мы должны отыскать в себе необыкновенно мощный источник энергии, который без вреда для своей жизненной целостности можем отвлечь на такое грандиозное предприятие, что в случае успешного его завершения мы полностью трансформируем собственное существо и переходим на качественно иной уровень бытия. Шри Ауробиндо, глубоко почитавший авторитет ведических писаний, искал разрешение тайны такого преображения ("трансмутации" - он любил употреблять этот алхимический термин) в медитационных упражнениях древних _риши_ - духовных искателей и мудрецов эпохи Вед. Он полагался на Силу, пребывающую вне человека и наделенную сверх-сознанием,- Силу Матери, Силу Супраментального Света. Он хорошо знал отчаяние человеческого существа, не способного преодолеть разорванность Духа (Пуруши) и Материи (Пракрити), несмотря на десятилетия упорной интроспекции и медитативных трансов. Для воцарения "божественной" жизни на Земле ему как воздух был необходим источник удивительной Силы, которая разрешит эту вековечную проблему, разрубит этот Гордиев узел, чтобы родился новый вид Homo Sapiens - _гностическое существо_, наделенное всеми атрибутами Абсолютного Бытия. Религиозное чувство вынудило философа обратиться к Божеству, иначе тупик казался безнадежным.

Но последователи дона Хуана утверждают, что нашли "благодатный источник" без помощи Космического Сверх-Разума и завоевали свободу собственными силами. В следующей главе мы попробуем разобраться, что это за энергия и каково ее происхождение - и неужели мы действительно всемогущи, как Боги, даже когда не призываем их и не поклоняемся им?

Чем мы на самом деле обладаем, кроме _внимания_, _восприятия_ и _осознания_, которых на нынешнем этапе едва хватает, чтобы кое-как протащить неминуемо дряхлеющее тело семь-восемь десятилетий по этой однообразной Земле? Правда, у нас есть "щиты" - наилучшие щиты древних толтеков, но спасут ли они нас?

Помните? _Смерть_ и _нагуаль_ - всегда рядом. Один неверный шаг, и воин обращается в пыль под натиском Непостижимого. И никакие молитвы Будде, Иегове, Аллаху, даже всемогущей Матери Кали не спасут сорвавшегося в пропасть путника, если его _внимание_ не послужит ему "щитом".

"... Ты знаешь, что с тобой случилось в тот день, когда ты видел союзника и мне дважды пришлось тебя купать?

- Нет.

- Ты растерял свои щиты.

- Какие щиты? Ты о чем?

- Я сказал, что воин отбирает то, что составляет его мир, отбирает осознанно, потому что каждая вещь, которую он отбирает, становится его щитом, защищающим от нападения сил, тех сил, которые он старается использовать. Щиты, например, используются воином для защиты от собственного союзника.

Обычный средний человек точно так же, как и воин, живет в окружении тех же самых непостижимых сил. Но он им недоступен, так как защищен особыми щитами другого типа.

<...>Все обычные люди непрерывно чем-то заняты. Они делают то, что они делают. Это - их щиты. Когда маг встречается с какими-то из непостижимых и неумолимых сил, его просвет открывается. [Речь идет о "просвете" в энергетическом коконе человека. Через это отверстие в него могут войти энергии, способные "развалить" кокон вообще. Об этой смертельной опасности _нагуаля_ мы еще скажем в следующем разделе.- А. К.] Маг становится в большей степени подверженным смерти, чем обычно. Я говорил тебе, что смерть входит в нас через этот просвет. Поэтому тот, у кого он открыт, должен быть готов в любой момент заполнить его своей волей. Конечно, если он - воин. Но ты пока что не воин. А если человек не является воином, то ему не остается ничего другого, как использовать житейские проблемы для отвлечения сознания от устрашающих встреч с непостижимыми и неумолимыми силами. Тем самым человек закрывает свой просвет.

... Однако использовать подобного рода "житейские щиты" так же эффективно, как их использует обычный человек, ты уже не способен - слишком много знаешь о силах. Поэтому сейчас ты вплотную приблизился к тому, чтобы чувствовать и действовать, как воин. Твои старые щиты разбиты.

<...>Воин принимает на себя ответственность по защите своей жизни. Поэтому если какая-либо из этих сил стучится к тебе и открывает твой просвет, ты должен намеренно бороться за то, чтобы закрыть его самому. Для этой цели ты должен иметь избранный ряд вещей, которые дают тебе спокойствие и удовольствие. Вещей, которые ты можешь намеренно использовать для того, чтобы убрать свои мысли от испуга, закрыть просвет и сделать себя цельным.

- Что это за вещи?

- Несколько лет назад я говорил тебе, что в своей повседневной жизни воин выбирает путь сердца. Именно это отличает его от обычного человека. Воин знает, что он на пути сердца, когда един с этим путем, когда переживает огромное спокойствие и удовольствие, идя по нему. Вещи, которые выбирает воин, чтобы сделать свои щиты, - это частицы пути сердца." (II, 391-393)

"Частицы пути сердца" - переживания и воспоминания, вызывающие в нас "огромное спокойствие и удовольствие"... И это все? В чем же здесь защита, в чем сила, закрывающая гибельный просвет в энергетическом теле? Дон Хуан говорит об _искусстве произвольного манипулирования вниманием_. Осознанно целенаправленное внимание - это не только и не столько психический процесс, о котором так неясно толкуют психологи; это определенная энергетическая формация (как и все сущее в Реальности), имеющая свой особенный тип движения и устойчивые связи со всеми потоками энергии,

циркулирующими в "светящемся коконе" воина. Так или иначе направляя собственное _внимание_, мы производим изменения в конфигурации энергетических волокон, составляющих нашу целостность: что-то уходит из области осознанного восприятия, что-то "угасает" в столкновении с ответным потоком, что-то приходит из "затененных" сфер и блокирует нежелательные внешние воздействия. Передвижение _внимания_ - это передвижение энергии внутри нас, вот почему дисциплина воина подразумевает управление различными фиксациями внимания и эмоциональными реакциями на восприятие.

Долгое время для Карлоса лучшим "щитом" (т.е. хорошо отработанным переключением внимания) оставались его записки, которые он вел, беседуя с доном Хуаном и другими магами. И нередко дон Хуан вынуждал Кастанеду использовать этот "щит", когда _тональ_ ученика угрожал "рассыпаться" под давлением нагуаля.

"Что я должен делать? - спросил я.

- Быть самим собой.- сказал он. - Сомневаться во всем. быть подозрительным.

- Но мне не нравится быть таким, дон Хуан.

- Не имеет никакого значения, нравится тебе это или нет. Значение имеет то, что ты можешь использовать как щит. Воин должен использовать все доступные ему средства, чтобы прикрыть свой смертельный просвет, когда тот открывается. Поэтому неважно, что тебе на самом деле не нравится быть подозрительным или задавать вопросы. Сейчас это - твой единственный щит.

- Пиши, пиши. Иначе ты умрешь,- сказал он." (IV, 78)

Особенности _внимания_ могут затруднить достижение _нагуаля_ или облегчить его. Интересно, что некоторые преимущества в этом отношении имеют маги-женщины. Ла Горда, в частности, была куда более способной ученицей, чем сам Кастанеда. Она объясняла это так:

"Мы удерживаем своим вниманием образы мира. Обучать мужчину-мага очень трудно, потому что его внимание всегда закрыто, сфокусировано на чем-нибудь. А вот женщина всегда открыта. Поэтому она большую часть своего времени ни на чем не фокусирует свое внимание, особенно в течение менструального периода. Нагваль рассказал мне, а затем продемонстрировал, что в эти дни я могу полностью отвлечь свое внимание от образов мира. Если я не фиксирую его на мире, то мир рушится." (V, 528-529)

В реальности _нагуаля_, где все сущее состоит из энергетических потоков, волокон, эманаций, "светящийся кокон" человеческого существа кажется включенным в необозримую сеть вытянутым, яйцевидным "клубком", наполненным специфическими структурами и формациями. Именно там легко заметить _резонансную_ природу восприятия, и внимания в особенности. Сложно представить себе настолько отличающийся от нашего мир, но, подводя итоги наших рассуждений о _внимании_, нельзя не обратиться еще раз к опыту _видящих_, и пусть он даст нам пищу для размышлений.

"Затем дон Хуан объяснил, что сфокусировать воспринимаемый нами обычный мир первое внимание может, лишь выделив и усилив определенные эманации, выбранные из узкой полосы эманаций, в которой находится человеческое осознание. Не задействованные при этом эманации никуда не исчезают. Они остаются в пределах нашей досягаемости, но как бы дремлют. Поэтому мы так ничего и не узнаем о них до конца жизни.

Выделенные и усиленные эманации _видящие_ называют правосторонним или нормальным осознанием, тоналем, этим миром, известным, первым вниманием. Обычный человек называет это реальностью, рациональностью, здравым смыслом.

Выделенные эманации составляют значительную часть полосы человеческого осознания, но лишь маленькую толику всего спектра эманаций, присутствующих внутри

кокона человека. Незадействованные эманации, относящиеся к человеческой полосе, это что-то вроде преддверия к неизвестному. Собственно же неизвестное составлено множеством эманаций, которые к человеческой полосе не относятся и выделению никогда не подвергаются. Их _видящие_ называют левосторонним осознанием, нагуалем, другим миром, неизвестным, вторым вниманием. "

4. Точка сборки

"_Настоящей новой земли в той или иной науке можно достичь лишь тогда, когда в решающий момент имеется готовность оставить то основание, на котором покоится прежняя наука, и в известном смысле совершить прыжок в пустоту_."

Гейзенберг

С точки зрения нынешней науки мы уже прыгнули в пустоту, заявив, что человеческое восприятие _практически_ невероятно удалено от Реальности, и именно поэтому общение человека с Реальностью крайне неэффективно. Академический подход твердит о том, что процесс восприятия предполагает обнаружение объекта в воспринимаемом поле, различение в этом объекте отдельных признаков и их синтез. При этом следовало бы задать вопросы: определяется ли каким-то внешним законом _объем_ воспринимаемого поля и следует ли считать предлагаемую систему интерпретации сенсорных сигналов, имеющихся в данном поле, оптимальной? Ведь не станем же мы отрицать, что именно от разрешения этих вопросов зависит судьба человека как познающего субъекта. Или, как писал американский психолог У. Найссер (Cognition and Reality. San Francisco, 1976.): "восприятие представляет собою основную когнитивную активность, порождающую все остальные виды." И здесь же он утверждает идею, которая неминуемо приводит нас к вопросу о природе и объеме воспринимаемого поля: "Однако еще важнее то, что в восприятии встречаются когнитивная активность и реальность. Я не думаю, что большинство психологов правильно понимают природу этой встречи. Доминирующая точка зрения состоит в превознесении воспринимающего: утверждается, что он перерабатывает, трансформирует, перекодирует, ассимилирует и вообще придает форму тому, что в противном случае было бы бессмысленным хаосом. Этот подход не может быть правильным; назначение восприятия, как и эволюции, несомненно, состоит в _раскрытии того, что же действительно представляет собой окружающая среда_, и в приспособлении к ней." (_Курсив_ мой - А. К.)

Представленное в силу определенных причин человеку _поле восприятия_ - это часть Реальности, превратными путями транспортируемая нашему сознанию _тоналем_; скорее, карикатура на Реальность, а не стройное здание, выросшее из "бессмысленного хаоса". Ибо мы не имеем права называть "бессмысленным" Непостижимое. (Помните? "Твой драгоценный разум является только _центром сборки_, зеркалом, которое отражает нечто, находящееся вне его... Тональ каждого из нас является просто отражением неописуемого неизвестного, наполненного порядком, а нагуаль каждого из нас - только отражением неописуемой пустоты, которая содержит все." - IV, 280-281)

Так, уже в четвертой книге мельком упоминается концепция, которая начиная с книги "Огонь изнутри" (VII) станет определяющей для всего учения дона Хуана. В энергетической реальности нагуаля, где "мы являемся чувством, ощущением, а то, что мы называем своим телом,- это пучок светящихся волокон, наделенных осознанием" (IV, 97), вопрос выбора полей восприятия разрешается с точки зрения позиции _точки сборки_.

"Следующая истина состоит в том,- продолжил дон Хуан,- что восприятие возможно благодаря точке сборки - особому образованию, функция которого заключается в подборе внутренних и внешних эманаций, подлежащих настройке. Конкретный вариант настройки, который мы воспринимаем, как мир, _является результатом того, в каком месте кокона находится точка сборки в данный момент_." (VII, 354-355)

Иначе говоря, ряд энергетических потоков, воздействующих на человеческую форму извне, могут собираться в целостную _картину восприятия_, только оказавшись в сфере действия определенного элемента на светящемся коконе живого существа - в области, именуемой доном Хуаном _точкой сборки_. Остальная масса энергетических потоков минует эту область тем или иным способом и потому оказывается _за порогом человеческого восприятия_.

Как видите, ограниченность живой формы все-таки неизбежна: мы никогда не имеем дело со всей Реальностью целиком, мы воспринимаем лишь то, что соответствует положению единственной точки нашего энергетического тела. Выражаясь фигурально, это наш единственный и подлинный "глаз", благодаря которому _нагуаль_ обретает свои непостижимые черты. "Каждый из нас покрыт энергетической оболочкой, имеющей форму кокона. Внутри кокона заключена небольшая часть эманаций, составляющих вселенную. Осознание возникает вследствие постоянного давления эманаций, находящихся вне кокона и именуемых большими, на эманации, находящиеся внутри кокона. Восприятие является следствием осознания и возникает, когда внутренние эманации настраиваются на соответствующие им большие." (VII, 354)

Дон Хуан рассуждает с такой тщательностью и настолько систематично, что начинаешь понимать всю невероятную сложность и значительность явления, с которым сталкивается воин на этом этапе. Ведь, в конечном счете, все достижения дон-хуановской традиции оказываются связанными с управляемым изменением позиции _точки сборки_ - вплоть до окончательной реализации абсолютной _свободы_.

Фиксированное положение точки сборки контролируется, в первую очередь, _тоналем_ - вот почему мы столько времени уделили рассмотрению его механизма. Дон Хуан объяснял, что человеческие существа выбирают для восприятия все время одни и те же эманации по двум причинам. Во-первых (и это главное), нас научили, что именно эти эманации доступны восприятию. "Описание мира" из поколения в поколение поддерживает себя, консервирует, сохраняется в потомках как бесценное сокровище накопленного опыта. Во-вторых, такой биологической форме, как человек, определенное положение точки сборки было присуще изначально - как результат специфики его энергообмена, как результат борьбы за выживание среди подобных биологических форм. _Тональ_ и научение _тоналя_ сделали фиксацию точки сборки жесткой, и теперь ее почти невозможно сдвинуть с места.

Но маги нашли немало способов нарушить фиксацию и заставить точку сборки двигаться.

"Сообразно команде Орла (о Вселенной Орла - в следующей части этой книги. - А. К.), точка сборки располагается на коконе в пределах определенной области, - сказал дон Хуан. - Но точное ее местоположение определяется _привычками_, то есть постоянно повторяющимися действиями. Сначала мы узнаем, что она может находиться в каком-то конкретном месте, а затем сами приказываем ей там быть. Наша команда становится командой Орла, требующей, чтобы точка сборки находилась именно в данном месте." (VII, 364)

Чтобы изменить такое положение, нам необходима только _энергия_. Первое внимание, или внимание _тоналя_, "описания мира", ведет к тому, что дон Хуан называет "самопоглощенностью" - то есть, таким режимом энергообмена, который представляет

собой замкнутый цикл: всякая производимая энергия поглощается структурой, ее порождающей. Например, в жизни древних "видящих" ритуалы и заклинания выполняли отвлекающую роль - они на время "освобождали" первое внимание от самопоглощенности - мощнейшего фиксатора точки сборки.

"Навязчивая вовлеченность первого внимания в самопоглощенность или рассудочность является очень мощной фиксирующей силой. Ритуальное поведение, повторяясь изо дня в день, заставляет первое внимание высвободить часть энергии, занятой созерцанием инвентаризационного перечня. В результате жесткость фиксации точки сборки несколько уменьшается." (VII, 364)

Однако каким же образом наше внимание, связанное и ограниченное тоналем, "описанием мира", работающее вполне определенным образом (вспомните схему перцептуального аппарата человека?), привлекающее инвентаризационный список и другие подобные вещи, способно транслировать сознанию целостную перцептивную картину, находясь в контакте с энергетическими полями, совершенно ему незнакомыми? Дон Хуан объясняет это так:

"Первое внимание воспринимает эманации блоками или пучками. Организация такого восприятия тоже является функцией точки сборки. Примером пучка эманаций, которые выделяются и усиливаются в виде единого блока, может служить человеческое тело в том виде, как мы его обычно воспринимаем. Остальные же части нашего существа - светящегося кокона - никогда не выделяются и не усиливаются. Они обречены на забвение. Ведь функция точки сборки - заставить нас не только воспринимать определенные пучки эманаций, но и игнорировать все прочие.

Я настоятельно потребовал подробнее остановиться на блочной организации восприятия. Дон Хуан объяснил, что точка сборки излучает свечение, которое группирует внутренние эманации в пучки, которые затем настраиваются на соответствующие им большие эманации, тоже собранные в пучки. Формирование пучков происходит даже тогда, когда _видящий_ имеет дело с никогда не использовавшимися эманациями. Как только эманации выделены и усилены, вступают в действие законы блочного восприятия, свойственного первому вниманию." (VII, 367-368)

У нас с вами возникнут некоторые трудности, если мы попытаемся, опираясь исключительно на книги К. Кастанеды, точно выяснить обычное местоположение точки сборки в энергетическом коконе человека. В книге VII ("Огонь изнутри") он устами дона Хуана дает следующую информацию:

"Точка сборки расположена высоко, примерно на уровне в три четверти высоты кокона, на его поверхности." (VII, 366)

В книге же девятой, "Искусство сновидения", автор мельком упоминает, что точка сборки расположена на задней стенке кокона, приблизительно "между лопаток". Как бы то ни было, этот элемент светимости находится в "полосе человеческого восприятия" - группы энергетических волокон, пересекающих "светящееся яйцо" наискось и насквозь. Ее движение вдоль "полосы" (или, точнее, диска - т.е. сечения внутри кокона) обычно воспринимается видящими как сдвиг влево (ведь кокон прозрачен), хотя на самом деле точка сборки просто погружается внутрь, по направлению к сердцевине "кокона". Оттого и возникли термины - "правостороннее осознание" и "левостороннее осознание", что соответствует в той же терминологии _первому_ и _второму_ вниманию.

Ниже мы будем более подробно говорить о типах перемещения точки сборки, а также о связанных с ними переживаниях и восприятиях. Сейчас же для нас важнее разобраться в том, какие ощущения и симптомы сопровождают _сдвиг точки сборки_ как таковой.

Незначительные перемещения точки сборки мы испытываем повседневно. Флуктуации внутреннего психического состояния, уровень физического или

эмоционального тонуса - все влияет на местоположение этого перцептивного центра. Но дон Хуан говорит о куда более масштабных движениях энергетической структуры. Более того, он утверждает, что всякий человек, обладающий для этого достаточным количеством силы, способен совершать такие движения:

"Прежде всего, человек должен осознать тот факт, что воспринимаемый нами мир является, результатом определенного положения точки сборки на коконе. После того, как понимание этого достигнуто, точка сборки может быть смещена волевым усилием в результате приобретения новых привычек." (VII, 363)

Можно сказать, что такое объяснение ничего не объясняет. Оно лишь утверждает возможность этого достижения, но ставит одновременно целый ряд вопросов:

а) как осознать, что восприятие есть результат определенного положения точки сборки?

б) какова природа волевого усилия, необходимого для ее сдвига?

в) что означает "приобретение новых привычек"?

"Теоретическое" осознание первого вопроса заняло у нас всю первую часть книги, но речь идет прежде всего о _практическом_ осознании этого фундаментального положения. Оно может прийти, конечно же, лишь после того, как в вашем _личном_ опыте "сработает" хоть одна из предложенных доном Хуаном методик. Сейчас каждый из вас готов испытать изменение режима восприятия, используя исключительно приемы толтекской "магии" и никакой другой. Проблема в том, что _вам необходима энергия_. Когда мы с вами последовательно проанализируем, откуда и каким образом накапливается энергия, вы увидите, что и эта проблема разрешима.

Сложнее обстоят дела с рациональным пониманием _волевого усилия_. В главе, посвященной _намерению_, вы сможете убедиться, что автор почти безуспешно пытается прорваться за языковой предел, потому что говорить об этом мы так и не научились. Возьмите, к примеру, любой волевой акт - например, поднимите руку. Проще простого. А теперь _опишите_ мне, пожалуйста, как вы это сделали? Меня не интересует последовательность операций, как там двигались у вас мышцы и проч. Объясните, как вы решили поднять руку, в результате чего подняли ее. Это и есть _волевое усилие_, перед которым мы немеем.

Что же касается "приобретения новых привычек", то, с одной стороны, это касается способов накопления энергии, о которых мы будем еще говорить, а с другой - проблемы _научения_ вообще. Когда вы учились ходить, вы _пытались_ - падали, поднимались и снова падали. Точно так же _научаются_ сдвигу точки сборки. Через некоторое время новый навык становится "новой привычкой", т.е. проделывается автоматически и без особых усилий. Таким образом мы ходим, разговариваем и делаем еще уйму всяких вещей.

Но вернемся к осознанию специфики человеческого восприятия. Мы здесь, не имея ни дона Хуана, ни любого другого "видящего" (экстрасенсы занимаются, как вы поняли, другими вещами), вынуждены были составить целую монографию на сей предмет. Дон Хуан действовал _практически_: "Учитель перестраивает картину мира. Я назвал эту картину островом _тональ_. Я сказал, что все, чем мы являемся, находится на этом острове. Объяснение магов говорит, что остров _тональ_ создан нашим восприятием, выученным концентрироваться на определенных элементах. Каждый из этих элементов и все они, вместе взятые, образуют нашу картину мира. Работа учителя относительно восприятия ученика состоит в перенесении всех элементов острова на одну половину пузыря. К настоящему времени ты, должно быть, понял, что чистка и перестройка острова _тональ_ означает перегруппировку всех этих элементов на сторону _разума_. Моей задачей было разделить твою обычную картину мира: не уничтожить ее, а заставить ее

перекатиться на сторону _разума_. Ты сделал это лучше, чем любой, кого я знаю." (IV, 257)

Опутевшая половина "пузыря" наполняется _волей_ - т.е. той энергией, что может воздействовать на точку сборки и двигать ее. Правая сторона (сторона _разума_) именуется _тоналем_, а _левая_ - _нагуалем_, так как непосредственно связана с восприятием его эффектов. И если сторона нагуаля берет верх в нужный момент, может случиться невообразимое:

"Знаешь ли ты, что можешь навечно расширить свои границы в любом из указанных мною направлений?.. Знаешь ли ты, что одно мгновение может быть вечностью?

<...>Пока у тебя все равно недостаточно личной силы... Иначе моих слов хватило бы, чтобы собрать свою целостность и направить ее на прорыв собственных границ.

Он подошел ко мне и постучал костяшками пальцев по моей груди.

- Вот границы, о которых я говорю,- сказал он.- Можно выйти за них. Мы
- это чувство, осознание, заключенное здесь." (IV, 15)

Теперь мы лучше понимаем метафорическую загадку дона Хуана. _Свободное движение точки сборки_ - вот о чем он говорит, вот для каких достижений не было энергии у Карлоса Кастанеды. Поэтому на первых порах учитель использует собственную энергию для того, чтобы "сбить" точку сборки Карлоса с фиксированного места.

Итак, мы с вами уже вплотную подошли к области так называемых "измененных состояний сознания" - той сфере явлений, что для современной науки лежит где-то между экспериментальной психологией и психиатрией. Коли так, давайте рассмотрим _симптомы_ сдвига точки сборки в тех масштабах, когда ее перемещение приводит к заметным изменениям в способе восприятия. Описание симптомов для психиатрии дело нужное и обязательное. Начнем:

"В какой-то момент я услышал гудение, похожее на обыкновенный звон в ушах, и поначалу не обратил на него никакого внимания. Он усилился, все же не выходя за пределы обычных телесных ощущений. Я помню, что _внимание как бы разделилось_ между людьми, за которыми я наблюдал, и звуком, который слышал. Это был переломный момент. Лица людей вдруг стали ярче, как будто включили свет. В то же время это не было похоже ни на электрический свет, ни на свет керосиновой лампы или вспыхнувшего костра. То, что я видел, скорее напоминало _люминесценцию_, розовое свечение, очень размытое, но, тем не менее, заметное с того места, где я сидел. Звон в ушах, казалось, усиливался." (II, 227)

Стоит обратить внимание, что Карлос в этот момент, хоть и присутствовал на _митоте_ (ритуальном поглощении пейота), сам никаких галлюциногенов не принимал, оставаясь в роли наблюдателя. В другом случае звук тоже присутствует, но это происходит под воздействием мескалина. На этот раз сила звука потрясает.

"Раньше я никогда не слышал этого слова, и хотел переспросите что он сказал, когда заметил _звук, похожий на звон в ушах_. Звук становился все громче, пока не превратился в рев. На несколько мгновений рев стал нестерпимым, а затем постепенно стих, и наступила полная тишина. Мощь и глубина звука устрашили меня до полусмерти. Я так трясся, что едва держался на ногах, и все же мысли оставались совершенно ясными." (I, 83)

Следующие симптомы повторяются с некоторыми модификациями:

"Я был поглощен своей чудесной способностью видеть в темноте.. Временами все было так ясно, что казалось, сейчас утренняя или вечерняя заря...

Меня полностью захватило это открытие, когда вновь появился прежний странный звук... Звук был таким громоподобным, таким всепоглощающим, что все остальное

потеряло значение..." (I, 84-85) И снова Карлос, спустя несколько минут, слышит рев - "мощный, как гул ураганного ветра".

Конечно, психиатрия все это легко спишет на "интоксикационный галлюциноз", а первый случай сведет к так называемому "индуцированному бреду" (в психиатрических справочниках пишут, что индуцированию способствует "убежденность, с которой больной высказывает свои мысли, авторитет, которым он пользовался до болезни" - очень смахивает на дона Хуана, если принять его за больного, не так ли?). Мы не будем касаться проблем психического здоровья, тем более, что дон Хуан само "безумие" рассматривает как результат неуправляемого сдвига точки сборки. Что же касается галлюциногенов, то по их поводу он говорит следующее:

"Затем дон Хуан сказал, что в начале моего обучения он пользовался растениями силы, поскольку так рекомендуют поступать новые _видящие_. Опираясь на опыт своего _видения_, они знают, что растения силы очень сильно раскачивают точку сборки, "стряхивая" ее с обычного места... Дезориентирующее влияние такого сдвига используется затем учителем для закрепления в уме ученика понимания того факта, что восприятие мира никогда не может быть окончательным и однозначным." (VII, 483)

Итак, нам следует отметить три характерных признака сдвига точки сборки в субъективном переживании: а) внезапность начала процесса; б) появление звука, похожего на звон в ушах или жужжание - по мере усиления звук может вызвать явственную вибрацию в теле, после чего звук доходит до "ужасающего рева"; в) появление _люминесценции_, что воспринимается как изменение освещенности, обычно в сторону желтоватых или розовых тонов. Это именно _люминесценция_, а не внешний источник света, так как объекты при этом не отбрасывают тени, но возникает иллюзия необыкновенно отчетливого различения всех деталей окружающего мира, вплоть до мельчайших.

Кроме того, из других подобных опытов выясняется, что непосредственно в момент сдвига воспринимаемое поле своим расширением провоцирует временную _расфокусировку внимания_ ("внимание как бы разделилось между людьми... и звуком").

(Исходя из отчетов К. Кастанеды, результатов экспериментальных исследований и собственного опыта, я могу предположить, что _сила_, _резкость_ и _тембр_ субъективно переживаемого звука непосредственно связаны с характером и скоростью сдвига точки сборки. Неравномерная локализация и "перемещение" источника звука во внутреннем аудиальном поле могут свидетельствовать о том, что точка сборки движется скачкообразно или хаотично.)

Вообще же, нельзя не отметить: звук так часто сопровождает сдвиг точки сборки, что может вызывать обратную связь условнорефлекторного типа. Вспомните, каким странным прибором под названием "ловец духов" порой вооружались индейские "маги"! Прибор издавал неповторимый звук, после чего требовалось "прислушиваться к тишине". Явлению "союзника" всегда аккомпанирует специфическая акустика - все тот же рев, звук дробления камней, хруста веток и т.д. и т.п. "Зов бабочки" в виде ритмичного постукивания тоже может провоцировать сдвиг точки сборки. Не забывайте и о странном "щелчке в основании шеи", сигнализирующем о выходе "дубля". Неуправляемая "обратная связь" с акустическим эффектом может стать даже серьезной опасностью. Дон Хуан в конце первой книги прерывает занятия с Кастанедой из-за некоторого необычного симптома: ученику кажется, что любой рокочущий и вибрирующий звук может "унести его сознание". Дон Хуан называет это "потерей души", и в определенном смысле это именно так - неуправляемый сдвиг точки сборки может лишить рассудка или даже убить неопытного ученика. Словом, акустические эффекты разнообразны и присутствуют почти всегда. То же касается _внезапности_ и _перемены в освещенности_. Они могут не

описываться специально, но при внимательном изучении кастанедовских отчетов обязательно присутствуют как бы на втором плане.

Подобные симптомы отмечали и другие мистики, особенно те, кто испытывал пристрастие к "астральным путешествиям", и различные духовидцы. Еще Сведенборг, рассказывая о своем обращении в путешественника по миру духов, свидетельствовал о каких-то "громогласных звуках", вибрациях, толчках, "как от столкновения ветров". (Иллюстрированная история суеверий и волшебства // Сост. д-р Леманн. М., 1900. С. 170.) Можно сказать, что это явление само по себе встречается чаще, чем принято думать. Многие медитаторы отмечают "внезапный шум в ушах и появление желтоватого света ", но специального внимания этому не уделяют, так как считают подобные эффекты помехой на пути своего "духовного развития". Даже люди, не занимавшиеся оккультизмом, порою сталкиваются с чем-то подовым, например, в результате внезапного пробуждения.

Из трех типов перемещения точки сборки (о которых немного ниже) мы пока рассматриваем только _сдвиг_. С одной стороны, он достаточно ярко демонстрирует изменения в режиме восприятия, а с другой - позволяет говорить об областях, все еще достаточно близких к человеческому опыту в широком смысле этого слова. Здесь мы остаемся еще в сфере "обычных" мистических упражнений и можем ссылаться на подобные результаты у иных исследователей.

Например, особый интерес вызывает _поперечный_ сдвиг точки сборки. Аналогию этому феномену мы нашли у Джона Лилли, который дал в своей книге развернутую классификацию состояний. Но сначала вспомним, что говорит о _поперечном_ сдвиге дон Хуан:

"Подобного рода видения (речь идет о видениях миров-призраков, во многом подобных нашему собственному - А. К.) - продукт человеческой инвентаризации,- продолжал дон Хуан.- Они не имеют никакой ценности для воина, стремящегося к абсолютной свободе, поскольку формируются за счет поперечного сдвига точки сборки.

Дон Хуан замолчал и взглянул на меня. Я знал, что под "поперечным сдвигом" он понимает перемещение точки сборки не вглубь человеческой полосы, а поперек - от края к краю. Я спросил, правильно ли я понял.

- Именно это я имел в виду,- подтвердил он.- По обоим краям человеческой полосы находятся странные скопления мусора - невообразимые кучи человеческого хлама. Этакий склад зловещих патологий...

<...>... в принципе любой человек может попасть в этот хламник, просто остановив внутренний диалог. Если сдвиг минимален, результатом является то, что называют игрой воображения. Если сдвиг существенен, возникает то, что известно как галлюцинации.

<...>На правом краю мы обнаруживаем бесконечные видения физической активности, насилия, убийств, чувственных проявлений. На левом краю - духовность, религиозность, все, что связано с Богом. " (VII, 376)

Как тут не вспомнить Эммануила Сведенборга, полжизни потратившего на блуждания в этих "поперечных сдвигах"? И сколько еще ему подобных продолжают эти бесплодные поиски!

Джон Лилли подошел к этому делу с научной тщательностью. Результатом его опытов с измененными состояниями сознания стала очень показательная таблица. (См.: Лилли Дж. Центр циклона. Киев: "София", с. 125.) Он оценил состояния по 48-балльной шкале. Не вдаваясь в подробности его концепции, просто укажем: если +48 - это нормальное состояние "человеческого биокомпьютера", то + 12 - это Ананда, состояние блаженства (цель многих религий), а -12 - "чрезвычайно отрицательное состояние, как при сильнейшем приступе мигрени. Сознание сжато и подавлено, отдает отчет о настоящем и о боли... Ограничения над самостью, вы изолированы". То есть, состояния изменяются

симметрично в ту или иную сторону. Например, +6 - "делание Будды, астральное путешествие, ясновидение, слияние с другими сущностями во вселенной". А -6 - "подобно +6, за исключением того, что крайне отрицательно. Адоподобное состояние, в котором человек является только точечным источником сознания и энергии. Страх, боль, вина в крайней степени, бессмысленность всего очевидна." И так далее. Состояние +3, между прочим, характеризуется как "союз с Богом". Таким образом, крайнее погружение на левую сторону одной-единственной полосы эманаций превращается в наивысшее достижение человека как духовного существа. Дж. Лилли постарался примирить всех с помощью достаточно искусственной схемы, симметричность каковой для него просто аксиоматична и является следствием универсального закона симметрии бытия. Только дон Хуан, как нам кажется, ставит на свое место эту безусловно полезную и поучительную классификацию. Но для него это лишь аккуратный список "кучи человеческого хлама".

Кроме того, точка сборки может сдвигаться _вниз_, но там "положение зверя", и дон Хуан не советует Кастанеде практиковать подобные фокусы.

"Благодаря этой практике,- говорит он,- древние _видящие_ стали мастерами по части принятия форм животных. В качестве точек отсчета они выбирали различных животных, называя их своим нагуалем. Толтеки верили, что, сдвигая точку сборки в определенные положения, они приобретают свойства избранных ими животных - их силу, мудрость, коварство, ловкость или свирепость." (VII, 377)

Многие сочтут подобное заявление дона Хуана метафорой, хотя на самом деле речь идет о вполне реальном и всестороннем _превращении_. Дело в том, что изменение положения точки сборки в значительных масштабах приводит к изменению всего _энергетического кокона_, а в мире _тоналя_ это и есть наше "физическое тело". Кстати, по той же причине неуправляемый или неверно направленный сдвиг точки сборки может убить человека.

Взгляните на рис. 2. Энергетическое тело человека неоднородно. Согласно описанию "видящих" оно имеет "просвет" где-то на уровне пупка или солнечного сплетения. Сквозь этот "просвет" внутрь кокона проникают как те внешние эманации, что питают, поддерживают нашу форму, так и те, что стремятся разрушить ее. При обычном положении точки сборки этот "просвет" невелик и отлично справляется со своей функцией - поглощает нужные эманации и отбрасывает гибельные. Но при сильном сдвиге точки сборки в любую сторону просвет соответственно меняет свою форму. Он может раскрыться до такой степени, что кокон будет уничтожен внешним океаном бушующих энергий. Воина спасают "щиты" внимания, о которых мы говорили в предыдущем разделе. _Внимание_ возвращает точку сборки в безопасную зону, и просвет закрывается. Не сделать это своевременно, значит, подвергнуть риску не только свою психику, но и всю "жизненную целостность" организма.

Подытоживая краткий обзор по поводу перемещений точки сборки, следует сказать о нашей классификации этих энергетических процессов. Исходя из наблюдений, отчетов Кастанеды и других сообщений, мы пришли к выводу, что можно говорить о _трех_ типах перемещения точки сборки. Кастанеда, со слов дона Хуана, упоминает лишь два типа: _сдвиг_ (_shift_) и _движение_ (_movement_), несмотря на то, что первый (неупоминаемый) тип встречается куда чаще и является как бы преддверием к остальным двум. По природе своей этот тип перемещения вполне может быть отнесен к _сдвигу_, и только его особая роль в подготовке энергетического тела воина к решительным трансформациям и странствиям в _нагуале_ заставляет говорить о нем отдельно.

Обратите внимание на рис. 3.

а) Первый (изначальный) процесс мы назвали _углублением_. Для него характерно весьма незначительное перемещение. (Мы изображаем точку сборки в виде

цилиндрического объекта, отрезка энергетической трубки, собирающей и упорядочивающей входящие извне эманации.) Очень важно, что в этой области продолжает функционировать _первое внимание_, т.е. внимание тоналя. В зоне сборки остаются практически те же эманации, что и в режиме ординарного восприятия. Интерпретация восприятия изменяется только за счет некоторого расширения вглубь резонансных процессов, из-за чего меняется _внутренняя дистанция осознания_, ведущая к нарушениям ординарного эмоционально-чувственного реагирования, заданного тоналем. С этим состоянием мы сталкиваемся, прежде всего, при усиленной практике _безупречности_ и _сталкинга_ (см. следующие главы). Ярким примером такого перемещения точки сборки может служить достижение "места без жалости", подробно описанное Кастанедой в книге VII. Главным достоинством этой позиции точки сборки является постоянное порождение избытка перцептуальной энергии, неминуемо "толкающей" центр восприятия к более масштабным перемещениям. Это, так сказать, "энергетические ворота", через которые достигается _сдвиг_ и _движение_ точки сборки.

б) Собственно _сдвиг_ точки сборки рассматривается у Кастанеды наиболее подробно. В этом случае в поле восприятия попадают эманации, никогда ранее не собиравшиеся, поэтому эффект от их сборки столь разительно отличается от ординарной картины перцепции, что говорят о включении _второго внимания_, или внимания нагуаля. Если точка сборки ушла недалеко от привычной перцептивной зоны, _тональ_ может активно использовать остатки знакомых ему соответствий и "синтезировать" любопытные ряды восприятий. Именно в таких случаях дон Хуан говорит Кастанеде: "Я не знаю, что ты видел. Это зрелище только для тебя." Игра "сбитого с толку" тоналя с новыми, незнакомыми эманациями, которые невозможно игнорировать, - всегда предельно субъективна. Так было с видением "базара" в Мехико после "телепортации", так было с "разговаривающим койотом" во время "остановки мира" в пустыне Сонора.

в) В девятой книге Кастанеды "Искусство сновидения" мы, наконец, встречаемся с ясным определением в различии между _сдвигом_ (shift) и _движением_ (movement) точки сборки. Для последнего процесса (_движения_) характерны такие эффекты, как выделение "дубля" и развитие "тела сновидения". Точка сборки в данном случае выходит за пределы энергетического тела человека и начинает свое странствие _вовне_, т.е. среди энергетических волокон эманаций внешнего мира. Разумеется, точка сборки при этом не теряет связь с основным коконом и образует за собою след из специфически вытянутых соединительных пучков собственной энергии. Форма светящегося кокона претерпевает значительные метаморфозы. По словам дона Хуана, светящееся тело воина в этой позиции напоминает курительную трубку с длинным чубуком, гае роль чубука выполняет соединительная ткань, образовавшаяся между основным коконом и вышедшей вовне точкой сборки. Именно в этом явлении заключена разгадка физических телепортаций магов, поскольку при наличии определенных условий и мастерском обращении с энергетическими потоками воин может перетянуть всю целостность собственного кокона в то место, где окажется его странствующая точка сборки. Тем же способом воин может покидать мир обычного восприятия и перемещаться в другие энергетические планы _вместе со своим физическим телом_.

Мы можем принимать или не принимать концепцию точки сборки - в конце концов, для нас она целиком умозрительна, так как опирается на опыт, никогда нами не переживавшийся. Однако нельзя не согласиться с тем, что даже логически такая идея сводит, наконец, воедино разнообразие "измененных состояний сознания" и объясняет феномены, прежде не находившие места в других "описаниях". Мы полагаем, что предложенный доном Хуаном взгляд на природу человека открывает исключительные и ни с чем не сравнимые перспективы развития. Ни Бог, ни дьявол не ограничивают больше

наших постижений - весь бесконечный спектр Реальности оказывается доступным трансформированному человеческому существу. "И если точка сборки выстраивает эманации внутри кокона в положении, отличном от нормального, человеческие органы чувств начинают воспринимать мир самым непостижимым образом." (VII, 369)

5. Двуликий Янус

_тонал(ли) - день, судьба
нагуал - колдун, двойник_

(Из словаря языка нагуа)

Расхожие представления о внутренней противоречивости, неопределенности, спутанности душевного мира человека, все эти поэтические вздохи "ах, две души живут во мне..." и т.п., утаивают за пеленой тривиальностей нечто _действительно_ важное, потаенную и неосознанную осведомленность о нашей _реальной_ двойственности, не имеющей, правда, ничего общего с известным божеством антиков. Их прямолинейная аллегория, воплотившаяся в двуликом Янусе - боге начала и конца, входа и выхода, взирающем из настоящего на прошлое и будущее, - может стать для нас любопытным символом, пригодным для прояснения давно забытого лика человека Реальности. Мы _раздвоены_, и это не метафора, а серьезный факт фундаментальный для бытия индивидуума самого по себе и для его бытия в космосе, так как служит помехой восстановлению его подлинной целостности.

Наша двойственность простирается до самых основ _психического_, разрывая осознание на две неравные части - неравные настолько, что одна из них погружается в глубочайшее забвение, становясь как бы несуществующей, а другая (ущербная, но преувеличенно внятная) претендует охватить все в целостном и всеобъемлющем виде. О нашем "позабытом" лике дон Хуан напоминает почти непрестанно. Обратите внимание, как последовательно делит он человеческую природу надвое: _первое_ и _второе_ внимание, _тональ_ и _нагуаль_, _правостороннее_ осознание и _левостороннее_. Сюда же относятся загадочные выражения - "твое тело знает", "твое тело помнит", "твоему телу нравится", "тело любит такие штучки" и т.д. и т.п. Некая смутная область не-сознательного, а, выражаясь точнее, наделенная принципиально иным качеством осознания, постепенно высвобождается, и проясняется ее могущественный, даже устрашающий облик. Нет, это вовсе не "темная сторона" человека - она не злобствует, не ненавидит, не наносит вреда. Она может только напугать: кто же готов открыть в самом себе такого невообразимого двойника! Мало того, что у него иное, гораздо более широкое восприятие,- у него иная память, иное намерение, и даже иной характер! Но, тем не менее, все это - _вы_, все это - _ваше_, только без громоздкой маски тоналя, без его суетливой мелочности, поверхностной алчности и тщедушного эгоизма.

Ваша вторая часть, лик затененный и позабытый, хоть и живет за воротами бодрствующего сознания, отнюдь не дремлет и не замыкается в себе. Он жадно впитывает все ему доступное (а ему доступно многое), он копит впечатления и опыт, он всегда к чему-то готовится - жаль, что очень часто ему за всю жизнь ни разу не выпадает шанс проявить себя. И лишь в момент смерти (по словам дона Хуана), когда кокон рассыпается под натиском сокрушительной энергии бытия, на какое-то мгновение величественный и незнакомый лик поворачивается к своему жалкому близнецу - но миг узнавания слишком краток, как и горечь подступающего небытия: всего лишь вспышка, крохотный взрыв

расчлененной структуры, обратившейся в однородную каплю, тут же смытую стремительным потоком светящихся нитей в ту безбрежность, о которой мы никогда не слыхали. Только бессмысленные обрывки кокона, неизвестно отчего почитаемые человеком и называемые "покойным", истлеют в земле согласно своим медленным законам, впустую рассеивая огромную еще память, силу, мастерство, рассеивая и превращая в ничто.

Подобным образом древние скульптуры, переполненные сознательным искусством и мастерством человека, стираются ветрами в пыль - из века в век, из тысячелетия в тысячелетие...

Кстати, вы обратили внимание, что на протяжении последних четырех книг Кастанеда практически только и делает, что _вспоминает_? Вспоминает свою вторую жизнь, своего магического "двойника", свое "левостороннее осознание"... Там сохранилось многое. Дон Хуан искусственно разделил надвое и процесс обучения, и круг общения, да и всю свою жизнь с будущим продолжателем традиции. Уходя в свое вечное странствие, он оставил Кастанеде идеально составленную задачу: вспомнить свое левостороннее осознание и, тем самым, научиться свободно сдвигать точку сборки в эту вечно незадействованную часть "кокона". Иными словами, научиться преодолевать великую _силу фиксации_.

"По утверждению _видящих_, каждый ребенок окружен сотнями учителей, которые учат его, в каком точно месте следует зафиксировать точку сборки. Ведь поначалу точка сборки не фиксирована. Эманации внутри его кокона перемешаны и находятся в суматошном движении. Точка сборки при этом гуляет по всей человеческой полосе. Поэтому ребенок может с необычайной силой сфокусировать внимание на эманациях, которые в дальнейшем _будут начисто изъяты из употребления и напрочь забыты_. Но ребенок растет. Его окружают взрослые человеческие существа. Они имеют над ребенком значительную власть. Посредством усложнения внутреннего диалога они делают фиксацию точки сборки ребенка все более и более жесткой. Внутренний диалог - это процесс, все время поддерживающий положение точки сборки." (VII, 374) (_Курсив_ мой - А. К.)

А сила фиксации точки сборки у человека особенно мощная - ее поддерживает развитый через разум и язык механизм тоналя, что делает положение человека в ряду других биологических форм особенным.

"... он объяснил, что точка сборки человека не только обеспечивает настройку эманаций, необходимую для собственно восприятия, но также убирает определенные эманации из зоны настройки с целью получения большей четкости восприятия. Это похоже на снятие сливок - замысловатый, чисто человеческий прием, не имеющий параллелей.

Новые _видящие_ обнаружили, что только человеческое существо способно составлять блоки из блоков эманаций. Говоря о снятии сливок, дон Хуан воспользовался испанским словом "деснате", которым обозначается собирание самых вкусных сливок с кипяченого молока после того, как оно остынет. Нечто подобное происходит в случае человеческого восприятия. Точка сборки отбирает некоторую часть уже отобранных для настройки эманаций и формирует из них более рафинированную конструкцию.

- Сливки, которые собирает человек,- продолжал дон Хуан, - более реальны, чем то, что воспринимают другие существа. Это - ловушка, в которую мы попадаем. То, что мы воспринимаем, выглядит таким реальным! И _мы забываем_ - все это мы построили сами, скомандовав точке сборки занять то место, в котором она находится. _Мы забываем_ - все это реально лишь постольку, поскольку мы дали команду: воспринимать как реальное! Мы обладаем властью снимать сливки с настройки, но не способны защитить самих себя от собственных команд." (VII, 380) (_Курсив_ мой - А. К.)

Но наша задача - вспомнить. Вспомнить ту огромную часть опыта и восприятия, что живет постоянно где-то рядом своей собственной жизнью, словно под панцирем противоестественной амнезии. Состояние "повышенного осознания", которое дон Хуан вызывал у Кастанеды неоднократно, связывает наш "первый лик", наше _первое внимание_, с углубленной областью неосознаваемых энергетических волокон собственного тела. Каждый из нас хранит в этом своеобразном "подвале" широкую осведомленность как о внешней Реальности, так и о внутренних процессах, игнорируемых _тоналем_. Эта область может неожиданно активизироваться и косвенно заявлять о своем существовании "случайными" поступками, неожиданными для бодрствующего сознания действиями. Как-то в разговоре о насилии и способности воина быть "неуязвимым" дон Хуан, как бы невзначай, сделал любопытное замечание. Карлос спросил, как бы дон Хуан смог уцелеть, если бы его ожидали в засаде с винтовкой, снабженной оптическим прицелом, - ведь даже "воин" не может остановить пулю. Учитель безмятежно ответил: "В таком случае я там просто не появлюсь." Завороженные приключениями мага и его ученика, мы даже забываем задать себе вопрос: "А откуда он узнал бы о такой засаде?" В другом эпизоде Карлос, во время их совместного странствия среди скал, вдруг остановился, чтобы поправить развязавшийся шнурок. А через минуту в нескольких метрах дальше по тропе случился небольшой горный обвал. ("Сила хранит вас, - сказал Кастанеда, - но вы не знаете, как.") Все можно списать на случайность. Но безупречный воин сталкивается со "случайностями" почему-то чаще, чем обычный человек. У него словно бы объявляется "ангел-хранитель" или нечто вроде спонтанно включающейся интуиции. Дон Хуан утверждает, что так работает _второе внимание_ - наш _нагуаль_, наше _левостороннее осознание_. И недаром он называет его "притягателем шанса". Наша вторая половина, знающая обо всем гораздо больше первой, вмешивается в активность существа и направляет его, скромно обходя пороги рационального сознания. Все это - проблески, догадки, положения, до тех пор, пока не будет достигнута _целостность_, пока _первое внимание_ не воссоединится с обширным психическим полем _второго_ через особое _воспоминание_.

"Но почему получается так, что человек все забывает? - спросил я.

- Потому что эманации, дающие особую четкость восприятия и ясность сознания, остаются выделенными и усиленными только пока воин пребывает в состоянии повышенного осознания, - ответил дон Хуан. А без их усиления любые ощущения, которые испытал воин, и любые картины, которые он созерцал, тают без следа.

Поэтому одна из задач, которую новые _видящие_ ставят перед своими учениками - вспомнить. Для этого ученик должен самостоятельно добиться выделения и усиления соответствующих эманаций - тех, которые были задействованы в состоянии повышенного осознания." (VII, 359)

По сути дела, каждый человек обладает двойственным восприятием и раздвоенной памятью о восприятии. В обычных условиях вряд ли кто-нибудь из нас отдает себе отчет в этом. То, что дон Хуан время от времени называет "телом", - не просто психофизиологическая конституция индивида, но специфический _воспринимать_, пребывающий за границами _тоналя_.

"Дон Хуан говорил нам, что человеческие существа разделены надвое. Правая сторона, которую он называл _тональ_, схватывает все, что может воспринимать интеллект. Левая сторона - нагуаль, - царство, черты которого неописуемы, мир, который невозможно заключить в слова. Левая часть до какой-то степени воспринимается (если это можно назвать восприятием) всем нашим телом, отсюда и его сопротивление построению концепций.

Дон Хуан говорил нам также, что все способности, возможности и достижения магии, от самых простых до самых немыслимых, заключаются в самом человеческом теле." (VI, 135)

Пожалуй, здесь может скрываться объяснение тому, что ориентальные мистики все высшее, вплоть до Абсолюта, помещают _внутрь_ человеческой психики. Помните высшее "я" дзэн-буддистов? Неосознаваемые дороги, начало которых лежит в нашем собственном теле, могут завести как в смутные пучины субъективного подсознательного, так и в неописуемую безбрежность внешней Реальности - к такому выводу можно прийти, исследуя знание дона Хуана.

Магу предлагается развернуть принципиально иной способ восприятия, доступный ему в измененном режиме перцепции, так, чтобы тот оказался приемлемым и для _первого_ внимания, сообщив тем самым целостность, последовательность и полноту всем сохранившимся впечатлениям.

"Мы понимали, что в этих состояниях повышенного осознания мы воспринимали все одним целым куском, монолитной массой неотделимых деталей. Мы назвали эту способность воспринимать все сразу интенсивностью. Годами мы считали невозможным использовать отдельные составляющие части этих монолитных кусков опыта. Мы не могли синтезировать эти части в такую последовательность, которая имела бы смысл для интеллекта. Поскольку мы были не способны на такой синтез, мы не могли и вспомнить, эта наша неспособность вспомнить была фактически нашей неспособностью расположить воспоминания в линейной последовательности. Мы не могли, так сказать, разложить наши переживания перед собой и собрать их последовательно, одно за другим. Подученные переживания были доступны для нас, но в то же время мы не могли до них добраться, так как они были замурованы стеной интенсивности.

Следовательно, задачей воспоминания было соединить наши левые и правые стороны, объединить эти две стороны различных форм восприятия в единое целое. Это была задача по конденсации целостности самого себя путем расположения интенсивности в линейной последовательности." (VI, 137-138)

В пятой книге ("Второе кольцо силы") мы становимся свидетелями впечатляющего _воспоминания_ "параллельного восприятия" (так сказать, восприятия _нагуаля_), которое настигло Кастанеду после яркой демонстрации "сестричками" (ученицами дона Хуана) своих магических способностей. _Тональное_ восприятие после некоторой борьбы как бы "уступило" _второму_ вниманию, но уже задним числом, спустя какое-то время после восприятия этих событий. Сцена _воспоминания_ начинается с типичного описания сдвига точки сборки (см. подраздел "Точка сборки"):

"...со мной случилось нечто чрезвычайно интригующее. Наиболее точно это можно было бы описать, сказав, что мои уши внезапно лопнули. Вслед за этим я ощутил лопанье в области середины своего тела как раз над пупком, причем еще более резко, чем в ушах. Сразу после этого все стало невероятно отчетливым: звуки, картины, запахи. Затем я услышал интенсивный шум, который, как ни странно, не нарушал моей способности слышать самые тихие звуки. Казалось, я слышал шум какой-то другой частые себя, не имеющей отношения к моим ушам..." (V, 551)

И тут Кастанеда вспомнил свое восприятие энергетических потоков, которыми пользовались "сестрички" для исполнения немыслимых акробатических этюдов, вспомнил, что воспринимал их физические тела как сгустки свечения и еще многое другое. Любопытно, что при этом он ясно помнил свое тональное восприятие, где все эти детали, разумеется, отсутствовали, и зрелище оставалось просто совокупностью необъяснимых действий.

"Когда я рассказал им об этих сосуществующих видах памяти, сестрички посмотрели на меня с недоумением. Только одна Ла Горда, по-видимому, поняла, что со мной случилось. Она с неподдельным удовольствием засмеялась и сказала, что Нагваль (так члены отряда магов называют своего лидера, в данном случае - дона Хуана - А. К.) был прав: я слишком ленив, чтобы помнить, что _видел_, поэтому заботился только о том, на что "смотрел".

Возможно ли это, спрашивал я себя, чтобы я мог бессознательно отбирать, что мне помнить? Или все это дело рук Ла Горды? Если это было правдой, значит, я сначала отобрал свои воспоминания, а затем освободил то, что было подвергнуто цензуре. Значит, тогда правда и то, что и в действиях дона Хуана и дона Хенаро я воспринимал намного больше, чем помнил сейчас. И вот теперь я мог вспоминать только отобранную часть моего целостного восприятия тех событий.

- Трудно поверить,- сказал я Ла Гордо, - я могу теперь вспомнить нечто такое, что совсем недавно вообще не знал.

- Нагваль сказал, что _каждый человек_ может _видеть_, но почему-то мы предпочитаем не помнить того, что мы _видели_, сказала она. Теперь я понимаю, что он был прав. Все мы можем _видеть_ в большей или меньшей степени." (V, 552-553)

В этой растянувшейся главе мы, конечно же, рассмотрели далеко не все из того, что касается энергетической сущности природы человека. Но даже одни лишь ключевые концепции представленные здесь в самых общих чертах, могут произвести настоящий переворот в наших традиционных представлениях о том, что есть человек и каковы его возможности. Теперь наступил момент, когда следует коснуться особой и значительной темы - нам предстоит попытка понять, за счет каких ресурсов совершаются столь решительные трансформации в человеческом существе, из какого источника воин черпает _силу_ для развития своих непостижимых умений и способностей, почему этот путь, остающийся доступным любому, тем не менее, так труден в своем практическом воплощении.

До сих пор мы говорили о _теоретических_ предпосылках знания дона Хуана. Мы старались показать, опираясь на всевозможные достижения философской и психологической мысли, что такой путь постижения Реальности _вообще возможен_. Вкратце мы коснулись и другой обширной темы: с помощью _каких инструментов_ человек может постигать Реальность, двигаться и действовать в ней - что привело к кардинальному пересмотру его как субъекта, пониманию его как существа в первую очередь _энергетического_, а не телесного. Его нельзя назвать даже биокомпьютером с сильным полевым оснащением (как предпочитают думать некоторые биофизики и многие современные экстрасенсы). Мы можем сказать, что человек в Реальности представляет собой сложную энергетическую формацию, целостную и гибкую, но утратившую большую часть своей подвижности в результате определенной эволюции его психологического устройства. Мы также можем утверждать, что ограничения, наложенные плодами этой психологической эволюции на природу человека, не абсолютны. Более того, благодаря открытиям Карлоса Кастанеды, которому это специфическое знание было доверено, мы имеем возможность познакомиться с дисциплиной, ведущей к раскрытию целостного энергетического потенциала человека как существа подлинной Реальности, Реальности без интерпретаций, чья сущность - _бессмертие_ и _свобода_. Традиция дона Хуана именует эту дисциплину "путем воина", а центральным и решающим ее элементом называют _безупречность_. Перефразируя того же дона Хуана, можно сказать, что без _безупречности_ все, о чем вы прочитали выше, навсегда останется для вас только "сказкой о силе", интеллектуальной игрой и полетом

фантазии. Пора поговорить о том, как "сказки о силе" превращаются в невероятную правду.

ГЛАВА 6. БЕЗУПРЕЧНОСТЬ

"_Настоящие люди древности не знали, что такое радоваться жизни и отворачиваться от смерти, не гордились появлением на свет и не противились уходу из мира. Отрешенно они приходили, отрешенные уходили, не доискиваясь до начала, не устремляясь мыслью к концу, радуясь тому, что даровано им, и самозабвенно возвращаясь к своему естеству. Разум таких людей погружен в забытье, облик бесстрастен, чело величественно. Прохладные, как осень, и теплые, как весна, они следовали в своих чувствах течению времен года. Они пребывали в безграничной гармонии с миром, и неведомо, где положен им предел_..."

Чжуан-цзы

1. Путь воина

Дон Хуан утверждает: чтобы на практике реализовать высшие достижения магического искусства, т.е. преодолеть ограничения тоналя и прийти к непосредственному контакту с энергетическими полями Реальности, не разрушив при этом ни тела своего ни разума, необходимо следовать _пути воина_, что означает, в первую очередь, быть _безупречным_.

Безупречность - особая тема кастанедовских книг, и, по-видимому, одна из наиболее объемных. Внимательный читатель легко обнаружит, что большую часть проблем, возникающих у Карлоса, в процессе обучения сдвигу точки сборки и любым другим магическим техникам, дон Хуан рекомендует разрешать при помощи _безупречности_. Фактически, это постоянная оговорка учителя. "Безупречный воин может делать то-то и то-то", - обычно так заявляет дон Хуан. Благодаря своей безупречности воин достигает того-то",
- говорит он, и никакие другие условия, обходные пути или компромиссы учителя не устраивают. В данной традиции отсутствие _безупречности_ у мага для него равносильно смерти. Энергетика человека, ведущего обычный образ жизни, не выдерживает соприкосновений с _нагуалем_, "кокон" разрушается либо так меняет свою форму, что личность становится недееспособной - в конечном итоге, безумной. Здесь не до морали - таковы энергетические законы Бытия, не имеющие ничего общего с нравственными проблемами человечества. Опасно и неразумно пытаться обойти этот пункт дон-хуановского учения, надеясь чудесным образом добраться до его высот и миновать кардинальную перестройку психических процессов, которую подразумевает это исключительно важное слово - _безупречность_.

Это принципиальный этап в развитии человеческой психологии и особое состояние духа. Это трансформация практически всех жизненных установок личности, влекущая за собой явление нового существа, мало в чем подобного человеку в его нынешнем, ординарном состоянии. Концепция _безупречности_ содержит столько коренных, фундаментальных приемов по изменению психики, а эффективность ее и воздействие на индивидуума столь значительны, что вполне можно утверждать: _безупречность_ заслуживает того, чтобы следовать ей безо всяких "потусторонних", магических или сверхъестественных целей. Безупречность сама по себе достойна того, чтобы ею жить.

Более того, практикуемая исключительно _ради высоких плодов дон-хуановской магии_, она перестает быть безупречностью и превращается в обычную разновидность аскетизма, тренировку воли для демонстрации своего характера ближним, не более того. Уже здесь, в самом начале главы, я хотел бы подчеркнуть особенную деталь, на которую не всегда обращают внимание читатели Кастанеды. Каждый отряд магов, не исключая и отряда дона Хуана, перед тем, как достичь высшего акта трансформации - _третьего внимания_, - вынужден был пройти через период своеобразного _отречения от цели_. Все они знали момент крайнего отчаяния и безнадежности, все какое-то время искренне верили, что им не суждено добраться до вершины, и все выбирали единственный выход: _жить безупречно ради самой безупречности_. Собственно говоря, только в этот момент и достигается абсолютная (а не относительная) безупречность, необходимая для наивысшего взлета. Психология, как всегда, парадоксальна: лишь отказавшись от цели, получаешь возможность ее достижения. Поэтому мы будем рассматривать безупречность, в основном, саму по себе, как бы оторвавшись от полетов в Непостижимое и прочих сложностей нагуаля. И тогда мы поймем, что имеем дело с подлинным _искусством жизни_ во всех ее аспектах и проявлениях. А так как жизнь сложна и многообразна, то говорить о _безупречности_ - очень трудная задача. Слишком часто приходится обращаться к метафорам и аллегориям. Выразительный намек дал дон Хуан Кастанеде после того, как тот чуть не попал под сорвавшийся кусок скалы во время их прогулки в горах.

"Он сказал, что сила, которая правит нашими судьбами, находится вне нас и не обращает внимания на наши действия или волеизъявления. Иногда эта сила заставляет нас на нашем пути наклониться, чтобы завязать шнурки на ботинках, как это только что сделал я. И, заставляя нас остановиться, эта сила заставляет нас добраться до точно определенного момента. Если бы мы продолжали идти, этот огромный валун явно раздавил бы нас насмерть. Однако в некоторый день, в другом ущелье, та же самая руководящая сила заставит нас наклониться и завязать шнурки, в то время как другая глыба сорвется в точности над тем местом, где мы будем стоять. Заставив нас остановиться, эта сила заставит нас упустить точно определенный момент. На этот раз, если бы мы продолжали идти, то спаслись бы. Дон Хуан сказал, что поскольку у меня полностью отсутствует контроль над силами, которые решают мою судьбу, моя единственная свобода в этом ущелье состоит в _безупречном_ завязывании своих ботинок." (V, 562)

Именно в этом пассаже исключительно ярко выражено извечное отношение между ограниченным человеком и непостижимой Реальностью - отношение, наполненное особым трепетом и неопределенностью, сплошной и никогда не разрешимой таинственностью самого процесса существования. Где-то здесь обнаруживается сокровенная суть всякого мистицизма как особенного и нерасчленимого сплава смирения и дерзости перед безличной мощью _нагуаля_. В этой загадке отношения человека к бесконечно превосходящей его силе и заключен, должно быть, исток эмоционального состояния, лежащего за гранью страха или надежды, за гранью любой человеческой привязанности, - исток _безупречности_ как таковой. Выражаясь условно, мы все "прижаты к стене" и уже не можем позволить себе _даже испугаться_, поскольку Реальность не знает такого чувства, не может испытывать симпатий, и раздавит нас, стоит совершить одно неверное движение. В мире _тоналя_ она тоже мстит за ошибки не так очевидно, но, в конце концов, так же сокрушительно. И все наши судьбы (не воинов, а обычных людей) - сплошная вязь, состоящая из удач и поражений, из движений вслепую, наощупь, рискованная игра в судьбу, где интуиция заменяет безупречность, иногда совпадая с ней (и тогда мы на коне), иногда - противореча ей (и тогда мы несчастны). Следуя безупречности, мы всегда "то, что есть", и все, что происходит с нами, истина нашего пути, а не слепая игра случая.

"Безупречно" завязывая шнурки, мы не попадем под горный обвал или, что куда прозаичнее, под трамвай. Почему? Никто не знает, никто не объяснит. В этом - самое впечатляющее проявление мистики повседневного, демонстрация того, что жизнь насквозь пронизана непостижимым и является великой тайной отношения "человек - мир". Невозможно умствовать на этот счет, невозможно строить гипотезы и делать теоретические выкладки: оно случается _неизвестно как_. Вы можете только попробовать и убедиться на собственном опыте. Тем более, что в самой работе над безупречностью нет абсолютно ничего мистического. Безупречность полностью и целиком принадлежит _тоналю_. Это тональное действие, контролируемое разумом, рациональностью, здравым смыслом. Вспомните, с чего начинается безупречность:

"... дон Хуан указал на кажущееся противоречие, заключенное в идее изменения. С одной стороны, мир магов призывал к полной трансформации, с другой - объяснение магов говорит, что остров _тоналя_ является цельным, и ни один из его элементов не может быть перемещен. В таком случае изменение не означает уничтожения чего бы то ни было, а скорее замещение значения, которое мы придаем этим элементам.

- Жалость к самому себе, например,- сказал он.- Нет никакого способа избавиться от нее, освободиться от нее с пользой. Она имеет определенное место и определенный характер на твоем острове, определенный фасад, который видно издалека. Поэтому каждый раз, когда предоставляется случай, жалость к самому себе становится активной. У нее есть история. Если ты сменишь фасад жалости к самому себе, то ты уберешь и ее выдающееся положение.

Я попросил его объяснить значение этих метафор, особенно идею смены фасадов. Я понял это как возможность играть несколько ролей одновременно.

- Фасады изменяешь, изменяя использование элементов острова, сказал он. Возьмем опять жалость к себе. Она была полезной для тебя, потому что ты чувствовал свою важность, и считал, что ты заслуживаешь лучших условий, лучшего обращения. Она, может быть, еще и потому имела значение, что ты не хотел принимать ответственность за поступки, которые побуждали тебя жалеть самого себя, или потому, что ты не был способен принять идею своей нависшей смерти как свидетеля твоих поступков и советчика. Стирание личной истории и три сопутствующие ей техники являются средствами магов для изменения фасадов элементов острова. Например, стиранием личной истории ты отрицал использование жалости к самому себе. Для того, чтобы жалость к себе сработала, тебе необходимо быть важным, безответственным и бессмертным. Когда эти чувства каким-либо образом изменены, ты уже не можешь жалеть самого себя.

То же справедливо и в отношении всех других элементов, которые ты изменил на своем острове. Без использования этих четырех техник ты бы никогда не добился успеха в перемене их. Смена фасадов означает только то, что ты отводишь второстепенное место первоначально важным элементам. Твоя жалость к себе все еще предмет на твоем острове. Она будет там, на заднем плане, точно так же, как идеи нависшей смерти, или смиренности, или твоей ответственности за свои поступки уже находились там раньше без всякого использования." (IV, 244-245)

Итак, прежде всего важно понять, что подлинная трансформация психики заключается в перестановке ее элементов согласно тому порядку, которому мы _намеренно_ хотим следовать. Решение о такой перестановке принимает разум и начинает работу с собой и другими частями _тоналя_, не прибегая ни к каким "внешним" средствам. Все совершается на острове _тональ_. Нагуаль со своей магией придет гораздо позже. И здесь возникает сильное искушение: обращаться со своим внутренним миром теми же способами, что и с внешним, т.е. подавлять, подчинять, сражаться, завоевывать позиции и т.д. Дон Хуан предостерегает против этой очень серьезной ошибки:

"Он указал вокруг меня быстрым движением руки, а затем коснулся моей записной книжки.

- Это твой мир, и ты не можешь этого отрицать. Бесполезно сердиться или разочаровываться в самом себе. Все, что в данном случае происходит,- это то, что твой тональ ушел в свою внутреннюю битву. Битва внутри собственного тоналя - это одно из самых нежелательных состояний, какие только можно представить. Безупречная жизнь воина предназначается для того, чтобы закончить эту битву. Для начала я обучил тебя, как избегать опустошенности и измотанности. Теперь в тебе больше нет войны. Нет в том смысле, в каком она была, потому что путь воина - это сначала гармония между действиями и решениями, а затем гармония между тоналем и нагуалем.

В течение всего времени, что я тебя знаю, я говорил, обращаясь как к твоему тоналю, так и к твоему нагуалю. Именно таким способом должны даваться инструкции.

Сначала следует разговаривать с тоналем, потому что именно тональ должен уступить контроль. Но он должен сделать это с радостью. Например, твой тональ без особой борьбы уступил часть своего контроля, потому что ему стало ясно, что в противном случае твоя целостность была бы разрушена. Иными словами, тональ должен отказаться от таких ненужных вещей, как чувство собственной важности и потакание себе, которые лишь погружают его в скуку. Но проблема в том, что тональ цепляется за все это, хотя он должен был бы радостно избавиться от подобной мути. Необходимо сначала убедить тональ стать свободным и текучим. Прежде всего магу необходим сильный, свободный тональ." (IV, 158-159) Внутренняя битва - это враг безупречности, состояние, ни в коем случае несовместимое с безупречностью. Тибетский мистик Чогьям Трунгпа издал в 1984 г. замечательную книгу "Шамбала: священный путь воина". Разумеется, тибетская традиция сильно отличается от дон-хуановской, в первую очередь, тем, что ставит перед собой иные цели, иначе описывает психологический механизм и технику трансформации (в частности, автор, как и другие ориенталисты, проповедует медитативную технику "свидетель", уже рассмотренную нами выше), так что совпадения в словах не должны вводить читателя в заблуждение. И все же некоторые подходы и приемы оказываются близкими, в чем легко убедится всякий, кто возьмет на себя труд прочесть эту действительно полезную книгу. Например, Чогьям Трунгпа, как и дон Хуан, подчеркивает пагубность "внутренних битв" любого рода: "С точки зрения Шамбалы, когда мы говорим, что люди обладают глубинным добром, мы имеем в виду то обстоятельство, что они обладают всеми необходимыми им качествами, так что не следует бороться против своего мира. "Подозревая в себе непоследовательность и огромное количество недостатков, мы часто побаиваемся самих себя, так как знаем лишь один способ самоулучшения - внутреннюю войну, войну с самим собой. А воевать не хочется. Тибетский автор справедливо спрашивает: "Как часто вы желали посмотреть на свое лицо в зеркале, не испытывая при этом замешательства? Сколько раз вам приходилось скрываться от самих себя при помощи чтения газет, телевизора или прогулок?" Но если мы знаем, что воевать с собой не придется, ничто не помешает пристально разглядеть собственную природу и спокойно разобраться, что и на каком месте в ней должно находиться. Подобную процедуру дон Хуан называет "стратегической инвентаризацией".

"Безупречность есть не более чем адекватное использование энергии, сказал он.- И все, что я говорю, к вопросам морали и нравственности не имеет ни малейшего отношения. Я обладаю энергией, и это делает меня неуязвимым. Чтобы понять, тебе необходимо самому накопить достаточное количество энергии.

<...>Воин проводит стратегическую инвентаризацию. Он составляет список всего, что делает. А затем решает, какие пункты этого перечня можно изменить, чтобы дать себе передышку в расходовании энергии.

Я возразил, что в такой перечень должно входить все, что только есть под солнцем. Дон Хуан терпеливо пояснил, что стратегической инвентаризации, о которой идет речь, подвергаются только те поведенческие структуры, которые не являются существенными с точки зрения выживания и благополучия." (VII, 274-275)

Конечно, на первых порах нелегко понять, о чем именно идет речь и как подобную "инвентаризацию" производить. К счастью, большую часть этой работы проделали до нас, и достаточно квалифицированно. По сути, речь идет об определенных стереотипах реагирования на окружающий мир,- стереотипах, неоправданно энергоемких и мотивирующих поведение, с точки зрения воина безрассудное и бессмысленное. Даже обычный человек порою ощущает нелепость своих реакций и поступков, особенно если легко поддастся настроению минуты или врожденной импульсивности собственного темперамента. В таких случаях мы часто раскаиваемся, но нашего здравомыслия хватает ненадолго, и вскоре все повторяется с обидным однообразием. Кроме того, в нашей психике существует масса нелепых и ненужных стереотипов, о наличии которых мы и не догадываемся. Однако именно эти стереотипы, будучи неосознанными, каждодневно выкачивают из нас силы, делая жизнь такой утомительной и болезненной. Можно сказать, что тональ обычного человека всегда несовершенен, в той или иной степени уродлив и проявляет свое уродство в самом обычном, повседневном мире. Парадоксальным образом он направлен в основном на саморазрушение, хотя его первейшая забота - выживание индивида.

В четвертой книге ("Сказки о силе", гл. 3 "День тоналя") Кастанеда убедительно повествует о том, как дон Хуан демонстрировал ему различные гримасы человеческого тоналя. Там же учитель объясняет Карлосу, что такое правильный тональ, который, к сожалению, встречается у людей довольно редко. Дон Хуан говорит:

"... у каждого тоналя есть две стороны. Одна - внешняя сторона, бахрома, поверхность острова. Эта часть связана с действием и деятельностью - беспорядочная сторона. Другая часть - это решения и суждения, внутренний тональ - более мягкий, более нежный, более сложный.

Правильный тональ - это такой тональ, где оба уровня находятся в гармонии и равновесии." (IV, 145-146)

Это еще не тональ воина, который является воплощением безупречности во всех аспектах своего функционирования, но тот тип, который легче всего поддается внутренней работе и расположен к необходимому самосовершенствованию. Организация и оформление правильного тоналя - это фундамент для достижения безупречности воина.

Нельзя не сказать, что понятие безупречности, несмотря на то, что ему уделяется много внимания в книгах Кастанеды, все же зачастую остается несколько расплывчатым. Охватывая сразу столько аспектов жизнедеятельности, безупречность не открывает свою подлинную суть поверхностному взгляду. Чтобы более четко определить характер этого особенного состояния, нам проще обратиться к общеизвестной терминологии и назвать его "растворением" или "преодолением" эго. Подобная дисциплина широко распространена и хорошо известна почти во всех направлениях мистических и оккультных школ, особенно на Востоке. Каждая школа, конечно, предлагает собственную модификацию процесса, собственную метафизику и метапсихологию, объясняющую и оправдывающую путь "отречения от эго", каждое направление полагает свою технику наиболее эффективной, но в сущности речь идет об одном и том же. Ортодоксальная йога, тибетские учения калачакры, древние школы буддизма, даосизм, дзэн - все они провозглашают различные теории, как онтологические, так и психологические, декларируют различные цели своих дисциплин, но в отношении эго всегда единодушны и категоричны: эго - главное

препятствие на пути духовной практики. Дон Хуан, владеющий знанием совершенно иной цивилизации, своими суждениями как бы еще раз подтверждает истинность этой идеи:

"Затем он заговорил о древнем человеке. Он сказал, что древний человек самым непосредственным и наилучшим образом знал, что делать и как делать что-либо. Но, выполняя все действия так хорошо, он начал развивать эгоизм, из-за чего у него возникла уверенность в тем, что он может предвидеть и заранее намечать действия, которые он привык выполнять. Вот так появилось представление об индивидуальном "я", которое начало диктовать человеку характер и диапазон его действий... Современный человек, пожиная плоды этого процесса, в конечном счете обнаруживает, что безвозвратно утратил связь с источником всего сущего и что ему под силу лишь насильственные и циничные действия, порожденные отчаянием и ведущие к саморазрушению...

<...> Битва для воина - ото тотальная борьба против индивидуального "я", которое лишает человека его силы." (VIII, 146)

Эго, или представление об отдельном, индивидуальном "я", порождает весь комплекс психологической деятельности современного индивидуума. Это истинный генератор мотивов и целей всей человеческой цивилизации. В первую очередь, эго понуждает личность к целенаправленной деятельности либо к отказу от деятельности, если для эго она не мотивирована. Поэтому одним из первых шагов в работе по преодолению власти эго является известная практика т. н. "незаинтересованного действия", т.е. практика совершения действий при полном безразличии к их "плодам" - поощрению, награде, удовлетворению каких бы то ни было ожиданий или амбиций, достижению цели. Этот принцип усиленно пропагандируется еще в древней "Бхагавадгите", и с тех пор известен как "кшатрийская этика незаинтересованного действия". Особое развитие он получил в карма-йоге, но используется практически во всех школах индо-буддистского мистицизма. Китайская мистическая доктрина тоже включает его в качестве важного элемента с древнейших времен. Помните, как писал Чжуан-цзы? "Правда мира в том, чтобы быть возвышенным без горделивых дум, воспитывать себя, не думая о гуманности и справедливости, править, не имея заслуг и славы..." Дон Хуан также обучал этому принципу своих учеников и называл его "действием ради действия".

Действие ради результата - это стереотип, выработанный аппаратом эго. Действие без результата - это разрушение стереотипа. Эго вообще является кладезью всех и всяческих шаблонов восприятия и действия, гарантируя неизменность мира и монотонность переживаний. Как пишет Чогьям Трунгпа, "мы пользуемся привычными стереотипами, чтобы изолировать себя и изобразить в лучшем виде". И дальше: "Привычные стереотипы позволяют вам видеть перед собою лишь на три шага вперед. Вы всегда смотрите на землю, никогда не взглянете вверх, на синее небо или горные вершины. Вам не дано улыбнуться при виде тумана, поднимающегося над ледниками. Практически вас приводит в замешательство все, что находится выше головы - там нет для вас ничего интересного." Отбрасывая действие ради плодов и культивируя действие ради действия, мы обретаем неожиданную широту восприятия и начинаем переживать мир в большем объеме. Бескорыстное внимание замечает красоту бытия, возвращая ему первозданную яркость и насыщенность.

Результат безупречности - это, собственно говоря, анатман, т.е. отсутствие "я", как это состояние именуется в некоторых школах буддизма. Мы проводим последовательную работу по отключению механизмов эго, мы делаем эго все более тонкой и гибкой структурой, мы сокращаем его притязания до нуля и неожиданно открываем, что в самой сердцевине нашего существа, кроме центра восприятия, вообще ничего нет. Буддисты говорят, что находят в себе "пустоту". Это необыкновенное чувство не имеет ничего общего с эмоциональным оцепенением или абсолютным безразличием. Эта "пустота"

удивительным образом оказывается более полной, чем наша обычная эгоистическая суета. Полноценное восприятие и яркое переживание буквально врываются в открывшееся пространство. В большей, чем когда-либо, степени мы оказываемся способны чувствовать, и сложный комплекс "чувствований" воина частично описан самим Кастанедой в его поздних книгах. Легкость и подвижность психики дают ни с чем не сравнимое ощущение освобожденности, воспринимаемый мир как бы проясняется, все становится прозрачнее, отчего кажется, будто нас стало больше, и мы проникаем в окружающую Реальность шире и глубже. Все обострено до предела, и явным делается неразделимое чувство обретения и разлуки, полноты и пустоты, единства с потоком жизни и одиночества. Печаль и радость - непременные спутники этого нового состояния. Новая печаль и новая радость, прежде незнакомые, они приходят в жизнь воина, подтверждая значительность пройденного пути, ибо много обретено и много оставлено. Он уже не совсем человек или, можно сказать, он уже слишком человек - в зависимости от того, где мы помещаем точку отсчета.

Все эти странные чувства невыразимы и необъяснимы для тоналя. Он лишь свидетельствует некое превращение, сути которого ему не постичь. В мире нагуаля видящий может воспринимать изменение энергетической формы такого существа. Точка сборки у безупречного воина находится несколько глубже, она лишена жесткой фиксации на поверхности светящегося кокона и собирает воспринимаемые эманации внутри волокнистой массы энергетического света. Столь необычные субъективные переживания связаны, видимо, с расширением зоны перцепции и соответственным изменением в качестве энергообмена между внутренними и внешними эманациями. Преимущества такого положения точки сборки очевидны - отсюда она может с легкостью изменять свою позицию, так как уже не связана привычной фиксацией, вырабатывавшейся на протяжении всей предыдущей жизни.

Такое понимание перцептивного механизма объясняет, наконец, почему безупречность сама по себе может вызывать изменения в режиме восприятия. Удивительный факт! Не используя никаких медитативных приемов, специальных психотехник, следуя только последовательной дисциплине по изменению отношений между личностью и окружающим ее миром, мы спонтанно входим в сферу "магического" видения и открываем для себя состояния, обычно относимые к области парапсихологии. Примеры подобных явлений, прежде необъяснимых, можно найти во множестве известных ситуаций, когда человек в силу религиозных убеждений или жизненных испытаний начинал неосознанно применять элементы безупречности в повседневной жизни.

Итак, обретение _безупречности_ достигается благодаря преодолению эго. Каким образом эго манифестирует себя в наших ежедневных переживаниях? Что наиболее характерно в нашем реагировании на мир отражает природу эго и работу его механизма? Именно это становится предметом выяснения при проведении воином _стратегической инвентаризации_, о которой мы сказали выше.

Первейшая функция эго - это _забота о выживании_ существа как уникальной психофизиологической и социальной единицы. Знание дона Хуана сообщает нам, что основными плодами такой заботы в психологии индивида оказываются _страх_ и _чувство собственной важности_. И то и другое вполне способно довести личность до крайнего энергетического истощения, так как почти постоянно имеет почву для своего проявления. Когда мы говорим о страхе, то имеем в виду прежде всего _страх смерти_. Ниже читатель сможет убедиться в реальных масштабах этого чувства, которое распространяется не только на непосредственную угрозу гибели, но и на значительную область повседневной жизни. Подобным же "айсбергом" является и _чувство собственной важности_. Те явные

всплески, что мы обычно замечаем,- лишь крохотная часть его подлинного присутствия в нас.

Обратной стороной вышеназванных продуктов эго неминуемо оказывается _жалость к себе_. Как результат эгоистической рефлексии она постоянно настигает нас в случае фрустрации, когда работа эго в области самосохранения подвергается угрозе или не достигает желаемого.

Кроме того, отдельное явление в процессе рефлексии представляет _потакание себе_ (как его называют изобретательные переводчики Кастанеды на русский язык, "индульгирование" - от англ. слова _indulge_). Это общая способность человеческой психики искусственно затягивать, продлевать любое переживание, будь то приятное или неприятное. _Потакание себе_ можно назвать своеобразной психической реверберацией, когда испытанное раз чувство благодаря многократному отражению в механизме эго гулким эхом блуждает во внутреннем мире личности, требуя огромного количества психической энергии, которая уходит в пустоту. Каждый из нас прекрасно знает, что такое "индульгировать" или потакать себе. Иногда мы способны удерживать какое-то чувство в себе годами - например, обиду, раздражение или злость. Дон-хуановский воин не может позволить себе такой роскоши. Любое потакание себе в данной дисциплине совершенно исключено как необоснованное и вредное растрачивание сил, необходимых для неуклонного продвижения вперед.

Следующий раздел мы посвятили рассмотрению трех самых серьезных препятствий на пути к безупречности - _страху смерти_, _чувству собственной важности_ и _жалости к себе_.

2. Фундамент безупречности: три победы воина

а) _Страх смерти_

_Живя,
Будь мертв,
Будь совершенно мертв -
И делай все, что хочешь,
Все будет хорошо_.

Бунан

Когда речь заходит о страхе смерти, мы нередко сталкиваемся с заявлениями такого рода: "Я смерти не боюсь". Человек, утверждающий подобные вещи, очень часто бывает совершенно искренен и не надо обвинять его в легкомыслии или браваде. Обычно мы имеем дело просто с неточным пониманием сути этого выражения, с представлением о смерти как физическом факте - агонии тела и последующем провале в небытие (во всяком случае, для атеистически воспитанного сознания). Только внимательно рассмотрев всю объемную психологическую подоплеку смерти как явления бытия, мы начинаем понимать, что _страх смерти_ есть один из важнейших детерминаторов человеческого поведения. Будучи фактом для обычного сознания неизбежным, смерть редко становится предметом серьезных раздумий или насущной озабоченности - какой резон страшиться того, что неминуемо произойдет рано или поздно, независимо от нашего отношения и степени нашей осмысленности этого? Так рассуждает почти всякий, и страх смерти совершенно естественным образом уходит в подсознательное, скрывается за целым комплексом защитных механизмов и реакций, уходит так глубоко, что личность искренне погружается в утешительную иллюзию: страх смерти побежден, для меня он больше не существует. У

интеллектуалов такое заблуждение приобретает особенно рафинированный вид - познакомившись с идеями объективного идеализма и целым рядом подобных в этом отношении философских доктрин, а иногда восприняв умозрительно религиозные учения, где смерть всегда есть особо важный момент, рассматриваемый с пристальным вниманием, они находят там для себя приемлемые, успокоительные воззрения (творческие натуры, кроме того, могут создать свои собственные) и выстраивают в уме _миф о смерти_ и _миф о себе_.

Каким же образом происходит разоблачение страха смерти? Во-первых, следует показать, что страх смерти - вовсе не игрушка, а одно из важнейших препятствий на пути духовного знания, а для этого его надо извлечь из подсознательного и раскрыть все многообразие масок, надеваемых этим чувством, когда оно доминирует во внутреннем мире человека. Мы рассмотрим лишь важнейшие деформации страха смерти в сознании человека:

1) Первейшей и наиболее явной маской страха смерти является _страх одиночества_. Их связь в подсознательном настолько очевидна, что нет нужды останавливаться здесь подробно. Достаточно сказать, что общаясь с себе подобными, мы так или иначе делимся с ними своим внутренним бытием, делая его как бы шире, и радуемся призрачному своему продолжению, отдавая другим часть своей энергии и получая соответственно от них - данный процесс носит обоюдный характер. Особое выражение страх одиночества получает в желании иметь детей, так как здесь обмен энергиями имеет исключительно сильный характер.

2) _Привязанность и любовь_ - непосредственный и логический результат страха одиночества. Встречая личность наиболее подходящую нам в эмоциональном и психологическом плане (особенно в тех случаях, когда поиск был долгим и трудным), человек испытывает чувство чуть ли не экстатическое,- ярче всего это бывает в юности, когда социальные связи не устоялись, а уверенность в своих силах невысока, безудержная благодарность легко превращается в привязанность или дружбу (если личность одного с ним пола), либо в любовь (если личность противоположного пола). С такой точки зрения смерть и любовь действительно тесно связаны друг с другом, и психоанализ, достаточно много раскрывший в этой области, здесь как нигде близок к истине - если оставить в стороне мифические спекуляции вокруг _либидо_ и _танатоса_.

3) _Влечение к чувственным удовольствиям и впечатлениям_, прежде всего, имеет весьма косвенное отношение к физиологическим потребностям организма. То, что чувственность, хотя и является результатом в первую очередь органической конституции физического существа, у человека служит главным образом средством защиты от страха смерти, легко подтверждается обычным наблюдением: интенсивность чувственности часто сильно изменяется в сторону уменьшения, когда индивид находит другой предмет для сосредоточенного внимания, если тот с успехом может исполнять ту же роль (творчество, наука, бизнес и т.п.). То же касается и впечатлений - зрелища и путешествия превращаются в манию, если другие виды активности по какой либо причине оказываются неудовлетворительными.

4) К иной группе метаморфоз страха смерти относится страх _потери времени_. Спешка и нетерпение, широко распространенные в современном обществе, обязаны своим возникновением глубоко скрываемому в подсознательном страху конца, страху перед ограниченностью существа во времени.

5) Отсюда рождается _страсть к деятельности_. Погружение в активность, которую нам не следует недооценивать, ибо она есть причина всего масштабного прогресса человечества, есть, тем не менее, все тот же страх смерти, который здесь, как и во многих

других случаях, исполняет роль движущего импульса, порой весьма плодотворного, но имеющего источник пагубный и разрушительный.

6) _Воля к славе_ и _борьба за лидерство_ - наиболее отвлеченные к этом ряду. Они естественным образом вырастают из страсти к деятельности и влечения к чувственным удовольствиям (впечатлениям), которые мы уже упоминали. При вдумчивом анализе здесь легко найти и желание расширить себя на более долговечные явления (история, искусство и т.д.), и желание повысить собственную значимость, чтобы личная смерть индивидуума стала серьезным событием для продолжающих жить - еще одна защитная конструкция перед лицом страха смерти.

7) _Влечение к сексуальной активности_, которое фрейдистская школа ставит во главу угла всей своей психологической доктрины, есть лишь наиболее универсальное средство в раду всех защитных конструкций. Потому оно и может показаться центральным или основополагающим. Ибо оно черпает силы изо всех приведенных выше явлений начиная со страха одиночества и заканчивая борьбой за лидерство. Конечно, следует помнить, что мы отвлекаемся здесь от чисто физиологической стороны дела, так как сексуальность в чистом виде есть продукт биологической эволюции вида, и только в мифологии человеческого сознания приобретает эту специфическую защитную функцию.

Мы не перечислили все проявления страха смерти, но сказанного уже достаточно для того, чтобы понять простую истину: _всякое сознание, не видоизмененное при помощи специальной дисциплины, несет в себе страх смерти, даже когда всячески его отрицает_. Перед тем, как обратиться непосредственно к дисциплине, цель которой - устранение страха смерти, надо отметить следующее: страх смерти понуждает личность к действию, и потому в данной структуре мира выполняет исключительно важную роль. Ординарное сознание, лишенное этого движителя, обречено на апатию, полное оскудение, психологический распад и бесцельное прозябание. Вот почему по мере исчезновения страх смерти в дисциплине дона Хуана заменяется другими, более адекватными ее целям стимулами.

Преодоление страха смерти требует немало времени и сил, но вполне достижимо. Дон Хуан предлагает Кастанеде целый ряд приемов, помогающих в этой работе, - приемов, демонстрирующих прекрасное понимание парадоксальности человеческой психологии, ничуть не уступающее по своей глубине пониманию древних мудрецов Востока. Прежде всего, дон Хуан как бы "выворачивает наизнанку" отношение к смерти вообще.

"Нет,- сказал он убежденно.- Смерть не является врагом, хотя и кажется им. Смерть не разрушает нас, хотя мы и думаем, что это так.

- Но если она не является нашим разрушителем, тогда что же она такое? спросил я.

- Маги говорят, что смерть является единственным стоящим противником, который у нас есть,- ответил он. - Смерть - это вызов дня нас. Мы все рождены, чтобы принять этот вызов,- и обычные люда, и маги. Маги знают об этом, обычные люди - нет.

- Лично я думаю, дон Хуан, что жизнь, а не смерть является вызовом.

- Жизнь - это процесс, посредством которого смерть бросает нам вызов,
- сказал он.- Смерть является действующей силой, жизнь - это арена действия. И всякий раз на этой арене только двое противников - сам человек и его смерть.

- Я предпочел бы думать, дон Хуан, что именно мы, человеческие существа, являемся теми, кто бросает вызов,- сказал я.

- Вовсе нет,- возразил дон Хуан.- Мы пассивны. Подумай об этом. Мы действуем только тогда, когда чувствуем давление смерти. Смерть задает темп для наших поступков и чувств и неумолимо подталкивает нас до тех пор, пока не разрушит нас и не выиграет этот поединок, или же пока мы не совершим невозможное и не победим смерть.

Маги побеждают смерть, и смерть признает поражение, позволяя магам стать свободными и навсегда избежать нового вызова." (VIII, 113)

Из далекой и непостижимой силы, внушающей только смиренный ужас, смерть в учении дона Хуана превращается в равноправного партнера, противника, с которым можно вступить в поединок и даже победить его. Более того, как основной побудитель к действию, смерть оказывается совершенно необходимой идеей в жизни воина. Она не является более просто неизбежным горем, она способствует продвижению воина по пути, и вызывает, таким образом, не столько страх, сколько признательное уважение. И наоборот - идея бессмертия, полюбившаяся религиозным учениям и дающая ложное чувство безопасности, по дону Хуану,- вредное и губительное представление.

"Идея смерти является колоссально важной в жизни магов, продолжал дон Хуан.- Я привел тебе неисчислимые аргументы относительно смерти, чтобы убедить тебя в том, что знание о постоянно угрожающем нам неизбежном конце и является тем, что дает нам трезвость. Самой дорогостоящей ошибкой обычных людей является потакание ощущению, что мы бессмертны, как будто если мы не будем размышлять о собственной смерти, то сможем избежать ее.

<... > Без ясного взгляда на смерть нет ни порядка, ни трезвости ума, ни красоты. Маги борются за достижение очень важного понимания...: у них нет ни малейшей уверенности, что их жизнь продлится дольше этого мгновения. <...>

- Да,- продолжал он,- мысль о смерти - это единственное, что может придать магу мужество. Странно, правда? Она дает магу мужество быть искусным без самомнения, но самое главное - она дает ему мужество быть безжалостным без чувства собственной важности." (VIII, 110-111)

Действительно, странно. Благая весть о спасении бессмертной души, выходит, нужна только тем, кто ищет на этой земле убежища, кто бежит в страхе от смерти и спасается сладкими грезами о всеблагом Господе, чьею Силою он будет избавлен от небытия. Устранение страха смерти через ее отрицание (что достаточно популярно как в мировых религиях, так и в ряде мистических школ всех направлений), по дону Хуану,- просто глупость. Во-первых, это обманчивая мечта, во-вторых - красивая обертка, скрывающая горькую пилюлю нашего человеческого бессилия. Смерть как решающий факт существования должен быть почтительно признан, и только так достигается подлинное бесстрашие, высокий покой перед лицом надвигающейся бездны. Быть может, такая позиция для большинства людей просто невыносима.

"Когда воина начинают одолевать сомнения и страхи, он думает о своей смерти.

- Это еще труднее, дон Хуан. Для большинства людей смерть - это что-то неясное и далекое. Мы никогда всерьез не думаем о ней.

- Почему?

- А зачем?

- Зачем? Потому что идея смерти - единственное, что способно закалить наш дух." (II, 220)

Собственно говоря, это известный психологический факт, чем меньше мы думаем о смерти, тем больше боимся ее. Именно страх заставляет нас не думать о смерти, считать ее "чем-то неясным и далеким", хоть подсознательно мы знаем, что это неправда. Смерть - штука достаточно близкая и предельно конкретная в своих ужасных симптомах. Но как превратить эту идею в определенное, постоянное, более того - позитивное чувство? Непостижимость любого волевого акта останавливает нас и погружает в недоумение.

"Дон Хуан всегда говорил, что единственным средством, сдерживающим отчаяние, является осознание смерти как ключа к магической схеме существования. Он утверждал, что осознание нашей смерти является единственной вещью, которая даст нам силу

вынести тяжесть и боль нашей жизни и боязни неизвестного. Но он никогда не говорил мне, как вывести это осознают на передний план. Каждый раз, когда я просил его об этом, он настаивал, что единственно важным фактором является волевой акт,- иначе говоря, я должен принять решение сделать это осознание свидетелем своих действий. " (V, 516)

Значительную помощь в совершении подобного волевого акта может оказать максимальное приближение факта смерти к чувственному его переживанию. Например, Мирра Ришар, духовная сподвижница Шри Ауробиндо (известная среди последователей под именит "Мать"), сказала по этому поведу: "Одно из самых сильных средств для преодоления страха - решительно обратиться лицом к тому, чего вы боитесь. Вы оказываетесь лицом к лицу с опасностью и больше не боитесь ее. Страх исчезает. Этот способ рекомендуется с йогической точки зрения, с точки зрения дисциплины. В древних обрядах инициации, особенно в Египте, чтобы практиковать оккультизм, как я рассказывала вам в прошлый раз, необходимо было полностью избавиться от страха смерти. Один из методов, который практиковали в те времена, заключался в том, что неофита укладывали в саркофаг на несколько дней, словно он умер. Разумеется, его не оставляли умирать от жажды или удушья, он просто лежал там, как мертвый. Считалось, что это избавит от всех страхов." (Мать. Собрание сочинений, т. 6, с. 50.)

Проблески этого важного понимания довольно часто посещали Карлоса, так что он зря расстраивается, думая, что не получил от дона Хуана достаточных инструкций. Понимание превращается в чувство всякий раз, когда смерть _действительно_ кажется нам близкой и неизбежной. Даже простенькая песенка может в подобной ситуации вызвать подлинное переживание, как это случилось с Кастанедой, которого дон Хуан и дон Хенаро привели на ужасающее рандеву с древними _видящими_:

"Услышав, как они (дон Хуан и дон Хенаро - А. К.) распевают слова, которые я всегда считал сентиментальной дешевкой, я вдруг подумал, что постиг дух воина. Дон Хуан намертво вбил в меня формулу: воин всегда живет бок о бок со смертью. Воин знает, что смерть - всегда рядом, и из этого знания черпает мужество для встречи с чем угодно. Смерть - худшее из всего, что может с нами случиться. Но поскольку смерть - наша судьба, и она неизбежна, мы - свободны. Тому, кто все потерял, нечего бояться.

Я подошел к дону Хуану и Хенаро и обнял их, чтобы выразить бесконечную благодарность и восхищение." (VII, 462)

И Чогьям Трунгпа пишет о том же: "трусость - это попытка прожить жизнь так, как если бы смерть совсем не существовала."

С точки зрения психологии можно утверждать, что страх смерти - источник большей части всех видов страха, знакомых человеку. Рефлексивная природа нашего ума на этой почве создает любопытную разновидность потакания себе - страх страха. Таким образом, даже когда мы не испытываем страха самого по себе, нас преследует _ожидание страха_, которое уже есть страх, и выбраться из этого порочного круга нет никакой возможности. Страх постоянен и вездесущ.

"Мы предпочитаем прятаться в джунглях и пещерах своей личности. Когда мы таким образом прячемся от мира, мы чувствуем себя в безопасности. Мы можем полагать, что успокоили свой страх, но на самом деле мы заставили себя онеметь от страха... Мы так опасаемся собственного страха, что омертвляем свое сердце.

Путь трусости состоит в том, чтобы прочно заключить себя в кокон, в котором мы увековечиваем свои привычные стереотипы. Когда мы постоянно воссоздаем основные стереотипы поведения и мышления, у нас никогда не возникнет желание вырваться на свежий воздух, встать на новую почву." (Чогьям Трунгпа. "Шамбала: священный путь воина.")

Как видите, страх, кроме всего, является мощной фиксирующей силой. Если вспомнить, чпо обязательным условием сдвига точки сборки является возникновение _новых привычек_ (т.е. изменение всех стереотипов поведения и мышления), то станет ясно, почему страх парализует всякое движение по пути воина. _Нагуаль_ открывается только в моменты абсолютного бесстрашия, что есть, по сути, готовность умереть в любой момент без трепета и сожаления о себе.

"Скажем так, основным правилом для тебя должна быть готовность к смерти, когда ты приходишь встречаться со мной, - сказал он. - Если ты приходишь сюда, готовый умереть, то не будет никаких ловушек, неприятных сюрпризов и ненужных поступков. Все должно мягко укладываться на свое место, потому что ты не ожидаешь ничего." (IV, 157)

Более того, готовность к смерти в дисциплине дона Хуана настолько абсолютна, что переходит в качественно новое состояние, когда воин _уже считает себя мертвым_.

"Видишь ли, воин рассматривает себя как бы уже мертвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен." (IV, 32)

Не правда ли, очень яркая и доступная иллюстрация к абстрактной концепции _анатмана_ (отсутствие "я"), провозглашенной буддизмом? Сила учения дона Хуана как раз и заключается в этой удивительной конкретности подхода, коггда безо всяких теоретических рассуждений само _чувство_ непосредственно поражает сознание и тем самым интенсивно трансформирует его. "Символическая смерть" мага, о которой дон Хуан как-то рассказал Кастанеде, вспоминая годы своего ученичества в молодости, есть не что иное как жизненная реализация вышеприведенной метафоры. Если хоть раз столкнулся с полным крушением всех надежд и всякого смысла эгоистического существования, то можешь "рассматривать себя мертвым" с достаточным основанием, опираясь на реально пережитый опыт.

Конечно, на самом деле все не так просто. Эго обладает удивительной живучестью и "воскресает" при малейшей возможности, потому проблема воина состоит прежде всего в концентрации внимания на достигнутом чувстве, в постоянном укреплении и стабилизации его. Всякая жизненная ситуация должна служить напоминанием об этом важном опыте, и с этой целью дон Хуан вводит идею "смерти-советчицы". Уже на ранних этапах обучения он предлагает Кастанеде прочно усвоить новый стереотип поведения и мышления в отношении к смерти. Простой, но эффективный прием заключается в визуализации смерти как тени, неотступно сопровождающей человека немного позади его левого плеча.

"Когда ты в нетерпении или раздражен - оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной шелухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак, или если краем глаза ты уловишь ее движение, или просто почувствуешь, что твой попутчик - всегда рядом и все время внимательно за тобой наблюдает." (III, 483)

Смерть-советчица - очень сильный и неожиданный образ. Принятый всерьез, он может радикально изменить весь строй жизни человеческого существа. Например, дон Хуан утверждает, что смерть-советчица помогает воину пробудить _волю_, т.е. способность непосредственно манипулировать энергетическими потоками, исходящими из его тела: "Когда воин достиг терпения, он на пути к своей воле. Он знает, как ждать. Его смерть сидит рядом с ним на его циновке. Они друзья. Смерть загадочным образом советует ему, как варьировать обстоятельства и как жить стратегически. И воин ждет. Я бы сказал, что воин учится без всякой спешки, потому что знает, что ждет свою волю." (II, 325)

Каким же образом смерть помогает воину добиться своего? В первую очередь, благодаря тому, что отсутствие страха смерти способствует развитию таких важных качеств, как _терпение_ и _отрешенность_.

"Только мысль о смерти может дать человеку отрешенность, достаточную для того, чтобы принуждать себя к чему бы то ни было, равно как и для того, чтобы ни от чего не отказываться...

<Воин> должен полностью понимать, что он сам целиком отвечает за свой выбор и что если он однажды сделал его, то у него нет больше времени для сожалений или упреков в свой адрес." (II, 324)

Здесь выявляется психологическая основа для того особого отношения к собственным действиям, что дон Хуан называет _принятием ответственности за свои поступки_. Он постоянно требует от Кастанеды именно такого отношения к жизни - отношения, не допускающего истощающих колебаний или сомнений. Любопытно, что подобная позиция одновременно исключает и оборотную сторону страха - _надежду_. Мы нечасто отдаем себе отчет, как тесно связаны между собой эти два психологических феномена. Чогьям Трунгпа в уже цитированной нами книге разъясняет:

"Чтобы преодолеть страх, необходимо также избавиться от надежды. Когда вы надеетесь на что-то и ваша надежда не сбывается, вы испытываете разочарование и шок. Если же надежда сбывается, вы приходите в возбуждение
- успех окрыляет вас. Вы как бы постоянно катаетесь на "американских горках" - то вверх, то вниз. Неистовый воин никогда не испытывает ни малейшего сомнения в самом себе,поэтому ему не на что надеяться и нечего бояться. Сказано, что неистовый воин никогда не попадает в ловушку надежды, благодаря чему достигает бесстрашия."

Глубокие метаморфозы личности, о которых здесь шла речь, могут вызвать у читателя неприятное чувство. Как-то слишком далеко заходит дон Хуан в своем требовании исключить из жизни целую область человеческих эмоций и переживаний. Что-то холодное и мертвенное мерещится в образе воина, победившего страх смерти. К сожалению, путь нелегок, и в нем действительно встречаются этапы, малопривлекательные для обычного человека. Даже надежда, которая, как известно, "умирает последней", здесь мертва с самого начала. Это путь. Он жесток, но прекрасен. Мастер дзэн-буддизма Сэкисо Кэйсе, хорошо знающий все перипетии подобной дисциплины, описал путь кратко, но ярко. Быть может, его слова послужат для вас проводником в безупречный мир воина:

"Оставьте все ваши страстные стремления. Забудьте детские забавы. Превратитесь в куски безупречной глины. Пусть вашей единственной мыслью будет вечность. Станьте подобием холодного и безжизненного пепла или старого подлампадника над заброшенной могилой...

Обладая простой верой в это, упражняйте, соответственно, свое тело и ум, превращая их в лишенные жизни куски камня или дерева. Когда будет достигнуто состояние полной неподвижности и бессознательности, все признаки жизни исчезнут, но вместе с ними исчезнут также и все ограничения. Никакая мысль не будет беспокоить ваше сознание. И вдруг - о чудо! - совершенно неожиданно вас озарит божественный свет. Это можно сравнить с лучом света в кромешной мгле или сокровищем, найденным бедняком... Все станет так легко и свободно. Все ваше существо лишится всяких ограничений. Вы почувствуете себя свободным, легким и прозрачным. Ваш просветленный взор проникнет в самую природу вещей, которые отныне станут для вас подобием множества сказочных цветов, воздушных и неосязаемых. Так проявляется наше простое "я", наша истинная первозданная природа, во всей своей удивительной прекрасной наготе."

б) _Чувство собственной важности_

"_Всякий человек, будь то свободный, или подневольный, или облеченный властью, согласится, что наивысшее счастье смертных - личность_."

"Западно - Восточный Диван"

В процессе своего становления эго (когда оно еще было фактом зыбким, непрочным, плохо обоснованным) в первую очередь сотворило для себя отличный аппарат самосохранения, сделавший эго консервативным и невероятно изобретательным в применении разнообразных способов защиты.

Пожалуй, здесь и заключена причина той всеохватывающей лжи, в которую погружено эгоистическое сознание. Эта ложь таится в самом корне эго, в его истоке, и потому почти всегда скрыта от личности, - подобным образом глаз, смотрящий на мир, не способен увидеть самого себя. Только временно отстранившись от эго, мы можем вычленить эту изначальную фальшь, что превращает жизнь в бесконечную череду страданий, страхов, амбиций и разочарований. На деле это - некая совокупность мифов, имеющая под собой довольно призрачное основание (если взглянуть объективно), но, тем не менее, обладающая для эгоистического сознания непререкаемым авторитетом, так как любое сомнение в них для эго самоубийственно. Однако подобное сомнение - первый и обязательный шаг на пути к освобождению из-под власти тоналя и его основного продукта - индивидуального _образа себя_. Задача нелегкая: ведь чаще всего это расставание с самыми интимными представлениями, с теми идеями, что, казалось бы, и держат нас на этой земле, спасают и защищают перед миром изменчивого и равнодушного к нам бытия. Но и здесь мы находим ту же ложь - мифы сознания покоятся на мифе об их необходимости для индивидуума. Сознанию подлинному, чистому и свободному, нет нужды в мифах, оно живет только истиной, и в истине черпает силу для своего существования.

Из этого нагромождения защитных мифов сознания мы рассмотрим один из главных: в учении дона Хуана он называется _чувством собственной важности_. Интересна, в первую очередь, его многосторонняя экспансия в психическом мире и удивительная живучесть, способность надевать бесконечное число масок и таким образом сохраняться даже тогда, когда остальные мифы разоблачены и осмеяны.

В самой простой форме миф о _собственной важности_ имеет вид _бытовой (социальной) роли_, причем сама роль никакого отношения к чувству собственной важности не имеет. Всякий человек, живущий в мире, невольно исполняет ту или иную роль: роль слуги или хозяина, отца или матери, жены или сына, деспота или жертвы, друга или врага, созидателя или потребителя. В любой из этих ролей эго находит почву для сотворения излюбленного мифа. "Я - хороший семьянин и примерный отец", - говорит себе, например, человеческое эго и, безмолвно любуясь собой, делает вывод: "Значит, я чего-то стою. Пусть я не правитель и не гений, но то, что я делаю, тоже _важно_." Если других подкрепляющих мифов создано не было, резкое разоблачение такой простой конструкции может стать для человека величайшей трагедией его жизни. Жестоко и неразумно проводить подобные эксперименты, если внутреннее чувство человека не пробудилось и еще не способно быть опорой в его дальнейшем существовании. Принявший роль деспота говорит себе: "Я - сильный, я всех подчиняю своей воле, я могу вершить большие дела. Такие, как я, соль земли." И это не игра, это искренняя вера, которая и делает мир просто ужасным. Жертва твердит свое: "Я слаб, я беззащитен, меня всякий может обидеть, потому что я добр, мягок, у меня нежная душа. И я готов жертвовать собой - посмотрите, как это красиво!" Конечно, подобные вещи скрываются в подсознательном. Никто не отважится выражать такое открыто. Вряд ли человек признает эту затаенную мысль даже в том случае, когда ему прямо укажут на нее. Творец гордится своим творчеством, потребитель - своим вкусом, и так далее и тому подобное. Мир

переполнен этим. Миф о собственной важности уже давно стал мифом глобальным, общечеловеческим.

Легко представить себе, какую благодатную почву находит это чувство среди тех, кто трудится на благо других, создает реальные и нужные ценности, строит дома, больницы, создает институты, охраняет порядок, занимается благотворительностью. Конечно, зло заключено не в реальных делах, совершать которые необходимо,- зло в мифе, в _чувстве собственной важности_, замыкающем эго на себе и скрывающем истину, всегда большую, чем наше маленькое "я".

Наверное, самый опасный и трагический вариант мифа о _собственной важности_ подстерегает тех, кто ступил на путь "духовного развития", не выработав в себе должной проницательности и способности к самонаблюдению. Ибо здесь этот миф приобретает поистине космические масштабы. Разве редко видим мы чванливых и самодовольных существ, тем не менее, называющих себя "йогами", а порой даже "учителями духовности"? Эго наделено исключительной коварностью, и борьба с ним иногда кажется успешной, в то время, как на самом деле мы приближаемся к страшному поражению. Люди такого сорта обычно утверждают, что обрели высшее знание, что имеют доступ к загадочным и могущественным сущностям, способным чудесным образом вмешиваться в естественный ход вещей. Их излюбленное кредо - "кто не с нами, тот против нас". Они искренне верят в значительность своей миссии, делят мир на "светлых" и "темных", избирая во всех случаях критерий, удобный для них, и не замечают этого! Они легко принимают ответственность за судьбы других людей, смело берутся судить, верным или неверным путем движется данный человек, и склонны всеми доступными способами навязывать собственный взгляд другим, иногда даже всему человечеству. В самых страшных случаях такие доморощенные духовидцы создают вокруг себя самодельные миры из оболваненных и подавленных последователей, беззастенчиво манипулируя их сознанием с глубокой убежденностью, что так нужно для великой цели. Тогда бывает, что мир потрясают трагедии. Именно к подобным людям в первую очередь относится библейское выражение "благими намерениями вымощена дорога в ад". А как же иначе? Утверждая "дух", они отрицают свободу - его непременную основу, без которой невозможно никакое развитие, без которой нельзя достичь Истины. За такими людьми стоит только превращенное, гипертрофированное эго, использующее рафинированную демагогию, скрывающую их подлинные цели. Искренняя вера в свои заблуждения нисколько не оправдывает такого положения дел, но лишь усугубляет зло.

Отказавшись от _чувства собственной важности_, человек не способен унижать других, фанатично исповедовать единственный (а потому всегда узкий) взгляд на вещи, предавая все остальное анафеме. Он смотрит на мир широко открытыми глазами, и это дает ему шанс отличить подлинное от ложного. Напряженность и борьба, упоенность успехом и разочарование - все это лишь продукты эго, мечтающего о своей иллюзорной неповторимости. Усмиренное эго больше не жаждет самоутверждения ни в какой форме, ему больше нечего отстаивать и защищать.

В системе дона Хуана _чувство собственной важности_ выделяется как особо важный принцип, а избавление от него рассматривается как великая победа воина. Мы уже упоминали такое замечательное упражнение, как _разговор с растениями_. Заставляя Кастанеду разговаривать с "маленькими друзьями", дон Хуан, как уже было сказано, разрушал описание мира и присущие описанию перцептивные стереотипы. С той же целью он заставлял Карлоса преодолеть _чувство собственной важности_.

"Сейчас нам нужно разобраться с чувством собственной важности. Пока ты чувствуешь, что наиболее важное и значительное явление в мире - это твоя персона, ты

никогда не сможешь по-настоящему ощутить окружающий мир. Точно зашоренная лошадь, ты не видишь в нем ничего, кроме самого себя." (III,
472)

Как видите, дона Хуана заботит вовсе не моральная сторона дела - он как подлинный прагматик требует от своего ученика раскрепощения восприятия, и чувство собственной важность для него - помеха перцептивная (и энергетическая, как будет показано ниже).

"Неважно, что говорить растению,- сказал он.- Говори, что угодно, хоть собственные слова выдумывай. Важно только, чтобы в душе ты относился к растению с любовью и обращался к нему как _равный к равному_.

Собирая растения, объяснил он, нужно извиняться перед ними за причиняемый вред и заверять их в том, что однажды и твое собственное тело послужит им пищей.

- Так что в итоге мы с ними равны,- заключил дон Хуан.- Мы не важнее их, они - не важнее нас.

- Ну-ка, поговори с растением сам,- предложил он.- Скажи ему, что ты больше не чувствуешь себя важным.

Я заставил себя опустится перед растением на колени, но заговорить с ним так и не смог. Я почувствовал себя глупо и рассмеялся. Однако злости не было.

Дон Хуан похлопал меня по плечу и сказал, что все нормально, мне удалось не рассердиться, и это уже хорошо.

- Теперь всегда говори с растениями,- сказал он. - _Пока полностью не избавишься от чувства собственной важности_. В конце концов тебе должно стать безразлично, смотрит на тебя кто-то в этот момент или нет. Ступай-ка вон туда, в холмы, и потренируйся сам." (III, 472-473)

Утрата _чувства собственной важности_ приводит воина в особое состояние, называемое здесь _смирением_. Крайне важно понять, что _смирение воина_ в учении дона Хуана сильно отличается от наших обычных представлений, связанных с этим словом.

"Воин берет свою судьбу, каковой бы она ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожаления, а как живой вызов.

Каждому из нас требуется время, чтобы понять это и сделать своим достоянием. Я когда-то ненавидел само слово "смирение". Я - индеец, а мы, индейцы, всегда были смиренны и только и делали, что опускали головы. Я думал, что смирению не по пути с воином. Я ошибался. Сейчас я знаю, что смирение воина и смирение нищего - невероятно разные вещи. Воин ни перед кем не опускает голову, но в то же время он никому не позволит опускать голову перед ним. Нищий, напротив, падает на колени и шляпой метет пол перед тем, кого считает выше себя. Но тут же требует, чтобы те, кто ниже его, мели пол перед ним.

Вот почему я сегодня сказал тебе, что не знаю, что чувствуют учителя. Я знаю только смирение воина. А оно никогда не позволит мне быть чьим-то учителем." (IV, 24)

В этой жизни для воина любая ситуация является вызовом его безупречности. Вдумайтесь только, какое огромное напряжение должен испытывать в подобном положении всякий, в ком осталась хоть капля чувства собственной важности! Постоянная мысль о том, смогу ли я справиться с ситуацией, смогу ли добиться подлинного самоизменения и т.д., способна довести до изможднения. Ничто не сдвинется с места - навязчивый страх совершить ошибку, потерпеть фиаско в собственных глазах обрекает любое действие на заведомую неудачу. И тогда путь превращается в неуклюжее топтание на месте.

"Уверенность в себе воина и самоуверенность обычного человека это разные вещи. Обычный человек ищет признания в глазах окружающих, называя это уверенностью в себе. _Воин ищет безупречности в собственных глазах и называет это смирением_. Обычный человек цепляется за окружающих, а воин рассчитывает только на себя. Похоже, ты гоняешься за радугой вместо того, чтобы стремиться к смирению воина. Разница между этими понятиями огромна. Самоуверенность означает, что ты знаешь что-то наверняка; смирение воина - это безупречность в поступках и чувствах." (IV, 13)

Давно известно, что практика самоизменения иногда приводит адепта в ужасные психологические состояния - вызывает, например, глубокую неудовлетворенность собой, меланхолию, даже депрессию, доходящую до отчаяния. Все эти муки издерганного сознания, кажущиеся неизбежными и непреодолимыми, имеют единственную причину - все то же _чувство собственной важности_. Подобные моменты настолько тягостны, что воин почти готов потерпеть поражение, уйти в сторону и все забыть, как кошмарный сон. Но обычно человек не способен забывать такие вещи. Даже отступившись, он будет терпеть свою муку до конца. Само _осознание_ и принятие пути производит в нас необратимые изменения. Проиграть сражение можно, только умерев. Поэтому бессмысленно поддаваться депрессиям и хандре, лучше уяснить их происхождение и честно устранить самый корень собственной меланхолии.

"...дон Хуан объяснил, что чувство собственной важности является той силой, которая мотивирует любые приступы меланхолии. И добавил, что воин имеет право на состояния глубочайшей печали, но печаль эта дается ему лишь для того, чтобы заставить его смеяться." (VII, 372)

Да, именно смеяться. Смех над собственной важностью - наилучшее лекарство. Кто может искренне посмеяться над собой, тот никогда не примет всерьез свои стенания по поводу мнимой "нереализованности". К несчастью, люди вообще слишком серьезно относятся к своей персоне. Вы обратили внимание, как часто дон Хуан и Хенаро хохочут до слез? Настолько часто, что порой это кажется неестественным. Но если иметь в виду, что смех - лучшая защита от собственной важности (а это чувство склонно проникать в нас ежесекундно), то веселье индейских магов перестает смахивать на идиотизм. Каждый воин находит собственный трюк, чтобы обмануть свой _тональ_. Смех, возможно, наилучший из всех трюков. Хотя мы знаем, что были среди дон-хуановских воинов и те, что избрали, например, маску постоянной мрачности или что-нибудь совсем эксцентричное. И все же смех нам, пожалуй, симпатичнее.

Однако может возникнуть вполне естественный вопрос: есть ли на самом деле прямая взаимосвязь между таким в общем-то, повседневным свойством человека, как чувство собственной важности, и сложнейшими процессами, ведущими к постижению нагуаля через сдвиг точки сборки и восприятие недоступных человеку энергетических полей Реальности? На первый взгляд, мы находим здесь как будто условность или дань традиции. Но дон Хуан утверждает иное, и его объяснение кажется нам чрезвычайно важным.

"Дон Хуан сообщил об открытии магами того, что любой сдвиг точки сборки означает отход от чрезмерной озабоченности своей индивидуальностью, которая является отличительным признаком современного человека. Еще он сказал, что, как полагают маги, именно позиция точки сборки является причиной убийственной эгоистичности современного человека, совершенно поглощенного своим образом себя.

Потеряв надежду когда-либо вернуться к источнику всего, человек искал утешения в своей личности. Занимаясь этим, он преуспел в закреплении своей точки сборки в строго определенном положении, увековечив тем самым свой образ себя. Итак, с уверенностью можно сказать, что _любое перемещение точки сборки из ее привычного положения в той

или иной степени приводит человека к избавлению от саморефлексии и сопутствующего ей чувства собственной важности_.

Дон Хуан описал чувство собственной важности как силу, порождаемую человеческим образом самого себя. Он повторял, что это _именно та сила, которая удерживает точку сборки в ее нынешнею положении_. По этой причине главной задачей на пути воина является уничтожение чувства собственной важности. Все, что делают маги, направлено на достижение этой цели." (VIII, 147)

В последней книге ("Искусство сновидения") Кастанеда еще раз подчеркивает связь между достижением второго внимания и потерей чувства собственной важности: "Дон Хуан считал, что именно на удовлетворение чувства собственной важности уходит подавляющая часть нашей энергии. С особой очевидностью это проявляется в нашей постоянной обеспокоенности тем, как нас воспримут, как нам себя подать, какое впечатление мы производим... Если бы нам удалось хотя бы частично избавиться от чувства собственной важности с нами произошли бы два необычайных события. Первое - высвободилась бы энергия, которой питается наша иллюзия собственного величия. Второе - появилась бы свободная энергия, достаточная для проникновения в сферу _второго внимания_, что позволило бы нам хотя бы мельком взглянуть на истинное величие вселенной." (IX, 61)

Итак, по словам дона Хуана, связь между сдвигом точки сборки и чувством собственной важности - взаимная и непосредственная. Сдвиг точки сборки снимает чувство собственной важности, а преодоление собственной важности в конце концов сдвигает точку сборки. И снова нельзя не вспомнить описание симптомов отравления мескалином, сделанное Хаксли: "принявшие мескалин... находят причины, в обычном состоянии побуждающие их к действиям и страданиям, глубоко неинтересными. Они не могут волноваться из-за этих причин..." Разумеется, за этими причинами как раз и стоят _страх смерти_, _чувство собственной важности_, _жалость к себе_. Иной режим восприятия, вызываемый мескалином, в качестве побочного продукта дает некое подобие _безупречности_. Иными словами, эти два явления неразлучно сопровождают друг друга - таков закон психической конституции человека.

О _способах_ преодоления чувства собственной важности из книг Кастанеды мы узнаем следующее: "Дон Хуан рассказывал, как во время ночных путешествий по пустыне нагваль Хулиан [учитель дона Хуана - А. К.] основательно просветил его относительно природы чувства собственной важности и движения точки сборки. По словам нагваля Хулиана, чувство собственной важности - это чудище о трех тысячах голов. Противостоять ему и победить его можно лишь в трех случаях. Во-первых, если отсечь все головы последовательно; во-вторых, - достичь того загадочного состояния, которое называется _местом без жалости_, постепенно разрушающего чувство собственной важности; и в-третьих - если за мгновенное истребление трехтысячеголового чудовища заплатить своей собственной символической смертью. (VIII, 233-234)

В работе с Кастанедой дон Хуан избрал первый способ, но не пренебрег и вторым. Ниже мы еще скажем об этом любопытном феномене - _месте без жалости_. Заметьте, однако, что _символическая смерть_ оказывается в данном случае самым решительным и кардинальным способом самоизменения. Но символическую смерть невозможно "разыграть" или искусственно смоделировать

- только сама жизнь (дух, как выражается здесь дон Хуан) располагает обстоятельства таким образом, что воин попадает в эту ужасную, но предельно важную ситуацию. Мы не станем пересказывать историю символической смерти дона Хуана - желающие могут еще раз перечитать этот эпизод в книге "Огонь изнутри". Психологи назвали бы подобное состояние "крайней степенью фрустрации", но это мало о чем говорит. Можно лишь

указать, что результатом символической смерти является _полное осознание личностью невозможности жить в обычном режиме реагирования на окружающую среду_, когда _безупречность_ оказывается не итогом спокойного и рационального выбора, а единственной возможностью выжить в условиях неумолимого кризиса личного бытия. Страх смерти и чувство собственной важности оказываются непозволительной роскошью - весь этот мусор выбрасывается в целях элементарного самосохранения, почти инстинктивно. Не всякий выдержит погружение в этот кромешный ад. Но еще удивительнее, что дон-хуановские воины иногда сами ищут крайне неприятных и рискованных ситуаций, чтобы разделаться с чувством собственной важности. Речь идет о поиске _мелких тиранов_.

"Мелкий тиран - это мучитель, - объяснил дон Хуан.- Некто либо обладающий властью над жизнью и смертью воина, либо просто раздражающий его до безумия." (VII, 275)

Новые _видящие_ со свойственным им юмором создали целую классификацию подобных мучителей и всячески настаивали на огромной полезности общения с ними.

"... в подкласс мелких тиранчиков входят четыре категории. Первая - те, что мучают посредством жестокости и насилия. Вторая - те, кто своей хитростью и нечестностью создают невыносимую обстановку неуверенности и постоянных опасений. Третья категория мелких тиранчиков нажимает на жалость - эти терроризируют посредством своего собственного страдания. Ну и последняя категория - те, которые просто приводят воина в бешенство." (VII, 276-277)

Нам странно себе представить, как можно считать встречу с подобными людьми великой удачей, особенно если учесть, что наилучший "мелкий тиран"
- это тот, кто может безраздельно властвовать над твоей жизнью и смертью. Поединок с таким тираном - просто счастье для воина.

"Мой бенефактор часто говорил, что воин, которому удалось случайно наткнуться на мелкого тирана, - просто счастливчик. Он имел в виду, что если мелкий тиран сам возник на твоем пути, тебе крупно повезло. Потому что в противном случае тебе придется покинуть насиженное место и отправиться на поиски своего мелкого тирана.

Затем дон Хуан рассказал мне, что одним из величайших достижений _видящих_ времен Конкисты было открытие конструкции, которую он назвал "трехфазной прогрессией". Постигнув человеческую природу, _видящие_ того времени смогли прийти к неоспоримому заключению: если _видящий_ способен добиться своего, имея дело с мелким тираном, то он определенно сможет без вреда для себя встретиться с неизвестным и даже выстоять в столкновении с непознаваемым.

- Обычный человек,- продолжил дон Хуан,- расположил бы эти три утверждения в обратном порядке. Тогда получится, что видящий, способный остаться самим собой в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за такой ошибки погибли многие великолепные _видящие_ древности. Однако теперь мы в этом разобрались получше. И знаем - ничто так не закаляет дух воина, как необходимость иметь дело с невыносимыми типами, обладающими реальной властью и силой. Это - совершенный вызов, и только в таких условиях воин обретает уравновешенность и ясность, без которых невозможно выдержать натиск непознаваемого." (VII, 278)

Стратегия борьбы с мелкими тиранами относится к другой области магического знания дона Хуана - _сталкингу_, и мы еще поговорим о ней в соответствующем месте.

Между прочим, дон Хуан искренне сожалеет, что времена изменились, и теперь воину почти невозможно отыскать действительно достойного мелкого тирана - подлинного мучителя, имеющего реальную власть погубить свою жертву. Чтобы победить такого, надо

с особенной легкостью преодолевать чувство собственной важности, иначе и сгинуть недолго. "К счастью", наше общество еще может предоставить относительно богатый материал для подобных упражнений. Но следует поторопиться - вдруг нравы станут мягче и мы окажемся в тех же сложных условиях, что и современные мексиканцы?

в) _Жалость к себе_

Задумывались ли вы когда-нибудь, какое это всепоглощающее и изнурительное чувство - _жалость к себе_? Огромное число людей переживают его регулярно и с большой силой, если даже не сознают этого. Когда наша жизненная реализация протекает благополучно, жалость к себе отступает на задний план, в темное хранилище подсознательного, но и там оно, словно дремлющий червь, потихоньку тянет из нас соки, неприметно распространяет по всему организму некое напряжение, подавленность - мертвящие миазмы, всегда готовые проступить на поверхность сквозь наигранную бодрость бескризисного существования. Гладкий путь жизни всегда обманчив, и сколько бы мы ни уверяли себя, что все у нас в порядке, в глубине души мы хоть чуть-чуть, но жалеем себя. Мы полагаем, что достойны лучшего, что судьба не совсем справедлива, что уходят годы, а заслуженного счастья все не видать...

Бог ты мой, как часто мы бываем сентиментальны и считаем это хорошей чертой своего характера! Мы говорим себе, что способность испытывать жалость - это свидетельство доброты, и порой даже радуемся, что еще можем почувствовать накатывающую тяжесть в горле при виде бездомной собаки или нищего, просящего подаяние. Человек, жалеющий других, словно бы от одного этого чувства становится в собственных глазах альтруистом, а если не альтруистом, то, по крайней мере, способным на альтруизм. Мы не желаем замечать, как часто подобная "чувствительность" парадоксальным образом соседствует с черствостью и даже жестокостью, мы не видим, насколько избирательна и неадекватна наша жалость. Ведь если приглядеться к себе, многие заметят, что жалость как особое переживание возникает при вполне определенных условиях, никак не связанных на деле с пресловутым "добросердечием". Конечно, существует такое явление, как _умственная жалость_ - скажем, если мы знаем, что в обществе существуют социальные слои, действительно нуждающиеся в помощи, и принимаем участие в благотворительной деятельности "по зову сердца". Такая жалость уже не совсем эмоция, скорее, это простое осознание необходимой взаимовыручки в человеческом общежитии. Скажем, это прагматичное и трезвое понимание. Но гораздо чаще мы не столько помогаем ближнему, сколько глотаем слезы, читая добрые книжки об "униженных и оскорбленных" или глядя в телевизор, где демонстрируют что-нибудь волнующе сентиментальное. Этакие "добрые самаритяне", способные в лучшем случае подать нищему мелочь, и составляют абсолютное большинство человеческого рода. Мы - добрые люди, не так ли? Жалость в представлении массового сознания - противоположность эгоизму, а потому признается чем-то вроде добродетели. Хотя, если быть до конца честным, это еще одна разновидность самообмана. Та жалость, которую мы лучше всего знаем, которую чаще всего испытываем, есть _прямой результат_ эгоистического сознания, и без эгоизма невозможна. Наверное, большинство психологов согласится, что все виды этой жалости имеют единственный источник - _жалость к самому себе_.

Механизм, который лежит в основе данного процесса, называется _отождествлением_. Мы видим страдающее существо и на какой-то миг отождествляемся с ним. Что, если бы я страдал так же, как он? Тут-то и подступает комок к горлу, тут и начинается жалость вообще - бессознательно, автоматически, инстинктивно. Две фундаментальные проблемы

человеческого эго - страх смерти и чувство собственной важности - порождают то, что дон Хуан называл _озабоченностью собственной судьбой_. Непосредственным переживанием этой озабоченности является жалость к себе, а основной _проекцией_ при восприятии окружающего мира - _жалость к другим_.

"Ты слишком много думаешь о своей персоне,- сказал он и улыбнулся.- А из-за этого возникает та странная усталость, которая заставляет тебя закрываться от окружающего мира и цепляться за свои аргументы. Поэтому кроме проблем у тебя не остается ничего " (II, 179)

Особенно "чувствительные" личности хорошо это знают. Не правда ли, наилучшим способом избавления от жалость оказывается "бегство"? Отвернуться от страданий мира, как будто их не существует, не замечать обездоленных и ежеминутно гибнущих существ - вот единственное средство, обеспечивающее необходимый нам внутренний покой. Мы опираемся на надежду, что с нами подобного не случится Жалкий способ, но это все, чем мы располагаем.

Дон-хуановский воин не имеет права бежать от истины, поскольку истина
- его цель и его "спасение". Смотреть правде в глаза и не страдать от нее (потому что правда болезненна и неутешительна) можно только при том условии, что вы преодолели чувство _жалости к себе_. _Безжалостность_ воина, которая часто упоминается в книгах Кастанеды, и означает такую позицию. Это не черствость и не жестокость - качества, позволяющие человеку без особых уколов совести приумножать зло. Воин не приумножает зла, потому что не ищет для себя ничего, кроме свободы. Моралисты, конечно, могут утверждать, что подобная пассивность уже является злом, поскольку исключает из круга необходимых действий помощь другим существам в преодолении невзгод и страданий. Во-первых, мы должны честно признать, что учение дона Хуана лежит вне морали и этики ("по ту сторону добра и зла", как выразился в свое время Ницше), так что подобные претензии в данном случае бессмысленны в такой же мере, в какой они были бы бессмысленны по отношению к физическим законам, например. С другой стороны, морализм никак не может считаться безусловным насаждением добра, поскольку, следуя ему, люди склонны распространять на внешний мир собственные, ограниченные представления о добре, что неминуемо приводит к ошибкам, а в конечном итоге - к распространению страданий (что, очевидно, мы и называем злом - об этом было достаточно сказано во введении к данной книге).

"Нагваль сказал, что только маг, который _видит_ и является бесформенным (т.е. потерявшим _человеческую форму_, о чем мы еще поговорим ниже - А. К.), может позволить себе помогать кому-либо. Вот почему он помогал нам и сделал нас такими, какие мы есть. Не думаешь ли ты, что можешь ходить повсюду, подбирая людей на улице, чтобы помогать им?" - спрашивает у Кастанеды Ла Горда. (V, 588-589) Высокая степень ответственности (а вовсе не безразличие) за все живое не дает воину по собственной прихоти вмешиваться в естественный ход вещей. Карлос в связи с этим вспоминает такой случай:

"Как-то в городе я поднял улитку, лежавшую посреди тротуара, и бережно положил ее под какой-то виноградный куст. Я был убежден, что оставь я ее на тротуаре, люди рано или поздно раздавили бы ее. Я считал, что убрав ее в безопасное место, спас ее. Дон Хуан тут же показал мне, что это не так. Я не принял во внимание две важные возможности. Одна из них была такой: улитка избежала верной смерти на виноградных листьях от яда. А другая - улитка имела достаточно личной силы, чтобы пересечь тротуар. Своим вмешательством я не спас улитку, а только заставил ее утратить то, чего она с таким трудом достигла. Когда я захотел положить улитку туда, где нашел ее, он не позволил мне и этого. Он сказал, что такова была судьба улитки - что какой-то идиот пересечет ей путь и

прервет ее продвижение. Если я оставлю ее там, где положил, она, быть может, будет в состоянии собрать достаточно личной силы и дойти туда, куда собиралась." (V, 589).

Обратной стороной этого аспекта _безжалостности_ оказывается тот факт, что и сам воин не нуждается ни в помощи, ни в утешении. Жалея себя, мы часто с удовольствием делимся личной ношей с окружающими, перекладываем на кого-то ответственность за свои действия, требуя понимания или поддержки. Воин этого не делает. Но и здесь соображения этического порядка никакой роли не играют. Стремясь высвободить как можно больше психической энергии, воин прекращает жалеть себя, в результате чего просто перестает нуждаться в такого рода поведении. Он прекрасно сознает свое экзистенциальное одиночество на пути (то одиночество, что обычному человеку представляется непереносимо ужасным) и слишком ясно видит, что всякое обращение за помощью, как и всякое перекладывание ответственности, всегда есть только самообман и свидетельство недопустимой слабости.

"Никогда не думал, что тебе нужна помощь,- говорит дон Хуан. Ты должен культивировать чувство, что воин ни в чем не нуждается. Помощь в чем? У тебя есть все необходимое для этого экстравагантного путешествия, которым является твоя жизнь... Жизнь - это маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна, сама себя объясняет и заполняет. Понимая это, воин живет соответственно. Поэтому можно смело сказать, что опыт всех опытов - это быть воином. <...>

- Если воин нуждается в утешении,- продолжал дон Хуан,- он просто выбирает любого человека и рассказывает ему о своих трудностях. В конечном счете, воин не ищет ни понимания, ни помощи. Говоря, он просто облегчает свою ношу. Но это при условии, что у воина есть талант к разговору. Если у него нет такого таланта, то он не говорит ни с кем." (IV, 57)

Космическое одиночество, в которое неминуемо погружается дон-хуановский воин, для человека, не преодолевшего собственное эго, состояние действительно ужасное. Ощущение абсолютного равенства всего перед всем, соположенности себя со всем остальным миром, приходящее в результате аннигиляции эгоистических механизмов, кардинальным образом переиначивает видение и переживание бытия, устраняя одиночество и любые виды страдания. Но прежде, чем произойдет подобная трансформация, воин последовательно испытывает труднейшие этапы становления, пока одни чувства уходят из его жизни, а другие - приходят. Его оставляет и страдание, и сострадание, и многое другое.

"Воины не способны чувствовать сострадание, потому что они не испытывают жалости к самим себе. Без движущей силы самосожаления сострадание бессмысленно.

- Не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что воин всегда сам по себе?

- В известном смысле да. Для воина все начинается и заканчивается собой. Однако контакт с _абстрактным_ приводит его к преодолению чувства собственной важности. Затем его "я" становится абстрактным и неличным." (VIII, 42-43)

Как видно, психология человека и впрямь переполнена парадоксами. Воин, для которого "все начинается и заканчивается собой", т.е., как считает ординарное сознание,- закоренелый "эгоист", приходит к _безличному_ - высшему проявлению не-эгоистического бытия личности, а человек, поглощенный озабоченностью и жалостью ко всему окружающему, всю жизнь оттачивает и совершенствует только свой рафинированный эгоизм.

Как определенная психотехника преодоление _жалости к себе_ непосредственно связано со "стиранием личной истории", о которой мы говорили выше в контексте разрушения описания мира и образа себя. Однако, по утверждению дона Хуана, стирание личной истории (совершенно необходимое для разрушения перцептивных стереотипов,

скрывающих от человеческого восприятия подлинную Реальность) чревато серьезными психологическими конфликтами, если не опирается на техники, связанные с достижением _безупречности_, в том числе - с избавлением от чувства собственной важности и _жалости к себе_.

"Он объяснил, что в помощь стиранию личной истории нужно было обучить меня еще трем техникам. Они заключались в избавлении от чувства собственной важности, принятия ответственности за свои поступки и использование смерти как советчика. Без благоприятного эффекта этих техник стирание личной истории могло вызвать в ученике неустойчивость, ненужную и вредную двойственность относительно самого себя и своих поступков.

Дон Хуан попросил меня вспомнить, какой у меня была наиболее естественная реакция в моменты стресса и замешательства до того, как я стал его учеником. Он сказал, что его естественной реакцией была ярость. Я ответил, что моей была жалость к самому себе.

- Хотя ты не можешь вспомнить этого, но тебе нужно было хорошо поработать для отключения своей головы, чтобы это чувство стало естественным, - сказал он.- Сейчас ты и представить себе не можешь, какие бесконечные усилия тебе потребовались, чтобы утвердить жалость к себе как отличительную черту на твоем острове. Жалость к себе была постоянным свидетелем всего, что ты делал. Она была прямо на кончиках твоих пальцев, готовая давать тебе советы. Воин рассматривает смерть как более подходящего советчика и свидетеля всего, что ты делаешь, вместо жалости к себе или ярости. После невероятной борьбы ты научился чувствовать жалость к самому себе. Но точно так же ты можешь научиться чувствовать свой неизбежный конец, и теперь уже иметь на кончиках идею своей смерти. Как советчик жалость к себе ничто по сравнению со смертью." (IV, 244)

Пусть различные наименования "техник" и их детализации не сбивают нас с толку - речь идет все о тех же трек фундаментальных достижениях воина: преодолении _страха смерти_, _чувства собственной важности_ и _жалости к себе_. Скажем, принятие ответственности за свои поступки настолько тесно связано с победой над страхом смерти и чувством собственной важности, что может рассматриваться как частный результат применения этих техник. Мы все время имеем дело с неразрывным комплексом работ по самоизменению, где каждый аспект невозможен без целого, а целое опирается на ряд частностей. Вы можете начать с любой концепции, входящей в эту структуру, но обязательно придете ко всей совокупности идей - без осознания этой совокупности реализация частной концепции натыкается на непреодолимые трудности и грозит серьезным нарушением психического равновесия. Ту же неразрывную связь всех техник, ведущих к _безупречности_, иллюстрирует рассуждение дона Хуана по поводу жалости к себе и чувства собственной важности:

"Это звучит неправдоподобно, но это на самом деле так,- сказал он. Жалость к себе - это реальный враг и источник человеческого страдания. Без некоторого количества жалости к себе человек не был бы в состоянии быть таким важным для себя, каков он есть. Но когда включается чувство собственной важности, оно начинает набирать свою собственную силу, и именно эта, на первый взгляд независимая, природа чувства собственной важности придает ему мнимую ценность." (VIII, 147)

Вы видите, как плавно переходят друг в друга три основные техники, имеющие единственную цель в практике дона Хуана - _разрушение фиксации положения точки сборки_. В восьмой книге Кастанеды отдельно рассказывается о достижении особой позиции точки сборки под названием "место без жалости". Как нам кажется, здесь речь идет о том сдвиге точки сборки, который происходит в результате _безупречности_ воина вообще. Дон Хуан "загоняет" Карлоса в "место без жалости", разыграв сцену с

превращением в отвратительного, вредного и безумного старика, в общении с которым опасно проявлять жалость и к нему и к себе. Но это лишь один из бесчисленных способов добиться того же эффекта. Непрерывно практикуемая _безупречность_ с течением времени неминуемо приводит воина в "место без жалости", где разрушается саморефлексия и ограничивающая фиксация.

"Моя точка сборки достигла _места без жалости_, когда под влиянием превращения дона Хуана она была вынуждена покинуть свое привычное положение саморефлексии.

- Находясь в положении саморефлексии,- продолжал дон Хуан, точка сборки собирает мир ложного сострадания, который на поверку оказывается миром жестокости и эгоцентризма. В этом мире единственно реальными чувствами оказываются лишь те, которые каждому из нас удобно испытывать в данный момент.

Для магов безжалостность - это не жестокость. Безжалостность - это противоположность жалости к самому себе и чувству собственной важности. Безжалостность - это трезвость." (VIII, 150).

Более того, только это особое состояние способно дать энергию для любых перемещений точки сборки. Как-то дон Хуан прямо сказал об этом:

"Но для того, чтобы маги могли использовать сияние своих глаз для перемещения своей собственной или чьей-либо еще точки сборки,- продолжал он,- им необходимо быть безжалостными. То есть, им должно быть известно особое положение точки сборки, называемое _местом без жалости_..." (VIII,
130).

Подводя итог рассмотрению фундаментальных, реализаций на пути достижения _безупречности_, мы можем указать на два важнейших эффекта этой практики. Во-первых, безупречность экономит психическую энергию воина и позволяет ему накапливать _личную силу_, необходимую для осуществления любой магической техники. Во-вторых, эта дисциплина приводит к ослаблению фиксации точки сборки, к медленному, но верному углублению ее, что дает возможность расширить зону восприятия и произвести все необходимые энергетические трансформации, о которых речь пойдет ниже.

Теперь мы обсудим дальнейшие эффекты последовательного применения _безупречности_ в жизни воина.

3. Беспристрастие

> "_Послушайте, вы, искатели истины, если вы хотите достичь подлинною понимания Дзэн, не позволяйте другим обманывать вас! Если у вас на пути препятствия, внешние или внутренние,- уберите их! Если вам попадется Будда, убейте его. Если вы встретите Патриарха, убейте его. Если столкнетесь с архатом, родителем или родственником, убейте их без колебаний, так как это - единственный путь к спасению. Не привязывайтесь ни к чему, будьте выше всего, проходите мимо и оставайтесь свободны_."
>
> Линь-цзы

В свое время Хенаро рассказал Карлосу замечательную притчу о своей встрече с "союзником" и о "путешествии в Икстлан". Если вы читали третью книгу Кастанеды, то непременно запомнили эту историю. В ней заключена действительно потрясающая сила тоски, безысходного одиночества и странного очарования, которое знакомо только тем, кто превыше всего ценит _свободу_.

Ведь несмотря на обилие абстрактных рассуждений о свободе, мы совсем не знаем этого чувства. Вряд ли мы когда-либо переживали свободу во всей ее конкретности, а потому имеем только некий идеализированный призрак у себя в голове - что-то смутно прекрасное, безоблачное и возвышенное. Кто из нас задумывался над тем, что существо, никогда не знавшее свободы и вдруг обретшее ее, испытывает в первую очередь обнаженную трагичность своего нового состояния? Ибо свобода приносит с собой _отрешенность_, _одиночество_ и _печаль_ по утраченному маленькому миру, где было уютно и безопасно. Свобода - состояние, не свойственное нашему виду, да и любой иной биологической форме. В одно неуловимое мгновение вы отрываетесь от реальности, разделяемой всеми остальными, и навсегда теряете способность переживать мир так, как его переживают ваши сородичи. Вы - чужак, вас выбрасывает неведомая сила из общего гнезда, увлекает в пустоту, где вы сможете полностью осознать свою излюбленную свободу как добровольное изгнание, как горькую отрешенность и уже потом - как восторг вечного странствия. По инерции вы все еще стремитесь домой, не понимая, что теперь ваш дом - бесконечность, и не осталось ничего, что соединяло бы вас с прежним миром. Те, кого вы встречаете на пути, чаще всего кажутся нереальными существами из какого-то царства теней. Сначала это пугает, но с приходом понимания исчезает страх и остается только печаль. Когда-нибудь уйдет и она.

После свидания с "союзником", Хенаро перестал видеть людей - они превратились в фантомов, и он бежал от них. Никогда уже не вернуться ему на родину, в Икстлан.

"Я никогда не дойду до Икстлана, - твердо, но очень-очень тихо, едва слышно проговорил он. - Иногда бывает - я чувствую, что вот-вот, еще немного, еще один шаг - и я дойду. Но этого не будет никогда. На моем пути не попадается даже ни одного знакомого знака или указателя, который был бы мне привычен. Ничто больше не бывает прежним, ничто не остается тем же самым...

- И только призрачные путники ветре чаются мне по пути в Икстлан, мягко сказал дон Хенаро.

- Все, кого встречает Хенаро на пути в Икстлан - лишь эфемерные существа,- объяснил дон Хуан.- Взять, например, тебя. Ты тоже - лишь призрак. Твои чувства и желания - это преходящие чувства и желания человека. Они эфемерны, и, заставляя тебя суетиться и запутываться во все новых и новых проблемах, исчезают, рассеиваясь как дым. Вот он и говорит, что по пути в Икстлан встречает лишь призрачных путников." (III, 719-720)

Только встреча с себе подобными возвращает чувство реальности в этом навсегда превращенном мире. Хенаро указывает на дона Хуана, своего товарища-мага, и говорит так:

"Вот он - настоящий. Только он один. Только когда я с ним, мир становится реальным." (III, 720)

Отрывок из гневной и решительной речи чаньского учителя Линь-цзы, который мы использовали в качестве эпиграфа к этому разделу, следовало бы продолжить. Линь-цзы говорит об ограниченности, обусловленности человеческого разума, он красноречив и дерзок - быть может, излишне эмоционален для чаньского учителя, но не нам об этом судить. Любопытно другое: он, как и Хенаро, не видит больше людей. Кругом одни призраки, а ведь его речь обращена к монахам и духовным последователям - чего же ожидать от мирян? "Смотрю я на этих так называемых "приверженцев истины",
- говорит Линь-цзы, которые приходят ко мне из разных частей страны, и вижу, что никто из них не достиг свободы и независимости от вещей. Встречая их, я бью их везде, где могу. Если они полагаются на силу своих рук, я им немедленно отрубаю руки; если они полагаются на красноречие, я затыкаю им рты. Если они полагаются на остроту зрения

своего, я лишаю их последнего. Никто из них еще не представал передо мною _в своем одиночестве, свободе и неповторимости_. Их неизбежно сбивают с толку праздные трюки старых учителей. Я действительно ничего не могу вам дать; все, что я могу сделать,- это излечить вас от болезней и спасти от рабства. Слушайте, вы, приверженцы истины, покажите здесь, что вы не зависите ни от чего... Последние пять или десять лет я тщетно ждал таких людей, да и теперь их пока нет. Все они - какие-то призраки, бесчестные гномы, живущие в лесах и бамбуковых рощах; это стихийные духи пустыни. Они с восторгом едят куски грязи... Я говорю вам: нет Будд, нет священных доктрин, нет обучения, нет подтверждения достижении. Что вы ищете в доме вашего соседа? Эх, вы, слепцы." (_Курсив_ мой - А. К.)

Отрешенность и _беспристрастие_ - вот чего ожидает Линь-цзы от "последователей истины". Он желает видеть печать одиночества и свободы на их самодовольных лицах. Ему отвратительны их беспомощные рассуждения о "Божественном", и потому, как заметил Д. Т. Судзуки, "его речь была подобна грому небес". Вряд ли европейский (и даже индийский) мистицизм действительно знает такую свободу и такое _одиночество_.

Конечно, в духовных учениях о _беспристрастии_ говорится достаточно часто. Однако легко убедиться в том, что беспристрастие, проповедуемое многими "учителями", страдает некоторой односторонностью. Обычно весь пафос подобных проповедей направлен на культивирование равного отношения к внешним явлениям - богатству и бедности, удовольствию и неприязни, славе и безвестности и т.д. и т.п. Реже говорится об интеллектуальном беспристрастии, т.е. о равном отношении к любым идеям, доктринам, концепциям, умственным (когнитивным) установкам, а если и говорится, то всегда (явно или неявно) подразумевается некое табу на идеи, составляющие фундамент того учения, в рамках которого _беспристрастие_ проповедуется. Лишь мастера дзэн имели достаточно интеллектуального мужества, чтобы провозгласить "убей Будду, убей Патриарха". О преодолении интеллектуальной обусловленности, зависимости разума (а следовательно, восприятия) от всякой метафизики много говорил великий Кришнамурти - его беседы оставляют незабываемое и пугающее впечатление нависшей пустоты, где любая концепция бессмысленна, а Реальность как никогда близко подступает к безъязыкому, изумленному сознанию освобожденного человека. К сожалению, понимание такого рода беспристрастия дается нелегко. Начинается оно с общей _незаинтересованности в результате_ своих действий, ибо всякая концепция, к которой мы неравнодушны, есть не что иное, как показатель необходимости в скрытом мотиве - необходимости цели, достижения, результата. Сама природа разума вынуждает нас строить интеллектуальные схемы, о-смыслять мир, т.е. наделять его условным движением от начала к концу и помещать себя внутрь воображаемой цепи, чтобы убежать от пустоты и обрести выдуманную перспективу.

"Учитель должен обучить своего ученика... способности действовать не веря, не ожидая наград. Действовать только ради самого действия",- говорит дон Хуан (IV, 240). С этой целью он заставлял Кастанеду выполнять множество "бессмысленных" действий:

"Абсурдные работы, типа укладки дров особым образом, окружение его дома непрерывной цепью концентрических кругов, нарисованных моим пальцем, переметание мусора из одного угла в другой и тому подобное, - вспоминает Карлос. - В эти задачи входили также и "домашние задания", например, носить белую шапку или всегда в первую очередь завязывать свой левый ботинок, или застегивать пояс всегда справа налево. <...>

После того, как он напомнил все те задания, которые давал мне, я сообразит, что заставляя меня придерживаться бессмысленных распорядков, он действительно воплотил во мне идею действовать, не ожидая ничего взамен." (IV, 241)

Такая установка неминуемо ведет к высокой степени отрешенности по отношению к собственной судьбе, что является обязательным элементом _безупречности_ воина. "Он сказал, что если мне суждено погибнуть, то это должно случиться в борьбе, а не в сожалениях или чувстве жалости к себе. _И не имеет значения, какой будет наша собственная судьба, пока мы лицом к лицу встречаем ее с предельной отрешенностью_." (VIII, 107)

Кроме того, отрешенность воина - быть может, единственная защита от возможного безумия. С точки зрения дона Хуана, эмоциональная вовлеченность в переживания измененных режимов восприятия вызывает патологическую фиксацию точки сборки в необычной позиции или ее неуправляемое движение, а это и есть в данном случае психическое заболевание.

"Безупречные воины никогда не становятся душевнобольными. Они пребывают в состоянии постоянной отрешенности. Я не раз говорил тебе: безупречный _видящий_ может _увидеть_ устрашающие миры, я в следующее мгновение - как ни в чем не бывало шутить и смеяться с друзьями и незнакомыми людьми." (VII, 365)

Вы должны были заметить, как часто дон Хуан употребляет слово "трезвость" (_sobriety_). Он имеет в виду психологическое состояние, неразрывно связанное с отрешенностью и являющееся его продолжением. Неудивительно, что в данной традиции на трезвомыслии делается особый акцент, так что это качество превращается даже в определенную доктрину, отдельно разработанную и часто упоминаемую. Причина повышенного внимания к _трезвости_ воина, возможно, заключена в горьком уроке, который был извлечен новыми _видящими_ из судьбы древних индейских магов. Вспомним, как рассказывал об этом дон Хуан:

"После того, как некоторые из этих людей научились _видеть_, а на это ушли столетия экспериментов с растениями силы, наиболее предприимчивые из них взялись за обучение _видению_ других людей знания. И это стало началом их конца. С течением времени _видящих_ становилось все больше и больше, но все они были одержимы тем, что _видели_, ибо то, что они _видели_, наполняло их благоговением и страхом. В конце концов одержимость их приобрела такие масштабы, что они перестали быть людьми знания. Мастерство их в искусстве _видения_ стало необыкновенным, доходило даже до того, что они были способны управлять всем, что было в тех странных мирах, которые они созерцали. Но это не имело никакой практической ценности. _Видение_ подорвало силу этих людей и сделало их одержимыми _увиденным_.

- Однако среди видящих были и такие, которым удалось избежать этой участи,- продолжал дон Хуан.- Это были великие люди. Несмотря на свое _видение_, они оставались людьми знания. Некоторые из них находили способы положительного использования _видения_ и учили этому других людей. Я убежден, что под их руководством жители целых городов уходили другие миры, чтобы никогда сюда не вернуться.

Те же _видящие_, которые умели только _видеть_, были обречены. И когда на их землю пришли завоеватели, они оказались такими же беззащитными, как и все остальные." (VII, 265)

Таким образом, _трезвость_, дающая возможность не "увлекаться" _увиденным_, а продолжать работу по объективное постижению Реальности, оказывается вещью _практически_ необходимой. Так что нет ничего удивительного в том, что подобные истории продолжают повторяться, постоянно обрекая оккультизм на блуждания в мифах и галлюцинациях. Может быть, именно по этой причине мистические учения никак не могут поладить с наукой и часто вызывают у естествоиспытателей только чувство раздражения. В "Беседах с Павитрой" Шри Ауробиндо, хорошо понимавший сложности такого рода,

разъясняет причины кризиса Теософского Общества. Он использует при этом свою терминологию, выделяя различные планы бытия (витальный, ментальный и др.) как особые зоны восприятия. "... Они никогда не выходили дальше витального плана (который в их терминологии соответствует плану астральному). Я также отбрасываю возможность мошенничества. Но здесь мы, возможно имеем дело с непроизвольным самообманом [_wilful self-direct_], ведь на витальном плане видят то, что желают видеть ментально. Это сложное и чудесное царство, где истина и ложь безнадежно спутаны. Здесь все представляется в логичной; организованной и соблазнительной (но в конечном счете иллюзорной) форме.

Е. П. Б. [Е. П. Блаватская - А. К.] была удивительной женщиной с мощными прозрениями, но у нее все как-то путалось, она не в состоянии была критически относиться к фактам психического опыта."

История повторяется непрерывно, и вышеприведенные слова Шри Ауробиндо можно было бы отнести к очень многим школам, сектам или направлениям оккультного толка. Да и как могло быть иначе? Страх перед Непостижимым заставляет человека концептуировать, формализовать любой перцептуальный опыт, чем и заканчивается его "общение" с Реальностью, не успев еще толком начаться Дальнейшее - только бесконечное повторение избранного способа галлюцинировать, победа _тоналя_ в расширенном поле восприятия, т.е. сведение к нулю всех предыдущих достижений. Дон-хуановский воин, вооруженный _трезвостью_, выбирает другую установку - на первый взгляд, парадоксальную, но, тем не менее, самую эффективную и прагматичную для дела познания. Воин "верит, не веря", "принимает, не принимая". Опорой для подобной установки оказывается то, что все элементы его "острова тональ" уже перемещены на сторону _разума_. Иными словами, его критические способности без ущерба для целостности картины мира могут быть распространены на любой перцептивный факт. ("Моей задачей было разделить твою обычную картину мира: не уничтожить ее, а заставить перекатиться на сторону _разума_".- IV, 257) Поскольку мы всегда в неведении по поводу масштабов искажений, которые тональ накладывает на восприятие, остается только один разумный подход - "путь воина".

"Есть три рода плохих привычек, которыми мы пользуемся вновь и вновь, сталкиваясь с необычными жизненными ситуациями. Во первых, мы можем отрицать очевидное и чувствовать себя при этом так, словно ничего не случилось. Это - путь фанатика. Второе - мы можем все принимать за чистую монету, как если бы мы _знали_, что происходит. Это - путь религиозного человека. И третье - мы можем приходить в замешательство перед событием, когда мы не можем ни искренне отбросить его, ни искренне принять. Это путь дурака. Не твой ли? Есть четвертый, правильный - путь воина. Воин действует так, как если бы никогда ничего не случайтесь, потому что он ни во что не верит. И, однако же, он все принимает за чистую монету. Он принимает, не принимая, и отбрасывает, не отбрасывая. Он никогда не чувствует себя знающим, и в то же время никогда не чувствует себя так, как если бы ничего не случалось. (IV, 56-57)

Воин - это человек, сочетающий в себе, казалось бы, несовместимые качества - здравый смысл и открытость к любым видам мистического, иррационального, необъяснимого. Его разумность и умеренный скептицизм не превращаются в косность и слепоту рационалиста, потому что имеют иную психологическую природу. Воин ничто не абсолютизирует, он беспристрастен и способен трезво взглянуть как на безрассудные восторги мистика, так и на тупую ограниченность рациональности. Он _верит_ в то, что делает, но это особенная вера, не имеющая ничего общего с догматизмом и религиозностью, ибо в его вере нет ни страха, ни амбиций, ни стремления обрести убежище.

"Воин должен быть текучим и изменяться в гармонии с окружающим миром, будь это мир _разума_ или мир _воли_ (т.е. мир тоналя или нагуаля - А. К.).

Реальная опасность для воина возникает тогда, когда выясняется, что мир - это ни то и ни другое. Считается, что единственный выход из этой критической ситуации - продолжать действовать так, как если бы ты верил. Другими словами, секрет воина в том, что он _верит, не веря_. Разумеется, воин не может просто сказать, что он верит, и на этом успокоиться. Это было бы слишком легко. Простая вера устранила бы его от анализа ситуации. Во всех случаях, когда воин должен связать себя с верой, он делает это _по собственному выбору, как выражение своего внутреннего предрасположения_. Воин не верит, воин _должен_ верить." (IV, 110-111) (_Курсив_ мой - А. К.)

Видение, позволяющее бесконечно расширять диапазон воспринимаемых энергетических полей мироздания,- это серьезное испытание на прочность. Если, добившись _видения_, мы сохранили какие-то пристрастия, предпочтения, предрассудки, очень легко не только впасть в иллюзию, но и поддаться искушению - свернуть с пути, приметив для себя удобную гавань, как это сделал, например, "бросивший вызов смерти" - маг, продлевающий свою жизнь за счет чужой энергии (см. книги VIII и IX), или те древние _видящие_, что навсегда приковали себя к энергетической форме "союзника", чтобы обрести невиданную долговечность этих неорганических существ. Каждый значительный сдвиг точки сборки таит в себе разного рода искушения и соблазны, а воин ищет _только свободу_. Это единственный путь, по которому можно прийти к высшей реализации. Собственно говоря, _свобода_ (подлинная, всеохватывающая, безграничная) и есть та самая "высшая реализация" - разве не так?

"При каждом удобном случае дон Хуан любил повторять, что если точка сборки сдвигалась кем-либо, кто не только видел, но еще и имел достаточно энергии для того, чтобы привести ее в движение, то она могла скользить внутри светящегося кокона в то положение, куда ее направляли. Ее свечения было достаточно, чтобы воспламенить нитевидные энергетические поля при соприкосновении с ними. Результирующее восприятие мира оказывалось таким же полным, как обычное восприятие повседневной жизни, но отличным от него. Поэтому при перемещении точки сборки решающее значение имеет _трезвость_." (VIII, 65-66)

И все же мы возвращаемся к странной и неизбывной тоске, то и дело накатывающей на воина, сопровождающей его в трезвой и отрешенной жизни. О природе этого чувства стоит подумать. Удивительно, но тоска рождается как некое объединяющее чувство, как натянутая струна между утраченным и обретенным. Мир ординарного сознания (мир _утраченный_) упрямо присутствует перед нами повсюду - мы удалены от него, отстранены новым внутренним чувством, но вынуждены свидетельствовать его близкую, до боли знакомую маету, которая продолжается в монотонном пространстве этой жизни. И это свидетельство преисполнено _печали_. Мир нового откровения (мир _обретенный_), вопреки профаническому представлению, вовсе не осыпает нас всевозможными "благами" духа и не предоставляет всю необоримую свою полноту, все свои запредельные восторги. Мир _обретенный_ - это, прежде всего, дорога, медленно и скупо расстилающая перед нами свои ландшафты, это томительное ожидание следующего шага, это тоска по Реальности, на которую мы глядим пока только мельком, украдкой, узнаем лишь частично, желая жить ею в полную силу, погрузиться целиком, безоговорочно, навсегда. Мир _обретенный_ - это _ожидание_ Реальности ("воин ждет, и он знает, чего ждет"). Ожидание, которое неразлучно с печалью, тоской, ностальгией.

Желание жить свойственно всему живому. Для воина жизнь - это способность воспринимать, постигать и переживать все большие объемы раскрывающейся Реальности.

Для обычного человека жизнь - это способность овладевать, подавлять, управлять, получать удовольствие. Невозможно уйти от экспансии жизни. Это способ нашего движения, способ нашего бытия, подразумевающий тоску. Пока мы движемся, мы тоскуем, так как пребываем всегда между чем-то уже утраченным и чем-то _еще_ не обретенным. Обычный человек избегает тоски, регулярно останавливаясь в процессе жизни. Но воин не может остановиться - у него слишком мало времени. Тоску такого движения прекрасно описал Мамардашвили: "Хотеть жить - это хотеть занимать еще точки пространства и времени, то есть восполнять себя или дополняться тоже и тем, чего мы сами не можем и чем не обладаем. Скажем, мне кажется, я люблю Нану, существо, наделенное определенными качествами и в силу этих качеств вызвавшее наше движение и наше стремление. Но в действительности наше движение и наше стремление вызвано расширительной силой жизни.... пока мы завоевали следующее различение между реальностью и представлением. Нана, любимая мною, потому что у нее голубые глаза и она верх совершенства, это представление, а реальность (...) - это нечто _другое_.

... Когда я говорил, как нас охватывает ностальгия, как мы ощущаем отстраненность от окружающих нас людей, от родины, от страны, от нравов и обычаев, тогда что-то неизвестное - _другое_ - манит нас и вызывает в нас тоску. Эта тоска забудется, она закроется, и мы ее вспомним, когда различим, так как нам долго будет казаться, что именно качества Наны - предмет, вызывающий любовь.

Еще долго мы не будем различать представление и реальность, и мы еще по очень крутой орбите будем возвращаться к первоначальной юношеской тоске, тоске другого мира." (М. Мамардашвили. Что значит мыслить и что значит мыслить не мысля.)

Печаль от соприкосновения с Реальностью - чувство куда более масштабное и трагическое, чем ностальгия по утраченному комфорту ограниченного бытия. Если одно лишь представление о Реальности способно смутить беспечность нашего существования, то действительное восприятие ее поистине сокрушительно.

"Дон Хуан заметил, что для воина совершенно естественно испытывать печаль без каких бы то ни было явных причин. _Видящие_ говорят, что светящееся яйцо как поле энергии начинает чувствовать окончательность своего предназначения, едва лишь нарушены границы известного. Одного краткого взгляда на вечность за пределами кокона достаточно для разрушения того чувства внутренней благоустроенности, которое дает нам инвентаризация. В результате возникает меланхолия, настолько сильная, что может даже привести к смерти.

<...>Нет более глубокого одиночества, чем одиночество вечности. И нет ничего более уютного и удобного для нас, чем быть человеческими существами. Вот тебе еще одно противоречие: как, оставаясь человеком, радостно и целеустремленно погрузиться в одиночество вечности? Когда тебе удастся решить эту головоломку, ты будешь готов к решающему путешествию." (VII, 345-346)

Даосы тоже знали это чувство. В. Малявин, рассуждая о чувстве печали в даосизме, пишет: "Неизбывное и беспричинное, оно превосходит все другие чувства. Чтобы увидеть его исток, нужно вспомнить, что даосский покой пустоты предполагает степень отстраненности, недостижимую для рассудочного мышления. Даосское видение соответствует абсолютно покойному созерцанию самого семени движения мира, созерцанию жизни вещей как абсолютно быстротечного и мимолетного. И печаль, внезапно открывшаяся Юй Синю, сопоставима с тем, что Хайдеггер называл "болью слова" - неисцелимой поэтической болью, сопутствующей сознанию ненужности представлять вещи обычными именами, ведь все сказанное - только метафора. Эта боль - неизбежная спутница внутренней отрешенности от ограниченных форм жизни. Но онтологическая "боль слова", согласно Хайдеггеру, предполагает нерасторжимое единство

радости и печали. Человек печален, отстраняясь от мира и созерцая близкое как бы издалека. И он испытывает радость, открывая в отстраненности высшее единство и прозревая далекое в близком." (В. Малявин. Чжуан-цзы, с. 213.)

Это непередаваемое ощущение печали и радости, сливающихся в чем-то ином, сродни тому чувству дерзости, о котором сказал дон Хуан:

"Воистину, человеческие существа ничтожны, дон Хуан,- произнес я.

- Я совершенно точно знаю, о чем ты думаешь,- сказал он. Совершенно верно, мы - ничтожны. Однако именно в этом и состоит наш решающий вызов. Мы - ничтожества - действительно способны встретиться лицом к лицу с одиночеством вечности." (VII, 346)

"Научившись _видеть_, человек обнаруживает, что одинок в мире. Больше нет никого и ничего, кроме той глупости, о которой мы говорим, " - сказал дон Хуан в другой книге (II, 254).

И когда наступил момент окончательной разлуки с доном Хуаном и доном Хенаро, Карлос с особой остротой пережил свое экзистенциальное одиночество, куда более страшное, чем одиночество обычного человека.

"Мы все одиноки, Карлитос, - сказал дон Хенаро мягко,- и это наше условие.

Я ощутил в горле боль привязанности к жизни и к тем, кто был близок мне. Я не хотел прощаться с ними.

- Мы одиноки,- сказал дон Хуан.- Но умереть одному - это не значит умереть в одиночестве." (IV, 291)

Быть может, кому-нибудь печаль и тоска покажутся вовсе не обязательными чувствами на пути дона Хуана; возможно, кто-нибудь решит, что эту неприятную сторону можно как-то обойти и добраться до цели, не расставаясь с блаженством и покоем. На наш взгляд, это вряд ли возможно. Более того, в приступах печали дон Хуан даже склонен видеть верное доказательство движения по пути. Например, однажды Кастанеда пожаловался учителю, что "не хочет больше жить". В ответ маги принялись радостно хохотать. "Чем большим было мое отчаяние, тем сильнее они веселились. Наконец, дон Хуан сдвинул меня в состояние повышенного осознания и объяснил, что их смех вовсе не злорадство или проявление странного чувства юмора. Они смеялись от переполнявшей их радости за меня, потому что видели, что мне удалось продвинуться далеко вперед по пути знания. " (VII,
391)

Дон Хуан сказал: "То, что происходит с тобой, случается с каждым, кто накопил достаточно энергии и смог заглянуть в неизвестное.

Нагваль Хулиан говорил им, что они изгнаны из дома, в котором провели всю свою жизнь. Результатом накопления энергии явилось разрушение гнезда - такого уютного, но сковывающего и скучного - в мире обыденной жизни. И подавленность их, по словам нагваля Хулиана, была не печалью потерявших старый дом, но печалью обреченных на поиски нового." (VII, 391)

Все приведенные выше примеры как раз доказывают, что безупречность ни в коем случае не связана с эмоциональным отупением. Напротив, это новое психическое состояние обостряет не только восприятие, но и наше реагирование на него. Здесь все в несколько ином свете, все переживается "под знаком вечности", но сила чувствования от этого только возрастает, приобретая специфическую утонченность и окраску. Недаром тибетский проповедник Калачакры Чогьям Трунгпа пишет так: "Чтобы оказаться хорошим воином, нужно иметь печальное и нежное сердце. _Если человек не ощущает одиночества и печали, он совсем не может быть воином_."

Здесь мы вправе спросить: что же удерживает воина на этом одиноком, отрешенном и печальном пути? Способен ли он испытывать подлинную радость от общения с миром,

есть ли в этом пути хоть что-то, искупающее страдания и тоску, помимо далеких приключений в устрашающих мирах нагуаля? Этот же вопрос задавал себе и сам дон Хуан: "Есть ли у этого пути сердце? Если есть, то это хороший путь; если нет, то от него никакого толку. Оба пути ведут в никуда, но у одного есть сердце, а у другого - нет. Один путь делает путешествие по нему радостным: сколько ни странствовать, ты и твой путь нераздельны. Другой путь заставит тебя проклинать свою жизнь. Один путь дает тебе силы, другой - уничтожает тебя." (I, 93)

И здесь, как ни странно, на помощь воину приходит _любовь_. Это вполне естественное чувство, когда глаза ваши, наконец, прозрели и вы сподобились увидеть _чудо_ и _красоту_ мира. Эгоистическое сознание, озабоченное только собой, ропщет, жалуется, стонет, скучает наконец - ему нет дела до великолепия окружающей его вселенной, до этой восхитительной земли, повсюду разметавшей свой сокровенный и непостижимый блеск, изобилие, очарование... Эти сокровища открыты теперь взору, и воин принимает их как дар, с почтением и любовью. Мир более не является оппонентом, врагом, пассивной средой, требующей покорения, переделки, "благоустройства". Мир прекрасен сам по себе, помимо человека, и воин любит его самой чистой любовью, потому что ничего от мира не хочет.

"Любовь Хенаро - этот мир,- сказал он.- Только что он обнимал эту огромную землю, но из-за того, что он такой маленький, он может только плавать в ней. Но земля знает, что Хенаро любит ее, и дарит ему свою заботу. Вот почему жизнь Хенаро полна до краев, и, где бы он ни был, он всегда будет иметь это богатство. Хенаро странствует по дорогам своей любви, и повсюду ощущает свою полноту.

Дон Хуан присел перед нами на корточки. Он нежно поглалил землю.

"Это предрасположение двух воинов, - сказал он. - Эта земля, этот мир. Для воина нет большей любви."

Дон Хенаро поднялся и присел рядом с доном Хуаном на какое-то мгновение, в течение которого они пристально глядели на нас, а затем одновременно сели, скрестив ноги.

"Только если любишь эту землю с неизменной страстью, можешь освободиться от свое и печали,- сказан дон Хуан.- Воин всегда весел, потому что любовь его неизменна, и земля, его возлюбленная, обнимает его, осыпая непостижимыми дарами. Печаль принадлежит только тому, кто ненавидит то самое, что дает ему убежище."

Дон Хуан снова с нежностью погладил землю.

"Это прекрасное существо, живое до самой последней черточки своей, понимающее любое чувство, утешило меня, исцелило меня от боли, _а в конечном счете, когда я окончательно понял свою любовь к нему, научило меня свободе_." (IV, 295-296)

Так, между радостью и печалью, между отрешенностью и любовью странствует великое воинство толтеков. Это сочетание печали и восторга, боли и благоговения действительно напоминает влюбленность. Чогьям Трунгпа отмечает эту особенность и в тибетском "пути воина":

"Переживание возвышенности мира - это радостная ситуация, однако она также приносит печаль. Она подобна влюбленности. Когда вы влюблены, присутствие возлюбленной приносит одновременно восторг и сильную боль."

Этот же автор напоминает о другом, не менее важном моменте - о том, что только _радость_ позволит адепту пройти путь до конца. Не война с самим собой, а радость и любовь делают возможными высшие достижения _безупречности_.

"... В прошлом мы видели, как некоторые люди пытались стать воинами при помощи напряженного усилия. Но результатом оказывалось дальнейшее смятение, когда такой человек открывал в себе целые залежи проблем и некомпетентности. Если вы не

чувствуйте радости, не ощущаете магического характера практики, то вам кажется, что вы просто наткнулись на высокую стену безумия."

В самой первой книге Кастанеды ("Уроки дона Хуана") учитель поведал Карлосу о так называемых "врагах человека знания". Их четыре - _страх_, _ясность_, _сила_ и _старость_. Все то, о чем мы говорили в этом разделе, оказывается могущественной зашитой перед этими "врагами". Пока воин "верит, не веря", "принимает, не принимая", _ясность_ не победит его. Он никогда не придет к выводу, что постиг суть всех вещей и не превратится в пленника этой иллюзии. Пока воин способен испытывать печаль и отрешенность, а пуще всего - любовь, _сила_ не ослепит его. ("Это - самый грозный враг.... Ведь в конце концов ее обладатель действительно непобедим. Он хозяин, который вначале идет на обдуманный риск, а кончает тем, что устанавливает закон, потому что он - хозяин... Он превращен своим врагом в жестокого, капризного человека." - I, 73)

Ну, а старость - печальная пора слабости и угасания - не сможет вступить в свои права, если столкнется с подлинным, высоким _беспристрастием_ воина. Ибо беспристрастие рождает свободу, а свобода указывает путь к _бессмертию_.

4. Переход в безличное

_Небо пустое -
Вот твой путь в этот вечер.
Откройся же мне:
Где, одинокий ворон,
Ты сыщешь себе ночлег_?

<Подражая Сайгё>

Если вдуматься, _безупречность_ - довольно странная вещь. Будучи вполне рациональной дисциплиной, она в какой-то неуловимый миг погружает нас в самые пучины мистики. Таким же странным образом безупречность, опираясь на личные достижения воина, все более обособляя его от других представителей рода человеческого, делая его ярким и уникальным явлением, вдруг заводит его в пустыни безличного, неосязаемого, неопределимого и неприметно исчезающего на фоне грубого эгоизма серой массы посредственностей. "Одинокая птица" - вот, пожалуй, наиболее удачный образ, раскрывающий всю парадоксальность жизненного пути воина. Одинокая птица, как вы помните, "поет очень тихо". И "нет у нее окраски определенной". Словом, даже трудно сказать, есть ли она на самом деле - тень, призрак, порыв ветра, устремленный в бескрайние небеса, на которые мы так редко глядим из-под своего тяжеловесного панциря - _заботы о выживании_. При помощи безупречности воин достигает неимоверной личной силы, но личность его словно делается невесомой, далекой и безвестной. Как говорил Чжуан-цзы - "неизвестно, где положен им предел". Казалось бы, _личная сила_ - это завоевание _тоналя_, но и сам _тональ_ ничего не может сказать по этому поводу.

"Мы - светящиеся существа,- сказал дон Хуан.- А для светящихся существ значение имеет только личная сила. Но если ты спросишь меня, что такое личная сила, я отвечу, что этого мои объяснения тебе не объяснят." (IV,
15)

Действительно, странно. _Безупречность_ (как мы уже сказали, являющаяся делом _тоналя_) есть усиление именно тоналя, но ведет эта дисциплина к раскрытию, проявлению, реализации эффектов нагуаля.

"... маги знают, что только путем усиления _тоналя_ может появиться _нагуаль_. Понятно, что я имею в виду? Это усиление называется личной силой." (IV, 163)

Непостижимым образом сильный тональ привлекает к себе Реальность, как будто она "знает", что все части существа уравновешены и могут выдержать натиск энергетических полей _нагуаля_. Разум в своем развитии и самоконтроле достигает некоего качественного скачка - теперь неповрежденный разум может отойти в сторону и безразлично созерцать разрушительные явления, бесцеремонно отрицающие всякую ценность его рассудочности. Цепи разорваны: смерть на пороге вызывает только смех, собственная важность - пыль на дороге, до которой нет никакого дела, жалость перед лицом Реальности глупа и бессмысленна. Только непреклонная сила свидетельствует каждый шаг - несгибаемое намерение идти вперед вопреки всему, пусть даже пропасть мерещится в конце тропы. Безупречный воин не может страшиться таких пустяков.

"Мне нужна только безупречность, энергия...- понял Кастанеда. - А начинается все с какого-нибудь одного действия, которое должно быть целенаправленным, точным и осуществляемым с непреклонностью. Повторяя такое действие достаточно долго, человек обретает несгибаемое намерение. А несгибаемое намерение может быть приложено к чему угодно. И как только оно достигнуто - путь свободен. Каждый шаг повлечет за собой следующий и так будет продолжаться до тех пор, пока весь потенциал воина не будет полностью реализован." (VII, 410)

Такая нечеловеческая устремленность почти отталкивает, но не забывайте, что на ее достижение уходят иногда десятилетия, и то, что сейчас кажется непонятным и чуждым, спустя время вполне может стать самой природой вашего существа. Тем более, что правила далеки от догматизма и учитывают особенности индивидуума. Даже в отношении сексуальных отношений ("больная" тема для любой аскетической дисциплины) здесь не существует однозначного запрета.

"А нагваль Хулиан,- начал Хенаро,- говорил, что заниматься сексом или не заниматься - вопрос наличия энергии. Сам он с сексом проблем не имел никогда: у него ее была прорва. Но мне он с первого же взгляда сказал, что мой член предназначен только для того, чтобы мочиться. Потому что у меня не хватало энергии на секс. Бенефактор сказал, что мои родители были ужасно утомлены, когда делали меня, и им было скучно. Он назвал меня результатом исключительно тоскливого совокупления - "конда абуррида". Таким я и родился - скучным и утомленным. Нагваль Хулиан вообще не рекомендовал людям моего типа заниматься сексом. Тем самым мы можем сэкономить то небольшое количество энергии, которым обладаем." (VII, 312-313)

Через некоторое время нагваль Хулиан, чтобы продемонстрировать важность своего совета, взял свой отряд в один из параллельных миров вместе с их физическими телами. Хенаро и несколько других учеников, таких же "скучных и утомленных", но не послушавшихся рекомендаций Хулиана, "чуть не погибли там", по словам самого Хенаро. Как видите, в некоторых случаях экономия половой энергии оказывается жизненно необходимой но совсем не по той причине, о которой говорят моралисты и религиозные проповедники.

Совсем другое дело, если речь находит о _желании_. Человек - любопытно устроенное существо. Он способен испытывать желание (в том числе половое), даже когда не чувствует никакой физиологической потребности. На этом, по сути, строится вся человеческая цивилизация. Желание - это продукт человеческого эго, лишь иногда совпадающий с биологической необходимостью. Мы знаем об этом со времен Будды, но никак не способны принять эту идею _практически_, так как подсознательно относим ее к этическим или нравственным условностям.

"Желание - вот что заставляет нас страдать, но как только мы научились уничтожать свои желания, любая полученная нами мелочь превратится в бесценный дар... Бедность и нужда - это только мысли; то же касается ненависти, города, боли." (II, 315)

Практика _безупречности_ дает воину возможность понять, что даже такие конкретные чувства, как голод и боль, в гораздо большей степени относятся к нашей способности _саморефлексии_, чем к непосредственно переживаемому опыту. Задумывались ли вы, что человек больше страдает не _от_ боли, а _по поводу_ боли, не _от_ голода, а _по поводу_ голода? Если вам трудно понять разницу, попробуйте поразмышлять над этим.

"Я много раз говорил тебе: только воин может выжить. Воин знает о своем ожидании и знает, чего он ждет. Когда он ждет, у него нет желаний, и потому, какую бы малость он ни получил, это всегда больше, чем он может взять. Если он хочет есть, то найдет путь, потому что не голоден. Если он ранен, то справится с этим, потому что не страдает от боли. Быть голодным или страдать от боли означает, что сила голода или боли уничтожает тебя." (II, 315)

Прекращение _саморефлексии_ - поистине революционный шаг в развитии психологии личности. Этот качественный скачок - плод десятилетий упорного труда - так перестраивает всю систему ценностей, всю совокупность способов переживания окружающего мира, что невольно напоминает даосскую притчу о "великом сне" и "великом пробуждении". ("Но есть еще великое пробуждение, после которого узнаешь, что все это - великий сон.") Мы не можем выйти из сновидения _тоналя_, даже когда обретаем способность перемещаться в другие участки энергетического спектра Реальности. _Тональ_ неустраним, как неустранима сама _точка сборки_, выстраивающая по своим законам блоки или пучки из энергетических потоков бытия. Мы можем бесконечно расширять способности своего тоналя, делать его гибким и послушным, чтобы максимально приблизиться к Реальности, но навсегда уничтожить перцептуальный аппарат вместе с его условностями и ограничениями, значит, просто _перестать быть_. Поэтому единственная свобода заключается в _осознании сна_. Как пишет В. Малявин, "только спящий не знает, что он спит и смешон в своей самоуверенности. Но только "великое пробуждение" открывает нам существование "великого сна". Иными словами, чем более я сознаю себя спящим, тем более я кажусь себе спящим. Миг пробуждения вмещает в себя бесконечно долгий сон. Не сон и не явь, а бодрствование во сне и сон наяву или даже, точнее, "пробуждение к Сну во сне" - вот правда Чжуан-цзы."

И если "пробудившийся во сне" смотрит на других "спящих", он, безусловно, осознает их призрачность, подобно тому, как Хенаро по дороге в Икстлан видел только фантомов - бессознательных героев одного "великого сна". Отсюда - глубокая пропасть, разверзающаяся между человеком и безупречным воином. Остается ли он человеком после пробуждения? С точки зрения _нагуаля_, вряд ли. Что-то необратимо меняется в структуре энергетического кокона - индейские маги называют это "потерей человеческой формы". Дон Хуан так описывает этот процесс:

"... _видящие_ называют человеческой формой неодолимую силу настройки эманаций, зажженных свечением осознания в том месте, где располагается точка сборки человека в нормальном состоянии. Это сила, благодаря которой мы являемся человеческими личностями. Таким образом, быть человеческой личностью - значит быть вынужденным подчиняться этой силе настройки, а следовательно, быть жестко привязанным в своих действиях к тому месту, откуда она исходит.

Благодаря практике воина его точка сборки в определенный момент начинает сдвигаться влево. Этот сдвиг устойчив, он приводит к необычному чувству отстраненности, или контроля или даже самоотрешенности. Смещение точки сборки

влечет за собой перенастройку эманаций. (Вот оно, "пробуждение во сне"! - А. К.) Новая настройка становится началом целой серии еще более значительных сдвигов. Первоначальный же сдвиг _видящие_ очень точно назвали потерей человеческой формы, поскольку он знаменует собой начало неумолимого движения точки сборки прочь от ее исходной позиции, в результате чего необратимо утрачивается наша привязанность к силе, делающей нас человеческими личностями." (VII, 446)

В классификации перемещений точки сборки, которую мы предложили ранее, этот изначальный сдвиг нами назван _углублением_. Теперь, когда мы разобрали основные идеи _безупречности_, понятно, почему данная традиция называет его "потерей человеческой формы". Дон Хуан неоднократно предупреждает, что в этом состоянии прежние "щиты" внимания перестают функционировать, и потому потеря человеческой формы гибельна для личности, которая не смогла добиться подлинной _безупречности_ в повседневной жизни. Раскрывшийся "просвет" впускает внутрь кокона такое чудовищное количество энергии, что при малейшей оплошности разрушение целостности неизбежно.

Это рискованная игра, и, тем не менее, находятся счастливчики, способные удержать точку сборки в измененном положении и уцелеть, не следуя при этом практике безупречности. Они относятся к особой категории _видящих_. Такой случай упоминается доном Хуаном только для того, чтобы показать дисгармоничность и неполноту подобного достижения. Например, в книге "Отдельная реальность" он говорит следующее:

"_Видящий_ не должен жить, как воин, или как кто-то еще, ему это ни к чему. Он _видит_, следовательно, для него все в мире предстает в обличье своей истинной сущности, должным образом направляя его жизнь. Но, учитывая твой характер, я должен сказать тебе, что, возможно, ты так никогда и не научишься _видеть_. В этом случае тебе придется всю жизнь быть воином.

Мой бенефактор говорил: встав на путь знания, человек постепенно осознает, что обычная жизнь для него навсегда осталась позади, что знание
- страшная вещь, и средства обычного мира уже не могут его защитить. Поэтому, чтобы уцелеть, нужно жить по-новому. И первое, что необходимо сделать на этом пути,- захотеть стать воином. Важное решение и важный шаг. Путь знания не оставляет выбора - идти по нему может только воин." (II, 322-333)

В другом месте дон Хуан подчеркивает: "Те же _видящие_, что умели только _видеть_ [но не были безупречными воинами - А. К.], были обречены. И когда на их землю пришли завоеватели, они оказались такими же беззащитными, как и все остальные." (VII, 265)

Здесь мы касаемся довольно тонкой проблемы, связанной с отношением друг к другу трех важных аспектов дон-хуановского знания: _видения_, _безупречности_ и _намерения_. О _намерении_ речь впереди - это сложная и серьезная тема. Пока же следует только указать на сущность возникшей ситуации. Разумеется, для достижения _видения_ требуется определенное накопление энергии, но только путь воина (т.е. _безупречность_) дает возможность пользоваться _намерением_ и, таким образом, произвольно манипулировать всеми энергетическими полями, доступными воину благодаря _видению_. С другой стороны, воины, имевшие достаточно _личной силы_, чтобы входить в контакт с _намерением_, могли, однако, так и не обнаружить того энергетического состояния, что приводит к _видению_. В этом случае, как говорил дон Хуан, они были "великими магами, но не были _видящими_". Манипулируя энергиями "наощупь", они добивались замечательных результатов, и все же многое оказывалось для них скрыто по причине магической "слепоты". Об энергетической стороне этих процессов еще будет сказано в заключительной части этой книги - "Реальность нагуаля".

Теперь, рассмотрев детально всю концепцию _безупречности_, с такою основательностью представленную нам в книгах Кастанеды, и осознав грандиозные масштабы личностной трансформации, необходимой на пути воина, можно оценить емкость и содержательность "магической формулы", оставленной Карлосу Сильвио Мануэлем (книга "Дар Орла"),- своеобразного заклинания, которое возвращает силы воину в тяжелые минуты его жизни.

Каждая сентенция здесь содержит как бы краткий итог пройденного за годы ученичества этапа и очерчивает самые важные положения практики в краткой афористической форме. В каждой фразе заключено отрицание и утверждение - отрицание одного из основополагающих аспектов личностной установки ординарного сознания и утверждение новой установки, снимающей или преодолевающей прежнюю.

(1) _Я уже отдан Силе, что правит моей судьбой_.

С самого начала мы сталкиваемся с отрицанием экзистенциальной _озабоченности собственной судьбой_. На первый взгляд, смысл сентенции негативен: она утверждает подчиненность (не-свободу) человеческого существа перед лицом неумолимого закона, осуществляющего его судьбу. Парадокс, заключенный в таком утверждении, постоянно присутствует в учении дона Хуана, как и в ряде иных метапсихологических доктрин оккультизма. Сила, о которой идет речь, принципиально непостижима, работа ее неумолима и загадочна, а потому она как бы космически удалена от индивида - удалена в обоих значениях этого слова: устранена из внутренне освоенного пространства и, одновременно, отодвинута в немыслимую даль. Словом, она _обесчеловечена_, _дегуманизирована_; это холодный и фатальный образ - ему нельзя молиться, он не знает жалости и безразличен к страданию. Но есть и другая сторона этой Силы: будучи чем-то бесконечно большим, чем человек, она все же включает в себя человека, некою частью словно резонирует с ним и растет из него же. (Быть может, следует говорить _пронизывает_ его, что скорее соответствует действительности. Но в данном случае нам хочется подчеркнуть участие субъекта в этом над-субъективном процессе,- тем более, что Сила абсолютна, и любая точка оказывается источником ее, оставаясь в равной степени предметом ее приложения.) В конечном счете, это непостижимый _союз_ между человеком и универсумом, блистательно осуществляющий бытие в его гармонии. Так преодолевается отчужденность человека Судьбе. Парадоксальным образом он, осознавая себя игрушкой в руках могущественной стихии мира, становится подлинно свободным: судьба его реализуется в истинной гармонии с его сущностью, а дух избавляется от каторжного груза страхов, забот, ожиданий. Негативная подчиненность есть на самом деле подчиненность себе же, но в содружестве с Реальностью, а не в противостоянии ей. Тональ личности, осознав свои границы и незначительность свою перед лицом Бытия, отдает право на власть _нагуалю_, оставив себе лишь _сталкинг_ - сложную игру, о которой мы поговорим в следующей главе. "Нет ни раба, ни свободного, ни того, кто стремится к свободе",- сказано в Упанишадах.

(2) _У меня ничего нет, и (потому) мне нечего защищать_.

Смысл этой фразы достаточно прозрачен, хотя в системе дона Хуана имеет особую прагматическую ценность. Одной из центральных уловок, питающих _чувство собственной важности_ (то есть, аспект эгоистического, "отделенного" сознания), является идея собственности в самом широком смысле: субъект _владеет_ опытом, знанием, навыками, пытается владеть людьми (т.е. их чувствами по отношению к нему), не говоря уже о владении материальном. Это то, что создает один из главных бастионов эго, так как именно обладание _отличает_ (т.е. _изолирует_) личность от всего остального, т.е. от мира. Самый тяжелый порок идеи обладания заключается в том, что любая вещь, явление, факт перестает быть собой, а превращается в комплекс искаженных представлений

субъекта. Мы _защищаем_ свою собственность, отвергая, замалчивая, игнорируя те черты или явления универсума, что своим существованием посягают на нашу собственность. Иллюзорное владение чем-либо или кем-либо истощает субъекта, ничего не давая взамен. Сознание отрезано от Реальности и слабеет, пытаясь такую отрезанность культивировать.

(3) _У меня нет желаний, и (потому) я ничего не боюсь_.

На протяжении многих лет обучения дон Хуан теоретически и практически демонстрирует пагубность страха. В наиболее широком смысле изначальной причиной _всякого страха_ является _желание_. В случае страха смерти это - желание жить. Любое желание _иметь_ неизбежно порождает страх _утраты_.

(4) _У меня нет мыслей, и (потому) я буду видеть_.

Четвертая сентенция, быть может,- самый краткий способ декларировать сущность магической практики. Это главный ключ к практическому постижению Реальности, ко всем чудесам _нагуаля_. Конечно, здесь подразумевается _остановка внутреннего диалога_. Его рассмотрение заняло у нас много места, и теперь мы знаем, что "отсутствие мыслей" - лишь одна, и, быть может, наиболее поверхностная характеристика данного состояния. Здесь, как видите, остановка внутреннего диалога прямо названа причиной, предпосылкой непосредственного восприятия _нагуаля_. По сути дела, весь корпус идей, формирующий _безупречность_, направлен на облегчение достижения внутреннего безмолвия. Можно даже сказать, что непосредственная практика безупречности - уже есть затухание или ослабление внутреннего диалога, а интенсивная концентрация на молчании укрепляет безупречность во всем поведении субъекта.

Взглянув на дон-хуановскую практику во всей ее полноте, мы находим для концепции _безупречности_ далеко идущие обоснования. Так, мы видим, что безупречность воина постоянно связывается с накоплением _личной силы_, а та, в свою очередь, является универсальным триггером для всякого движения точки сборки, что и есть, по сути, овладение искусством магии. Что же такое _личная сила_? Дон Хуан так часто намекает на ее связь со всеобщей Силой, движущей мироздание, что вполне можно допустить: _личная сила_ есть частный аспект Силы универсальной. Мы еще будем подробно останавливаться на этом непостижимом и мощном феномене в реальности _нагуаля_. Дон-хуановская традиция именует его _намерением_, _духом_ или _абстрактным_.

"Никто ничего не решает,- как-то сказал дон Хуан, - _дух_ или решает это за нас, или нет. Если да, то маг обнаруживает себя действующим в магическом мире, сам не зная как. Вот почему я всегда настаивал, что безупречность - это единственное, что идет в счет. Маг живет безупречной жизнью - и это, кажется, привлекает решение. Почему? Никто не знает." (VIII, 214)

Следовательно, _личная сила_ есть лишь наша личная способность отвечать чему-то большему - _намерению_, сливая воедино личный и безличный аспекты энергии.

"Безупречность, как я уже говорил тебе много раз, это не мораль, - сказал он. - Она только напоминает мораль. Безупречность - это только наилучшее использование нашего уровня энергии. Естественно, это требует и бережливости, и благоразумия, и простоты, и моральной чистоты, но прежде всего это подразумевает _отсутствие саморефлексии_. И хотя это напоминает выдержку из монастырского устава, но это не так.

Маги говорят, что для того, чтобы управлять _духом_, - а под этим они подразумевают управление движением точки сборки,- необходима энергия. Единственная вещь, которая сберегает для нас энергию, - это наша безупречность." (VIII, 214)

Теперь нам легко понять, почему _безупречность_ ведет к накоплению _личной силы_. Первоначальное и достаточно элементарное объяснение дона Хуана - там, где речь идет о сохранении и перераспределении внутренней энергии существа за счет отказа от совокупности эгоистических оценок, ложных установок и переживаний, - соблазняет своей

простотой, но содержит далеко не всю истину. Мы знаем, что на практике безупречность ведет в первую очередь к ослаблению и постепенному растворению эго, т.е. к усилению в существе начала _безличного_, каковым и является _намерение_, _дух_, _абстрактное_.

"Реальным сдвигом [точки сборки - А. К.] занимается _дух_, _абстрактное_. Нечто такое, чего нельзя увидеть или почувствовать, чего, казалось бы, нет, но что существует реально. По этой причине маги утверждают, что точка сборки смещается сама собой. Но они также говорят, что ее сдвигает Нагваль [лидер отряда магов - А. К.]. Нагваль, будучи проводником _абстрактного_, имеет возможность выражать его посредством своих действий.

Я вопросительно взглянул на дона Хуана.

- Нагваль смещает точку сборки, и все же не он сам делает это, сказал дон Хуан. - Возможно, тебе будет понятнее, если я скажу, что _дух_ проявляется в соответствии с безупречностью Нагваля. _Дух_ может смещать точку сборки в результате простого присутствия безупречного Нагваля." (VIII, 157)

Пронизывая мироздание и в каждой точке его зарождаясь, эта универсальная сила делается явной, подчеркнуто эффективной, когда встречает свободное, ничем не затрудненное пространство для своей манифестации. Конечно, мы не можем объяснить этого иначе, как прибегая к метафорам или аналогиям. Мы не знаем и, быть может, не способны знать природу и сущность этого процесса. Древние находили достаточным объяснение подобных вещей симпатическими связями. Как бы то ни было, _безличное_, утвердившись во внутреннем мире существа, притягивает (усиливает, актуализирует, раскрывает?) _безличное_ универсума во всей его невыразимости, необъяснимости, с его загадочной устремленностью и скрытой мощью.

Таким образом, _безупречность_ - практика, смахивающая, казалось бы, лишь на рациональную психотерапию, дисциплина, позволяющая избежать стрессов, разочарований и других огорчений, а также повышающая эффективность любого действия, предпринимаемого субъектом, - оказывается в сокровенном смысле _дверью_, _путем_ в Непостижимое и раскрывает поистине магические перспективы.

ГЛАВА 7. СНОВИДЕНИЕ И СТАЛКИНГ

1. Внимание сновидения

Сновидение - полноценное психическое явление. Оно - осуществление желания.

З. Фрейд

Сновидение - важнейшая техника в дон-хуановской магии. Именно через _сновидение_ воин получает регулярный доступ к измененным режимам восприятия, используя мир грез как тренировочную площадку для развития экзотических умений и способностей. Очевидно, пристальное внимание ко сну и вывело дисциплину дона Хуана на столь высокий уровень в деле освоения энергетики _нагуаля_. Многие оккультные течения прилагают массу усилий для достижения экстаза, признавая за этим состоянием исключительную роль в развитии магической потенции субъекта, а ведь состояние сновидения остается, пожалуй, самой доступной и регулярно настигающей человека разновидностью "экстаза". Мы, конечно, не станем утверждать, будто Кастанеда первым открыл цивилизованному миру возможность использования сновидений в оккультных целях, однако _способ_, предложенный в его книгах, степень разработанности метода, да и

сам подход к природе сновидений - все это глубоко оригинально. Масштабы данной темы столь огромны, а значение ее столь велико, что следовало бы посвятить сновидению отдельную книгу. Так что, мы сможем предложить вашему вниманию только самые важные моменты этой особенной методики, нисколько не претендуя на ее исчерпывающее описание.

Прежде чем погрузиться в пучины магического опыта (к чему нас неминуемо приведет исследование _сновидения_), надо твердо уяснить: мы будем постоянно иметь дело с необычными играми _тоналя_, пересекающего неизмеримый и неописуемый _нагуаль_. О самом _нагуале_ как реальном источнике опыта мы вряд ли будем рассуждать много, хотя бы потому, что _разуму_ о нем нечего сказать. Читатель конечно, вправе спросить: зачем же тогда автор так настойчиво и подробно описывает дорогу в _нагуаль_, если маг в конечном счете не достигает его? Во-первых, следует помнить, что будучи Реальностью вне интерпретации, бытием _вне_ человека и _помимо_ него, _нагуаль_ не может быть достигнут так, как это воображает тональ. Реальность - это не конечный пункт интеллектуального поиска и не высший взлет интуиции, это не конкретность знания или чувства, хотя безусловно включает в себя и это. Человек способен постигать только эффекты бытия, но не само бытие. Мы уже говорили, что нагуаль безразличен к информации, но предоставляет субъекту самого себя как поле для операций на основе резонансных процессов, присущих восприятию (см. главу 4). Все нижеследующее только подтверждает данный тезис. Постижение _нагуаля_ не информативно, а потому представлено сознанию лишь в виде эффекта или функции, зато в этом виде оно исчерпывающе. Мы не можем описать его, так как не можем составить адекватной интерпретации его восприятия, но в момент действия _нагуаль_ при определенных условиях целиком вовлекается в "магическую" работу воина. Что же это за условия? Прежде всего, речь идет о совершенстве внимания и гибкости всего перцептуального аппарата человека, что достигается через _осознание_ нагуаля в предложенной концепции дон-хуановского знания. Другими словами, только всестороннее постижение _условности_ любой интерпретации восприятия позволяет использовать эффект нагуаля во всей его полноте. Можно также сказать, что _нагуаль_ - это квинтэссенция свободы, и лишь свободное сознание способно вкусить его дары. Свобода же познается через осознание несвободы и последовательное растождествление с механизмом ограничений. Вот почему крайне важно вначале постичь работу _тоналя_, разрушить "описание мира" и указать на реальность того, что лежат за описанием, определив направление, следуя которому можно приблизиться к внеразумному бытию. _Нагуаль_ - это дыхание чистой энергии и сущность _воли_. Любой его образ всегда наивен - как во сне, так и наяву. Потому техника _сновидения_, о которой мы собираемся рассказать, не должна служить материалом для мифа или давать повод к еще одному бегству в мир иллюзий. Как и все в системе дона Хуана, _сновидение_ - крайне трезвая и прагматическая техника. Иначе говоря, это отрешенное погружение в иллюзорную реальность с целью научиться жить в реальности подлинной. Но прежде чем приступить к самой технике, нам необходимо разобраться в природе сновидения, по сей день остающегося довольно загадочным явлением в психической жизни человека. История цивилизации знает два полярно противоположных подхода к проблеме сновидения. Если в древности люди были склонны верить в реальность всего происходящего во сне, то затем развитие абстрактного мышления и углубление интроспекции привело к полному отрицанию объективности восприятия во сне. Как нам кажется, сама возможность столь крайних идей по поводу одного предмета должна наводить на размышления. В самом деле - что заставляло древних видеть в ночных грезах реальные странствия души? Некоторые исследователи придерживаются мнения, что наши предки вообще плохо различали

реальность и галлюцинацию. В подобное слабоумие человека, отчаянно боровшегося за выживание (и, между прочим, добившегося своего), трудно поверить. Ведь опыт сновидения и реальной жизни при всей их схожести все-таки довольно различен. Далеко не всегда мы видим во сне нечто последовательное и вразумительное, о практической же ценности ночных видений можно говорить исключительно редко, хотя подобные отучай действительно привлекают к себе внимание. Но достаточный ли это повод для широкого распространения религиозных фантазий среди различных культур и цивилизаций?

Практически все народы и племена в свое время воспринимали сновидение как путешествие некоторой летучей части существа по реальным, но недоступным наяву пространствам. В отдельных случаях разрабатывались целые теории о множественности душ, одной из которых обязательно приписывалась способность покидать тело во сне. Такие воззрения можно найти у древних китайцев, индусов, греков и египтян. У многих примитивных народов идеи этого рода бытуют до сих пор. Например, североамериканские индейцы-алгонкины полагают, что одна душа выходит из тела, чтобы видеть сны, а другая остается хранить жизненную силу. Страна духов, куда отправляется сновидец, - не просто причудливый и далекий край. Это очень важное место, где можно обрести силу и знание, т.е. вещи, практически необходимые для человеческого сообщества. Именно тот, кто видел яркие и продолжительные сны, считался наиболее подходящей кандидатурой на шамана или духовного вождя племени. Сама инициация шамана или знахаря включала в себя интенсивное погружение в мир сновидений. Э. Тайлор, например, пишет:

"Для посвящения австралийского туземного врача считается необходимым, чтобы он в течение по крайней мере двух или трех дней оставался в царстве духов. Кондский жрец перед своим посвящением остается от одного до четырнадцати дней в усыпленном состоянии вследствие того, что одна из его душ отлетает к высшему божеству. У гренландских ангекоков душа покидает тело, посещая домашних демонов. Туранский шаман лежит в летаргии, пока его душа странствует, отыскивая мудрость, скрытую в стране духов." (Первобытная культура, с. 219.)

Тот же исследователь упоминает о поверьях североамериканских индейцев, будто "душа спящего оставляет его тело и ищет предметов, которые для нее привлекательны". Подобные идеи распространены среди новозеландцев, тагалов с острова Люсона и других туземных племен. Упоминаются Веданта и Каббала - в качестве учений, признающих странствия души во время сна. В связи с этим любопытно узнать отношение зулусов к своим прорицателям: "Что касается человека, впадающего в болезненное состояние духовидца по профессии, призраки постоянно приходят говорить с ним во сне, пока он не сделается, по меткому выражению туземцев, "жилищем снов". (Там же, с. 221.)

Как видите, отношение к ночным грезам однотипно у представителей различных культур. Подобных примеров можно привести множество. Нельзя не учитывать, что американские индейцы относятся как раз к той этнической общности и тому культурному пространству, где сны играли чрезвычайно важную роль. Эту особенность отмечает, например, чешский американист Милослав Стингл: "[Магическая сила]... по представлениям прерийных индейцев, могла находиться в птице, рыбе, дереве, траве, цветке или былинке. Общение с этой таинственной силой могло осуществляться либо в полном уединении, либо во сне... В жизни индейца сны играли исключительную роль. Женщины, увидев во сне орнаменты, украшали ими типи [жилища - А. К.] и нарядные пояса. Юношам, будущим воинам прерий (например, у омаха), "божественный сон" часто предвещал изменение всей прежней жизни. "(М. Стингл. Индейцы без томагавков.)

Таким образом, в общеиндейском культурном контексте дон-хуановская техника, использующая сновидения, кажется вполне органичной, хотя сами взгляды на сон как на реальность у современного человека вызывают, в основном, недоумение. Еще бы!

Двадцатый век подарил нам целый букет теорий, довольно убедительно разъясняющих сущность, механизм сновидения, его особую роль в жизни как личности, так и социума. Величайшим толкователем снов и автором оригинального учения о снах был, конечно, Фрейд. Его ученик Карл Юнг, в большей степени склонный к "мистическому" в науке, ввел понятие "коллективного бессознательного", что объяснило (по мнению юнгианцев) целую область однотипных моментов сновидений, плохо поддававшихся фрейдистской интерпретации. Помимо психоаналитических теорий есть немало таких, что рассматривают психофизиологическую природу сна, его биохимию, биоэнергетику и т.д. Нельзя не согласиться с тем, что психоанализ прояснил один весьма существенный момент в отношении сновидений: мы наконец поняли, какая сложная работа подсознательного лежит между _содержанием_ сна и его _смыслом_. Как нам кажется, именно в этом пункте зарождаются новые сомнения в привычном рационализме научного подхода. Поначалу это вовсе не бросается в глаза: содержание сна настойчиво определяется как совокупность субъективных переживаний галлюцинаторного типа, осуществляющих подсознательные влечения или страхи индивидуума. Но тут напрашивается спровоцированный психоанализом вопрос: если то, что мы видим во сне, может быть таким сложным превращением подсознательных импульсов, скрытых от нас и в процессе сновидения и по окончании его, если дистанция между смыслом и содержанием видений столь значительна, как можно знать наверняка природу всякого человеческого сна? Парадоксальным образом психоанализ удалил от нас источник сновидения в непроглядный мрак неосознаваемого пространства. Если прежде сумбурность и непредсказуемость грез очевидно доказывали их иллюзорность, то теперь мы знаем, что подсознательное может "зашифровать" подлинное содержание импульса самым невероятным на первый взгляд способом. В расшифровке сна аналитики сталкиваются по крайней мере с двумя серьезными проблемами: во-первых, с крайней аморфностью и семантической подвижностью символов, что позволяет наделить смыслом практически все и, во-вторых, с принципиальной непостижимостью _источника_ или триггера сновидения. Вторая проблема лишь вначале может показаться чисто теоретической. Вот самый простой пример: пациенту снится, что его душит змея. Если тому причиной подсознательный конфликт, то аналитик имеет шанс вскрыть его содержание. Но ведь могут быть и иные причины: духота в спальне, неудобная поза, нарушение сердечной деятельности, начальная стадия бронхиальной астмы и т.д. и т.п. Конечно, в таком простом случае все выяснится рано или поздно

- но как быть, если источник впечатлений не столь очевиден? Например, Зигмунд Фрейд в известной лекции "Сновидение и оккультизм" не отрицает возможности телепатической перцепции, способной послужить элементом, обусловливающим содержание сна. Напротив, оставаясь на позициях объективного исследователя, он показывает, как работа подсознательного могла бы исказить телепатический сигнал почти до неузнаваемости, и видит немалую заслугу психоанализа в том, что подобные расшифровки вообще стали возможны. Карл Юнг, также много занимавшийся сновидениями, нашел фрейдистский метод недостаточным, а его выводы не всегда корректными. Многообразный материал, поставляемый сновидцами, заставил Юнга ввести в концепцию новую область психики - "коллективное бессознательное" - и новый символический язык архетипов. Однако проблема вовсе не разрешена. Ничего не зная о способности восприятия во сне, мы ничего не можем сказать о реальном содержании сновидений. Известно только, что чувствительность психики к слабым сигналам во сне порою значительно возрастает.

Вообще, из многовековых наблюдений складывается впечатление, что источник сна может находиться чуть ли не где угодно: в подсознательном, в телесных (проприоцептивных) ощущениях, в раздражении от внешних сенсорных сигналов, во

флуктуациях любых полей, даже в параллельных мирах, если мы станем утверждать их существование. Несомненным кажется лишь одно - сновидение свидетельствует о странной работе перцептуального аппарата, а значит внимания и осознания. Их деятельность носит в данном случае специфический характер, большая часть функций плохо поддается контролю, но общая сенситивность сновидящего и его отдаленность от привычных каналов перцепции позволяет ожидать занимательных результатов.

Попробуем разобраться, в какой ситуации восприятия оказывается человек, переживающий сновидение, и насколько далеко заводят нас дон-хуановские представления об этом процессе. Известно, что состояние сна у человека имеет две фазы, именуемые медленной и быстрой, причем только быстрая фаза предположительно сопровождается сновидениями. Медленный сон, очевидно, связан с полной неподвижностью сознания, а потому именуется еще "глубоким сном без сновидений". Биологическая целесообразность такого механизма обусловлена генетически. Можно предположить, что фаза быстрого сна как частичное пробуждение сознания обеспечиваема нашим далеким предкам должную чуткость в ночное время, позволяя спастись от неожиданного нападения хищников и прочих опасностей дикой жизни. Надо думать, что сон приматов был более поверхностным и сопровождался частыми пробуждениями, что являлось необходимым условием для выживания в природной среде. Таким образом, быстрых сон - это, скорее всего, любопытный атавизм, который мы назовем повышенной готовностью к пробуждению: перцептивные способности в этом состоянии частично активизируются, внимание начинает поиск сенсорных сигналов, о чем свидетельствуют быстрые движения глаз, учащение пульса, дыхания и изменение ритмов электрической активности мозга. При этом внимание оказывается в несколько необычной ситуации: внешняя сенсорика заметно ограничена, волевые акты затруднены из-за широко распространенного торможения психических процессов. Естественно, что зона поиска перемещается туда, где приток информации осуществляется с наибольшей легкостью. Чаще всего это область внутренних впечатлений - работа подсознательного, которая у обычного человека остается источником наибольшего напряжения. Однако вполне возможны ситуации, когда интенсивность сигнала из других областей "перекрывает" внутренние импульсы, исходящие от подсознательного. В любом случае биологическая природа внимания вызывает сосредоточение на зоне сильнейшего раздражения, где бы она ни оказалась в данной ситуации восприятия. Таков автоматизм перцептуального аппарата. Бодрствующее сознание то и дело вмешивается в данный автоматизм, произвольно переключая внимание с одного объекта на другой, чего обычно не бывает во сне. Отсюда следует один замечательный вывод: чем более развита у нас способность контролировать внимание во сне, тем меньше содержание наших сновидений обусловлено работой подсознательного. Однако возможен ли какой-то контроль в малосознательном состоянии сна? Практика показывает, что возможен. Стоит проявить должное упорство, и вы заметите, как переменился характер сновидений. Есть множество фактов, подтверждающих, что произвольная установка бодрствующего сознания может осуществляться во сне и даже с большей легкостью, чем мы обычно воображаем. Например, мы гораздо лучше запоминаем сны, если наяву специально задаемся такой целью - это общеизвестное наблюдение. Видимо, не существует принципиальных преград для тренировки внимания в состоянии сновидений, хотя успех здесь возможен при соблюдении специфических условий, о которых мы скажем ниже. Таким же особенным образом во сне осуществляется не только поиск сигнала, но и интерпретация его. "Галлюцинируемое" (см. схему на рис. 1) представлено здесь в грандиозных объемах. Этот феномен может вызываться двумя основными причинами: недостаточностью или неясностью сенсорного сигнала и полным отсутствием разделения между экзогенным

(внешним) и эндогенным (внутренним) сигналом. И то и другое, конечно же, связано с неполноценной работой внимания во сне. Если наяву работа тоналя искусно скрыта от сознания и мы не находим повода подвергать сомнению воспринимаемую картину мира, то во сне, когда функционирование тоналя осложнено, иллюзорность его продукта делается нарочито очевидной. Здесь ярче всего представлена удаленность Реальности от воспринимаемого. Разительное отличие интерпретаций во сне от интерпретаций бодрствующей психики лишний раз подтверждает могущественную власть "описания мира" над человеческой перцепцией. Суженное (или измененное) сенсорное поле становится почвой для самых необузданных фантазийтоналя: гром превращается в артиллерийскую канонаду, запах духов провоцирует видение цветущих садов, сползшее одеяло - сцены с обнажением в самых неподходящих местах и т.д. и т.п. Воспоминания и ассоциации полностью окутывают восприятие, и этот процесс, между прочим, продолжается наяву. Ведь содержание сна подвергается самому значительному искажению при попытке утром восстановить его содержание. Это явление отмечалось издавна: "В действительной жизни факты проходят перед нами в виде непрерывной цепи причин и следствий; поэтому ум наш невольно вносит эту причинную зависимость и в события пережитого нами сновидения. Цепь образов в сновидении соединена вовсе не по законам причинности, а как мы знаем, по закону ассоциации; каждое же забытое звено пополняется таким образом, что между ними невольно вводится привычная причинная связь, а вместе с тем смысл, которого вовсе не было во сне. Таким образом и оставшиеся действительные воспоминания постепенно приобретают характер связных и разумных событий." (Иллюстрированная история суеверий и волшебства, с.
313.)

Как видите, оппозиция тоналя и нагуаля в сновидении обостряется, но именно здесь применение дисциплины дона Хуана дает самые удивительные результаты. Ведь столь значительное смещение воспринимаемого поля неминуемо ослабляет фиксацию картины мира, а неполнота сенсорного сигнала провоцирует внимание на поиск новых источников впечатлений. Наверное, можно согласиться с тем, что сновидение очень напоминает сдвиг точки сборки. Дон Хуан прямо заявляет об этом и утверждает, что возникновение техники сновидения обязано как раз данному открытию: "Еще одним прорывом, который, по утверждению древних магов, имел фундаментальное значение и о котором дон Хуан рассказывал мне самым подробным образом, было сделанное древними магами открытие того, что точка сборки очень легко смещается во время сна. Это открытие повлекло за собой еще одно: сны обусловлены смещением точки сборки. Маги древних времен увидели - чем значительнее сдвиг, тем более необычные сны видит человек, и наоборот, чем более необычные сны видал человек, тем значительнее сдвиг точки сборки. Дон Хуан рассказал, что эти наблюдения привели к разработке древними магами весьма экстравагантных приемов смещения точки сборки, таких как употребление внутрь растений, вызывающих изменение состояния сознания, а также использование с этой целью голода, крайней усталости и стрессовых ситуаций. Особое же внимание они уделили разработке практики управления снами. Тем самым, вероятно, даже не подозревая об этом, они создали метод, получивший впоследствии название практики сновидения." (IX, 37-38)

Если мы принимаем концепцию точки сборки со всеми вытекающими отсюда последствиями, то можем легко понять двойственную природу сновидений и ее прямую зависимость от работы внимания. Поглощенность человека своим внутренним содержанием, всегда значительная и возрастающая пропорционально усложнению описания мира, обусловливает почти исключительную направленность внимания внутрь. В такой ситуации естественный сдвиг точки сборки во время сна характеризуется

интенсивной переработкой подсознательного материала с тем эффектом, который подробно изучен психоанализом. Если же самопоглощенность по каким-то причинам не может конкурировать с внешним сигналом, природа сновидений являет собою интерпретацию энергетических влияний извне посредством подсознательных или сознательных образов, впечатлений и ассоциаций. Когда в результате определенной практики активность внимания возрастает, торможение интерпретационного аппарата снижается, и он все более начинает работать согласно модели, принятый в бодрствующем состоянии. Иными словами, эндогенные образы отходят на второй план, а внешний сигнал постепенно становится доминирующим. Индейское искусство сновидения пошло по этому пути и нашло здесь удивительные перспективы:

"Маги рассматривают сновидение как исключительно сложное искусство, сказал дон Хуан, - искусство намеренного смещения точки сборки из ее привычного положения с целью расширения диапазона восприятия и углубления его интенсивности.

И он рассказал, что в основу своего искусства сновидения древние маги-видящие положили пять особенностей энергетического потока человеческих существ.

Во-первых, древние маги _увидели_, что те энергетические волокна, которые проходят непосредственно сквозь точку сборки, могут быть собраны в адекватное восприятие.

Во-вторых, они _увидели_, что если точка сборки смещается в новое положение, то, независимо от того, насколько мало ее смещение, сквозь нее начинают проходить новые, ранее не задействованные волокна. Тем самым изменяется осознание, и новые, ранее не задействованные поля энергии собираются в устойчивое связное восприятие.

В-третьих, они _увидели_, что когда человек видит обычные сны, точка сборки легко смещается в новые положения вдоль поверхности светящегося яйца и внутрь него.

В-четвертых, они _увидели_, что можно заставить точку сборки смещаться в положения, находящиеся вне светящегося яйца - в большой внешней вселенной. И в-пятых, они _увидели_, что посредством соответствующей дисциплины во время обычного сна и созерцания обычных сновидений можно выработать и систематически практиковать целенаправленное смещение точки сборки." (IX, 38-39) Используя потенциальную способность воспринимать в состоянии сновидения и развивая ее, система дона Хуана превращает ночные грезы в поучительный перцептивный опыт, позволяющий пробудить навыки и способности, скрытые от сознания _тоналя_. Мы уже говорили о том, как трудно преодолеть силу фиксации точки сборки - на восстановление ее подвижности тратится огромное количество энергии и уходят долгие годы тренировки. Однако каждую ночь мы безо всякого труда преодолеваем силу фиксации во сне - почему же не воспользоваться этим? К сожалению, кастанедовские сообщения о технике _сновидения_ часто встречают либо непонимание, либо довольно странные интерпретации со стороны профессиональных психологов. Например, психоаналитик Дональд Ли Вильямс, написавший комментарий к работам Карлоса Кастанеды ("Border Crossing. A Psychological Perspective on Carlos Castaneda's Path of Knowledge", 1981.
- Русский перевод: СПб, 1994.), сравнивает дон-хуановское _сновидение_ с методом "активного воображения" в юнгианском психоанализе. _Сновидение_ сводится к работе с собственным бессознательным, т.е. к разновидности психотерапии. Даже повод к обучению технике _сновидения_ этот автор находит в психическом состоянии Карлоса. Судите сами: "Как-то Карлос пожаловался, что с той поры, как он пережил встречу с Мескалито, его мучают "яркие сны и кошмары", и дон Хуан убедил его учиться _сновидению_. Согласно дону Хуану сновидение - это способ взаимодействия с гиперактивностью нагуаля (бессознательного). [Вряд ли дон Хуан согласился бы с такой формулировкой Вильямса! - А. К.] Это прямая аналогия тому, что Юнг называл активным

воображением - "наилучшее средство... уменьшить чрезмерную продукцию бессознательного" - в нашем случае ночные кошмары Карлоса." (Русское издание, сс. 87-88) Тому, кто хоть раз прочитал книги Кастанеды, подобное утверждение покажется по меньшей мере неожиданным и безосновательным. Выходит, дон Хуан обучал Карлоса способу избавления от неприятных снов? В таком случае он мало преуспел: в мирах сновидения Кастанеда сталкивался порой с довольно жуткими образами. Если же принимать содержание его снов за "продукцию бессознательного" (как, очевидно, это делает Вильямс), то техника дона Хуана вовсе не может считаться "наилучшим средством" для снижения подобной активности - скорее, наоборот. Тем не менее, автор настаивает: "Как в _сновидении_, так и в активном воображении сознательная личность активно участвует в развертывании бессознательного процесса, либо вводя сознание непосредственно в само сновидение или включая его на период после пробуждения." Как видите, Вильямс даже мысли не допускает, что содержание сновидения может быть обусловлено чем-то помимо нашего бессознательного. Идея восприятия внешней Реальности во время контролируемого "магического" сна для него просто не существует, хотя Кастанеда говорит об этом часто и подробно.

Мы же будем рассматривать технику _сновидения_, строго следуя тому смыслу, который вкладывается в нее учением дона Хуана, т.е. как технику тренировки _внимания_ и управления _восприятием_. В этом смысле для нас гораздо интереснее сообщение американского мистика Офиеля (Эдвард Пич), описавшего метод управления снами в своей книге "Астральная проекция". Под астральной проекцией Офиель имеет в виду путешествие воспринимающего сознания вне физического тела (дон Хуан называет это "путешествием в _теле сновидения_"). Честь открытия метода сновидения Э. Пич отдает некоему "энтузиасту-самоучке" по имени Оливер Фоке, который в первой половине 20-х годов опубликовал книгу с описанием этой техники. Обратившись к изданной в России (1993) книге Офиеля, вы найдете в главе "Метод сновидения" практические рекомендации, напоминающие советы дона Хуана. Правда, вам придется отсеивать каббалистические ритуалы и суеверия, к которым Эдвард Пич питает слабость. Зато в результате вы получите ряд неплохих упражнений по тренировке внимания во сне. Однако послушаем, что нам рассказывает Кастанеда:

"Начинать следует с какого-нибудь простого действия, - сказал дон Хуан. Сегодня ночью посмотри на свои руки. <...>

- Как, интересно, во сне можно посмотреть на собственные руки?

- Очень просто: перевести на них взгляд. Вот так.

И он наклонил голову и, разинув рот, уставился на свои руки. Выглядело это настолько комично, что я расхохотался.

- Нет, серьезно, как это делается? - переспросил я.

- Я же тебе показал,- отрезал дон Хуан.- В принципе можешь смотреть на что хочешь - на свои ноги, на свой живот, хоть на свой нос, в конце концов. Я советую смотреть на руки только потому, что мне лично так было легче всего. Только не думай, что это шуточки. _Сновидение_ - это так же серьезно, как _видение_, как смерть, как все, что происходит в этом жутком таинственном мире." (III, 545)

С самого начала дон Хуан пытается убедить Кастанеду, что во сне он может иметь дело с _реальными_ энергетическими структурами, воздействующими на него извне. Он предупреждает его об осторожности и учит серьезному подходу к тренировке. Развитие произвольного внимания - вот первая цель его уроков. "Каждый раз, когда ты смотришь во сне на какой-нибудь предмет, он меняет форму, произнес он после долгой паузы. - Когда учишься формировать сновидение, весь фокус заключается в том, чтобы не просто посмотреть на объект, а удержать его изображение. _Сновидение_ становится реальностью

тогда, когда человек обретает способность фокусировать глаза на любом объекте. Тогда нет разницы между тем, что делаешь, когда спишь, и тем, что делаешь, когда бодрствуешь. Понимаешь?" (III, 546)

Обратите внимание на эту знаменательную фразу "сновидение становится реальностью". Это далеко не метафора, как станет ясно из последующих книг Кастанеды. Реальность, _нагуаль_, постоянно вторгается в нашу психику, но только _внимание_ обеспечивает энергетическое взаимодействие с ним на уровне сознания. В данном случае - это _внимание сновидения_. Главное, не забывать об иллюзиях _тоналя_ - что, впрочем, относится в той же степени к жизни наяву. ("А с другой стороны, ты, приятель, в мгновение ока запутаешься и погибнешь, если жизнь твоя окажется в зависимости от твоей способности отличить реальное от нереального. Хотя ты и уверен, что знаешь, что такое этот твой реальный мир." - III, 546) Если бы речь шла о "продукте бессознательного", вряд ли дон Хуан стал бы так настаивать на реальности действий _сновидящего_.

В дальнейших инструкциях маг рекомендует последовательно расширять объем _внимания_ в сновидении. Для этого следует пользоваться быстрыми взглядами, так как при длительном созерцании объекты сновидения начинают смешаться или претерпевать различные метаморфозы. Собственные руки в данной практике оказываются своего рода отправной точкой внимания, устойчивым элементом. помогающим закрепить контроль над перцептивной ситуацией. ("Но всегда, как только начинаешь терять контроль,- возвращайся к рукам." - III, 561) Дон Хуан считает, что лучше начинать с фиксации небольшого количества объектов во сне - например, с четырех. Постепенно увеличивая их число, можно добиться управляемого восприятия всей картины сновидения.

"Следующим шагом в формировании _сновидения_ является обучение перемещению в пространстве,- продолжал он.- Тем же способом, каким ты научился смотреть на руки, ты заставляешь себя двигаться, перемещаться в пространстве. Сначала определи место, в которое ты хотел бы попасть. Выбирай места, которые хорошо знаешь,- университет, соседний парк, дом кого-нибудь из твоих друзей. А потом пожелай попасть в выбранное место. Этот прием очень сложный. Он состоит из двух частей. Первая: волевым усилием заставить себя переместиться туда, куда наметил. Вторая: проконтролировать точное время своего путешествия." (III, 561-562)

Спустя некоторое время дон Хуан сообщает новые подробности относительно этого приема:

"Чтобы облегчить себе задачу, тебе следует избрать вполне определенный предмет, который должен находиться в том месте, куда ты хочешь попасть. На этом объекте необходимо сосредоточить внимание... Например, ты можешь выбрать на этой вершине какой-нибудь вполне конкретный куст и смотреть на него до тех пор, пока он прочно не отпечатается в твоей памяти. И впоследствии ты сможешь попадать сюда в _сновидении_, просто вызвав образ этого куста... Вероятнее всего, университет тоже является для тебя местом силы. Используй его. Сначала сосредоточься на любом объекте, который там есть, а потом отыщи этот объект в _сновидении_. С объекта, который тебя интересует, переведи взгляд на руки. Потом - на любой другой объект и так далее." (III, 605)Интересно, что и в технике сновидения важную роль играет остановка внутреннего диалога.

Инициируя первоначальный сдвиг точки сборки, она одновременно позволяет удержать ее в области, где легче всего осуществить контроль - т.е. посредине "человеческой полосы" в энергетическом коконе, о чем подробнее будет сказано в следующей главе. Таким образом, если вы хотите создать благоприятные условия для _сновидения_, попробуйте заснуть в состоянии выключенного внутреннего диалога:

"Объяснение магов относительно выбора темы для _сновидения_ заключается в следующем,- сказал дон Хуан.- Воин выбирает тему сознательно, прервав внутренний диалог и удерживая образ в голове. Иными словами, если он сможет на какое-то время прервать беседу с самим собой, а затем, пусть даже на мгновение, удержать мысль о желаемом в _сновидении_ образе, он увидит то, что ему нужно... <... > Он добавил, что судя по моим успехам в сновидении, я, видимо, научился останавливать внутренний диалог по своему желанию." (IV, 18-19)

Остановка внутреннего диалога - необходимое условие для успешной настройки сновидения. ("Настроить _сновидение_ - значит обрести практическую способность точно управлять общим ходом развития ситуации в _сновидении_. Например, тебе снится, что ты в учебном классе. В данном случае настройка сновидения будет заключаться в том, что ты не дашь ситуации, развивающейся во сне, переметнуться в другое место. Ты не перепрыгнешь из класса в горы. Другими словами, ты контролируешь вид класса и не позволяешь ему исчезнуть до тех пор, пока сам того не захочешь." - IX, 41) Помимо правильного сдвига точки сборки внутреннее безмолвие обеспечивает некоторый избыток перцептивной энергии, обычно расходуемой на поддержание описания мира. _Сновидение_, безусловно, требует значительных энергетических ресурсов, о чем мы еще поговорим отдельно. Теперь же нам следует осознать подлинное значение _внимания_ во сне, развитие которого так высоко ценится магами. Дело в том, что _внимание сновидения_ - это, по сути, управление точкой сборки, регулирующей как способ восприятия, так и форму воспринимающего субъекта. А ведь манипуляция точкой сборки - это сущность магии и "непостижимая грань осознания".

"Дон Хуан описал _внимание сновидения_ как контроль, который человек обретает над сном, фиксируя точку сборки в любом новом положении, где она оказывается вследствие ее смещения во сне." (IX, 42)

Мы подошли к чрезвычайно важному моменту объяснения магов. Как вы понимаете, _сновидение_ никогда бы не стало одной из центральных дисциплин в учении дона Хуана, если бы ограничивалось простым управлением иллюзорными образами. Сокровенная сущность этой магической техники таится не в сновидении, но, скорее, в _пробуждении_ ото сна. Чем более мы искушены в управлении снами, тем более бодрствуем, когда спим. Это утверждение парадоксально лишь на первый взгляд. Мы уже говорили, что даже обычное сновидение можно считать частичным пробуждением осознания. Отталкиваясь от необычного режима восприятия, присущего состоянию сна, дон-хуановский воин развивает тонкое искусство полноценной активизации всех функций бодрствующего сознания _без возвращения к "дневному" восприятию мира_. В таком случае момент пробуждения знаменует переход от _внимания сновидения_ ко _второму вниманию_ что необыкновенно трудно осуществляется помимо фазы "засыпания". В связи с этим следует отметить любопытный факт: Кастанеда систематически сообщает о своеобразных разрывах непрерывности в потоке сознания при переходе от первого внимания ко второму и назад. Он обнаруживает себя в другой позе и даже в другом месте по окончании дон-хуановских экспериментов, ничуть не отдавая себе отчет, как это произошло. Моменты "засыпания" так часто сопровождают вовлечение сознания в новый режим восприятия, что их можно описать как регулярный симптом. Конечно, при абсолютном овладении вниманием подобные "провалы" должны исчезнуть, но до той поры они, очевидно, неизбежны. Внимание сновидения и второе внимание - очень близкие формы сосредоточения, легко переходящие друг в друга. Это практическое открытие явилось ключевым элементом для магии _нагуаля_.

"Дон Хуан напомнил мне, как когда-то, обучая меня искусству _сновидения_, он уже рассказывал о сосредоточении, необходимом для осознания того, что видишь сон. Так вот,

это сосредоточение - предшественник второго внимания. Форма, в которой пребывает сознание при таком сосредоточении, принципиально отличается от формы, необходимой для того, чтобы иметь дело с миром обычной жизни. Еще дон Хуан сказал, что второе внимание также называют левосторонним осознанием и что это - огромнейшая область. Фактически эта область кажется беспредельной, настолько она огромна." (VII, 319-320)

В определенный момент _сновидящий_ попадает в довольно сложную ситуацию. Дело в том, что полное пробуждение к внешнему восприятию протекает плавно и незаметно. Интерпретационный механизм перестраивается бессознательно и именно таким способом, чтобы избежать немотивированных (в рамках "описания") трансформаций. Тем не менее, воспринимаемая картина остается специфически отличной от той, которую обычно строит бодрствующее сознание в любом режиме функционирования. Все это изрядно запутывает сновидящего, и он никак не может постичь степень реальности происходящего. В какой мере эндогенные импульсы обусловливают воспринимаемый образ? Иными словами, является ли перцепция в данном _сновидении_ уже отражением внешней Реальности или еще остается продуктом бессознательного творчества нашей психики? Воин "верит, не веря". На каком-то этапе он учится различать энергопорождающие (т.е. _реальные_) структуры во сне при помощи _видения_, но и это не разрешает проблему окончательно. Вопрос о _реальности_ должен быть выяснен в самом начале пути для формирования когнитивной установки, охраняющей нас от неминуемых заблуждений. Необыкновенно тонкий баланс между иррациональностью и трезвостью воина - единственное спасение для _сновидящих_.

"Живя в соответствии с учением магов, _сновидящие_ освобождают и запасают энергию, необходимую для прекращения рациональных рассуждений, и тем самым содействуют предполагаемому изменению. Он объяснил, что если мы делаем выбор в пользу перенастройки нашей системы интерпретации мира, окружающая нас реальность становится подвижной и рамки того, что мы считаем реальным, расширяются, не подвергая нас опасности потерять ощущение целостности мира. Поэтому _сновидение_ фактически является дверью в другие аспекты того, чем на самом деле является реальность.

Если же мы выбираем второй путь, путь отбрасывался системы интерпретации,- масштабы того, что - можно воспринимать без возможности объяснить, невероятно возрастают. Расширение сферы ощущений в этом случае так велико, что те несколько оставшихся средств интерпретации не способны вместить всего разнообразия мира. При этом нас охватывает чувство потрясающей реальности того, что казалось нереальным, и полной нереальности того, что всегда казалось реальным, но в действительности не являлось таковым." (IX, 132)

Угроза оказаться вовлеченным в игру _реальных_ энергетических потоков без осознания этого для сновидящего действительно велика. _Сновидение становится реальностью_ - согласитесь, в это трудно поверить. Легкомыслие человеческого _тоналя_ здесь имеет две причины: во-первых, он привык считать _реальностью_ только один и вполне определенный образ внешнего мира, автоматически отбрасывая все непривычное как разновидность иллюзии, и во-вторых, он нуждается в _разрыве непрерывности_ для разделения сна и яви. Иногда он попадается на собственную удочку, многие из нас имели замечательные сны, состоящие из нескольких частей - вспомните, какое странное ощущение настигает человека, когда ему снится собственное пробуждение и он еще не знает, что это лишь продолжение сна! В этом случае разрыв непрерывности сообщает нам ложное чувство реальности, которое может быть преодолено либо явными несоответствиями восприятия "описанию мира", либо еще одним разрывом непрерывности. Если же разрыв отсутствует, а восприятие изменено, наш тональ всегда

будет уверен в продолжении сна, ибо иных критериев для различения состояний он попросту не имеет.

Итак, _сновидение_ оказывается серьезным и даже опасным занятием. Недаром дон Хуан называл его "смертельной игрой".

"... ты сейчас впервые оказываешься в состоянии понять, что _сновидение_ - это ситуации, в которых возможно порождение энергии. В первый раз ты можешь сейчас понять, что обычные сны - это медленно действующее средство, чтобы переместить точку сборки в положение, создающее условия для производства энергии, которую мы называем _сновидением_.

Он предупредил меня, что поскольку сновидящие соприкасаются с реальными мирами и входят туда, где возможны любые неожиданности, они должны постоянно находится в состоянии непрерывного внимания и крайней осторожности, любая неосторожность, связанная с риском, может оказаться для сновидящего более чем ужасной." (IX, 220-221)

2. "Смертельная игра"

Сновидение - этот, на первый взгляд, невинный прием - оказывает столь сокрушительное воздействие на сознание человека, что его можно сравнить с "символической смертью", о которой мы упоминали, рассматривая _безупречность_. Нужно хорошо понимать особенности психических процессов, инициируемых волевым контролем сновидения, чтобы не поддаться легкомысленной тяге к опасным экспериментам.

Очевидно, когда Д. Л. Вильямс и ему подобные называют _нагуаль_ "бессознательным", они в первую очередь опираются на впечатление, произведенное на них кастанедовскими приемами галлюциногенов и техникой _сновидения_. С их точки зрения, здесь имеет место вторжение сознания в бессознательное с целью корректировки и гармонизации подсознательных рефлексов. И с этим вполне можно согласиться, если не забывать, что подобная психотерапия - всего лишь частный момент магической дисциплины, безусловно, крайне важный, но связанный только с одним аспектом всесторонней трансформации, являющейся целью воина. Впрочем, даже при таком упрощенном толковании проблемы делается явной рискованность всего предприятия.

Оставим ненадолго в стороне онтологическую сущность таких категорий, как _тональ_ и _нагуаль_, и сосредоточимся на их психологическом эффекте. Велико искушение на прямую связать их с сознанием и подсознательным (бессознательным), ибо _нагуаль_ действительно никогда не манифестирует себя в сознательной перцепции, а _тональ_ широко управляет работой осознания в нашем психическом мире. Однако реальное взаимопроникновение тоналя и нагуаля гораздо масштабней и распространяет себя, не считаясь с идеями современной психологии. Более того, именно _бессознательное_ является самым благоприятным полем для активного противостояния нагуалю, так как тональ стремится осуществлять свои основные программы помимо _сознания_ - слишком неуклюжего и слишком развлеченного абстрактными образами и идеями. Через бессознательное тональ эффективно охраняет нашу жизнь и через него же совершает самоубийство, если считает, что бесповоротно утрачивает власть. Скрытая агрессивность тоналя, конечно же, происходит от его "жесткости" и автоматического отождествления со всей целостностью существа. Все установки и программы тоналя, теперь целиком бессознательные, когда-то формировались в ограниченной зоне сознания - если не считать его "вегетативной" или животной части, унаследованной биологией вида. Будучи прямым результатом социализации, он обеспечивал рост эго и развиваются вместе с ним. Однако его усовершенствование не прекращается до конца жизни и любые

впечатления (будь то сознательные или бессознательные) обязательно влияют на базовые структуры функционального аппарата. Видимо, сновидение в этом смысле формируется как неприкасаемая область, служащая непрерывным источником подкрепления тоналя, его самоосмысления и самоутверждения. Отделяясь от бодрствующей жизни, он скрывает от сознания центральные механизмы саморегуляции, фундаментальные _смыслы_ и _цели_ бытия эго.

Вряд ли мы отдаем себе отчет, насколько бодрствующее сознание может быть пагубно для успешной работы тоналя. Ведь сознание по своей функции - зона психики, где торжествует интеллект и рациональность, а изначальные посылки тоналя не-рациональны, по-своему примитивны, в самом неприглядном виде отражая ограниченность эго, его самолюбование и тягу к безграничной экспансии. Что же касается интеллекта, то он в значительной мере освобожден от влияния глубинных импульсов, и потому позволяет себе критику любого явления как внешней, так и внутренней жизни. Он анализирует и оценивает, пользуясь общим механизмом абстрактного мышления, развившегося в качестве _побочного продукта_ в поиске специфических для человека путей выживания. Таким образом, бодрствующее сознание не слишком озабочено инстинктом самосохранения, возложив эту задачу на глубинные (бессознательные) области _тоналя_.

Что же происходит, когда эта беспечная и привыкшая к самовольному образу жизни структура вторгается в _сновидение_? Приводит это к двум решительным изменениям. Во-первых, описание мира - главная опора тоналя в его работе - демонстрирует сознанию свою условность и малообоснованность. ("Сновидения" предполагали культивирование контроля над снами до такой степени, что опыт, приобретенный в них, становился равнозначным опыту бодрствования. По мнению магов, при практике "сновидения" обычный критерий различия между сном и реальностью становился недействительным." - IV, 16) Утрата столь важных критериев - это значительная дезориентация тоналя, ибо нарушает структуру опыта в целом. Подобное нарушение, как мы знаем, главный симптом серьезных душевных заболеваний. Правда, психиатрические наблюдения показывают, что корень болезни кроется не в перцептивных экспериментах, но _тональ_ - это хрупкое образование, существующее благодаря слаженной работе всех своих систем. Во-вторых, проникновение сознательных оценок и бодрствующего аппарата смыслопорождения грозит девальвацией главных мотивов эго, что для тоналя практически равноценно самоубийству.

"Он предупредил меня, что даже начальный этап подготовительной работы, называемый им "настройка сновидения",- это смертельная игра, в которую разум человека играет сам с собой, и какая-то часть меня будет делать все возможное, чтобы воспрепятствовать выполнению этой задачи." (IV, 16)

И это далеко не пустые угрозы. Ибо главное, что подвергается интеллектуальному пересмотру в случае расширения сферы бодрствующего сознания,- это проблема _смысла_. Обычно она благоразумно скрыта от оскорбительных манипуляций "рассудка", ибо последний никогда не в силах с ней справиться. В принятом описании мира _смысл_ может быть отнесен только к схеме, уже наделенной смыслом. Иначе говоря, смысл, которым оперирует интеллект, возможен как частность, идея же _абсолютного смысла_ или _смысла смыслов_ - не более, чем фикция, метафизическая спекуляция, ибо внутри описания мира просто недостижима. Хорошо развитый, крепкий тональ всегда находит обходные пути для разрешения этого экзистенциального конфликта, тем или иным способом устраняя реальную ситуацию из сознания. Когда этот механизм работает плохо, общая жизнеспособность разумного существа снижается - в каком-то смысле он уподобляется известной сороконожке, парализованной попытками осознать собственное движение. Например, подростки иногда страдают "метафизической интоксикацией" -

своеобразной депрессией, вызванной умствованиями о "тщетности всего сущего". Если _тональ_ так и не сможет обезопасить сознание страдальца, его недомогание может зайти слишком далеко - вплоть до паранойи.

Однако не думайте, что разум взрослого человека гарантирует отсутствие этих крайностей. Например, по мнению известного психолога В. Франкла, "утрата смысла" - главная причина алкоголизма, наркоманий, суицидальных влечений, неврозов и других психологических расстройств. Утрата смысла гораздо чаще _убивает_ человека, чем мы обычно предполагаем. Программа саморазрушения включается как естественная реакция _тоналя_ на навязанную интеллектом бессмысленность существования, причем взрослый человек может пострадать куда серьезнее, чем подросток. Тому есть множество причин. Одна из них - в увеличении дистанции между сознанием и бессознательным, сопровождающем формирование эго. Хочется еще раз напомнить трагический случай Джона Лилли, который едва не погиб, растормозив активность собственного бессознательного (См.: " Центр циклона". Киев: "София", 1993. Гл. 1 - 2.)

Техника _сновидения_ - это серьезная попытка расшатать равновесие психических структур, размыть границы, отделяющие нас от собственной целостности. Она намного эффективней (и, следовательно, намного опасней), чем традиционный аутотренинг или ориентальные медитации. Недаром даже разговор о _сновидении_ вызывает у Кастанеды странную реакцию:

"Мы беседовали довольно долго. Под конец моего отчета он встал и направился к кустам. Поднялся и я. Я нервничал. Это было ничем не обоснованное чувство, так как для страха или тревоги у меня не было никаких оснований. Вскоре дон Хуан вернулся. Он заметил мое возбуждение. <...>

- Почему я так разнервничался? - спросил я.

- Это естественно,- сказал он.- Твоя деятельность в _сновидениях_ угрожает чему-то в тебе самом. Пока ты о ней не думал, с тобой было все в порядке. Но теперь, раскрыв свои действия, ты готов упасть в обморок." (IV, 17)

И все же, следуя технике сновидения, мы можем добиться цели, миновав коварную программу саморазрушения и не утратив своего психического здоровья. Но такое достижение возможно лишь при комплексном использовании всех центральных дисциплин системы - _очистки тоналя_, _безупречности_ и _сталкинга_ (о последнем будет сказано ниже). Если же учесть, что в качестве триггера _сновидения_ воин пользуется остановкой внутреннего диалога, то становится ясным: дон-хуановская практика - это глубоко продуманная, целостная совокупность методов, и ни один из ее компонентов не может быть изолирован или устранен. Рассмотрим, например, роль _безупречности_ в овладении снами:

"Поначалу новые _видящие_ вообще сомневались в том, что сновидение может быть взято ими на вооружение. Они полагали, что оно не только не развивает силу воина, но более того - ослабляет его, делает капризным и склонным к одержимости. Все древние _видящие_ отличались этими качествами. Но ничего, что заменило бы сновидение, новым видящим найти не удалось. Тогда они разработали весьма сложную многоэлементную систему поведения, которая была призвана компенсировать отрицательное воздействие "сновидения". Эта система получила название пути или тропы воина.

Эта система позволила новым видящим обрести внутреннюю силу, необходимую для того, чтобы направлять сдвиг точки сборки во сне. Причем сила эта не являлась только убежденностью. Никто не обладал убежденностью, которая могла бы превзойти убежденность древних видящих. А ведь они были слабы, и сердцевина у них была напрочь гнилая. Внутренняя сила - это чувство равновесия, ощущение почти полного безразличия и легкости, но прежде всего - естественная и глубокая склонность к исследованию и

пониманию. Такую совокупность черт характера новые видящие назвали уравновешенностью." (VII, 409-410)

Такого рода "уравновешенности" можно достичь только благодаря _безупречности_, которая, в свою очередь, опирается на реорганизацию и очистку тоналя. Избавление от страха, жалости к себе и чувства собственной важности создают "безразличие и легкость", а растождествление с описанием мира, чему дон Хуан в свое время уделил особое внимание, вырабатывает "склонность к исследованию и пониманию". Примером взаимосвязанности отдельных техник, так или иначе имеющих отношение к _сновидению_, служит объяснение дона Хуана, приведенное Кастанедой в четвертой книге (глава "Стратегия мага"). Учитель показывает в этом эпизоде, что практическое вторжение в нагуаль происходит в момент остановки внутреннего диалога, а _сновидение_ неминуемо развивает эту способность:

"Он сказал, что существует два основных вида деятельности, используемых для ускорения эффекта остановки внутреннего диалога: стирание личной истории и _сновидение_." (IV, 241)

"Эффект этих двух техник был бы совершенно разрушительным, если бы они практиковались во всей их полноте. И главной заботой каждого учителя является не дать ученику сделать что-либо такое, что швырнет его к помрачению разума и истощению.

... Каждому ученику для страховки необходимы уверенность и сила. Вот почему учитель знакомит ученика с путем воина или способом жить как воин." (IV, 243)

Затем мы узнаем, что для стирания личной истории (т.е. устранения фиксированного образа себя) понадобились: избавление от чувства собственной важности, принятие ответственности за свои поступки и использование смерти как советчика. Те же техники позволяют реорганизовать и очистить тональ, уже изрядно поколебленный в своем отношении к описанию мира. И, наконец, воин обучается еще трем техникам, способствующим _сновидению_: разрушению распорядка жизни, бегу силы и неделанию. "По идее дона Хуана, знание отдельного практического мира _сновидения_ делалось возможным при помощи использования этих трех техник.

Сновидение, - это практическая помощь, разработанная магами. Они не были дураками, они знали, что делают, и искали полезности _нагуаля_, обучая свой _тональ_, так сказать, отходить на секунду в сторону, а затем возвращаться назад. Это утверждение не имеет для тебя смысла. Но этим ты и занимался все время. Обучал себя отпускаться, не теряя при этом своих шариков. Сновидение, конечно, является венцом усилия магов, полным использованием _нагуаля_." (IV, 254) Совокупный эффект всех приведенных техник должен производить впечатление. Только представьте масштабы изменений, вызванных ими в _бессознательном_!

Внутренние конфликты, сопротивления, неосознаваемые импульсы, влечения и программы делают нашу жизнь хаотической, иногда непредсказуемой и почти всегда - малопродуктивной. Человек не склонен задумываться о причинах такого положения и совсем не сознает, какую роль в этом играет разделенность его собственной психики. Работа, которую вынуждены исполнять _сновидящие_, меняет ситуацию кардинальным образом. Все в жизни воина обретает целостность и направленность. Избавившись от "подводных течений" тоналя (препятствующих не только _сновидению_, но и реализации любой сознательной установки), сновидящий находит удивительное единство в процессе повседневной жизни. Судьба более не противостоит ему, словно уступая магической силе.

"Человек способен формировать свою жизненную ситуацию в соответствии со своими установками,- настаивал дон Хуан. - _Сновидящие_ делают это. Это звучит дико? Вовсе нет, особенно если учесть, как мало мы о себе знаем. <...> - Говоря о формировании жизненной ситуации,- продолжал дон Хуан, - маги имеют в виду формирование осознания

процесса жизни. За счет формирования этого осознания мы можем обрести энергию, достаточную для формирования последствий каждого сделанного нами выбора и всего хода нашей жизни." (IX, 56)

Энергия, достигнутая благодаря осознанию,- это и есть сила, высвобожденная из бессознательной напряженности и вошедшая во взаимодействие со структурами внешнего бытия. Говоря о растворении бессознательных сопротивлений (которые являются сильной помехой даже для простого запоминания снов), нельзя не упомянуть о _перепросмотре_. Эта техника, обычно рассматриваемая как раздел _сталкинга_, способствует успеху _сновидения_ как раз потому, что значительно уменьшает груз отрицательных эмоций, содержащийся в прошлом опыте и "забытый" (вытесненный) сознанием. (О _перепросмотре_ см. следующую часть данной главы.)

Как и во всей системе дона Хуана, в технике сновидения важную роль играет энергетический аспект. Маг неоднократно повторяет, что успех сновидения обусловлен наличием определенной энергии. Львиную ее долю сохраняет _безупречность_. Отказываясь от эмоциональной вовлеченности в описание мира (страха, жалости, озабоченности и т.п.), воин находит необходимый ему энергетический ресурс. Давно замечено, что дети чаще, чем взрослые, видят сны и ярче их переживают. Нам кажется, этот факт косвенно подтверждает дон-хуановскую концепцию: в детстве описание мира выглядит проще, а эмоциональная вовлеченность поверхностна из-за большей подвижности внимания и относительно слабого функционирования эго. Возможно, люди, выросшие в примитивном социуме, сохраняют эту особенность и в зрелом возрасте. Яркость сновидений по тем же причинам возрастает в условиях сенсорной и эмоциональной депривации. Нетрудно догадаться, что древние пользовались здесь заметным преимуществом.

По мнению дон-хуановских магов, наличие сексуальной энергии также серьезно влияет на качество _сновидения_: "... если _сновидение_ используется для контроля этого естественного сдвига [точки сборки - А.
К.] и наша сексуальная энергия задействована в _сновидении_, то когда эту энергию растрачивают на секс вместо _сновидения_,- результат подчас оказывается катастрофическим. В этом случае точка сборки у сновидящих сдвигается в неправильное положение и они лишаются рассудка. <...> - Наша сексуальная энергия - вот что управляет _сновидением_, - повторил он, - Нагваль Элиас учил меня, - а я учил тебя, - что ты используешь свою сексуальную энергию или для занятий любовью, или для _сновидения_. Третьего не дано...

Так же было и со мной, - продолжал он, - Только когда моя сексуальная энергия освободилась от пут мира, все стало на свои места. Для сновидящих это является правилом. У _сталкеров_ все наоборот." (VIII, 46-47)

Таким образом, "профессиональное" занятие _сновидением_ требует определенного аскетизма. Для того, чтобы лучше понять, каким образом дисциплинирование наших желаний связано с контролем сновидений, нужно хорошо представить себе всю тонкость манипуляций точкой сборки, которая достигается исключительным равновесием психики. Сущность этого механизма налагается у Кастанеды в следующем отрывке:

"Дон Хуан объяснит, что сновидящий должен уметь добиваться очень тонкого равновесия. Ведь нельзя ни вмешиваться в сны, ни управлять ими посредством сознательного усилия сновидящего. И в то же время сдвиг точки сборки должен происходить в соответствии с его командами. Разрешить это противоречие рационально - невозможно. Зато можно практически.

На основании наблюдения сновидящих, древние видящие пришли к заключению: сны должны следовать по своему естественному руслу. Толтеки _увидели_ - одни сны

сдвигают точку сборки сновидящего довольно глубоко влево, другие - не так глубоко. Разумеется, они задались вопросом: а что первично? Содержание сна заставляет точку сборки смещаться или то, что человек видит во сне, определяется сдвигом точки сборки вследствие использования незадействованных эманаций?

Довольно скоро они определили: первичное значение имеет сдвиг точки сборки влево - им определяется характер сновидений. Чем сдвиг глубже, тем более фантастические и живые картины человек видит во сне. Отсюда неизбежно последовали попытки древних видящих управлять снами с целью добиться максимально возможной глубины сдвига точки сборки влево. [Под "сдвигом влево" везде имеется в виду погружение точки сборки вглубь светящегося кокона. Об этом см. гл. 8, раздел "Эманации Орла".- А. К.] Немного поэкспериментировав, толтеки обнаружили, что любая попытка сознательного или даже наполовину сознательного управления сном немедленно возвращает точку сборки в ее обычное положение. Поскольку же их интересовало обратное, они пришли к неизбежному выводу: вмешательство в сон является помехой естественному сдвигу точки сборки. <...> Дон Хуан объяснил, что хотя я до сих пор и считал _сновидение_ искусством управления снами, оно таковым на самом деле не являлось. Несмотря на то, что каждое из упражнений, которые он предлагал мне отрабатывать - например, находить во сне свои руки,- целью своей имело, казалось бы, именно обучение управлению снами. В действительности цель всех этих упражнений - фиксация точки сборки в том месте, куда она сдвинулась во время сна естественным образом. Это как раз тот момент, в котором сновидящий должен добиться тончайшего равновесия. Управлять можно только фиксацией точки сборки. Сновидящий подобен рыболову, вооруженному самозакидывающейся удочкой: единственное, что он может сделать,- это удерживать грузило там, где оно затонуло." (VII, 408-409)

Очень важно помнить: сдвиг точки сборки обусловлен _количеством_ и _качеством_ имеющейся у нас энергии. И если _количество_ ее может быть увеличено за счет самых различных приемов (в частности, употребления растений силы, дыхательных упражнений, диеты и т.п.), то _качество_ целиком зависит от психологического состояния личности. Сильный, но неправильный сдвиг точки сборки вполне может вызвать патологическую фиксацию, то есть безумие. В конце концов, нас не должно сбивать с толку употребление терминов - ведь речь идет о _психических_ процессах, подчиняющихся _психическим_ законам. Засыпая, сновидящий больше не контролирует себя: развитие ситуации во власти его бессознательных или подсознательных интенций, а _внимание сновидения_ лишь фиксирует комплекс эндогенных или экзогенных впечатлений. Скажем, подсознательный страх приводит к ярким и навязчивым кошмарам, а патологическая фиксация на страхе вызывает саморазвивающийся ужас, доводящий до истощения. Психическое истощение, в свою очередь, делает невозможным разрушение патологической фиксации - порочный круг замкнулся. Можно сказать, что направление сдвига точки сборки есть непосредственный результат намерения субъекта, а его намерение формируется наиболее активными областями психического пространства, т.е. бессознательным. Реорганизация бессознательного должна непременно сопутствовать практике _сновидения_. Дон Хуан иллюстрирует этот процесс конкретным примером одного из глубинных "постижений" Кастанеды:

"И он объяснил, что моя точка сборки сдвинулась, а сила уравновешенности переместила ее в положение, давшее мне понимание. Будь движущей силой этого прихотливость и капризность, точка сборки сдвинулась бы туда, где находится непомерное чувство собственной важности, как случалось уже не раз." (VII, 410-411)

Именно в силу непостижимости процесса восприятия и способе его активизации во сне, о самой технике _сновидения_ многого не скажешь. По сути, основной объем

информации касается обеспечения наилучших условий для работы сновидящего. Находясь в бодрствующем состоянии, мы имеем целый ряд средств, способствующих необходимому состоянию внимания и сознания:

1) _Остановка внутреннего диалога_;

"Мы считали, что существенной помощью _сновидению_ было состояние умственного покоя, которое дон Хуан называл "остановкой внутреннего диалога" или "неделанием разговора с самим собой". Чтобы научить меня выполнению этого, он обычно заставлял меня усиливать периферическое зрение." (VI, 112)

2) _Концентрация внимания на определенных точках тела_;

"Дон Хуан говорил мне, что наилучший способ войти в _сновидение_ - концентрировать внимание на кончике грудины, на верхней части живота. Он сказал, что энергия, нужная для "сновидения", исходит из этой точки. Та же энергия, которая нужна, чтобы перемещаться в _сновидении_, исходит из области, расположенной на 2-5 см ниже пупка. Он называл эту энергию "волей", или силой собирать воедино и выбирать. У женщин как внимание, так и энергия для _сновидения_ исходят из матки." (VI, 112)

3) "_Неделание", или фиксация внимания на тех аспектах картины мира, которые обычно не привлекают внимание_;

"Ла Горда сказала, что, по словам дона Хуана, облегчить _сновидение_ могло все что угодно в качестве "неделания" - при условии, что внимание будет удерживаться фиксированным. Например, он заставлял ее и других учеников пристально смотреть на камни и листья..." (VI, 113)

4) _Пристальное созерцание объектов_;

По словам дона Хуана, сновидящие вначале должны стать _созерцающими_. Он рекомендовал ученикам разглядывать сухие листья и утверждал, что это способствует остановке внутреннего диалога и пробуждению _второго внимания_, которое затем активно влияет на качество _сновидения_. Ла Горда рассказывает: "Вначале Нагваль положил на землю сухой лист и заставил меня смотреть на него часами. Каждый день он приносил лист и клал его передо мной. Сначала я думала, что это один и тот же лист, но потом заметила, что они были разные. Нагваль сказал, что когда мы осознаем это, мы уже не смотрим, но _созерцаем_.

Затем он стал класть передо мной кучу сухих листьев. Он велел мне чувствовать их, разбрасывая левой рукой и созерцая их при этом. _Сновидец_ рассматривает листья по спирали, а затем _сновидит_ узоры, образуемые листьями. Нагваль говорил, что если _сновидящий_ вначале видит в сновидении узоры, а назавтра находит их в своей куче листьев, он может считать, что овладел созерцанием листьев." (V, 572)

Эта простая техника, открытая древними толтеками, в конце концов приводит к _остановке мира_. Созерцание листьев пробуждает второе внимание, а сновидение расширяет его объем. Остановив мир, воин может успешно развивать второе внимание, созерцая другие объекты: маленькие растения, деревья, затем - мелких насекомых и камни. Лучшее время для созерцания - около полудня.

Следующий этап овладения вторым вниманием через созерцание - это наблюдение за дождем и туманом. Ла Горда рассказывала, что созерцатели, фокусируя второе внимание на дожде, движутся вместе с ним, куда захотят. Благоприятные и неблагоприятные места находят посредством пристального созерцания через дождь. Места силы - желтоватого цвета, а неблагоприятные места - интенсивно-зеленого. Туман также используется магами в качестве "транспортного средства": "Она рассказала, как однажды Нагваль заставил ее _видеть_ зеленую дымку перед полосой тумана и пояснил, что это было второе внимание старого _созерцателя тумана_, живущего в горах, где они тогда были, и что он движется вместе с туманом." (V, 575)

"Последней серией было пристальное созерцание огня, дыма и теней. Она сказала, что для созерцателя огонь не яркий, а темный, почти черный, такой же, как и дым. А вот тени имеют цвет и в них есть движение.

Оставались еще две вещи, стоящие особняком - пристальное созерцание звезд и воды. Созерцание звезд выполняюсь только магами, уже потерявшими свою человеческую форму. По ее словам, созерцание звезд проходило у нее очень хорошо, но она не могла управляться с созерцанием воды, особенно текущей. Маги использовали ее, чтобы собрать свое второе внимание и переправить его в любое место, где им хотелось бы оказаться." (V, 578)

Можно сказать, что _созерцание_ - это тот мостик, что соединяет внимание сновидения со вторым вниманием наяву. Останавливая внутренний диалог, созерцание незначительно смещает точку сборки, как бы "привязывая" второе внимание к созерцаемым объектам. В состоянии _сновидения_, когда осознание полностью переключено на необычный режим восприятия, внимание опять находит их и вызывает особые энергетические сдвиги, ведущие к новым способам получения информации и к новому использованию объектов. Последующее созерцание направлено на активизацию полученных в сновидении навыков уже наяву.

"_Сновидящие_ должны пристально созерцать, а затем искать свои сны в созерцании. Например, Нагваль велел мне созерцать тени скал, а потом в своем _сновидении_ я обнаружила, что у этих теней имеется свечение, потому с тех пор я начала искать свечение в тени, пока не нашла его. _Созерцание_ и _сновидение_ идут рука об руку. Мне пришлось долго созерцать тени, чтобы получилось _сновидение_ теней. А затем мне нужно было долго _сновидеть_ и созерцать, чтобы соединить их и на самом деле _видеть_ в тенях то, что я вижу в _сновидении_",- сообщает одна из учениц дона Хуана, Лидия. (V, 585)

Регулярное использование _сновидения_ позволяет накопить большой опыт в перемещении точки сборки. Сила фиксации со временем слабеет и в конце концов наступает момент, когда возможны спонтанные переживания _сновидения_ даже в дневное время без специальных усилий, прилагаемых к засыпанию. Практика _безупречности_, как уже было сказано, тоже направлена на разрушение фиксации, а потому вполне естественным итогом "потери человеческой формы" становится значительное облегчение _сновидений_. Воин, потерявший свою форму, с легкостью входит в _сновидение_, когда только захочет. Интересно, что симптомом потери формы часто бывает так называемое "видение глаза": маг постоянно ощущает перед своим лицом некое образование, напоминающее большой глаз. Ла Горда рассказывает, что Нагваль (дон Хуан) приказал ей использовать "глаз" для произвольного погружения в _сновидение_. Это оказалось эффективным приемом: "Нагваль сказал, что он все изменил, и приказал использовать глаз, чтобы тянуть себя. Он сказал, что у меня нет времени для получения дубля в _сновидении_ и что глаз - это даже лучше...

Я использовала глаз, как только могла. Я позволяла ему тянуть меня в _сновидение_. Я закрывала глаза и засыпала с легкостью даже днем и в любом месте. Глаз тянет меня и я вхожу в другой мир. Большую часть времени я просто брожу там." (V, 450)

И здесь мы касаемся обратной стороны уже обсуждавшейся проблемы соотношения сна и реальности для _сновидящего_. Мы узнаем, что любой достаточной интенсивный сдвиг точки сборки, вызванный в бодрствующем состоянии, переживается нами как засыпание. Ведь _тональ_ привык функционировать только в двух позициях: наяву и в состоянии сна со сновидениями. Любой режим восприятия, отличающийся от привычного, автоматически "узнается" тоналем как сон. Известно, что больные, страдающие галлюцинациями, очень часто переживают возвращение к нормальному мировосприятию как "пробуждение ото сна". Нечто подобное сопутствует и дон-хуановскому опыту, хотя

перестройка перцептуального аппарата со временем устраняет этот симптом. Полноценное восприятие в состоянии сна - то, что мы называем "функционированием по модели бодрствующего сознания" - достигается через развитие особого контроля над своей психикой наяву (_безупречность_ и _сталкинг_), что вызывает правильную направленность движения точки сборки.

"Дон Хуан сказал, что с точки зрения практики мы входим в состояние сна, как только сдвигается точка сборки. Меня интересовал, например, вопрос, выглядел ли я спящим для стороннего наблюдателя, как Хенаро выглядел для меня.

<...> - Ты спишь самым натуральным образом, хотя и не ложился, ответил он. - Если бы сейчас тебя увидел человек, находящийся в нормальном состоянии осознания, он решил бы, что ты слегка не в себе, а может быть даже - что ты пьян.

И он объяснил, что во время обычного сна точка сборки сдвигается вдоль одного из краев человеческой полосы. Такие сдвиги всегда сопряжены с дремотным состоянием. А в процессе практики точка сборки сдвигается вдоль среднего сечения человеческой полосы. Поэтому дремотного состояния не возникает, хотя _сновидящий_ по-настоящему спит." (VII, 469-470)

Наилучшее время для занятий _сновидением_ - поздний вечер или раннее утро. Дон Хуан объяснял, что в эту пору легче избежать вмешательства посторонних людей, причем он имел в виду не физическое вторжение, а "помехи", создаваемые человеческим вниманием. Потому следует выбирать для занятий такое время, когда _первое внимание_ окружающих спит.

Также дон Хуан рекомендовал наилучшую позу для _сновидения_: сидя на тонкой мягкой циновке, сложив ступни ног одна к другой и положив бедра так, чтобы они касались циновки. Кастанеда пишет: "Он указал, что поскольку у меня гибкие тазобедренные суставы, то я должен развить их полностью, ставя перед собой задачу, чтобы мои бедра полностью прилегали к циновке. Он добавил, что если я буду входить в _сновидение_ в таком сидячем положении, то мое тело не соскользнет и не упадет в сторону, а туловище наклонится вперед и я лягу лбом на ступни." (VI, 114)

Поскольку эти рекомендации были даны учителем уже на продвинутом этапе работы, мы полагаем, что для начинающих поза не имеет большого значения. Подобные детали обретают смысл, когда _внимание сновидения_ полностью пробудилось и энергетика всего организма перестраивается на активное использование открывшихся возможностей. Именно тогда поза может служить полезным стимулом для определенных изменений энергетической формы в _сновидении_.

Интересно, что психофизиологи, исследующие механизм сна, при рассмотрении вопроса о его регуляции иногда дают советы вполне в духе дона Хуана. Отключение внутреннего диалога и особая работа внимания могут оказаться прекрасными средствами от бессонницы. Например, В. Н Третьяков в статье "О возможностях механизма саморегуляции сна и ее практике" приводит следующую технику: "Зрительное поле при закрытых глазах, если присмотреться, не покажется однородно темным (из-за не нулевой фоновой активности зрительного анализатора). Выбираем какое-нибудь (темное или светлое) пятно и начинаем в него напряженно вглядываться, стараясь сделать его единственным объектом внимания. Если на протяжении 1 - 2 минут удается "не впустить" в поле сознания никаких других образов и мыслей, то по механизму положительной обратной связи торможение коры снизит уровень бодрствования и человек заснет." (Психическая саморегуляция - 3, М.: 1983.
С. 146.) Попробуйте сравнить это с рекомендациями Зулейки, _сновидящей_ из отряда дона Хуана, которая настаивала на том, чтобы Карлос искал во внутреннем зрительном поле пятно оранжево-красного цвета (VI, 203). В той же главе ("Тонкости искусства

сновидения", книга "Дар Орла") вы найдете много интересных деталей, касающихся искусства _сновидения_, и сможете реально представить себе масштабы работы.

Мы завершим краткий обзор данной техники указанием на то, что одним из самых важных результатов дисциплины сознательного контроля за снами является формирование _тела сновидения_. _Второе внимание_, развиваемое воином во сне, должно быть сфокусировано на создании и закреплении некой структуры, воспринимающей единицы, которая организует впечатления и обучается тонким маневрам. Фантастические возможности открываются магу, развившему свое _тело сновидения_. Этой обширной и захватывающей теме в нашей книге посвящена отдельная глава - "Миры сновидения".

3. Контролируемая глупость

"_Вы можете притвориться мастером какого угодно дела - и справиться с этим делом. Совершенно неважно, умеете ли вы гипнотизировать или нет. Вернувшись домой, просто притворитесь гипнотизером. Люди пойдут за вами и начнут притворяться, что они погружаются в транс. А через некоторое время им надоест притворяться, и они забудут, что всего лишь притворяются. Но не давайте себя одурачить и не забывайте, что вы всего лишь притворяетесь_."

Милтон Эриксон

Бодрствующая жизнь связана с жизнью сна и обусловливает последнюю настолько явно, что дон-хуановские маги не могли не уделить этому факту особого внимания. В такой тесной зависимости нет, конечно, ничего удивительного: сон продолжает и развивает интенции психики, формирующиеся во время бодрствования, актуализирует конфликты и влечения, вытесняемые в подсознательное именно наяву посредством _осознаваемых_ и _поддающихся контролю_ установок. Это общеизвестное наблюдение как раз иллюстрирует тот факт, что внутренний мир человека не знает _абсолютно_ изолированных областей, где психическое состояние либо консервируется либо развивается согласно своему изначальному закону, полностью игнорируя любой сознательный опыт. Поверхностное знакомство с психоанализом иногда способствует ложным страхам: складывается впечатление, будто под тонким слоем дисциплинированного и хорошо знакомого "я" бушуют целые океаны самовольных, автономных импульсов, с маниакальным упорством воздвигающих храм собственным темным идолам. Разумеется, никто не станет отрицать, что жизнь подсознательного протекает вне нашего внимания и оттого бывает непредсказуемой, даже пугающей (это особенно заметно у невротиков, поставляющих наибольший материал психоанализу), но мы часто забываем: _именно состояние сознания диктует кок содержание подсознательного, так и степень его удаленности или непроницаемости для бодрствующего "я"_. Такое положение, кстати говоря, и делает возможным успех психоанализа, да и многих других психотерапевтических методик. Произвольное внимание неустанно корректирует отношения между различными частями психического устройства и во многом определяет их объем.

Изучая энергетическую конституцию человека, индейские маги, практически заинтересованные в раскрытии способов смешения точки сборки, открыли, что ее сдвиг может вызываться любым целенаправленным изменением стереотипов реагирования. Мы уже касались этого важного положения в разделе, посвященном _безупречности_. Точка сборки вообще крайне чувствительна к эмоциональной реакции. То, что мы обычно называем "колебаниями настроения", есть переживание колебаний энергопотоков, которые

непосредственно определяют позицию точки сборки. Конечно, эти колебания редко выходят за рамки достаточно узкой зоны, где гарантируется стабильность описания мира и непрерывность восприятия. Тем не менее, сознательный контроль в этой небольшой области не только позволяет накопить значительную энергию, но и формирует управляющий аппарат, чья помощь совершенно необходима для успешной работы сознания в любых, даже самых удаленных позициях точки сборки. Дисциплина, обучающая сознательному контролю реагирования и поведения, в книгах Карлоса Кастанеды именуется _сталкингом_.

Сталкинг и _сновидение_ очень гармонично дополняют друг друга. Если в сновидении сдвиг точки сборки интенсивен, происходит легко и естественно, то в состоянии _сталкинга_ он дается с большим трудом и только в пределах близлежащих энергетических волокон. Но в отношении _фиксации_ точки сборки все наоборот: ее достижение в _сновидении_ крайне затруднено, зато _сталкинг_ создает для этого превосходные условия. Вот почему основной урок _сновидения_ заключается в перемещении точки сборки, а основная цель _сталкинга_ - обучение тонкое искусству ее фиксации в измененной позиции. И хотя обычно человек имеет врожденную предрасположенность либо к _сновидению_, либо к _сталкингу_ (что делает его, собственно, _сновидящим_ или _сталкером_), он непременно должен практиковать обе дисциплины воина.

В ранних книгах Кастанеды дон Хуан называет _сталкинг_ "контролируемой глупостью". Происхождение этого термина легко понять, если вспомнить, что подлинный _человек знания_ всякое повеление, исходящее из ложного убеждения в несокрушимости и окончательности человеческого "описания мира", иначе как глупостью не назовет. В английском языке слово _сталкинг_ (stalking) в первую очередь относится к охоте и происходит от глагола to stalk, который означает "тайно преследовать", "выслеживать, применяя при этом различные хитрости". Отсюда _сталкинг_, т.е. "выслеживание". Соответственно _сталкер_ (stalker) - это человек, занимающийся таким выслеживанием, или ловец, охотник. Когда дон Хуан обучал Карлосы "искусству охоты" и заставлял его изучать повадки диких животных, он осторожно внедрял в сознание ученика подходы и установки, лежащие в основе _сталкинга_.

В среде любителей Кастанеды можно порою встретить превратное и одностороннее понимание _сталкинга_ как особого рода хитрого притворства, направленного на манипуляцию поведением окружающих для достижения собственных целей. Видимо, это связано со своеобразием дон-хуановских уроков, касающихся этой темы. Дело в том, что обучение _сталкингу_ может происходить только в реальной ситуации человеческих взаимоотношений. _Сталкинг_ требует живых партнеров, реагирующих по образцу ординарного эгоистического сознания, т.е. естественных и неискушенных. Нередко _сталкеру_ приходится провоцировать их на те или иные эмоциональные реакции, чтобы обучиться контролю в самых разных условиях и состояниях - а для этого нужно хорошо узнать человеческие "повадки" и уметь распознавать типы, темпераменты, характеры, понимать интересы, влечения и страхи своих оппонентов. На первый взгляд, конкретная ситуация обучения действительно напоминает искусное манипулирование, хитрую игру на слабостях и стереотипах партнера, а потому производит неприглядное впечатление. _Сталкинг_ даже шокирует, особенно тех, кто остро переживает по поводу этичности и нравственности человеческого поведения. Ну, а те, что склонны управлять своими ближними, плести интриги или устраивать розыгрыши, читая о _сталкинге_, испытывают приятное возбуждение и принимаются потакать своим эгоистическим идеям, ибо находят, наконец, удобное оправдание такой вседозволенности. Заблуждаются и те и другие.

Во-первых, истинный _сталкер_, следующий путем дон-хуановского знания, культивирует в себе беспристрастие, отрешенность и полное отсутствие чувства собственной важности. Он никогда не станет преследовать корыстные, эгоистические цели в отношениях с другими людьми. Те же причины не позволяют воину вмешиваться в судьбы окружающих, чтобы навязать им собственные взгляды или образец поведения. _Сталкер_ безразличен к этике, так как ясно видит условность человеческих ценностей и понятий, но при этом не может быть заинтересован в причинении вреда кому бы то ни было. Во-вторых, предметом _сталкинга_ является собственное поведение и реагирование, это эксперимент _над собой_, а потому допускает использование любой межличностной ситуации, но не искусственное ее моделирование. Исключение составляют ситуации обучения, специально создаваемые Нагвалем внутри группы его учеников - в таком случае лидер отрада осознанно берет на себя ответственность за все последствия эксперимента, а "подопытный кролик" добровольно доверяется ему, встав на путь знания. Кроме того, не следует пугать _сталкинг_ с актерством или лицемерием, так как этот метод не допускает внутренней раздвоенности. Его цель не имеет ничего общего с сотворением обманной личины, за которой кроются бездны иных, "настоящих" страстей. _Сталкер_ добивается подлинного контроля и подлинного переживания, он учится произвольно запускать и останавливать эмоциональные процессы, а не имитировать их с помощью лицевых мышц, позы, интонации и т.д. и т.п. Последовательное "выслеживание" и предотвращение нежелательных реакций достигает на определенном этапе такого совершенства, что воин может сам индуцировать в себе любое состояние, не рискуя потерять контроль. На энергетическом уровне это и есть тонкое искусство маневрирования точкой сборки и фиксации ее в избранном положении.

А начинается обучение _сталкингу_ с осознания глупости всех стереотипов эмоционального реагирования, свойственных психическому миру обычного человека. Возможно, такая идея вызывает несколько отталкивающее впечатление, ибо невольно рождает образ некоего бесчувственного бревна, окончательно охладевшего ко всем радостям жизни и сузившего свое реагирование до бездушного автоматизма робота. На деле все обстоит совершенно иначе. Осознание глупости человеческих реакций приходит не в результате аскетической сухости и всестороннего самоограничения, но напротив - _от постижения безграничной свободы и непознаваемости бытия, от чувства тайны и невообразимого превосходства Реальности над человеческим описанием мира_. Чтобы признание человеческой глупости не оказалось тупым снобизмом фанатика, душа должна переполниться свободой и удивительной красотой мира:

"Мир необъятен. Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть, чудесной загадкой. Обычный человек не делает этого. Мир никогда не является загадкой для него, и когда он приближается к старости, он убеждается, что ему более незачем жить." (II, 395)

В необъятном и загадочном мире идеи и притязания человека ничего не значат. Непосредственное ощущение этого составляет фундамент _сталкинга_, оно создает необходимую паузу в реагировании, что делает возможным контроль. С другой стороны, воин живет и действует среди людей, их эмоциональные привычки и отношения являются неизбежной частью общественной практики, и потому работа мага требует новой позиции - "промежуточной" позиции _сталкера_.

"Расскажи, пожалуйста, что это вообще такое - контролируемая глупость.

Дон Хуан громко рассмеялся и звучно хлопнул себя по ляжке сложенной лодочкой ладонью.

- Вот это и есть контролируемая глупость,- со смехом воскликнул он, и хлопнул еще раз.

- Не понял...

- Я рад, что через столько лет ты, наконец, созрел и удосужился задать этот вопрос. В то же время, если б ты никогда этого не сделал, мне было бы все равно. Тем не менее, я выбрал радость, как будто меня в самом деле волнует, спросишь ты или нет. Словно для меня это важнее всего на свете. Понимаешь? _Это_ и есть контролируемая глупость." (II, 251)

В определенном смысле воин становится актером, но не играет при этом. Он просто получает способность _выбирать_ - реагировать так или иначе, либо вовсе не реагировать. Если же сталкер выбирает реакцию, то она делается _искренней_. В этом отличие _сталкинга_ от любого притворства.

"Тогда я спросил, значит ли это, что он никогда не действует искренне, и что все его поступки - лишь актерская игра.

- Мои поступки всегда искренни,- ответил дон Хуан.- И все же они - не более, чем актерская игра." (II, 252)

Развивая это особое равновесие между бессмысленностью и смыслом человеческого бытия, _сталкер_ находит подлинное совершенство во всяком действии. Никакой эгоистический мотив не окрашивает его поступков, не искажает результатов и следствий - они остаются актуальными в данном описании мира, хотя воин растождествлен со всяким описанием вообще.

"Ничто не имеет особого значения, поэтому человек знания просто выбирает какой-то поступок и совершает его. Но совершает так, словно это имеет значение. Контролируемая глупость заставляет его говорить, что его действия очень важны, и поступать соответственно. В то же время он прекрасно понимает, что все это не имеет значения. Так что, прекращая действовать, человек знания возвращается в состояние покоя и равновесия. Хорошим было действие или плохим, удалось ли его завершить - до этого ему нет никакого дела.

С другой стороны, человек знания может вообще не совершать никаких поступков. Тогда он ведет себя так, словно эта отстраненность имеет для него значение. Так тоже можно, потому что и это будет контролируемая глупость." (II, 259)

Тем не менее, нам всегда следует помнить, что основная ценность контролируемой глупости не в беспристрастии и отрешенности, но в отрешенном _взгляде_ на эмоциональные и поведенческие стереотипы, присущие человеку далеко не бесстрастному. Именно "глупость" жизни питает мудрость воина. Д. Л. Вильямс в упоминавшейся книге об учении дона Хуана пишет: "Глупость жизни характеризуется коллективными и личными привычками сознания. Наша глупость - это наше отождествление себя с повседневной жизнью, в которой мы смотрим, но никогда не видим дальше того, что лежит за пределами наших привязанностей и увлечений... Именно через самоосознание и _понимание смысла нашего переживания_ мы контролируем свою глупость... Контроль и тупость неразделимы. Контроль без глупости изолирует нас от жизни и мешает нам что-либо понять; глупость без контроля погружает нас в бессознательное и препятствует росту нашей индивидуальности." (_Курсив_ мой - А. К.) Поняв смысл нашего переживания, мы переживаем его иначе, ибо удерживаем два мира одновременно (мир человека и мир Реальности), в то время, как обычно сознание не имеет такого "стереоскопического" видения. В конечном счете только такая позиция позволяет существу жить после того, как он встретился с Реальностью лицом к лицу. Окружающая нас безбрежность затягивает в себя, как в пучину, чтобы растворить центр нашего восприятия и слить его с однородными энергетическими потоками. В вечном противостоянии субъекта и Объекта только субъект зыбок и нуждается в постоянном

поддержании самого себя. Таким образом, сталкинг - это еще один трюк магов в достижении равновесия.

"_Сталкинг_ сдвигает точку сборки медленно, но постоянно, таким образом давая магу время и возможность поддерживать самого себя.

... По мнению магов, контролируемая глупость - единственное средство, которое позволяет им иметь дело с самими собой в состоянии повышенного осознания и восприятия, а также - со всеми людьми и всем на свете в повседневной жизни.

Дон Хуан объяснил, что контролируемая глупость есть искусство контролируемой иллюзии или искусство создания видимости полной увлеченности в данный момент каким-либо действием,- притворство столь совершенное, что его невозможно отличить от реальности. Он сказал, что контролируемая глупость - это не прямой обман, но сложный, артистический способ отстранения от всего, и в то же время сохранения себя неотъемлемой частью всего." (VIII, 229-230)

Ценность этой техники также заключается в том, что она дает удобную и неприметную возможность новому мироощущению проникать в будничные дебри повседневности. Воин, поглощенный _безупречностью_, не может и не должен жертвовать ею всякий раз, когда описание мира того требует. Его чувство для полного своего утверждения нуждается в непрерывности, и только _сталкинг_ позволяет добиться этого на практике.

Возникающее при этом отношение дон Хуан называет _проблемой сердца_. Приближение к Реальности вызывает любовь и восторг, однако _безупречность_, необходимая для выживания в Реальности, требует трезвости и контроля. Реальность сама по себе настолько далека от всего человеческого, что не может мотивировать наши поступки, однако бездействие убивает волю к жизни и обращает Реальность в смерть. Этот тупик, вызванный противоречиями опыта, так сформулирован Кастанедой:

"Искусство сталкинга - это проблема сердца; маги заходят в тупик, начиная осознавать две вещи. Первая заключается в том, что мир предстает перед нами нерушимо объективным и реальным в силу особенностей нашего осознания и восприятия, и вторая - если задействуются иные особенности восприятия, то представления о мире, которые казались такими объективными и реальными,- изменяются." (VIII, 13)

Таким образом, эмоциональный опыт уже не может быть автоматическим, его непосредственность утрачена, и он наконец становится предметом специального исследования. Осознание эмоции как определенного смещения точки сборки заставляет магов _выслеживать_ свои реакции и использовать их намеренно, с практической целью. Общая отрешенность оказывается тем фоном, на котором разворачиваются контролируемые игры переживания.

"Магический опыт настолько необычен,- продолжал дон Хуан, что маги считают его интеллектуальным упражнением и используют для _выслеживания_ самих себя. И все-таки их козырной картой как _сталкеров_ является то, что они очень остро осознают себя воспринимающими существами, и то, что восприятие имеет намного больше возможностей, чем это может представить себе наш разум.

<...> Для того, чтобы защитить себя от этой необъятности,- сказал дон Хуан, маги вырабатывают в себе совершенное сочетание безжалостности, ловкости, терпения и мягкости. Эти четыре основы _сталкинга_ неразрывно связаны друг с другом. Маги культивируют их, _намереваясь_ получить их. Эти основы, естественно, являются положениями точки сборки." (VIII, 228-229)

Как мы уже сказали, предметом _сталкинга_ (или "выслеживания") является чувственный опыт, опыт переживания и реагирования. Контроль не сразу входит в повседневную жизнь. Упражнения в _сталкинге_, о которых говорит дон Хуан,

обязательно начинаются с отправного переживания, так или иначе ослабляющего эгоистическую озабоченность и устанавливающего дистанцию между сознанием и эмоциональным фактом. Дон Хуан называет такое переживание "толчком". Оно всегда индивидуально и субъективно, может быть связано с любым представлением или идеей. Воин должен сам найти собственный "толчок", прерывающий эгоистическую рефлексию и образующий рефлексию более высокого уровня. Можно использовать мысль о смерти, или, скажем, о бесконечности мироздания. Дон Хуан любил использовать стихи:

"Я уже говорил тебе, что по многим причинам люблю поэзию, сказал он. С ее помощью я занимаюсь _выслеживанием_ самого себя. Это сообщает мне толчок. Я слушаю, как ты читаешь, и останавливаю внутренний диалог, позволяя установиться внутренней тишине. Затем сочетание стихотворения и внутренней тишины сообщает мне толчок." (VIII, 111) Маг попросил Карлоса прочитать одно из стихотворений Хосе Горостизы. Проникнувшись настроением этой поэзии, дон Хуан говорит: "Меня не интересует, о чем эти стихи. Меня волнует только чувство, которое поэт желает передать. Я проникаюсь этим его желанием и вместе с ним - красотой. Воистину чудо, что он, подобно настоящему воину, щедро отдает свое чувство тем, кто его воспринимает, своим читателям, ничего не требуя взамен, оставляя себе только свое стремление к чему-то. Этот толчок, это потрясение красотой и есть _сталкинг_." (VIII, 112)

Итак, сущностью сталкинга является ломка _привычек_ сознания. Но всякая наша привычка имеет историю, она зародилась в опыте прошлых переживаний и именно там сделалась неосознаваемой, автоматической. Поэтому важнейшей работой сталкинга оказывается _перепросмотр_ всей предыдущей жизни, дающий возможность проследить корни стереотипов реагирования и лишить их актуальности через новое осознание "человеческой глупости". В процессе _перепросмотра_ отношение человека к самому себе меняется самым радикальным образом. Подсознательные конфликты и сопротивления, страхи, напряжения и комплексы, внешние влияния, когда-то определившие ту или иную черту характера,- все всплывает в памяти и изменяет свой смысл, столкнувшись с отрешенностью воина. Дон Хуан рекомендовал своим ученикам проводить _перепросмотр_ в темном закрытом помещении или даже в специальном ящике, чтобы связать образы прошлого с ограниченным пространством эгоистической личности. Флоринда - _сталкер_ из отряда дона Хуана - провела в таком ящике немало времени:

"Она объяснила, что перепросмотр является основной силой сталкера, так же как _тело сновидения_ является основной силой _сновидящих_. Перепросмотр состоит из анализа собственной жизни вплоть до самых незначительных деталей. Таким образом, ее бенефактор дал ей ящик как средство и как символ. Это было средство, которое должно было позволить ей научиться концентрации, потому что ей придется сидеть там долгие годы, пока вся жизнь не пройдет у нее перед глазами, и одновременно это был символ - символ узости границ нашей личности. Ее бенефактор сказал, что когда она закончит свой перепросмотр, то разломает ящик, символизируя этим, что она больше не связана ограничениями собственной личности.

Она сказала, что сталкеры пользуются ящиком или земляными гробами для того, чтобы зарываться в них, пока они вновь переживают, а не просто просматривают, каждое мгновение своей жизни." (VI, 232-233)

Чувство освобождения от личностных границ через _сознательное_ переживание в общем-то широко известно. Оно часто используется в психотерапии, особенно в психоанализе. Оккультизм также регулярно прибегает к этому методу. Разве не о том же говорит Дж. Лилли, когда описывает так называемое "сожжение Кармы"?

"Чтобы сжечь карму, надо бодрствовать в высшей степени, невзирая на то, что с вами происходит. Никогда в случае отрицательного или положительного переживания высокого

уровня энергии нельзя позволять своему сознанию отключаться. Если проходить через чисто отрицательное переживание крайне высокой энергии, нужно допустить такую запись этого отрицательного пространства, чтобы собственный метапрограммист туда больше не вернулся...

Аналогичным образом: во время высоких положительных состояний необходимо помнить переживания положительные или вознаграждающие (сжигание Кармы - это сознательное прохождение последовательности ваших прошлых действий без стыда, боязни, страха или цензуры), так что они будут автоматически увлекать обратно в эти пространства." (Дж. Лилли. Центр циклона, сс. 119-120.)

Легко догадаться, о чем идет речь, несмотря на "компьютерную" терминологию автора. Если уж говорить о Карме, то в первую очередь имея в виду психологического обусловленность личности. Цепь причин и следствий существует во внутреннем мире человека, целиком определяя его судьбу из темных глубин бессознательного. Таким образом, перепросмотр выполняет две важные функции: оттачивает способность к самонаблюдению в повседневной жизни ("выслеживание" самого себя) и нейтрализует эгоистические стереотипы, накопленные бессознательным на протяжении жизни. Техника перепросмотра включает две стадии: "краткий учет всех случаев нашей жизни, которые явно подлежат перепросмотру" и "полный просмотр, начинающийся систематически с момента, предшествовавшего тому, когда сталкер забрался в ящик, и теоретически простирающийся вплоть до момента рождения." Эффект его весьма значителен. Флоринда утверждала, что "совершенный перепросмотр может изменить воина настолько же, если не больше, как и полный контроль над _телом сновидения_".

Особую роль в этой технике исполняет дыхание:

"Флоринда объяснила, что ключевым моментом перепросмотра является дыхание... Теоретически сталкеры могут вспомнить каждое чувство, которое они испытали в своей жизни, а этот процесс у них начинается с дыхания...

Она сказала, что ее бенефактор велел написать список тех событий, которые ей надо было пережить повторно. Он сообщил, что процедура начинается с правильного дыхания. Сталкер начинает с того, что его подбородок лежит на правом плече, и по мере медленного вдоха он поворачивает голову по дуге на 180 градусов. Вдох заканчивается, когда подбородок укладывается на левое плечо. После того, как вдох окончен, голова возвращается в первоначальное положение в расслабленном состоянии. Выдыхает же сталкер, глядя прямо перед собой.

Затем сталкер берет событие, стоящее в его списке на первом месте, и вспоминает его до тех пор, пока в памяти не всплывут все чувства, которые это событие вызвало. Когда сталкер вспомнит все эти чувства, он делает медленный вдох, перемещая голову с правого плеча на левое. Смысл этого вдоха состоит в том, чтобы восстановить энергию. Флоринда сказала, что светящееся тело постоянно создает паутинообразные нити, выходящие из светящейся массы под воздействием разного рода эмоций. Поэтому каждая ситуация взаимодействия или ситуация, в которой задействованы чувства, потенциально опустошительна для светящегося тела. Вдыхая справа налево при воспоминании чувства, сталкер, используя энергию дыхания, подбирает нити, оставленные им позади. Сразу за этим следует выдох слева направо. При его помощи сталкер освобождается от тех нитей, которые оставили в нем другие светящиеся тела, участвовавшие в припоминаемом событии." (VI, 233-234)

Сообщается, что _перепросмотр_ - наиболее эффективный способ добиться потери человеческой формы. После перепросмотра сталкеру намного проще избавиться от всех возможных фиксаций, а потому такие техники, как "стирание личной истории", "потеря

чувства собственной важности", "ломка привычек" и т.д., исполняются без труда. Кроме того, как мы уже указывали, перепросмотр способствует _сновидению_:

"Причина, по которой обычные люди не могут управлять своей волей в сновидениях, состоит в том, что они никогда не совершали перепросмотр своей жизни, и их сны по этой причине переполнены очень интенсивными эмоциями, такими как воспоминания, надежды, страхи и так далее и тому подобное." (IX, 190)

"Перепросмотр высвобождает заключенную в нас энергию, без которой подлинное _сновидение_ невозможно,- утверждал он." (IX, 191)

Кастанеда рассказывает, как дон Хуан заставил его сделать список, куда должны были войти все люди, которых он когда-либо встречал. Список был составлен систематическим образом и учитывал все сферы деятельности Карлоса на протяжении его жизни. Кастанеде пришлось перепросмотреть все свои встречи с этими людьми и все эмоции, которые он испытал в общении с ними. "Он объяснил, что при перепросмотре событие реконструируется фрагмент за фрагментом, начиная с припоминания внешних деталей, затем переходя к личности того, с кем я имел дело, и заканчивая обращением к себе, исследованием своих чувств." (IX, 191)

Если говорить о влиянии перепросмотра на позицию точки сборки, то, как и во всех остальных дисциплинах дон-хуановского знания, касающихся управления сознанием наяву, мы наблюдаем медленное, но неуклонное движение точки сборки внутрь кокона. При этом зона повышенной светимости волокон (т.е. область осознания) постепенно расширяется, что вызывает усиление чувства отрешенности и увеличивает способность к сознательному контролю над внутренними импульсами. Одновременно углубление точки сборки ослабляет жесткость ее фиксации и облегчает ее дальнейшее движение. Это достигается благодаря особым колебаниям восприятия, имеющим место при перепросмотре:

"Он определил перепросмотр как уловку, используемую магом для вызова пусть незначительного, но зато постоянного сдвига точки сборки. Он сказал, что точка сборки под влиянием просмотра прошлых событий и переживаний движется туда-сюда между ее теперешним положением и положением, которое она занимала тогда, когда имел место интегрируемый опыт." (IX, 192)

Пересматривая свое прошлое, мы изменяем настоящее: растождествленность с привычками и слабостями натуры становится постоянным ощущением. Но и этого оказывается недостаточно для достижения необходимого результата. Помимо _осознания_ требуется _воля_, устремленность к цели. Отсутствие четко определенного намерения приводит лишь к топтанию на месте. Оставаясь предельно осторожными в отношении интерпретации Реальности, мы, тем не менее, не должны поддаваться нигилизму, если хотим _искать_, а не пребывать в пожизненной дреме. Искать новые возможности действия и восприятия - вот смысл работы дон-хуановского воина. _Безупречность_ учит ставить перед собой цель и неуклонно двигаться к ней, не задумываясь даже о ее достижимости, не предвкушая побед и не страшась поражений.

Вот что рассказывала Ла Горда:

"Но выследить свои слабости еще недостаточно для того, чтобы освободиться от них,- сказала она.- Ты можешь выслеживать до судного дня и это не даст никаких результатов. Именно поэтому Нагваль не хотел давать мне никаких инструкций. Чтобы реально достичь безупречного мастерства в _сталкинге_, у воина должна быть цель.

Ла Горда рассказала, как она день за днем жила, не имея никакой перспективы, пока не встретила Нагваля. Она не имела ни надежд, ни мечтаний, ни желания чего-либо. Только возможность поесть была всегда доступна ей по какой-то причине, которую она не могла постичь...

Каждый имеет достаточно личной силы для чего-то. В моем случае фокус состоял в том, чтобы оттолкнуть свою личную силу от еды и направить ее к цели воина." (V, 512)

Если _сталкинг+ спасает нас от иллюзий и фанатизма, то _цель воина_ не дает погрузиться в апатию и неподвижность. "Золотая середина" дон-хуановского пути и здесь оказывается единственной возможностью для плодотворного развития.

4. Сталкинг сталкеров

"_Мы так же таинственны и так же страшны, как этот непостижимый мир. И кто сможет с уверенностью сказать, на что ты способен, а на что - нет?_"

Дон Хуан

На первый взгляд _сталкинг_ - самая "земная", посюсторонняя дисциплина в учении дона Хуана. Если же пристально вглядеться в сущность производимой здесь работы, в ее истоки и конечные результаты, нас неминуемо взволнует мистическое дыхание Реальности, пронизывающее совсем простые, казалось бы, уловки подозрительных субъектов, именующих себя _сталкерами_. Ведь ими движет измененное (быть может, даже расширенное) сознание, слышащее, в отличие от нашего, неумолкающий океан чистого бытия. "Сознание, - писал М. Мамардашвили,- в принципе означает какую-то связь или соотнесенность человека с иной реальностью поверх или через голову окружающей реальности. Назовем это условно обостренным чувством сознания. Оно связано в то же время с какой-то иномирной ностальгией."

Разве не это "обостренное чувство сознания" повсеместно преследует мага? И разве не "иномирная ностальгия" делает воина печальным? Недаром дон Хуан назвал _сталкинг_ проблемой сердца. Ибо как жить сердцу, несущему в себе угнетающую ношу такого "двоемирия"? Проблема судьбы перестает быть тривиальной - весь путь человеческой жизни на этой Земле оказывается до того зыбок, до того не уверен в себе, что поневоле стремишься к эвтаназии.

"Следовательно, проблема человеческой судьбы, человеческого предназначения начинает выступать при этом для человека, в душу которого запал осколок такого зеркала сознания, как задача нового рождения в реальном мире, хотя он является своеобразным гостем мира нереального, иного. Возможно ли такое рождение? Можно ли, не забыв гражданства неизвестной родины, родиться _вторично_ гражданином уже этого мира? Можно ли существовать, будучи носителем той смутно ощущаемой гармонии, которая сверкнула случайно в зеркальном осколке сознания и превратила столь привычный до этого мир в нечто условное и не само собой разумеющееся? И к тому же - существовать, не подозревая о том, что указанная гармония (на что я хотел бы обратить особое внимание) имеет свой режим жизни, в корне отличный от наших ежедневных психологических состояний." (М. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М.: 1992, с. 43.)

Этими словами философа можно прекрасно разъяснить причины сталкинга - ведь именно эта техника дает нам возможность такого существования, и вовсе не для того, чтобы забыть неудобную Реальность вовне, но для сохранения и усиления ее присутствия. Подобную роль в жизни мага играет "символическая смерть", _смерть-символ_. По сути дела, _безупречность_ со всеми ее атрибутами и _сталкинг_ - это медленная _смерть_ эго, за которой только и возможно новое рождение.

"Одним из таких символов (первичных для философии) является "смерть". На первый взгляд, этот символ прост хотя бы по той причине, что мы можем, как я сказал, увидеть иную реальность, гражданами которой мы себя осознали, будучи готовы при этом расстаться с самими собой как не необходимыми, не абсолютными и т.д. Но это на первый взгляд, поскольку в действительности расстаться с собой оказывается очень трудно. И в то же время, если мы не готовы при расшифровке или освоении символа смерти расстаться с собой, то не увидим иное." (Там же, с. 43.)

Воин умирает, не умирая. Сталкер же словно учится иностранному языку - языку жизни "там" и жизни "здесь". Он внимательно "выслеживает" те импульсы своей натуры, которые неприемлемы для мира Реальности, затем переводит их на язык "инобытия", там принимает решение и, вернувшись, вступает в игру. От таких бесчисленных "переводов" язык в чем-то серьезно видоизменяется: его отдельные элементы делаются все более отточенными, другие - "отстраняются", т.е. становятся непонятными для внешнего наблюдателя. Это касается всей сферы повседневной жизни: эмоций, решений, поступков, манеры поведения, мотивации и т.д. и т.п. Но _сталкинг_ достигает своей вершины в "идеальном переводе" (если уж и дальше пользоваться лингвистическими аналогиями) - когда все элементы личности, стереотипы поведения, декларируемые мотивы и способы их достижения ничуть не вызывают неприятия, подозрительности или раздражения. Здесь-то и начинается _игра_ - довольно странная, но никому не причиняющая вреда. Эта игра включает в себя проверку собственного сталкинга в самых разнообразных ситуациях. При этом, скорее уж, страдают сами экспериментаторы, ибо часто выбирают себе поистине ужасающих партнеров. Вспомните, с каким юмором сталкеры составили классификацию "мелких тиранчиков" - подлинных мучителей всего живого вокруг себя. И это вовсе не природная склонность к мазохизму: просто экстремальные условия вынуждают воина "выслеживать" такие чувства, комплексы и подсознательные мотивы, которые при спокойном течении жизни могут не выявиться никогда. При любых обстоятельствах сталкер охотится за собой:

"Охотник просто охотится, - сказала она (Ла Горда). - _Сталкер_ же выслеживает все, включая самого себя.

- Как он делает это?

- Безупречный _сталкер_ может все обратить в жертву. Нагваль говорил мне, что мы можем выслеживать даже собственные слабости <...>

- Как может человек выслеживать свои слабости, Ла Горда?

- Точно таким же способом, как ты выслеживаешь жертву. Ты разбираешься в своем установившемся распорядке жизни, пока не узнаешь все действия своих слабостей, а затем приходишь за ними и ловишь их в клетку, как кроликов." (V, 510)

Всякая ситуация, мысль или реакция - то, что составляет повседневную жизненную практику - для сталкера является вызовом, проверкой и упражнением. Дон Хуан любит повторять два слова - _вызов_ и _шанс_. Жизнь представляется воину вызовом, который одновременно есть шанс достичь высокого контроля. Подобные образы использует основатель логотерапии В. Франкл: "У человека с улицы мы можем научиться тому, что быть человеком означает постоянно сталкиваться с ситуациями, которые одновременно - шанс и вызов, которые дают шанс осуществить себя, не уклонившись от вызова осуществить смысл. Каждая ситуация - это призыв: сначала - услышать, затем
- ответить. " (В. Франкл. Детерминизм и гуманизм: критика пандетерминизма.)

Для того, чтобы принять вызов и использовать свой шанс, сталкер следует выработанной стратегии. Сталкер Флоринда, описывая эту стратегию, иллюстрировала основные положения событиями из собственной жизни, когда она, вовлекаемая в мир магии, сама стала объектом _сталкинга_. Но следует помнить, что нижеприводимые

принципы могут (и должны) применяться, главным образом, к самому сталкеру и его внутреннему пространству:

"Первым принципом искусства сталкинга является то, что воин сам выбирает место для битвы. Воин никогда не вступает в битву, не зная окружающей обстановки...

Отбросить все, что не является необходимым,- вот второй принцип искусства сталкинга...

Приложи всю имеющуюся у тебя сосредоточенность и реши, вступать или не вступать в битву, потому что любая битва - это борьба за собственную жизнь. Это - третий принцип искусства сталкинга. Воин должен хотеть и быть готовым стоять до конца здесь и сейчас. Но не как попало..." (VI, 225,
227)

Четвертый принцип состоит в правильном расслаблении: "Расслабься, отступись от себя, ничего не бойся. Только тогда силы, ведущие нас, откроют нам дорогу и помогут нам. Только тогда." (VI, 227)

Пятый принцип сталкинга можно было бы назвать "тактическим отступлением":

"Встречаясь с неожиданным и непонятным и не зная, что с ним делать, воин на какое-то время отступает, позволяя своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-нибудь другим. Тут годится все что угодно." (VI, 227)

Шестой принцип - это максимальное сжатие времени: "воин сжимает время, даже мгновения идут в счет. В битве за собственную жизнь секунда - это вечность, вечность, которая может решить исход сражения. Воин нацелен на успех, поэтому он экономит время, не теряя ни мгновения." (VI, 227)

Следуя этой стратегии, Нагваль вовлек в учение Флоринду. "Сначала он затащил Флоринду на свое собственное поле битвы, где она оказалась в его руках. Он заставил ее отбросить то, что не было существенным; он научил ее, как сделать собственную жизнь однонаправленной при помощи решения; он обучил ее расслаблению; для того, чтобы помочь ей заново собрать свои ресурсы, он заставил ее войти в совершенно новое состояние оптимизма и уверенности в себе; он научил ее уплотнять время; и, наконец, он показал ей, что сталкер _никогда не выставляет себя вперед_." (VI, 235)

Если вкратце проанализировать последовательность этой работы сталкинга, то мы увидим, как легко она проецируется на внутреннее содержание любой практики:

1) Вы находите внутреннюю обстановку подходящей для изменения в том случае, если нет явных или подсознательных препятствий к проведению работы. Вы внимательно наблюдаете за собой и ждете момента, когда сопротивление вашей психики не сможет одолеть вас.

2) Вы отбрасываете несущественные детали, способные затруднить "выслеживание" (внешние обстоятельства, внутренние ассоциации, предрассудки и т.п.).

3) Взвесив итоги предыдущих операций, вы должны принять решение, сразу взяв на себя полную ответственность за результат, решение безоговорочное и окончательное.

4) В процессе работы вы периодически отдаетесь расслаблению - во-первых, чтобы накопить силы, во-вторых - чтобы не терять ощущения среды, вас окружающей. Расслабление дает вам гибкость, чуткость и умение лавировать.

5) Если задача требует неизвестного вам подхода, вы на время отступаетесь от нее, рассеиваете внимание, пока не почувствуете, что решение найдено.

6) Когда же "выслеживание" проведено успешно, вам остается использовать всю свою скорость и решительность для трансформации "жертвы". Это и есть сжатие времени.

Заключительный, седьмой принцип сталкинга касается одной очень важной детали: _сталкер никогда не выставляет себя вперед_. Тому есть две причины: во-первых, часть нашего сознания, осуществляющая подобный контроль, не терпит пристального к себе

внимания. Ее механизм тонок, а ее влияния интимны. Сознательно вычленяя _сталкера_ в себе, мы парализуем его. Позвольте ему совершать свою работу в полном уединении. Во-вторых, эго, нацепившее на себя маску _сталкера_, превращается в самодовольное, заносчивое существо с зарождающейся манией величия. И в первом и во втором случае сталкинг автоматически прекращается.

Конечно же, успешный сталкинг - это всегда волевой акт. В этом смысле предлагаемая стратегия только предлагает добиться его оптимизации. При отсутствии _цели воина_ техника не принесет плодов. Как верно заметил В. Франкл, "сила воли определяется ясностью и глубиной понимания собственных целей, искренностью принимаемых решений и в немалой степени - навыками принятия решений." (Там же, с. 214.)

В космосе дона Хуана принятие решения - это то же самое, что включение _намерения_, а это, в свою очередь, приходит вместе со сдвигом точки сборки. Иными словами, чем чаще вы _намереваетесь_ что-то совершить и добиваетесь своего, тем легче ваша точка сборки сдвигается в это положение.

"Дон Хуан остановился и пристально на меня взглянул. А затем, после несколько напряженной паузы, повел речь о сталкинге. По его словам, начало этого искусства было весьма скромным и чуть ли не случайным. Просто новые видящие заметили, что, когда воин ведет себя непривычным для него образом, внутри его кокона начинают светиться не задействованные до этого эманации. А точка сборки при этом смещается - мягко, гармонично, почти незаметно.

Это наблюдение заставило новых видящих взяться за практику систематического контроля своего поведения. Назвали ее искусством сталкинга. Дон Хуан отметил, что при всей своей спорности это название все же весьма адекватно, поскольку сталкинг заключается в особого рода поведении по отношению к людям. Можно сказать, что сталкинг - это практика внутренней, никак не проявляющейся скрытности.

Вооруженные этим методом новые видящие придали своему взаимодействию с известным уравновешенность. И это принесло плоды. Посредством продолжительной практики сталкинга они заставляли свою точку сборки неуклонно перемещаться." (VII, 403-404)

Нам же не следует забывать, что _намерение_ (сущность волевого акта, обеспечивающего сам процесс сталкинга) функционирует вне описания мира. Более того, _намерение_ высвобождается только благодаря устранению описания. В состоянии первого внимания мы так или иначе озабочены идеалами, ценностями, критериями, нравственностью или этикой - в таких условиях тонкий контроль поведения, осуществляемый через _намерение_ (или незначительный сдвиг точки сборки) практически невозможен. Подсознательное, прошедшее тщательный перепросмотр, вместе с установками, выработанными _безупречностью_,- вот что определит характер действий сталкера, а вовсе не этические сомнения или здравый смысл. Подлинный сталкер "охотится" за самим собой, и не стоит приписывать ему побуждения, которых он не имеет. Вот почему дон Хуан рекомендовал ученикам изучать сталкинг в состоянии повышенного осознания:

"Сталкинг - одно из двух величайших достижений новых видящих, продолжал дон Хуан.- Они решили, что современный нагваль должен обучаться сталкингу, только находясь в состоянии повышенного осознания, когда точка сборки сдвинута уже достаточно глубоко влево. Дело в том, что принципы этого искусства нагваль должен изучать, будучи свободным от груза человеческого инвентарного перечня. Ведь так или иначе нагваль - лидер группы. Чтобы успешно вести своих воинов, он должен действовать быстро, без предварительных раздумий." (VII, 404)

Флоринда, например, так описывает три основных результата систематической практики сталкинга: "Первый - сталкер обучается никогда не принимать себя всерьез, уметь смеяться над собой... Второй - сталкер приобретает бесконечное терпение. Он никогда не спешит и никогда не волнуется. Третий - сталкер бесконечно расширяет свои способности к импровизации." (VI, 236)

Быть может, это _сталкинг_, эта игра с самим собой впервые по-настоящему рождает человека - не так, как в медитациях типа "свидетель", где внешние переживания выхолощены до автоматизма, а сознание целиком занято сосредоточением на Божественном (помните, как у Вильямса: "Контроль без глупости изолирует нас от жизни и мешает нам что-либо понять..."?), но в виде сознательной, подвижной и развивающейся сущности - вполне в духе определения того же В. Франкла: "Если бы нам надо было дать определение человеку, мы бы сказали, что человек представляет собой существо, освободившее себя от всего, что его определяло (определяло как биологический, психологический и социологический тип), другими словами, это существо, которое превосходит все эти детерминанты - либо побеждая их и формируя по-своему, либо намеренно подчиняясь им.

Этот парадокс подчеркивает диалектическое свойство человека: в присущей ему извечной незавершенности и свободе выбора заключено то, что его реальность - это потенциальная возможность. Он не является еще таким, каков он есть, таким он лишь должен стать." (В. Франкл. Общий экзистенциальный анализ.)

Но практик, стремящийся на деле реализовать истинную природу своего существа, куда как далек от философских и нравственных рассуждений! Для него вся проблема сводится, в конечном счете, к _восприятию_. И если уж мы говорим о поведении, о личностных установках, то все равно рано или поздно приходим к фундаменту этого замысловатого здания, т.е. к _тоналю_ и перцептуальному аппарату. Потому дон Хуан окончательно определил _сталкинг_ как "умение фиксировать точку сборки в том месте, куда ее необходимо поместить". Фиксация определяет безупречное реагирование (этичное по определению), а дисциплинированное реагирование вызывает точную фиксацию. Как видите, сталкинг повседневного поведения в необычном режиме восприятия естественно переходит в _сталкинг восприятия_ - обязательное условие продуктивного _сновидения_:

"Он объяснил, что если точку сборки не удается зафиксировать, нет никакой возможности воспринимать гармонично. В таком случае мы будем воспринимать калейдоскопическую картину несвязанных друг с другом образов. Вот потому маги прошлого уделяли сталкингу столько же внимания, сколько и сновидению." (IX, 109)

Внутренняя чистота, достигнутая перепросмотром, полное овладение суматошной игрой образов, надежд и влечений приводит к серьезным психологическим последствиям. Китайский философ сказал, что "сердце мудреца должно быть пустым". Ясно, что внутренняя "пустота" сталкера не может не сказываться на характере его восприятия. Дон Хуан называл это "разворотом головы". Нам трудно понять эту аллегорию, ибо речь идет о непостижимом для ординарного сознания опыте. Остается только поверить, что эффект этого приема поразителен:

"Сталкеры действительно поворачивают голову, однако они делают это не для того, чтобы повернуться лицом в новом направлении, а для того, чтобы по-другому взглянуть на время. Сталкеры обращены лицом к времени наступающему. Обычно же мы смотрим на время, уходящее от нас. Только сталкеры могут менять направление и поворачиваться лицом к накатывающемуся на нас времени.

Флоринда объяснила, что поворачивание головы не равносильно взгляду в будущее, а означает, что время видится как нечто конкретное, хотя и непонятное." (VI, 238)

Словом, сталкинг таит в себе еще много неразгаданного. Кастанеда был ошеломлен, когда вместе с доньей Соледад - самым сильным сталкером из отряда - погрузился в пучины совершенно неведомых ему миров. Возможно, в своей специфической работе сталкеры наталкиваются на зоны восприятия, недостижимые для _сновидящих_ по неизвестным причинам. Как бы то ни было, о сталкинге мы сказали немного. Видимо, эта область была недостаточно изучена и самим Кастанедой. Многое остается неясным. Скажем, не благодаря ли "повороту головы" так удивительно помолодела донья Соледад? Сталкеры по-прежнему хранят тайну Времени.

Напоследок хочу лишь процитировать наставления Флоринды, в которых так чудно передан подлинный дух сталкера:

"Первое предписание правила состоит в том, что все, окружающее нас, является непостижимой тайной.

Второе предписание правила состоит в том, что мы должны пытаться раскрыть эту тайну, даже не надеясь добиться этого.

Третье предписание правила состоит в том, что воин, зная о непостижимой тайне окружающего мира и о своем долге пытаться раскрыть ее, занимает свое законное место среди тайн и сам себя рассматривает как одну из них. Следовательно, воин не знает конца тайны бытия, будь то тайна бытия камешка, муравья или его самого. В этом заключается смирение воина. Каждый равен всему остальному." (VI, 226)

Подведем краткие итоги техник и дисциплин дон-хуановской магии.

Ученик становится на тропу знания, когда осознает фундаментальную посылку всей системы: мир отличен от нашего описания мира. Принятие истинной дихотомии бытия _тональ - нагуаль_, если оно вызывает стремление к нагуалю, превращает ученика в _воина_. На пути воина он знакомится с тремя техниками, _безупречностью_, _сновидением_ и _сталкингом_. _Безупречность_ обеспечивает избыток психической энергии, снижая силу фиксации центра восприятия (точки сборки); _сновидение_ использует естественную подвижность восприятия во время сна и, благодаря избытку энергии, полученной от _безупречности_, пробуждает перцептуальный аппарат в такой степени, что фиксирует _внимание_ в сновидении по модели бодрствующего сознания. _Сталкинг_, в свою очередь, резко усиливает способность контролировать внимание вообще (в т. ч. и во сне), в результате - совершенствует _безупречность_, что еще увеличивает энергообеспеченность системы. Кроме того, сталкинг значительно снижает сопротивление подсознательного (через _перепросмотр_) и этим облегчает работу со сновидениями.

Одновременно воин применяет тактику _неделания_, которая исполняет сразу две задачи: разрушает стереотипы перцепции поведения, а также подготавливает к активизации структуры и инструменты, прежде дремавшие в неосознаваемых областях психики. Главный инструмент неделания, вскрывающий "описание мира" и позволяющий соприкоснуться с иными режимами восприятия - _остановка внутреннего диалога_. Таким образом, _безупречность_, _сталкинг_ и _неделание_ оказываются общим источником той энергии, которую последователи дона Хуана называют _волей_.

Когда _воля_ начинает активно проявлять себя в существе воина, он быстро убеждается в том, что она: а) является силовым комплексом, тесно связанным с непостижимыми просторами Реальности (_нагуаля_), б) встречает на своем пути препятствия и не является абсолютно свободной, и в) функционирует совершенно непостижимым образом. Поэтому маги начинают признавать в ней космическую стихию, которую называют _намерением_. В дальнейшем, когда выяснилось, что та же сила смещает точку сборки, а равно фиксирует ее, в конечном счете, наделяет нас осознанием либо отнимает его, маги оценили _намерение_ как фундаментальное качество бытия и

нарекли _абстрактным_ (о чем в следующей части книги). Важно и то, что _несгибаемое намерение_ (т.е. безупречное действие, сопряженное с внутренним настроением на цель - достаточно длительное и сосредоточенное) вызывает "резонансные" явления в энергопотоках внешней вселенной, что, по сути, и делает возможными высшие достижения дон-хуановской магии. Хорошо отработанный сталкинг фиксирует переместившуюся точку сборки в любом измененном положении, а это равнозначно полноценному восприятию и полноценному энергообмену в избранной позиции.

Безупречность

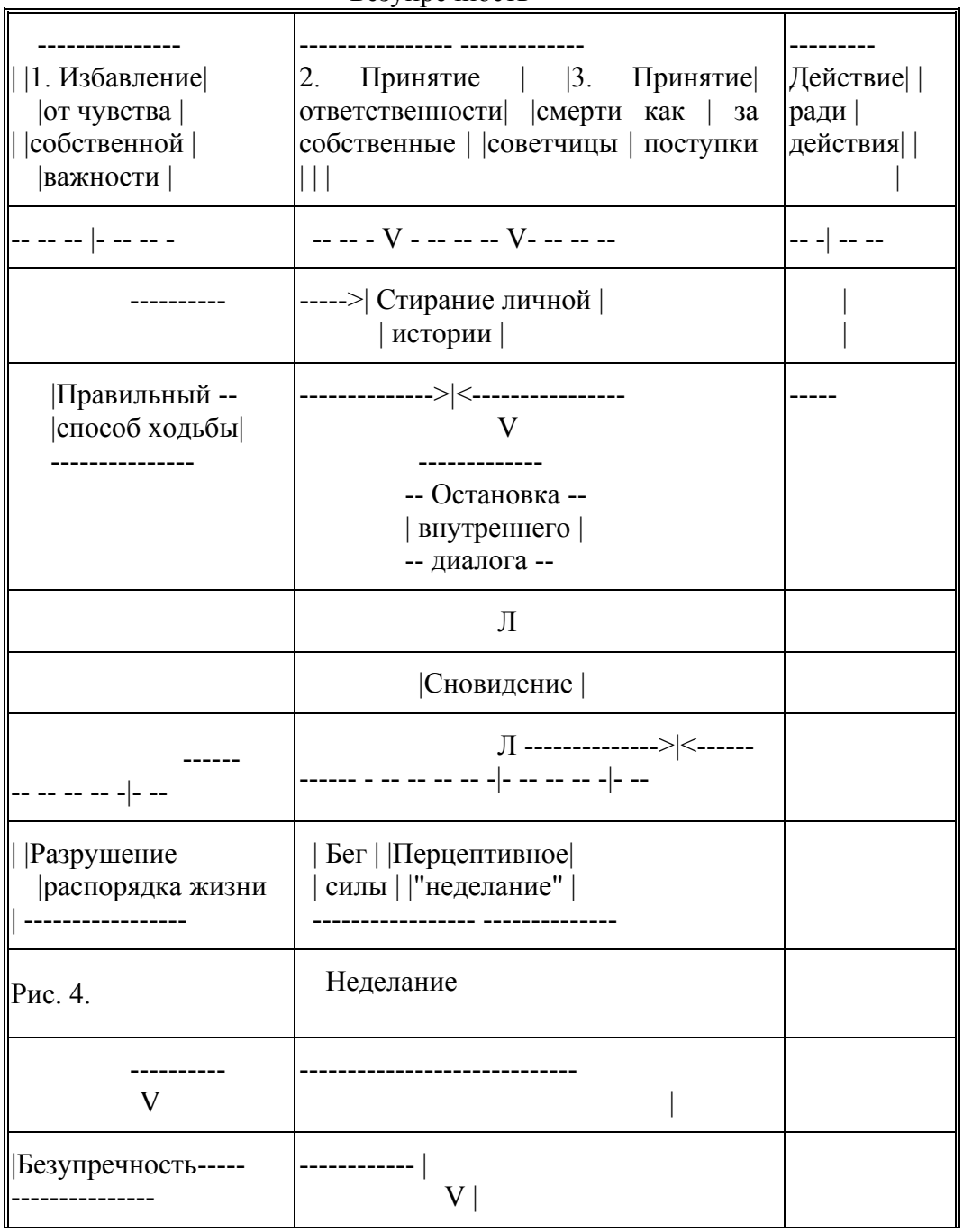


Рис. 4. Неделание

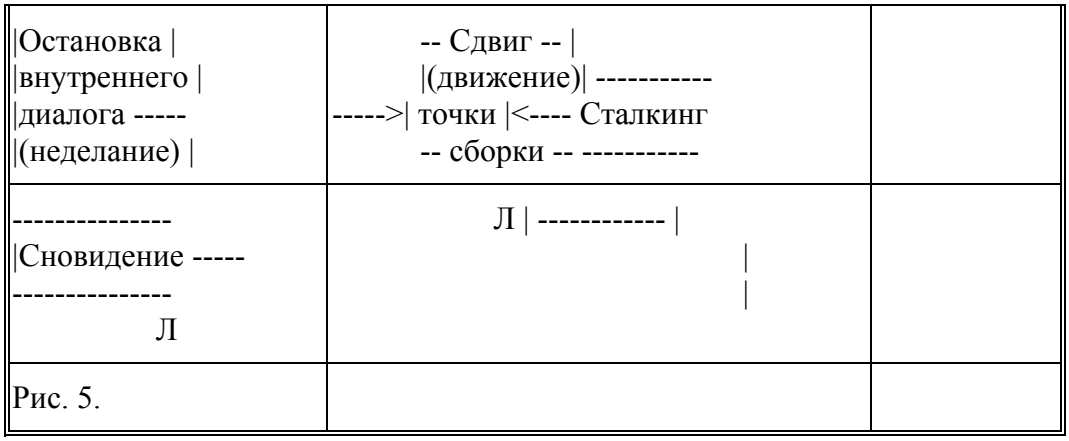


Рис. 5.

Обратите внимание на рисунки 4 и 5. Вы легко заметите, как тесно взаимосвязаны различные техники, приемы и дисциплины в том знании, что предлагает Карлос Кастанеда. Здесь участвует каждая методика, исполняющая свою задачу, которую необходимо разрешить для достижения конечной цели. Вы не найдете ни одного украшения, ни одной фантазии, рассчитанной на любителей поверхностных тайн. Даже "бег силы" - особый прием, позволяющий быстро бежать в полной темноте по пересеченной местности - оказывается приемом "разрушения" описания мира и способом пробуждения _второго внимания_, питающего _сновидение_. (Схема 4 составлена в соответствии с информацией К. Кастанеды - книга "Сказки о силе".)

Заключая раздел "Воины нагуаля", мы хотим еще раз подчеркнуть, что начало всякой магии (если это не фокусничество) лежит в самом факте _осознания_. Через _осознание_ мы предчувствуем Реальность, безмерную ее широту, бессмертие и свободу. Через осознание Реальности мы прозреваем в отношении самих себя и вычленяем _тональ_ как необходимую, но условную машину, недостаточно гибкую и полную противоречий. Если же мы становимся в позицию исследователя, то постепенно разбираем, отчего работает _тональ_ и каким именно способом. Результатом этих длительных и кропотливых исследований становится не только описание его внутренних проблем, но и - самое главное - разработка практических дисциплин, позволяющих устранить навязанные человеческой формой ограничения.

Тогда и выясняется, что режим восприятия теряет свою жесткость от разрушения "описания мира", от безразличия к смерти и собственной важности, а контролируемое и осознанное поведение (сталкинг) предохраняет пошатнувшийся тональ от депрессий и самоубийства. Практическое использование _сталкинга_ и _безупречности_, в свою очередь, вызывает спонтанную приостановку внутреннего диалога - и тут оказывается, что раскрывшееся безмолвие дает мощный толчок к переходу в другой, ранее неведомый режим восприятия. К тому же избыток перцептивной энергии, способность контроля над вниманием открывает индейскому магу удивительную страну снов, и _сновидение_ становится еще одной областью для применения безупречности и сталкинга. Так контроль проникает все глубже в психическое пространство личности.

Маг окончательно теряет "человеческую форму", делается "текучим" и вместе с тем - а это самое главное - вновь обретает утраченную целостность (res integra).

В таком состоянии маг приходит к единственному инструменту - _намерению_, и к бесконечному полю его бесконечной реализации (реализации онтологической, экзистенциальной) - Реальности, или _нагуалю_. Не к борьбе и не к власти - к чистому постижению движется он, следуя за вечной энергией бытия.

III
РЕАЛЬНОСТЬ НАГУАЛЯ

Мир - это тайна. И то, что ты видишь перед собой в данный момент,- еще далеко не все, что здесь есть. В мире есть еще столько всего!...

Дон Хуан

Ни из какой совокупности опыта нельзя вывести различие между реальностью и представлением о ней. Всякая реальность нам дана представлениями о ней. И сама мысль о там, что есть реальность и представление о ней и что одно отлично от другого, ниоткуда нами не может быть получена. Но она откуда-то приходит, и платоновское "вспомнить" один из путей, по которому она к нам приходит...

М. Мамардашвили

ГЛАВА 8. ВСЕЛЕННАЯ ОРЛА

"_Вид из окон (еще до сих пор не распахнутых)
на дорогу (которая, может быть, есть_)..."

Б. Окуджава

1. Видение Орла

Дон-хуановскую магию мы рассматриваем, в первую очередь, как особое искусство восприятия, и это вполне оправданно, если учесть, какое место занимает манипуляция перцептуальным аппаратом в данной дисциплине. Именно восприятие является фундаментальным процессом, обеспечивающим практическое освоение тех или иных энергетических полей Реальности, а проблема адекватности восприятия приобретает неслыханную прежде актуальность, от разрешения которой зависит не только реализация магических способностей, но и сама жизнь исследователя. Вопрос о познаваемости мира, остающийся в обычной жизни лишь предметом философских спекуляций и идеологических распрей, в системе дона Хуана - вопрос конкретный и прагматический. Не потому ли концепция "истинной пары" _тональ - нагуаль_ оказывается здесь необходимым основанием, требующим самого серьезного осмысления, в отличие от иных оккультных традиций, где гносеологические установки довольно расплывчаты и выглядят, скорее, метафизическим украшением, декларациями общего духа и настроения доктрины?

Когда условность _тонального_ восприятия выявлена, описание мира пересмотрено с новых позиций и отчуждено от субъекта из области неоспоримого переживания в область интеллектуальных или психологических проекций и схем, может показаться, что основная проблема разрешена - дальнейшее движение сводится к раскрепощенному постижению истинных форм или непосредственному резонированию нашей энергетической структуры со все большими областями океана Реальности. Но дело оказывается гораздо сложнее. В новой ситуации мы не только не можем избежать смятения от бесконечной череды сомнительных образов и деформированных впечатлений, но в еще большей степени подвержены ему. Иными словами, реальность мира _тоналя_ в полной мере лишается прежней незыблемости, а реальность _нагуаля_ - прежней мнимости, однако вместе с

обусловленностью восприятия пропадает и единственный известный нам критерий, который определял степень адекватности впечатлений _реальному_ состоянию бытия. _Реальность_ как психическое переживание оставляет нас навсегда вместе с приближением реальности онтологической. Мы постоянно вынуждены следить за тем, как передвигаемся от одного условного образа к другому, от одной перцептивной _кажимости_ к другой, и так без конца. Если же мы позволим себе забыться, принять что-либо на веру и с увлечением погрузиться в калейдоскопическую жизнь "потустороннего", расплатой станет новое рабство и бессмысленное кружение среди одних и тех же иллюзий.

Возможно ли вообще отделаться от _кажимости_? Скорее всего, нет. Если мы взглянем на _тональ_ шире, то согласимся, что он представляет собой не только сложную структуру психологических перцептивных ограничений, но и единственный аппарат, организующий сенсорную информацию в приемлемые для сознания конструкции. Помимо _тоналя_ восприятие Реальности хаотично, сумбурно и аморфно, а _внимание_ как процесс вообще невозможно. Более того, мы и в этом случае не можем рассчитывать на адекватность переживаний, ибо Реальность на самом деле не является простым хаосом или бескачественной однородностью вездесущих энергетических потоков, как представляется сознанию, лишенному интерпретационных механизмов. Как видите, _тональ_ неустраним. Дисциплина дона Хуана направлена на его трансформацию с целью достижения максимальной гибкости перцептивных процессов, на обогащение и обновление его интерпретационных ресурсов, и - главное - на избавление его от привязанности к единственному типу описания мира. Конечно, даже совершенно "свободный" _тональ_ вносит значительные искажения в восприятие, но этого порока не избежать никак - по этой причине _безупречность_ всегда остается неотъемлемой частью жизни мага, уберегает его от ошибок, связанных с подобными искажениями.

Таким образом, бесчисленные миры, оказывающиеся доступными нам благодаря движениям точки сборки, всегда бывают увидены "человеческим глазом" со всеми присущими ему представлениями. Если же фиксация точки сборки при этом недостаточно устойчива, то субъект, попадая в один и тот же мир, будет воспринимать его всякий раз совершенно отличным способом, полагая, что исследует новые области. Что же касается _сновидения_, то здесь власть _тоналя_ просто безраздельна: сновидец может наблюдать самые удивительные сцены и события, которые целиком относятся к продуктам его собственной психической деятельности, его творческое воображение способно породить такие замысловатые и удивительные галлюцинации, что участие в них покажется самым реальным и завораживающим приключением на свете. Как видите, _тональ_ принимает самое активное участие в восприятии на всех этапах дон-хуановской дисциплины, и воин вынужден смириться с этим, ибо другого способа работы не существует. _Беспристрастие_ и _трезвость_ ведут его сквозь полчища призраков _тоналя_.

Есть, правда, принципиально иной аппарат перцепции, с _тоналем_ не связанный. Формирование этого аппарата и активизация его - крайне важные задачи в системе дона Хуана. В данном случае мы имеем дело с весьма специфическим способом восприятия, именуемым здесь _видением_ (seeing). Прежде всего, следует заметить, что видение не имеет ничего общего с экстрасенсорными способностями, которые возникают и развиваются совершенно иначе, представляя собой в конечном счете расширенную модель того же тонального механизма. Есть основание полагать, что видение в дон-хуановском смысле - уникальный феномен, открытый и разработанный только в данной традиции; настолько тесно он связан своим происхождением с комплексом специфических техник и приемов, принятых у индейских магов. В книгах Кастанеды о видении сказано многое, но прежде чем рассмотреть этот вопрос более подробно, следует развеять один миф, который создал в голове Карлоса сам дон Хуан.

Дело в том, что великий маг вольно или невольно мистифицировал понятие видения (как проделывал и со многими другими идеями своей системы), но не совершил обычной в таких случаях демистификации - по крайней мере, Кастанеда об этом не сообщает. Видение так и осталось загадочным способом восприятия "сути вещей", "подлинной природы", т.е. Реальности, какова она есть вне человека. Обычно читатели понимают видение как совершенно непосредственное проникновение человека в Реальность помимо всякой интерпретации. Иначе говоря, видение - это созерцание чистого нагуаля без помощи тоналя, хотя дон Хуан прямо об этом нигде не говорит. Скорее, он называет видение одним из эффектов нагуаля, не более. Однако поверхностное понимание видения достаточно распространено среди любителей Кастанеды, а это, в свою очередь, ведет к искаженному представлению о нагуале вообще.

Видение, безусловно,- один из важнейших инструментов постижения нагуаля, самый эффективный метод перцептивного проникновения в него, но при этом имеет свой аппарат ограничений и свой набор интерпретационных схем. Можно сказать, что видением управляет свой собственный "тональ", имеющий, правда, совершенно иную структуру и во многом отличную природу. Другого просто не может быть. Сам принцип организованного восприятия (каким бы оно ни было) содержит в себе механизм, вносящий неизбежные искажения в обрабатываемый сигнал. Можно рассуждать лишь о масштабах искажений, причем только в области, касающейся наших прагматических интересов. С такой точки зрения совершенно ясно, что видение делает для нас доступным огромный объем информации, позволяющий в определенных границах ориентироваться, скитаясь по различным областям Реальности. Но даже реальность, постигаемая нами с помощью видения, не может быть совершенной картиной того, что есть - об этом важно помнить, так как данная глава посвящена, в основном, анализу результатов этого особого способа восприятия, представляющего мир в незнакомом, причудливом обличии. Через видение маг неуклонно приближается к Реальности, но не достигает ее. Наверное, есть лишь один способ достижения Реальности - уничтожение энергетической формы существа, только он вряд ли приемлем, ибо означает смерть - полную, безоговорочную и бесповоротную.

Что же говорит о видении дон Хуан в книгах Карлоса Кастанеды? Во-первых, он характеризует видение мира в форме "энергии" (подразумевая под этим полевые структуры, воплощающие фундаментальные характеристики бытия), а во-вторых, утверждает, что видение - самый адекватный способ воспринимать из всех способов, доступных человеку. И хотя дон Хуан неоднократно указывает, что эта способность - одно из наивысших достижений магии, он нигде прямо не заявляет, что видение является исчерпывающим постижением Реальности. С философской точки зрения абсолютизация-видения свидетельствовала бы о непоследовательности и противоречивости мировоззрения индейских магов. Конечно, дон Хуан - не философ, и его мало заботят логические конструкции или метафизические теории, однако сам дух учения, основные его предпосылки плохо согласуются с когнитивным идеализмом. Превознесение видения может быть оправдано лишь его уникальной прагматической ценностью - такой взгляд кажется нам наиболее уместным в данной системе.

"Дон Хуан объяснил, что важнейшим из достижений древних магов было обнаруженное ими умение воспринимать энергетическую сущность предметов, существ и явлений. Это глубинное прозрение имело столь существенное значение, что превратилось в основную предпосылку всего магического искусства. В наше время, подчиняя всю жизнь дисциплине и постоянно тренируясь, маги целенаправленно обретают способность воспринимать сущность вещей. Способность эту они называют _видением_.

- Какое значение для меня могла бы иметь возможность воспринимать энергетическую сущность вещей? - как-то спросил я дона Хуана.

- Это значит, что ты смог бы непосредственно воспринимать энергию, ответил он.- Отбросив ту часть восприятия, которая связана с социальными интерпретациями, ты сможешь воспринимать внутреннюю сущность чего угодно. Все, что мы воспринимаем, есть энергия. Но, поскольку мы не способны воспринимать ее непосредственно, без интерпретаций, мы обрабатываем результаты восприятия, подгоняя их под определенный шаблон. Этот шаблон и есть социально значимая часть восприятия, которую надлежит выделить и изолировать.

- Почему я должен ее изолировать?

- Затем, что она целенаправленно уменьшает объем потенциально возможного восприятия, заставляя нас быть уверенными в том, что реально существующее ограничено шаблоном, под который мы подгоняем свое восприятие. Я убежден, что для выживания человечества людям необходимо срочно изменить саму социальную основу своего восприятия.

- А какова социальная основа восприятия, дон Хуан?

- Физическая определенность, уверенность в том, что мир состоит из отдельных конкретных объектов. Я называю это социальной основой потому, что каждый человек прилагает серьезнейшие усилия, яростно пытаясь удержать свое восприятие мира в общепринятом русле.

- А как же тогда следует воспринимать мир?

- Все есть энергия. Вся Вселенная - это энергия. Должна измениться социальная основа нашего восприятия, само качество физической определенности должно стать иным. Нам следует обрести уверенность - именно физическую уверенность - в том, что не существует ничего, кроме энергии. Необходимо совершить усилие, достаточно мощное для того, чтобы изменить русло восприятия, заставив нас воспринимать энергию как энергию. Тогда обе возможности выбора будут в кончиках наших пальцев." (IX, 18-19)

Дальнейшие рассуждения дона Хуана на эту тему подтверждают, что, говоря о _видении_, он вовсе не имеет в виду абсолютную свободу восприятия от интерпретационного механизма. Учитель подчеркивает, что речь идет о двух способах интерпретации, пусть невероятно далеких друг от друга, но в основе имеющих общие структурные элементы: выделение сигнала, организацию сигналов в комплексы или "пучки", узнаваемость сигнала благодаря определенному "инвентаризационному списку". Таким образом, описание мира как метод его постижения остается неизбежным приемом даже на уровне _видения_:

"Восприятие сути всего заставит нас совершенно по-новому понять, _классифицировать и описать_ мир. И это _новое описание_ будет гораздо более захватывающим, чем привычное нам нынешнее, а его _язык_ - несравненно изощреннее и богаче. " (IX, 20) (_Курсив_ мой - А. К.)

Познакомившись с "новым описанием", вы легко согласитесь - это действительно нечто потрясающее. Не стоит лишь думать, что тайна мира разгадана, а подлинная Реальность предстала перед нами во всей своей красе. Строго говоря, "Реальность нагуаля" - не совсем верный заголовок для части, посвященной анализу этого аспекта дон-хуановского знания. Вездесущий и непостижимый блеск _нагуаля_ по-прежнему за пределами мысли и восприятия; только часть его беспредельной лучистости обрела дня мага смысл и одарила его своей свободой. Бездна _нагуаля_ всегда вовне, тайна его неисчерпаема, и осознание этого наполняет воина смирением и восторгом. Абсолют, которым мы дышим, который содержится в мельчайшей частице нашего естества,- бесконечно интимное и бесконечно далекое все, и этого положения ничем не исправишь. Возможно, особое очарование высшей магии дона Хуана заключается совсем не в манипуляциях энергетическими потоками, а как раз в вечных скитаниях по этой

грандиозной неопределенности, во все углубляющемся (но при этом всегда поверхностном) контакте с живой тканью таинственного организма Реальности, от которого исходит трепетное переживание неописуемого. И несмотря на то, что магическое описание мира с каждой книгой Кастанеды становится все более детальным и организованным, "сказки о силе" навеки останутся сказками - неувядающая свежесть Реальности охраняет их изначальное волшебство. Помня об этой невыразимой тайне, не станем поддаваться интеллектуальному искушению и воспримем дон-хуановский космос как рабочий инструмент для исследования бесконечности - без нелепых претензий на безусловную истинность, без суеверной наивности и догматизма, ибо все это глубоко чуждо свободному взгляду дона Хуана.

Прежде всего, мы постараемся объективно рассмотреть сам механизм _видения_, а затем - проанализировать _новое описание мира_, при помощи _видения_ составленное. И с самого начала мы повторяем исходную посылку: _видение_ не является постижением _нагуаля_, но лишь приближением к нему. Дон Хуан утверждал: "_Нагуаль_ - это не опыт, не интуиция и не сознание." (IV, 143) С другой стороны, мы пронизаны _нагуалем_, непосредственно являемся им, что и делает возможным бесконечное приближение восприятия. В определенном смысле можно утверждать, что _нагуаль_ - это наше тело, ибо в нем эффекты _нагуаля_ накапливаются безо всякой интерпретации, а потому именно через тело (энергетическую форму) осуществляется перцептивное проникновение в Реальность. ("Суть в том,- говорил дон Хуан,- что в момент смерти другой член истинной пары - _нагуаль_ - становится полностью действенным. Все осознание, воспоминания, восприятие, накопившееся в наших икрах и бедрах, в нашей спине, плечах и шее, начинают расширяться и распадаться. Как бусинки бесконечного разорванного ожерелья, они раскатываются без связующей нити жизни." - IV, 135) Все наше тело, будучи неотъемлемой частью Реальности, всесторонне связанной с нею, является, по словам дона Хуана, "воспринимающей единицей". Этот факт имеет самое непосредственное отношение к _видению_, ибо Кастанеда неоднократно убеждался на собственном опыте: _видение_ осуществляется без помощи глаз. Более того, этот способ перцепции вообще не связан ни с каким из органов чувств. Какой же вывод следует из такого удивительного факта? Если мы вспомним, как работает точка сборки, то обязательно усомнимся в ее непосредственном обеспечении _видения_. На наш взгляд, напрашивается вывод, что _видение_ не связано с функционированием точки сборки или с ее позицией. Дело в том, что эта структура по самой природе своей способна организовать лишь определенный объем сенсорных сигналов. _Тональ_ легко справляется с этим объемом (для чего он, собственно, и предназначен), распределяя информацию по основным перцептуальным каналам: визуальному, аудиальному, кинестетическому. Наблюдаемые иногда нарушения работы тоналя возникают в результате процессов _движения_ или _сдвига_ точки сборки, когда необходимая организация восприятий затруднена по причине быстрого прохождения через различные энергетические потоки. Обратная сторона того же процесса (т.е. произвольная дезориентация тонального механизма, что достигается остановкой внутреннего диалога) инициирует сдвиг точки сборки через разрушение силы фиксации, о чем уже было достаточно сказано. Если же точка сборки хорошо фиксирована, то она _в любой позиции_ сообщает тоналю именно тот объем информации, который он может успешно структурировать привычным для себя образом. Иными словами, визуальная информация всегда привязана к зрению, аудиальная - к слуху и т.д. И лишь _видение_ вызывает крайне странное переживание, упомянутое нами выше. Следовательно, в данном случае объем восприятия значительно _превышает_ привычную для тоналя массу сенсорных сигналов, и он не может распределить ее "нормальным" образом. Кастанеда сообщает в "Искусстве сновидения", что _видящие_ описывали область, где производится

осмысление поступающей информации, как кольцо усиленного свечения, расположенное непосредственно вокруг точки сборки. В случае _видения_ эта область, скорее всего, расширяется настолько, что позиция самой точки сборки уже не имеет никакого значения. И действительно: дон Хуан нигде не говорит, будто существует особое положение точки сборки, в которой возможно _видение_. Белее того, внимательный читатель может заметить, что _видение_ "включается" в самых разнообразных позициях точки сборки, как бы накладываясь на непривычную зону восприятия, но никак не привязываясь к ней.

Наконец, есть еще одна любопытная деталь, связанная с _видением_. Дон Хуан как-то сообщил, что древние маги добились этой способности в результате длительных экспериментов с растениями силы. Другими словами, _видение_ возникает как следствие многочисленных и разнообразных перемещений точки сборки. Это как раз и доказывает уникальность описываемого явления. Насколько нам известно, существует только два метода, ведущих к значительным сдвигам точки сборки: употребление растений силы и _сновидение_. Остановка внутреннего диалога сама по себе к подобным сдвигам не приводит, но лишь обеспечивает первоначальный толчок, который может быть использован по-разному. Медитативные техники, которые иногда вызывают экстрасенсорные восприятия, для достижения _видения_ совершенно недостаточны. Этим, в частности, и объясняется разительное несоответствие между дон-хуановским опытом и переживаниями известных экстрасенсов, сенситивов, "контактеров" и проч. Не нужно искать подтверждений кастанедовским описаниям в этом любопытном, но очень далеком от описываемой дисциплины типе восприятия. Подводя итоги, можно сообщить о _видении_ следующее:

Видение не связано с конкретной позицией точки сборки, но достигается в результате многочисленных ее сдвигов. Длительная практика, связанная с манипуляциями восприятием, образует в энергетическом коконе человека особую "зону следов" - область полевых структур, которая была в разное время актуализирована перемещениями точки сборки. _Видение_ осуществляется в момент спонтанного "включения" всей зоны. Объем восприятия при этом возрастает столь значительно, что это ведет к полному изменению его качества. По той же причине _тональ_ не может более участвовать в интерпретации воспринимаемых сигналов - мы знаем, как чутко он реагирует на всякие "перегрузки". Тем не менее, структурирование и интерпретация сигналов не прекращается. Скорее всего, это связано с активизацией более обширных энергетических механизмов, которые можно условно назвать _законами восприятия тела_. Функционирование точки сборки в этот момент прекращается, и ее работу по-своему начинает исполнять вся задействованная "зона следов": блоки и пучки эманаций собираются в иных, более широких масштабах, что приводит к восприятию гораздо более полному и адекватному. Реальность приближается к субъекту на целый шаг, но остается ограниченной специфическими законами восприятия энергетического тела. Благодаря этим законам _видящий_ способен идентифицировать различные структуры и прагматически использовать получаемую в процессе _видения_ информацию.

Из всего вышесказанного следуют выводы, вполне согласующиеся с разрозненными сообщениями на этот счет, которые можно отыскать у Кастанеды. Во-первых, _видение_ возможно в любой позиции точки сборки (в том числе, и обычной), благодаря чему использовалось доном Хуаном и другими магами (а также самим Кастанедой) в самых разнообразных ситуациях для получения необходимой информации. Во-вторых, _видение_ - это восприятие _тела_, а не тоналя, что объясняет полную свободу такого восприятия от конкретных органов чувств. Более того, данная концепция _видения_ нисколько не противоречит тем странным эпизодам в опыте Кастанеды, когда тональное восприятие оказывалось параллельным _видению_ (например, случившийся с ним

перцептивный феномен во время демонстрации "сестричками" своих магических достижений - V, 551-552.). В подобных случаях "зона следов" активизируется не столь интенсивно, и работа тоналя не полностью вытесняется более обширным сенсорным полем. Такой же тип частичного "прорыва" _видения_ можно усмотреть в известном описании "остановки мира" из книги "Путешествие в Икстлан". Очевидно, вытесненная и фрагментарная форма _видения_ постоянно сопровождает работу человеческого восприятия. Только спонтанное расширение зоны осознания может поднять _видение_ на поверхность психического пространства. В редких случаях мы сталкиваемся с подобными феноменами у обычным людей, что может быть связано с приемом галлюциногенов и другими сильными интоксикациями (например, восприятие объектов в виде массы светящихся точек или линий) либо с переживанием клинической смерти, когда "свечение осознания" распространяется на значительную область уже расслаивающегося энергетического кокона. Этим, скорее всего, и исчерпывается вторжение _видения_ в жизнь человека, никогда сознательно не работавшего со сдвигом своей точки сборки. ("Видения" мистиков и экстрасенсов, как мы уже говорили, имеют иную природу.)

Теперь, когда мы коснулись темы более совершенного способа восприятия, поучительно вспомнить точку зрения на этот счет Петра Демьяновича Успенского - популярного исследователя оккультизма, который в начале века (1913) издал любопытное сочинение "Tertium Organum. Ключ к загадкам мира." Исходя из теории многомерного пространства, этот исследователь высказал гипотезу о прямой взаимосвязи между аппаратом мышления и способом восприятия. Его рассуждения кажутся достаточно стройными, но больше всего интересны тем, что при всем своем интеллектуальном изяществе прямо противоположны как современным идеям, так и практическим наблюдениям. Любители оккультологических исследований могут извлечь из его книги (новое издание - СПб., 1992) полезный урок, который, может быть, заставит их более трезво взглянуть на многие умозрительные изыскания в этой области.

П. Д. Успенский, например, высказывает соображение, что трехмерное восприятие мира человеком связано с _ощущениями_, _представлениями_ и _понятиями_.Животные в силу неразвитого интеллекта могут оперировать только ощущениями и представлениями, а потому их восприятие _беднее_ человеческого: они видят мир в лучшем случае двумерным. Человек же составляет _понятия_, что и придает третье измерение его впечатлениям об окружающих объектах. Поэтому вполне логическим кажется предположение Успенского о том, что человеку следует развить какую-то более высокую способность разума (он называет ее _интуицией_) для восприятия пространства четырехмерного, затем еще более высокую способность для восприятия пяти измерений и т.д. Как видите, гипотеза стройная и внятная. Правда, при этом она совершенно не подтверждается практикой и наблюдением. Сегодня мы знаем, что новые возможности восприятия открываются благодаря "отключению" разума, а не его усовершенствованию. Мы также знаем, что восприятие многих животных _шире_ человеческого, и только его аморфность, связанная с примитивностью "описания", не позволяет биологической форме использовать это восприятие прагматически. Наконец, мы знаем, что экстенсивное развитие интеллекта ограничивает перцептивные возможности, а не расширяет их, как полагал П. Успенский. "Прогрессистский" дух его взглядов парадоксальным образом заводит нас в ловушку, наглядно демонстрируя, насколько далеки тональные представления о "развитии" от _реального_ положения дел. Ради этого урока мы и вспомнили давнюю гипотезу русского мыслителя - ведь и в наше время мы не испытываем недостатка в разнообразных "теориях", пусть немного более утонченных, но опирающихся на столь же условные представления человеческого _тоналя_. И религия, и философия, и наука - все так или иначе опирается на наш _способ восприятия_, не слишком желая

учитывать тот факт, что сам способ может изменяться. Дон-хуановское _видение_ - очень яркий тому пример. Мир одновременно _таков_, как мы его воспринимаем, и _не таков_, ибо любая перцептивная модель отражает его _частично_ - мы же склонны вести себя так, словно это отражение его исчерпывает.

"Итак, первая истина: мир таков, каким он выглядит, но в то же время он таковым не является,- продолжал дон Хуан.- Он не настолько плотен и реален, как мы привыкли считать, основываясь на своем восприятии, но в то же время он не является и миражом. Мир не иллюзорен, как иногда утверждают, он вполне реален. Но в то же время он н нереален. Обрати на это особое внимание. Тут недостаточно просто принять к сведению, тут необходимо понимание. Мы воспринимаем нечто. Это - точно установленный факт. Но то, что именно мы воспринимаем, не относится к числу фактов, столь же однозначно установленных. Ибо мы обучаемся тому, что и как воспринимать.

Имеется нечто, воздействующее на наши органы чувств. Это - та часть, которая реальна. Нереальная же часть суть то, что нам говорят об этом нечто наши органы чувств. Рассмотрим, к примеру, гору. Наши органы чувств говорят нам, что она - объект. Она имеет размер, цвет, форму. Мы даже подразделяем горы на вполне определенные категории. И здесь все верно, за исключением одной детали. Нам никогда не приходит в голову, что роль наших органов чувств весьма поверхностна. Способ, которым они воспринимают, обусловлен особым свойством нашего осознания. Именно это свойство заставляет их работать так, а не иначе...

- Термин "мир", - продолжал он,- я использую, чтобы обозначить все то, что нас окружает. У меня, разумеется, есть более удачный термин, но для тебя он будет совершенно непостижим. _Видящие_ утверждают, что мир объектов существует лишь постольку, поскольку наше осознание делает его таковым. В реальности же есть лишь эманации Орла - текучие, вечно меняющиеся, и в то же время неизменные, вечные." (VII, 294)

Мы подошли, таким образом, к центральной концепции _нового описания мира_. Орел и его эманации - совершенно особая тема в книгах Кастанеды. Она, несомненно, несет на себе отпечаток традиционного индейского мироощущения, восходящего к изначальным импульсам давнего мифологического мышления, но одновременно является продуктом новой, прагматической установки, неразрывно связанной с объективным исследованием и здоровым скепсисом практика-позитивиста. Такое странное сочетание неминуемо должно быть противоречивым, и эти противоречия буквально преследуют дона Хуана (и, следовательно, Кастанеду) во всех беседах о вселенной Орла. Удивительно наблюдать, как признание мифа колеблется на грани его отрицания, как отрицание молчаливо смиряется с традицией, чтобы тут же подвергнуть ее сомнению или даже осмеянию. Нигде (кроме, пожалуй, дзэн-буддизма) мы не встретимся со столь своеобразным отношением к продукту собственного учения. Быть может, именно здесь заключена самая яркая и убедительная иллюстрация к известному положению "воин верит, не веря". Как ни странно, противоречивое отношение магов к собственной космологической идее оказывается вполне последовательным воплощением фундаментального духа системы, а подчеркнутая неопределенность оценок - наилучшим доказательством _трезвости_ и _здравомыслия_ воина, так как особое "зависание" между верой и скептицизмом есть единственно возможный на практике подход в специфической дисциплине дона Хуана. Так как вселенная Орла не является метафизической конструкцией, а есть лишь систематическое описание _опыта_, то дон-хуановский "человек знания" неизбежно попадает в неловкое положение: он не может не учитывать собственный опыт, но и не может безоговорочно верить в него. Все оказывается _условно_ реальным и _условно_ нереальным, всюду царит сомнение при одновременном признании

истинности. Сравнив различные высказывания дона Хуана по поводу Орла и "мифа об Орле", вы легко заметите эту странность. Он постоянно подчеркивает эмпирический характер своего знания и тут же признает непостижимый характер его источника. О мифе он говорит прагматически, а живой опыт использует для подтверждения мифа - и не может поступать иначе. Этой призрачной форме традиция дона Хуана доверила сохранение знания, и до сей поры та прекрасно исполняла свое предназначение.

"Дон Хуан сказал, что древние видящие смогли _увидеть_ неописуемую силу, являющуюся источником бытия всех существ, хотя для этого им и приходилось подвергать себя невероятным опасностям. Эту силу древние видящие назвали Орлом, поскольку те немногие взгляды мельком, которые позволили им _увидеть_ эту силу, создали у них впечатление, что она напоминает нечто похожее на бесконечно огромного черно-белого орла. Они _увидели_, что именно Орел наделяет осознанием. Он создает живые существа таким образом, чтобы они в процессе жизни могли обогащать осознание, полученное от него вместе с жизнью. И еще они _увидели_, что именно Орел пожирает обогащенное осознание, отбирая его у существ в момент их смерти.

- И потому, когда древние видящие утверждали, что смысл жизни состоит в накоплении и развитии осознания,- продолжал дон Хуан,- речь шла не о вере и не о логическом умозаключении. Они это _увидели_.

Они _увидели_, как осознание живых существ отлетает в момент смерти и, подобно светящимся клубкам ваты, поднимается прямо к клюву Орла и им поглощается. И потому для древних видящих был очевиден факт смысл жизни всех существ - в обогащении осознания, которым питается Орел." (VII, 295)

По сути, дон Хуан вынужден иметь дело с трудным и неустойчивым синтезом далеких друг от друга взглядов. Ведь миф об Орле - это продукт древних магов, а дон Хуан и его линия относят себя к когорте новых видящих. И если миф до сих пор не сметен ревизионистским духом этих насмешливых скептиков, то лишь потому, что экзистенциально важная часть их опыта так и не нашла лучшей интерпретации. Никто из новых видящих, разумеется, не воспринимает буквально такие слова, как "сотворение" или "пожирание светимости осознания", но непостижимость и грандиозность Силы продолжает внушать им трепет - наверное, ничуть не меньший, чем впечатлительным магам древности. И миф живет - полупринятый, полуотчужденный, дань традиции свод практических указаний, до сих пор не утративших своей актуальности. Дон Хуан называл его также "правилом Нагваля". Вот как повествует об этом Кастанеда в книге "Дар Орла":

"Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орел или что-то, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для видящего она выглядит как неизмеримый иссиня-черный Орел, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность.

Когда видящий смотрит на черноту, являющуюся Орлом, четыре вспышки света освещают его сущность.

Первая вспышка, подобно молнии, помогает видящему охватить контуры тела Орла. Тогда можно видеть белые мазки, выглядящие как перья. Вторая вспышка молнии освещает колышущуюся, создающую ветер черноту, выглядящую как крылья Орла. С третьей вспышкой видящий замечает пронзительный нечеловеческий глаз. А четвертая, последняя вспышка открывает то, что Орел делает. Орел пожирает осознание всех существ, живших на земле мгновение назад, а сейчас мертвых, прилетевших к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего хозяина и причину того, что они жили. Орел разрывает эти маленькие осколки пламени, раскладывая их, как скорняк шкурки, а затем съедает, потому что осознание является пищей Орла.

Орел - сила, правящая судьбой живых существ,- видит всех этих существ сразу и совершенно одинаково. Поэтому у человека нет никакого способа разжалобить Орла, просить у него милости или надеяться на снисходительность. Человеческая часть Орла слишком мала и незначительна, чтобы затронуть целое.

Только судя по действиям Орла видящий может сказать, чего Орел хочет. Хотя Орла и не волнуют обстоятельства жизни любого живого существа, каждому из них он сделал _дар_." (VI, 140-141)

Именно здесь, на этой фразе, заканчивается оригинальная интерпретация _видения_, сделанная в незапамятные времена древними индейскими магами, и начинается _собственно миф_. Единственное допущение (вполне простительное, если учитывать уровень представлений наших далеких предков), будто Орел сознательно вмешивается в судьбы людей, хоть и не имеет для этого никаких причин, послужило фундаментом для целого корпуса идей. Древние видящие, не уделявшие специального внимания _безупречности_, очевидно, уступили общечеловеческой слабости искать смысл действий, оправдывая свое существование перед лицом вечности. Структура подобных мифов всегда достаточно тривиальна. Идея дара, ниспосланного человечеству высшими силами, настолько распространена среди различных культур, что может рассматриваться как архетипическая. Известное своеобразие в данном случае заключается лишь в том, что в мифологические одежды облачают конкретные практические рекомендации. Это касается, прежде всего, роли "Нагваля" и структуры "отряда магов". Но даже здесь не стоит терять трезвости и рассудительности, ибо мы не можем судить об эффективности древних рецептов в наше беспокойное время. Миф о _даре_ звучит так:

"Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него. Для того видящего, который видит проход, и для тех существ, которые прошли сквозь него, совершенно очевидно, что Орел дал этот дар для того, чтобы увековечить осознание.

Для того, чтобы к этой лазейке существовал проводник, Орел создал Нагваля. Нагваль - это двойное существо, которому было открыто правило, будь он в форме человека, растения или чего угодно живого. Нагваль уже по самой своей двойной природе стремится искать этот проход.

Нагваль приходит парами, образованными мужчиной и женщиной. Двойной мужчина и двойная женщина становятся Нагвалем только после того, как каждому из них будет открыто правило и каждый из них поймет и примет его полностью.

Глазу видящего Нагваль-мужчина или Нагваль-женщина видятся как светящееся яйцо с четырьмя отделами. В отличие от обычных людей, имеющих только две стороны - правую и левую, у Нагваля левая сторона разделена на две длинных секции, точно так же как и правая.

Орел создал первых Нагваля-женщину и Нагваля-мужчину и тотчас пустил их в мир _видеть_. Он снабдил их четырьмя женщинами-воинами, которые были сталкерами, тремя воинами-мужчинами и одним мужчиной-курьером, которых они должны были вести к свободе и заботиться о них." (VI, 141-142)

Далее Кастанеда сообщает, какие типы женщин и мужчин представляют собой воины магического отряда. Мы не станем их перечислять, но должны заметить, что представленные характеристики достаточно точны и конкретны. Кроме того, они опираются на вполне определенные особенности энергетической структуры человеческих существ, которые могут быть идентифицированы видящими, что позволяет избегать ошибок в определении того или иного типа. Эти подробности как раз и составляют главное своеобразие мифа, наделяющее его практической ценностью для современных магов.

"Следующий приказ, полученный Нагвалем и его партией, состоял в том, чтобы найти еще трех курьеров. Они могли быть женщинами или мужчинами либо же составлять смешанную группу. Чтобы быть уверенным, что мужчина-нагваль поведет свою партию к свободе, а не отклонится от пути и не окажется совращенным, Орел поместил женщину-нагваля в ином мире, чтобы она служила маяком, ведя всю партию к выходу.

Затем Нагвалю и его воинам было приказано забыть. Они было брошены во тьму, и перед ними поставили новую задачу: _вспомнить самих себя и вспомнить Орла_." (VI, 144)

Видно, недаром замечательный философ нашего времени Мераб Мамардашвили говорил о платоновской идее "воспоминания". Проникновение неосознаваемых восприятий в область сознания в самом деле подобно пробуждению памяти. Забытая целостность мироощущения и полнота жизни, словно бы данная нам изначально, а затем утраченная, после обнаружения грезится чем-то неуловимо близким, вечно обитавшим на окраинах внутреннего пространства. Идея утраченного знания напрашивается сама собой. Платон (да и многие другие мыслители), вероятно, переживал некое шевеление интуиции, воображая свою идеальную Реальность, и все люди могут испытать то же самое, если будут настойчиво прислушиваться к неясному гулу мироздания, живущего _помимо_ человека. Мы уже говорили о мифологеме "великого сна" - что это, как не перифраз "забытья", утраты чувства или сознания, утраты памяти? Каждое живое существо, взыскующее истины, приближается к ее порогу, ловит ее неотчетливый блеск, но, к несчастью, путается в способах понимания, придумывает собственный смысл и собственную красоту - на это уходят последние силы, из-за чего и не бывает решающего прорыва.

"Команда забыть была настолько сильной, что все разделились. В намерение Орла входило, что если они окажутся способными вновь вспомнить самих себя, то они обретут целостность... Их последней задачей после того, как они восстановят свою целостность, было разыскать пару двойных существ и преобразовать их в нового нагваля-мужчину и нагваля-женщину, открыв им правило.

И точно так же, как первый Нагваль, мужчина и женщина были снабжены минимальной партией. Они должны были снабдить новую пару Нагвалей четырьмя воинами-женщинами, которые представляли бы собой сталкеров, тремя воинами-мужчинами и одним мужчиной-курьером." (VI, 144)

Таким образом, согласно мифу, обеспечивается непрерывная линия магического знания. Правило дает довольно жесткие указания по поводу структуры отряда Нагваля и количества входящих в него воинов. Их должно быть 16: восемь воинов-женщин, четверо воинов-мужчин (вместе с Нагвалем) и четыре курьера, Семнадцатой становится женщина-нагваль из следующего цикла, которую отряд забирает с собой в иные миры.

"Я потребовал от дона Хуана объяснить, как правило стало известно человеку. Он растолковал, что правило бесконечно и охватывает каждую грань поведения воина. Интерпретация и накопление правила является работой видящих, чьей единственной задачей из века в век было видеть Орла, наблюдать за его бесконечным потоком. Из своих наблюдений видящие сделали вывод, что если светящаяся оболочка, содержащая человеческую форму, будет разрушена, то появится возможность найти в Орле слабое отражение человека. Невыразимые указания Орла могут быть восприняты видящими, правильно истолкованы ими и накоплены в форме свода правил." (VI, 145)

Если "правило" действительно выглядит мифом, то его интерпретация является своеобразным _преодолением_ мифологического мышления, как всегда трудным и постепенным, отражающим новые идеи и установки современных видящих. Кастанеда сообщает, что развитие воина подразумевало прохождение через три стадии понимания

правила. Дон Хуан, пишет он, "вел нас к принятию правила как карты, затем к пониманию того, что можно достичь высшего осознания, раз оно существует, и, наконец, привел нас к фактическому проходу в иной, скрытый мир осознания." (VI, 146)

Иными словами, вместе с движением воина по пути его понимание правила делается все более конкретным, с одной стороны, ибо из идеи превращается в живой опыт, а с другой стороны - все менее догматичным, менее жестким, так как учитывает бесконечное разнообразие нюансов.

"Он сказал, что существует два типа интерпретаций - универсальная и индивидуальная. Универсальное толкование принимает установки основного отдела правила такими, какие они есть. Для примера можно было бы сказать, что Орлу нет никакого дела до человеческих действий, и все же он предоставил человеку проход к свободе.

Индивидуальная же интерпретация является тем заключением, к которому приходит видящий, используя универсальные интерпретации как исходные посылки. Например, поскольку Орлу нет до меня никакого дела, я должен убедиться, что мои шансы достичь свободы возрастают, быть может, благодаря моей решительности." (VI, 147)

Вы, конечно, заметили, как далеко может увести подобная установка в интерпретации. По сути, миф незаметным образом разоблачается, его превращают в условность ("которая, может быть, есть"), поскольку непреложным остается лишь исходное положение о существовании _свободы_, или "высшего типа осознания", пути же к этому состоянию достаточно индивидуальны, хотя и опираются на общее направление.

В последних книгах Кастанеда мало говорит об Орле. Нам кажется, что он, во многом оставаясь человеком европейского духа, не испытывает сильной нужды в этом индейском мифе. Теперь Карлос в большей мере склонен подчеркивать, что вышеописанные взгляды относятся к далекому прошлому. Скажем, обратите внимание на тон следующего замечания:

"Дон Хуан сказал, что использование перепросмотра магами прошлого объясняется их убежденностью в том, что во вселенной существует неподдающаяся восприятию могущественная сила, наделяющая все существа осознанием и жизнью. Под воздействием той же силы существа погибают, тем самым возвращая ей заимствованное ранее осознание, усиленное и обогащенное их жизненными переживаниями. Дон Хуан сказал, объясняя точку зрения магов прошлого, они верили, что поскольку эта сила заинтересована именно в наших переживаниях, то очень важно насытить ее копиями нашего жизненного опыта, получаемыми в ходе перепросмотра. Удовлетворившись тем, что она ищет, эта сила затем освобождает магов, давая им возможность развивать свои чувства и тем самым достигать самых удаленных частей времени и пространства." (IX, 192)

Наверное, вы заметили, что Карлос явно осторожничает, никак не выражая собственного отношения к точке зрения магов далекого прошлого. Исследование продолжается, так что разумнее воздержаться от поспешных суждений.

Завершая тему мифа об Орле в учении дона Хуана, следует, пожалуй, сказать о собственно антропологической стороне дела. Как известно, культура американских индейцев во многом остается загадкой для современных исследователей. Скудные сведения, которыми располагает американистика, добыты в основном благодаря археологическим раскопкам, образцам настенной письменности, обнаруженным в храмах и пирамидах, сообщениям "информаторов" (т.е. культурных представителей индейских племен, сохранивших часть наследия своих цивилизаций и добровольно поделившихся этим знанием с завоевателями, вроде известных "информаторов" любознательного монаха Саагуна, собравшего ценные сведения еще в самом начале Конкисты - в XVI веке) и

нескольким уцелевшим "кодексам" - рукописным хроникам ацтеков. К несчастью, фанатичные конкистадоры уничтожили огромное количество индейских книг, полагая, что их содержание - "богопротивное и еретическое".

На сегодняшний день американистам не известно об особом культе Орла в районе Центральной и Южной Америки, где, судя по всему, зародилась самая древняя и самая развитая из индейских культур. Правда, у ацтеков и майя, испытавших значительное толтекское влияние, был широко распространен культ бога Солнца (у ацтеков - _Тонатиу_). Предполагается, что одним из символов бога Солнца был Орел, хотя некоторые исследователи придерживаются мнения, что Орел просто символизировал отвагу и мужество. Как и в большинстве случаев, когда речь заходит о древних цивилизациях Америки, мы вынуждены опираться на догадки. Что, скажем, обозначает скульптурное изображение "спящего бога", раскопанное в Толлане (Туле) - предполагаемом центре толтекского государства? Подобные скульптуры были также обнаружены в тех городах майя, где влияние толтеков было наиболее значительным. Быть может, это _сновидящий_ бог? Кроме того, никто не знает, почему у этих каменных сновидцев большое отверстие в области живота. Есть предположение, что туда складывали жертвы. Возможно. Хотя дон Хуан, наверное, сказал бы, что они изображают открывшийся "просвет" энергетического кокона в момент включения _второго внимания_. Неизвестно также, что символизируют восемь "атлантов" фигур из известного храма в Толлане. Представители дон-хуановской традиции, по сообщению Кастанеды, считают их женщинами-воинами из отряда древних индейских магов и приписывают им определенные функции (см "Дар Орла").

Таким образом, мы можем находить некие намеки или отдельные параллели среди разрозненных останков "высоких культур" Америки (толтеков, ацтеков, майя), но не располагаем ни одним антропологическим фактом, прямо подтверждающим наличие описанной традиции в данном этническом пространстве. Разумеется, такое положение ничего не доказывает и ничего не опровергает. Доводы, приводимые скептиками, как нам кажется, в гораздо большей степени основаны на самом скептицизме, чем на серьезном научном материале. В то же время, исходя из высокого развития философской и оккультной мысли у древних индейцев нагуа, следует сказать, что магическое знание такого рода _могло быть ими создано_. По крайней мере, это вполне согласуется со своеобразной идеей _нагуаля_ как двойника человеческого существа, наделенного магическими способностями, - идеей, широко распространенной среди наследников толтеков, чему есть реальные исторические свидетельства. Так, Дэниэл Бринтон в своей книге "Нагуализм" цитирует епископа Чьяпас (Chiapas), который еще в давние времена покорения Мексики преследовал индейских колдунов:

"Нельзя утверждать, будто все они по-прежнему во власти Дьявола, однако продолжают до сих пор сотрудничать с ним - превращаются в тигров, львов, буйволов, во вспышки света и огненные шары. Исходя из признаний этих грешников, можно говорить об их телесной связи с Дьяволом, которая осуществляется через их _нагуаля_."

Особенно любопытным представляется нам упоминание об "огненных шарах" и "вспышках света", которое не совсем укладывается в традиционные представления христианских священников Европы о колдовстве и сотрудничестве о дьяволом. Например, "Молот ведьм" о подобных проказах умалчивает, что лишний раз подтверждает глубокую оригинальность индейской дисциплины. Нам кажется, что исток такой оригинальности лежит в уникальной концепции _тоналя_ и _нагуаля_, понятой в рамках теории восприятия. Культурные параллели, о которых упоминают некоторые авторы (в частности, Дональд Ли Вильямс связывает тональ и нагуаль с египетскими Ка и Ба, а также китайскими _куэй_ и _шин_), представляются в данном случае не вполне уместными. И

если уж рассуждать об "архетипической тенденции образовывать такие идеи", то только в аспекте подсознательного переживания внутренней двойственности, полностью абстрагируясь от реального содержания этой двойственности, а оно как раз и определяет степень проникновения данной культурной традиции в "сущность вещей" - странную и многоликую вселенную Орла.

2. Эманации Орла

> _Истины, о которых я тебе рассказываю, вовсе не требуется защищать, тем более - с пристрастием. Эти истины были сформулированы, чтобы облегчить воину путь к просветлению, а вовсе не затем, чтобы служить сентиментальным откровением личной веры_.
>
> Дон Хуан

Основным элементом энергетической вселенной, постигаемой при помощи _видения_, являются _эманации Орла_. Это очень широкое понятие, поскольку включает в себя любые виды или структуры бытия, каковые известны нам в состоянии обычного восприятия, но при этом всесторонне превосходит их, дополняет и встраивает в бесконечно разнообразное целое. Фактически, такой космос разделяется на две глобальные сферы: источник энергии (Орел) и истекающая из него энергия (эманации). Для видящих _эманации_ являются простейшими структурами или элементарными объективациями единой Силы в пространстве и во времени. Интерпретируются они как своеобразные "светящиеся нити", и это выглядит по-своему логично, поскольку иная форма (например, точка или сфера) для всякого перцептуального аппарата (который по природе своей воплощает _отдельность_ или _ограниченность_) не выражает вездесущего проникновения и бесконечности. Именно _линия_, а не точка представляет собой единицу Силы, развернутой в пространстве-времени, т.е. элементарную _актуализацию_ Силы. Точка, скорее, выражает чистую) потенциальность а плоскость некую структуру или разновидность ткани, т.е. следующую ступень развертки энергии. Схематическое описание вселенной Орла приведено Кастанедой во введении к книге "Сила безмолвия". Оно довольно лаконично и охватывает основные принципы нового "инвентаризационного списка":

"1. Вселенная является бесконечным скоплением энергетических полей, похожих на нити света.

2. Эти энергетические поля, называемые эманациями Орла, излучаются из источника непостижимых размеров, метафорически называемого Орлом.

3. Человеческие существа также состоят из несчетного количества таких же нитеподобных энергетических полей. Эти эманации Орла образуют замкнутые скопления, которые проявляются как шары света размером с человеческое тело с руками, выступающими по бокам, и подобные гигантским светящимся яйцам.

4. Только небольшая группа энергетических полей внутри этого светящегося шара освещена точкой интенсивной яркости, расположенной на поверхности шара.

5. Восприятие имеет место, когда энергетические поля из этой небольшой группы, непосредственно окружающие точку яркого сияния, распространяют свой свет и освещают идентичные энергетические поля вне шара. Поскольку воспринимаются только те поля, которые озарены точкой яркого сияния, эта точка называется "точкой, где собирается восприятие" или просто "точкой сборки".

6. Точка сборки может быть сдвинута со своего положения на поверхности светящегося шара в другие места на поверхности или внутри шара. Поскольку свечение точки сборки может озарить все энергетические поля, с которыми она приходит в контакт, она немедленно высвечивает новые энергетические поля, делая их воспринимаемыми. Это восприятие известно как _видение_. (Нам кажется, что в данном случае автор толкует _видение_ иначе, чем дон Хуан, возможно, желая упростить понятие.- А. К.)

7. Когда точка сборки смещается, становится возможным восприятие совершенно иного мира - такого же объективного и реального, как и тот, который мы воспринимаем обычно. Маги отправляются в этот другой мир, чтобы получить силу, энергию, решение общих и частных проблем, или для встречи лицом к лицу с невообразимым.

8. _Намерение_ - это проникающая сила, которая дает нам возможность восприятия. Мы осознаем не благодаря восприятию - скорее, мы воспринимаем в результате давления и вмешательства _намерения_.

9. Целью магов является достижение полного осознания для того, чтобы овладеть всеми возможностями, доступными человеку. Эго состояние осознания предполагает даже совершенно иной способ ухода из жизни." (VIII, 13-14)

О существовании каких-то нитей, используемых магами то ли для восприятия, то ли для передвижения, мы слышали от Кастанеды, начиная с его второй книги. Объяснения, приводимые автором, всегда были либо недостаточно полными либо маловразумительными. Возможно, дон Хуан сознательно прибегал к упрощениям, беседуя с Карлосом в его обычном состоянии сознания, либо тому виной недостаточно ясное понимание самого Кастанеды. Впрочем, когда дело доходит до принципиально невербализуемого опыта, условность описаний и разночтения метафорических оборотов - явление вполне естественное. Это особенно заметно, когда со "светящимися нитями" связывается понятие _нагуаль_. Тогда может возникнуть впечатление, что _нагуаль_ - это и есть совокупность особенных нитей энергии, что, конечно же, совсем не так, ибо подобное заявление сводит Реальность лишь к одному из способов ее интерпретации. Такое сбивающее с толку утверждение, например, можно найти в эпизоде из четвертой книги, где дон Хуан и Хенаро заставляют Карлоса двигаться в _теле сновидения_, совершая прыжки с обрыва:

"Оба они стали повторять одни и те же слова. Они говорили, что я не должен бояться, что у меня есть длинные мощные нити, которые существуют не для того, чтобы защищать меня, потому что защищать нечего, и не для того, чтобы обороняться, они здесь для того, чтобы вести меня в моем восприятии _нагуаля_, как мои глаза ведут меня в моем нормальном восприятии _тоналя_. Они сказали, что мои нити находятся повсюду вокруг меня, что благодаря им я могу воспринимать все сразу и что одной-единственной нити достаточно, чтобы прыгнуть в ущелье или чтобы прыгнуть со дна ущелья на скалу.

Я слышал все, что они шептали. Каждое слово, казалось, имело для меня свое особое значение. Я мог ухватить каждый его оттенок, как если бы я был записывающим устройством. Они оба уговаривай меня прыгнуть на дно ущелья. Они сказали, что я должен вначале ощутить свои нити, затем изолировать одну, которая ведет вниз на дно унынья, и следовать ей." (IV, 262)

Если вы помните, в четвертой книге Кастанеды тема _сновидения_ впервые освещается достаточно подробно. Эпизод, который мы привели, несомненно, относится к практическому использованию навыков, полученных в _сновидении_, на фоне бодрствующего сознания. О _теле сновидения_, о его особой роли в подобных упражнениях мы еще поговорим в следующей главе, сейчас же важно отметить два момента, связанных с устройством энергетической вселенной Орла. Во-первых, человеческий кокон не есть замкнутая форма, помещенная в океан внешних полей, но

представляет собой нечто вроде клубка, состоящего из множества нитей, входящих в него извне и туда же возвращающихся. Эта всесторонняя открытость структуры при внутренней ее стабильности позволяет осуществлять постоянный и полноценный энергообмен, который в противном случае был бы просто невозможен. Во-вторых, восприятие, следующее за этими нитями (т.е. элементарными полевыми структурами, составляющими самую сущность пространства-времени), является фактическим перемещением энергии в пространстве, и только от тренированности _внимания_ и _личной силы_ зависит объем посылаемой по этим полям энергии.

От объема энергии, движущейся в нитевидном поле, зависит яркость, или _светимость_ структуры в глазах видящих. Наиболее яркими же формами оказываются те, в которых сосредоточено _осознание_. Можно предположить, что это связано с энергетическим процессом, соответствующим нашему представлению о саморефлексии. Два встречных потока энергии (т.е. сам поток и его отражение) движутся в одном нитевидном поле, и именно это явление называется _осознанием_. Такой процесс лежит в основе функционирования точки сборки.

"Дон Хуан рассказал, что после того, как древние маги _увидели_ точку сборки с окружающим ее сиянием и составили представление о их вероятной функции, они приступили к разработке объяснения. Они предположили, что, фокусируя сферическое сияние на энергетических нитях вселенной, непосредственно сквозь это сияние проходящих, точка сборки человеческих существ автоматически без какого бы то ни было предварительно осознанного намерения собирает эти нити или волокна, формируя из них устойчивую картину воспринимаемого мира.

- Но каким образом волокна, о которых ты говоришь, могут быть собраны в устойчивую картину воспринимаемого мира? - спросил я.

- Этого не может знать никто,- ответил дон Хуан.- Маги _видят_ движение энергии. Но _видеть_ ее движение недостаточно, чтобы сказать, как и почему это происходит.

Дон Хуан утверждал, что, после того, как они _увидели_ миллионы сознательных энергетических волокон, проходящих через точку сборки, древние маги сформулировали постулат, гласивший: проходя сквозь точку сборки, волокна собираются в пучок под действием окружающего точку сборки сияния. _Увидев_, насколько сильно меркнет это сияние у людей, находящихся без сознания или при смерти, и как оно полностью исчезает у мертвецов, древние маги пришли к убеждению, что это сияние и есть свечение осознания." (IX, 24)

Тем не менее, восприятие эманаций Орла неописуемо. Хотя мы и вовлечены здесь в определенный способ интерпретации, он оказывается шире той совокупности знаков, что предлагает нам язык. Можно, конечно, использовать некие термины (что и приходится делать дону Хуану), однако возможность _узнаваемости_ знака заключается не в нем самом, а в _общности опыта_, которому приписывается избранный знак. Существа способны обмениваться информацией только в том случае, если их переживание мира подобно, иначе коммуникация оказывается бессодержательной, состоящей из абстрактных форм, не доступных идентификации.

"Нет никакой возможности описать словами, что в действительности представляют собой эманации Орла,- пояснил он. - _Видящий_ должен _увидеть_ их сам.

- А ты их видел, дон Хуан?

- Разумеется. Но, тем не менее, я не сумею рассказать тебе, что это такое. Просто присутствие чего-то, как бы масса какого-то качества или состояния, давление, которое ослепляет. Можно лишь мельком взглянуть на них, впрочем, как и на самого Орла." (VII, 297)

В предыдущем разделе этой главы достаточно было сказано о принципиальных отличиях перцептуального аппарата _видения_ от законов восприятия _тоналя_, а также о том, что даже _видение_ не сообщает человеку облик подлинной Реальности. Дон Хуан недвусмысленно подтверждает эту идею (которая так близка агностикам), исходя из многовековой практики _видения_:

"Орел не имеет никакого отношения к визуальному восприятию. Видящий воспринимает Орла всем своим телом, всем своим существом. В каждом из нас присутствует нечто, способное заставить нас воспринимать всем телом. Видящие объясняют процесс _видения_ Орла очень просто. Человек составлен эманациями Орла. Поэтому для восприятия Орла он должен обратиться к самому себе, к своим собственным составляющим. Вот тут и возникают сложности, связанные с осознанием: оно запутывается. И в критический момент, когда эманации внутри и эманации вовне должны просто обнаружить взаимное соответствие, осознание вмешивается и принимается за построение интерпретаций. В результате возникает видение Орла и его эманаций. _Но в действительности ни Орла, ни его эманаций не существует_. Уяснить же истинную сущность того, что существует на самом деле, не в состоянии ни одно живое существо." (VII, 297-298)

Даже "человек знания", достигший невероятных способностей благодаря восприятию и освоению энергетических полей Вселенной может сказать о мире лишь одно: _он есть_. Какова же она, реальность нагуаля, не знает никто. Тайна мироздания становится особенно впечатляющей, когда вспоминаешь, что эманации Орла наделены _осознанием_:

"[Маги древности] говорили, что сущность вселенной напоминает светящиеся нити, протянувшиеся во всех мыслимых и немыслимых направлениях из бесконечности в бесконечность - светящиеся волокна, _обладающие собственным, непостижимым для человеческого ума самоосознанием_." (IX, 21)

Это, разумеется, не означает, что Орел - живое и разумное существо, "пожирающее" светимость всего живого вокруг себя. Дон Хуан с естественным недовольством говорит о тех "жалких людишках", "сентиментальных глупцах", которые стали _видящими_ по воле случая и привнесли в новую интерпретацию вселенной всю массу собственных слабостей и предрассудков. Учитель Кастанеды считал, что именно такие _видящие_ навязали своим последователям образ Орла, пожирающего человека в момент смерти. "Потом он сказал, что в таком варианте описания налицо некоторая ущербность и что лично ему не нравится идея относительно чего-то, нас пожирающего. С его точки зрения точнее было бы говорить о некоей силе, притягивающей осознание существ подобно тому, как магнит притягивая опилки. В момент смерти под действием этой грандиозной силы происходит дезинтеграция всего нашего существа.

И вообще нелепо представлять такое явление в виде пожирающего нечто Орла, поскольку неописуемое таинственное действо превращается тем самым в тривиальное принятие пищи." (VII, 299)

Отдельный и довольно интересный аспект описания вселенной Орла представляет структурная развертка эманаций. Многообразие воспринимаемых магами миров связано как раз с тем фактом, что эманации Орла распределены в пространстве неравномерно, образуя огромные пучки. Древние видящие назвали эти пучки _большими полосами эманаций_.

Нет смысла пытаться представить себе пространственные соотношения между этими полосами, поскольку их расположение вне трехмерного восприятия человека. Собственно говоря, подобные структуры нельзя даже называть полосами - это еще один условный термин, иероглиф, за которым скрывается непостижимое. Неоднородность распределения энергии в пространственно-временном континууме сама по себе является вряд ли

объяснимой объективностью - загадка такого устройства мира в данном случае смыкается с изначальной тайной самого бытия. Очевидно, рассуждая о фундаментальных принципах вселенной (будь то в рамках современного естествознания или самого утонченного оккультизма), мы выходим за пределы вопрошания в ту область, где бессилие интеллекта, всегда интерпретирующего не опыт, а собственные образы _опыта_, делается совершенно явным.

Дон Хуан утверждает, что структура полос связана с типом энергетических форм, который этими полосами порождается. Число полос бесконечно, но для обитателей Земли доступны сорок восемь подобных пучков. "Для _видящего_ это значит, что на земле присутствует сорок восемь типов организации, сорок восемь блоков или структур. Одной из этих структур является органическая жизнь. - Получается, есть сорок семь типов неорганической жизни? - Нет, вовсе нет. Древние видящие насчитали семь полос, производящих неорганические пузыри осознания. Иначе говоря, существует сорок полос, формирующих пузыри, не обладающие осознанием. Эти полосы генерируют только организацию." (VII, 395)

Неорганическая жизнь - тема отдельная. Неорганические существа, наделенные осознанием, являются объектом специального внимания мага. Его контакты с этими странными энергетическими формами оказывают серьезное влияние на практику, из-за чего древние исследователи нагуаля назвали их "союзниками". Восемь полос, на которых возможно развитие осознания, пересекаются с тремя гигантскими пучками особой энергии. Дон Хуан утверждает, что эти пучки и порождают жизнь. "Орел порождает осознание посредством своих эманаций",- говорит он.

"Его ответ заставил меня вступить в спор. Я сказал, что "Орел порождает осознание посредством своих эманаций" звучит так же, как "Бог порождает жизнь посредством своей любви". Типичное для религиозного человека утверждение, однако сказать так - значит ничего не сказать.

- В основе этих двух утверждений лежат две различные точки зрения, сказал дон Хуан.- Хотя я думаю, что оба они - об одном. Разница в том, что _видящий_ _видит_, как Орел порождает осознание посредством своих эманаций, а человек религиозный не _видит_, как Бог порождает жизнь посредством своей любви.

И он рассказал, что Орел порождает осознание с помощью трех гигантских пучков эманации, проходящих сквозь восемь больших полос. Пучки эти обладают особым свойством: они позволяют видящему воспринимать оттенки. Один пучок производит ощущение бежевато-розового цвета, похожего на цвет света уличных фонарей. Цвет второго пучка - персиковый. Он подобен цвету желтых неоновых ламп. Третий пучок - янтарного цвета, подобного цвету чистого меда.

- Таким образом, когда _видящий_ _видит_, как Орел порождает осознание, он _видит_ цвет,- продержал дон Хуан. - Люди религиозные не _видят_ Господней любви. А если бы _видели_, то знали бы - она либо розовая, либо персикового цвета, либо цвета янтаря. Человек, например, относится к янтарному пучку. Впрочем, к этому пучку относятся и другие существа." (VII, 396)

По дону Хуану, в нашей полосе эманации розовому цвету соответствует жизненная энергия растений, а персиковому - энергия насекомых. В остальных семи полосах три пучка дают начало различным типам неорганической жизни. В связи с этим он коснулся особенностей энергетической структуры этих странных созданий:

"Затем дон Хуан рассказал, что внутри оболочек неорганических существ, формируемых семью другими полосами осознания, отсутствует движение. Они выглядят как бесформенные сосуды, обладающие очень слабой светимостью. Их оболочки совершенно не похожи на коконы органических существ. Они не обладают упругостью,

качеством наполненности, благодаря которому органические существа напоминают шары, буквально распираемые изнутри энергией.

И единственное сходство между неорганическими и органическими существами заключается в том, что и в тех и других присутствуют либо розовые, либо персиковые, либо янтарные эманации, порождающие осознание.

- Благодаря этим эманациям,- продолжал дон Хуан,- существа восьми полос при определенных обстоятельствах могут вступать в исключительно интересное общение." (VII, 398)

Как мы уже говорили, остальные сорок полос не порождают жизни или осознания, а формируют исключительно неживые энергетические структуры. Древние видящие именовали их _сосудами_, в отличие от коконов живых существ. Дон Хуан объяснял, что сосуды характеризуются отсутствием собственной светимости и абсолютной стабильностью конфигураций.

"Тебе следует усвоить: все, что есть на земле, обязательно в чем-либо содержится... И все, доступное нашему восприятию, всегда составлено из частей коконов или сосудов, наполненных эманациями. Резервуары неорганических существ мы, как правило, не воспринимаем вообще." (VII,
399)

Сочетания больших полос эманаций формируют в нашем восприятии цельные и замкнутые миры. Разумеется, это связано с ограниченным объемом сенсорных сигналов, который может обработать _тональ_ посредством точки сборки. Таким образом, _полоса_ не является миром в качестве перцептивного целого. Природа полос, очевидно, не связана с восприятием вообще и относится к "нечеловеческой" целокупности мироздания. Об этом сказано так:

"Мир в целом образован сорока восемью полосами. Мир, который наша точка сборки предлагает нашему нормальному восприятию, составлен двумя полосами. Одна из них - органическая полоса, вторая - полоса, обладающая структурой, но не имеющая осознания. Остальные сорок шесть больших полос не относятся к миру, который мы воспринимаем, находясь в нормальном своем состоянии...

Существуют и другие законченные миры, которые могут быть собраны нашей точкой сборки,- продолжил он.- Древние видящие насчитали семь таких миров
- по одному на каждую полосу осознания. От себя могу добавить: два из них, не считая обычного мира повседневной жизни, воспринимаются довольно легко. С остальными пятью дело обстоит несколько иначе." (VII, 399-400)

Приведенная здесь информация, разумеется, не исчерпывает бесконечного разнообразия вселенной Орла. Следует помнить, что продвинутый маг не ограничен земными сочетаниями полос - путешествия в _теле сновидения_ открывают ему доступ к самым далеким участкам энергетического спектра. Можно лишь гадать, есть ли вообще пределы для магических странствий, особенно если учесть те невообразимые источники энергии, что оказываются в распоряжении дон-хуановского воина на определенном этапе его развития - например, "энергия Земли", неоднократно упоминавшаяся Кастанедой, о которой мы скажем несколько слов в этой главе.

Хотелось бы упомянуть еще об одном явлении в энергетической вселенной Орла. На наш взгляд, Кастанеда говорит о нем недостаточно ясно, но мы все же попытаемся разобраться. Дело в том, что помимо больших полос эманаций существует некая полоса, весьма незначительная по сравнению с ними, однако крайне важная для нашей природы. Потому она и называется _человеческой полосой_. Эта формация под углом пересекает светящийся кокон человека и представляет собой особую плоскость, состоящую из цепочки нитевидных полей, освещенных собственной энергией в большей степени, чем

остальные эманации человеческого кокона. На этой полосе и расположена точка сборки. Можно сказать, что она представляет собой энергетическую проекцию психического пространства человека, потому что только в данной плоскости точка сборки может собирать восприятие по типу тонального. Дон Хуан сравнивал человеческую полосу с диском, находящимся внутри шарообразной светимости кокона: "Форма светимости человека похожа на головку твердого сыра с вплавленным в нее диском из сыра более темного цвета." (VII, 366)

"Он изобразил яйцеобразную форму и разделил ее вдоль на четыре части, сказав, что намерен сразу же стереть разделительные линии, поскольку нарисовал их только для того, чтобы показать мне, в каком месте кокона расположена полоса. Затем он нарисовал широкую полосу, расположенную между первой и второй частями, и стер разделительные линии. Он еще раз сказал, что полоса похожа на диск чеддера внутри головки твердого сыра.

- Теперь представь себе, что твердый сыр прозрачен, и ты получишь точную копию человеческого кокона,- подвел он итог.- Диск чеддера проходит насквозь всю головку сыра - от передней поверхности до задней." (VII, 366)

Из-за того, что плоский диск пересекает кокон под углом справа налево, а кокон прозрачен, всякое углубление точки сборки вдоль человеческой полосы кажется _сдвигом влево_, что и породило термин "левостороннее осознание", обозначающий состояние повышенной интенсивности восприятия. Таким образом, любой продуктивный сдвиг точки сборки, генерирующий целостную перцепцию, есть ее углубление в толщу энергетического тела. Не следует, однако, думать, что результатом такого сдвига является созерцание внутренних эманаций. Дон Хуан многократно повторял, что тайна _вне_ человека, а не внутри него. Погруженная точка сборки, действительно, освещает эманации внутри кокона, но те никогда не бывают изолированными, оставаясь энергетическим продолжением и структурным отражением эманаций внешних, так что _источник_ восприятия в любом случае пребывает снаружи. Внутри нас - только _способ_ восприятия, т.е. множество фантомных шаблонов, изобретательно примеряемых тоналем на внешний сигнал. Судя по всему, _человеческая полоса_ пронизывает не только кокон, но и мироздание в целом, так как _движение_ точки сборки начинается с ее сдвига вдаль этой полосы и продолжается в той же плоскости бесконечно.

Природа _человеческой полосы_ остается неясной. Быть может, это своеобразная точка отсчета, трамплин для восприятия, позволяющий сохранить специфический порядок перцепции при созерцании самых далеких от человека миров. Мы знаем, однако, что лишь следование среднему сечению человеческой полосы гарантирует практически ценный способ постижения Реальности. За ее пределами - перцептивный хаос, а по краям - область "помраченного осознания". В этой области восприятие собирается с таким трудом, что искажения тоналя полностью "перекрывают" внешний сигнал. Иными словами, боковой сдвиг точки сборки делает нас рабами собственного воображения. Один край полосы генерирует отрицательные эмоции и соответствующие образы, другой связан с религиозным вдохновением и экстазом. Дон Хуан называет их "энергетической свалкой" и располагает там переживания _ада_ и _рая_. Никакой ценности, по его мнению, подобные впечатления не имеют. Видимо, здесь океан мыслеформ человека обретает самый яркий и подавляющий вид. А так как _человеческая полоса_ едина для всех людей в многомерном пространстве нагуаля, она вполне может хранить и т.н. "коллективное подсознательное" вместе с его архетипами и "эгрегорами". Эти периферийные зоны могут познакомить мага с мечтами и фантазиями всего человеческого рода - именно туда забредают религиозные искатели и впечатлительные визионеры. Кастанеда, имевший подсознательную склонность к католицизму, визуализировал там сцены с ярко выраженной христианской символикой.

Избегая эмоциональной вовлеченности в воспринимаемую картину, воин предупреждает возможные отклонения точки сборки от среднего сечения человеческой полосы.

Видение "человеческого шаблона" имеет прямое отношение к описываемой энергетической структуре. Визуальное его восприятие чаще становятся возможным после утраты человеческой формы, т.е. силы фиксации точки сборки, что указывает на окончательное растождествление личности с прежними обусловленностями опыта. Ведь "шаблон" - это в некотором смысле отражение человека во вселенной, его энергетическая модель, порожденная эманациями человеческой полосы.

"[Дон Хуан] объяснил, что для вступления в контакт с человеческим шаблоном маги располагают таким средством, как "сновидение". И что шаблон людей является определенной сущностью, которую могут видеть только маги, когда они насыщены силой и, безусловно, все - в момент смерти. Он описал шаблон как источник, начало человека. Без шаблона, группирующего вместе силу жизни, эта сила не имеет возможности собраться в человеческую форму." (V, 443)

Ла Горда так рассказывает о своей встрече с "шаблоном". "Я пошла однажды... к водной дыре и он был там. Это было лучистое светящееся существо. Я не могла смотреть на него. Оно ослепило меня. Я ощущала счастье и прилив сил. Ничто другое не имело значения. Ничто. Мне просто хотелось быть там. Нагваль сказал, что иногда, когда у нас достаточно личной силы, мы можем уловить проблеск шаблона, даже если н не являемся магами. Когда это случается, мы говорим, что видели Бога. Он сказал, что если мы называем его Богом, то это правда. Шаблон - это Бог. Я пришла в ужас, услышав это от Нагваля, потому что я была очень религиозна. Религия
- это все, что у меня было. Поэтому от слов Нагваля меня обычно бросало в дрожь... Шаблон - это Бог. А как ты думаешь?

- Обещаю тебе сказать это в день, когда увижу его.

Она засмеялась и сказала, что Нагваль обычно шутил, что в тот день, когда я увижу шаблон, я стану монахом, потому что в глубине души я очень религиозен." (V, 444)

В конце концов Карлос увидел его. Это была действительно трогательная сцена. Испытывая чувство, близкое к экзальтации, Кастанеда признавался в любви этому "прекрасному существу" и обещал служить ему вечно. Наверное, удивительно приятно видеть источник самого себя и подсознательно переживать самую интимную близость к изумительному сиянию бесконечности. Если взглянуть честно, высшие религиозные восторги часто имеют как раз эту окраску радость от слияния человека и вечности. И мы не хотим думать о том, что вместо вечности созерцаем лишь одну-единственную проекцию, в которой отражается драгоценная уникальность, делающая нас людьми - со всеми пороками и добродетелями. Наш любимый Бог - это наш образ и наше подобие. И нет ничего удивительного в том, что "человеческий шаблон" вызывает высоко религиозные чувства. Любопытно, что из энергетического резонанса с эманациями "шаблона" можно извлечь полезную информацию. Ла Горда, например, рассказывала, что дон Хуан предлагал ей задать "шаблону" какой-нибудь важный вопрос относительно самой себя - он должен ответить. Но женщина была слишком потрясена зрелищем "бога" и позабыла обо всем. Впрочем, по мнению дона Хуана, от "шаблона" в любом случае немного пользы. Есть куда более серьезные силы, влияющие на жизнь человека. Например, наша родная планета.

"Древние видящие увидели, что у Земли есть кокон. Они _увидели_ - существует шар, внутри которого находится Земля. Этот шар - светящийся кокон, заключающий в себе эманации Орла. Таким образом, Земля - гигантское живое существо, подверженное действию тех же самых законов, что и мы.

Как только древние толтеки об этом узнали, они сразу же принялись за поиски путей практического применения нового знания. В результате возникла одна из самых развитых категорий их магических практик - практика Земли. Толтеки считали Землю первоначальным источником всего, что мы собою являем." (VII, 431)

Таким образом, любовь дона Хуана и Хенаро к Земле, как к живому существу (об этом говорится в запоминающемся эпизоде из "Путешествия в Икстлан"), превращается из метафоры в однозначную реальность, а эмоциональная связь между планетой и ее обитателями хотя и кажется довольно странным явлением, но вполне допустима, так как есть попросту особый вид энергообмена, включающегося тем же механизмом, что работает у людей или животных. Земля - колоссальный резервуар энергии. Даже самое малое использование энергии Земли может привести к умопомрачительным результатам.

"Он объяснил, что ключом ко всему называют непосредственное знание того, что земля - живое существо, и, будучи таковым, способна дать воину мощнейший толчок. Этот толчок есть импульс, исходящий из осознания самой земли в тот момент, когда эманации внутри кокона воина настраиваются на соответствующие им эманации внутри кокона земли. Поскольку и земля, и человек являются живыми существами, их эманации совпадают, вернее, у земли есть эманации, присутствующие в человеке, и все эманации, присутствующие во всех живых существах, как органических, так и неорганических. В момент, когда происходит взаимная настройка эманаций живого существа и земли, существо воспринимает свой мир. При этом настройка используется в ограниченной мере. Воин может использовать настройку как для того, чтобы воспринимать подобно всем другим существам, либо для того, чтобы получить толчок, позволяющий ему проникнуть в невообразимые миры." (VII, 433)

Об использовании энергии Земли говорит также Ла Горда во "Втором кольце силы". В частности, она упоминает "катание по земле" - прием, который дон Хуан рекомендовал женщинам:

"Ла Горда сказала, что Нагваль рекомендовал им повязывать свои шали ниже талии, когда они будут кататься по земле, чтобы предохранить тазовые кости. Я заметил, что дон Хуан никогда не говорил мне о такой процедуре. Она сказала, что это нужно только женщинам, потому что у них есть матка, и энергия Земли поступает прямо в матку. Путем вращения они распределяют эту энергию по остальной части своего тела. Мужчины, чтобы заряжаться энергией, должны лечь на спину, согнув колени так, чтобы подошвы ног соприкасались друг с другом. Руки должны быть вытянуты в стороны, предплечья вертикально подняты, а пальцы согнуты перпендикулярно ладони." (V, 566)

"Толчок Земли" - это решающий импульс, который практикующий маг использует для перемещения своей точки сборки настолько далеко, что та полностью собирает восприятие в другой большой полосе эманаций. Можно сказать, что данный прием срабатывает, когда оказывается итогом длительной тренировки в накоплении энергии и остановке внутреннего диалога.

"Проблема обычного человека - внутренний диалог. Толчок земли может быть использован только по достижении состояния абсолютного внутреннего безмолвия...

- Но я бы не советовал тебе пытаться,- искренне сказал Хенаро.- На то, чтобы стать безупречным воином, уходят годы. Сейчас ты не готов к тому, чтобы выдержать толчок земли. Тебе необходимо сильно измениться к лучшему.

- Скорость этого толчка растворит в тебе все, чем ты являешься, сказал дон Хуан.- Под ее воздействием мы превращаемся в ничто. Скорость и личностное самоосознание не могут сосуществовать. Вчера на вершине мы с Хенаро поддерживали тебя. Мы служили как бы якорями. Иначе бы ты не вернулся. Ты уподобился бы тем людям, которые намеренно ушли в неизвестное, воспользовавшись толчком земли. Они и по сей день

рыщут где-то там, в этой непостижимой бесконечности." (VII, 439) Человек, растворивший свое эго в высоком покое и беспристрастии, справится со скоростью энергетических потоков Земли. Здесь мы еще раз находим подтверждение тому, насколько эгоистическая саморефлексия замедляет реагирование и соответственно усложняет контроль. Под действием толчка Земли точка сборки движется стремительно и в единый миг может достичь областей, из которых никогда не вернется - ведь саморефлексия помешает экспериментатору вовремя остановить движение. По этой же причине мы и в повседневной жизни никогда не успеваем совершить действие в необходимый момент, опаздывая по крайней мере на мгновение. Земля может подарить воину _свободу_, но лишь в том случае, если он действительно готов к ней - в противном случае свобода обернется катастрофой.

Толчок Земли швырнул Кастанеду в далекий и удивительный мир, откуда Карлос вернулся лишь благодаря поддержке своих опытных учителей. Вот запись этого странного переживания:

"Там, куда указывал дон Хуан, на вершине самого высокого пика восточного хребта действительно появилась сверкающая точка. Я смотрел, как она отражает последние лучи заходящего солнца. Под ложечкой образовалась пустота, словно я несся вниз по американской горке.

Затем я скорее почувствовал, чем услышал гул далекого землетрясения. Он неожиданно охватил меня. Сейсмические волны были настолько огромны и производили такой грохот, что утратили для меня всякое значение. Сам же я был никчемным микробом, которого все это крутило и вертело.

Постепенно свистопляска замедлилась - последовал еще один мощный толчок, после чего наступила остановка. Я попытался осмотреться. У меня не было точки опоры и не было начала отсчета. Я словно рос из чего-то, подобно дереву. Надо мной был белый, сияющий, непостижимых размеров купол. Его существование вдохновило меня. Я полетел к нему, вернее, был выброшен, как снаряд. Я испытывал чувство комфорта, уюта, безопасности. Чем ближе я поднимался к куполу, тем чувства эти становились интенсивнее. Наконец, они переполнили меня, и я утратил всякое самоощущение." (VII, 437-438)

Древние гораздо лучше нас чувствовали внутреннее единство с родной планетой. Недаром культ Земли сформировался в незапамятные времена и очень долго служил основным источником религиозного чувства у многих народов. Магия Земли часто давала жрецам силу исцеления и власть над умами соплеменников. Позже пришла интеллектуальная изощренность, все большая склонность к абстрактному мышлению, окончательно отодвинувшему описание мира от Реальности, и духовные восторги переселились на призрачные небеса с их умственной идеальностью. Рассуждая о вещах незримых, человек с удивительной быстротой позабыл, что обязан своим существованием прежде всего Земле и Солнцу - мощнейшим резервуарам энергии вселенной, откуда мы постоянно черпаем силу собственного бытия. И как бы современная теология ни критиковала язычников, следует признать: они избрали достойные объекты для поклонения.

Вряд ли стоит напоминать, что именно в отношении к Земле сильнее всего сказывается дисгармония нынешнего состояния человечества. Отдельные люди еще способны время от времени чувствовать противоестественную изоляцию, в которой все мы оказались. Попытки вновь обрести единство с энергетическим полем планеты, о которых иногда можно услышать, обычно кажутся анахронизмом и наивностью, но свидетельствуют о подлинной жажде и глубоко подавленной тоске современного человека. (Таковы, например, идеи известного русского "учителя жизни" П. Иванова.)

Неудивительно, что возвращение к природным силам принимает причудливые, почти "знахарские" формы - слишком велика дистанция, которую требуется преодолеть. Сознание трудно рождает синтез прямо противоположных способов чувствования мира. Быть может, учение дона Хуана хоть в какой-то мере ускорит наше движение по этому пути, заставив по-новому осознать свою позицию в энергетической реальности _нагуаля_.

3. Намерение

"... _в любой момент сознание человека управляется определенной интенцией_."

Гордон Уоллпорт.

"_Так это я, значит, не для себя самого познаю и живу, а для развития какою-то абсолютного Духа. Стану я для него трудиться_!"

<В. Белинский по поводу философии Гегеля>

Универсальная сила, что движет всем существующим, в самых разных культурах представлялась то в виде мирового дыхания, то в виде некоего движения, ритма или ветра. Фундаментальная энергия бытия словно бы соткана из парадоксов: Единство порождает океан различий. Вездесущее исторгает из себя массу отдельностей, Безличное оборачивается эгоизмом изолированного субъекта. Изначальный мистицизм, окутывающий всякое действие Силы, неустраним, ибо разум не в состоянии проникнуть во вселенские масштабы ее дерзаний или вовсе не может отразить многомерную структуру Реальности. Ограниченное восприятие и однобокие схемы интерпретаций - вот и все, чем располагает человеческое сознание. Неизбежная самопоглощенность и самотождественность разума, его настойчивое углубление внутрь собственных законов и склонность бесконечно генерировать новые детерминанты оставляет мало надежды на то, что когда-нибудь ситуация изменится. Мы вынуждены довольствоваться созерцанием поверхностных эффектов Силы, как и тысячи лет назад признавая непостижимость ее действа. Ежесекундное сотворение бытия часто представляется человеку двусторонним процессом: аморфный энергетический избыток (чистое движение) - с одной стороны, формообразующий генератор, хранящий "шаблоны" всех объектов, - с другой. Эта придуманная оппозиция настолько очевидна для человеческого сознания, что почти никогда не рассматривается специально, оставаясь молчаливо подразумеваемой посылкой где-то на задворках мышления. Не так уж давно человек был намного откровеннее - древняя космогония потому и кажется нам наивной, что беззастенчиво эксплуатирует идею сырья и творца, Бога и Хаоса, гончара и глины. Направляющая десница утверждает порядок в бессмысленном океане энергии.

Очевидно, это наша пагубная привычка выделять и абсолютизировать качества, функции или состояния, заставляет воспринимать мир как результат обуздания бессмысленного вихря. Правда, мы больше не воображаем всемогущего ремесленника, собирающего хитроумный космос, и употребили свою природную смекалку на отвлечение собственного разума в мир идей и абстракций. С некоторых пор Энергию обуздывает Масса, Гравитация, Пространство и Время. За целесообразностью и последовательностью в развитии вселенной следят Мировые Законы, к постижению которых стремится Человек.

Конечно, на самом деле здесь заключена величайшая тайна, и за все время существования цивилизации мы не приблизились к ее разгадке ни на шаг. Гераклит, когда-

то утверждавший, что "мир есть вечный и неугасимый огонь" так же близок к истине, как и Эйнштейн. но Реальность по-прежнему за пределом постигаемого.

Чжуан-Цзы, судя по всему, тонко чувствовал таинственную природу Силы, делающей мир таковым, каков он есть. В своей книге он помещает странный диалог о "флейте неба". Некий Цзыци из Наньго объясняет Яньчэн Янь различие между флейтой человека, флейтой земли и флейтой неба:

"Огромный ком выдыхает воздух, зовущийся ветром... Разве не слышал ты его громоподобного пения? Вздымающиеся гребни гор, дупла исполинских деревьев в сотню обхватов - как нос, рот и уши, как горлышко сосуда, как винная чаша, как ступка, как омут, как лужа. Когда ветер наполняет их, они и воют, и ревут, и кричат, и плачут, и стонут, и лают. Что впереди зазвучит, откликнется вослед. При слабом ветре гармония малая, при сильном ветре - гармония великая...

Яньчэн Янь: Значит, флейта земли - лишь вся тьма отверстий. Флейта человека - полая бамбуковая трубка. Но что же такое флейта неба?

Цзыци: Десять тысяч разных голосов! Кто же это такой, кто позволяет им быть такими, каковы они есть, и петь так, как им поется? <...>

Яньчэн Янь (обращаясь к себе): Веселье и гнев, печаль и радость, надежды и раскаянье, перемены и неизменность, благородные замыслы и низкие поступки - как музыка, исторгаемая из пустоты, как грибы, возникающие из испарений, как день и ночь, сменяющие друг друга перед нами. И неведомо, откуда все это? Но да будет так? Не от него ли то, что и днем и ночью с нами? Как будто бы есть подлинный господин, но нигде не различить его примет. Делам его нельзя не довериться, но нельзя узреть образ его!"

И маги, и профаны пронизаны неведомой Силой - нет ничего абсолютно _личного_ в мире. Каждая мысль, каждый поступок, каждое желание - все в человеке имеет непостижимую подоплеку, некую "внешнюю" сторону, все есть результат взаимодействия отдельного и всеобщего, сознательного и бессознательного, _тоналя_ и _нагуаля_. Мы вовсе не стремимся мистифицировать все еще непознанные стороны человеческой природы, мы подразумеваем истинное, бытийственное единство субъекта и объекта во вселенной. Отношения между ними, гармония или дисгармония определяют путь вещей, ход всех событий, историю мироздания, социума, личности. Это и есть музыка "флейты неба".

Но к магу приходит особое переживание Силы. Оно является как результат проникновения в область осознанного восприятия энергетического резонанса, из которого растет реализация его собственной судьбы. Сила приходит как бы извне, хотя всегда была здесь. Она растет вместе со способностью чувствовать и манифестирует себя прежде всего чувствованием. По сути, это трансформация сознания - она оборачивается силой для личного бытия мага, ибо даст возможность предвидеть и управлять.

"Сила - это нечто, с чем имеет дало воин,- объяснил он.- Вначале она кажется человеку чем-то совершенно невероятным, противоестественным, в существование чего невозможно поверить, о чем даже думать трудно, не то чтобы ее себе представить. Сейчас ты находишься с ней именно в таких отношениях. Но потом она превращается в нечто серьезное, и отношение к ней соответственно изменяется. Человек может ею не обладать, он может даже в полной мере не осознавать ее существования, но он уже чувствует, он уже знает - в мире присутствует что-то, чего до этого он не замечал. А затем сила дает себя знать, она приходит к человеку, и он не может ничего с этим поделать, так как сила для него пока остается неуправляемой. Не существует слов, которыми можно было бы описать, как она приходит и чем в действительности является. Она - ничто, и в то же время ей подвластны чудеса, и чудеса эти человек видит собственными глазами. И, наконец, сила становится чем-то, присущим самому человеку, превращается в нечто, что изнутри

управляет его действиями и в то же время подчиняется его командам, подвластно его решениям." (III, 544)

Как видите, специфика взаимоотношений человека с силой раскрывается доном Хуаном уже в третьей книге. Это не инструмент, которым можно манипулировать по собственному усмотрению, скорее, это могущественный партнер, чьи замыслы находятся за пределами любого отдельного сознания. В человеческом смысле Сила не обладает разумом и не может им обладать, поскольку не является субъектом и не имеет центра восприятия. Тем не менее, она непостижимым образом уподобляется живой форме, с которой вступает в контакт, и проявляет себя соответственно. В океане космической энергии маг находит свое загадочное отражение, которое служит посредником между ним и беспредельностью _нагуаля_. Через это отражение проходят волевые импульсы индивидуума - они могут быть приняты или отвергнуты океаном Силы, реагирующим согласно законам гармонии. Мы вовсе не имеем в виду человеческое представление о гармонии, поскольку речь идет об определенных соотношениях энергетических структур, частот и потоков, человеком не воспринимаемых. Такие соотношения всегда индивидуальны, так как субъект принимает непосредственное участие в утверждении данной гармонии. Возможно, личное сознание человека даже может создавать новые типы энергетических связей, и тогда мир изменяется. Порядок, утверждаемый эманациями во вселенной, называется в системе дона Хуана _командой Орла_.

"Дон Хуан несколько раз повторил, что управление намерением начинается с команды, данной самому себе. Затем команда повторяется до тех пор, пока не становится командой Орла. И в тот миг, когда воин достигает внутреннего безмолвия, его точка сборки сдвигается.

- Сам факт возможности осуществления такого маневра,- сказал дон Хуан, имеет чрезвычайно большое значение как для древних видящих, так и для новых, но по диаметрально противоположным причинам. Знание его позволяло древним винящим сдвигать свои точки сборки в невообразимые позиции сновидения в неизмеримом неизвестном. Для новых видящих знание этого факта означает отказ от того, чтобы стать пищей. Оно позволяет им ускользнуть от Орла, сдвинув точку сборки в позицию сновидения, называемую "абсолютной свободой". (VII, 507-508)

Команда человека становится командой Орла в тот миг, когда во всей толще субъективного сознания движется только один импульс, когда сложные игры эго подошли к концу, противоречия растворились и воин полностью открылся Силе, сохраняя покой, трезвость и бесстрастие. Это своеобразный симбиоз - маг словно бы срастается с бесконечным живым существом, о повадках которого можно лишь гадать, и эффективность их взаимодействия зависит от полноты обоюдного проникновения, причем именно готовность человека к такому слиянию оказывается решающим фактором. Потому дон Хуан напоминает о неуклонном исполнении "жизненной задачи". Никто из нас толком не знает, в чем она состоит, но психологически важно понимать, что она существует. По форме подобная установка очень смахивает на "изживание" Кармы, если отбросить метафизические спекуляции и обратиться к внутреннему содержанию процесса. Человек, бросивший вызов бесконечности, должен быть уверен, что его подсознательное совершенно свободно от сожалений, неудовлетворенности или сомнений. Абсолютная неизвестность впереди уравновешивается завершенностью позади и внутренней пустотой - однозначностью и незамутненностью духа. Интенсивный сдвиг точки сборки "стирает" границы психических структур, в это мгновение индивидуальная воля сливается со всеобщей, и потому действие исходит не от сознания или подсознательного, но от _реального_ существа - _реальной_ целостности нашей природы, непостижимой для нас самих.

"Решение остаться или вернуться принимается чем-то внутри нас чем-то, что не является ни нашим разумом, ни нашим желанием, ни даже нашей _волей_. Поэтому невозможно заранее узнать исход.

Если вы выберете не возвращаться, то вы исчезнете, как если бы земля поглотила вас. Но если вы выберете вернуться, - вернуться на эту Землю, то вы будете ждать, как истинные воины, пока ваши частные задачи не будут закончены. После того, как они будут завершены, неважно, успехом или неудачей, вы обретете власть над целостностью самих себя." (IV, 287)

Дон Хуан говорит об испытании _нагуалем_ - испытании на подлинную искренность и чистоту. Высшие достижения магии немыслимы в ином состоянии, ибо любой эгоистический мотив автоматически отвращает нас от Реальности и возвращает в "описание мира". Интересно, что приближение к _нагуалю_ начинается с осознания непостижимости волевого акта. _Волей_ в кастанедовском учении именуют силу или энергетический процесс, обеспечивающий превращение команды человека в команду Орла. Работа _воли_ непрерывно сопровождает воина в его практике. По сути, первое, с чем он сталкивается,- это невозможность понять, _каким образом_ достигается результат дисциплины.

"Я сказал ему, что вполне отдаю себе отчет в том, что мне в общем-то удалось прекратить внутренние разговоры с самим собой. Но я понятия не имел, каким образом это произошло. Если бы у меня спросили, за счет каких действий я этого добился, я бы затруднился ответить.

- Объяснение - сама простота,- сказал дон Хуан.- Это было изъявлением твоей _воли_. Тем самым ты сформировал новое _намерение_, новую команду. Ну, а потом твоя команда сделалась командой Орла.

- Это самая необычайная из находок новых видящих. Наши команды могут становиться командами Орла. Внутренний диалог останавливается за счет того же, за счет чего начинается: за счет действия _воли_. Ведь начать внутренний разговор с самими собой мы вынуждены под давлением тех, кто нас учит. Когда они учат нас, они применяют свою _волю_. А мы применяем свою в процессе обучения. Просто ни они, ни мы не отдаем себе в этом отчета. Обучаясь говорить с самими собой, мы обучаемся управлять _волей_. Это наша _воля_ - разговаривать с собой. Чтобы прекратить внутренний разговор, нам следует воспользоваться тем же способом: приложить к этому _волю_, выработать соответствующее _намерение_." (VII, 374)

Ярче всего воля манифестирует себя в восприятии. Именно она сдвигает точку сборки, включает _видение_, позволяет "цепляться" за линии мира и т.д. и т.п. ("Объяснение магов гласит, что у каждого из нас есть центр, из которого можно быть свидетелем _нагуаля_,- это _воля_." - IV, 276-277.) Если мы говорим об индивидуальной _воле_, то имеем в виду непосредственное действие энергетического тела. Обычно мы не задумываемся, как работает тело физическое - мы ходим, двигаем руками, совершаем сложные движения, постоянно пользуясь механизмом осуществления _воли_, не имея о нем ни малейшего представления. Подобным образом мы научаемся манипулировать энергетическими потоками, лежащими за порогом обычного восприятия. На первых порах маги применяют различные "трюки", "обходные пути", отвлекая тональное видение, которое является основным барьером для управления незримым и непонятным объектом. Когда трюк срабатывает, энергетическое тело подчиняется _намерению_ - помимо бодрствующего сознания, помимо интеллекта и языка, что совершенно неудивительно, ибо так бывает всегда.

"Нагуаль может выполнять необычные вещи,- сказал он. Вещи, которые кажутся невозможными, немыслимыми для тоналя. Но что удивительнее всего - человек, который

их выполняет, не знает, как он это делает. Иными словами, Хенаро не знает, как он делает эти вещи. Он знает только, что делает их. Секрет мага в том, что он знает, как добраться до нагуаля, но когда он туда попадает, то его догадки относительно происходящего там ничуть не лучше твоих собственных.

- Но что чувствуешь, когда делаешь все это?

- Чувствуешь, как будто что-то делаешь." (IV, 180-181)

Этот совершенно "мистический" разговор станет чуть понятней, если мы попробуем задать себе вопрос: "Что я чувствую, когда поднимаю руку?" Скорее всего, мы вынуждены будем ответить вполне в духе дона Хуана: "Я чувствую, что поднимаю руку." Только привычка не дает нам заметить мистику повседневного.

Конечно, можно привести более детальные описания самоосуществления _воли_, но насколько они удовлетворительны? Сколь ни углубляйся в подробности, самая суть процесса всегда окажется вне описания. Судите сами:

"Можно сказать, что воин учится настраивать свою _волю_, направлять ее с точностью иголки, фокусировать ее, где захочет. Как если бы его воля, которая исходит из средней части живота, была единственным светящимся волокном. Нитью, которую он может направить в любое вообразимое место. Эта нить - дорога к _нагуалю_. Можно сказать также, что воин погружается в нагуаль с помощью этой единственной нити. Как только он погрузился, способ выражения нагуаля - дело его личного темперамента. Если воин забавен, то его нагуаль забавен. Если он мрачен, то его нагуаль мрачен. Если он зол, его нагуаль зол." (IV, 181-182)

Дон Хуан попытался описать действие _воли_ через _внимание_, но если мы вспомним, что _внимание_ само по себе есть волевой акт, то поймем, что просто кружим на одном месте. Единственное, что можно извлечь из данного фрагмента, касается всеобъемлющего характера _воли_. Являясь элементом Реальности, она отражает подлинную целостность существа, где более не существует лжи или притворства: если воин зол, то нагуаль его зол. Тем не менее, источник _воли_ не сводим к бессознательному, как пытался нас уверить психоаналитик Дональд Ли Вильямс. _Воля_ интегрирует все, и если значительная доля Реальности пребывает для нас вне осознаваемого поля, это вовсе не делает ее хранилищем животных импульсов и первичных инстинктов.

Когда маг пребывает во втором внимании или во внимании _сновидения_, он осознает действие собственной воли, ибо тональ более не в состоянии скрывать ее. Вычленение этого процесса в чистом виде и есть обретение контроля, так как делает _волю_ объектом _внимания_. Иными словами, энергетические эманации направляют _осознание_ на себя и начинают действовать _непосредственно_. Предварительным условием такого достижения является полное растождествление с "описанием мира", возникающее в момент предельного отключения внутреннего диалога. Дон Хуан называл его "моментом молчания". Ла Горда рассказывала об этом так:

"Нагваль говорил, что это момент отвлечения сознания, еще более тихий, чем момент выключения внутреннего диалога. Это отключение сознания, эта тишина дают возможность подняться намерению направить второе внимание, управлять им, заставлять его делать то или другое. Именно потому он называется волей...

Я сообщил ей, что уже отбросил всякую надежду на возможность когда-либо испытать волю.

- Ты ее испытаешь,- сказала Ла Горда.- Беда в том, что мы не обладаем достаточно острым умом, чтобы знать, что же с нами происходит. Мы не ощущаем своей воли, потому что думаем, будто она должна быть чем-то таким, о чем мы сможем знать наверняка, например - злостью. Воля очень тиха, незаметна. Воля принадлежит другому "я".

<...> Мы находимся в нашем другом "я", когда совершаем _сновидение_." (VI, 118-119)

В последних книгах Кастанеда редко использует термин воля, предпочитая говорить о _намерении_ (_intent_). Фактически речь идет об одном и том же, разве что акцент переносится с самого действия на результат действия. Правда, с практической точки зрения говорить о _намерении_ удобней, поскольку сознание в данном случае имеет дело только с эффектом силы, не ухватывая силы как таковой. Как и в любой оккультной дисциплине, мы сталкиваемся с принципом "черного ящика": известны только предпосылки (условия) включения механизма _воли_ и конечный итог, характер же самой работы непостижим. Если воин правильно _намеревается_ сделать что-либо, он автоматически получает необходимый результат. Следовательно, мы должны говорить только о _намерении_.

"_Намерение_ - это вещь, о которой очень сложно сказать что-нибудь вразумительное. Если я или кто бы то ни было попытается объяснить, что такое _намерение_, его слова будут напоминать идиотический бред. Сейчас я попробую сформулировать. Маг формирует _намерение_ совершить то, что он намерен совершить, просто за счет того, что он _намеревается_ это совершить.

- Но это же ничего не значащая бессмыслица, дон Хуан!

-... Как любой рационально мыслящий человек, ты относишь понимание исключительно к сфере рассудочного здравого смысла, то есть - к сфере ума.

Но в моем утверждении речь идет о _намерении_. Поэтому с точки зрения мага понимание этой формулировки относится к сфере функций энергетического тела. Маги считают, что если у человека возникает _намерение_ понять эту формулировку, его энергетическое тело понимает ее совсем иначе, чем это мог бы сделать его ум. Весь фокус в том, чтобы добраться до энергетического тела. А для этого нужна энергия.

- В каких терминах понимает такую формулировку энергетическое тело, дон Хуан?

- Как ощущение, чувство в теле, которое очень тяжело описать. Чтобы узнать, о чем я говорю, тебе необходимо самому это почувствовать." (IX, 43-44)

Если рассматривать _волю_ и _намерение_ в качестве энергетических аспектов вселенной Орла, то нам станет ясно, что даже самые загадочные явления мира сводятся к взаимовоздействиям полевых структур и к некой совокупности резонансных процессов. Когда маги применили _видение_ для изучения _воли_, они узнали, что это особая энергия, возникающая в результате взаимной настройки внешних и внутренних эманаций. Для мыслителя подобное открытие содержит в себе далеко идущие выводы. Это касается, в первую очередь, проблемы _личного_ и _безличного_ в отношении к силе, формирующей мироздание. Не существует, судя по всему, единой и абсолютной воли для всех разумных существ. Каждый индивидуум имеет собственный, глубоко интимный характер взаимоотношений с универсальной энергией. Именно работа его сознания определяет эффект внешнего влияния, и это с неожиданной стороны освещает парадоксальный тезис о свободе воли в условиях всеобщего детерминизма бытия. Такой подход нивелирует традиционные установки религиозного мироощущения, поскольку выводит _судьбу_ из-под власти морально-этического кодекса или жесткой последовательности звеньев в кармической цепи. Прошлое лишается своего метафизического значения, подобно греху или добродетели. Их присутствие реально, пока они пребывают в психическом пространстве субъекта и оказывают влияние на механизмы восприятия или реагирования. Только _сознание_ личности творит ее судьбу, используя собственное _намерение_. Дон Хуан проясняет отношение между _осознанием_, _волей_ и _намерением_ в следующем фрагменте:

"Начали новые видящие с того, что _увидели_ - объем свечения осознания и его интенсивность увеличиваются по мере настройки эманаций внутри кокона на соответствие большим эманациям. Этим своим наблюдением они воспользовались точно так же, как _сталкингом_: оно стало для них своеобразным трамплином, оттолкнувшись от которого они разработали сложный комплекс приемов управления настройкой эманаций.

Сначала они говорили об этих приемах просто как об искусстве настройки. Но потом поняли, что дело здесь в чем-то большем, чем только настройка, а именно - в некой энергии, которая возникает при настройке. Энергию эту они назвали _волей_.

Воля стала вторым базовым элементом системы. Новые видящие понимают под ней некий слепой, безличный, никогда не прерывающийся поток энергии, который определяет наше поведение, заставляя действовать так, а не иначе. Именно _воля_ обусловливает характер нашего восприятия мира обычной жизни и посредством силы этого восприятия косвенно определяет обычное положение точки сборки. [Потому достижение _безупречности_ есть активное противостояние слепой _воле_ и предпосылка овладения _намерением_.- А. К.]

Исследуя процесс восприятия мира обычной жизни, новые видящие _увидели_, как работает _воля_. Они увидели, что для придания восприятию качества непрерывности происходит постоянное возобновление настройки. Чтобы составить живой мир, настройка все время должна быть свежей и яркой. Для постоянного поддержания этих ее качеств поток энергии, возникающий в процессе этой самой настройки, автоматически направляется на усиление отдельных избранных ее элементов.

Это наблюдение стало еще одним трамплином, оттолкнувшись от которого новые видящие разработали третий базовый элемент системы. Его назвали _намерением_, понимая под этим целенаправленное управление _волей_ - энергией соответствия." (VII, 405)

И _намерение_ сыграло решающую роль в достижении воином полной свободы. ("_Намерение_ - это настройка всех янтарных эманаций осознания, потому правильно назвать полную свободу полным осознанием." - VII, 509.)

Когда же мы касаемся порядка, утверждаемого _волей_ во вселенной Орла, принцип "черного ящика" не только не лишается своей актуальности, но приобретает чудовищные масштабы. Древняя концепция _дао_, "пути вещей", ярко иллюстрирует извечное недоумение человека перед всеобщим миропорядком. Вопрос "почему мир таков, каков он есть?", быть может, наивен и бессмыслен, но именно он был основным движителем философской и оккультной мысли. Человек не может отказаться от мысли, что существуют некие фундаментальные причины, объясняющие характер самого бытия. Наша беспомощность перед лицом неописуемой бездны пространств и времен долго служила поводом для благоговейного ужаса, она рождала религиозные догмы и метафизические доктрины, оставаясь экзистенциально Великим Пределом - окончательным императивом личной судьбы для всякого мыслящего существа. Кто может выдержать напряжение неизвестности и отсутствие умопостигаемого смысла? Мужество агностика в этом отношении сродни смирению воина. Но если агностик ограничивается маленьким миром привычного и признает непостижимость бытия умозрительно, в рамках интеллектуального эксперимента, то исследователь _нагуаля_ живет, как бы вечно падая в разверзшуюся бездну, и видит жуткое очарование необъяснимого собственными глазами. Традиционный мистик оберегает себя мифом и верой - для него это вопрос выживания, а не просто бездумное подтверждение культа. Знание дона Хуана невыносимо для него уже потому, что оставляет перед лицом неизвестности без всякой опоры. Дон Хуан беспримерно честен, когда подчеркивает несоизмеримость _намерения_ с любой человеческой мыслью о нем, безразличие вселенской воли к нашим надеждам, страхам или

убеждениям. Даже такое туманное слово, как _намерение_, приложенное к Реальности, ничуть не отражает действительного положения дел, поскольку не существует никакого Космического Разума, который бы _намеревался_ совершить что-то. Этот термин лишь указывает на единство сил, используемых магом в своей практике, и универсальной Силы Бытия.

"Единственный способ узнать _намерение_ - это узнать его непосредственно через живую связь, которая существует между _намерением_ и всеми чувствующими существами, - ответил он. - Маги называют _намерение_ неописуемым, _духом_, _абстрактным_, _нагвалем_. Я предпочел бы называть его _нагвалем_, но тогда это название совпало бы с именем лидера, бенефактора, который тоже зовется Нагвалем. Поэтому я остановил свой выбор на названии "дух", "намерение", "абстрактное". (VIII, 25)

Таким же загадочным свойством _намерения_ является его участие в возникновении сознания. Дон Хуан рассказывал Кастанеде о том, как древние видящие пытались постичь тайну _осознания_ живых существ. Они смогли увидеть механизм возникновения осознания и разъясняли его так: когда энергетические поля внутри нашего светящегося кокона _приходят в соответствие_ с такими же энергетическими полями снаружи, восприятие становится возможным. Правда, в дальнейшем выяснилось, что понять природу осознания не так-то просто:

"Однако после тщательного рассмотрения стало очевидным: то, что они называли "приведением в соответствие эманациям Орла", не могло полностью объяснить того, что они _видели_. Они заметили, что энергией наполняется только небольшая часть всего количества светящихся пучков внутри кокона, тогда как остальные остаются неизменными. _Видение_ наполнения энергией этих нескольких нитей привело к ложному открытию. Нити не нуждаются в _приведении в соответствие_, чтобы воспламеняться, потому что внутри нашего кокона они те же, что и снаружи. То, что наполняет их энергией, является на самом деле независимой силой. Они чувствовали, что не могут продолжать называть ее осознанием, как они это делали раньше, поскольку осознание - это свечение воспламененных энергетических полей. Поэтому сила, которая зажигает поля, была названа волей.

Дон Хуан сказал, что когда их _видение_ начало становиться все более точным и эффективным, они поняли, что _воля_ - это сила, которая удерживает эманации Орла разделенными и порождает не только наше осознание, но и все остальное во вселенной. Они _видели_, что эта сила обладает полным сознанием и что она берет начало от тех самых полей энергии, которые образуют вселенную. Тогда они решили, что _намерение_ - более подходящее слово для нее, чем воля. Однако много веков спустя и это название было признано неудовлетворительным, поскольку оно не отражало ни огромной важности этой силы, ни ее живой связи со всем во вселенной.

Дон Хуан утверждал, что нашим огромным общим недостатком является то, что мы, проживая жизнь, совершенно игнорируем эту связь. Наши житейские дела, наши нескончаемые интересы, надежды, заботы, разочарования и страхи берут верх, и в потоке обыденной жизни мы и не подозреваем, что связаны с чем-то еще." (VIII, 104-105)

О чем же идет речь? Что за сила, "наделенная полным сознанием" и все же абсолютно безличная, повсеместно царствует в природе и в нас самих? Нечто, которое нельзя назвать ни живым, ни неживым, распространяет только смутное чувство - переживание связи, слитности всего со всем. Быть может, это "жизненный порыв", вечный избыток существования? Интуитивно мы ощущаем особенное родство с этой универсальной Силой, хотим довериться ей, полагая, что гармония ее беспредельно мудра и естественна. Прорвавшись сквозь "поток обыденной жизни", маг учится слышать музыку "флейты неба" - подобно даосскому мудрецу, он становится "высохшим деревом" и "остывшим

пеплом", ибо пламя его сознания более не привязано к ограниченной форме, оно скитается в океане _намерения_, не зная пределов. В чем-то _намерение_ сродни животному: оно чувствует нас и отзывается на наш призыв, но только в том случае, если мы пренебрегаем разумом и становимся непосредственным движением жизненной энергии. Поэтому, когда дон Хуан говорит о _духе_, он вряд ли имеет в виду христианского "утешителя", помощника и наставника. Его понимание _духа_ гораздо ближе к языческому: это живая стихия, никак не относящаяся к человеку, пока маг не приложит специальных усилий, чтобы добиться "сотрудничества" с ней. Но даже и в этом случае их близость носит непредсказуемый характер вплоть до момента окончательной реализации "человека знания".

"Он сказал, что _дух_ во многих отношениях подобен дикому зверю. Он держится на расстоянии от нас до тех пор, пока что-то не выманит его. Именно тогда _дух_ проявляется." (VIII, 48)

"Для мага _дух_ есть _абстрактное_ просто потому, что он знает его без слов или даже мыслей. Он есть _абстрактное_, потому что маг не может себе даже представить, что такое _дух_. Тем не менее, не имея ни малейшего шанса или желания понять _дух_, маг оперирует им. Он узнает его, подзывает его, знакомится с ним и выражает его своими действиями." (VIII, 49)

Любопытной попыткой магов хоть как-то систематизировать проявления вселенского _намерения_ явилась концепция _абстрактных ядер_, о которой Кастанеда рассказывает в книге "Сила безмолвия". Наверное, мы можем рассматривать ее как аллегорию, за которой, однако, стоят определенные закономерности отношений между человеком и Реальностью. Каждое _абстрактное ядро_ ("проявление" духа, "толчок" духа, "нисхождение" духа и т.д.) в предельно обобщенной форме представляет нам решающие этапы в обращении личности к поиску _свободы_. На языке тоналя это - специфическая конфигурация психологических (субъективных) предпосылок и жизненных (объективных) обстоятельств, связанных в необходимом единстве, которое далеко не всегда очевидно постороннему неискушенному глазу. Невероятно трудно выявить и сформулировать законы "духовной трансформации" личности - это тема для глубокого и всестороннего исследования, в должных масштабах никем еще не предпринятого. Индейские маги едва наметили общие черты этого сложнейшего процесса и ввели интересный термин - _здание намерения_, подразумевая как раз те комплексы внутренних и внешних условий, что приводят к решающим переменам в судьбе духовного искателя. Дон Хуан предлагает вниманию Кастанеды целый ряд магических историй, иллюстрирующих то, как работает _здание намерения_ в жизни искателя. Учитель напоминает, что осознание _намерения_ необходимо для того, чтобы наиболее эффективно использовать ситуации и обстоятельства, которые часто отражают структуру того или иного _абстрактного ядра_.

"Ты мог бы заметить, что история нагваля Элиаса - это более чем просто перечисление последовательных деталей, из которых состоит событие,- сказал он.- За всем этим стоит _здание намерения_. И рассказ был предназначен дать тебе представление о том, что являли собою Нагвали прошлого. Ты должен узнать, как они действовали с целью согласовать свои мысли и действия с величественными сооружениями, которые возводит _намерение_." (VIII, 39-40)

Тому, кого интересуют детали внутреннего становления мага и его взаимоотношения с универсальной силой бытия в этом процессе, мы можем порекомендовать ознакомиться с восьмой книгой Карлоса Кастанеды полностью.

Нам осталось упомянуть еще об одном специфическом термине, касающемся _намерения_, - о _связующем звене_. Так дон-хуановские воины называют ту часть человеческого существа, которая призвана доводить до нашего сознания (или, по крайней

мере, чувства) степень согласованности личных интенций с порядком движения энергетических эманаций вселенной. Кроме того, связующее звено с _намерением_ позволяет магу различить знаки, предвещающие развитие событий и раскрывающие "замысел духа".

"После целой жизни практики,- продолжал он,- маги, а в особенности Нагвали, знают, получили ли они от _духа_ приглашение войти в здание, открывающееся перед ними. Они уже научились подчинять _намерению_ свои связующие звенья. Поэтому они всегда предупреждены, всегда знают, что припас для них _дух_.

Дон Хуан сказал, что прогресс на пути магов обычно является стремительным процессом, цель которого - привести в порядок это связующее звено. У обычного человека связующее звено с _намерением_ практически мертво, и маги начинают с такого звена, которое является совершенно бесполезным из-за своей неспособности действовать самостоятельно." (VIII,
52)

Далее дон Хуан подчеркнул, что оживление связующего звена достигается при помощи _несгибаемого намерения_, т.е. непоколебимой целеустремленности, имеющей специфическую направленность и неистовую силу.

"Ученик - это тот, кто стремится к очищению и оживлению своего связующего звена с _духом_,- объяснил он. - Когда звено оживлено, он уже не ученик, но до тех пор он, чтобы продолжать идти, нуждается в непоколебимой целеустремленности, которой, конечно, у него просто нет. Поэтому он позволяет Нагвалю придать ему целеустремленность, но чтобы сделать это, он должен отказаться от своей индивидуальности. А это очень непросто.

Он напомнил мне то, что повторял неоднократно: добровольцев не принимают в мир магии, потому что у них уже есть собственные цели, которые делают невероятно трудным отказ от своей индивидуальности. Если мир магии требует представлений и действий, идущих вразрез с целью добровольца, то он просто отказывается изменяться." (VIII, 52)

Особое чувствование _намерения_ в конце концов открывает магу мир _безмолвного знания_ - весьма практического и конкретного, но совершенно невыразимого. Высшие задачи дон-хуановской магии не могут быть реализованы без привлечения этих малопонятных сил. Мироздание упорно хранит свою тайну, и ухищрения человека ведут лишь ко все более очевидному подтверждению этой тайны. Здесь бы и прийти к согласию религиозным проповедникам различных конфессий, искателям высших духовных откровений, экстрасенсам и ясновидящим. К сожалению, пристрастия и предрассудки слишком часто делают нас слепыми последователями одной-единственной интерпретации мира. Живая тайна подменяется выспренними декларациями и манифестами. Быть может, потому на Земле так мало людей, чувствующих внутреннюю связь с _реальной_ силой подлинного бытия. Психологическая причина подобной бесчувственности, конечно, скрывается в самой природе эго. Помните замечательную формулу "Я уже отдан силе, что правит моей судьбой"? К _намерению_ она имеет самое непосредственное отношение - ведь мастером _намерения_ становится тот, кто абсолютно "прозрачен" для него, т.е. не имеет собственных, эгоистических установок. "Сверхъестественное" начинается именно здесь: личное _намерение_ становится единым с _намерением_ космическим (_намерением_ Орла), а так как Орел - сила, ежесекундно творящая мир в пространстве-времени, жизненная игра субъекта становится столь же избыточной в своем творчестве. (Так, например, дон Хуан "творит" мышку в очках у себя на ладони.) Это неизбежный исход абсолютной _безупречности_ - когда все установки эгоистического сознания растворяются и уходят из психики. Здесь мы вновь сталкиваемся с парадоксом: центр осознания продолжает существовать, утратив все эгоистические функции, которые

поддерживали его отдельность. Собственно говоря, это и есть положение мага, так как в иных ситуациях подлинная магия невозможна. Так существо, отдавшее себя силе, что правит его судьбой, оказывается воплощением свободы. Если же идея рационального своеволия, "самостоятельности" хоть в какой-то мере актуальна для субъекта, если он считает себя независимым от Реальности, конфликт продолжается, бессмысленная борьба разрушает личность, и Время убивает нас, как всякое живое существо.

ГЛАВА 9. МИРЫ СНОВИДЕНИЯ

"_Свет двигается легко, но с трудом стоит на месте. Если он достаточно долго может идти по кругу, то кристаллизуется - это и есть естественный дух-тело... Это и есть то условие, о котором говорится в Книге Печати Сердца: В молчании утром ты улетаешь вверх_."

<Из даосского трактата "Тайна золотого цветка">

1. Тело сновидения

Незаметным образом мы с вами погрузились в самый невероятный мир, напоминающий даже не сказку и не мечту, а сложный галлюцинаторный бред - там, где мерещится грань безумия, где воображение приобретает черты совсем уж нечеловеческие или, по меньшей мере, слишком удаленные от нормального сознания _тоналя_. В общем, этого следовало ожидать. "Безумие" начинается в тот миг, когда мы допускаем реальность нагуаля, и недаром дон Хуан предупреждал о необратимости процессов, о разрушительности и непостижимости своего знания.

Девятая книга Кастанеды "Искусство сновидения", которую нам предстоит анализировать в этой главе, хоть и не открывает читателю принципиально новых установок (предыдущие работы настолько переполнены ими, что, возможно, почти исчерпали тему), но, несомненно, отличается максимальной погруженностью во вселенную Орла - погруженностью настолько безоговорочной, что шокирует и отпугивает неподготовленное сознание. В чем-то эта книга - действительно качественный рубеж. О ней практически ничего нельзя сказать, если мы опираемся на "разумность" тонального восприятия. Одно из двух: либо это "пропуск в бесконечность" - высшее, нечеловеческое знание, волею судеб занесенное к нам из невообразимой Реальности, либо приглашение к масштабной шизофренизации и прямое направление в сумасшедший дом, где уже наверняка лечат "самодельных" нагвалей всех времен и народов. Ибо речь идет о вещах, не имеющих никаких подтверждений в мире "здравого смысла". Кое-что из предлагаемых идей разделяют и другие оккультисты, но большая их часть - новое откровение, новая и оригинальная весть, и авторство здесь целиком принадлежит Кастанеде. Мы взялись следовать за Карлосом до конца, и он привел нас в иную вселенную, где мы только удивлений хлопаем глазами и пытаемся угадать, что греза, что реальность. Однако если для нас это сфера догадок и предположений, то для самого Кастанеды - область серьезного, а подчас и довольно опасного исследования. Как бы то ни было, для описания подобных переживаний человеческий язык мало пригоден; трансформированный _тональ_ неминуемо вынужден создавать новый язык, отражающий эту радикальную трансформацию. "Тот более изощренный и богатый язык, о котором шла речь,пишет Кастанеда, был языком магических истин, унаследованным доном Хуаном от его предшественников. Термины и понятия, присущие этому языку, не имеют под собой никакого рационального обоснования и никак не соотносятся с привычными фактами мира

нашей повседневности, но являются самодостаточными истинами, совершенно очевидными для магов, способных непосредственно воспринимать энергию и _видеть_ внутреннюю суть всего." (IX, 21)

Первая тема, которую мы собираемся затронуть в этой главе, тема _тела сновидения_, - для мирового оккультизма вовсе не является экзотической. Но вряд ли до Кастанеды кто-нибудь писал о данном феномене столь ясно и последовательно, и, конечно же, никто не забирался в такие глубины его практического освоения - по крайней мере, открытых текстов на этот счет мы не имели.

Описание "эфирного двойника" повсеместно распространено в мистической литературе, это явление отражено в мифах и легендах различных народов Земли, но чаще всего покрыто таким слоем нелепостей, очевидных предрассудков и неправдоподобных фантазий, что никак не может служить практическим руководством или серьезным материалом для исследований. Древние египтяне, например, верили в Ка - "вторую душу" человека, наделенную особой силой и знанием. Оккультисты уверяют, что жрецы тогда владели отлично разработанной методикой вызывания Ка, и она являлась одной из самых сокровенных тайн древнеегипетской магии. Индийские тексты, посвященные йоге, нередко сообщают, что в результате определенной медитативной практики йог может обрести способность "находиться в двух местах одновременно", и приводят различные легенды по этому поводу. Смутные, но достаточно красноречивые сведения о "выделяемом призраке" можно найти и у даосов, и у суфиев, и в античном оккультизме. Европейцы были настолько наслышаны о странствиях в "эфирном теле", что в конце концов попытались даже исследовать это явление научно. Известно, что Г. Дюрвиль в начале века ставил множество экспериментов с "астральными двойниками", о чем поведал миру в своей знаменитой книге "Призрак живых". Используя гипноз для вызывания транса, этот экспериментатор производил "раздвоение" испытуемых и наблюдал вполне "материальные" эффекты присутствия двойника. Если верить его отчетам, "призрак" был способен открывать и закрывать дверь стенного шкафа, нажимать кнопку электрического звонка, выводить из равновесия весы. Правда, скептики опубликовали затем всяческие опровержения его опытов, и сенсация незаметным образом испарилась.

Американский мистик Эдвард Пич (Офиель), которого мы уже несколько раз упоминали, может быть впервые однозначно связал технику _сновидения_ с выделением "астральной проекции", но не смог выйти из-под влияния традиции и снабдил свои "технологии" обильной приправой из каббалистических ритуалов. Если мы уберем эти наслоения и используем более адекватную терминологию, то легко обнаружим, что Офиель предлагает нам ряд упражнений по визуализации и тренировке внимания, а его "Тело Света" есть не что иное, как некоторая форма дон-хуановского _тела сновидения_. (Подробнее см.: Эдвард Пич. Астральная проекция, гл. "Метод Тела Света". Русское издание: СПб., 1993.) Автор, конечно же, искренне стремился быть совершенно объективным, даже прагматичным, но, видимо, не представлял себе масштабов искажения восприятия, которые производят в нашем перцептуальном аппарате интеллектуальные и языковые условности. _Тональ_ подвел его, как и многих других практиков-оккультистов. Однако нельзя отрицать, что его опыт косвенно подтверждает кастанедовские отчеты, указывая на определенное единство в мире оккультных явлений.

Итак, для одного и того же феномена в разное время был создан целый ряд терминов: "тонкое тело", "астральное тело", "эфирный двойник", "астральная проекция", "дубль" и еще множество других. Карлос Кастанеда в девятой книге вводит еще один - _энергетическое тело_. Пожалуй, этот термин более точен, чем предыдущий (_тело сновидения_), так как, во-первых, не связывает явление с одной лишь техникой его

достижения, а во-вторых, подчеркивает подлинную (энергетическую) природу данного феномена.

"Что такое энергетическое тело?

- Двойник физического тела. Призрачная форма, составленная чистой энергией.

- Но разве физическое тело не состоит из энергий?

- Состоит. Различие в том, что энергетическое тело - это только форма, не имеющая массы. Являясь чистой энергией, оно способно совершать действия, выходящие за пределы возможностей физического тела.

- Например, дон Хуан?

- Например, в мгновение ока перемешаться в любой конец вселенной. _Сновидение_ есть искусство закалки энергетического тела, искусство придания ему гибкости и координации посредством постепенной тренировки.

Практикуя _сновидение_, мы уплотняем энергетическое тело, пока оно не становится воспринимающей единицей. Восприятие, которым обладает энергетическое тело,- независимо, хотя и подвержено влиянию со стороны нашего обычного повседневного восприятия. Энергетическое тело воспринимает в собственной отдельной сфере. <...> Энергетическое тело воспринимает энергию как собственно энергию. В процессе _сновидения_ оно может обращаться с энергией тремя различными способами: воспринимать потоки энергии, использовать энергию в качестве толкателя, чтобы, подобно ракете, перелетать в какие-нибудь совершенно неожиданные пространства, или воспринимать так, как мы обычно воспринимаем мир." (IX, 53-54)

Рассуждая об этих сложных и крайне тонких материях, мы постоянно должны иметь в виду условность всякого термина, взятого нами на вооружение. Что есть в действительности _энергетическое тело_ или, скажем, _тело сновидения_? Невольно хочется думать, что это такая же обособленная и чуждая всему материальному сущность, как _душа_ в традиционных представлениях религиозного космоса. Мы уже говорили, что _нагуаль_ не знает дихотомии "тело-душа", что Реальность едина и неразрывна во всех формах своего существования. С одной стороны, нельзя не говорить об _энергетическом теле_ как о некой отдельности, потому что в нем действует лишь _часть_ нашей целостности, наделенная определенными специфическими качествами. С другой стороны, любое переживание энергетического тела, его опыт, умения, его развитие - все слито воедино с телом "физическим", трансформирует его самым непосредственным образом, поскольку реально никогда от него не отделялось. Вспомните, как саблезубый тигр учил Кастанеду (а точнее, его _тело сновидения_) "правильно дышать" в одном из странных миров его магического "сна"? Физическое тело Карлоса тут же среагировало и "стало более мускулистым". А Ла Горда научилась в _сновидении_ летать:

"Сдвигая свое внимание в _тело сновидения_, я могла летать, как воздушный змей, и тогда, когда бодрствовала. Однажды я показала тебе, как я летаю, так как хотела, чтобы ты увидел, как я научилась пользоваться _сновидением_. Но ты не знал, что происходит," - рассказывала она Кастанеде после сеанса совместного _сновидения_ (VI, 116). Процесс такого научения связан со сложными манипуляциями _вниманием_ и длительным накоплением энергии. _Внимание сновидения_ в данном случае есть прообраз второго внимания в состоянии бодрствования. Если действие, совершаемое в сновидении, вовлекает с помощью внимания некоторое критическое количество энергии, то оно может быть повторено всей нашей целостностью во втором внимании наяву.

"Здесь важно прежде всего накапливать внимание в сновидении, чтобы наблюдать за всем, что делаешь во время полета, продолжает Ла Горда. - Это единственный способ культивировать второе внимание. Как только оно окрепло, стоит лишь чуть-чуть сфокусировать его на деталях, и ощущение полета усиливало чувство реальности, пока для

меня не стало обычным сновидеть, что я парю в воздухе. Таким образом, в деле полета мое второе внимание было обострено. Когда Нагваль поставил передо мной задачу перемещаться в тело сновидения, он имел в виду, чтобы я включила свое второе внимание, бодрствуя. Так я это понимаю. Первое внимание, внимание, создающее мир, никогда нельзя преодолеть полностью. Оно лишь на мгновение может быть выключено или замещено вторым вниманием при условии, что тело уже накопило его в достаточном количестве. Искусство сновидения является естественным путем накопления второго внимания. Поэтому можно сказать, что для перемещения в тело второго внимания в бодрствующем состоянии надо следовать практике сновидения, пока у тебя дым из ушей не пойдет." (VI, 116-117) Однако для Ла Горды переход во второе внимание еще оставался сложной процедурой, которую она была способна выполнять лишь время от времени: "... тем не менее, я не могу летать, когда пожелаю. Для моего тела сновидения всегда существует барьер. Иногда я чувствую, что барьер снят. В это время мое тело свободно, и я могу летать, как если бы я была в сновидении." (VI, 117)

Разумеется, в умопомрачительных скитаниях сновидца участвует наиболее легкая и подвижная часть его энергетики, т.е. те формации, что в первую очередь увлекаются вниманием, провоцирующим сдвиг или движение точки сборки. Эта субстанция пластична до такой степени, что позволяет манипулировать собой и меняет форму в соответствии с намерением воина. Тонкие изменения в траектории перемещений точки сборки, чутко реагирующей на особенности нашего внимания, в значительной мере определяют конституцию тела сновидения, а она, в свою очередь, оказывает решающее воздействие на специфику восприятия. Тот же Офиель, например, предлагает практикующим такой метод тренировки внимания, который ведет к относительно точному воспроизведению схемы физического тела в "астральной проекции". В этом, конечно, есть определенный резон - физическое тело привычно для нас, на первых этапах работы его копирование должно способствовать накоплению второго внимания и развивать устойчивость восприятия. Не следует лишь забывать, что чрезмерная настойчивость в удержании образа физического тела, в конечном счете, серьезно ограничивает нас в способах интерпретации сенсорных сигналов, провоцирует перцептивные иллюзии, в которых человеческий мир с его фантазиями как бы окутывает любой воспринимаемый объект. Даже в системе дона Хуана, где очистка тоналя - предмет особой и длительной дисциплины, воин-сновидящий постоянно сталкивается с проблемами адекватности восприятия. Только исключительная безупречность может извлечь сновидца из трясины саморазвивающихся галлюцинаций. Именно с отсутствием безупречности связано глубокое падение древних индейских магов, запутавшихся в энергетической "паутине" вселенной. Дон Хуан так говорит об этом: "... он объяснил, что во время обычного сна точки сборки сдвигается вдоль одного из краев человеческой полосы. Такие сдвиги всегда сопряжены с дремотным состоянием. А в процессе практики точка сборки сдвигается вдоль среднего сечения человеческой полосы. Поэтому дремотного состояния не возникает, хотя сновидящий по-настоящему спит.

- Как раз на этой развилке и разошлись новые и древние видящие в своем походе за силой,- продолжал он. - Древних видящих интересовала копия тела, физически более сильная, чем само тело. Поэтому они использовали сдвиг вдоль правого края человеческой полосы. Чем глубже они уходили в этом направлении, тем более причудливым становилось их тело сновидения... Новые видящие поступили совсем иначе. Они старались удержать точку сборки посередине человеческой полосы. При поверхностном сдвиге такого рода... сновидящий практически ничем не отличается от любого другого человека на улице, разве что немного в большей степени подвержен воздействию эмоций, таких, как, скажем, сомнение и страх. Но стоит смещению точки сборки преодолеть определенный предел - и сновидящий, сдвиг точки сборки которого осуществляется в

среднем сечении, превращается в сгусток света. Такой сгусток света и есть тело сновидения новых видящих.

Он сказал также, что такое безличное тело сновидения в большей степени способствует пониманию и исследованию, являющимся основой всего, что делают новые видящие. В значительной степени очеловеченное тело сновидения древних видящих заставляло их искать такие же личностные, очеловеченные ответы." (VII, 469-470)

Сложности с адекватным восприятием становятся проблемой тем более серьезной, чем дальше заходит в своих экспериментах сновидящий. Собственно говоря, уже с первых шагов практики сновидения грань между сном и реальностью делается зыбкой, сомнительной, вызывает растущее недоумение и тревогу. Последний бастион разума рушится на глазах - сновидение вторгается в явь, путается с нею, и мир бодрствующего сознания теряет свою скучную, но спокойную определенность. Приближение к Реальности закономерно оборачивается субъективным чувством "потери" реальности, ибо разрушаются фундаментальные структуры, прежде безоговорочно ее обусловливавшие, исчезают границы, пропадают критерии, лишившиеся жизненно важного смысла. Как здесь отыскать опору? Воин "верит, не веря". Воин спокойно свидетельствует эффекты, не увлекаясь ими, и ждет того энергетического порога, за которым его свидетельства обретут практическую неоспоримость, но и тогда он не теряет голову, а осторожно и беспристрастно исследует явление до конца. В целом же его исследование никогда не заканчивается. Беспредельная Реальность требует от него непрерывной бдительности, так что воину суждено навеки остаться воином - впрочем, иной путь в любом случае давно уже потерял актуальность, и воин даже субъективно не имеет выбора. Движение необратимо. Единственный разумный выход - следовать за расширением воспринимаемой Вселенной и не принимать всерьез ни "реальное", ни "нереальное".

Пожалуй, наиболее впечатляющим вторжением _сновидения_ в явь, своего рода рубиконом в магической практике дона Хуана, представляется физическая телепортация, достигаемая с помощью второго внимания в мире первого внимания. Например, Кастанеда рассказывает, как однажды непостижимым образом перенесся из Мексики в Соединенные Штаты и оказался у дома женщины-нагваля, хотя всего несколько мгновений назад, до вхождения в состояние _сновидения_, беседовал с доном Хуаном, сидя на скамейке в маленьком городке за сотни миль от этого места. Затем маг объяснил Карлосу, как происходят подобные путешествия:

"Ты преодолел это расстояние потому, что проснулся в удаленной _позиции сновидения_... Перетянув тебя через площадь с этой самой скамейки, Хенаро проложил путь, по которому твоя точка сборки смогла сдвинуться из позиции нормального осознания в позицию, где появляется _тело сновидения_. И в мгновение ока твое _тело сновидения_ преодолело невероятное расстояние. Но важно не это. Собственно тайна заключена в самой _позиции сновидения_. Ее сила достаточна для того, чтобы перетягивать всего тебя из одного места в другое, в самые разные концы этого мира или за его пределы. Древние _видящие_ широко этим пользовались. Они исчезали из этого мира, потому что просыпались в _позиции сновидения_, расположенной за пределами известного. Твоя _позиция сновидения_ в тот день была в этом мире, однако далеко отсюда, от Оахаки.

- Но каким образом происходит такое путешествие? - спросил я.

- Это узнать невозможно, - ответил он. - Сильная эмоция, несгибаемое намерение или чрезвычайный интерес выполняют роль проводника, затем точка сборки прочно фиксируется в _позиции сновидения_ и пребывает там достаточно долго для того, чтобы перетянуть туда все эманации, имеющиеся внутри кокона." (VII, 495-496)

Таким образом, можно сказать, что возникновение _тела сновидения_ связано не со _сдвигом_, а с _движением_ точки сборки. Мы уже знаем, в чем состоит различие между этими явлениями. Побуждаемая определенным намерением, точка сборки выходит за пределы обычной энергетической формы и собирает восприятие где-то вовне. Судя по кастанедовским отчетам, такое "путешествие" может иметь два результата: либо восприятие в какой-то области пространства нашего мира (т.е. мира, заключенного в том же диапазоне энергетических полей, что доступны нам в привычном положении точки сборки), либо восприятие некоего участка одного из параллельных миров (когда точка сборки фиксируется на эманациях за пределами "человеческого" диапазона). В обоих случаях совершенное восприятие может провоцировать полную переброску энергии в ту позицию, которую заняла переместившаяся точка сборки. В первом случае это физическая телепортация внутри нашего пространственно-временного континуума, во втором - это полное исчезновение из данного мира и переход в иную, нечеловеческую вселенную. Такие "фокусы" чересчур фантастичны и прежде не рассматривались в оккультной литературе. Между тем, с точки зрения реальности нагуаля все выглядит достаточно логично и убедительно. Здесь мы находим яркую иллюстрацию энергетическому единству Реальности, практическое осуществление _монизма_, о котором было много сказано мыслителями на протяжении тысячелетий. Об этих поразительных трансформациях дон Хуан сообщал Кастанеде следующее:

"Что происходит, когда точка сборки сдвигается за пределы энергетической формы? Она зависает снаружи? Или как-то прикрепляется к светящемуся шару?

- Она вытягивает контур светящегося шара вовне, не разрывая его энергетических границ.

Дон Хуан объяснил, что конечным результатом движения точки сборки является полное изменение энергетической формы человеческого существа. Вместо того, чтобы оставаться яйцом или шаром, она трансформируется в нечто, напоминающее по виду курительную трубку. Конец мундштука - это точка сборки, чашка - то, что осталось от светящегося шара. Если точка сборки продолжает движение, то в конце концов наступает момент, когда светящийся шар превращается в тонкую полоску энергии." (IX, 29)

Движение точки сборки - это именно тот "рычаг", который производит самые фантастические манипуляции со всею энергетической целостностью человека. Если описание дона Хуана соответствует действительности, то мы впервые получили хоть какое-то разъяснение механизма воздействия таких психических процессов, как внимание и восприятие, на физическую природу. То, что казалось нам предельно удаленным друг от друга (перцептивные эксперименты и "грубая" телесность бытия), здесь самым безоговорочным образом связано воедино, а потому с философской точки зрения эта структура выглядит естественной и непротиворечивой.

Если же мы попробуем понять, каким образом энергия переходит из одной точки в другую, то нам, кроме того, придется принять иную концепцию пространства - столь же далекую от мира _тоналя_, как и все предыдущие описания магов. Во-первых, необходимо осознать, какого рода сущность скрывается за дон-хуановским пониманием _энергии_. Поскольку Реальность более не является вселенной объектов или твердых тел, но и не превращается в неосязаемый вихрь из бесплотных потоков, остается только вообразить невообразимое, а именно: субстанция Реальности в равной мере представляет себя как _движение_ и как _вещество_. Из движения сотканы энергетические поля, из полей - воспринимаемые объекты, ничто не может быть неподвижным, и только сложный баланс, основанный на неизвестных нам законах, позволяет сохранять временную устойчивость структур. С другой стороны, движение энергии абсолютно, оно не связано воспринимаемым пространством, поскольку само формирует пространство и является его

сущностью. Таким образом, движение полностью свободно от _тональной_ идеи "скорости". Дон Хуан говорит, что тело сновидения использует энергию в качестве "толкателя". За этой загадочной формулировкой скрывается механизм тонкий и плохо поддающийся описанию. Мы вновь имеем дело с определенным контролем _внимания_: когда внимание (благодаря непостижимой силе _намерения_) фокусируется на достижении какой-то удаленной зоны перцепции, оно автоматически "сливается" с полевой структурой пространства. Как вы помните, _видящие_ описывали эту структуру как бесчисленное множество светящихся нитей и называли их "линиями мира". Очевидно, "линии мира" и есть то транспортное средство, которым пользуется точка сборки для движения вне "кокона". Так как "линия мира" является структурной опорой для всякого энергетического процесса, она лежит как бы _вне_ времени. Можно сказать, что линии мира _порождают_ время как воспринимаемую длительность, оставаясь при этом абсолютным фактом бытия, где _движение_ - простая условность, наше ограниченное понимание одновременного существования любой точки на всем протяжении бесконечной структуры. В книге "Отдельная реальность" дон Хенаро демонстрирует Кастанеде "уроки равновесия", совершая невообразимые прыжки над водопадом. Карлос тогда не знал, что Хенаро находится в _теле сновидения_ и перемещается, используя линии мира. Дон Хуан частично объяснил своему ученику, что происходило на самом деле, но полное понимание подобных вещей приходит лишь в результате непосредственного их переживания.

Конечно, тело сновидения обладает антропоморфной конфигурацией только для внимания _тоналя_. Когда сновидящий воспринимает себя в _сновидении_ как существо с руками, ногами, головой и т.д., он, безусловно, галлюцинирует тем же способом, что характерен для первого внимания в привычном положении точки сборки. Как мы уже говорили, условности тонального восприятия никогда не исчезают полностью - возможно, в этом и нет особой необходимости. Если вы обретаете _свободу выбора_ того или иного интерпретационного механизма, человеческий _тональ_ просто занимает свое место в бесконечном ряду открывшихся вариантов перцепции. Гораздо важнее в данном случае не способ интерпретации, а _интенсивность_ и _управляемость_ восприятия. Благодаря им и происходит перемещение энергии из "светящегося кокона" в позицию переместившейся за его пределы точки сборки. В реальности _нагуаля_ этот процесс выглядит как возрастание светимости и объема той формации, где находится основной фокус восприятия. Таким образом, чем более развито _второе внимание_, тем значительнее количество энергии, перетекающей с кокона на выдвинутую точку сборки. Субъективно это переживается как прояснение и усиление восприятия в данной позиции, а также часто сопровождается _оформлением копии тонального тела_

- видимо, по этой причине и возник сам термин "тело сновидения". Анализируя учение дона Хуана и его опыты с Кастанедой, мы приходим к выводу, что _тело сновидения_ может находиться в трех состояниях, обусловленных той массой энергии, которую оно к себе привлекает. Первое состояние можно назвать "движением чистого восприятия". В этом состоянии странствующий сновидец заметен лишь для _видящих_, количество задействованной энергии невелико, что дает возможность только воспринимать

- воздействие тела сновидения на окружающее ограничивается самыми тонкими формами, и для тонального внимания оно просто не существует. Второе состояние - это состояние "призрака": некий энергетический скачок приводит к тому, что сновидящий оказывается в пределах тонального внимания окружающих (конечно, если его путешествие происходит в нашей вселенной). Воздействие "призрака" минимально, но ощутимо. Он посещает нас наяву и способен оставлять материальные свидетельства своего пребывания. Третье состояние тела сновидения известно в системе дона Хуана под названием "дубль". Это

яркое и совершенное проявление копии физического облика сновидца, воспринимаемое окружающими как безусловно реальное явление. При всей кажущейся плотности и посюсторонности тело сновидения в полной мере сохраняет возможности, обретенные в более тонких формах: "дубль" исчезает и появляется, летает, проходит сквозь стены и т.п., одновременно вступая в физические взаимоотношения с внешней средой. Это очень интересная и пугающая форма. Тональное внимание обычного человека при встрече с таким явлением испытывает подлинный шок и может автоматически блокировать восприятие, ибо "дубль" своим присутствием интенсивно разрушает описание мира. Потому дон Хуан и называл Хенаро в состоянии "дубля" _нагуалем_. Четвертая книга Кастанеды изобилует жуткими и невероятными фокусами Хенаро, создавшего столь совершенное тело сновидения, что оно отличалось от "плотного" оригинала только тем, что не могло поглощать и перерабатывать пищу. Заключительный энергетический скачок, возможный для _тела сновидения_, - это, как мы уже говорили, полный перенос энергии в _позицию сновидения_, т.е. телепортация светящегося кокона целиком, что тональным вниманием извне воспринимается как исчезновение в одной точке пространства и появление в другой. Это и есть _овладение собственной целостностью_ для сновидящего.

Нельзя не сказать еще об одном любопытном феномене, сопровождающем движение точки сборки вне "светящегося кокона" мага. Как вы помните, точка сборки не отрывается от основной формы, а только "вытягивает контур светящегося шара вовне". Необычное образование, получающееся в результате этих манипуляций, скорее всего напоминает энергетическое "щупальце", которое в силу своей близости к точке сборки оказывается _зоной потенциального восприятия_. Это немаловажный факт - с ним связано такое замечательное явление, как _синхронная перцепция из двух или более точек_. Так как движение точки сборки осуществляется вне времени (т.е. мгновенно), субъект может испытывать поразительный опыт одновременного восприятия двух сцен, что ярко описано Кастанедой в нескольких эпизодах. Самый запоминающийся опыт приведен в четвертой книге ("Сказки о силе"), где Карлос несколько раз "прыгает" на дно ущелья, находясь в своем _теле сновидения_, и при этом также сохраняет непрерывное впечатление от пребывания в теле физическом. Другого рода случай, не менее интересный, произошел с Кастанедой, когда они с доном Хуаном бежали по пустыне от встретившегося горного льва. Тогда он испытал перцептивную иллюзию "парения" над своим физическим телом, что было результатом одновременного восприятия даже не из двух, а из нескольких точек пространства.

Кроме того, именно в _теле сновидения_ заключена тайна магических превращений, которые современный рационалистический ум ни в коем случае не соглашается считать возможными. Да и впрямь - уж больно смахивает это на сказки и небылицы! Кто из нас способен поверить в то, что дон Хуан действительно умел превращаться в ворону? Даже многие поклонники Кастанеды только пожимают плечами и что-то толкуют о таинственных метафорах и скрытом смысле. Так и следовало бы подходить к "безумным речам" дона Хуана, но тема превращений не исчезла со страниц кастанедовских книг и по сей день, в отличие от многих туманных утверждений, сделанных индейским магом в первые годы обучения скептичного Карлоса. В "Искусстве сновидения" невзначай сообщается, что один из уцелевших древних магов в свое время обучил дона Хуана особому положению точки сборки, где тот действительно превращался в ворону. А ведь Ла Горда тоже когда-то уверяла Кастанеду, что саблезубый тигр из мира _сновидения_ учил его дышать с той же целью. Тогда она высказала совершенно фантастическое предположение, что если бы Карлос не прекратил свои встречи с тигром, то в конце концов непременно превратился бы в такое же животное. Сейчас, зная некоторые особенности реальности _нагуаля_, мы уже способны если не принять, то хотя бы

допустить, что особые манипуляции с восприятием изменяют форму тела сновидения, и в результате слияния _первого_ внимания со _вторым_ изменение целиком распространяется на телесную природу существа.

Таким образом, _сновидение_ - это та тренировочная площадка, на которой отрабатываются любые, даже самые невероятные магические трюки, а _тело сновидения_ - та часть нашей энергетической целостности, которая первой получает принципиально новые знания и способности, чтобы затем воздействовать на "физические" компоненты нашего организма.

Методика достижения _тела сновидения_ относительно проста, но только в том случае, если вы уже овладели _вниманием сновидения_ и успешно контролируете свое восприятие во сне. Кроме того, как и во всех остальных техниках дон-хуановской дисциплины, для реализации этого феномена требуется изначальный избыток перцептивной и психической энергии, который возникает от длительных упражнений в _безупречности_. Разъяснения дона Хуана, приводимые ниже, рассчитаны на воина, отвечающего этим двум условиям:

"Затем дон Хуан в общих чертах описал методику достижения _тела сновидения_. Все начинается с исходного действия, которое, будучи повторяемым с непреклонностью, порождает несгибаемое намерение. _Несгибаемое намерение_ приводит к внутреннему безмолвию, а то, в свою очередь, генерирует внутреннюю силу, необходимую для сдвига точки сборки в нужные позиции во время сна.

Эту последовательность дон Хуан назвал фундаментом. Когда работа над фундаментом завершена, наступает очередь контроля. Его развивают посредством систематического сохранения _позиции сновидения_. Для этого используется практика упорного удержания картины сна. Благодаря настойчивой практике появляется способность свободно сохранять новые _позиции сновидения_, пользуясь для этого новыми снами. И дело здесь не столько в том, что по мере практики более совершенным становится контроль, сколько в том, что каждая тренировка в контроле увеличивает внутреннюю силу. А чем больше внутренняя сила, тем в более подходящие для развития уравновешенности _позиции сновидения_ сдвигается точка сборки. Другими словами, сны сами по себе становятся все более управляемыми и даже упорядоченными.

- Развитие _сновидения_ - косвенное,- продолжал дон Хуан.- Именно поэтому _видящие_ считают, что _сновидение_ мы можем практиковать самостоятельно. В _сновидении_ используется естественный, органичный сдвиг точки сборки, поэтому мы не нуждаемся ни в чьей помощи. Однако мы нуждаемся в уравновешенности, причем очень сильно. Дать же ее нам либо помочь нам ее обрести не может никто, кроме нас самих. Без уравновешенности точка сборки перемещается хаотично, что соответствует хаосу, царящему в наших обычных снах. Таким образом, в конечном счете _тело сновидения_ достигается безупречностью нашей обычной жизни. Когда достигнута уравновешенность и _позиции сновидения_ становятся все более и более устойчивыми, можно сделать следующий шаг: пробудиться в любой из _позиций сновидения_. Звучит просто, однако в действительности речь идет о действии исключительно сложном - настолько сложном, что для его выполнения требуется задействовать не только уравновешенность, но также и все атрибуты пути воина, и в особенности - _намерение_.

Я спросил, как _намерение_ помогает воину пробудиться в _позиции сновидения_. Он ответил, что _намерение_, будучи сложнейшим средством управления силой настройки, за счет уравновешенности _сновидящего_ сохраняет настройку тех эманаций, которые начали светиться вследствие сдвига точки." (VII, 413-414)

Энергетические трансформации, согласно учению дона Хуана, могут зайти очень далеко. Древние _видящие_ использовали их для разнообразных и довольно экзотических

целей. Они не только превращались в животных, но и могли копировать формы существ из других, параллельных миров, если хотели заполучить какие-нибудь их качества. Порой они даже создавали собственные, не существующие в природе структуры (как тот маг, что научил дона Хуана превращаться в ворону,- его прозвали _арендатором_, так как он продлевал свою жизнь, "заимствуя" необходимую энергию у различных нагвалей и "расплачиваясь" с ними каким-нибудь невероятным знанием из области высших достижений магии).

"Все мы - светящиеся шары, и это делает человечество однородным. А те маги не были белее шарами, но стали полосами энергии, рассказывает дон Хуан.- Они пытались сворачиваться в кольца, но это им не вполне удавалось.

- И что же с ними в конце концов случилось, дон Хуан? Они вымерли?

- В магических историях говорится, что поскольку им удалось растянуть свою энергетическую форму, продолжительность существования их сознания также растянулась. Так что они живы, и по сей день находятся в сознании. Даже ходят рассказы о том, как они периодически объявляются на земле среди людей." (IX, 31)

Восприятие (и, следовательно, качество сознания) также претерпевает кардинальные изменения: "Дон Хуан объяснил, что для существа шарообразной энергетической формы сферой человеческого является весь объем в пределах границы шара, сквозь который проходят энергетические волокна. В нормальном состоянии мы воспринимаем не всю сферу человеческого, но, наверное, не более одной тысячной ее общего объема. С учетом этого факта очевидным становится невероятный масштаб достижения древних магов, умудрившихся растянуть себя в полосу, захватывающую в тысячи раз больше волокон, чем шар, и при этом научившихся воспринимать все проходящие сквозь них волокна." (IX, 33)

Слияние первого и второго внимания, достигаемое через овладение _телом сновидения_, быть может, сулит магу подлинное физическое бессмертие. По крайней мере, так утверждала Ла Горда:

"Моя забота о тебе сейчас - помочь тебе затянуть свои слои. Нагваль говорил, что смерть расслаивает их. Он объяснил мне, что центр нашей светимости, - _внимание нагуаля_,- всегда выступает наружу и именно это распускает наши слои. Поэтому смерть может легко войти между ними и полностью разделить их. Маги должны делать все, от них зависящее, чтобы держать свои слои закрытыми. Вот почему Нагваль обучил нас _сновидению_. _Сновидение_ затягивает слои. Маги, научившиеся ему, связывают вместе два своих внимания, и этому центру больше нет необходимости выступать наружу.

- Ты хочешь сказать, что маги не умирают?

- Верно. Маги не умирают.

- Значит ли это, что никто из нас не умрет?

- Я не имела в виду нас. Мы собой ничего не представляем. Мы - ни то ни се. Я говорила о настоящих магах. Нагваль и Хенаро - маги. У них два внимания так тесно связаны, что, по-видимому, они никогда не умрут." (V,
569)

Итак, сон превращается в явь. Воин-толтек, путешествуя по мирам сновидения, приносит оттуда иные силы, иную энергию, инуюприроду. Он служит как бы соединяющим мостиком между "призрачным" и "материальным", все смешивая воедино, чтобы в конечном счете обрести огромный, целостный мир - новую воспринимаемую вселенную, куда более близкую к Реальности, чем тот невероятно узкий и ограниченный срез, которым довольствуется человеческое существо. Если обычный человек превращает свою галлюцинацию в действительность, чтобы исключить все непредвиденное и пугающее, чтобы, подобно предкам, вести все ту же жизнь общественного животного, то

предельно отрешенный воин пользуется подобным механизмом для достижения свободы и восприятия бесконечности. Тональ, безропотно следующий за нагуалем, превращает инородные, неопределимые структуры в поддающийся осмыслению материал, который делается предметом изучения и прагматического использования. Союз человека и Реальности дарит ему свободу, силу и бессмертие.

2. Врата сновидения

> "_Перед нами действительно "тени" не имеющие существования, а то, что подозревается как иной мир, иная реальность, и есть та реальность, в которую мы можем попасть лишь через свидетельское сознание, с помощью которого мы смогли бы отстраниться от мира и остранить его_."
>
> М. Мамардашвили

Мир сновидений - это топь, джунгли, непроглядная бездна, переполненная обманчивыми образами, всевозможными хитросплетениями наших собственных фантазий и энергетических структур, неведомых человеку. Поэтому уроки дона Хуана уникальны - попробуйте сами вознестись в это зыбкое царство и извлечь оттуда точную, осмысленную информацию! До сих пор такие попытки мало что давали, если не считать туманной, но волнующей мифологии и безумного блеска в глазах. Карлос Кастанеда первым проложил хоть какую-то дорожку по этой трясине и оставил вехи - для тех, кто отважится последовать за ним. Попробуем разобрать общие очертания этих вех. Практику они, несомненно пригодятся рано или поздно.

В первую очередь надо отметить, что _второе внимание_ и _внимание сновидения_, которое рассматривалось в главе "Сновидение и сталкинг", тесно связаны между собой. _Внимание сновидения_ - это, как уже было сказано, практически и есть второе внимание включающееся в состоянии сна. Удержание картины сна, как вы помните, является фундаментом техники сновидения. Дон Хуан называл этот процесс "реорганизацией характеристик однородности и внутренней связи". Выражаясь проще, это значит "войти в состояние _второго внимания_, удерживая точку сборки в новом положении и не давая ей сдвинуться в исходное". (IX, 35) Ясно, что добиться такого в состоянии бодрствования значительно сложнее, так как надо иметь огромный запас энергии для изначального толчка, сдвигающего точку сборки. Во сне же точка сборки сдвигается естественным образом, и потому энергия требуется только для ее фиксации в новом положении. Дон Хуан называет процесс фиксации "настройкой" _сновидения_. Он сравнивает _второе внимание_ с океаном, а _внимание сновидения_ - со впадающей в него рекой. Если _второе внимание_ является способом полноценного и всестороннего восприятия любого избранного участка энергетических волокон во вселенной Орла, то внимание _сновидения_ непосредственно подводит к такому восприятию, выхватывая в потоке снящихся образов отдельные объекты, отражающие отдельные структуры "параллельных миров" и не являющиеся обычной фантазией дремлющего мозга.

"Дон Хуан особо подчеркнул, что внимание _сновиденья_ - ключ к любому движению в мире магов. Среди множества вещей, присутствующих в наших снах, имеются объекты, которые являются результатом энергетического вмешательства. Они внедрены в наши сны извне посторонними силами. В умении находить и отслеживать их и состоит искусство магии." (IX, 50-51) Таким образом, _сновидение_ совершенно естественным образом, без применения насильственных методик или психоделиков, открывает путь в иные миры и позволяет сновидцу соприкоснуться с энергетическими формами чужих вселенных. То

есть, сны - "лазейка в иные сферы восприятия. Через нее просачиваются потоки неведомой энергии." (IX, 51)

Но для того, чтобы воспользоваться этой "лазейкой", подаренной нам природой, _сновидящий_ должен преодолеть ряд препятствий, связанных с переходом из одного энергетического состояния в другое. Количество внимания и контроля, постепенно возрастая в состоянии сна, ведут к качественным скачкам как в восприятии, так и в движении полевых волокон. В системе дона Хуана такие качественные скачки именуются "вратами". Маг утверждает, что всего их - семь. Каждый скачок требует вполне определенной дисциплины внимания и потому для его достижения всякий раз используется особая техника. Описание самой техники неподвластно человеческому языку, потому что она всецело принадлежит сфере _намерения_. Дон Хуан предлагает внешний маневр, зацепку, позволяющую совершить нечто неописуемое. Первые врата, по его словам, достигаются так:

"_Первые врата_ - это особый порог. Преодолевается он посредством осознания особого ощущения, возникающего перед тем, как человек проваливается в глубокий сон,- говорил дон Хуан.- Это ощущение сродни чувству приятной тяжести, которая не дает нам открыть глаза. Мы достигаем _врат_ в то самое мгновение, когда осознаем, что засыпаем, паря во тьме и ощущении тяжести.

- Но как я могу осознать, что засыпаю? Существуют ли какие-либо специальные приемы?

- Нет. Никаких специальных приемов. Просто _намерение_ осознать, что засыпаешь." (IX, 43)

Но для осуществления этой уловки требуется еще одна уловка. Опыт _сновидящих_ говорит о том, что осознание засыпания приходит легче всего в том случае, если настраиваешь себя увидеть во сне конкретный объект. Именно с этой целью дон Хуан предложил Кастанеде "найти во сне свои руки". Избранный конкретный объект (в данном случае, руки) оказывается опорой или точкой отсчета, к которой _сновидящий_ возвращается все время, чтобы удерживать таким образом контроль. На остальные объекты сновидения он бросает короткие, целенаправленные взгляды, постепенно добиваясь все более устойчивой картины перцепции. Эти упражнения являются косвенным методом обретения контроля над собственным энергетическим телом - быть может, самым эффективным способом из всех известных:

"Цель _сновидения_ - формирование _намерения_ добраться до энергетического тела? - вдруг спросил я, побуждаемый каким-то странным импульсом.

- Да, конечно, можно сказать и так,- согласился дон Хуан.- В данной конкретной ситуации, поскольку мы ведем речь о _первых вратах сновидения_, целью _сновидения_ является формирование _намерения_ заставить энергетическое тело осознать, что ты засыпаешь. Заставить нужно не себя, а свое энергетическое тело. Причем скорее не заставить, а просто позволить ему осознать, что ты засыпаешь. Ибо _намерение_ - это желание, в котором отсутствует желание, действие, в котором отсутствует деяние. _Намереваться_ - значит, хотеть, не желая, делать, не делая." (IX, 46-47)

В каком-то смысле, благодаря осознанию засыпания, энергетическое тело впервые начинает осознавать себя как сущность, способную действовать и изменяться. Даже не подозревая об этом, субъект начинает манипулировать чем-то, прежде пребывавшим полностью вне сознания и контроля. Впрочем, даже после этого _сновидящий_ не может объяснить, что он, собственно, делает. Он просто начинает испытывать странные и почти неуловимые чувства. Открывается некий тайный ход, таинственная пружина приводится в действие невыразимым волевым импульсом. Поначалу пружина работает непредсказуемо, и сновидец никак не может угадать, удастся ли ему сегодня ночью войти в _сновидение_.

Постепенно опыт удается все чаще, возникает все более реальное ощущение контролируемости процессов, но суть контроля до конца остается неописуемой - даже для подлинного мастера. Это неизбежно, потому что _внимание сновидения_ относится к миру _воли_, а не _разума_ - к миру _нагуаля_, безъязыкому и непередаваемому.

Но вернемся к первым вратам _сновидения_. Как вы понимаете, до них нужно не только _добраться_ - их необходимо _преодолеть_. Дон Хуан по этому поводу дает следующие рекомендации:

"Сейчас я еще раз расскажу тебе, что следует делать во сне, чтобы пройти сквозь первые врата сновидения. Сфокусируй взгляд на чем-нибудь, что ты выберешь в качестве точки отсчета. Затем переводи взгляд на другие объекты, мгновение смотри на них, сразу же возвращаясь к точке отсчета. Помни: если ты бросаешь лишь короткие взгляды, образы не сдвигаются.

- Что это значит - пройти сквозь первые врата сновидения?

- Мы достигаем первых врат, когда осознаем мгновение засыпания либо когда видим фантастически реальный сон. После того, как мы их достигли, нам необходимо пройти сквозь них, обретя способность сохранять образ любого объекта, присутствующего в содержимом наших снов. <...> Каждый раз, когда ты выделяешь точку отсчета и бросаешь на нее взгляд, ты испытываешь прилив энергии. Поэтому для начала не пытайся взглянуть на большое количество объектов. Четырех будет достаточно. Потом постепенно ты будешь расширять диапазон, пока не научишься разглядывать все, что захочешь. Но всегда, как только образы начинают сдвигаться и ты чувствуешь, что утрачиваешь контроль, немедленно возвращайся к точке отсчета и начинай сначала." (IX, 52-53)

Как видите, обретенный контроль тут же оборачивается дополнительным источником энергии, что лишний раз подтверждает - мы имеем дело с энергетическими порогами или скачками, преодолевая которые всякий раз выходим на более мощный уровень функционирования, благодаря чему и формируется постепенно _тело сновидения_.

Вторые врата, по словам дона Хуана, достигаются следующим образом:

"Давай-ка вернемся к основной теме,- предложил он.- Вторые врата _сновидения_ достигаются тогда, когда ты "просыпаешься" из одного сна в _другом сне_. Ты можешь иметь столько параллельных _сновидений_, сколько захочешь. Или столько, сколько сможешь. Главное - в одинаковой степени все их контролировать и "проснуться" в одном из них, а не в нашем мире известного.

Меня охватила паника.

- Уж не хотел ли ты сказать, что я никогда не проснусь в этом мире? - спросил я.

- Нет, этого я не говорил. Но раз уж ты затронул эту тему, я вынужден сказать тебе, что такое тоже возможно. Маги древности имели обыкновение так поступать. Они никогда не просыпались в этом мире известного. Так поступили и некоторые из магов моей линии. Конечно, это можно сделать, но я бы не советовал. Я хочу, чтобы по окончании практики _сновидения_ ты проснулся самым обычным и естественным образом. Но вот во время практики тебе должно присниться, что ты проснулся в _другом сне_." (IX, 65)

Далее дон Хуан рассказывает Кастанеде об одной проблеме, связанной со вторыми вратами сновидения. Он объясняет, что если человеку присуще потакание себе, он легко может увлечься, перескакивая из одного сна в другой, так как этот процесс вызывает странное удовольствие и словно бы заманивает все дальше и дальше. В конце концов сновидящий может оказаться в настолько удаленных позициях сновидения, что ему не хватит энергии вернуться в мир первого внимания.

"Неужели тело или мозг естественным образом не среагируют и не пресекут это?" - спрашивает Кастанеда.

"Пресекут, если это естественный, то есть нормальный сон. Но в нашем случае о нормальном сне речь не идет. Мы говорим о _сновидении_. А _сновидящий_, преодолевший _первые врата сновидения_, достиг осознания энергетического тела. И именно энергетическое тело проходит сквозь _вторые врата сновидения_, перескакивая из одного сна в другой.

- Что же из всего этого следует, дон Хуан?

- То, что после преодоления _вторых врат сновидения_ тебе следует сформировать _намерение_ обрести еще более жесткий и трезвый контроль над _вниманием сновидения_, потому что оно - единственный предохранительный клапан для _сновидящего_.

- Что такое предохранительный клапан?

- Тебе еще предстоит обнаружить, что истинной целью _сновидения_ является совершенствование энергетического тела. А совершенное энергетическое тело обладает, кроме всего прочего, настолько четким контролем над _вниманием сновидения_, что может остановиться по знаку последнего там, где это необходимо. Это и есть тот предохранительный клапан, который имеется в распоряжении _сновидящих_. И не важно, насколько глубоко погрузился _сновидящий_ и в какой степени он индульгирует в данный конкретный момент, _внимание сновидения_ должно выбросить его на поверхность, как только в этом возникает необходимость." (IX, 66-67)

Через некоторое время дон Хуан уточнил свои инструкции. В частности, он сообщил, что существует два правильных способа преодоления вторых врат _сновидения_. Первый заключается в том, чтобы проснуться в другом сне. Это означало, что вы видите сон, в котором переживаете пробуждение и оказываетесь в следующем сне, не возвращаясь в состояние бодрствования. Второй способ (каким интуитивно воспользовался Кастанеда) заключался в обретении способности фокусировать внимание на одном из объектов сна, чтобы тот переносил сновидящего в другой сон, каким-то образом связанный с первым. Такое последовательное переключение оказалось увлекательным, и Карлос часто забирался в немыслимые глубины, следуя усвоенному принципу.

Но здесь мы сталкиваемся с очень важной и несколько пугающей темой. Дело в том, что спустя некоторое время дон Хуан предложил Кастанеде иной взгляд на проблему преодоления вторых врат сновидения.

"Ты уже понял, что врага сновидения представляют собой особые препятствия,- сказал он,- но ты не понял до сих пор одной вещи: что бы ни бралось в качестве упражнения для достижения и пересечения _врат_ - это все не то, что помогает преодолеть эти _врата_ на самом деле.

<...> Поскольку вторые врата сновидения достигаются и пересекаются, только когда сновидящий научился находить и использовать энергию иного типа - энергию _лазутчиков_." (IX, 143)

О сотрудничестве магов с неорганическими формами жизни мы еще скажем отдельно, но уже сейчас нельзя не отметить "подозрительный" факт: маги в своих действиях не так уж независимы, они вынуждены пользоваться чужеродной энергией существ из других миров - своеобразие возникающих между ними взаимоотношений легко приводит к зависимости, и _сновидящий_ должен приложить максимум усилий, чтобы не допустить такого поворота событий. В этом, конечно, заключен известный парадокс: воин ищет свободу, но использует для этого чужую энергию. Рискованная игра, но дон Хуан утверждает, что мы не имеем другого выхода. "Он повторил, что _сновидения_ являются изобретением древних магов, и практиковать их нужно по их собственным правилам. Он описал правило для вторых врат в терминах последовательности из трех шагов: первый - используя практику изменения _сновидений_, _сновидящие_ открывают для себя

лазутчиков, второй - следуя за ними, они попадают в другую подлинную вселенную; и третий - с помощью собственных действий _сновидящие_ сами выясняют законы и правила, управляющие этой вселенной." (IX, 144)

Впрочем, _лазутчики_ (в отличие от "союзников", о которых ниже) - относительно безобидные существа. Трудно сказать, в какой степени они обладают сознанием. Попадаются формы явно разумные, но большинство из них, скорее всего, являются простейшими энергоструктурами, достаточно подвижными и чутко реагирующими на приближение плотной энергии нашего вида. Если человек вступает с ними в контакт, находясь в _сновидении_, если он как бы присоединяется к их движению, то попадает в одну из параллельных вселенных. Выражаясь точнее, _лазутчики_ ведут за собой точку сборки и способствуют ее устойчивой фиксации в определенном положении. Это и значит "использовать энергию _лазутчиков_". Искусство фиксации точки сборки дон Хуан называет _сталкингом_, и мы уже подробно рассматривали этот аспект учения. В применении к технике _сновидения_ сталкинг - это, в первую очередь, работа с вниманием и восприятием. Конечно, те, кто овладели навыками сталкинга в бодрствующем состоянии, во сне могут применять его с гораздо большим успехом. На вопрос Кастанеды, каким образом достигается фиксация точки сборки, дон Хуан отвечает: "Продлевая присутствие объектов в _сновидении_ или же преднамеренно изменяя эти объекты. Занимаясь практикой _сновидения_, ты фактически учишься достигать гармонии; другими словами, ты получаешь навыки сохранять энергию в той новой форме, которую она принимает вследствие фиксации точки сборки в определенном месте в каждом конкретном _сновидении_.

- Умею ли я сохранять энергию в новой форме?

- Еще не очень хорошо, и не потому что ты не можешь этого делать, а потому, что ты _сдвигаешь_ точку сборки, а не плавно _двигаешь_ ее. Последовательность сдвигов приводит к появлению незначительных, почти незаметных изменений в том, что ты видишь. Вся трудность при этом состоит в том, что изменений так много и они настолько малы, что способность непрерывно находиться в состоянии гармонии свидетельствует о большом успехе.

- Как определить, находимся ли мы в состоянии гармонии?

- По ясности восприятия. Чем отчетливее то, что мы наблюдаем в _сновидении_, тем гармоничнее наше состояние." (IX, 100)

И вновь мы должны обратить ваше внимание на то, как тесно связаны между собой достижения в области безупречности и успехи в работе со _сновидением_. Жесткость фиксации точки сборки в привычном положении обеспечивается _чувством собственной важности_ и всем комплексом стереотипов реагирования, выработанным в бодрствующем состоянии. Тем, кто избрал путь _сновидения_, следует всегда помнить, что основной объем работы проделывается наяву. Именно в нашей повседневной жизни мы обучаемся ослаблению силы фиксации, а это, в свою очередь, определяет успешность тех или иных перцептивных экспериментов в _сновидении_.

С проблемой фиксации точки сборки в новом положении непосредственно связано одно из самых загадочных умений магов - умение физически превращаться в другие живые существа, о чем мы уже упоминали. В "Искусстве сновидения" Кастанеда приводит объяснения дона Хуана, в какой-то мере проливающие свет на эту загадку:

"Дон Хуан сказал, что эти действия основываются на смещении точки сборки. Старые маги не просто умели смещать точку сборки в тысячи различных положений на поверхности или внутри своих энергетических тел, но они еще и научились фиксировать свои точки сборки в этих положениях, и, таким образом, поддерживать гармонию неограниченно долгое время.

- Зачем все это было нужно, дон Хуан?

- Мы не можем сказать, к чему они стремились, но можем говорить о том, чего они достигли.

Он объяснил, что старые маги умели достигать такой совершенной гармонии, которая делала возможным восприятие всего и физическое превращение во все, что соответствовало конкретному положению их точек сборки. Они могли стать кем угодно или чем угодно из длинного списка, который, по его словам, представлял собой детальное описание восприятия мира различными сущностями, например, ягуаром, птицей, насекомым и так далее.

- Мне очень трудно поверить, что эти превращения возможны, сказал я. Он сказал, что точки сборки старых магов обладали великолепной подвижностью. Им нужно было лишь слегка сместить их в соответствии с малейшей особенностью ощущения в _сновидении_, и сразу же с помощью _сталкинга восприятия_ они достигали нужной гармонии с окружающим миром, становясь животным, другим человеком, птицей или вообще чем угодно." (IX, 109-110)

Следует, однако, заметить, что фокусы древних магов не слишком интересуют новых _видящих_. Древние, по словам дона Хуана, были озабочены поиском вполне определенных преимуществ перед обычными людьми. Их привлекали такие вещи, как власть, сила и бессмертие. Они были заинтересованы в том, чтобы управлять окружающими, вызывать у них страх и восхищение. Поэтому их можно называть _магами_ в привычном для нас значении этого слова. Современный человек, не в меньшей степени склонный к прагматизму, не найдет в этом ничего дурного. Но - увы! - законы психического бытия, по-видимому, не оставляют нам возможности сочетать человеческое со сверхчеловеческим. Привязанность к искусственным ценностям _тоналя_ неминуемо заводит мага в тупик. Постоянный поиск компромиссов определяет, в конечном счете, дисгармонию и уродливость практических решений. Древние маги поймали сами себя в ловушку, их развитие остановилось, замкнувшись на себе, и участь их безнадежна, а может быть, даже ужасна. Только устремленность к сверхчеловеческому указывает путь к подлинной свободе, к подлинной бесконечности.

"Мы отправляемся в другие миры только в качестве упражнения. Такие путешествия были уделом бывших магов. Мы занимаемся _сновидением_, как и маги древности, но в то же время мы исходим из совершенно иных принципов. Старые маги предпочитали _сдвиг_ точки сборки, поэтому они всегда чувствовали себя в более или менее известном, предсказуемом положении. Мы же отдаем предпочтение _движению_ точки сборки. Старые маги искали неизвестное для людей. Мы ищем сверхчеловеческое неизвестное." (IX, 111)

Третьи врата _сновидения_ - переломный момент в практике. Если на предыдущих этапах _сновидящий_ был занят, в основном, тем, что формировал движущуюся единицу восприятия, привязанную либо к образам сна, либо к энергии _лазутчиков_, то теперь его задача - обрести полное осознание _тела сновидения_ и научиться двигаться в избранной перцептивной зоне без чьей-либо помощи. Можно сказать, что это серьезный шаг к слиянию внимания сновидения со вторым вниманием и нахождение связующего звена между первым вниманием и вторым. Любопытно, что такое приближение к целостности начинается с четкого осознания _раздвоенности_ существа. Другими словами, тело сновидения должно встретиться лицом к лицу с телом физическим, и это знаменует переход к процессу постепенного объединения. Дон Хуан подробно разъясняет этот момент:

"Ты достигаешь третьих врат сновидения, когда обнаруживаешь себя во сне смотрящим на другого спящего человека. И когда этот другой спящий человек оказывается тобой,- сказал дон Хуан.

<... >Для каждых врат сновидения существует два этапа прохождения через них... Первый, как ты уже знаешь, состоит в том, чтобы подойти к ним; второй - пересечь их. Если ты видишь во сне, что спишь,- ты подходишь к _вратам_. Второй этап состоит в том, чтобы после того, как ты увидел себя спящим, начать двигаться.

- У _третьих врат сновидения_, - продолжал он, - ты начинаешь преднамеренно сливать в одно целое реальность сна и реальность обыденного мира. Это задача, которую маги называют завершением энергетического тела. Слияние двух реальностей должно быть настолько полным, что тебе нужно быть более внимательным, чем когда-либо. Исследуй все, что встречаешь у _третьих врат_ очень тщательно и с интересом.

Я пожаловался, что его рекомендации слишком загадочны и кажутся мне бессмысленными.

- Что ты имеешь в виду, когда говоришь "очень тщательно и с интересом"? - спросил я.

- У _третьих врат сновидения_ мы склонны терять себя в деталях,- ответил он.- Рассматривать вещи с большой тщательностью и интересом означает противостоять почти непреодолимому стремлению углубиться в детали. Эта задача, которую я назвал _третьими вратами_, состоит в том, чтобы увидеть энергетическое тело. _Сновидящий_ начинает работать с энергетическим телом, выполняя задания _первых_ и _вторых_ врат. Когда он достигает _третьих врат_, его энергетическое тело готово к отделению, или, возможно, лучше будет сказать, что оно готово к тому, чтобы действовать. К несчастью, это также означает, что оно готово очароваться деталями.

- Что значит "очароваться деталями"?

- Энергетическое тело напоминает ребенка, который всю свою жизнь был взаперти. Когда он оказывается на свободе, он впитывает в себя все что находит. Я хочу сказать, что это может быть все что угодно. Каждая незначительная, мельчайшая деталь полностью поглощает внимание энергетического тела.

За этими словами последовала неловкая тишина. Я не знал, что сказать. Я понял его прекрасно, но мне просто никогда не доводилось пережить на опыте ничего такого, что могло бы дать мне представление о его словах.

Наиболее упрямая деталь становится целым миром для энергетического тела, объяснил дон Хуан.- Чтобы управлять энергетическим телом, _сновидящие_ должны прилагать потрясающие усилия. Я знаю, что когда я советую тебе обращаться с вещами тщательно и с интересом, это звучит нескладно. Но это лучший способ описать то, что ты должен делать. У _третьих врат_ _сновидящие_ должны избегать непреодолимого стремления погружаться в любую деталь. Они достигают этого, постоянно проявляя такой интерес ко всему и такое настойчивое желание погрузиться во все, что ни одна конкретная вещь не может приковать их к себе." (IX, 183-185)

У третьих врат сновидения _тональ_ в очередной раз подвергается мощной и разрушительной атаке. Резко возрастает его сопротивление, и это неудивительно: слияние _сновидения_ с первым вниманием окончательно лишает описание мира непререкаемой самоценности, которая была возможна только в условиях его изолированного существования. Вплоть до этого момента _тональ_ держится за иллюзию эфемерности миров _сновидения_, он готов допустить, что эти миры _как-то_ существуют там, где царят иные законы восприятия и мышления. Обыденный же мир нуждается в исключительной опеке _тоналя_, в его _внимании_, здравомыслии и рациональности - что и является законами _принятого описания_. Достижение третьих врат делает _тональ_

абсолютно беспомощным, ему кажется, что в его существовании больше нет никакого смысла, и он начинает испытывать страх - подсознательный _страх смерти_: "Я поспешил сменить тему и сказал ему, что еще одной особенностью моей практики _сновидения_, которую следует упомянуть, была моя реакция на видение себя, спящею глубоким сном. Это зрелище всегда до того пугало меня, что я оказывался не в состоянии сдвинуться с места, как приклеенный, пока сон не менялся, или же страх поражал меня так сильно, что я просыпался с громким криком. Я дошел до того, что боялся засыпать в те дни, когда знал, что должен увидеть этот сон. " (IX, 190)

Дон Хуан мгновенно понял смысл происходящего. Единственным лекарством от страха является полная "очистка" _тоналя_. Как вы помните, фундаментом _сталкинга_ - наивысшего контроля над собственным поведением и реагированием - является _перепросмотр_. Эта техника, неразрывно связанная с _безупречностью_, производит глубинную очистку острова _тональ_, освобождая от старых подсознательных привычек и закрепляя _безупречные_ стереотипы реагирования во всем психическом пространстве личности. И учитель советует Кастанеде продолжить _перепросмотр_ своей жизни:

"Ты все еще не готов для слияния реальности _сновидения_ и реальности обыденного мира,- заключил он.- Ты должен перепросматривать свою жизнь дальше.

- Но я уже сделал весь возможный перепросмотр, - запротестовал я. - Я занимался этим несколько лет. Не осталось ничего, чего бы я не мог вспомнить из своей жизни.

- Должно быть, осталось еще много чего,- сказал он непреклонно,- иначе ты не просыпался бы с криком.

<...> Перепросмотр наших жизней никогда не должен заканчиваться, независимо от того, как бы хорошо он ни был осуществлен один раз,- сказал дон Хуан.- Причина, по которой обычные люди не могут управлять своей волей в _сновидениях_, состоит в том, что они никогда не совершали перепросмотр своей жизни, и их сны по этой причине переполнены очень интенсивными эмоциями, такими как воспоминания, надежды, страхи и так далее и тому подобное.

Мои же благодаря перепросмотру относительно свободны от тяжелых и сковывающих эмоций. И если что-то преграждает им путь, как сейчас в твоем случае, значит, в них есть еще что-то не вполне прояснившееся." (IX, 190-191)

"Перепросматривая наши жизни, мы становимся все более к более парящими," - утверждает дон Хуан, настаивая, что успешное _сновидение_ без перепросмотра невозможно.

Состояние _сновидения_ достаточно противоречиво, но источником противоречий в отношении к воспринимаемому всегда остается _тональ_ - та штука, от которой мы не можем избавиться, необходимая нам в любом режиме перцепции, но требующая упорного и длительного труда для ее радикальной трансформации. Порою маг должен испытывать искушение выкинуть свой _тональ_ на свалку - настолько он надоедлив в своих однообразных заблуждениях и пристрастиях, но утрата тоналя - это смерть или безумие. Противоречие, о котором мы упомянули, сводится к тому, что тональ одновременно сковывает движение сновидящего, внушая ему страх, и создаст настроение опасного легкомыслия, поскольку не может поверить в реальность происходящего в сновидении. Если верх берет страх, мы парализованы и не способны постигать, если же побеждает легкомыслие, мы в любой момент можем оказаться в безвыходной ситуации и погибнуть, не успев даже понять, что нам пришел конец. "Это неспособность понять, что ты находился на самом пороге смерти,- говорит дон Хуан.- Поскольку ты не ощущаешь физической боли, ты не можешь убедить себя, что ты был в смертельной опасности." (IX,

198) Найти верную точку отсчета, правильное и продуктивное отношение к непривычным способам восприятия помогает лишь _безупречность_, оставаясь, как всегда, универсальным средством защиты и идеальным психическим фоном для любого развития.

С подобной проблемой, происходящей от бестолковости и назойливости _тоналя_ во внимании _нагуаля_, Карлос столкнулся как раз у третьих врат _сновидения_. Он долго не мог понять, каким образом происходит на этом уровне передвижение энергетического тела:

"Ты пытаешься делать это так, будто находишься в обыденном мире. Мы тратим так много времени и усилий, чтобы научиться ходить, что верим в необходимость так же постепенно обучать умению ходить наше энергетическое тело. Но нет причин, по которым это следовало бы делать так, кроме той, что такое передвижение - самое понятное для нашего ума.

Я удивлялся простоте решения. Я мгновенно понял, что дон Хуан был прав. До этого я ошибался потому, что привязался к одному уровню понимания. Он сказал мне, что как только я достигну _третьих врат_ сновидения, я должен буду двигаться в пространстве, и это движение я понимал как ходьбу. Я сказал ему, что понял его точку зрения.

- Это не моя точка зрения, - сказал он отрывисто.- Это точка зрения магов. Маги утверждают, что у _третьих врат_ все энергетическое тело может двигаться так, как движется энергия: быстро и прямо. Твое энергетическое тело знает, как ему двигаться." (IX, 197-198)

Однако мы помним, что существует одно радикальное средство, позволяющее на время полностью избавиться от ограничений и условностей _тонального_ восприятия. Это _видение_. Только оно в достаточной мере отражает Реальность и может обеспечить нас критериями различия. Если бы не _видение_, мы бы полностью и безнадежно запутались в собственных грезах, что и происходит постоянно с последователями оккультизма. Дон Хуан специально учит Кастанеду _видеть_ энергию во сне, чтобы он имел надежный способ удостовериться в _реальности_ того или иного объекта.

"За этим последует то, что называют жемчужиной магов,- продолжал дон Хуан.- Ты будешь практиковать _видение энергии в сновидении_. Ты справился с заданием _третьих врат сновидения_: научиться свободно перемещать энергетическое тело. Теперь ты будешь работать над настоящей задачей: _видением энергии_ с помощью своего энергетического тела.

- Ты уже _видел_ энергию раньше,- говорил он,- на самом деле, много раз. Но каждый раз до сих пор твое _видение_ было случайным. Теперь ты будешь заниматься этим целенаправленно.

- Из повседневного опыта _сновидящие_ знают,- продолжал он,- что если энергетическое тело сформировано, человек видит энергию каждый раз, когда он рассматривает какой-нибудь предмет реального мира. Если же он _видит_ энергию предмета во сне,- он тем самым может узнать, что находится в реальном мире, каким бы искаженным ни казался мир для его _внимания в сновидении_. Если же он не может _видеть_ энергию предметов,- это обычный сон, а не реальный мир.

- Что такое реальный мир, дон Хуан?

- Это мир, порождающий энергию; он представляет собой противоположность призрачного мира иллюзии, где ничто не порождает энергию, как бывает в большинстве наших снов, заполненных вещами без энергетического потенциала." (IX, 209)

Достижение и преодоление третьих врат сновидения позволяет, таким образом, магу предпринимать осознанные путешествия в своем энергетическом теле по океану бытия - как в нашем мире, так и в различных иных мирах. Интересно, что дон Хуан называет средством передвижения _осознание_. Мы не привыкли рассматривать осознание как

энергетический факт, но _видящие_ на практике убедились, что это специфическое состояние волокон, характеризующееся повышенной интенсивностью, т.е. _свечением_. Область осознания обычно располагается вокруг точки сборки, и _видящие_ наблюдают ее как яркое сияние округлой формы. В процессе развития мага эта область постепенно расширяется и углубляется, а в момент слияния первого и второго внимания охватывает довольно значительную часть кокона. Эти сияющие волокна с наибольшей легкостью следуют за движением точки сборки, когда она устремляется далеко вовне. Они же обеспечивают контроль и устойчивую фиксацию точки сборки в избранной позиции. Таким образом, развивая внимания и способность управлять восприятием, мы расширяем зону интенсивного свечения волокон, и тем самым делаем их более подвижными. Именно сияние как свидетельство высокой энергетичности существа привлекает лазутчиков и все, что необходимо для дальнейшего погружения в Реальность. В этом смысле _осознание_ действительно можно назвать "средством передвижения" мага. О путешествиях энергетического тела и _осознании_ дон Хуан говорит так:

"В чем различие между физической и энергетической составными частями [человеческого существа - А. К.]? - спросил я.

- Различие между ними в том, что физическая часть - это часть общепринятой системы описания мира, в то время как об энергетической этого сказать нельзя. Но энергетические сущности, такие как осознание, тоже существуют в нашей вселенной. Мы как обычные люди замечаем только физический мир, потому что нас приучают к этому. Маги замечают еще и энергетический мир все по той же причине: их приучают к этому.

Дон Хуан объяснил, что использование осознания как энергетического элемента нашего окружающего мира, это суть магии. С точки зрения тактики магии последовательность действий мага очерчивается так. Первое - освобождение существующей в нас энергии в ходе безупречного следования пути мага. Второе: использование этой энергии для развития энергетического тела с помощью _сновидения_. И третье: применение осознания как части окружающею мира для вхождения в энергетическом теле в другие миры совместно со всеми нашими физическими проявлениями.

- Существует два типа энергетических путешествий в иные миры, продолжают он. Первый - когда осознание независимо от желания мага подхватывает энергетическое тело и доставляет его куда-нибудь. Другой имеет место, когда маг сам в полной ясности ума решает воспользоваться осознанием, чтобы совершить путешествие. Ты уже знаком с первым типом передвижения. Чтобы овладеть вторым, требуется большая настойчивость." (IX, 234)

В какой-то момент развитие _осознания_ достигает критического порога. Зона "сияния" становится настолько обширной, что может перетянуть в позицию сновидения весь кокон целиком. В подобной ситуации термины "физическое тело" и "энергетическое тело" совершенно теряют смысл. Вся структура движется вслед за точкой сборки, а качества обоих "тел" сливаются воедино. Этот процесс, правда, имеет одну весьма опасную особенность, так как "тяжелый", физический компонент кокона несет в себе очень большую энергию, направленную на фиксацию точки сборки в любой позиции; маг, экспериментирующий с телепортациями в иные миры, рискует остаться там навсегда, так как попросту забудет о том, откуда явился. Физическое тело настолько крепко блокирует все сдвиги точки сборки из нового положения, что воспоминания о родном мире быстро ускользают из области сознания. Подобный случай чуть было не произошел с Кастанедой и Кэрол Тиггс ("Искусство сновидения", гл. "Сталкинг сталкеров"). Если дело обстоит таким образом, то, быть может, среди нас тоже блуждают гости из совсем иных миров, потерявшие и память, и прежний свой облик,- кто знает?

Для того, чтобы избежать подобной опасности, воин до совершенства оттачивает свою _безупречность_. Только _безупречность_ дает необходимую гибкость _тоналю_, чтобы он смог преодолеть инерцию физического тела.

Описывая переход физического тела под контроль энергетического, дон Хуан употребляет выражение "склонить чашу весов":

"Дон Хуан объяснил, что выражение "склонить чашу весов" означает в магии добавить весь свой физический вес к энергетическому телу. Он сказал, что при использовании сознания в качестве средства перемещения в другой мир решающую роль играет не применение какого-то метода, а совокупность _намерения_ и достаточного запаса энергии...

<...>Весь наш физический вес должен быть перенесен на энергетическое тело... Трудность этого маневра в том, чтобы обучить энергетическое тело вести себя соответствующим образом. Но вы оба уже сделали это. Плохое умение обращаться с энергетическим телом - единственная причина, по которой вы можете потерпеть неудачу, выполняя этот изящный прием окончательного _сталкинга_." (IX, 239)

О четвертых вратах _сновидения_ Кастанеда сообщает крайне мало и довольно туманно. Видимо, примерно здесь прерываются инструкции дона Хуана, который готовился к окончательному переходу в Реальность и не имел больше времени обучать Карлоса. Вот что он успел ему сообщить:

"Дон Хуан объяснил, что в четвертых вратах _сновидения_ тело энергии путешествует в особые конкретные места, и что существует три пути использования четвертых врат: первый - путешествовать в определенные места этого мира, второй - путешествовать в определенные места за пределами этого мира, и третий - путешествовать в те места, которые существуют только в _намерении_ других. Он отметил, что последний путь наиболее трудный и опасный из всех и, более того, является склонностью древних магов." (IX, 252)

В другом месте той же книги мы находим еще один, правда, довольно туманный намек на способ преодоления четвертых врат _сновидения_. Кэрол Тиггс произносит любопытную фразу: "Второй сон начинается во втором внимании - это единственный путь переступить четвертые врата сновидения." (IX, 307) То есть, речь идет об очень сложной манипуляции осознанием: засыпая, мы входим во _внимание сновидения_, с его помощью собираем всю нашу целостность в новой позиции и попадаем во _второе внимание_ после пробуждения, затем мы должны снова уснуть и снова войти во внимание сновидения, не возвращаясь по дороге в первое внимание.

Таким образом, Карлос Кастанеда напоследок оставляет еще одну загадку. Мало того, что нам не очень понятно, как все-таки преодолеваются четвертые врата,- мы вовсе ничего не знаем об остальных трех. Ведь дон Хуан в свое время сказал, что _сновидение_ имеет семь врат. Начиная с этого момента, мы можем опираться лишь на собственную интуицию. А в заключительной части девятой книги Карлос делится с читателями одним тонким приемом, используемым в сновидении для достижения устойчивой фиксации точки сборки,- приемом "сдвоенных позиций". По его словам, знание этого приема было получено им от древнего мага, "бросившего вызов смерти", которого воины линии дона Хуана прозвали _арендатором_. Тот предложил Кастанеде эту информацию в обмен на полученную от него энергию. _Арендатор_ - довольно эксцентричная фигура. В свое время он переместил свою точку сборки в положение женщины и большую часть времени стал проводить в женском облике. Поэтому глава, посвященная _арендатору_, названа Кастанедой "Женщина в церкви". Вот разъяснения этой удивительной "женщины":

"Начни _сновидеть_, расположившись на правом боку, чуть согнув ноги в коленях,- сказала она.- Правило заключается в том, чтобы сохранить эту позицию и заснуть в ней.

Затем в _сновидении_ упражнение заключается в том, чтобы видеть во сне, что ты ложишься именно в этом положении и снова засыпаешь.

- Что это дает? - спросил я.

- Это делает точку сборки неподвижной, я имею в виду, - действительно неподвижной,- в каком бы положений она не была в момент _второго засыпания_.

- И что будет в результате этого упражнения?

- _Полное восприятие_. Я уверена, твои учителя уже говорили тебе, что мои подарки - это подарки _полного восприятия_." (IX, 286)

"Затем она предупредила меня, что пройти через четвертые врата и продвигаться по местам, которые существуют лишь в чьем-то воображении - весьма рискованно, так как каждый момент такого сна должен быть абсолютно личным моментом.

- Ты все еще хочешь идти? - спросила она. - Я сказал, что да. Потом она еще кое-что рассказала мне о сдвоенных позициях. Суть ее объяснения сводилась к тому, что, к примеру, я _сновижу_ мой родной город, и мое _сновидение_ началось, когда я лежал на правом боку и видел сон, что я заснул. _Второе сновидение_ не должно быть обязательно сном о моем родном городе, но быть наиболее конкретным сном, какой только можно вообразить.

Она была уверена, что в своей практике _сновидения_ я получал бесчисленное множество конкретных деталей, но заверяла меня, что каждая из них скорее всего была случайностью. Потому что единственным способом полностью контролировать сны является использование техники сдвоенных позиций." (IX, 289)

Наверное, мы действительно не обладаем всей необходимой информацией по технике _сновидения_. И, тем не менее, нам кажется, что практиковать этот интересный метод, опираясь на книги Кастанеды, все-таки возможно. Если же говорить о рискованности подобных занятий, то мы должны заявить со всей убеждённостью, что даже самая исчерпывающая информация не снизит степень риска, ибо в конечном счете все решают две вещи: _безупречность_ и _намерение_.

3. "Союзники"

"_Вызов и общение с ними опасно, ибо никогда не знаешь, доброе или злое начало они представляют_."

Парацельс

Кастанеда давно имеет дело с "союзниками". По его отчетам, он впервые увидел "союзника" в измененном состоянии сознания 3 сентября 1969 года после курения "дымка". В первых книгах вокруг этого понятия довольно много путаницы. Что-то заставляло дона Хуана быть крайне осторожным и уклончивым при подходе к описанию данного аспекта своего знания. Сначала он называет "союзниками" чертову травку и дымок, затем - каких-то загадочных духов, обитающих в глухих чащобах и склонных пугать человека до смерти, ломая вокруг ветки, производя всякие странные звуки и мягко постукивая его по голове и плечам. В третьей книге выясняется, что союзник может принимать человекоподобную форму и с ним необходимо сразиться, чтобы обрести силу для проникновения в _нагуаль_. Но в четвертой книге дело приобретает неожиданный поворот, и оказывается, что истинный союзник - это нечто, напоминающее "бабочку", которое может одарить "золотой пыльцой знания". Те, кто не смог прочитать остальные произведения Кастанеды, ничего толком поэтому поводу не поняли. Правда, подлинные специалисты не растерялись. Например, большой поклонник юнгианского психоанализа

Дональд Ли Вильямс в своей работе "Пересекая границу", изданной в 1981 году и основанной на первых пяти книгах Кастанеды (русский подвод - СПб., 1994), выходит из положения просто. Он полагает, что союзник - это "автономный бессознательный комплекс", то есть вынесенный вовне и извлеченный из бессознательного образ, концентрирующий в себе экзистенциальную проблему личности. Мы не беремся судить, достаточно ли ясно представляют себе сами психоаналитики, о чем говорят. Во всяком случае, это что-то крайне сложное. Когда дело касается снов или галлюцинаций, такое объяснение, конечно, приемлемо. Механизм развития подобного "комплекса" Вильямс описывает так: "Если индивид отгорожен от своего гнева, он может переживать жуткий страх, когда попадает в ситуацию, группирующую (констеллирующую) его гнев. Возможно, во сне он видит, что в самой основе его лежит какая-то ужасающая невыразимая сила. Со временем он начинает развивать отношение со своим гневом, и по мере того, как он становится все более способным интегрировать этот аспект своей тени, сами репрезентации его гнева в сновидениях подвергнутся разнообразным изменениям. Гнев может появиться в виде разъяренного быка, угрожающего сновидцу, а затем в образе бога войны, Ареса... По мере того, как его гнев становится более естественной частью его жизни, он может увидеть во сне разгневанного приятеля. В начале самого процесса он переживает гнев как жуткую чуждую силу, а в конце он предстает ему в виде знакомой части самого себя... Союзник, конечно, может быть и просто любовью, творческой энергией, религиозной идеей или любой другой архетипической возможностью." (Указ. изд., сс. 117-118.)

Вот как интересно мыслят психоаналитики. В _нагуале_ они видят _бессознательное_, в технике _сновидения_ - процесс "активного воображения", в мистическом "союзнике" - автономный комплекс. Все в порядке! От знания дона Хуана не осталось ничего, кроме психотерапии - по Юнгу. Интересно, что таким же образом психоанализ расправился с пресловутым полтергейстом, хотя тут уж вовсе непонятно. Как психический комплекс, пусть даже самый автономный, заставляет летать предметы, двигать мебель и причинять порой значительный материальный ущерб, громя целые дома? Очевидно, подразумевается, что измученный неосознанной проблемой индивид делает все это сам, ничуть не подозревая в себе таких способностей. Описанные и документально зафиксированные факты в эту версию никак не вписываются, но психоаналитики все же твердо стоят на своем. Вряд ли нужно специально доказывать, что и с дон-хуановским "союзником" так просто не обойдешься. Хотя бы потому, что количество комплексов у Кастанеды в процессе обучения уменьшается, а "союзники" не только не уходят, но демонстрируют свое существование все более ярким и странным способом. И, наконец, самое главное: дон Хуан в конце концов объясняет Кастанеде, что же они собой представляют, и его объяснения бесконечно далеки от психоанализа. Вот только невольно подумаешь: уж лучше бы Вильямс оказался прав! Страшноватая и подозрительная история вышла с этими "союзниками".

Когда дон Хуан описал энергетическую вселенную _нагуаля_, строение светящегося кокона и функцию точки сборки, место "союзникам" нашлось легко. Отныне учитель употребляет термин _неорганические существа_, указав, что их мир находится в некоем особом положении точки сборки. Он сообщил Карлосу, что в Реальности существует несколько различных форм жизни, и союзники - одна из них. Неорганические существа имеют свои достоинства и свои недостатки: они необыкновенно долговечны, состоят из субстанции более тонкой и гибкой, что позволяет им научиться странствовать по мирам без той длительной и болезненной подготовки, которая требуется человеку, их искусство в этой области необыкновенно развито, с другой стороны - их природе не хватает плотности энергии и нашей подвижности реакций, это медленные и тусклые существа,

испытывающие к органической жизни странную приязнь. Особенно их тянет к человеку, отчего и возникает порой непонятная связь между ними, переходящая у магов в плодотворное сотрудничество. Маги дают "союзникам" привлекающую их энергию, а те взамен помогают своим "кормильцам" при совершении различных магических трюков. Как вы помните, и дон Хуан, и дон Хенаро имели по два неорганических существа и прибегали к их помощи, по крайней мере, для обучения того же Карлоса и прочих учеников. И все же дон Хуан признавался, что недолюбливает "союзников" и владеет ими лишь потому, что получил их в наследство от своего бенефактора. Между прочим, он как-то рассказал Кастанеде, что в нашем мире полным-полно "союзников", но мы их не замечаем, так как те либо предпочитают оставаться невидимыми, либо надевают маску животных, птиц, людей. Видимо, с такими феноменами и сталкивался Карлос многократно - например, когда получил взбучку от неизвестного "духа", уснув ночью возле костра; когда беседовал с койотом или в ужасе бежал от темного параллелепипеда, дробившего при движении камни.

Итак, если верить Кастанеде, иные энергетические формы, наделенные жизнью и сознанием, скитаются по Земле в поисках "лакомого блюда" - психической энергии человека. Всплески того рода энергии, что им особенно приятен, возникают у человека в процессе сильных эмоциональных переживаний: страха, злобы, разного рода восхищений, печали или любви. Эмоции могут быть как отрицательными, так и положительными - привлекательность в их силе, а не в качестве. Поэтому "союзники" обычно пугают человека или очаровывают, злят или влюбляют в себя - словом всячески выводят из равновесия. Очень сообразительным кажется нам предположение, что именно "союзники" виноваты в появлении многочисленных мифов и легенд - о леших, домовых, гномах, эльфах, русалках и т.д. Может, оно и так. И в наше время довольно часто поступает информация о весьма странных явлениях - начиная с необъяснимых стуков и заканчивая визитами гуманоидов, которые почему-то норовят утащить нас в свою "тарелку". Что-то из этого океана сообщений и показаний очевидцев смахивает на бред, что-то
- на действия внепланетного разума, а некая часть (и, между прочим, немалая) вполне подходит к категории "контакты с союзниками".

Впрочем, все это лишь догадки. Вернемся к девятой книге Кастанеды - в ней сообщаются поразительные вещи о контактах с неорганическими существами посредством техники _сновидения_. Во-первых, мы узнаем, что именно _сновидение_ естественным образом вводит "союзников" в зону нашего восприятия. Во-вторых, _сновидящий_ в процессе практики накапливает тот вид энергии, что привлекает к нему неорганических существ, и те слетаются, словно мотыльки на лампу. Первый вид неорганических существ, с которыми сталкивается сновидящий, называется _лазутчиками_:

"Сны - это если не дверь, то, определенно, лазейка в другие миры, - начал он.- Будучи таковыми, сны подобны улице с двусторонним движением. Через эту лазейку наше осознание пробирается в иные сферы бытия. А оттуда в наши сны пробираются _лазутчики_.

- Что такое _лазутчики_?

- Заряды энергии, которые вливаются в наши нормальные сны, смешиваясь с имеющимися там объектами. Всплески посторонней энергии - они поступают в наши сны, а мы интерпретируем их то ли как что-то известное нам, то ли - как неизвестное.

- Ты уж меня прости, дон Хуан, но как-то не доходит до меня твое объяснение.

- Не доходит, потому что ты настойчиво продолжаешь думать о снах известным тебе образом - как о том, что происходит с нами, когда мы спим. Я же настойчиво предлагаю тебе иную версию: сны - лазейка в иные сферы восприятия. Через нее просачиваются потоки неведомой энергии. И тогда мозг, или ум, или что-то еще - то, что эти потоки

энергии воспринимает - трансформирует их, превращая в части содержимого _сновидений_.

Дон Хуан немного помолчал, очевидно, чтобы дать моему уму время справиться с тем, что он рассказал.

- Маги осознают эти потоки посторонней энергии.- продолжил он.- Заметив их, маги стараются изолировать их от нормального хода _сновидений_.

- Почему маги изолируют их, дон Хуан?

- Потому что эти потоки приходят из иных реальностей. И если мы отследим их до самого истока, они послужат нам проводниками в пространства, наполненные такими тайнами, что даже магов бьет дрожь при одном упоминании об этой возможности.

- Каким образом маги изолируют их от нормального течения своих _сновидений_?

- При помощи тренировки и контроля _внимания сновидения_. В какой-то момент _внимание сновидения_ обнаруживает эти потоки энергии в ситуациях _сновидения_. Тогда весь сон тает, остается только чужеродная энергия." (IX, 51-52)

Возможно, _лазутчик_ - самая примитивная форма неорганических существ. По словам дона Хуана, сны обычных людей часто переполнены ими. Эти ловкачи разгуливают как раз в той части энергетического спектра, которая спонтанно становится доступной перцептивному аппарату во время нормального сна со сновидениями. Индейские маги утверждают, что абсурдность и подвижность образов обычного сна не столько результат алогичности подсознательного мышления, сколько последствие многочисленных атак чужеродных энергий, пытающихся пробиться сквозь _тональные_ барьеры восприятия сновидца. В определенном смысле значительная часть наших снов - это видимая поверхность энергетического поля битвы между человеческим _тоналем_ и упрямыми чужаками, пытающимися захватить внимание _сновидения_ и настроить его на нужный им тип энергообмена.

Если мы, скажем, видим во сне подлинный кошмар с чудовищными превращениями и испытываем особый, мучительный ужас, который, наверное, знаком всякому, в этот момент _лазутчик_ добивается своего и получает от нас энергетическую подпитку. С человеком, дисциплинирующим свои реакции (тем более, с воином) справиться куда сложнее. Повышенная способность контролировать ситуацию во сне и достаточное хладнокровие позволяют не только отразить атаку энергетического "паразита", но и повернуть события в прямо противоположную сторону. Такие случаи время от времени происходят, и совсем не требуется быть магом, чтобы победить _лазутчика_. Ведь, как мы уже сказали, они - довольно примитивные существа. Мне лично знакомы люди, имевшие поединок со своим кошмаром и добившиеся победы. Психоаналитики любят приводить похожие случаи, чтобы проиллюстрировать свою теорию "автономных комплексов". Например, такая история: некто довольно часто видит один и тот же кошмарный сон, будто поздним вечером идет по мосту, на котором стоит незнакомец в длинном темном плаще, повернувшись к нему спиной. Вид этой сцены вызывает у сновидца необъяснимый и нестерпимый ужас. От этого ужаса он просыпается в холодном поту и часами не может уснуть снова. Я советую ему собрать всю свою волю и в очередном сне заставить незнакомца обернуться, затем схватить его за руки и держать, что бы там ни происходило. Через некоторое время этот трюк удается: сновидец преодолевает ужас и хватает своего безмолвного врага. С тем вначале происходит всплеск отвратительных метаморфоз, затем он как-то бледнеет, образ становится неразличимым, растворяется, после чего все пропадает. Наш герой просыпается с чувством удивительного прилива сил, уверенности и высокого покоя. И это отличное состояние, в котором все удается, постоянно везет и т.п., держится у него несколько дней. Легко представить себе, какие интерпретации заготовлены для подобного случая психоанализом. Мы не знаем, кто здесь ближе к истине:

Фрейд, Юнг или дон Хуан. Если мы, однако, полагаем, что практические достижения дон-хуановской дисциплины - это реальность, а не вымысел и не галлюцинации, то, вернее всего, посчитаем, что имели дело с _лазутчиком_, а не с собственным "автономным комплексом". _Лазутчик_ провоцировал наш страх и питался им, а потом произошло нечто для него неожиданное: его самого поймали и заставили отдать свою энергию.

Все это - пустяковые приключения, поскольку обычный человек совсем не располагает тем качеством энергии, в котором особенно заинтересованы неорганические существа. Куда более серьезные проблемы возникают у тех, кто специально развивает свое _внимание сновидения_. Тут-то _лазутчики_ и превращаются из мелких паразитов в посланцев иного мира, чьи намерения довольно сомнительны. Кастанеда рассказывает:

"Еще я заметил, что каждый раз, когда чужеродная энергия проникала в мои сны, мое внимание в них _вынуждено_ было усиленно работать, чтобы превратить ее в какой-нибудь знакомый объект. Препятствие, с которым сталкивалось мое _внимание_ в этом случае, состояло в его неспособности полностью совершить такое преображение: в итоге я получал какой-то диковинный объект, почти мне незнакомый. Впоследствии чужеродная энергия довольно быстро исчезала; нестандартный предмет пропадал, превращаясь в пузырь света, который вскоре поглощался другими деталями моего сна

Когда я попросил дона Хуана прокомментировать то, что происходит в моем _сновидении_, он сказал:

- В настоящее время _лазутчики_ в твоих снах являются шпионами, присылаемыми из неорганического мира. Они очень недолговечны, что означает их неспособность долго оставаться во сне.

- Почему ты говоришь, что они - шпионы, дон Хуан?

- Они приходят в поисках возможности поглощать сознание других существ. У них есть собственное сознание и цель, хотя она недоступна постижению нашим разумом. По типу их сознания и замыслов их, вероятно, можно сравнить с деревьями. Внутренние устремления деревьев н неорганических существ непонятны нам, потому что они намного более медленны, чем наши. - Почему ты так считаешь, дон Хуан?

- И деревья, и неорганические существа живут дольше, чем мы. Они созданы, чтобы пребывать неизменными. Они неподвижны, но в то же время они заставляют все двигаться вокруг себя." (IX, 118-119)

Конечно, далеко не все _лазутчики_ принадлежат миру неорганических существ. Этот вид, возможно, чаще проникает в зону восприятия сновидца, но по мере того, как точка сборки все больше удаляется от своего изначального положения, бесконечное количество _лазутчиков_ из всех возможных вселенных наведываются поглядеть на человеческую форму - явление для них, разумеется, экзотическое. Дон Хуан говорил Кастанеде о трех типах лазутчиков и указывал, что различать их можно только в моменты _видения_, потому что это единственный способ идентифицировать качество их энергетики: "Мое энергетическое тело без труда различало два общих типа отрицательной энергии. Первый был присущ _лазутчикам_ из мира неорганических существ. Их энергия слегка шипела. Шипение было беззвучным, но оно имело все видимые признаки выделения пузырьков газа из воды, которая начинает кипеть.

Энергия второго общего типа _лазутчиков_ создавала у меня впечатление наличия более значительного могущества. Эти _лазутчики_, казалось, вот-вот воспламенятся. Они вибрировали изнутри так, будто бы были заполнены газом, находящимся под давлением.

Мои столкновения с враждебной энергией всегда были непродолжительными, потому что я всегда придерживался рекомендаций дона Хуана. Он сказал, что если при встрече с враждебной энергией не знаешь точно, что делать, или что ты можешь получить от нее,

довольствуйся быстрым взглядом. Что-нибудь помимо такого взгляда так же опасно и безумно, как игра с гремучей змеей.

- Почему это опасно, дон Хуан?

- _Лазутчики_ всегда очень агрессивны и крайне дерзки, - сказал он. Они вынуждены быть такими, чтобы добиваться цели в своих исследованиях. Сосредоточивать внимание на них равносильно подстреканию их к тому, чтобы они заинтересовались тобой. Стоит им сконцентрировать внимание на тебе, и ты будешь вынужден вступить с ними в контакт, а это, конечно же, опасно. Ты, например, можешь оказаться в конце концов в мире, вернуться из которого ты будешь не в состоянии, потому что тебе не хватит энергетических ресурсов.

Дон Хуан объяснил, что существует много больше типов _лазутчиков_, чем те два, которые я перечислил. На моем теперешнем уровне энергии я могу встретиться только с тремя из них. Он сказал, что тек двух, которых я описал, заметить легче всего. Их вид в наших снах так бросается в глаза, что, по его словам, они сразу же привлекают наше _внимание сновидения_. Он представил третий тип _лазутчиков_ как самый опасный в смысле агрессивности и могущества, потому что они имеют очень обманчивую наружность.

<...>Так вот, самые свирепые _лазутчики_ прячутся в наших снах под масками людей. Меня ожидал большой сюрприз, когда я в своем _сновидении_ сфокусировался на образе своей матери. После того, как я проявил свое _намерение видеть_, она превратилась в зловещий пузырь клокочущей энергии." (IX, 224-225)

И вновь нельзя не вспомнить психоаналитические концепции толкования сновидений. Как известно, именно с родителями связывает психоанализ основные комплексы личности и находит косвенное подтверждение своей теории в особой интенсивности сновидений, где присутствуют эти образы. Сообщение Кастанеды, как нам кажется, нисколько не противоречит открытиям данной психологической школы, но вносит неожиданное дополнение в общую картину подсознательных процессов. Как мы уже говорили, _видимое во сне_ - это перцептивный эффект (результат) столкновения тоналя индивидуума с внешними энергетическими потоками. Предыдущие концепции предполагали исключительно аутогенное происхождение наблюдаемых во сне образов, в том числе, когда они спровоцированы определенными фиксируемыми воздействиями (звуком, запахом, тактильными ощущениями, расстройствами функций организма в связи с приближающимся заболеванием и т.п.). В свете учения дона Хуана о _тонале_ и _нагуале_ можно сказать, что внешняя энергетическая агрессия, имеющая чуждую и неопределимую природу, интерпретируется перцептивным аппаратом человека в рамках тех представлений и образов, которые в обычной жизни содержат для него скрываемую в подсознательном угрозу. Очевидно, Фрейд был прав, относя образы отца и матери к наиболее мощным источникам реакций подсознательного (если не вдаваться в подробности его теории на этот счет). То же касается и других близких людей. Иными словами, чем более _значим_ для нас явившийся в сновидении образ, тем более мощная энергия может стоять за ним. Конечно, не следует думать, будто всякий раз, когда вы видите во сне близких людей, это встреча со свирепым _лазутчиком_
- только _видение_ позволяет выяснить истину.

"Противно то, что они обычно связать с образами наших родителей и близких друзей,- продолжал он.- Возможно, именно поэтому мы зачастую чувствуем беспокойство, когда они нам снятся.- Его улыбка дала мне понять, что его веселит мое смятение.- Среди _сновидящих_ есть правило считать, что третий тип _лазутчиков_ встречается им всегда, когда они чувствуют тревогу в связи с появлением родственников или друзей н снах.

Можно только посоветовать избегать этих образов в _сновидении_. Они - истинный яд." (IX, 226)

Но, в конце концов, _лазутчики_ - только "шпионы" неорганических существ, так что главная проблема не в них. Что же касается самих неорганических существ, то они были открыты магами давным-давно и далеко не только в _сновидении_.

"Маги увидели, что существует два типа сознательных существ, скитающихся по этой земле - органические существа и существа неорганические. Сравнивая их друге другом, маги увидели, что и те и другие являются сгустками свечения, сквозь которые во всех мыслимых направлениях струятся миллионы энергетических волокон вселенной. Отличаются они друг от друга формой и яркостью. Неорганические существа имеют вытянутые формы, похожие на свечи, и светятся тусклым светом. Органические же существа более округлы и обладают гораздо более ярким свечением. Еще одно существенное различие между ними, которое _увидели_ маги, состоит в том, что жизнь и сознание органических существ быстротечны, поскольку существа эти вынуждены жить в постоянной спешке. Неорганические существа живут неизмеримо дольше, потому что сознание их исполнено бесконечного покоя и глубины.

- Без особых сложностей маги могут взаимодействовать с неорганическими существами,- продолжал дон Хуан,- потому что последние обладают осознанием - главной характеристикой, необходимой для взаимодействия." (IX, 70-71)

Маги заинтересованы во взаимодействии с неорганическими существами. О причинах этой заинтересованности мы скажем несколько позже, теперь же следует осознать одно принципиальное положение в системе дона Хуана: практика _сновидения_ неминуемо ведет к столкновению с неорганическими существами, даже если мы пытаемся такой встречи избежать. Древние маги приманивали "союзников" именно своей практикой _сновидения_.

"_Сновидение_ означает удерживание точки сборки там, куда она сдвинулась во сне. Образующийся вследствие этого энергетический потенциал привлекает внимание неорганических существ. Как наживка привлекает рыб. И они идут на эту наживку. Достигая и преодолевая _первые_ и _вторые врата сновидения_, маги забрасывают наживку для неорганических существ и тем самым вынуждают их явиться.

Преодолев первые и вторые врата сновидения, ты довел до их сведения свое приглашение. Теперь жди, пока они подадут тебе знак." (IX, 73)

Любопытно, что когда мы входим в соприкосновение с неорганическими существами наяву в мире _тоналя_, первое внимание (и дон Хуан говорит об этом) чаще всего не способно их визуализировать. Присутствие их воспринимается нами исключительно в пределах телесных реакций - "в виде особого ощущения в теле человека, своего рода встряски или дрожи, которая пробивает человека до мозга костей" (IX, 74). Наверное, найдется немало людей, испытавших подобную реакцию в каких-то не совсем обычных условиях. Порой о необъяснимых вибрациях тела сообщают медитаторы или те, кто практикует аутогенную тренировку. Иногда подобный эффект предваряет совершенно исключительные феномены вроде контактов в "внеземным разумом" или загадочными духами, привидениями, всякой "чертовщиной" - совершенно темной областью в жизни "человека разумного", которую проще и спокойнее рассматривать как бред, галлюцинацию или сон.

В _сновидении_ происходит противоположное: наше внимание легко визуализирует "союзников", и крайне редко эти контакты вызывают вышеупомянутые телесные реакции. Такое положение имеет не только очевидные преимущества, но и свои недостатки. Проблема в том, что при первых соприкосновениях с неорганическими существами человек испытывает непреодолимый страх. Если его _безупречность_ не возьмет верх,

страх может стать навязчивым и даже патологическим. Как сказал дон Хуан, "нагоняя на человека страх, они вполне способны свести его с ума" (IX, 74). Тем не менее, маги не только преодолевают свой страх, но и находят важное практическое применение контакта с "союзниками".

"А что делают с неорганическими существами маги?

- Сливаются с ними. Превращают их в своих союзников. Образуют сообщества. Иногда их контакты выливаются в необычайную дружбу. Я называю такие отношения сотрудничеством без границ. Главнейшую роль в них играет восприятие. Ведь мы - существа общественные и неизбежно ищем компании других созданий.

Секрет успешного налаживания контактов с неорганическими существами заключается в том, что их не нужно бояться. Причем послание, которое человек им посылает, должно быть исполнено силы и отрешенности. В нем должно быть закодировано: "Я вас не боюсь. Приходите повидаться. Если явитесь - буду рад вас видеть. Если не захотите прийти - мне будет вас не хватать." Когда неорганические существа получают такое послание, их охватывает настолько неудержимое любопытство, что они непременно приходят." (IX, 74-75)

В чем же выражается такое сотрудничество? По словам дона Хуана, это своеобразный обмен энергией и информацией. В частности, маги используют неорганических существ в качестве "транспортного средства".

"Этим пользовались маги древних времен - именно им обязан своим происхождением термин "союзники". Союзники этих магов научили их смещать точку сборки за пределы светящегося яйца - в нечеловеческую вселенную. Таким образом, когда маг использует их в качестве транспортного средства, они переносят его в миры, находящиеся за пределами сферы человеческого." (IX, 75-76)

У вас еще не возникли определенные подозрения? Трудно удержаться, чтобы не вспомнить гоголевского черта, на котором известный литературный герой в Петербург летал. Кастанеда вряд ли читал Гоголя, но и ему тут же показалось, что дело нечисто:

"Я слушал его, и меня одолевали странные страхи и дурные предчувствия. Дон Хуан мгновенно понял, в чем дело.

- Ты религиозен до предела,- рассмеялся он.- И в настоящий момент почувствовал на своем затылке дыхание дьявола. А ты подумай об этом иначе. Мы верим, что может быть воспринято то-то и то-то. А _сновидение_ - это восприятие того, что выходит за пределы возможного." (IX, 76)

Однако мы должны признаю, что коснулись самой скользкой темы во всем учении дона Хуана. Все, что было сказано в книгах Кастанеды по поводу Реальности (_нагуаля_), однозначно указывало на нейтральность мироздания. Здесь нет ни добра ни зла, ни рая ни ада, ни бога ни дьявола. Тем не менее, нет ничего удивительного в том, что человек входит в разнообразные отношения с другими энергетическими формами вселенной. Он может иметь как друзей, так и врагов. Что же касается "союзников", то здесь, наверное, как нигде, обнажается противоречивый характер подобных отношений. С одной стороны, неорганические существа вызывают ужас, поскольку их сокровенная цель - соблазнить, запутать и навсегда оставить _сновидящего_ в своем мире. При этом поведение их настолько хитро и ковано, что аналогия с Дьяволом кажется более чем уместной:

"Они ведут себя, как дьяволы, дон Хуан.

- Ты можешь говорить все что угодно. Но это не то, о чем ты в действительности думаешь. Для тебя дьяволом является соблазн сдаться, особенно когда они сулят тебе такие награды. По-моему, дьявольская природа мира неорганических существ проявляется в том, что он является единственным прибежищем для _сновидящих_ во всей этой враждебной вселенной.

- Действительно ли он является небесами для _сновидящих_, дон Хуан?

- Определенно, для некоторых из них это так. Но не для меня. Мне не нужна поддержка и защита. Я знаю, кто я. Я одинок во враждебной вселенной, но я научился произносить: "Да будет так!" (IX, 131)

В другом месте дон Хуан описывает неорганических существ еще более мрачными кусками: "Неорганические существа окутывают себя тайной, тьмой Подумай об их мире: он остается неподвижным, постоянно притягивая нас к себе, как свет или огонь привлекает мошкару.

Есть нечто, о чем _эмиссар_ до сих пор не решился тебе сказать: неорганические существа охотятся за нашим сознанием или сознанием любых других существ, которые попадаются в их сети. Они дают нам знания, но дорогой ценой, ценой наших жизней.

- Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа подобны рыбакам?

- Именно так. Когда-нибудь _эмиссар_ покажет тебе людей или некоторых иных существ, которые увязли в их мире.

<...>Неживые существа не могут никого заставить остаться у себя, продолжал дон Хуан.- Жизнь в их мире - добровольное дело. Но они способны обратить в рабство каждого из нас, потворствуя нашим желаниям, балуя и развлекая нас. Опасайся осознания, которое неподвижно. Такое осознание притягивает к себе все движущееся и достигает этого, как я тебе уже говорил, создавая проекции, иногда самые фантасмагорические проекции." (IX, 134-135)

Извечный миф о продаже души, о сделке с Сатаной, казалось бы, нашел в учении дона Хуана совершенно неожиданное подтверждение. Попробуем, однако, взглянуть на веши более хладнокровно. Возбужденному воображению набожного человека здесь уже мерещится тень абсолютного Зла и багровый отблеск геенны огненной. Однако ничего этого нет. Ведь если убрать впечатляющий "потусторонний" фон, на котором разворачиваются события, то мы легко заметим, что имеем дело с чистым типом отношений, возникающих между эгоистическими индивидами. Мы им нравимся, и они хотят нами владеть, иметь под рукой, чтобы греться в лучах теплой человеческой энергии. По сути, человек ведет себя точно так же. Так ли уж редко мы пытаемся завладеть другими, используя все доступные средства, даже бесчестные и недостойные? Если очень хочется, то можно - не так ли? Отношения с "союзниками" неопределенны - они могут быть дружественными, взаимовыгодными, иногда трогательно теплыми (как рассказывал дон Хуан), иногда настороженными и натянутыми, иногда откровенно враждебными. В конечном счете, это всего лишь игра. Два эго, встретившись в пространстве безразличной энергии, сознательно или бессознательно воспринимают друг друга только с утилитарной точки зрения. Даже невинные забавы - способ _использовать_ другого для собственного развлечения. Если такой тип отношений рассматривать как абсолютное зло, то мы и "союзники" вполне стоим друг друга. Может быть, они видят в нас диковинных и забавных зверушек, которых очень приятно держать у себя под боком. Так дети возятся со щенками или котятами, совершенно не задумываясь о том, что, возможно, причиняют им боль и страдания. Разумеется, такое понимание не делает отношения с неорганическими существами намного приятнее. Масштабы игры и непоправимость событий в случае поражения оставляют по-настоящему мрачное и пугающее впечатление. Как ни печально, дон-хуановскому воину не избежать этого вызова и этой решающей схватки. Девятая книга Кастанеды сообщает нам в этом отношении кое-что сенсационное, заставляющее по-новому взглянуть на все содержание учения:

"Теперь ты готов для того, чтобы услышать об одном очень важном свойстве этого мира. Это самые страшные сведения из тех, которые я тебе могу сообщить,- сказал он и попытался улыбнуться. Но это у него получилось не очень удачно.

Дон Хуан пристально посмотрел мне в глаза. Я думаю, что он искал в них проблеск согласия или понимания. Некоторое время он молчал.

- Энергия, необходимая для перемещения точки сборки мага, находится в мире неорганических существ,- сказал он, будто желая поскорее отделаться от этого.

Мое сердце чуть не остановилось. Я почувствовал головокружение и был вынужден топать ногами по земле, чтобы не потерять сознание.

- Это истина,- продолжал дон Хуан,- и наследие, доставшееся нам от магов прошлого. Сделав это открытие, они сковали наши возможности. По этой причине я не уважаю их. Я терпеть не могу черпать, энергию из одного источника. Лично я отказываюсь это делать. И я пытался отвести тебя от него тоже, но безуспешно, потому что тебя притягивает к этому миру, будто магнитом.

<...>Что мы можем с этим поделать? - спросил я.

- Мы не можем общаться с ними,- ответил он,- и в то же время мы не можем полностью избегать их. Мое решение состоит в том, чтобы брать у них энергию, но не поддаваться их влиянию. Это называется окончательным сталкингом. Этого достигают, проявляя несгибаемое намерение существовать свободно, несмотря на то, что ни один маг не знает, что такое в действительности свобода.

- Ты можешь мне объяснить, дон Хуан, почему маги вынуждены черпать энергию из мира неорганических существ?

- Другой жизненно необходимой энергии для магов не существует. Для того, чтобы перемешать точку сборки так, как это делают они, магам необходим колоссальный объем энергии.

Я напомнил ему о его собственных словах: для практики _сновидения_ необходимо переупорядочение энергии.

- Это верно,- ответил он.- Чтобы начать такую практику, маги должны пересмотреть свои ценности и высвободить задействованную энергию. Но эта переоценка эффективна только постольку, поскольку она помогает собрать нужное количество энергии, чтобы приступить к _сновидению_. Умение проникать в другие мири, _видеть_ энергию, формировать энергетическое тело и еще многое - это совсем другое дело. Для всех этих дел магам необходимо большое количество темной враждебной энергии." (IX, 228-229)

И маги дружат с этими странными и опасными существами. Дон Хуан даже говорит о том, что древние маги их очень любили (IX, 79). Люди и "союзники" обмениваются энергией: неорганические существа, по словам дона Хуана, вкладывают в нее свой высокий уровень сознания, а маги - свое повышенное осознание и свою высокую энергию.

Нельзя не упомянуть о еще одном трудно объяснимом эффекте, часто сопровождающем контакты с неорганическими существами. Он был неоднократно упоминаем в нескольких книгах Карлоса Кастанеды, где назывался "голосом _сновидения_". Это своеобразный информационный обмен с чужеродным энергетическим потоком, возникающим при определенном сдвиге точки сборки, либо перцептивное проникновение в некий слой всеобщего информационного поля. Так или иначе, о механизме этого процесса можно только гадать, хотя сообщения о явлениях того же рода встречаются не только у Кастанеды. Практикующие мистики и оккультисты знают, что в особых состояниях можно слышать "бестелесный голос", раздающийся словно бы сзади и отвечающий на разнообразные вопросы экспериментатора. Надо признаться, что это особенно уязвимая тема, так как "голоса" - один из распространенных симптомов шизофрении, всегда вызывающий у психиатров приятную уверенность в отношении диагноза. Но попробуем быть объективными и согласимся с тем, что не все оккультисты-практики болеют шизофренией и не все являются шарлатанами, иначе было бы

бессмысленно писать эту книгу. По последним сообщениям Кастанеды, дон Хуан называл этот феномен _эмиссаром_ в _сновидении_:

"Ты должен понять раз и навсегда, что такие вещи обычны в жизни мага, сказал он.- Ты не сходишь с ума; ты просто слышишь голос _эмиссара в сновидении_. Пройдя через первые и вторые _врата сновидения_, _сновидящий_ достигает такого энергетического уровня, когда у него начинаются видения или когда он слышит голоса. Фактически, это не много голосов, а только один. Маги называют его _голосом эмиссара в сновидении_.

- Что такое "эмиссар в сновидении"?

- Чужая энергия, сконцентрированная в небольшой области пространства. Чужая энергия, претендующая на то, чтобы помогать _сновидящим_ своими рассказами. Для _эмиссара в сновидении_ характерно, что он может сказать лишь то, что маги уже знают или должны знать, если считают себя магами.

- Утверждение, что это чужая энергия, сосредоточенная в небольшой области пространства, совершенно ничего мне не говорит, дон Хуан. Какого рода эта энергия - дружелюбная, враждебная, положительная, отрицательная,- какая?

- Она в точности такая, как я сказал,- чужая. Безличностная сила, которую мы воспринимаем как личность потому, что она разговаривает с нами. Некоторые маги поклоняются ей. Они даже могут _видеть_ ее. Или подобно тебе, они попросту слышат ее как мужской или женский голос. Этот голос может объяснять им суть происходящего, и они чаще всего воспринимают сказанное им как полезный совет.

- Почему некоторые из нас воспринимают его как голос?

- Мы видим или слышим его, потому что мы удерживаем наши точки сборки в некотором новом положении; чем устойчивее это положение, тем стабильнее наше ощущение _эмиссара_." (IX, 93-94)

Дон Хуан утверждает, что советы _эмиссара_ в действительности советами не являются: он лишь вербализует знания, что уже находятся в нас, но пребывают как бы на периферии сознания либо в ближайших областях подсознательного. Собственно говоря, так оно и должно быть, ведь воспринимаемый нами голос есть продукт ретрансляции _тоналя_, пользующегося языком и черпающего знание из собственного инвентаризационного списка. Мы практически не можем услышать ничего, что не было бы нам известно в той или иной форме. По той же причине голос _эмиссара_ всегда звучит на известном нам языке и даже с тем акцентом, который мы когда-то хорошо усвоили. (В случае Кастанеды _эмиссар_ разговаривал на английском, испанском и португальском.) Его термины - это наши термины, его подход к описанию явлений - наш подход; такова работа _тоналя_. Трудно рассчитывать на что-то действительно новое - ведь оно всегда вне слов, в непосредственном переживании, а язык вечно крутится на одном месте, все сводя к тривиальностям и однообразному повторению себя самого.

Кроме того, _эмиссар_ - это сила, приходящая из мира неорганических существ (IX, 95) и, следовательно, родственная им. В своих проявлениях она лишний раз подтверждает, что является отражением эгоистического сознания обоих сторон. _Эмиссар_ воплощает в себе ту точку соприкосновения между нами, которая делает возможным сам процесс коммуникации у столь далеких друг от друга форм. Такое общение таит опасность для мага, ибо направлено на удовлетворение запросов _эго_. Дон Хуан прямо говорит об этом:

"Их метод... заключается в том, чтобы рассматривать наше эго в качестве показателя того, в чем мы нуждаемся, и в соответствии с этим обучать нас. Крайне опасное занятие!

- Я не понимаю, почему это должно быть опасным.

- Если кто-то выяснит запросы твоего _эго_ со всеми его страхами, жадностью, завистью и прочим, и станет обучать тебя тому, как удовлетворить все твои ужасные притязания,как ты думаешь, каков будет результат?" (IX, 96)

Учитель предупреждает Кастанеду, что пристрастие к подобному "обучению" ограничивают свободу воина и поглощает всю его энергию. Это еще одна серьезная ловушка, избежать которой может лишь тот, для кого _безупречность_ превратилась в единственно возможный способ бытия личности. Карлосу однажды пришлось лично убедиться, насколько однозначно _эмиссар_ отражает его эгоистические установки, подыгрывая, например, такому чувству, как _собственная важность_:

"_Эмиссар_ рассказал о совершенстве в познании; о том, сколь многого я уже достиг с тех пор, как появился на свет; о моей любви к приключениям и пристрастию ко всему новому, к открывающимся горизонтам. Голос обратился ко мне даже по-португальски, произнося слова с интонацией, характерной для пампасов Южной Америки.

Когда я услышал весь этот поток лести, изливающейся на меня, я не только испугался, но меня к тому же затошнило от лицемерия _эмиссара_." (IX, 98)

Впрочем, _эмиссар_ не только неисправимый льстец, повторяющий то, что мы и без него знаем. Будучи хранилищем определенного рода информации, эта энергия способна вербализовать знания, накопленные в результате длительного общения магов с миром неорганических существ. Кастанеда сообщает нам несколько полезных инструкций, полученных им от _эмиссара_ и касающихся тонкостей техники _сновидения_. Каждый может оценить их на практике, если попытается всерьез исследовать эту таинственную область. Например:

"Чтобы в совершенстве овладеть _сновидением_, тебе прежде всего следует прекратить внутренний диалог,- сказал мне однажды _эмиссар_.- Для того, чтобы достичь успеха в прекращении диалога, держи между пальцами несколько кристаллов кварца длиной два или три дюйма или несколько тонких отшлифованных речных камушков. Согни чуть-чуть пальцы и зажми кристаллы или гальку между ними.

"_Эмиссар_ сообщил, что металлические предметы, если они соответствуют размеру и ширине пальцев, оказывают тот же эффект, Метод состоит в том, чтобы удерживать как минимум по три тонких вещи между пальцами каждой из рук, сжимая их почти до боли в кистях. Это давление необычно действует на внутренний диалог, успокаивая его. _Эмиссар_ отдавал предпочтение кристаллам кварца; он сказал, что результат в этом случае будет наиболее эффективным, хотя для этой практики подходит все что угодно." (IX, 127-128)

А вот еще один совет:

"_Сновидящий_ должен носить золотое кольцо,- сказал мне _эмиссар_ в другой раз.- Лучше, чтобы оно было чуточку тесным для пальца.

Объяснение _эмиссара_ в связи с этим сводилось к тому, что кольцо служит в качестве моста для возвращения обратно на поверхность обычного мира из _сновидения_ или погружения из состояния нормального сознания в мир неорганических существ.

- Как работает этот мост, - спросил я, не понимая, что подразумевает аналогия с мостом, которой воспользовался _эмиссар_.

- Мост получается там, где палец соприкасается с кольцом,- сказал _эмиссар_.- Если _сновидящий_ приходит в мой мир, имея на пальце кольцо, оно привлекает и сохраняет энергию моего мира; в случае необходимости кольцо отдает ее в палец пришедшего, и эта энергия возвращает _сновидящего_ обратно в его мир.

Давление, производимое кольцом на палец, хорошо служит также для гарантии того, что _сновидящий_ вернется в свой мир. Благодаря этому давлению он постоянно ощущает знакомое прикосновение к пальцу." (IX, 128)

Эмиссар также порекомендовал Карлосу внимательно следить за состоянием своей кожи: она должна быть прохладной, чистой и не жирной. Он объяснил это тем, что именно кожа является органом, передающим "энергетические волны" из обычного мира в мир

неорганических существ и наоборот. Были упомянуты и другие его рекомендации. Однако самым любопытным приемом для настройки _внимания_ в _сновидении_ является следующий:

"Однажды _эмиссар_ сделал мне настоящий подарок. Он сказал, что для обеспечения живости и точности работы _внимания сновидения_ нам следует черпать его из области, которая находится у нас во рту непосредственно за небом. В этом месте у всех людей располагается огромный резервуар внимания. _Эмиссар_ специально порекомендовал научиться прижимать в _сновидении_ кончик языка к небу. Он сказал, что это более сложная задача, чем нахождение рук во сне. Но решив эту задачу, _сновидящий_ достигает удивительных результатов в смысле контроля _внимания сновидения_." (IX, 129)

Кастанеда был просто потрясен эффектом этого упражнения. Он пишет, что в результате его _внимание сновидения_ стало чуть ли не лучше, чем обычное внимание в нашем мире.

В заключение этой главы, изобилующей невероятными подробностями абсолютно непостижимого для большинства из нас опыта, хотелось бы еще раз напомнить читателям о _трезвости_ воина - именно здесь, в мирах _сновидения_, это качество подвергается очень серьезному испытанию. Слишком часто в последнее время мы слышим о "контактах" с таинственными силами, об "астральных" путешествиях в просторах вселенной, о потусторонних учителях, посылающих землянам актуальные призывы беречь окружающую среду. Сверхценность подобных идей, их навязчивый пафос и претенциозность никак не свидетельствуют о подлинности провозглашаемых откровений, зато вызывают явные ассоциации с параноидальной одержимостью и страстностью психопата. К сожалению, мы вынуждены признать, что распространение книг Кастанеды на этом психологическом фоне может провоцировать дальнейшую шизофренизацию впечатлительных любителей мистики, не слишком склонных к серьезному анализу поглощаемой литературы. Кажется, скоро воспаленное воображение читателей наводнит страну полчищами "союзников" и дополнит учение дона Хуана леденящими кровь подробностями.

Прежде всего, давайте помнить, что Кастанеда не учитель и вовсе не обязан заботиться о том, чтобы его читатели получали знание в дидактически правильной последовательности. Например, последняя его книга может быть верно понята только теми, кто по-настоящему глубоко осознал условность человеческого восприятия, принял и в какой-то мере пережил особую удаленность _нагуаля_ от нашего описания мира. Только в этих условиях закладывается фундамент _безупречного_ отношения к странным феноменам Реальности, способность трезвого отношения к самому чуждому виду опыта, что дает возможность переживать его без ущерба для психического здоровья. Мог ли массовый читатель получить столь серьезную подготовку, лишь читая и перечитывая сочинения Кастанеды? Нам думается, вряд ли. Ведь позиция автора в общем-то сводится к роли рассказчика: он вполне добросовестно информирует нас о перипетиях своего обучения, о событиях и переживаниях, связанных с погружением в мир _нагуаля_. Его, в конечном счете, не очень волнует последовательная аргументация или исчерпывающее рассмотрение отдельной проблемы. Такой подход, разумеется, не случаен, ибо Кастанеда, судя по всему, никогда не стремился распространять дон-хуановскую практику. Его история - это только история. Вдумчивому читателю достаточно его книг, чтобы сформулировать новые принципы и сделать далеко идущие выводы. Если же неподготовленный читатель попытается использовать кастанедовские работы в качестве практического руководства по магии, такой эксперимент вполне может закончиться трагически.

Не стоит забывать, что описываемые области исследования открылись Карлосу в результате многих лет упорного и специфического труда, так что очень странно бывает слышать об удивительных успехах энтузиастов, которые от одного прочтения его книг начинают повсюду сталкиваться с "неорганическими существами", получать во сне потрясающую информацию об устройстве вселенной и т.д. и т.п. Вас никогда не должен оставлять здоровый скептицизм - то качество, без которого не бывает _безупречности_ и которое больше всего раздражает мнимых "контактеров" и доморощенных магов нашего времени. Осторожная оценка любого опыта (как чужого, так и собственного), способность критически относиться к результатам человеческих восприятий - только это удержит вас от опасных заблуждений, от погружения в мир иллюзий, от различных расстройств психики, иногда, к несчастью, необратимых.

Конечно, мы вовсе не склонны считать опыт Кастанеды принципиально недосягаемым для тех, кто ведет самостоятельные исследования в данном направлении. Напротив, есть много свидетельств, подтверждающих, что мы располагаем возможностями добиться некоторых успехов даже без помощи дона Хуана. Никто не знает, как далеко может завести этот путь и сколько смертельных опасностей ждет одинокого путешественника - именно поэтому трезвый подход, беспристрастие, отрешенность и покой безупречного воина особенно важны на каждой ступеньке этого рискованного предприятия. Любое легковерие и безрассудство на пути знания дона Хуана оплачивается очень дорогой ценой.

ГЛАВА 10. НЕПОСТИЖИМОЕ. СВОБОДА

"_Человек - это особое существо, которому свойственна постоянная
свобода принятия решений, невзирая на любые жизненные обстоятельства.
Эта свобода включает в себя возможность быть как нечеловеком, так и святым_."

А. Портман

"_Хотя он [человек] является духовным по своей сущности существом, он остается при этом конечным существом. Из этого вытекает, в частности, и то, что духовная личность не может осуществлять себя, минуя обусловленность психофизической организации. Через психофизические слои личность не может ни постоянно проявляться, ни постоянно реализовываться_."

В. Франкл

"... _Но реальность-то продолжает существовать, и если мы этого не узнаем, она скажет о себе ударом по нашему темечку_."

М. Мамардашвили

Прежде чем, завершая тему, сосредоточить свое внимание на этом вечно ускользающем предмете, прежде чем соотнести с ним наше скудное воображение и кое-как оформить приблизительную ситуацию, в которой воплощена _цель_ дон-хуановского мага и _смысл_ его хитроумнейшей дисциплины, давайте еще раз поговорим о честности ученого и честности духовного искателя.

Философ и естествоиспытатель, оккультист и религиозный деятель - все они, оставаясь людьми, каким-то образом выражают свое отношение к эсхатологии. Мы носители ограниченной формы и представители ограниченного сознания, а потому

помыслы наши (даже когда они надежно заперты в душном сумраке подсознательного) эсхатологичны. Тайна завершения собственной судьбы притягивает наш ум и наше внутреннее чувство, и даже ортодоксальный материалист или еще какой горемычный отпрыск дешевой диалектики трепещет перед Концом вопреки старательно заученной концепции о неуничтожимости материи. Его неискренность заключена хотя бы в том, что подлинным и актуальным интересом всякого человека является уничтожимость (или неуничтожимость) _сознания_, и нечего подменять одну проблему другой.

Впрочем, это самый грубый способ самообмана. Поговорим о достижениях философской и религиозной мысли, не страдающей примитивным редукционизмом подобного рода. Если оставить в стороне агностиков, предпочитающих хранить ступорозное молчание, и солипсистов, с восхитительной прямотой отрицающих всякий мир _вне_ себя, то остается три версии посмертного развития событий для индивидуального сознания. Первая из них вселяет в своих адептов довольно своеобразный оптимизм. Ее можно назвать версией "океанического сознания". То есть, берется нечто, бесконечно большее, чем человек, и наделяется сознательной жизнью - такая жизнь, конечно же, непостижима для нашего маленького эго, но зато исключительно прекрасна и вечна. Расставаясь с грубой и тщедушной оболочкой, сознающая капля, обогащенная опытом личностных страданий и стремлений, сливается с абсолютным и всемогущим Субъектом в несказанном экстазе. Так, в частности, мыслит объективный идеализм (будь то европейский или индийский), так мыслят пантеисты и христианствующие философы - каждый на свой лад. Они предполагают в этой трансформации некую "высшую" жизнь и, судя по всему, очень к ней стремятся. Вторая версия является зеркальным отражением первой. Здесь космический Объект играет в кармический хоровод, постоянно отторгая от себя энергетические структуры, которые по заносчивости своей культивируют самостоятельное, изолированное сознание. Судьба такого сознания безнадежна и полна страданий. Единственный выход - вернуться в безличный Объект и там насладиться покоем небытия. Думаю, вы легко узнали описание буддистской Нирваны.

Что же касается третьей версии, то она целиком "высосана из пальца" и в гораздо большей степени относится к мифологии и религии, чем к философии. Здесь речь идет о самостоятельном существовании психики в специально отведенном пространстве. Искусственность такой идеи выражается уже хотя бы в том, что навеки "спасенное сознание" не имеет никакого смысла в движении и развитии. Эта концепция свойственна христианскому космосу. Атеисты и по сей день любят подшучивать на тему "ужасной скуки", царящей в раю, где праведники знают только одно развлечение - вечно воспевать Славу Господню.

В первых двух случаях мы имеем дело с полным растворением центра восприятия. В конце концов, нам все равно - заменить личное осознание на Абсолютный Космический Разум или на Пустоту буддистов. Жизнь сознания, которая всегда есть поле взаимодействия между субъектом и объектом, автоматически прекращается в случае устранения хотя бы одного элемента пары. И даже в третьем случае, когда индивидуальность сохранена, ее жизнь больше напоминает условность. Индивидуальное сознание может считаться таковым, если оно сохраняет способность и возможность постигать, двигаться и развиваться. Законсервированная в астральных небесах монада со стабильным и монотонным переживанием одного и того же опыта отрицает своим существованием все основные атрибуты жизни, а, стало быть, возможна лишь в качестве абстракции - в головах богословов и религиозных философов.

Итак, честность вынуждает нас признать, что все три версии окончательной судьбы человека в равной мере неудовлетворительны - неудовлетворительны потому, что вместо грядущего развития подсовывают нам тот или иной _способ небытия_: в космическом

Субъекте, в космическом Объекте или в космической банке с формалином. В каждом случае мыслитель находит повод для восторга. Даже материалисты на свой лад утешаются круговоротом веществ: мол, из могилки вырастут цветочки, в них будут жить всякие козявки - и тому подобная сентиментальная чепуха. Идеалисты, в свою очередь, воспевают неистощимые сокровища вселенского Духа (Идеи, Логоса), среди которых мы якобы обретем величайшее удовлетворение. Правда, совсем непонятно, _кто_, собственно говоря, окажется этим счастливчиком, если вездесущий и абсолютный Брахман манифестирует себя только в отсутствии "я" и по определению является совершенно безличным. Буддисты вовсе проигнорировали всяческие "восторги", откровенно свели все к Пустоте, и нам остается только гадать, почему возвращение к этой Пустоте именуется "просветлением". Надо думать, что избавление от страданий и ограничений эго сулит такое несказанное счастье, что ради него можно пожертвовать самим бытием.

Традиция дона Хуана провозглашает своей целью достижение совершенно особого состояния. Оно принципиально отличается от йогического _самадхи_, от буддистской _нирваны_ и не имеет ничего общего с потусторонней неподвижностью. Скорее, это новый уровень функционирования существа, не утратившего ничего из своей целостности, кроме искусственных ограничений _тоналя_ и малоподвижности восприятия. Речь ни в коем случае не идет о _слиянии_ субъекта с над-субъектной Реальностью. Центр восприятия сохраняет собственную автономность и сообщается с внешним всеми возможными в мире способами. Такой уровень деятельности сознания дон-хуановские маги называют _третьим вниманием_. Сам выбор слова здесь очень важен, ибо демонстрирует наличие воспринимающего, а значит, и внешнего по отношению к нему поля опыта. Утверждение жизни как _направленности вовне_ лишний раз доказывает исключительную _реалистичность_ дон-хуановского знания, его естественное недоверие к "идеальностям" любого рода, его отказ разрывать опыт и мир на области "тонкие" и "грубые", "посюсторонние" и "потусторонние". Для дона Хуана жизнь вне отношений, вне реакций и постижений - ничто, пустой звук, философский обман.

И действительно: _третье внимание_ как непостижимая грань полноценного взаимопроникновения субъекта и Реальности целиком воплощает самотрансценденцию человека. "Быть человеком - значит быть направленным не на себя, а на что-то иное." Можно согласиться, что такая трансценденция объявляет здесь свою полную манифестацию, ибо субъект касается Объекта - Реальности, помимо которой ничто не существует - всею своей природой, ставшей совершенно сознательной. И это единственный способ _жить_ в Реальности. В. Франкл справедливо отмечает: "Авторы, которые делают вид, что преодолели дихотомию объекта и субъекта, не сознают, что подлинный феноменологический анализ обнаружит, что нет такой вещи, как познание вне поля напряжения, возникающего между объектом и субъектом. Эти авторы привыкли говорить о "бытии-в-мире". Но чтобы правильно понять эту фразу, нужно признать, что быть человеком в глубоком смысле - значит быть вовлеченным, втянутым в ситуацию, быть противопоставленным миру, объективность и реальность которого нисколько не умаляется субъективностью того "бытия", которое находится в "мире". (В. Франкл. Что такое смысл.)

Тем не менее, мистическое чувство не желает мириться с подобным положением дел. Все оккультисты трепетно ожидают невыразимого _unio mystica_, воспевают торжество безличного переживания, которое бытийствует в себе и не обращается более к индивидуальному сознанию - и тем не менее, трансформированная личность (уже не личность, а обнаженная пустота, утратившая даже собственный центр восприятия) как-то соучаствует в игре безразличных энергий. Меррел-Вольф в своей книге прямо заявляет: "субъектно-объектное" сознание прекращается после Освобождения, ибо в

Трансцендентном нет объекта (!). Таким образом, идеалом становится _сознание без объекта_ (!). Дон Хуан был бы вправе воскликнуть: кому нужны подобные умствования? Только неистребимое желание человека обрести убежище, скрыться от _страхи смерти_, заставляет его так изощренно играть словами, что смерть оказывается жизнью, а бесчувственность атома в океане материи - пределом духовной гармонии и совершенства.

Да, дон-хуановские воины не боятся смерти, но считают верхом человеческой глупости стремиться к ней как к особенной благодати. Воины ищут новую форму жизни, и они открыли ее реальность и достижимость. Можно сказать, что _третье внимание_ - это истинно свободное осознание, т.е. такое осознание, что способно "резонировать" со всеми энергопотоками, окружающими форму существа.

"Итак, в соответствии с природой вещей, большие эманации фиксируют эманации внутри кокона. И фокус истинного осознания состоит в том, чтобы позволить фиксирующим эманациям слиться с теми, которые находятся внутри нас. И если нам удастся сделать так, чтобы это произошло, мы становимся такими, каковы мы в действительности - текучими, движущимися, вечными." (VII, 312)

Пусть вас не собьет с толку выражение "слиться". На самом деле речь идет лишь о снятии всех преград, ограничивающих энергообмен между большими эманациями вселенной и внутренними волокнами кокона. Растворение формы не происходит. Просто структура становится целиком сознательной и целиком открытой к Реальности. Быть может, здесь уместно сравнение с водоворотом, когда субстанция свободно движется, проникая внутрь него и уходя вовне. В нашем случае центром такого "водоворота" может служить _точка сборки_, где организуется восприятие. Неуничтожимость _водоворота_ гарантируется _полным осознанием_ формы, т.е. распространением "резонансных" процессов на все волокна кокона:

"Третье внимание достигается, когда свечение осознания превращается в огонь изнутри - свечение, которое зажигает не по одной полосе за раз, а одновременно все эманации Орла внутри кокона человеке" (VII, 320)

Именно _полнота осознания_ делает освобожденного _воина_ _текучим_ и _бессмертным_. Его форма обретает свойственную осознанию пластичность. Отсутствие энергетических барьеров делает невозможным разрушительный эффект больших эманаций. Избежав смерти физического тела, воин в третьем внимании обретает всю полноту перцепции и сохраняет все способности движения и постижения. Можно предположить, что именно целостность формы обеспечивает воину, уходящему в третье внимание, свободу воли. Ведь те фрагменты энергетических структур, которые остаются в результате физического разрушения существа, возвращаются к "источнику", чтобы превратиться в однородные потоки энергии, и в осознании более участия не принимают.

"Высшее достижение человеческого существа,- закончил дон Хуан, - достичь этого уровня, сохранив жизненную силу и не сделавшись бестелесным осознанием, которое, подобно мерцающей искорке, взлетает прямо к клюву Орла, чтобы быть им поглощенным." (VII, 321)

Объем сил, входящий в осознаваемое поле третьего внимания, трудно вообразить. Любое движение осознания есть в полной мере движение всей энергетической формы. Если же мы учтем, что от формы зависит объем и организация восприятия, то поймем, что выбор перцептивных возможностей в третьем внимании абсолютно безграничен. Кто мог бы представить себе такое?

"... бенефактор [дона Хуана - А. К.] говорил ему, что в момент перехода входишь в третье внимание, и тело во всей его полноте озаряется знанием. Каждая клетка мгновенно осознает себя и целостность всего тела.

Его бенефактор говорил также, что это осознание бессмысленно для нашего многокомнатного ума. Поэтому критическая точка борьбы воина состоит не только и не столько в том, чтобы осознать, что переход, о котором говорит правило, означает переход к третьему вниманию, сколько в том, что такое осознание вообще существует." (VI, 145)

Никакая позиция точки сборки не дает существу исчерпывающего резонанса с внешней Реальностью, из-за чего форма в конце концов подвергается разрушению и существо погибает. Древние маги искали способы достижения бессмертия, меняя свою энергетическую форму и сдвигая точку сборки в те миры, где их жизнь могла бы быть более долговечной. Открытие третьего внимания как принципиально нового уровня, дающего полную свободу, принадлежит новым водящим. Дон Хуан так рассказывает историю этого открытия:

"Древние видящие обнаружили возможность сдвинуть точку сборки за границу известного и удерживать ее там в состоянии сверхповышенного осознания. Из этой позиции они увидели, что можно медленно и неуклонно сдвигать точку сборки дальше - в другие позиции за границей известного. Такой сдвиг был великим достижением, исполненным отваги, но начисто лишенным уравновешенности, ибо они никогда не смогли, а может быть, не захотели вернуть точку сборки обратно.

Искатель приключений, поставленный перед выбором - умереть здесь, в обычном мире, или умереть в одном из других неизведанных миров - неизбежно предпочтет второе. Новые видящие осознали, что выбор их предшественников заключался только в изменении места смерти. И они поняли тщетность всего этого: тщетность борьбы за власть над своими ближними, тщетность собирания других миров, и, прежде всего,- тщетность чувства собственной важности.

Одним из самых удачных решений, принятых новыми видящими, было решение никогда не допускать устойчивых смещений точки сборки в какие бы то ни было положения, отличные от позиции повышенного осознания. Из этой позиции им фактически удалось разрешить дилемму тщетности. Они обнаружили, что дело не в том, чтобы выбрать другой мир, в котором можно было бы умереть, а в том, чтобы выбрать полное осознание, полную свободу.

Дон Хуан отметил, что, избрав абсолютную свободу, новые видящие непреднамеренно продолжили традицию своих предшественников, бросивших вызов смерти. Однако их вызов стал квинтэссенцией вызова вообще, брошенного смерти.

Новые видящие обнаружили, что если сначала сдвинуть точку сборки к границам неизвестного, а затем вернуть на границу известного, то потом, мгновенно высвобождаясь, она подобно молнии проносится поперек всего кокона человека, настраивая сразу все внутренние эманации.

- Новые видящие за счет силы настройки сгорают,- продолжал дон Хуан, за счет воли, которую они безупречной жизнью превратили в силу намерения. Намерение - это настройка всех янтарных эманаций осознания, поэтому правильно будет назвать полную свободу полным осознанием.

- Именно это все вы собираетесь сделать, дон Хуан? - спросил я. - Вероятнее всего мы это сделаем, если у нас окажется достаточно энергии, ответил он.- Свобода - дар Орла человеку. К сожалению, очень немногие из людей понимают, что для того, чтобы принять этот бесценный дар, нам необходимо лишь обладать достаточным количеством энергии." (VII, 508-509)

"Сгореть в огне изнутри" - это очень яркая метафора. В ней можно почувствовать некоторый привкус фатализма, но вовсе не из-за ее подобия какой-то огненной жертве - погибели во славу неведомых и жестоких богов. Когда человеческий кокон "сгорает" в огне собственного осознания, это означает только одно: исчезновение бессознательного,

исчезновение любого рода изоляции, расчлененности внутри как психического, так и телесного организма. И если уж что-то действительно сгорает, то те самые перегородки, что превращают нас в противоречивых, мятущихся и страдающих существ. Единственное сознание, распространенное повсюду, делается открытым полем для воспринимающего аппарата. Быть может, именно здесь нам является подлинное пространство и подлинное время вместо тех урезанных, выхолощенных подобий, что когда-то возбуждали наше наивное воображение. Радикальная трансформация восприятия обнажает вселенную с такой неистовой силой, что буквально сокрушает сознание. И всю предыдущую дисциплину, все годы каторжного труда, все добытое по крохам мастерство в этот решающий миг воин собирает воедино, чтобы охватить распахнувшиеся бездны, подчинить своей воле, не дать этой полыхающей беспредельности развалиться на куски и обратиться в бессмысленный хаос. Если ему это удалось, значит, он включил третье внимание и достиг свободы. Воистину перед ним "новое небо" и "новая земля". Тейяр де Шарден, мечтавший о новом витке эволюции человеческого вида, тоже представлял себе шок неизбежного преображения:

"Невозможно достигнуть фундаментально новой среды, не проходя внутренние муки метаморфозы. Разве не испытывает ужас ребенок, когда он впервые открывает глаза?.. Чтобы приспособиться к чрезмерно расширившимся горизонтам и линиям, наш рассудок должен отказаться от удобств привычной ограниченности. Он должен заново уравновесить все то, что мудро упорядочил в глубине своего маленького внутреннего мирка. При выходе из темноты наступает ослепление. При внезапном выходе на вершину высокой башни - волнение, головокружение или дезориентация... В этом психологическая основа нынешнего беспокойства, связанного с внезапным столкновением нашего рассудка с пространством-временем." (Феномен человека, сс. 180-181.)

Третье внимание - это и есть тот агрегат, что должен "заново уравновесить" открывшиеся перцептивные поля. Конечно, этот вид внимания никак не будет связан с привычными нам органами чувств (первые предвестия таких восприятий мы встречаем в режиме видения), а его "инвентаризационный описок" будет построен отнюдь не на принципах тоналя - ему придется быть всеобъемлющим, но лаконичным, что возможно лишь в случае решительного изменения роли языка. Тем не менее, новый процесс восприятия будет управляем не мистическими силами каких-нибудь раскрепощенных чакр, а некой разновидностью уже знакомого нам внимания. То есть, интенсивность осознания ни в коем случае не станет однородной: в центре внимания элементы будут вычленяться и усиливаться, на периферии - "смазываться" и тускнеть. Лишь такой способ проникновения впечатлений гарантирует связное восприятие, а значит и жизнь осознания. Объяснений такому порядку нет - все это область Непостижимого.

В этой главе мы вообще будем спотыкаться о Непостижимое на каждом шагу, поскольку добрались до цели и смысла дон-хуановской магии, т.е. до коренных вопросов бытия, к разрешению которых даже чувство подходит с опаской и смущением. Разум же туда и пути не знает.

Попробуем понять, каким именно образом третье внимание может обеспечить человеческое существо бессмертием и "текучестью" (т.е. предельной подвижностью и многообразием восприятия). Во-первых, сам факт сохранения исключительно тренированного внимания, как мы знаем,- достижение не столько психологическое, сколько энергетическое. Вся дон-хуановская дисциплина изначально направлена на совершенствование контроля над перцептуальным аппаратом в самых экзотических ситуациях восприятия. Внимание как главный предмет всех магических упражнений достигает идеального состояния, чем гарантирует четкую и бесперебойную работу осознания (т.к. последнее обусловлено вниманием, являющимся его основной и

непосредственной функцией). Третье внимание делает энергетическую форму неразрушимой благодаря своей способности контролировать весь объем внезапно расширившегося до размеров локона осознания. Это однородное свечение, наделенное присущей произвольному вниманию подвижностью. Разрушение формы, которое всегда есть результат неосознаваемого и, следовательно, неуправляемого сопротивления энергоструктуры внешнему давлению полей (эманаций), в данном случае просто исключено. Кроме того, форма в момент достижения третьего внимания начинает естественное движение вдоль энергетических волокон вселенной, ибо в них-то и формируется восприятие тех масштабов, что соответствуют предельно расширенному полю осознания. Эта психическая "сверхпроводимость", или абсолютная гармония между внешними и внутренними эманациями, делает форму вечной. (Кстати, по той же причине воины, достигшие третьего внимания, оказываются недоступны любому локальному восприятию - будь то первое внимание или второе. Они исчезают для нашего взора, так как вступают в полный "резонанс" с тем движением, которое мы осознать не в силах.)

Изменчивость и стабильность в одинаковой степени свойственны _осознанию_; эта парадоксальная комбинация качеств естественно переходит на всю целостность энергетического существа. Произвольная изменчивость формы в согласии с законами больших эманаций и есть то, что дон Хуан называет "текучестью". Ну, а стабильность и неразрывность "свечения" осознания является подлинным (и, скорее всего, единственно возможным) видом _бессмертия_.

По тем же причинам сохраняется центр индивидуального восприятия. Ведь маг не отказывается от формы, какой бы изменчивой она ни была - напротив, он "привязывает" точку сборки к своей форме самым надежным средством - _осознанием_. Маг по-прежнему "противопоставлен" Реальности, но в этом поле "субъект-объект" отсутствует" конфликт, а ограничения перестают быть абсолютными благодаря вечному движению и изменению субъекта. В ситуации, когда все процессы энергетического тела _сознательны_, растворение индивидуального центра восприятия тоже может быть только _сознательным_. Однако здесь очень трудно найти повод для подобного самоубийства.

Как бы то ни было, однажды обретенная _целостность_ либо сохраняется вечно, либо (по желанию субъекта) рассеивается вмиг благодаря своей однородности. Поэтому дон Хуан как-то сказал Кастанеде, что на этой земле не сыщешь костей воинов. Даже прекратив свое существование, они остаются вечным светом, невидимым для профанов.

Однако цель воина - не погибнуть, а сохранить свою уникальность в океане Реальности: "Ты должен заставить этот мир исчезнуть,... но при этом в каком-то смысле остаться самим собой. Это и есть последний бастион осознания, на который рассчитывают новые видящие. Они знают, что когда пламя осознают сожжет их, они сохранят самосознание, в определенном смысле оставаясь самими собой." (VII, 505)

Но почему "в определенном смысле"? Эта оговорка отнюдь не случайна. Третье внимание сильно изменяет человеческое существо. Наша сущность вообще во многом обусловлена спецификой нашего восприятия. Всякое прикосновение к прежде неведомому оставляет в нашей душе неизгладимый след. А мы, как вы помните, рассуждаем о Непостижимом. Особенности перцептуального аппарата человека и здесь играют решающую роль. Дон Хуан заставляет по-новому взглянуть даже на отношения таких чисто "гносеологических" категорий, как _неизвестное_ и _непознаваемое_:

"Дон Хуан объяснил, что точка сборки излучает свечение, которое группирует внутренние эманации в пучки, которые затем настраиваются на соответствующие им большие эманации, тоже собранные в пучки. Формирование пучков происходит даже тогда, когда видящий имеет дело с никогда не использовавшимися эманациями. Как

только эманации выделены и усилены, вступают в действие законы блочного восприятия, свойственного первому вниманию.

- Одним из величайших моментов в развитии традиции новых _видящих_, продолжал дон Хуан, - был момент, когда они обнаружили, что неизвестное суть всего лишь эманации, которые игнорирует первое внимание. Их множество, они составляют огромную область, однако, заметь, область, в которой возможна организация блоков. А _непознаваемое_ - это область воистину бесконечная, и организовать в ней какие-либо блоки наша точка сборки не в состоянии. <...>

- А как насчет эманаций, которые находятся внутри кокона, однако лежат вне человеческой полосы? Их можно воспринять?

- Можно. Но то, как это происходит, описанию не поддается. Ведь они относятся не к человеческому неизвестному, как, скажем, незадействованные эманации человеческой полосы, а к почти неизмеримо огромной области неизвестного, где не просматривается ни одной человеческой черты. Эта область настолько ошеломляюще обширна, что описать ее вряд ли смог бы даже самый великий из _видящих_.

Тогда я в очередной раз выдвинул тезис, что тайна находится внутри нас.

- Тайна - вне нас, - сказал он.- Внутри - только эманации, которые стараются разрушить кокон. И этот факт сбивает нас с толку независимо оттого, воины мы или обычные люди. И только новые _видящие_ могут в этом разобраться. Они стремятся _видеть_. И, перемещая точку сборки, приходят к пониманию того, что тайна заключена в восприятии. Причем не столько в том, что именно мы воспринимаем, сколько в том, что заставляет нас воспринимать." (VII, 368-369)

Третье внимание интегрирует все: человеческое неизвестное, нечеловеческое и даже непознаваемое. Каким же становится субъект, наделенный бесконечным диапазоном восприятия и объемом внимания, во много крат превышающим обычные человеческие возможности? Он сам становится воплощением Непостижимого в этой непостижимой Реальности. Свободный воин изменяется, как всякое живое существо, которое занято не внутренней игрой иллюзий, а направлено _вовне_, в Реальность. Жизнь Реальности изменяет его.

"В действительности неизвестное не лежит внутри кокона человека - там, где находятся эманации, не задействованные осознанием - и в то же время, образно говоря, оно скрыто именно там. Это момент, который остался тебе непонятен. Когда я рассказывал тебе о семи мирах, которые ты можешь собрать помимо известного мира обычной жизни, ты думал, что речь идет о вещах сугубо внутреннего характера... Годами я множество раз, указывая рукой на окружающий мир, говорил тебе: там - неизвестное. Но ты никогда не улавливал связи." (VII, 433)

Нет более интимного, более непосредственного и индивидуального контакта с Реальностью, чем приближение дон-хуановского воина к _третьему вниманию_. Если подготовительные дисциплины имеют общие законы, общий порядок и последовательность приближения к _нагуалю_, то на продвинутом этапе, где _осознание_ уже охватило своим "свечением" обширные области его кокона, практика приобретает непредсказуемый характер, так как полностью концентрируется на неуловимой игре с _намерением_. В то время, когда дон Хуан делал свои последние шаги к третьему вниманию, Кастанеда не раз спрашивал его, чем же он, собственно говоря, занимается. "Ты не поймешь, а я не смогу объяснить",- чаще всего отвечал учитель. Или изрекал еще более туманные фразы, например: "Воин ждет, и он знает, чего ждет." Можно сказать, что на этом этапе процесс трансформации вообще не может быть описан с помощью _тоналя_ - он выражается только в движениях _нагуаля_ и в подспудном росте _намерения_, которым нельзя управлять, но маги все же им управляют:

"Он подчеркнул, что _намерение_ не является чем-то таким, что можно использовать, чем можно распоряжаться или каким-то образом управлять. И, тем не менее, можно использовать его, распоряжаться и управлять им по своему желанию. Это противоречие, по его словам, и является сутью магии.

<...> Дон Хуан объяснил, что некогда, в далеком прошлом, маги проявляли интерес к общему связующему звену, посредством которого _намерение_ связано со всем. Фокусируя второе внимание на этом звене, они обрели не только непосредственное знание, но и возможность его использования для совершения поразительных поступков. Однако они не приобрели трезвости ума, необходимой для полного управления всей этой силой. И вот, размышляя над этим, маги решили фокусировать свое второе внимание на связующем звене только тех существ, которые наделены осознанием. Это включает весь ряд органических существ, а также еще один ряд, в который маги объединили так называемых неорганических существ, или союзников. Союзники, как свидетельствуют маги, являются существами, наделенными осознанием, но не жизнью в том смысле, в котором мы понимаем жизнь.

Но и это решение было неудачным, поскольку не прибавило им мудрости. Продолжая сужать круг поисков, маги сфокусировали свое внимание исключительно на звене, которое связывает с _намерением_ только человеческие существа. Конечный результат ненамного превзошел прежний. Наконец маги произвели окончательное сужение и решили, что каждый маг должен иметь дело только со своей связью, но и это решение оказалось таким же неэффективным.

Дон Хуан сказал, что хотя различие между этими четырьмя областями интереса и значительно, но все же ни одна из них не давала удовлетворительных результатов. Поэтому в конце концов маги остановились на том, что их собственное связующее звено с _намерением_ должно освободить их посредством зажигания огня изнутри.

Он заявил, что все современные маги должны постоянно бороться за достижение смолкания ума (внутренней тишины). Нагваль должен бороться особенно настойчиво, потому что он обладает большей силой, большей властью над энергетическими полями, которые определяют восприятие. Он в большей степени подготовлен и поэтому лучше знаком со сложностями безмолвного знания, которое является не чем иным, как непосредственным контактом с _намерением_.

Практикуемая таким образом магия становится попыткой восстановить наше знание _намерения_ и снова обрести способность использовать его, не поддаваясь ему." (VIII, 105-106)

Вездесущее _намерение_ целиком поглощает мага, ибо только через него он сообщается с _нагуалем_ как Непостижимым. Расширенная область _осознания_ становится в этом случае как бы локатором, все больше и больше улавливающим из Реальности. С каждым шагом маг ощущает возрастающее участие Непостижимого в его жизни. Нагуаль транслирует "светящемуся кокону" свое крайне содержательное Безмолвие, и оно неумолимо предъявляет _осознанию_ свое невыразимое, но очевидное и конкретное содержание.

Переживания мага на заключительных этапах его достижений обычному человеку полностью недоступны - им не найти аналогий в мире тоналя, их не истолковать, и даже самые косвенные намеки на такой тип опыта лишь окончательно запутывают неофита. Дон Хуан старательно избегает разговоров, связанных с этими над-человеческими чувствами. Он сух в оценках и осторожен в определениях, предпочитая молчание. Хотя в действительности контакт мага с Непостижимым весьма далек от монотонной тишины запредельного Абсолюта. Ведь именно здесь начинается "разговор", диалог с _нагуалем_ - самый интенсивный, предельно важный, имеющий решающее значение для последующей

судьбы воина. Но способ, которым он ведется, настолько экзотичен и требует столь диковинных коммуникационных единиц, что для постороннего взгляд граничит с помешательством. Дон Хуан вдруг сообщает недоумевающему Кастанеде об очередном "решении силы" или "плане нагуаля", после чего тащит его в пустыню, в горы, на заветную скамейку в соседнем городке и заставляет ждать неизвестно чего, в конце концов сообщая Карлосу о своей удовлетворенности ходом событий, либо о том что "все никуда не годится". Как бы то ни было, ученик всегда в растерянности и безуспешно пытается разгадать мотивы, побуждающие дона Хуана поступать подобным образом. И даже в ту пору, когда "описание мира" Кастанеды было уже радикально пересмотрено, учитель отказывался пояснять свои шаги, регулярно ссылаясь на то, что "в мире магии нет испытанных процедур, предписанных шагов и детальных правил". В конце концов Карлос смирился с загадочностью своего Нагваля, а в состоянии _повышенного осознания_ проявлял даже удивительное долготерпение, никак не свойственное ему в обычной жизни.

Но вернемся к магическому диалогу с Непостижимым, которому дон Хуан, судя по всему, отдавал все свое внимание на протяжении долгих лет работы с учениками. Мы знаем, что этот диалог имел свой особенный "язык", хотя лингвисты наверняка воспротивятся такому употреблению их главнейшего термина. И действительно в этом "языке" нет ни одного знака, за которым стоял бы хоть как-то очерченный набор содержаний или смыслов. Диалог с _намерением_ предельно контекстуален, а сам контекст выходит за все и всяческие рамки, оформляемые разумом. В подобной ситуации _любой_ знак может иметь _любое_ значение либо вовсе не иметь его. Это "язык", который следует лишь одному правилу,- он неповторим и непредсказуем. Он рождается в момент коммуникации и гибнет, как только коммуникация исчерпала сиюминутный предмет. Кроме того, он _субъективен_ в самом точном значении этого слова, ибо целиком обусловлен интенциональностью конкретного коммуникатора - дона Хуана, в данном случае. И тем не менее, как это ни парадоксально, он всегда совершенно точен и однозначен. В силу небезупречности или недостаточной развитости способности "ощущать" маг может "не расслышать" подаваемый Реальностью сигнал, но это уже вопрос практики и опытности. Сомнения Карлоса на этот счет дон Хуан развеял следующим образом:

"Затем он ответил на мой вопрос о том, ошибаются ли маги в толковании знаков. Он объяснил, что когда маг истолковывает знак, он знает его точное значение, не имея ни малейшего понятия о том, откуда приходит это знание. Это одно из самых непостижимых следствий связующего звена с _намерением_. Маги имеют возможность получать знания непосредственно. Надежность этих знаний зависит от прочности и четкости их связующего звена.

Он сказал, что чувство, которое называют "интуиция",- это активизация нашей связи с _намерением_. И поскольку маги целенаправленно стремятся к пониманию и усилению этой связи, то можно сказать, что они интуитивно постигают все безошибочно и точно. Истолкование знаков обычное дело для магов. Ошибки случаются лишь в случае вмешательства личных чувств, затуманивающих связь мага с _намерением_. В других случаях их непосредственное знание функционально и безошибочно." (VIII, 28)

Для _осознания_ мага Непостижимое манифестирует себя в любом факте окружающего мира, будучи "информатором" беспристрастным и повсеместным. Крик вороны, падение древесного листа, неожиданный порыв ветра, вихрь, необычно закручивающий пыль на пороге, встреча с животным или человеком при определенных обстоятельствах, горный камнепад или страшный цвет опускающегося тумана - все оказывается _вестью_, все пронизывается смыслом и служит указанием к действию.

В большинстве случаев _безмолвное знание_ совсем не нуждается ни в каких знаках. Изощренное внимание воина руководствуется почти неразличимыми переменами в настроении, легкими импульсами чувства, приходящего неведомо откуда,- словом, всем спектром психических волнений или вибраций, пересекающих его сознающий организм. И именно _безмолвное знание_ оказывается самым важным источником информации, когда дело доходит до конкретных проблем практики и дальнейшего развития. Столь свойственный современному человеку здравый смысл, интеллект, рассудочность в работе с безмолвным знанием могут быть только помехой, ибо сковывают естественное движение _внимания_, всякий раз стремясь вернуть его в банальное русло привычных схем, которые полезны лишь в очень ограниченном мире _суженного поля_ опыта.

"Я сейчас думаю о том, как наша рациональность заводит нас в тупик, продолжал он.- Мы склонны размышлять, задавать вопросы, выяснять. Но нет никакой возможности делать это относительно магии. Магия является актом достижения места безмолвного знания. А безмолвное знание невозможно охватить умом. Его можно только пережить." (VIII, 229)

Проникновению безмолвного знания в человеческое существо более всего мешает самая любимая наша способность - _саморефлексия_. Помимо учения дона Хуана существует множество оккультных и мистических практик, которые могут заметно снизить эту активность человеческой психики. Сейчас, когда различные виды медитации обрели широкую популярность в западном мире, все чаще мы встречаем людей, утверждающих, что получают информацию из необычных источников. Бывает, что они поражают наше воображение удивительными "инсайтами" - таких зовут экстрасенсами и даже ясновидящими. Конечно, в той или иной степени здесь имеет место контакт с _безмолвным знанием_, но в использовании талантов такого рода всегда следует проявлять разумную осторожность. Чистота и упорядоченность _тоналя_ - главное условие неискаженного восприятия и понимания диалога с Реальностью - исключительное достижение, редко являющееся "природным даром". А степень "загрязненности", недисциплинированности перцептуального аппарата заметить и оценить довольно легко. Показателем подобных несовершенств часто является широко распространенная склонность _визуализировать_ безмолвный сигнал, который вовсе в этом не нуждается. А _визуализация_ (которая, как вы понимаете, не имеет ничего общего с дон-хуановским _видением_) - это всегда _достройка_ образа, "галлюцинирование" его с помощью подсознательного материала, способного исказить подлинную крупицу знания в такой степени, что она просто исчезнет из вида на фоне личных фантасмагорий экзальтированного "ясновидящего". Примерами таких визуализаций можно наполнить тома оккультных сочинений. Среди них встречаются самые "достоверные", т.е. известные испокон веков, традиционные, "проверенные". Наивно было бы доверять им только потому, что схожим образом люди галлюцинируют на протяжении тысячелетий. В конце концов, _тональ_ держится своих излюбленных приемов, невзирая на века и научно-технические свершения. К подобным древностям относится, например, видение ауры. Мы вовсе не отрицаем возможности восприятия тех или иных полей, окружающих все живое. Тревогу вызывают попытки _аурodиагностики_: когда из особенностей формы увиденного поля, из распределения окраски излучений делаются далеко идущие выводы - характер заболевания, состояние психологического климата в семье или коллективе, наличие или отсутствие "энерговампиризма", "порчи" и даже будущая судьба пациента. Иногда "безмолвное знание" все же "прорывается" сквозь пелену выстроенных по заказу бессознательного галлюцинаций, и тогда мы, конечно же, благодарны удачливому прорицателю за своевременную помощь, но в других случаях слепая вера страждущих может причинить им немало страданий и еще усугубить нежелательное положение дел. И

чем более детализировано восприятие провидца, тем более сомнений должно вызывать его сообщение. Состояние чакр, видение человеческих внутренностей, событий из прошлой и будущей жизни, тени недоброжелательных покойников, витающие вокруг клиента, ангелы-хранители, "кармические комплексы" и проч.- все это нужно просеивать и просеивать, чтобы за красочным ворохом галиматьи наконец разыскать полезные сведения; у кого достанет проницательности, образованности и терпения, чтобы получить желанный результат?

Особенный скептицизм должны вызывать так называемые "сны с учителями" или "контакты" с Космическим Разумом. Тут _тональные_ искажения достигают своею апофеоза: право, лучше вовсе махнуть на это рукой! Тем более, что нередко среди таких откровений можно найти сознательное мошенничество, шарлатанство, или параноидальные идеи, имеющие свой корень не в _безмолвном знании_ Вселенной, а в запущенном и застарелом комплексе неполноценности. И даже в тех случаях, когда искренность и чистота искателя не вызывает сомнений, его подводит плохо контролируемая эмоциональность. А это, как вы уже знаете, уводит точку сборки на периферию "человеческой полосы" эманации, где нет ничего, кроме психоэнергетических отходов нашего не в меру впечатлительного народа.

Кроме того, давней и всем известной чертой, присущей мистическому, оккультному и религиозному опыту, является способность слышать _голоса_, которые любят объяснять, поучать, предостерегать или запугивать адептов в состоянии измененного сознания. Этот симптом слишком знаком психиатрам и действительно нередко свидетельствует о серьезном психическом расстройстве. Хотя здоровые мистики, ясновидящие и экстрасенсы тоже могут услышать голос, сообщающий им сведения, в которых они заинтересованы. Уверен, что всякий уважающий себя психиатр, познав о таких способностях знакомого экстрасенса, выразит определенный скептицизм по поводу ею "здоровья". И все же - бывает так, что безмолвное знание вдруг оказывается очень даже болтливым. В системе дона Хуана также мы находим, по крайне мере, два случая, когда "бестелесный голос" тревожит мага, ни в коем случае не страдающего шизофренией.

Во-первых, это полос "эмиссара" в _сновидении_. Вы помнить, что его никак нельзя назвать действительно надежным информатором. Глупо и опасно принимать этот поток словоблудия за некие откровения высшей цивилизации, но, как нам кажется, это явление распространено куда шире, чем обычно полагают. Во-вторых, это "голос _видения_". Он, в отличие от первого болтуна, действительно заслуживает внимания. Но именно этот перцептивный феномен должен быть исключительно редок, так как связан с дон-хуановским _видением_, которым не владеет никто, кроме искателей, настойчиво и целенаправленно сдвигающих свою точку сборки в течение долгого времени. Так что, если вам рассказывают о "голосах", сообщающих сверхценные сведения, вначале убедитесь, что человек, испытывающий подобные переживания, действительно _видящий_ - в противном случае его рассказы немногого стоят. Ну, а если "голоса" поведали ему о судьбах мира, втором пришествии мессии или о грандиозных битвах между силами Света и Тьмы в потусторонних мирах, лучше бы такому "пророку" немного подлечиться - хотя бы для профилактики.

Что же касается голоса _видения_, то это уникальный феномен, очевидно, в какой-то мере связанный с чрезмерной привычкой перцептуального аппарата обращаться к языку как наиболее удобному способу _осознания_. Этот голос, безусловно, принадлежит самому _видящему_, хотя проявляет себя отдельным, "вынесенным вовне" процессом психического освоения чуждого, непривычного поля перцепции. Быть может, это личный способ защиты от масштабной экспансии _безмолвного знания_, случающейся в режиме _видения_. Дон Хуан так рассуждает об этом явлении:

"Когда видящий _видит_, то нечто как бы объясняет ему все, что происходит по мере того, как в зону настройки попадают все новые и новые эманации, продолжал дон Хуан.- Он слышит голос, говорящий ему на ухо что есть что. Если голоса нет, то происходящее с _видящим_ не является _видением_.

После непродолжительной паузы дон Хуан снова заговорил о голосе _видения_. Он отметил, что полагать, будто _видение_ есть слышание - тоже ошибка, поскольку в действительности _видение_ - нечто неизмеримо большее. Однако видящие выбрали звук в качестве критерия, позволяющего определить - имеет место новая настройка или нет.

Голос _видения_ дон Хуан назвал вещью наиболее загадочной и необъяснимой.

- Лично я пришел к выводу,- говорил он,- что голос _видения_ присущ только человеку. Только человек пользуется речью. Может быть, в этом дело. Древние видящие считали, что голос этот принадлежит некоторому сверхмогущественному существу, связанному с человечеством сокровенными и очень тесными узами. Они считали, что это существо - защитник человека. Для новых _видящих_ голос _видения_ - нечто совершенно непостижимое. Новые видящие говорят, что это свечение осознания играет на эманациях Орла, как арфист играет на арфе." (VII, 310)

Последняя аналогия насчет "арфиста", как нам кажется, вовсе не лишена смысла. _Осознание_, оказавшееся лицом к лицу с Непостижимым, впадает в поистине грандиозный резонанс с океаном энергии. Этот чистый резонанс для _осознания_ есть не что иное как пропитывание себя бесконечной массой безмолвного знания, не ведающего границ и совсем не считающегося с ограниченностью человеческой формы. В такой позиции язык берет на себя присущую ему функцию _разграничения_, _структурирования_ чувственного опыта. Язык возвращает опыту дискретность, но теперь уже с иной целью: не для того, чтобы ограничить восприятие и втиснуть его в рамки привычного "описания миро", но с тем, чтобы сплошной поток чувствования не привел к переутомлению перцептуального аппарата вместе с последующей за этим самоблокировкой, т.е. спонтанным отключением восприятия вообще. Очевидно, такой феномен характерен для первых этапов _видения_ - с достижением третьего внимания, когда в процесс "резонирования" включаются все энергетические ресурсы существа, _осознание_ уже не нуждается в вербальной "ортопедии".

Итак, _намерение_, поставляющее магу безмолвное знание нагуаля, Реальности, бесконечного Объекта, игрой невыразимых чувствовании подводит воина к самым вратам третьего внимания. Безмолвным и неописуемым способом оно учит его последним маневрам, заключительным приемам, тончайшим нюансам энергетической настройки; оно организует и перестраивает его внутренние волокна для того, чтобы свечение осознания могло плавно и точно растечься во все более обширные зоны, не разрушив при этом структур, отвечающих за сохранность индивидуального центра восприятия. Таково _намерение_ дон-хуановского мага, который в своей _безупречности_ превратил личное _намерение_ в _намерение_ вселенной. Это и есть апофеоз самореализации человека - "когда команда человека становится командой Орла".

Отсюда берет исток еще один, быть может, наиболее важный аспект Непостижимого - _свобода_. Самое заманчивое и самое пугающее достижение. Мы, выросшие в ситуации не-свободы - социальной, психологической, когнитивной, биологической, материальной наконец,- не только плохо представляем себе подлинную (не относительную) _свободу_, но даже просто не знаем, что с нею делать. Подсознательно мы боимся ее и, столкнувшись случайно с ее проявлениями, как-то сразу начинаем навязывать себе _цели, достижения, планы_, ограничивающие нас и нашу свободу,- словно испытываем постоянную необходимость кому-то доказывать, что заслужили эту самую свободу, что не растранжирим ее на пустяки, не превратимся в апатичных лентяев или тупых

потребителей, с бесконечным аппетитом пожирающих дары добытой нами свободы. Нам невероятно трудно вернуться к неподдельной чистоте и бескорыстности восприятия самого по себе, к свободе как естественному самоосуществлению жизненного процесса - без самодурства и своеволия, без комплекса вины и глупых обещаний соваться во все человеческие дела во имя всеобщего счастья и народной воли. Дон Хуан напоминает нам, что воин ищет _сверхчеловеческое неизвестное_ и само Непостижимое, которое никак не приложить к страдающему роду людскому. Он говорит нам о _приключении, которому нет конца_,- приключении в самом чистом, прекрасном, и, если угодно, романтическом смысле этого слова. Все это настолько удалено от горестной не-свободы человека, так непонятно замученному самим собой сознанию, что дон Хуан называют его - тот единственно свободный мир, ту Реальность - _абстрактным_.

"А о чем ты говоришь, когда ведешь речь об "абстрактном"?

- О поиске свободы - не ограниченной привязанностями и наваждениями свободы восприятия во всем доступном человеку диапазоне. Я говорю, что маги современности стремятся к _абстрактному_ потому, что они стремятся к освобождению. Конкретные достижения их не интересуют. Ибо у них, в отличие от магов древности, нет никаких социальных функций." (IX, 17)

Чуть ниже, выражая свое отношение к потрясающим достижениям древних видящих, искавших не свободу, но могущество, власть и бессмертие, которое имело для них смысл лишь как вечное потакание собственным страстям, дон Хуан подтверждает:

"Для меня это чересчур эксцентрично. Меня интересует свобода. Свобода раствориться в бесконечности, сохранив осознание. С моей точки зрения эти древние маги были существами экстравагантными, одержимыми и капризными. Они попались на удочку своих же собственных манипуляций.

Но ты не позволяй моему личному мнению сбить тебя с толку. Ибо нет ничего, равного достижениям магов древних времен. По крайней мере, они доказали, что потенциальные возможности человека более чем достойны серьезного отношения." (IX, 31)

Дон Хуан не позволяет очаровать себя великолепным мастерам древности. И он отвергает их мотивы (жажду власти и т.п.) вовсе не потому, что они кажутся ему отвратительными, а именно потому, что они порождают состояние не-свободы. Дон Хуан словно бы чувствует, что всякое, даже наивысшее достижение, свершенное в состоянии не-свободы, всегда фрагментарно, всегда локально по существу и не охватывает Тайны мира, заранее обрекая бесконечность бытия на однообразие частичного, замкнувшегося на себе переживания. Он видит в этом _призрак смерти_, ибо всестороннее, всеохватывающее переживание, не знающее конца в приближении к Реальности, только и может оправдать бессмертие, т.е. сделать бессмертие вечной _жизнью_ во всей ее полноте. М. Мамардашвили, рассуждая о свободе, очень ярко показал ее необходимость для постижения тайны бытия:

"Здесь мы имеем дело с тайной, которая всегда остается тайной. Чем глубже в нее проникаешь, тем дальше она отступает. И это сознание тайны очень важно. Может быть, оно и является той тайной, что мы хотим постичь. И оно фундаментальным образом содержит в себе феномен свободы. Мы вообще бы не могли иметь дело с миром, который полностью исчерпывался бы своими причинно-следственными связями. Если бы мир был таковым, то, с учетом того, что для "игры" такого мира мы имеем бесконечность, его информативность давным-давно исчерпалась бы. И нас сейчас просто не было бы. Но этому противоречит антропный принцип: мы существуем. Если я получил в результате исследования такой мир, который явно исключает меня самого, значит, исследование было неправильно." (М. Мамардашвили. Как я понимаю философию, с. 75.)

В наличии _свободы_ (как неизбежного атрибута экзистенции вообще) философ видит неисчерпаемость мира, основу его фундаментальной Непостижимости, ко и не только. Именно благодаря _свободе_ в этом мире может существовать человек, что делает его полноценной частью той же Тайны, того же Непостижимого. Свобода связует человека как феномен с Реальностью - источником всех феноменов. А потому только свобода и делает возможным приближение непостижимого человека к непостижимой Реальности. Такова сама сущность жизни.

Вокруг проблемы свободы всегда велись морализаторские дискуссии. Социальная и этическая мысль знает даже такие радикальные взгляды, как, например, что _абсолютная свобода безнравственна_. Само возникновение такой отвратительной сентенции подтверждает, что человечество, создавая институты своего общежития, всегда шло по пути искажения человеческой природы. Самоугнетение человека за тысячи лет его истории довело массовое сознание до абсурдного положения. Невольно хочется вновь обратиться к мыслям Мераба Мамардашвили, для которого свобода философа - безусловное подтверждение высшей нравственности мыслящего и постигающего существа: "... проблема сознания действительно неотделима от проблемы свободы. Сознание, по определению, есть моральное явление. Не случайно во многих языках слова "сознание" и "совесть" происходят от одного корня. Ведь моральные феномены означают просто следующую вещь: способность человека руководствоваться причинно ничем не вызванной мотивацией. Так называемой идеальной мотивацией. Это и есть область морали." (Там же, с. 78.)

Как видите, дон Хуан, нарочито "снимающий" проблемы нравственного бытия человека и заменяющий их на проблему достижения _свободы_, просто переходит на подлинно _человеческий_ уровень понимания, где человек как космический феномен самораскрывается в подлинной, никем не придуманной и не навязанной гармонии. Бесконечность его развития сама по себе подразумевает эту "аморальную" свободу. Ничто не сдерживает человека на его пути, кроме собственного, внутреннего "рабства".

"... О чем, по вашему мнению, говорит феномен резервных возможностей человека и сознания?

- Прежде всего об отсутствии предела. Сказать "резервные возможности" это то же самое, что ввести понятие нулевой точки, о которой, как метафоре сознания, я говорил вначале, точки, "ухватываемой" лишь негативным образом, через отрицание того, чем она не является. Держание между всеми возможными отрицаниями и есть некоторое ее постижение. Фактически и сознание, и мышление, и свободу мы можем определить только рекуррентно: сознание есть возможность большего сознания. Об этом и говорят, по-моему, резервные возможности человека. В формальном же смысле эти резервы связаны с большим числом нейронов, нервных связей, не задействованных в каждом конкретном акте сознания. А это, в свою очередь, _означает безразличие природы к тому, что ты выдумываешь, в том смысле, что природа никак не ограничивает человека

И поэтому сознание, мышление и свобода производят только самих себя и есть возможности большего сознании, большего мышления и большей свободы. Ничем другим они не ограничены_." (Там же. с. 84. _Курсив_ везде мой - А.
К.)

Человек свободен по определению. Вы можете усмехнуться и возразить, что, во-первых, автор, так долго и подробно доказывавший закабаленность и обусловленность человеческой психики, противоречит здесь самому себе, и во-вторых, такое утверждение безнадежно наивно и утопично. Тем не менее, я настаиваю на этой мысли. Человек свободен _экзистенциально_, т.е. как факт бытия или Реальности, в признании которой состоит отправная точка всего дон-хуановского учения. Поскольку свободна Реальность,

что так убедительно доказывает Мамардашвили, что самим нашим опытом подтверждается ежесекундно вопреки мрачным предрассудкам тоналя, то и человек - плоть от плоти бесконечно движущегося, избыточного в каждом своем акте бытия - _свободен_. Именно эту необыкновенно важную истину заставляет понять дон Хуан. Каждый шаг на его пути, сколь бы сложен он ни был, сколь труднопостигаем и исполнен высокой борьбы,- это шаг к _осознанию собственной свободы_. И не надо сваливать ответственность на обстоятельства, на отягощенную наследственность или ущербность психологической конституции. В. Франкл верно подметил в своей работе "Духовность, свобода и ответственность": "Я связан с обстоятельствами не просто как биологический тип или психологический характер. Ведь типом или характером я лишь обладаю; то же, что я есть,- это личность. Мое личностное бытие и означает свободу - свободу стать личностью. Это свобода от своей фактичности, свобода своей экзистенциальности. Это свобода стать иным."

Стать подлинно свободным - это не просто призыв мистика-энтузиаста и не крик отчаяния вконец запутавшегося самоубийцы, который готов бросится вниз головой с Бруклинского моста, рассчитывая найти свободу в акте сознательного самоуничтожения. Свобода - это наша судьба. И недаром дон Хуан всякий раз, выслушав жалобы Кастанеды о том, что обстоятельства его жизни в миру преграждают путь к магии, к развитию чувства и осознания, указывал в сторону наскучившего, утомительного и бессмысленного Лос-Анджелеса и говорил тоскующему по вольной жизни Карлосу: "Возвращайся. Твое поле битвы - там." Свобода - это не изолированный пятачок чистой земли, где все исполнено благодатью и угождает тебе. Свобода вообще не бывает только _здесь_ и _сейчас_ - она _всегда_ и _везде_. Она - мир, который мы потеряли и с таким трудом тщимся обрести вновь.

"Судьба человека принадлежит ему подобно тому, как принадлежит ему земля, которая держит его благодаря силе своего притяжения, но без которой человек не мог бы ходить. Мы должны принять нашу судьбу, как мы принимаем землю, на которой стоим,- это площадка, являющаяся как бы трамплином нашей свободы. Свобода невозможна без положенной человеку судьбы, свобода - это всегда свобода выбора и приятия своей участи, выбора позиции, которую человек занимает, сталкиваясь со своей судьбой. Безусловно, человек свободен, но он не плывет свободно в безвоздушном пространстве. Он всегда окружен множеством ограничений. Однако он как бы отталкивается от этих ограничений для реализации своей свободы. Свобода предполагает ограничения, основывается на них. Психика зависит от инстинкта, существование - от материи. Но эта зависимость особого рода. Человек всегда превосходит землю, по которой идет, земля нужна ему лишь постольку, поскольку он может от нее оттолкнуться, использовать как трамплин. Если бы нам надо было дать определение человеку, мы бы сказали, что человек представляет собой существо, освободившее себя от всего, что его определяло (определяло как биологический, психологический и социологический тип), другими словами, это существо, которое превосходит все эти детерминанты либо побеждая их и формируя их по-своему, либо намеренно подчиняясь им.

Этот парадокс подчеркивает диалектическое свойство человека, в присущей ему извечной незавершенности и свободе выбора заключено то, что _его реальность - это потенциальная возможность. Он не является еще таким, каков он есть, таким он лишь должен стать_." (В. Франкл. Общий экзистенциальный анализ.)

Как ни странно, наибольшую неуверенность и тревогу в связи с экзистенциальной _свободой_ человека, медленно подбирающейся к его _осознанию_, чувствуют христианские философы и теологи. В чем-то они подобны тем нянькам, что так привыкли опекать своих воспитанников и совсем не радуются их взрослению. Наверное, не только

христианство, но и всякий религиозный институт будет относиться к дон-хуановской магии с неприязнью. Для того существует слишком много поводов. Можно смириться к экспансией индо-буддистских доктрин, со всяческим богоискательством и богостроительством, с возрождением языческих мифов и ритуалов - ибо и там человек остается духовным младенцем, жаждущим пастыря и утешителя. Можно махнуть рукой на идеологическое и духовное бессилие материализма, чей кратковременный всплеск разве что разбередил пубертатный нигилизм и легкомыслие гедонистического младенчества - это возрождение духовного инфантилизма только подчеркнуло значимость религии как спасительницы и утешительницы заблудших чад. Перепуганные дети, наигравшись в атеизм, покаянно возвращаются к своим пастырям.

И только учение дона Хуана, провозгласившее _абсолютную свободу_ и абсолютную независимость в поиске единственной Реальности мира, не может вызвать сочувствия ни у одной церкви мира. И в первую очередь из-за отношения к свободе. Красноречивым свидетельством этих настроений может послужить высказывание немецкого философа и теолога Романо Гвардини (1885
- 1968). В своей работы "Конец нового времени" (1950) он, в частности, писал:

"Человек свободен и может использовать свою власть, как хочет. Именно поэтому он может использовать ее неправильно, то есть ко злу и разрушению. Что гарантирует правильное использование? - Ничего. Нет никакой гарантии, что свобода сделает правильный выбор. Имеется только вероятность того, что добрая воля превратится в склад души, в позицию, в характер. Но, как мы уже видели, беспристрастный взгляд вынужден констатировать отсутствие такого характер, который сделал бы правильное распоряжение властью вероятным. Человек нового времени не подготовлен к чудовищному взлету своей власти."

Конечно, нет сомнений: человек все еще не готов к свободе, как не готов он и к встрече с непостижимой Реальностью (вне христианского бога и прочих "спасительных" доктрин). А стало быть, человек не готов стать человеком. Такое положение должно было бы удручать и печалить, но религия находит здесь повод для мрачного торжества. без покровительства и защиты Отца нашего Небесного человек - просто слепой червь, и не видать ему Царства Божия в его "самодельной", самостоятельной свободе. Какое уж тут Непостижимое! Без Спасителя - только мрак и безысходность...

Но сколько духоты, сколько спертости мысли в самом подходе! Как не хочется вновь перетряхивать всю эту ветошь, все эти скудные потуги описать мир, понавешав предупреждающих табличек и указателей типа "Осторожно! Погибель души!" или "Верной дорогой идете, товарищи!" После блистающих океанов _нагуаля_, после свежих и вольных ветров, которые нам посчастливилось вдохнуть, снова тащить па свет божий дряхлый дуализм, менторские замашки начетчиков и болтунов, все это скопище самонадеянной глупости, претендующее на сверхчеловеческую мудрость, а на деле погрязшее в банальностях и трюизмах. Р. Гвардини, прочитавший Слово Божие, уж наверняка знает, что говорит. Свободу, говорит он, можно использовать "правильно" и "неправильно" - как будто это утюг, которым можно гладить белье, а можно колоть орехи. Очевидно, человеческий _тональ_ так и представляет себе _свободу_ - этакий список разрешенных действий вместе с доходчиво изложенной инструкцией по эксплуатации, правилами техники безопасности и т.п.

Неужели так трудно попять, что свобода - это состояние бытия. абсолютно полное, самодостаточное и гармоничное изнутри? И если человек не готов к свободе, то он ее и не получит, ибо свобода - достижение личное, внутреннее, глубоко интимное. Нет причин пугаться якобы возможной свободы по простому соизволению демократического большинства в парламенте. Не-свободный человек всегда найдет способ убежать от

свободы, всегда состряпает гору правил и законов - как в социальной, экономической, так и в духовной жизни. Утратит авторитет христианство - взойдут новые кумиры, новые спасители и новые диктаторы.

Кто, кроме дон-хуановского воина, посмеет выдержать яростный блеск _свободного_ солнца? Человек всегда стремится искать _человеческое_. Если же он когда-нибудь встанет на следующую, более высокую ступень и разглядит свободу как сияние Непостижимого, то он уже не сможет использовать ее "правильно или "неправильно" - он просто позабудет правила, которые были ему нужны в прежние годы зависимости и рабства. Свободный воин - символ и воплощение магии - перестанет быть _социальным_ (и не только в том смысле, что он перестанет принимать участие в манифестациях, революциях и забастовках): он просто выйдет за рамки всех человеческих категорий, символов или знаков. Став свободным, он станет _непостижимым_ - окажется на другом краю бездны, где его встретят только ему подобные.

Является ли это состояние _сверхчеловеческим_? Либо это просто новая ступень в самореализации человека? И будут ли еще пути к Непостижимому в мире Реальности и Свободы? Никто не ответит. Мы знаем только одно: нет конца странствию, если вас окружает _настоящее_, но неизвестное бытие.

"Как я говорил тебе, современные маги стремятся постичь _сверхчеловеческое неизвестное_.

- Чем может быть это сверхчеловеческое неизвестное? - Свободой от всего человеческого. Это - невообразимые миры, выходящие за пределы человеческих возможностей достижения, которые тем не менее каким-то образом доступны нам. Туда направляются современные маги. Их устремления лежат далеко вне интересов людей, за пределами этих интересов лежат всеобъемлющие миры, среди которых есть далеко не только сферы обитания птиц и животных, хотя и они неизвестны человеку. То, о чем я говорю, представляет собой миры, подобные нашему. Целые вселенные с бесконечными пространствами.

- Где находятся все эти миры, дон Хуан? В различных положениях точки сборки?

- Правильно. В различных положениях точки сборки, но эти положения доступны для магов вследствие _движения_ точки сборки, а не ее _сдвига_. Путешествия в такие миры могут совершить в _сновидении_ только сегодняшние маги. Маги древности были далеки от них, потому что такие путешествия требуют от магов великой непривязанности и полного отказа от чувства собственной важности в любом его проявлении. Старые маги не могли пожертвовать всем этим. Для магов, практикующих _сновидение_ в наши дни, это _сновидение_ является свободой достичь миров, не укладывающихся ни в какое воображение.

- Но зачем их достигать?

- Ты уже спрашивал меня сегодня об этом. Ты рассуждаешь, как настоящий купец. "Это опасно? - спрашиваешь ты.- На сколько процентов увеличится сумма моего вклада? Будет ли так лучше для меня?" На эти вопросы невозможно ответить. Ум купца настроен на подсчет прибылей. Но свобода не может основываться на вкладах и доходах от них. Свобода - это приключение, которому нет конца, в котором мы рискуем жизнью и даже большим, чем жизнь, во имя нескольких мгновений чего-то превыше слов, мыслей и чувств.

- Я спрашивал, имея в виду другое, дон Хуан. Я хотел узнать, что может вынудить такого никудышнего бездельника, как я, достичь этот всего?

- Поиск свободы - это единственная побуждающая сила, которую я знаю. Это свобода улететь внезапно в бесконечность, которая где-то там. Это свобода умереть, исчезнуть навсегда. Это свобода быть подобным пламени свечи, которая остается неугасимой в мире,

озаряемом светом миллиардов великолепных звезд, остается неугасимой потому, что никогда не считает себя чем-то большим, чем есть на самом деле,- всего лишь свечой." (IX, 112-113)

Здесь, на крутых вершинах Непостижимого мы и расстанемся с Карлосом Кастанедой и его тайной, чтобы, возможно, когда-нибудь встретиться вновь. Вы, конечно, понимаете, что все это - не его личная тайна. И даже не открытое им мистическое учение с древними, самобытными истоками составляет подлинную загадку его книг.

Тайна кроется в беспредельной Реальности, нас пронизывающей, в барьере, разделяющем субъект и неописуемое То, и в самой возможности порыва. Тайна - в неуловимом блеске мироздания _вовне_ и в природе недоставленного нам шанса.

Все мы утомлены и несчастны, даже когда забываемся в буйстве сил и бессмысленных развлечениях. Все мы ограничены и узколобы, даже когда странствуем в необозримых просторах абстрактной мысли. Ибо бессилие и ограниченность - суть нашего _опыта_, нашего прямого чувствования, узаконенного разумом и природой. Перепрыгнуть через самого себя и хоть мельком воспринять свободную сокровенность бытия, помимо смысла, способного кастрировать жизненную силу и лишить ее изначального великолепия, помимо прикладного концептуирования, которое вечно истощает озабоченного потребителя,- вот задача.

Тайной пропитано все, о чем пишет Карлос Кастанеда. И чем дальше он заводит нас, следуя невысказанному стремлению (о котором не говорит, но мы все равно его чувствуем) по затейливому лабиринту дон-хуановской магии, тем отчетливее и полнее вырисовывается То, о чем нельзя сказать никакими словами: живое чувство, выплескивающее себя за рамки знаков, какими бы гениальными творцами эти знаки ни создавались. Дон Хуан называет свое грандиозное знание искусством _намерения_ - и теперь, продумав и прочувствовав вдоль и поперек долгую историю Кастанеды, мы лишь самым краешком сознания коснулись этого ключевого звена на пути в Непостижимое. Да и то - кто знает, не обманчивый ли это призрак, не примерещилось ли нам дымное облачко от чрезмерного усердия, готовое в миг растаять и превратиться в обидную пустоту? Или надежнейшая наша опора - _осознание_, благодаря которому мы удерживаем собственную самость среди всевозможных ветров непостигаемого космоса: что это? Отражение энергии, отражающей саму себя? Но _как_ это происходит? И в чем исток такой вещи, как "осознание"? Что _на самом деле_ кроется за словами и за объяснениями, построенными из тех же слов? Пусть эти вопросы покажутся вам безумными, но именно там, куда ведет нас такое безумное вопрошание, лежит самое насущное
- корень нашей природы и шанс выбраться на волю.

Как видите, _объект_ и _субъект_ в равной степени непостижимы, _бытие_ и _сознание_ сродни иероглифам, означившим две бездны опыта, которые как бы всегда перед нами и одновременно заперты от нас в какой-то мистической запредельности. С помощью дона Хуана мы решаемся совершить прыжок в бездну и там, в свободном падении, _прочувствовать_ реальную жизнь Мира. Но что же оказывается нашим единственным инструментом в отчаянной авантюре, что предъявляет нам само чувство - последний критерий опыта? _Внимание_ - которое и есть квинтэссенция Тайны. Даже приняв модель энергетической вселенной Орла, мы никак не можем постичь, что же есть _внимание_, избирающее и выделяющее, концентрирующее и игнорирующее полевые структуры бытия. Мы также не знаем, за счет какой силы осуществляется процесс _внимания_ и в чем его суть. Мы взялись в этой книге условно именовать феномены перцепции "резонированием", но в действительности не знаем даже, уместна ли подобная аналогия. Вслед за психологической наукой мы утверждаем, что _внимание_ сопряжено с

волей, вслед за доном Хуаном мы называем источник _воли_ _намерением_ - и порочный круг замыкается.

Тайна _намерения_ сводит на нет все человеческие потуги объяснить целенаправленную работу психики вместе с ее фундаментальными составляющими: _вниманием, восприятием и осознанием_. Остается лишь недоумевать по поводу такого странного положения дел. Повсюду мы не ведаем, что творим. Область Непостижимого поглощает нас, подобно трясине. Три главнейших вопроса - _что_ работает? _с чем_ работает? _как_ работает?

- остаются без ответа. И тем не менее, дисциплина дона Хуана предоставляет нам уникальный шанс совершить (неведомо как) самую грандиозную трансформацию собственной природы, на которую когда-либо осмеливалось человеческое воображение. Исследование Кастанеды не может не вызывать восхищения и чувства благодарности - ведь он не только реанимировал высокое изумление перед вездесущей Тайной бытия (которое само по себе всегда инициировало глубинный поиск и распахивало новые горизонты), но и указал _направление_, в котором следует искать разгадку. И, что очень важно, в _направлении_ можно быть уверенным. Ведь _уникальность учения дона Хуана состоит в том, что оно последовательно и твердо опирается но безупречные философские и психологические посылки_. Мировой оккультизм не знает примеров такого интеллектуального мужества - в той или иной степени мистики всегда отвлекаются на миф, на религиозный трепет, на предпочтительную эмоцию или предвзятое теоретизирование. Их волнует не только Истина в ее чистоте и бесстрастии, но и сладостное предвкушение Великого, Священного, Всемогущего - Того, кто защитит и облагодетельствует Своими дарами. Именно здесь заканчивается наука и торжествует эмоция - родительница предрассудков и религии. Более того, тут и берет верх искушение _объяснить_ Тайну мира, подарить страждущему человечеству _смысл_ и _благо_.

Карлос Кастанеда этого не сделал. И потому, наверное, многие искатели неосознанно испытывают досаду - им недостаточно предложенного пути, пропуска в мир подлинной и нескончаемой Тайны: религиозное сознание требует Бога с Его благосклонностью и любовью, с Его законами, рецептами н охранительными молитвами, "магическое" сознание жаждет иерархии, тайных орденов, ритуалов и власти над силами, чтобы непрерывно подтверждать свою исключительность; а сознание мистика жаждет слияния с Абсолютом. В учении дона Хуана ничего этого нет. "Человек знания" не видит оснований для подобного сочинительства, а потому выбирает единственное, в чем уверен, - _свободу_.

Конечно, такой Путь устраивает немногих. В отличие от религии или традиционных "духовных учений" он вовсе не ставит перед собой цель достижения психологического комфорта. Самоутешение или самообман, экзальтация или мирные мечтания, даже психотерапия в виде "обретения смысла" или организация коллективного "убежища" в среде духовных единомышленников - все это если и возможно в рамках дон-хуановского пути, то где-то на периферии, на "привалах", где допустимо снизить общее напряжение и помечтать па досуге.

Вообще же, учение дона Хуана ближе всего к исследовательской дисциплине, к изыскательской работе ученого, где все состоит из бесконечной череды экспериментов и разрешения рискованных задач, а теоретическая часть - совокупность рабочих гипотез, проверяемых самым строгим и беспристрастным способом.

Техники и методы, которые мы постарались осветить в этой книге, предназначены только для того, чтобы начать исследование. Здесь нет и следа догматизма - все подвергается сомнению, осмысляется вновь и вновь, пересматривается в самых широких масштабах. Читатели Кастанеды, конечно, заметили из рассказов дона Хуана, что история

"магии _нагуаля_" достаточно драматична, не лишена ошибок и заблуждений, трагических коллизий и разочарований, даже подлинных революций, следующих за неожиданными открытиями, опровергающими идеи древних исследователей. Такой динамизм познания отнюдь не свойственен мистическим традициям, с какими мы прежде встречались. Зато он совершенно естественен в истории науки, превыше всего поставившей объективную истину и тем самым порвавшей с религиозностью любого вида.

Итак, мы имеем дело с _живым знанием_. Как и все подлинно живое, оно не имеет конца. Тайна, с которой нас познакомил Карлос Кастанеда, очаровывает именно своей неподдельностью, ненадуманностью - она манит жизнью, свободным дыханием, непредсказуемой игрой сил, на которые не нацепишь ярлык, не побрызгаешь святой водой, не умаслишь хвалебными песнопениями в храме. Путь, который не знает конца, и Тайна - без границ и ответов. Только чистая радость восприятия, радость встречи с Непостижимым, готовым бескорыстно предъявить себя во всем блеске раскрывшемуся, _свободному_ сознанию.

Если вы хотите искать подлинную Реальность, вам прежде всего потребуется дерзость. Дерзость подвергать сомнению все мифы, когда-либо сотворенные человеком. Вам потребуется мужество, чтобы отказаться от всех и всяческих утешений, от всех упований и надежд, от диктатуры массового сознания с его нетерпимостью к духовному диссидентству и его назойливостью моральных стереотипов, от идей мессианства и всеобщего спасения. С одной стороны, вам придется выкинуть из головы всю "достоверную" чепуху материализма, непререкаемость "очевидных" фактов о веществе, пространстве и времени, а с другой - позабыть популярные нынче легенды о карме, колесе перевоплощений, о "планах" бытия с его витальными, ментальными, астральными и еще бог знает какими прослойками, про чакры и ту энергию, что их "раскрывает" с дивной последовательностью. Кроме того, вам придется махнуть рукой на все эти бесчисленные Братства (как посюсторонние, так и потусторонние), на "темных" и "светлых", а также на их мифическую войну, которая ведется с переменным успехом. Все это оставьте ревнивым блюстителям общечеловеческого _тоналя_ - Абсолютное Добро, Абсолютное Зло, ангелов и бесов, сатанистов и экзорцистов. Позабудьте про Космический Разум и геенну огненную. Пусть фантомы блуждают в своем фантастическом мире - им радостно там быть, они восхищены высоким смыслом, размахом помыслов, масштабами борьбы...

Если же вас покоробило оттого, что в общий список отвергаемого попали полюбившиеся вам образы или идеи, если вы в смятении и уже испытываете неприязнь к оголившейся плоти Непостижимого, сущего _вне_ человека,- просто примите эту книгу как набор домыслов и допущений. Куда проще (а главное, безопасней!) дрейфовать в потоке обыденных восприятий, верить в незыблемость удобных и разделяемых смыслов и вести душеспасительные беседы о добродетели, правильном воспитании и самосовершенствовании... В таком случае вы можете быть абсолютно спокойны - до самой _смерти_ Реальность не тронет вас, поскольку ей нет до вас никакого дела, не вспугнет вашего самодовольства и не восхитит своими немыслимыми чудесами.

К чему донкихотствовать и скакать на краю бездны?

В конце концов, тайна Карлоса Кастанеды - это тайна "одинокой птицы", чудом совершившей побег из стаи. О ней легко забыть, куда легче, чем о миллионах маленьких, но крайне срочных и серьезных дел, об этой сосредоточенной возне с солидным названием "социальная жизнь человечества". Что же касается дона Хуана, то он вовсе слился со сверкающей голубизной прекрасных, но уж больно непонятных просторов. Он словно порыв ветра - шепнул о своем и улетел навсегда.

И это правда. Ведь он и есть _свобода_ - ничем не замутненное скольжение непостижимого в Непостижимом. Забыть его очень просто.

Только в сердце - тихая, совсем неприметная печаль. Отчего?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

_Я всегда был один - это право стрелы...
Но мы станем, как сон, и тогда сны станут светлы.
... Пусть охота, летящая вслед, растает, как тень.
Мы прожили ночь - так посмотрим, как выглядит день_.

Б. Г.

Думаю, нет ничего удивительного в том, что Кастанеда сильно изменился после тех опытов, что над ним произвел дон Хуан. Писатель Р. Суханик, встречавшийся с ним несколько раз, постоянно отмечает кастанедовские трансформации:

"Кастанеда, когда я впервые встретил его два года назад (1974), заметно отличался от того, каким он является теперь, и происходящие с ним изменения отражают течение событий в его книгах. В тот вечер он показался мне этаким Кандидом, склонным к шизофрении. И действительно: своего рода шизофрения явилась ключом к его книгам, начиная с первой - с ее экспериментальным репортажем и попыткой абстрактного и объективного анализа, добавленного в конце. Его лицо, которое сильно смахивало на индейское, казалось расщепленным на две половинки, а его глаза словно бы смотрели в разные стороны. Он производил впечатление человека, который удерживал свою целостность с огромным усилием.

Он не был удивлен сходством между моим романом и своим репортажем, несмотря на то, что главным источником романа были мои сны. Он сказал, что имеется некий общий фонд такого знания, к которому разные люди могут "подключаться" по-своему, и что один из этих путей заключен в сновидениях. По-видимому, он имел в виду что-то вроде юнговского расового наследия.

... В следующий раз я увидел Кастанеду много месяцев спустя. Я был сильно впечатлен переменой в его манере поведения. Он был гораздо более собранным, более воодушевленным и бодрым, более сильным, и в нем ничего не осталось от Кандида. Отвечая на вопросы, он рассказывают о своих приятелях, учениках магии, как об общительных, практичных, земных людях, и я подумал: насколько это описание подходит самому Кастанеде!

Знать Кастанеду - значит, быть уверенным в достоверности его книг: он сам во многом является продуктом той дисциплины, которую описывает.

Он явно обладал силой и прочно стоял ногами на Земле (возможно, Земля и давала ему силы)...

Мне еще много раз хотелось свидеться с Кастанедой, но во время преподавательской работы в университете тот становился все более неуловим. С одной стороны, вокруг него постоянно толпились студенты, но все же мне кажется, что тут не обошлось без умышленного "стирания личной истории" по указанию дона Хуана...

Его стало трудно локализовать. Он заявлял, что должен быть в одном месте, а потом загадочно объявлялся в каком-то другом. Вы полагали, что встретите его здесь, а наталкивались на него в противоположном районе.

Однажды я собрался с ним на совместный ленч, но коллеги и приятели Кастанеды уверили меня, что он сейчас в Мексике. А когда час назад один из них встретил Карлоса в лифте, то решил, что у него галлюцинация...

Наилучший способ встретиться с ним - положиться на случай. Именно так вышло последний раз, несколько недель тому назад. Я натолкнулся на него в небольшой кофейне в Лос-Анджелесе, и хотя мы оба сейчас не преподаем, побеседовать не получилось. Он заявил, что это не место для разговоров, а потом добавил, пристально глядя мне в глаза: "Я нахожусь в Мексике." И еще раз, как бы уточняя: "Я - в Мексике." Потом, видимо, решив, что без объяснений все же не обойтись, сказал: "Я путешествую туда и обратно очень быстро. Неплохо бы нам вступить в контакт при следующей встрече, когда мы оба будем в Лос-Анджелесе. Надо бы поговорить."

Вот и вся беседа. Подождем: нам всем действительно есть о чем поговорить.

Пока же попробуем подвести итоги девяти "магических" книг в отсутствие автора, у которого совсем нет времени на теоретические изыски.

Во-первых, с их помощью (а точнее, с помощью дона Хуана) мы впервые, как кажется, смогли вырваться из порочного круга метафизики и мифологии. Нам дано было понять, что только через истинную пару "тональ-нагуаль" человеческое сознание может выйти к Реальности - к Объекту вне всякой интерпретации.

Во-вторых, мы разобрались, в чем порочность магических "сверхреальностей", известных другим мистическим школам, религиозным учениям, оккультным доктринам. Введение в механизм перцепции такого объекта, как "точка сборки", сделало равноценным всякое "потустороннее" переживание, ибо показало, что конкретика чувственного опыта, получаемого медитаторами или духовидцами, есть результат резонирования с определенными участками энергетического спектра Бытия, а потому не может являться объектом поклонения, религиозного чувства или суеверного ужаса. С другой стороны, нам пришлось согласиться, что и эти конкретные переживания в значительной мере "адаптирует" тональ, извлекая на свет Божий всевозможные "мыслеформы", "архетипы", предметы саморефлексии и ординарного описания мира.

В-третьих, перед нами раскрылся уникальный комплекс технологий: веками отработанные приемы, помогающие достичь "чистого восприятия", т.е. вызвать в себе произвольный режим резонирования с любым набором энергетических полей Реальности и утилизировать их с эффективностью, во много раз превосходящей эффективность тонального познания и восприятия (вспомните хотя бы об уникальной практике сновидения, не имеющей аналогов в мировом мистицизме!)

Все вышеперечисленное делает учение дона Хуана явлением уникальным как для оккультизма, так и для всей мировой культуры. Правда, многие не согласятся с такими громогласными заявлениями. Их доводы говорят сами за себя. Вот известный оккультолог Рам Михаэль Тамм, прочитав несколько первых книг Кастанеды, поставил ему такой диагноз: "Тема книг Кастанеды так же стара, как и само человечество. Описанная в них магия - лишь новый вариант бесчисленных чудодействий, сходных с теми, которые можно обнаружить в любом веке и любой культуре, и достоверность изложенного так же непроверяема, как и все, в большинстве своем, подобные изложения."

Оставим эти рассуждения на совести исследователя. Что же касается моих собственных опытов, то обращение к традиции дона Хуана не было для меня актом простого интеллектуального любопытства - здесь сыграла роль "кризисная ситуация", которую я унаследовал от увлечения индо-буддистскими учениями и психотехниками, "глубокая неудовлетворенность" ими. Объективности ради должен отметить, что на протяжении лет полагал достижения йогических школ Востока наивысшими в области расширения сознания и постижения подлинной сущности Бытия. И по сей день я преклоняюсь перед величайшими искателями духа, которых подарила человечеству азиатская культура, перед их философской изощренностью и психологической глубиной, перед мощью их интуиции и мужеством самоотвержения. Духовный космос индо-

буддистского мировоззрения впечатляет и очаровывает, а постулирование психологической практики в качестве единственного критерия истины убеждает даже скептиков-рационалистов... Вот здесь бы остановиться и спросить: а почему убеждает?

Вы когда-нибудь занимались АТ (аутогенной тренировкой)? А какой-нибудь иной техникой самогипноза? Уверяю вас, все это ничуть не менее убедительно. Правда, не хватает метафизики и идеи спасения души из круговорота страданий, но в остальном (если мы рассматриваем чистый опыт)
- то же самое. Почитайте Леви, почитайте Шульца... Проследите, как "образ" вырастает из ничего: вначале вам нечто "показалось" - обязательно закрепите это своим вниманием; на фоне мышечного расслабления легко возникает "тепло" - в руках, в ногах, в животе. Почувствовали? А теперь сосредоточьтесь и сделайте ощущение острее, ярче, определеннее! Вы хотите, чтобы "поток тепла" перемещался по телу? Пожалуйста! Вдоль позвоночника? Ах, да! Вы хотите "пробудить" Кундалини - верно? А в это время ваш лоб овевает прохладный ветерок - вы его не чувствуете? Не беда. Вспомните ощущение от холодного пятака на лбу. Вспомнили это чувство? Усильте его, концентрируйтесь... Все. Лоб "холодный", ноги "теплые", тело невесомое - прекрасный тонус и отличное самочувствие. Я очень люблю подобные процедуры
- они снимают усталость и психическое напряжение. Особенно рекомендуется работникам умственного труда и называется "психогигиеной".

Опыт, достигаемый через самовнушение, характеризуется: а) отсутствием внушаемого образа при наличии неопределенных сенсорных сигналов - чаще всего тактильных, так как работа "происходит" внутри тела; б) выбирается группа спонтанно возникших сенсорных сигналов - "тепло", "холод", "зуд", "давление" и проч. Обычно эти сенсорные сигналы приходят из той области, на которой испытуемый концентрирует свое внимание; в) концентрация внимания на полученных сигналах в соответствии с инструкцией: "усиление", "опредмечивание" их, достижение стабильного и яркого переживания (при этом помехи, не учтенные инструкцией, игнорируются и вытесняются); г) и наивысшее достижение - способность почти мгновенно "включать" заданную серию специально отобранных и оформленных сигналов.

Никаких пределов вашей фантазии! Хотите: загораете но солнечном побережье, слушаете плеск волн и крики чаек, обоняете запах моря и рыбы... Хотите: вызываете "жгучее пламя" в центре солнечного сплетения и сообщаетесь через него с космическими вибрациями. Хотите, открываете "третий глаз" или центр в макушке головы... При должной философской базе вы достигнете, быть может, самого "Абсолюта".

Вот, например, записки Павитры - одного из любимых учеников Шри Ауробиндо. Павитра делится с учителем своими достижениями и проблемами:

"Всю эту неделю я пытался снова заставить ментал замолчать, но без особого успеха. Я все еще не достиг того уровня... Я ощущаю позади себя великий покой, как будто нахожусь в прозрачной среде. Не это ли ощущение христианские мистики описывают как "стеклянное море", а японцы - как "хрустальный дворец"?

<...>В течение этой недели медитация проходила лучше, была более глубокой и ровной. Я чувствую, как Сила спускается в центры Анахата и
Муладхара (сердце и копчик - А. К.), доходя даже до ног. Временами ноги деревенеют...

<...>Сила нисходит в меня. Теперь это уже не вибрирующие волны... Теперь Сила более спокойна, она мягко распространяется и проникает в меня.

<...>Я стал ощущать в теле какой-то жар. Последнее время я сильно утомляюсь. На определенной стадии углубления медитации у меня начинают болеть ноги.

Шри Ауробиндо: Какого рода ощущения вы испытываете?

Павитра: Что-то давит и тянет одновременно. Может быть, это хочет освободиться витальное тело?

Шри Ауробиндо: Возможно. <...>

Павитра: Я чувствую, что она [Сила] опускается до солнечного сплетения. Но до пупка не доходит. Недавно я почувствовал Муладхару (центр копчика - А. К.). Сейчас это ощущенье ослабело, причем четкого разделения между внешним и внутренним не происходит...

<...>Ментал стал спокойнее и мне легче от него отделяться. Произошло также что-то вроде расширения сознания: я пребываю в контакте с некой живой средой, сосредоточенной вокруг моей головы. Это пока еще смутное ощущение, только начало.

В основном, я стараюсь оставаться пассивным, предоставляя силе нисходить и работать. Она спускается до пупка и распространяется вширь.

Сейчас я изучаю действие этой Силы. Мне кажется, что она не вполне духовна... Я хочу сказать, _ее природа сродни ощущению_." (Цит. из: Беседы с Павитрой. Пондичерри, 1967)

В представленном дневнике присутствуют все основные характеристики самовнушенного опыта: медленное (не спонтанное) формирование образа, постепенная фиксация его, "достраивание" до необходимой по инструкции полноты и глубины, неопределенность тактильных ощущений и их перемещений... Где же истина, где "вторжение" Реальности, или оно так и случается - исподволь повторяя аутогенную тренировку Шульца?

Такой вопрос возникает далеко не сразу. Чем длительнее наблюдение, тем больше сомнений. Да и результаты все какие-то сомнительные - там почувствовал, здесь потеплело, там кольнуло, или вспышка света перед глазами... Десятилетиями упорного труда, а иногда - всю жизнь.

Опыт, лично мною проведенный по методикам дона Хуана, оказался до неправдоподобности противоположным во всем. Изменение режима восприятия случалось всегда резко, непредсказуемо, спонтанно. Яркие и плотные образы не "накладывались" на обычное восприятие, а полностью вытесняли его. Если достигаются контроль над вниманием сновидения, то образы обретали еще большую четкость. Наблюдаемые мною случаи экстериоризации энергетического тела отличались высокой динамикой и убедительностью - чего никогда не бывало при многолетней практике йогических медитаций.

Мощные вибрирующие звуки, сопровождавшие иногда начало эксперимента, вначале были для меня загадочны и ничего не объясняли. Намного позже, перечитывая сочинения Кастанеды, я нашел подобное описание странных ревоподобных звуков - так воспринимал Карлос включение второго внимания или приближение "союзника".

Я не стану останавливаться на подробностях своих экспериментов по двум причинам: во-первых, никто не свидетельствовал их и не фиксировал, никто нс производил научной верификации, а во-вторых - это лишь пробные шаги, сделанные наощупь, крайне обрывочные и, возможно, бессмысленные фрагменты
- причудливая галька, подобранная на берегу бесконечных морей нагуаля.

Но я знаю: мы не одиноки, и в моих архивах хранятся отчеты об опытах, подтверждающих практическую ценность основных дон-хуановских методик. Нагуаль повсюду - где же скрыться от безмолвного грохота его вселенной? Спасибо, что для нас с вами проложили тропинку через ближайший бурелом... А дальше?

Не так уж далеко ведет тропинка, по которой прошел Карлос Кастанеда со своим "магическим консультантом". Как небрежный возмутитель царственного покоя, он только и успел, что перешагнуть границы заповедника: а за нею нехоженая тропа,

авантюристическая эпопея, никем не тронутая, древняя, чреватая чудесами. Заслуженному теоретику, с известной долей презрения скрывающему железный лоб в интеллектуальной нумизматике аптекарских исчислений, здесь бы и онеметь в брезгливом жесте: растление, фикция, конъюнктура... В общем-то мы писали не для них - певцов будних дней и хулителей эфемерности. Но и не для тех, что рады запьянеть от сладковатого сока сорной травы на романтичных пустырях и затушевать таким способом непоправимый, но упоительный недуг цивилизации. "Своемудрые" эпигоны - воздыхатели Блаватской, Елены Рерих и Махариши Махеша - уже вознегодовали: стой, смиренный путник! Впереди - безбожная топь и вечные сумерки злых идолов-лиходеев! Где обещанные буколики в кущах небесных, где лирические восторги истосковавшегося по слиянию с нами Божества? Мы не в претензии: каждый имеет право сойти в могилу убежденным солипсистом, христианином, в неразложимый свет Сат-Чит-Ананды, в нудьгу кромешного небытия материализма, скукожиться в эмбрион для следующих, не менее увлекательных, инкарнаций...

Мы просто показали вам, что на этой трагической колее, помимо воспарения в радостное ничто и удобрения сельского хозяйства, есть некое распутье, сбоина, "щель между мирами". А за нею - тропа, по которой уходят воины и маги.

О них не сложить эпитафий - их путь все еще длится, их день не утомляется вечным светом, но они - не боги. Быть может, они разведчики, посланцы, исследователи - одиночки, агенты рефлексирующего сознания, лазутчики вконец отчаявшегося тоналя? Они как те вещи в древнебуддистской сутре - "ни совершенны, ни несовершенны, ни порочны, ни непорочны". Они есть. Или только были?

Порою кажется, что туда - в непроглядный хаос неизведанных миров - идут только нищие, обездоленные и одинокие. Что это - их туманные низовья, их душевный недуг, их галлюцинаторная авантюра? Их бред или их спасение? Ведические риши рассказывали, что немногие, возлюбив вечность, оставив тело, уходили не на Луну, которая возвращает к новому рождению в прахе, а прямо на Солнце - там они превращались в молнии и улетали скитаться по любимой ими беспредельности.

Воин выбирает свободу. А воина выбирает сила. Манящие просторы энергетических полей своими светящимися нитями "нащупывают" формы, в которых жизнь с особой силой готова "резонировать" Непостижимому, позабыв и отчий кров и маленькую свою родину.

"Избрать тебя было решением силы. Никто не может изменить планов силы. Теперь, когда ты выбран, ты уже ничего не сможешь сделать, чтобы остановить выполнение этого плана.

- Но ты сам говорил мне, дон Хуан, что всегда можно потерпеть поражение.

- Это верно. Каждый может потерпеть поражение. Но я думаю, ты имеешь в виду что-то другое. Ты хочешь иметь свободу потерпеть поражение и закончить все на своих собственных условиях. Слишком поздно. Воин находится в руках силы, и его единственная свобода заключается в том, чтобы вести безупречную жизнь. Нет никакого способа разыграть победу или поражение. Твой рассудок, для того, чтобы отказаться от целостности самого себя, может захотеть, чтобы ты проиграл битву и упал, но есть контрмера, которая не позволит тебе провозгласить ложную победу или ложное поражение. Если ты думаешь, что можешь отступить в гавань поражения, то ты не в своем уме. Твое тело будет стоять на страже и не позволит тебе пойти этим путем." (IV, 60)

Как это ни парадоксально, но воин - это "раб" силы. Правда, противоречие разрешается легко: ведь сила, намерение, воля и есть сокровенная сердцевина его существа, подлинное сердце "мага", которое не позволит ему вернуться в душную конуру, где впереди - только скука и смерть. ("Я принес тебе свободу.") Как далека эта живая,

деятельная свобода, зовущая и беспредельная игра ничем не ограниченного сознания, от апатичной свободы философов, которая в своей предельной абстрактности свободна даже от самой себя: экстремум качества, свобода от свободы - абсурд метафизического умствования.

И только одного-единственного намерения не достает нам, чтобы настежь распахнуть одичавшее сердце, одного шага, одной всепреображающей мысли. Оставьте в покое инструкторов и учителей - как бы то ни было, услышит только "имеющий уши". Простимся же с доном Хуаном, приняв напоследок напутствие всем грядущим исследователям Реальности:

"Наши трудности на этом простом пути,- сказал он,- вызваны нежеланием большинства из нас принять тот факт, что на самом деле требуется так мало, чтобы идти по нему. Мы ожидаем инструкций, обучения, проводников, учителей, и когда нам говорят, что никто из них нам не нужен, мы не верим этому. Мы становимся нервными, затем теряем веру и под конец сердимся и разочаровываемся. Реальная же помощь, которая нам действительно нужна, заключается не в методах, а в правильном указании. Если кто-нибудь дает нам возможность осознать, что необходимо освободиться от чувства собственной важности,- это и есть реальная помощь.

Маги говорят, что мы не нуждаемся ни в чьих убеждениях в том, что мир бесконечно сложнее, чем наши самые необузданные фантазии. _Так почему же мы так зависимы? Почему мы так страстно желаем найти себе проводника, когда все можно сделать самому? Вот ведь вопрос, а?" (VIII, 155)